

Г. А. Черемисинов

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ:

“УЗОРЫ” НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

(20-е годы - начало 30-х годов XX века)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
ГЛАВА I. Новые реальности и экономическая политика	4
ГЛАВА II. хозяйственный расчет или стратегические маневры государственного сектора	10
ГЛАВА III. Денежная реформа	35
ГЛАВА IV. Директива об индустриализации страны	70
ГЛАВА V. Становление парадигмы директивно-планового хозяйствования ...	147
ГЛАВА VI. Задача преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы	201
ГЛАВА VII. Преодоление нэпа	248
Вместо послесловия: конъюнктурные циклы нэпа	300
Примечания	307

**Министерство образования Российской Федерации
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского**

Г.А. Черемисинов

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ:
“УЗОРЫ” НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
(20-е годы – начало 30-х годов XX века)**

**Издательство Саратовского университета
2002**

УДК 334.012.23 (470) (09)

ББК 65.9(2) 09-03
Ч 46

Рецензенты:

Доктор экономических наук, профессор Ю.И. Коробов,
Доктор экономических наук, профессор Г.А. Семенова

Черемисинов Г.А

Ч 46 Государственное предпринимательство в отечественной экономике: “узоры”
новой экономической политики (20-е годы – начало 30-х годов XX века). Саратов:
Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 323 с.
ISBN 5-292-02763-4

В книге рассматривается “новая экономическая политика” советского государства как важнейший фактор восстановления и реконструкции разрушенного двумя войнами и революциями отечественного хозяйства. Прослеживаются закономерности воссоздания смешанной экономики с развитым рыночным механизмом регулирования и преобразования ее в казенно-кооперативное хозяйство с директивно-плановой системой управления. Излагаются методологические аспекты исследования и теория государственного предпринимательства.

Для преподавателей, научных работников, аспирантов, студентов и всех, интересующихся теорией и историей отечественной экономики.

УДК 334.012.23 (470) (09)
ББК 65.9(2) 09-03

ISBN 5-292-02763-4

© Черемисинов Г.А., 2002

© Издательство Саратовского университета, 2002

Научное издание

Черемисинов Георгий Александрович

**Государственное предпринимательство
в отечественной экономике:
“узоры” новой экономической политики
(20-е годы – начало 30-х годов XX века)**

Редактор *Е.А. Малютина*
Компьютерная верстка *Г.А. Черемисинова*

Подписано в печать 08.04.2002. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага типографская №1.
Гарнитура Times. Печать RISO. Усл.-печ. л. 28,8. Уч.-изд. л. 32,0.
Тираж 300 экз. Заказ 15.

Издательство Саратовского университета.
410026, Саратов, Астраханская, 83.

Предисловие

Современные реформы, проводимые в России с конца 80-х гг., часто сравнивают с периодом осуществления “новой экономической политики” (“нэпа”) в 20-е годы XX века. Такое сопоставление привлекает повышенное внимание к событиям восьмидесятилетней давности. Изучение и критическое переосмысление опыта прошлого дают ключ к пониманию многих нынешних проблем.

Вызывает интерес направленность нэпа на воссоздание рыночных механизмов регулирования российской экономики: кредитно-банковской системы, сбалансированного государственного бюджета, устойчивой национальной валюты, гибкого ценообразования, частной инициативы предпринимателей, коммерческой ориентации предприятий госсектора и т.д.

Нэп - это процесс восстановления разрушенной двумя войнами и социальными революциями отечественной экономики. Знание логики и последовательности мероприятий новой экономической политики может пригодиться в нынешнее время, когда страна начинает выкарабкиваться из глубочайшего кризиса и надо заниматься реконструкцией развалившегося хозяйства.

Само название исторического периода - новая экономическая политика - говорит о том, что решающую роль в хозяйственном развитии страны играло государство. Именно государственная хозяйственная, предпринимательская деятельность задавала темпы и направленность изменений в социально-экономической жизни народа.

Советская власть была инициатором и проводником нэпа. Она же оказалась силой, свернувшей страну с пути осуществления рыночных реформ на дорогу создания директивно-планового хозяйства, в котором не нашлось места частному капиталу и частным предприятиям. С этой точки зрения, наш исторический опыт имеет научную ценность. Он показывает, при каких условиях происходило вырождение нормальной, многоукладной рыночной экономики в единое казенно-кооперативное хозяйство с примитивными механизмами регулирования.

Настоящая книга продолжает исследование государственного предпринимательства в российском хозяйстве, начатое автором в монографии “Государственное предпринимательство в отечественной экономике: предыстория хозяйственного расчета” (Саратов, 1995).

ГЛАВА I. Новые реальности и экономическая политика

Начавшееся в 1917 году революционное брожение ввергло Россию в глубочайший кризис, самым ярким и ужасающим знаменем которого стала гражданская война. Кровопролитные бои между непримиримыми соотечественниками довершали, делали необратимым развал всех устоев великой державы: политических, экономических, социальных, культурных. Есть горький привкус истины в рассуждениях Ф. Броделя о тенденциях развития подобных, чрезвычайных исторических процессов. По его мнению, когда рвутся узы вековых традиций, то “такой разрыв представляется как результат накопления случайностей, нарушений, искажений”¹. Кризис намечает начало распада старой структуры, но рождение и утверждение новой системы происходит “со многими отсрочками и промедлениями”, поскольку даже революции не могут полностью отказаться от прошлого.

За пережитые в 1914 - 1920 гг. две войны Россия заплатила непомерную цену всепоражающей национальной деградации. Экономика откатилась назад к “допотопным” временам безденежного, бартерного обмена продуктами. Рука об руку с натурализацией шло всеобщее огосударствление хозяйства. Из социальной иерархии были вырваны наиболее образованные, культурные и самостоятельные сословия интеллигенции, предпринимателей и частных собственников. Опустевшие привилегированные места занимали государственные выдвиженцы - чиновники и рядовые служащие. Обнищание самых широких слоев населения сочеталось с ускоренной передачей накопленного национального богатства в казенную собственность. К политическому руководству страной с помощью военной силы пришла партия большевиков и установила от имени пролетариата диктатуру, несовместимую с полной реализацией гражданских свобод.

Такой ход событий в итоге оказался закономерным. В кризисной ситуации власть захватило и удержало правительство, заставившее повиноваться себе народ, сумевшее увеличивать в случае нужды фискальные тяготы (денежные налоги и натуральные повинности), обеспечившее жизнедеятельность милитаризованной экономики, способное навязать свою волю, не останавливаясь перед применением насилия.

В период революционных потрясений Совету народных комиссаров (СНК) под председательством В.И. Ульянова-Ленина принесла успех политика “военного коммунизма”, превратившая в зону централизованного административного управления практически всю российскую экономику. Окончание же гражданской войны благоприятствовало противоположной направленности - ограничению предпринимательства за казенный счет, провозглашению новой экономической политики - “нэпа”. Стало быть, и после замены самодержавия иной структурой политической власти государство по-прежнему оставалось вдохновителем и организатором хозяйственных преобразований.

Чередование периодов длительных спадов и мощных подъемов в отечественной экономической истории XX века совпадало с изгибами в тенденциях казенного хозяйствования, и на то были причины. С одной стороны, государство уступало натиску объективно складывавшихся условий, приспосабливалось к устойчивым переменам конъюнктуры². С другой стороны, социально-экономическая политика правительства оказывала прямое влияние на пульсацию хозяйственной жизни страны, определяла размах и частоту конъюнктурных колебаний. Кроме того, высшие круги бюрократии в собственных интересах законодательно перекраивали систему рыночных учреждений, формы общественного устройства и изменяли “правила игры” - правовые нормы и обычаи в экономике.

Государство ощущало себя самым сильным субъектом хозяйствования, от поведения которого в нашей экономике зависело почти все. Государственное предпринимательство было своеобразным “перекрестком” политики, экономики и продвижений по “социальной лестнице распределения” занимаемых должностей, доходов, распорядительных полномочий и т.п. Поэтому всякий раз коренное обновление правительственной программы намечало переломы в долгосрочных тенденциях конъюнктуры. Эти административные новшества занимали видное место среди условий перехода от одной многолетней фазы циклического развития экономики к другой. Реформации выполняли функцию “стрелок”, переводивших народное хозяйство с “пути” повышательной волны конъюнктуры на “путь” понижательной волны и наоборот.

На крутых поворотах истории советской власти удавалось контролировать процессы социальных преобразований. Умело маневрируя, она сдерживала недовольство или подавляла сопротивление тех слоев населения, чьи интересы ущемлялись. Новая экономическая политика - наглядное тому свидетельство.

* * *

Последние залпы гражданской войны предрешили судьбу военно-коммунистической системы хозяйства. Неотвратимость перестройки ее структур, которые выматывали производительные силы страны, уже не вызвала сомнений. Неясным оставался вопрос о сроках начала и способах возрождения разрушенной экономики. Решающим событием оказался плохой сбор хлеба в 1920 году, ставший следствием неурожая и военно-потребительского отношения советской власти к народному хозяйству. Он вызвал лютый голод, бескормицу, падеж скота, серьезно затруднил восстановление транспорта и промышленности, ускорил наступление перелома в экономической политике. Переход от военного коммунизма к иной, более сложной организации хозяйства одобрил в марте 1921 года X съезд РКП(б), отказавшись от государственной хлебной монополии, заменив продовольственную разверстку продовольственным налогом.

Чтобы разъяснить необходимость резкой смены правительственного курса, В.И. Ленин вскоре после съезда написал брошюру “О продовольственном налоге”. Знакомство с этой теоретической работой необычайно интересно. Оно помогает понять логику нэпа в авторском изложении. Руководитель советского государства, прежде всего, приглашал “взглянуть на общий, коренной фон той картины, на которой теперь мы чертим узор определенных практических мероприятий политики данного дня”³. Широкий взгляд на историческое развитие России позволял без боязни плести богатые оттенками “узоры” новой экономической политики.

Ленин возвратился к своим мыслям о социальном и хозяйственном устройстве страны, высказанным в дни мирной передышки весной 1918 года. Дух войны “кто - кого?” и подобающее ему черно-белое, или точнее “красно-белое”, плоское мировоззрение уступили место идеологии компромиссов и разноцветному, объемному видению окружающей действительности.

Рисуя близкую к реальности картину (теоретическую модель) “великой” и “пестрой” державы, В.И. Ленин выделял пять “общественно-экономических укладов”, “систем” или “экономических порядков”: во-первых, патриархальное, в значительной степени натуральное хозяйство, когда крестьянин работал сам на себя;⁴ во-вторых, мелкое товарное производство, сбывающее продукты на рынке; в-третьих, частнохозяйственный капитализм, движимый личной инициативой и накоплениями предпринимателей, привлечением наемной рабочей силы; в-четвертых, государственный капитализм, который возник в результате сращивания крупных монополий с государственной властью. В последнем случае оборот частного капитала вынужден был подчиняться централизованному контролю органов хозяйственного управления, получая от них взамен различные привилегии. Наконец социализм, т.е. казенная собственность на факторы производства и средства обращения, - полная монополия государства на предпринимательскую деятельность⁵.

Перечисленные “снизу доверху” уклады представляют общество в виде составных частей пирамиды, накладывающихся друг на друга, или воссоздают образ “ступенек исторической лестницы”. Поэтому В.И. Ленин рассматривал общественное устройство двояко: как моментное состояние в определенный промежуток времени - нечто вроде портрета или фотографии и как процесс прогрессивного развития - смену низших социальных форм высшими.

Одновременное сосуществование различных социально-экономических систем говорит об их относительной самостоятельности и взаимной обусловленности. Каждый уклад имеет свои специфические механизмы (способы, методы) хозяйствования, из которых складывается целостный механизм самонастройки (регулирования) всей национальной экономики.

Так, домашнее хозяйство не является производителем продуктов для обмена и связано с товарным обращением через потребительский спрос, налоговые и трансфертные (возвратные) платежи, сбережение и инвестирование (вложение) личных доходов. По существу, это - внерыночная часть общества. “Классический” рынок начинается с мелкотоварного уклада и наибольшего распространения достигает в частнокапиталистической среде. Регуляторами рыноч-

ных отношений служат свободная конкуренция, колебания спроса и предложения товаров, динамика цен, прибыли, процентных ставок, доходов и занятости.

Трудно предсказуемые изменения конъюнктуры вольного рынка не типичны для крупных предприятий. Их система управления включает элементы прогнозирования и планирования хозяйственной деятельности, контролируемую (несовершенную, олигопольную) конкуренцию, формирование уровней цен и заработной платы, расчеты прибыли, объемов производства и сбыта изделий. Солидные финансово-кредитные учреждения проводят свою процентную политику.

В государственном хозяйстве царит почти полная противоположность рыночной стихии. Практически отсутствует конкуренция между казенными предприятиями и учреждениями. Ощущается неистребимое стремление к монополизации и бюрократизации экономики. Жесткая и зачастую мелочная регламентация вкупе с огромными ресурсами обеспечивает некоторую стабильность государственного предпринимательства, но отнимает у него гибкость и мешает быстро приспосабливаться к нововведениям.

Между укладами выстраивается последовательная соподчиненность - иерархия, так как по мере укрупнения хозяйствующих субъектов растет их мощь, расширяется влияние на общественную жизнь. Чем солиднее предприниматель, тем легче ему получить кредит, научно-техническую и коммерческую информацию, пополнить материальные ресурсы, привлечь квалифицированные кадры. К экономическому господству добавляется политическое, ибо хорошо известно, что власть накапливается, как и деньги. Мелкие хозяева охватываются, контролируются и используются верхними звеньями экономики в интересах крупного капитала. Венчает пирамиду государство, которое опирается на самый сильный, передовой уклад.

Строго иерархическое расположение различных социально-экономических систем, по мысли В.И. Ленина, повторяло историю их возникновения. Очередной новый уклад появлялся на свет в виде “надстройки” над основаниями прежних укладов. Из мелкотоварного производства выделились частнокапиталистические заведения “средней руки”, а затем над ними сформировались союзы предпринимателей монопольного типа. На последней ступени исторической лестницы, возвышаясь над государственно-монополистическими объединениями, разместился государственный сектор.

“Ленинская” теоретическая модель верно схватывала объективные тенденции развития России во второй половине XIX в. - начале XX в.: углубление общественного разделения труда, накопление, концентрацию и централизацию капитала, перемены в хозяйственном механизме страны. В те годы основная масса крестьянских хозяйств от состояния самодостаточности перешла к работе на рынок. Бурная индустриализация дала простор деловой энергии капиталистов, учреждению множества предприятий, в том числе громадных фабрик и заводов. Невиданный уровень специализации и внушительные размеры промышленного производства подталкивали к образованию всякого рода монополий в торговле и финансовой сфере. Как само собою разумеющееся воспринималось на рубеже столетий усиление роли государства, которое было “душой” длительного хозяйственного подъема.

Качественные сдвиги в отраслевой структуре показывали относительное уменьшение доли старых укладов и победное шествие утвердившихся позднее. Однако В.И. Ленин абсолютизировал преобладавшие тенденции и однозначно представлял историческую перспективу, считая, что казенный сектор неизбежно вытеснит или заменит остальные социально-экономические системы. Он выводил необходимость огосударствления хозяйства из концентрации финансового капитала и допускал возможность сосредоточения всех жизненно важных производств на крупнейших предприятиях. По его мнению, непременно должна была произойти ликвидация мелкого бизнеса, а управление народным хозяйством будет осуществляться единым центром, т.е. государством.

Доказывая надежность своего прогноза, автор ссылаясь на опыт первой мировой войны, когда правительства ведущих европейских стран поставили под прямой контроль бюрократии национальные экономики. В огосударствлении российского хозяйства он видел не чрезвычайное явление мобилизации ресурсов, вызванное боевой обстановкой, а закономерный процесс становления нового общественного строя - социализма. Такая идеологическая заряженность пролетарской диктатуры побуждала ее к максимальному расширению и укреплению позиций социалистического (казенного) уклада в отечественной экономике.

Справедливости ради надо заметить, что степень государственного вмешательства в экономику в 1914 - 1918 гг. в разных странах была далеко не одинаковой. Ограничительные меры английского парламента, изменившие условия конкуренции частного предпринимательства, едва ли сопоставимы с преобразованиями экономики Германии, которая превратилась в один милитаристский лагерь с централизованно планируемым промышленным производством. Но тотальная экспансия государства в России “времен гражданской” перещеголяла все западные образцы.

Прослеживалась своеобразная закономерность: чем сильнее война разрушала национальную экономику, тем настойчивее в нее вторгалась официальная власть. Поэтому сплошное огосударствление было признаком крайнего упадка, ненормальным состоянием хозяйства, а отнюдь не поступательным движением в светлое будущее.

Заслуживает внимания оценка военно-коммунистических процессов, данная А.А. Богдановым. Согласно ей, внедрение в капитализм “осадно-коммунистических форм” определялось двумя моментами: хозяйственной катастрофой и всеобщей мобилизацией. Готовые образцы для “распределительного” и “потребительского” коммунизма давала гигантски разросшаяся армия, ибо она по самой своей природе есть “потребительская коммуна”.

“С развитием войны, - говорил А.А. Богданов, - принципы пайка и казармы распространялись на все большую часть населения; следом за ними шло регулирование цен и сбыта, затем монополизация продуктов и регулирование производства. В странах прочного, богатого ресурсами капитализма дело дальше не заходило, принципы капитализма не подрывались до конца, внедрение коммунистических поправок шло под руководством самой буржуазии, получался “государственный капитализм” военно-германского типа. Отсталую Россию война на истощение довела до распада капиталистической промышленности; ее буржуазия, по малой культурности, не умела и не хотела проводить необходимое регулирование; коммунизацию принуждена была взять в свои руки сама армия, в своей массе - представительница деревенской и городской бедноты, под руководством пролетариата; им пришлось это сделать в борьбе с буржуазией, деловое и политическое банкротство которой повлекло за собой национализации, муниципализации и т.п., к чему вела и революционная, и собственно военная необходимость гражданской войны. Получалась “советская” форма коммунизма в сочетании с остатками - преимущественно торговыми - разложившегося капитализма”⁶.

И все-таки, уникальный “советский” тип организации хозяйства имел шанс продолжить существование, ибо не рассыпался от социальных потрясений и принес большевикам победу в революционных баталиях. Он наследовал традиции самодержавного попечительства над отечественными промыслами и ремеслами. Более того, исконная русская государственность, уходящая корнями в глубь веков, окрепла, изменилась качественно после учреждения органов централизованного управления народным хозяйством и национализации решающих условий производства: земли, банков, промышленных предприятий, железнодорожного, водного транспорта.

Превосходство казенного сектора связывалось с предпринимательством в технически передовых отраслях промышленности. Но современная тяжелая индустрия пострадала более всего в годы войны. Жесточайший экономический кризис отбросил страну на несколько десятилетий назад. История сделала зигзаг, заставив Россию еще раз подниматься снизу вверх по лестнице укладов, отталкиваясь от обедневших крестьянских усадеб.

В.И. Ленин точно оценил порядок преодоления последствий разрухи: “Нужда и разорение таковы, что восстановить сразу крупное, фабричное, государственное, социалистическое производство мы не можем. Для этого нужны крупные запасы хлеба и топлива в центрах крупной промышленности, нужна замена изношенных машин новыми... Значит, необходимо в известной мере помогать восстановлению мелкой промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, - которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы”⁷.

В этих условиях Совнарком вынужден был приостановить “кавалерийскую атаку” на частный капитал, смириться с его активизацией и даже сдать ряд позиций. Замысел нэпа заключался в организованном “стратегическом отступлении”⁸, позволявшем сдерживать натиск мелко-

буржуазной стихии. Политические маневры требовали напряженных усилий, так как экономика практически потеряла управляемость из-за натурализации и разрыва хозяйственных связей.

В критической ситуации руководство советской республики не выпустило “бразды правления” из своих рук, воспользовавшись иерархичностью многоукладного общества. В.И. Ленин убеждал оппонентов: “Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм ... как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство ... повышения производительных сил”⁹.

Чтобы государство могло смело командовать всем обществом, надлежало полностью восстановить цепочку промежуточных звеньев от домашней экономики до казенного предпринимательства, “дорисовать” недостающие “детали политико-экономической мозаики”. Единое управление народным хозяйством облегчалось использованием посредников, их последовательной сочлененностью. Каждый верхний уклад господствовал в виде надстройки над нижним основанием, диктовал свои ограничения, связывал в единую сеть уже сложившиеся, менее развитые социальные системы.

Иной способ - прямое централизованное руководство всеми хозяйствующими субъектами - был опробован и отвергнут как “глупая и самоубийственная политика”, которая спровоцировала вооруженные выступления крестьян и Кронштадтский мятеж. Отсутствие товарообмена между городом и деревней, распыленность мелких производителей плодили бюрократизм, расползавшийся буквально “на дрожжах”. Сугубо государственное регулирование экономики при таком положении вещей было бы заведомо не эффективным.

С необходимостью радикальных экономических перемен в те годы столкнулась не одна Россия, но практически все страны - участницы первой мировой войны. На эту схожесть обстоятельств указывали многие наши экономисты. В частности, А.А. Богданов говорил о том, что “буржуазные организаторы” вынуждены решать задачу “преодоления военного коммунизма” в государствах Европы. “Военная диктатура, - по словам А.А. Богданова, - со свойственными ей грубыми ограничениями свободы сношений, передвижений, частной инициативы, с ее топорным бюрократизмом, сохраняясь по окончании войны, была ... немаловажным препятствием на пути восстановительных процессов”¹⁰. Объективная логика реконструкции разрушенного хозяйства заставляла советское руководство так же, как и его западных соседей, смягчать режим политической диктатуры, проводить демобилизацию армии и экономики.

Досадуя на неразлучного спутника административного вмешательства в экономику - бюрократизм, лидер правящей партии, тем не менее, искал кратчайший путь к социализации отечественного хозяйства. Он размышлял по поводу перевода всякой частной инициативы под контроль диктатуры пролетариата: “Весь вопрос ... состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм”¹¹. Поэтому звучал призыв усиливать “государственно-упорядоченные экономические отношения в противовес мелкобуржуазно-анархическим”.

В качестве примера разбирались четыре случая “насаждения” государственного капитализма. Во-первых, концессии на разработку крупных промыслов, рудников, лесных участков. Во-вторых, кооперация мелких производителей, которая упрощает учет, надзор, “облегчает объединение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство ... гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму”¹². В-третьих, привлечение торгового капиталиста на условиях уплаты комиссионных процентов за продажу казенных продуктов и скупку товаров мелких хозяев. В-четвертых, сдача в аренду частникам объектов государственной собственности.

Тенденция к расширению государственно-капиталистических начал пролагала дорогу не только со стороны частнохозяйственных укладов, но и со стороны казенного сектора. Национализированным предприятиям предстояло приспособляться к воскресавшей рыночной среде и осваивать элементы коммерческого подхода к организации своей деятельности. Поэтому госу-

дарственное предпринимательство готовилось к жесткой конкуренции в многоукладной, товарно-денежной экономике.

О предпосылках существования административно-хозяйственной системы В.И. Ленин писал еще в 1917 г., опираясь на опыт Временного правительства: "...государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет"¹³.

Государство может управлять предприятиями, произвольно учитывая потребности любых сословий и слоев населения: промышленников, крестьян, владельцев недвижимости, наемных работников, малоимущих и слабо защищенных социальных групп и т.д. Однако вождь российских большевиков заострял ситуацию до крайности, заявляя, что государственная монополия обслуживает либо интересы эксплуататорских классов ("помещиков и капиталистов"), либо печется обо всем обществе. Тут, по его мнению, середины нет. Посему, "социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа"¹⁴. В разговоре о социальной структуре он забыл упомянуть влиятельный слой чиновников и служащих, которые всегда использовали казенную монополию в соответствии с собственными соображениями.

Но в ленинских рассуждениях истинно то, что высокий уровень концентрации капитала заставляет "предержащие власти" выбирать: или на благо большинства жителей страны устранить искусственные ограничения конкуренции; или потакать крупнейшим хозяйственным единицам в получении и присвоении чрезмерных доходов от доминирующего положения на рынке; или объявлять монополии зоной казенного предпринимательства, передавать их в распоряжение государства, ублажая и размножая прослойку хозяйственной бюрократии. Совнарком предпочел последний, третий вариант развития событий.

Новая экономическая политика планировалась как стратегические маневры. Она изначально имела в виду возрождение былой мощи государственно-монополистических структур, создание условий перехода к единоукладному, казенному хозяйству. Но к желаемому результату вел иной, окольный путь - поощрение частнокапиталистического и мелкотоварного производства.

Заложенное в концепцию нэпа противоречие между целью и средствами ее достижения предопределило борьбу противоположных тенденций в нашей экономике, а также периодическую смену расстановки социальных сил в стране. Восстановление прежней производительности многоукладного хозяйства России должно было препятствовать его огосударствлению. Но коль скоро правительство намеревалось идти против личной инициативы большинства населения, то ему надлежало лавировать между интересами различных слоев общества. Следовательно, политико-экономическая линия "пролетарской" партии обещала быть не прямой, а узорчато-ломаной как плавание под парусом навстречу ветру.

ГЛАВА II. Хозяйственный расчет или стратегические маневры государственного сектора

После семи лет войны разрушенная экономика России представляла собой огромное полунатуральное хозяйство. Единый всероссийский рынок распался на куски мелких региональных рынков. Оптовая торговля отсутствовала. Розничная торговля выродилась в натуральный обмен продуктами. Лишь малая часть товаров реализовывалась за стремительно обесценивавшиеся деньги (“совзнаки”) на нелегальных, “черных” рынках. Оборот наличных денег, несмотря на инфляцию, поддерживал слабеющие связи между государственным и частным секторами.

В результате национализации в руках государства оказалось большинство крупных и средних промышленных предприятий. Их функционирование обеспечивали прямые бесплатные поставки продукции и ресурсов, размеры которых сокращались. На земле, объявленной казенной собственностью и поделенной на мелкие надель, трудились миллионы крестьянских семей. Крестьянские домашние хозяйства жили почти на самообеспечении, перерабатывая и потребляя свои продукты. Все меньше сельхозпродукции обменивалось на промтовары.

Безналичного денежного обращения и кредита не существовало так же, как и нормальной финансовой системы. Государство от денежных налогов отказалось и перешло к натуральным повинностям - трудовым, гужевым и пр. Работники казенных заводов и фабрик получали за свой труд пайки, состоящие в основном из продуктов питания, изъятых в деревне с помощью продовольственной разверстки. Частично труд государственных рабочих и служащих оплачивался “совзнаками”, позволявшими покупать необходимые потребительские товары на “черных” рынках.

Углублявшийся социально-экономический кризис качественно изменил российское хозяйство, превратил его в административно управляемую экономику, лишенную практически всех современных рыночных механизмов регулирования. В таких условиях началось осуществление новой экономической политики. Темпы и направленность развития российской экономики с самого начала нэпа задавались переменами в административно-хозяйственном управлении. Инициатива преобразований, как и в недавней российской истории, исходила из правительственных кругов. Партия большевиков воспользовалась традиционными и хорошо известными средствами государственного предпринимательства.

* * *

Непосредственное участие государственной власти в хозяйственной жизни страны всегда связано с использованием имеющейся казенной собственности и источников ее пополнения. К государственному предпринимательству относят казенное производство, торговые монополии, займы и субсидии, поступление и расходование средств бюджета.

Экономические функции государства многообразны. Прежде всего, властные структуры присваивают на основании публичного права часть доходов населения в виде налогов, пошлин, сборов и других повинностей. Это - безвозмездное, неэквивалентное, законное присвоение казенной определенной доли общественного продукта. Средства, собранные путем простого изъятия части народного (национального) дохода, могут использоваться для такого же безвозвратного расходования (вложения).

Кроме того, государство выступает субъектом обычных, “нормальных” рыночных отношений. Государственные учреждения в различных отраслях народного хозяйства - промышленности, торговле, связи, транспорте и т.д. - действуют как производители и продавцы своей продукции, как покупатели чужих товаров. Административно-хозяйственная система предстает в роли заемщика на кредитном рынке, когда берет в долг денежные средства у частных лиц и организаций. Казначейство рассчитывается по своим обязательствам аналогично другим должникам, например, уплачивает процент по облигациям государственных займов. Рыночные, коммерческие отношения предполагают эквивалентный, т.е. равный (на основе гражданского права) товарно-денежный обмен, оплату приобретаемых благ и услуг.

Между двумя указанными крайностями располагается целый спектр хозяйственных отношений государства по привлечению и использованию средств, с различной степенью эквива-

лентности (возмездности). С хозяйственной деятельностью переплетаются функции государственного управления: организация кредитно-денежного обращения, законодательное установление налоговых платежей и сборов, регулирование режима внешнеэкономических связей, регламентирование цен, тарифов, условий найма рабочей силы и т.п.

Объединяющей основой государственного предпринимательства служит фиск (fiscus, латинское - государственная казна), где сосредоточивается крупнейший денежный фонд страны - бюджет. Экономическая мощь государственной власти определяется размерами тех финансовых (financia, латинское - наличность, доход) средств, которыми она распоряжается. Чем внушительнее величина доходов, стекающихся в бюджет, тем больше ресурсов распределяют по своему усмотрению чиновники всех уровней сверху донизу, тем больше зависимость общества от управленческой бюрократии. Постоянному пополнению доходов казначейства подчинена не только хозяйственная деятельность предприятий и учреждений, находящихся в государственной собственности, но и социально-экономическая политика правительства.

Финансы - это самый важный механизм централизованного регулирования экономики. От состояния бюджета, соотношения его поступлений и расходов, зависит функционирование народного хозяйства. В свою очередь фискальная нагрузка, т.е. объем повинностей населения в пользу государства (налогов, платежей и пр.), обуславливается конъюнктурой национальной экономики. Хозяйственный подъем увеличивает доходы людей, организаций и их платежи в казну. Кризисные спады сопровождаются противоположными тенденциями.

Серьезные перемены в бюджетной сфере, как правило, дают старт фундаментальным преобразованиям в остальных хозяйственных сферах. Так было и во времена нэпа, который начался с пересмотра чрезвычайной, подчиненной военным нуждам налоговой системы. Завершение гражданской войны избавило правительство от многих расточительных расходов и позволило облегчить бремя натуральных и денежных повинностей населения, устранить фискальную перегрузку хозяйства, при которой количество изымаемых государством ценностей превышало их создание, а производительные силы страны доводились до изнеможения.

Первой испытала смягчение податного обложения деревня. В марте 1921 г. вместо продовольственной разверстки, подчистую выметавшей остатки сельхозпродукции у крестьян, был введен продовольственный налог. Последняя продовольственная разверстка 1920/21 г. составляла: хлеба - 454 млн. пуд., мяса - 24 млн. пуд., масла - 33 млн. пуд., картофеля - 117 млн. пуд., масличных семян - 29 млн. пуд., яиц - около 500 млн. шт., сена - 50 млн. пуд.; или в пересчете на "довоенные" деньги - 650 млн. рублей золотом. Натуральный налог на 1921/22 г. предусматривался в сумме 370 млн. руб.¹, т.е. на 43% меньше прошлогоднего сбора. Из-за неурожая он был еще понижен. Так, заготовки зерна с 240 млн. пуд. сократились до 162 млн. пуд.² Всего же устанавливалось 18 продуктовых налогов. В 1922/23 г. уплачивался единый натуральный налог, исчисленный в хлебных единицах ржи или пшеницы. Его вносили также и другой продукцией по соответствующим переводным коэффициентам.

Переход к долевым распределением избытков продовольствия означал признание частной собственности крестьян на продукты своего труда. Поначалу это право ограничивалось прямым безденежным обменом "в пределах местного хозяйственного оборота", но постепенно расширялось. С мая 1921 г. поэтапно снимались препятствовавшие движению товаров административные барьеры: "заградительные отряды", запрещение торговли и т.п.

Возобновление рыночных связей подтолкнуло государственное хозяйство к денатурализации и структурным изменениям. Продукты опять становились товарами, и их обращение нуждалось в посредничестве денег. Сперва однако, делались попытки наладить оборот между казенной промышленностью и земледелием без денежного определения цен. Организацией натурального обмена занимались Народный комиссариат продовольствия (Наркомпрод), в фонды которого поступала фабрично-заводская продукция, и система потребительской кооперации (Центросоюз), ведавшая заготовками сельскохозяйственного сырья и продовольствия.

В июне 1921 г. Центросоюз получил от Наркомпрода промышленных товаров - мануфактуры, соли, спичек, керосина, плугов и т.д. - на 15,5 млн. золотых руб. На них предполагалось выменять сельскохозяйственных продуктов на сумму 67,1 млн. руб. золотом. С целью дополнительной заготовки 67 млн. пудов хлеба в условиях плохого урожая фонд промтоваров для деревни в

августе месяце был увеличен на 19 млн. золотых руб. Товарообменные сделки совершались через специальные пункты непосредственно с частными лицами или группами граждан³.

Для установления ценностных, обменных соотношений между всеми видами товаров в центре и на местах были созданы Эквивалентные комиссии из представителей Наркомпрода, Центросоюза и Центрального статистического управления. Меновые пропорции разрабатывались с учетом довоенных или текущих базарных цен и иных соображений. В качестве эквивалентов использовались зерно, соль, мануфактура (ткани, одежда), доски, древесная кора, известь, цемент, керосин и т.д. Внутри каждой ассортиментной группы продуктов применялись показатели взаимного перевода весовых единиц. Например, 100 единиц пшеницы приравнивались к 135 весовым единицам овса, 200 единицам кукурузы, 135 единицам картофеля, 50 единицам говядины, 40 единицам свинины и т.д.⁴

Бартерные сделки демонстрировали все известные по учебникам экономики трудности: разнообразие районных эквивалентов, случайность встречи покупателей и продавцов с соответствующими друг другу запросами, запутанность расчетов при многоходовых комбинациях обмена и пр. Недостаточная гибкость вызывала постоянные отклонения узаконенных меновых пропорций от действительной рыночной ситуации. Товар расхватывался, если был недооценен, и лежал нереализованным в случае завышенной оценки. Кроме того, завоз изделий в губернии редко совпадал с заявками.

Расширение свободного рыночного продуктообмена стихийно возрождало массовую денежную торговлю. Население охотнее покупало и продавало за совзнаки. В такой обстановке потребкооперация - полугосударственная, "социалистическая" организация - не могла конкурировать с частником, который умело принаравливался к подвижному равновесию спроса и предложения, приобретал и отпускал товары на деньги по реальным ценам, значительно меньшим, чем "эквивалентные цены" Наркомпрода.

С весны 1921 г. снабженческие организации хлопотали о разрешении сбывать за деньги залежавшиеся предметы. В июне кооперация, представлявшая "обобщественный" сектор экономики, и частные лица получили право хранить в кассах или на текущих счетах и использовать по собственному усмотрению имевшиеся наличные средства. В августе самостоятельное распоряжение деньгами распространилось и на государственные учреждения. Декрет СНК от 16 августа 1921 г. дал возможность предприятиям, состоявшим на хозяйственном расчете, заказывать и покупать кустарные и ремесленные изделия. 27 октября того же года декрет СНК допустил казенные предприятия на рынок в роли продавцов, а днем раньше были отменены обязательные эквиваленты и непосредственный товарообмен. Завершился первый, полугодовой этап денатурализации хозяйственного оборота.

Подводя итоги истекшему периоду на московской губпартконференции в конце октября 1921 г., В.И. Ленин говорил: "Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля. Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи захлестнет вас! Вот почему мы находимся в положении людей, которые все еще вынуждены отступать, чтобы в дальнейшем перейти наконец в наступление"⁵.

* * *

С началом нэпа резко возросла потребность бюджета в деньгах. Первое время казенные предприятия приходилось наделять материальными и денежными ресурсами, восполнять потери их фондов, поддерживать долгосрочными ссудами. Расходы Наркомфина (Народного комиссариата финансов) множила и социальная политика. Сокращение натурального снабжения обязывало правительство индексировать денежную заработную плату работников госсектора в соответствии с динамикой цен вольного рынка.

Отмена принудительной организации труда заставила хозяйственное руководство заботиться о наращивании его производительности, увязывать вознаграждение тружеников с результатами работы и поднимать уровень денежных выплат. Подорожало и содержание учреждений на сметном (бюджетном) финансировании, поскольку вместо бухгалтерских перечислений понадобились расчеты наличными деньгами по свободным ценам.

Обновление способа хозяйствования в промышленности и усиление напряженности финансов потребовало перестройки бюджетной системы. Поэтому включение социалистического уклада в рыночный товарооборот сопровождалось возвращением к обычным, денежным источникам бюджетных поступлений: налогам, доходам от реализации казенных услуг и продукции. Государственной власти пришлось не только вводить свои предприятия в новую систему хозяйственных отношений, но и брать на себя руководство стихийными социально-экономическими процессами, законодательно и административно направлять их поток в русло программы нэпа.

Принцип платности в государственном хозяйстве утвердила серия законодательных актов и постановлений. В июне 1921 г. был объявлен новый железнодорожный тариф. 1 августа 1921 г. вступил в силу декрет о таксах и тарифах Наркомата почт и телеграфов. С середины сентября того же года устанавливались расценки за пользование водопроводом, канализацией, электроэнергией, городским транспортом, банями и т.д. В дальнейшем последовали декреты о пересмотре постановлений о бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов и предметов массового потребления от 6 сентября 1921 г., о взимании платы за помещения и участки земли, сдаваемые под торгово-промышленные предприятия от 20 октября 1921 г. и т.д.

Постановление ВЦИК от 26 июля 1921 г. положило начало сбору денежных налогов. Оно ввело налог на ненационализированные торговые, промышленные предприятия и личные промыслы с применением наемного труда. В начале 1922 г. обложение было распространено на государственные, кооперативные предприятия и хозяйственные организации, на все личные промыслы. Размеры податных платежей содействовали перераспределению средств в пользу промышленности. Хотя налог состоял из двух сборов - патентного и уравнительного, - ставки его различались незначительно. Льготы предоставлялись кооперации, а утяжеленные платежи легли на торговцев и производителей предметов роскоши.

Вычеты из жалований городских жителей потекли в финансовые фонды с ноября 1922 г. в виде подоходно-поимущественного налога. Ставки налога имели "вилку" от 0,83% до 15% ⁶ и определялись совокупным доходом, записанным в декларациях плательщиков. Заработная плата рабочих и служащих в общую сумму не вносилась; необходимая ее часть удерживалась при выдаче на руки.

Восстановление фискальной системы продолжило российскую традицию непрямого обложения. Ранее, выступая против самодержавия, большевики ругали косвенные налоги за социальную несправедливость, не учитывавшую уровень жизни различных слоев населения. После захвата государственной власти "пролетарская" партия национализировала землю, банки, крупнейшие фабрики и заводы, аннулировала внешние и внутренние займы, экспроприировала состояния богатых людей и добилась практически всеобщего усреднения доходов и имущества граждан.

Но прагматизм посрамил идею равенства. Чиновникам Наркомфина, как и их царским предшественникам, пришлось по душе простота, быстрота и бесконфликтность сбора косвенных налогов. На протяжении 1922 г. были узаконены основные акцизы со спичек, соли, нефтепродуктов, сахара, чая, дрожжей, свечей и т.п. Зона обложения раздвинула свои границы вслед за применением таможенных и иных пошлин, в том числе гербового сбора, настигающего обращение ценностей. Одновременно были введены прямые налоги: общегражданский и денежный. Они заменили трудовую и гужевую повинности, исполнявшиеся до того крестьянами в натуральной форме.

Помимо продовольственного налога в 1922 г. действовало 25 налогов, из коих 5 было прямых, 13 - косвенных и 7 видов пошлин ⁷. Отделение местных бюджетов от общегосударственного повлекло за собой прибавление новых источников казенного дохода "по градам и весям". 25 мая 1922 г. ВЦИК издал постановление о самом большом местном налоге - подворно-денежном. К концу 1922 г. важнейшие налоги были декларированы и построение фискальной системы вчерне закончено. Но налоговое творчество первых двух лет нэпа не дало весомых результатов. Хотя темпы роста денежных поступлений впечатляли, инфляция оставляла от них

жалкие крохи. За первые 9 месяцев 1922 г. денежные налоги не превысили 3% всех доходов государства.

Также невелика была в казне доля средств, полученных от государственных предприятий и имуществ, от коммунальных служб. Несмотря на то, что они перешли к реализации услуг и товаров за плату, уровень их цен, тарифов и ставок при пересчете текущего курса в золотые рубли оказывался ниже довоенного и обрекал предприятия на дефицитность хозяйствования и “проедание” собственных капиталов. Бюджет с января по сентябрь 1922 г. покрывался на 85% за счет натурального продуктового налога и эмиссии денег. За этот период для восполнения бюджетного дефицита было выпущено 90 млрд. “совзначных” руб., золотое содержание которых едва дотягивало до 265 млн. руб.,⁸ т.е. равнялось всего 0,3% номинала.

В условиях “падающей” валюты бюджетное планирование не прекращалось круглый год. Вычисления приходных и расходных статей усложнялись ежемесячно устанавливаемым коэффициентом, по которому покупательная сила совзнака переводилась в твердые рубли 1913 г. Кредитование и реальные расчеты отклонялись от плановых, так как подлаживались под темпы обесценивания денег. Менялась очередность платежей из-за отсутствия резервов казначейства.

И все-таки, финансовое ведомство раз за разом подчиняло своему контролю движение государственных средств, добивалось их рационального использования, готовило предпосылки устойчивого денежного обращения. Если в первом квартале 1922 г. соотношение между доходами от эмиссии, от налогов, от государственных предприятий и имуществ составляло 84,5%, 3,5% и 12,0%, то в последнем, четвертом квартале оно выглядело иначе - 46,3%, 24,4%, 29,3%⁹. Почти двукратное уменьшение доли эмиссионного дохода говорило о появлении стабилизационных тенденций в фискальной сфере.

Прослеживалась взаимозависимость между расширением товарно-торговых связей производителей и освобождением казны от распределения ресурсов с помощью прямого продуктообмена. Согласно прикидкам Л.Н. Юровского, “народное хозяйство, быть может, на четыре пятых еще в 1922 г. оставалось натуральным. Финансовое хозяйство было натуральным по крайней мере наполовину, потому что в основе его продолжал лежать натуральный продовольственный налог”¹⁰.

Даже при сохранении неденежного обложения, замена продрозверстки сдачей заранее известного объема сельхозпродукции вывела налог из системы вольных цен, отгородила безвозмездное присвоение ценностей фиском от рыночного, эквивалентного обмена товаров и денег. Такой шаг, по справедливому мнению В.Д. Кузовкова, “восстановив прежнее разделение между налогом и рыночными ценами, устранил систему указных цен и восстановил свободно-рыночные цены, а тем самым и регулирующее действие рыночного механизма”¹¹.

Вскоре после объявления нэпа качественно улучшилась управляемость российской экономики. Как отмечали очевидцы, “была ликвидирована та перманентная “война за хлеб”, которая была неустранима в течение 5 лет, начиная с 1916 г. Даже в голодном 1921 г., после невиданного истощения, города имели едва ли не больше хлеба, чем в урожайные 1916 - 1917 гг.; при первом же урожае в 1922 г. наступило полное продовольственное благополучие. Расхождение между ценами на хлеб и промышленными ценами, которое, начиная с 1915 г., неизменно было в пользу хлеба, в 1922 г. резко сменилось ножницами [разрывом цен – Г.Ч.] в пользу промышленной продукции. Дешевая распродажа горожанами своих домашних пожитков окончательно прекратилась”¹².

22 февраля 1921 г. было принято Положение о Государственной плановой комиссии (Госплане), как научном планово-экономическом органе в системе централизованного управления советским хозяйством. Но отсутствие опыта работы в условиях многоукладной рыночной экономики сказывалось на результатах плановой, административно-хозяйственной деятельности. По 28 отраслям промышленности план 1922 г. был выполнен в целом на 78,7%, причем по многим отраслям выполнение не превысило 50 %¹³.

* * *

Заменяя натуральные отношения товарно-денежными, советское государство приспособлялось к их механизму, использовало его, навязывало формы, отвечавшие своим интересам. На первых порах оно многое заимствовало из довоенной экономики России, что представлялось впол-

не логичным. Гораздо легче и быстрее воссоздавались уже имевшиеся раньше экономические структуры. Пролетарская диктатура осталась верна курсу императорской власти на усиление роли “государства-хозяина”, сохранив преемственность в развитии страны. Закономерным повторением прошлого выглядело и возвращение казенных, теперь уже “социалистических”, предприятий на рынок в качестве продавцов, ибо в годы царствования последнего русского монарха обильнейшие доходы казна получала от своей производственной и торговой деятельности.

Нэп не изменил российской традиции неизбыточной поддержки крупной промышленности. Известно, что царское правительство различными мерами попечительства, прежде всего солидными государственными заказами, содействовало становлению железодельной, каменноугольной, нефтяной, оборонной и ряду других отраслей промышленности. Политика казенных заказов осуществлялась через механизм единого бюджета, в котором вначале собирались средства со всего народного хозяйства, а затем значительная их доля направлялась в приоритетные сферы индустрии.

Централизованные заявки самодержавия создавали дополнительный спрос на продукцию, выгодный отечественным промышленникам. Конкретные суммы государственных заказов (госзаказов) складывались в итоге компромиссных соглашений между финансовым ведомством, желавшим иметь бюджет подешевле, и предпринимателями, не упускавшими случая “выбить” у власти денег побольше. Своими закупками казна вносила элементы организации в стихию рыночных колебаний конъюнктуры.

Период военного коммунизма переиначил отношения государства с промышленностью. Она почти полностью перешла в руки правительства большевиков и сосредоточилась на работе по его указаниям. Из-за оскудения ресурсов бюджета продукция промышленности стала отпускаться потребителям безвозмездно или за символическую плату. Казна выкачивала капитал из индустрии, ведя гражданскую войну. Хозяйство промышленности фактически “вросло” в государственный бюджет в процессе национализации. Деятельность финансового и промышленных ведомств согласовывалась теперь внутри одного “государственного капитализма”, объединенного отношениями казенной собственности на ресурсы: землю, капитал, деньги, рабочую силу.

Это противоречивое переплетение интересов верно подмечено в словах экономиста - современника той поры: ”Промышленность не может смотреть на госбюджет как на источник “кормления”... Здоровый государственный бюджет является обязательным условием подлинного финансового благополучия промышленности, и в этом смысле наша промышленность - вернейший союзник госбюджета. Таким образом, заказы служат в руках государства могущественнейшим орудием поддержания и развития промышленности, а с другой стороны, через эти заказы промышленность сближается с госбюджетом, организация коего есть вопрос общего экономического благополучия страны, и в частности той же промышленности”¹⁴.

С установлением нэпа и расширением рыночной торговли возобновились отношения госзаказов, похожие на прежние казенные закупки. Госзаказы создавали свой собственный источник спроса, отличный от платежеспособных потребностей покупателей на “свободном” рынке. Этот казенный спрос усложнял финансовые расчеты многих предприятий. В 1921 - 1922 гг. из-за прорех в бюджете и неустойчивости денежного обращения оплата поставок по административно-хозяйственным разнарядкам велась хаотично. Предприятиям приходилось совмещать хозяйствование в “стабильной” среде плановых заданий с умением приспособиться к стихии рыночных расчетов.

Бюджетные закупки пополняли капитал ведущих отраслей российской промышленности. О приоритетах новой экономической политики в распределении средств позволяют судить данные таблицы 2.1. Отрасли, ориентированные на массовый потребительский рынок, отгружали в распоряжение государственного сектора не более 17 % своей продукции. Для тяжелой промышленности, напротив, госзаказы были единственной надеждой на выживание и восстановление. Особенно это касалось металлургии и машиностроения, где почти все продукты производились для нужд казенных получателей.

Таблица 2.1

Государственные заказы промышленности в 1922/1923 году

Отрасли промышленности	Производство продукции, млн. руб.	Сумма госзаказа млн. руб.	Доля госзаказа в объеме производства, %
Тяжелая промышленность	331	180	54
в том числе: металлическая	104	100	96
электротехническая	20	15	75
угольная	65	26	40
нефтяная	111	32	29
основная химическая	20	6	30
резиновая	11	1	9
Легкая промышленность	451	33	7
в том числе: сахарная	29	5	17
кожевенная	65	10	15
табачная и махорочная	28	3	11
текстильная	329	15	5
Прочие отрасли	409	107	26
Всего:	1 191	320	27

Рассчитано по данным: Цельникер С.С. Госзаказы в промышленности // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 298.

Кроме оплаты за поставленные по плановым заявкам товары промышленные предприятия безвозмездно получали из бюджета денежные средства целевого назначения - ассигнования, которые расходовались на восполнение убытков и поддержание капитала фабрик и заводов. С конца 1921 г. по апрель 1922 г. общая сумма, ассигнованная промышленности, составила 30 млн. золотых руб.; из них 45 % было направлено в топливную промышленность, 25 % - в металлическую, 12 % - в текстильную, в остальные отрасли - 18 %. С мая по октябрь 1922 г. из бюджета было отпущено промышленности 45,8 млн. золотых руб. капитальных вложений; в том числе топливной - 31,5 %, металлической - 23,2 %, текстильной - 7,4 %, химической - 6,8 %, пищевой - 8,0 %, остальным отраслям индустрии - 20,6 %¹⁵.

* * *

Порядок “планового распределения”, доставшийся в наследство от эпохи военного коммунизма, привел “обобществленное” хозяйство индустрии к полному застою, из коего просматривался один выход - поощрение инициативы и самостоятельности предприятий. Постановление СТО (Совета Труда и Оборона) “Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности” от 12 августа 1921 г. подало сигнал к переходу передовых, технически оборудованных объединений предприятий (трестов) на хозяйственный расчет.

Этот режим работы производителей предполагал реализацию готовой продукции по рыночным ценам и получение выручки, достаточной для покрытия расходов на заработную плату, сырье, топливо, материалы и прочих затрат. Таким образом, разнонаправленные мероприятия новой экономической политики поэтапно восстанавливали рыночную ориентацию специфического способа ведения казенных дел - хозяйственного расчета (хозрасчета).

Внедрение хозяйственного расчета было, пожалуй, решающим стратегическим маневром пролетарской диктатуры, благодаря которому удалось отстоять позиции госсектора в важнейших отраслях промышленности и укрепить финансы. Предприятия снимались с централизованного снабжения, дабы разгрузить бюджет. Идеология “антирыночного”, безденежного хозяйства отошла на второй план, уступив место лозунгам финансовой и денежной стабилизации.

Декрет ВЦИК (Всероссийского Центрального исполнительного комитета) от 10 октября 1921 г. объявлял, “что интересы народной казны возводятся на степень высшего государственного порядка, что всемерная охрана этих интересов составляет обязанность каждого советского предприятия и должностного лица”¹⁶. Опять, как и при самодержавии, интересы государственной власти подчиняли себе всех и вся...

С введением режима хозяйственного расчета получало приемлемое разрешение основное, коренное противоречие государственного предпринимательства - противоречие между центральными хозяйственными органами и непосредственными производителями. От этого проти-

востояния нельзя избавиться окончательно раз и навсегда; можно только временно снимать напряженность в отношениях сторон.

Дело в том что, хотя материальные и денежные ресурсы обособляются, закрепляются за отдельными предприятиями или учреждениями, они не перестают быть собственностью государства. Использованием одного и того же имущества ведают различные уровни административной иерархии - от высших правительственных чиновников до рядовых исполнителей. Экономические интересы всех управленческих структур редко совпадают друг с другом, поэтому их нужно постоянно увязывать между собой. В годы нэпа способом (механизмом) согласования интересов субъектов казенной экономики стал хозрасчет.

Хозяйственный расчет представлял собой подвижную, без резко очерченных границ форму государственного предпринимательства. Он позволял улаживать конфликты во взаимодействии субъектов управления: то ли с помощью силы, “перетягиванием каната” распорядительных прав, то ли “полюбовно”, делегированием полномочий друг другу. Зачастую при этом претерпевали изменения юридические лица, существовавшие за казенный счет, - центральный и промежуточный бюрократический аппарат, первичные производственные единицы.

Но гибкость - лишь номинальное свойство, предпосылка выживаемости и саморазвития формы хозяйствования, которая непрерывно заполняется реальным историческим содержанием в зависимости от состояния хозяйственного механизма страны, колебаний конъюнктуры, социального расслоения населения, программных целей правящей партии и т.д. Так, особенности российской экономики первых лет нэпа определили своеобразие модели хозрасчета, введшейся с августа 1921 г. на предприятиях национализированной промышленности.

1921 - 1922 гг. были переходным периодом в казенном финансировании индустрии, когда многие предприятия переводились в режим хозяйственного расчета, и их торговые обороты обособлялись от государственного бюджета. Этот процесс протекал медленно. Хозрасчет постепенно преодолевал сопротивление взаимосвязанных тенденций натурализации, бюрократизации и бесхозяйственности в государственном предпринимательстве. Переход промышленности на рыночные методы регулирования совершился не сразу. Сперва предприятия пребывали на частичном сметно-бюджетном финансировании. Им разрешалось продавать малую толику своей продукции. Основная ее часть “бронировалась” распределительными органами, которые не прекращали ожесточенные попытки сохранить наряду с товарно-денежным натуральным продуктообмен.

В свою очередь советские директора возмущались введением в 1922 г. налогообложения предприятий, уклонялись от этого обязательства, выдвигали аргумент единой “государственности”, доказывая “абсурдность” перекладывания денег из одного казенного кармана в другой. Подобная идеология осуждалась экономистами: “Промышленность здесь допускала ту ошибку, что подставляла себя на место государства, пытаясь фактически от него обособиться”¹⁷. “Товарный рынок и базирующийся на нем “хозяйственный расчет” создают своего рода индивидуальный счетчик, автоматически отмечающий результаты деятельности каждого отдельного предприятия, что, конечно, очень упрощает задачу контроля и самоконтроля”¹⁸.

В государственных бюджетах 1921 г. и 1922 г. хозяйство промышленности еще не разграничивалось от государственного хозяйства. По первоначально составленному “твердому” бюджету на 1922 г. промышленность должна была получать от государства все нужные средства производства и сдавать финансовому ведомству всю свою продукцию или денежную выручку от ее продажи. Из-за дефицитности бюджета органы хозяйственного управления нередко отчуждали продукты у производителей бесплатно или за весьма низкую плату, не покрывавшую их издержки (затраты). Поэтому многие предприятия, перешедшие на хозрасчет, потеряли часть собственных капиталов.

После провала нереального “твердого” бюджета был принят “ориентировочный” бюджет. Он действовал до октября 1922 г., т.е. до конца 1921/22 хозяйственного года¹⁹. “Ориентировочный” бюджет, в отличие от “твердого”, строился на выделении промышленности в самостоятельную хозяйственную сферу. Сохранялась только оплата продукции, поставляемой по госзаказам. Централизованных кредитов на финансирование промышленности не предусматривалось.

На хозяйственный расчет переводились преимущественно предприятия легкой промышленности, подъему которой благоприятствовали увеличившиеся заготовки сельскохозяйственного сырья и расширение покупательского спроса населения. Легкая промышленность к тому времени была уже отделена от бюджета и прибегала к помощи кредитования. В тяжелой индустрии первых лет нэпа применялись лишь отдельные элементы хозрасчета. Она отгружала из-

деля главным образом государственным потребителям и поэтому зависела от состояния дефицитного бюджета, средств, выделяемых на плановые заказы, от вида расчетов и цен.

Промышленность в 1922 г. продолжала поставлять продукцию по казенным разнарядкам если не бесплатно, то по ценам ниже себестоимости (издержек) на 25 - 65%. С января по май тяжелая индустрия в порядке безденежных расчетов передала различным наркоматам продуктов, не оплаченных потребителями, на 150 - 170 млн. золотых руб.²⁰

Внедрение хозрасчетных элементов сопровождалось многочисленными существенными переменами в деятельности предприятий. Прежде всего было организовано "трестирование", т.е. объединение в тресты крупных, технически оборудованных, территориально компактно расположенных предприятий в каждой отрасли индустрии. Тресты входили в состав главных управлений ВСНХ или напрямую подчинялись его президиуму.

Концентрация производства способствовала более полной загрузке мощностей действовавших фабрик и заводов, снабжению их оборотными средствами - сырьем, материалами, топливом, деньгами, росту производительности труда, снижению себестоимости выпускавшейся продукции. Необеспеченные материальными, продовольственными и финансовыми ресурсами предприятия временно подлежали остановке и консервации или сдаче в аренду.

Государственные монополии - тресты - создавались не только ради простоты управления промышленностью, ее рационализации, но и как мощное оружие в конкурентных битвах с частниками на вольном рынке. Перед разрозненными владельцами частных заведений социалистический уклад старался выступать "сомкнутым строем" индустриальных, транспортных, коммерческих и т.д. предприятий, банковских и финансовых учреждений. Поэтому первоначальное объединение лучших предприятий заставило остальные защищаться и стихийно последовать по тому же пути монополизации.

В результате повального трестирования, охватившего почти 90% государственной промышленности, возникло много мелких учреждений. Согласно данным по 380 трестам (из 421), в первом квартале 1922/1923 г. 140 трестов имели свыше 1 000 рабочих, среди них 21 трест - более 5 000 человек. На долю 240 трестов с количеством занятых до 1 000 человек приходилось около 10% всех рабочих казенной промышленности; при этом в среднем один трест насчитывал 390, а предприятие - 55 рабочих²¹.

Трестирование отменило военно-коммунистическую систему "главкизма", где главк управлял всей отраслью, выполнял административные, планово-регулирующие, снабженческие функции, организовывал изготовление и натуробмен продуктов, расходуя бюджетные ресурсы. Теперь уже трест считался основной производственной единицей. Как хозрасчетное объединение он получил самостоятельный доступ на рынок, осуществлял оперативное управление производством, в пределах плановых контрольных цифр, утверждаемых ВСНХ. Однако децентрализация руководства не коснулась первичного звена экономики. Предприятия по-прежнему были лишены прав юридического лица и безропотно выполняли директивы "сверху".

Тресты создавались путем спешной ликвидации главков и восприняли многие недостатки своих предшественников. Предприятия группировались не по принципу технологической взаимозависимости - "вертикально", а по "горизонтальному" признаку; "трестировались" технологически одинаковые, не связанные друг с другом производства. Наряду с работавшими предприятиями в тресты включались бездействовавшие, которые содержались за счет первых.

Исходные условия для хозрасчетной деятельности оказались малопривлекательными. Об этом, в частности, писал А.М. Гинзбург: "Оборотные средства были предоставлены трестам в явно недостаточных размерах, без всякого соответствия с основными капиталами. К тому же все оборотные средства были предоставлены в большинстве случаев в неликвидных [ненужных или не пользовавшихся спросом - Г.Ч.] товарах. Возможность поднять производство с незначительными средствами оценивалась чересчур оптимистически, и на завтра после их организации тресты попали в полосу самого тяжелого кризиса. Этот кризис, проходивший при отсутствии кредита в стране и недостаточной емкости рынка, преодолевался трестами главным образом путем проживания основных капиталов и разбазаривания фондов, а также с помощью ссуд, получаемых от казны"²².

* * *

Введение хозяйственного расчета усилило деловую активность, ускорило перелив капитала между отраслями и укладами в российской экономике. Чтобы обеспечить себя оборотными средствами, достаточными для закупок топлива, сырья и материалов, для выплаты заработной платы, объединенные в тресты предприятия с осени 1921 г. расширили продажу изделий текущего производства, а также старых и неликвидных запасов, скопившихся на складах. Бурная торговая деятельность трестов увеличила объемы промышленной продукции, поступавшей на рынок. Динамика валовой продукции важнейших отраслей индустрии отражена в таблице 2.2.

Таблица 2.2

Производство валовой продукции промышленности в 1921 - 1922 гг.

Производство продукции отраслей промышленности	1921 г.	Первое полугодие 1922 г.	Прирост продукции в первом полугодии 1922 г. по сравнению со средним полугодовым уровнем 1921 г., %
Добыча угля, млн. пуд.	546,0	321,5	17,8
Добыча нефти, млн. пуд.	245,0	138,6	13,1
Металлургия, млн. руб. золотом	81,4	50,0	22,0
Хлопчатобумажная, млн. аршин	217,0	220,0	127,6
Шерстяная, млн. аршин	20,1	17,5	74,1
Льняная, млн. аршин	40,5	50,0	146,9

Рассчитано по данным: Рыков А.И. Избранные произведения. М., 1990. С. 213.

Рост промышленной продукции в первые годы нэпа происходил путем дальнейшего истощения основного и оборотного капитала страны. В 1921 - 1922 гг. сократились запасы основных видов топливно-сырьевых ресурсов. Об этом свидетельствуют данные таблицы 2.3.

Таблица 2.3

Запасы важнейших ресурсов промышленности в 1921 - 1922 гг.

Наименование ресурсов	Запасы в январе 1921 г.	Запасы в 1922 г.	Отношение запасов в 1922 г. к запасам в 1921 г., %
Чугун, млн. пуд.	22,0	8,0 *	36,4
Медь, млн. пуд.	1,0	0,891 *	89,1
Нефтепродукты, млн. пуд.	220,5	86,1 ***	39,0
Хлопок, млн. пуд.	7,5	4,5 ***	60,0
Шерсть, млн. пуд.	1,86	0,73 ****	39,2
Лен, млн. пуд.	5,6	1,46 **	26,0
Резина, тыс. пуд.	71,8	60,0 ****	83,6
Цемент, млн. бочек	1,3	1,0 **	76,9

* апрель, ** июнь, *** август, **** сентябрь.

Рассчитано по данным: Рыков А.И. Избранные произведения. С. 214, 215.

После перевода многих предприятий на самоснабжение возникла ситуация спекулятивного оживления производства. Насыщение рынка товарами опережало прирост реального выпуска готовой продукции в промышленности. Некоторые учреждения безбедно существовали на средства от продажи собственных складских накоплений. Интересный пример приводит И.А. Блажих: “Трест, образованный на основе системы складов бывшего Морского адмиралтейства, снабжал предприятия, выпускающие товары народного потребления, чугуном, цветными металлами, канатами, пенькой и другими материалами вплоть до 1927 г., ничего не производя”²³.

Массовый выброс промышленных продуктов на рынок повлек за собой снижение их цен, так как покупательная способность потребителей в послевоенной России оставалась слабой. Предложение в течение нескольких месяцев превышало спрос. Тресты соглашались продавать товары дешевле, лишь бы скорее получить деньги, нужные для выдачи зарплаты и расчетов за приобретаемые материалы и сырье. Конкуренция между хозрасчетными объединениями еще больше сбивала цены. С января по апрель 1922 г. торговые обороты органов, подведомственных ВСНХ, упали на 69,9%²⁴.

Предпринимательская инициатива советских директоров породила нежелательные результаты: снижение выручки от реализации готовых изделий и убыточную распродажу имевшихся ресурсных запасов. Такая торговля означала прямые потери средств крупной обрабатывающей промышленности и всего государственного хозяйства. Органы центрального управления дали этому кризисному процессу оценочное, политико-экономическое название - “разбазаривание капитала”.

Между тем утрата капитала в одних звеньях экономики оборачивалась пополнением его в других. Процесс “разбазаривания” представлял собой объективно обусловленное перераспределение ресурсов в отечественном хозяйстве в начале восстановительного периода. Капиталы из малоподвижного казенного сектора направлялись в более динамичный частнопредпринимательский уклад, от крупных предприятий к средним и мелким, из отраслей тяжелой промышленности в производство потребительских товаров. Особенно выделялся приток денег в торговлю, которая расширялась быстрее производства, вытесняя натуральный обмен продуктами.

* * *

Вместе с отдельными частями хозяйственного механизма возрождались общественно-экономические уклады. В состоянии полнейшей разрухи быстрее приходили в себя мелкие производители, которые меньше других пострадали во времена военного коммунизма. Они приступали к делу, возлагая надежду на ручной труд, тягловую силу животных, обходились простейшими средствами производства и минимальным капиталом.

Крестьянство воспрянуло вслед за прекращением разверсточного изъятия аграрной продукции. Если в 1920 г. сельское население в среднем на душу приобрело промтоваров на 3,5 золотых руб., то в 1921/1922 г - первом году новой экономической политики - уже на 5 руб. в золотом исчислении, существовавшем до 1914 г., т.е. до первой мировой войны. Однако данный уровень потребления не дотягивал даже до четверти довоенного спроса в 21 руб.²⁵

Мощный толчок к расширению запасек и наращиванию производства зерна получила деревня по возвращении домой демобилизованных из армии мужиков. В голодном 1921 г. валовая продукция сельского хозяйства составила 3 535 млн. руб. (в довоенных ценах), в следующем 1922 г. - 3 931 млн. руб., что соответствовало 53,2% и 59,2% от уровня 1913 г. - 6 639,8 млн. руб.²⁶

В индустриальных отраслях оживились небольшие предприятия, перерабатывавшие сырье животного и растительного происхождения. Кустарные промыслы увеличили свое производство с 60 млн. руб. в 1921 г. до 100 млн. руб. в 1922 г., ремесленные заведения - с 200 млн. руб. до 320 млн. руб., средние промышленные предприятия - с 98 млн. руб. до 456 млн. руб. золотом. Крупные фабрики и заводы очень медленно выходили из кризиса, выпустив в 1921 г. продукции на 571,3 млн. руб., в 1922 г. - примерно на 600 млн. руб. золотом. Производство крупной и средней индустрии в 1922 г. лишь слегка перевалило за 28%, а в кустарной и ремесленной промышленности приблизилось к 57% предвоенного уровня²⁷.

Конъюнктура российского рынка благоволила подъему частного коммерческого оборота. Казенный уклад, напротив, прозябал в длительной депрессии. Поэтому правительство занялось повышением эффективности и конкурентоспособности государственного хозяйствования, делая под давлением обстоятельств уступки капиталистическому предпринимательству. Безразборчивая национализация сосредоточила к 1921 г. в руках государства 37 226 предприятий, из коих только 19 008 имели механические двигатели; оставшаяся часть - почти половина - была представлена совсем маленькими, простейшими производствами. К трудностям управления столь распыленным имуществом присоединялся недостаток сырья, топлива и рабочих рук. Многие предприятия бездействовали.

В июле 1921 г. СНК установил порядок сдачи в аренду предприятий, которые не смогли запустить в ход и содержать советские органы. А в декабре того же года по декрету ВЦИК были денационализированы предприятия с числом рабочих до 5 человек при наличии двигателя и до 10 человек без механического привода. Государственный аппарат быстро разгрузился от “балласта” мелких заведений, сохранив в своем распоряжении “командные высоты” - 4 500 ведущих предприятий, где трудилось 80% всех промышленных рабочих²⁸.

Пустовавшие заводы, мастерские и т.д. активно вовлекались в эксплуатацию арендаторами. Из сданных в аренду на 1 сентября 1922 г. заведений около 8 тысяч составляли мельницы и 3 874 единицы составляли предприятия другого профиля; из них 40% приходилось на пищевую и кожевенную промышленность, 25% - на деревообрабатывающую, металлообрабатывающую и химическую промышленность, 10% - на текстильную, швейную, обувную промышленность, 25% - на остальные отрасли индустрии²⁹.

Арендные предприятия в основной своей массе были мелкими заведениями ремесленного типа и мастерскими. Среднее число рабочих, занятых на одном таком предприятии, не превышало 15 человек. Сроки арендных договоров колебались в интервале от года до пяти лет. Половину арендаторов составляли частные лица, в том числе бывшие владельцы - 26%. Другая половина предприятий распределялась между потребительской кооперацией - 22 %, государственными учреждениями, трудовыми артелями и прочими организациями. Арендная плата взималась преимущественно в натуральной форме продуктами в размере 10 - 15 % от валового объема производства³⁰.

Воскрешению частнохозяйственного уклада содействовал декрет от 7 июля 1921 г., разрешивший учредительство промышленных предприятий со 100 и более наемными работниками. Собственники, как и арендаторы, помещали свои средства в те отрасли, где требовался капитал более низкого строения, т.е. с меньшими затратами на машины и оборудование, и где быстрее осуществлялся его оборот, а продукция сбывалась непосредственно на широком потребительском рынке.

В 1921 - 1922 гг. самой прибыльной зоной частного предпринимательства была торговля. “В течение этого промежутка времени, - по словам М. Жирмунского, - пустота, образовавшаяся с введением нэпа между различными элементами производства в стране, не связанными между собой нитями товарообмена, начала заполняться, главным образом, за счет частной предприимчивости”³¹.

Уверенно чувствовали себя частники в розничной торговле, где они имели многократное преимущество над государственными и кооперативными продавцами. Эту расстановку сил в рыночной борьбе между различными укладами отразила таблица 2.4. Частные лица по личному почину открыли двери 405,6 тыс. магазинов, ларьков, палаток, что в 1922 г. охватывало 92,7 % постоянных торговых точек. Кроме того, они оформили 141,5 тыс. патентов на разносную торговлю. Частных магазинов насчитывалось 116,5 тыс. Большая же часть индивидуальной торговли велась в палатках и ларьках, имевших сравнительно малые размеры производственных площадей и помещений. Расторопные розничные торговцы играли исключительно важную роль в экономике страны.

Таблица 2.4

Количество постоянных торговых точек и удельный вес розничного товарооборота основных хозяйственных укладов в 1922 г.

Хозяйственные уклады	Количество постоянных торговых точек		Удельный вес в общем объеме розничного товарооборота, %
	тыс.	%	
Частный	405,6	92,7	75,3
Кооперативный	22,6	5,2	10,3
Государственный	9,3	2,1	14,4
Итого:	437,5	100,0	100,0

Рассчитано по данным: Нейман Р. Советская торговля на различных этапах развития народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1932. № 6 - 7. С. 108; История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. II. М., 1976. С. 157.

В государственной и кооперативной торговле магазины были крупнее, больше был средний оборот, приходившийся на одну постоянную точку розничной продажи. Это подтверждают данные таблицы 2.4. Удельный вес “обобществленного” сектора в суммарном товарообороте (госторговля - 14,4 % и кооперативы - 10,3 %) превышал показатели в графе количества торговых заведений (2,1 % и 5,2 %, соответственно). У частного сектора, наоборот, показатель численности коммерческих предприятий - 92,7 % преобладал над долей в общем объеме продаж - 75,3 %.

Сильные позиции на рынке занимали капиталисты-оптовики. Доля частных лиц в оптовом обороте промышленных и торговых организаций ВСНХ в 1922 г. составляла в среднем 35,8 %. По потребительским товарам она была больше. Так, частниками было реализовано свыше 40 % текстильных товаров и резиновых изделий, 47,3 % соли³². Индивидуальные предприниматели занимались преимущественно посреднической оптовой торговлей. Они продавали продукцию государственных организаций на правах их представителей или как комиссионеры, не имея собственных складов и не оплачивая предварительно товары. Частники осуществляли также заготовку сырья и материалов для промышленных трестов. Посредники брали за свои услуги комиссионные вознаграждения, доходившие до 10 - 15 % от суммы заключенных сделок.

Активно использовали частные оптовики инфляцию; скупали продукцию перед очередным повышением цен и сбывали ее после этого скачка по новым, более выгодным ценам. Перекупщики-торговцы обогащались и за счет мелких производителей, приобретали у крестьян и ремесленников товары относительно дешево, а предлагали их потребителям значительно дороже.

Слабый и неотлаженный аппарат государственной и кооперативной торговли не мог конкурировать с личной заинтересованностью и опытом посредников. Хозрасчетные тресты поначалу попали в обременительную зависимость от этих дельцов, диктовавших свои условия купли-продажи. Убытки казенной промышленности периода “разбазаривания” - примерно 150 млн. руб. золотом за 1921 - 1922 гг.³³ - превратились в основном в прибыли умелых коммерсантов. Поэтому в первые полтора года нэпа шло интенсивное наращивание частного капитала в крупных, концентрированных формах.

Перераспределение капитала в пользу частного сектора ущемляло интересы правящей хозяйственной бюрократии и встречалось ей враждебно. Желание сохранить свои властные полномочия и расширить влияние на экономическую жизнь страны определяло идеологию и поведение государственной управленческой “элиты”. Стремление казенного предпринимательства к экспансии находило выражение в высказываниях экономистов той поры.

Е.А. Преображенский сравнивал российскую экономику с пирамидой, в основании которой лежало мелкое товарное хозяйство - крестьянское, кустарное, ремесленное. На долю этого уклада приходилось, по оценкам автора, $\frac{4}{5}$ всего произведенного за год национального дохода. На вершине “экономической пирамиды” были сосредоточены находившиеся в руках государства крупные промышленные предприятия и транспорт. Ими создавалось менее $\frac{1}{5}$ годового национального дохода.

Между основанием и вершиной разместился частный капитал, постепенно отбравший небольшие национализированные предприятия и вытеснявший государство из сферы обмена и распределения продуктов. Активизация частной коммерческой деятельности воспринималась как угроза всей советской социально-экономической системе. Тревожным набатом звучали слова Е.А. Преображенского: “Борьба идет за то, чтобы здесь была другая, не социалистическая верхушка. Процесс идет пока в форме вытеснения нас из области торговли, с которой исторически всегда начинал капитал”³⁴.

В том же духе писал и Д.В. Кузовков: “Основной задачей нового государства является постепенное расширение сферы государственного капитализма, за счет частного и за счет полунатурального хозяйства, иначе сказать, - задача первоначального социалистического накопления. Максимальная доля всего прибавочного продукта должна отлагаться и кристаллизоваться в сфере государственного хозяйства, дальнейшее развитие производительных сил должно совершаться, главным образом, в форме нарастания этого хозяйства”³⁵.

Статистические расчеты темпов “первоначального буржуазного накопления” встречаются у Ю. Ларина: “Припрятанных от дореволюционных времен остатков и накоплений периода военного коммунизма от валютных операций и мешочничества можно насчитывать ... в руках буржуазии примерно миллионов 150. Все же остальное, вся остальная величина частного торгового, промышленного и кредитного капитала, которая сложилась к 1923 г., т.е. примерно миллионов 350, - все это накоплено частными капиталистами в период первых лет нэпа”³⁶.

Любопытны рассуждения автора о механизме восстановления капиталистического уклада в отечественном хозяйстве. По его мнению, “в это время частный капитал возникал путем перекачки в частные руки государственных средств разнообразными способами и методами. Можно сказать, что эта буржуазия, которая действовала в первый период нэпа, вступила в этот нэп почти, что с голыми руками, очень мало, часто почти ничего не имея за душою, кроме своей предприимчивости, кроме связей в различных советских учреждениях, кроме готовности идти на всякое преступление ради обогащения”³⁷.

Ю. Ларин подчеркивал “незаконный” характер тогдашней “приватизации”. Криминальный акцент в аналитическом обзоре экономиста, вероятно, имел свои основания. Всякий передел собственности нарушает чьи-то права, ущемляет чьи-то интересы и воспринимается потерпевшими ущерб как посягательство на “законный” порядок вещей.

Активными организаторами частных предприятий и перевода в них казенных средств были государственные служащие. Среди тех, кто вдруг обнаружил в себе подобный управленческий

талант, представители технической, юридической и прочей интеллигенции составляли три четверти. Большинство из них до революции не занималось бизнесом. Поэтому присвоение доли казенного имущества сопровождалось появлением новой буржуазии, “пореволюционной”.

Источник, из коего черпали ресурсы новоявленные предприниматели, удивлял обилием. Частные лица в 1921 г. заправляли оборотом капитала в один миллиард золотых рублей. Из этой суммы на долю государственных, преимущественно товарных кредитов приходилось 850 млн. руб. Удельный вес собственных средств капиталистов не превышал 15%³⁸.

Но государственное предпринимательство вынужденно было мириться с объективными закономерностями восстановительных процессов. Во имя преодоления разрухи казенный сектор поступался изрядной долей сосредоточенных в его руках ресурсов, подпитывал те отрасли, где хозяйничал частник. Следует заметить, что “разбазаривание” в результате рыночной торговли средств и безвозмездные или не полностью оплаченные поставки продукции внутри государственного уклада составляли две стороны одной медали. Оба способа перелива капитала обеспечивали возрождение хозяйственных связей и целостности экономики страны, причем независимо от формы собственности предприятий и учреждений.

Идеологическая окраска единого процесса восстановления национальной экономики несла на себе печать противоречия интересов частных владельцев и государственных управленческих структур. Растраты капитала хозрасчетных трестов в период “разбазаривания” всячески порицались правительством, хотя потери не превышали бесплатного изъятия казной продукции у предприятий тяжелой промышленности на сумму 150 - 170 млн. золотых руб. Последняя же мера признавалась полезной, поскольку она содействовала росту производства и доходов в социалистическом секторе, а не в капиталистическом.

Азартное накопление частного капитала укрепило его силы в противостоянии с казенным предпринимательством. Конкурентная борьба между этими двумя укладами разворачивалась в разнообразных формах - от сотрудничества до взаимного подавления и вытеснения. Компромисс достигался созданием смешанных, государственно-частных акционерных обществ, коммиссионной торговлей по заданиям административно-экономических органов, договорными соглашениями о снабжении частных предприятий ресурсами для производства продукции и передачи ее на продажу государственным и кооперативным торговым заведениям, договорами о кредитовании заготовки промышленного сырья и т.п. Отступая, центральная бюрократия пыталась поставить под свой контроль произвольное движение капитала, включить деловых людей в планомерно регулируемое совместное хозяйствование.

* * *

Главной ареной конфронтации социалистической и капиталистической систем была родная стихия частного предпринимательства - рынок. Он опять стал единым, без деления на законный обмен и нелегальную торговлю, после отказа советской власти от военно-коммунистической доктрины указных цен. В условиях падающей национальной валюты, продолжая необеспеченную эмиссию “совзначных” рублей, правительство приняло “правила игры” свободного товарно-денежного оборота. “С весны 1921 г., - писал Д.В. Кузовков, - система универсального нормирования сменяется хозяйством вольных цен в его чистом виде, которое длится целых два года - до весны 1923 г.; в этом периоде государство стремится сохранить свои доходы не удерживанием цен на прежнем уровне, а путем непрерывного повышения своих цен, тарифов и ставок... Государство не только перестает считать повышение цен преступной “спекуляцией”, но и само усваивает политику цен, применяемую рынком в период эмиссионного хозяйства”³⁹.

Перемены в практике ценообразования совпадали с введением хозяйственного расчета на казенных предприятиях. Потребность в регулировании цен на продукты и услуги государственного сектора обрела административное оформление. Декрет СНК от 5 августа 1921 г. узаконил “Положение о Комитете цен” при Наркомфине с участием представителей ВСНХ и ряда иных центральных ведомств. Названный комитет занимался ценами тех товаров, которые отпускались государственными заведениями друг другу, кооперации, частным предпринимателям и населению, а также тех, которые закупались государственными учреждениями.

Политика казенных цен была направлена на их упорядочение и приспособление к рыночным условиям. Твердыми объявлялись оптовые цены на изделия государственных предприятий и розничные цены на акцизные товары - соль, спички, керосин, сахар и т.п. Но из-за инфляционного падения курса совзначного рубля Комитет ежемесячно пересматривал цены в сторону повышения. Временное фиксирование цен лишь усугубляло положение хозрасчетных трестов. Поэтому с января 1922 г. стали декларироваться “ориентировочные” цены, точнее их минимальный уровень. Отсутствие верхнего предела оплаты за товары усилило колебания цен в зависимости от спроса потребителей, столкнуло в соперничестве на рынке различные государственные организации.

Чтобы уменьшить потери казенного предпринимательства от конкурентной борьбы между своими хозяйственными единицами, в 1922 г. правительство взялось за создание крупных торговых объединений - синдикатов. Они осуществляли реализацию продукции трестов и заготовку нужных им для производства сырья, топлива, материалов и прочих товаров. Наряду с этим была учреждена Комиссия по внутренней торговле (Комвнуторг) при Совете Труда и Обороне. На Комвнуторг возлагались обязанности пресекать конкуренцию среди госорганов в снабжении и сбыте, налаживать прямые, без частных посредников, хозяйственные связи трестов друг с другом и с кооперацией, ликвидировать излишние промежуточные звенья в синдикатской торговле и т.д.

Государственное предпринимательство первых двух лет нэпа в области ценообразования не смогло отойти от тенденций военно-коммунистического периода. В нем преобладал бюджетный подход, а коммерческая постановка дела почти отсутствовала. Большинство оптовых цен хозрасчетных трестов планировалось исходя из простого возмещения затрат на производство и реализацию товаров, аналогично принципу бездефицитности государственного бюджета. “Восстановительные” цены приравнивались к себестоимости продукции и не предполагали получение предприятиями прибыли.

Хозрасчет понимался изначально как метод ведения хозяйства на основе самокупаемости - соответствия расходов доходам производственного объединения. Поэтому падение оптовых цен ниже порога возмещения издержек приносило многим хозрасчетным трестам убытки и потерю, “разбазаривание” капитала. Иногда органы управления специально устанавливали заниженные цены на ту продукцию тяжелой промышленности, которая распределялась внутри государственного сектора. Так, летом 1922 г. СТО утвердил льготные цены на топливо для “плановых” потребителей. Об их относительном уровне говорят данные таблицы 2.5.

Таблица 2.5

Соотношение цен и себестоимости основных видов топлива в 1922 г.

Вид топлива	Цена, руб. по курсу 1922 г.	Себестоимость, руб. по курсу 1922 г.	Отношение цены к себестоимости, %
Дрова, куб. сажень	4 000	6 000	66,6
Уголь донецкий, пуд	40	79,5	50,3
Уголь уральский, пуд	20	70,0	28,6
Уголь сибирский, пуд	37	71,9	51,5
Уголь подмосковный, пуд	20	56,5	35,4
Нефть, пуд	64	126,0	50,8

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 104.

Судить о размерах убытков топливной промышленности можно по тому факту, что $\frac{3}{4}$ всех энергоносителей отгружалось казенным получателям. Топливная промышленность своими поставками продукции по малым ценам или бесплатно давала транспорту и остальному казенному хозяйству значительные оборотные средства. Дешевое топливо покрывало дефицит госбюджета и помогало выкарабкиваться из кризиса ведущим отраслям российской промышленности.

Таким образом, некоммерческая ценовая политика, ограничивая средства для развития одних отраслей, наделяла ресурсами другие сферы экономики и приносила выгоду всему комплексу государственного предпринимательства. Подобные стратегические маневры были полезны, а посему выгодны. Они ослабляли финансовую нагрузку на бюджет, ибо сокращались суммы централизованных дотаций на пополнение оборотного капитала трестов и предприятий. Частичная замена денежной оплаты по высоким рыночным ценам натуральными, продуктовыми-

ми потоками или взаиморасчетами по “умеренным” ценам сдерживала рост инфляции в стране, поскольку отпадала необходимость в дополнительной эмиссии наличных денег.

Сознательное занижение цен на продукцию базовых отраслей хозяйства, осуществлявших добычу, производство или первичную переработку исходного сырья и материалов, сводило к минимуму итоговые убытки госсектора. Эта мера предотвращала эффект “снежного кома”, когда подъем цен на топливно-сырьевые компоненты, многократно отражаясь в затратах предприятий обрабатывающей индустрии, повышал общий уровень цен в национальной экономике. Правительству легче было компенсировать потери денежного капитала в некоторых отраслях тяжелой промышленности, чем у всех остальных казенных потребителей ее продукции.

* * *

Тресты переводились на хозяйственный расчет с целью обеспечения ими самоокупаемости, т.е. возмещения издержек производства за счет выручки от продажи продукции. Это предполагало управление главными хозрасчетными параметрами: затратами (себестоимостью) и результатами (ценой). Но активной ценовой политике трестов в начале нэпа препятствовал ряд факторов: в российской экономике продолжалась инфляция, оставался слабым покупательский спрос населения и казенного хозяйства, истощались запасы капитала и т.д. Поэтому главным резервом улучшения деятельности предприятий было снижение непомерно высоких издержек производства. Уменьшение себестоимости продукции достигалось путем более полной загрузки оборудования, сокращения потерь материалов и рабочего времени, оптимизации соотношения заработной платы и производительности труда. В условиях послевоенной разрухи первостепенную роль сыграло наведение элементарного порядка и дисциплины на предприятиях, возобновление нормальной организации труда.

От эпохи военного коммунизма производственные звенья унаследовали примитивную, натуральную оплату труда. Продуктовый паек составлял преобладающую часть заработка. В дополнение к нему работникам назначали денежное содержание для самостоятельной закупки некоторых товаров на вольном рынке. Оплата устанавливалась, как правило, одинаково всем рабочим предприятия и едва дотягивала до черты прожиточного минимума.

Зарплата начислялась за время, проводимое на заводе или фабрике, независимо от количества и качества выполненной работы. Такая повременная и уравнительная организация заработной платы не годилась для успешной деятельности предприятий. Она стирала разницу в квалификации работников, препятствовала повышению производительности их труда и совершенствованию технологии. При всеобщей “уравниловке” падение индивидуальной выработки возмещалось увеличением числа занятых низкоквалифицированных работников. В итоге возрасли затраты на единицу и на весь выпуск готовой продукции.

Восстановление общепринятых форм зарплаты происходило одновременно с переводом предприятий в режим хозяйственного расчета. Декрет от 10 сентября 1921 г. расширил применение сдельной оплаты труда. Определение заработка в соответствии с количеством и качеством изготовленной продукции усилило личную заинтересованность тружеников в повышении их выработки. Преодоление уравнительности в доходах сопровождалось постепенным переходом от натуральной оплаты к денежной. С января 1922 г. по январь 1923 г. доля натуральных выплат в заработках промышленных рабочих в среднем по стране сократилась с 77,5% до 21,7%⁴⁰.

Простейшие мероприятия по стимулированию и организации труда способствовали росту его производительности и повышению заработной платы. Темпы увеличения этих показателей впечатляют. В течение года средние месячные заработки в крупной промышленности возросли на 30,7%. Еще весомее оказался прирост производительности труда (выработки) - 41,5%⁴¹. Выработка увеличивалась за счет усиления интенсивности (напряженности) труда, лучшего использования рабочего времени - сокращения простоев и перебоев в процессе производства, уменьшения количества прогулов. По мере повышения производительности труда снижалась потребность предприятий в рабочих, и происходило их высвобождение.

Внедрение хозрасчета положило начало неблагоприятным тенденциям - падению числа занятых в государственном секторе экономики и пополнению количества безработных в стране. В ходе реорганизации трестов закрывались десятки предприятий, и их работники оставались не

у дел. Рационализация действовавших производств выпроваживала на улицу многих неквалифицированных тружеников. Только в крупной промышленности количество занятых с 1921 г. по 1922 г. убавилось на 100 тыс. человек. Всего же численность зарегистрированных на бирже безработных за 1922 г. возросла в 4 раза, со 160 тыс. до 641 тыс. человек⁴². Причинами распространения массовой безработицы кроме организационно-технических мероприятий были также демобилизация мужчин из армии, вступление в трудоспособную пору молодежи, увольнение излишнего административно-управленческого персонала.

Отсутствие возможности найти работу и средства к существованию погнало жителей из городов в сельскую местность. Надо было искать способы прокормиться собственным трудом. Такую цену необустроенности пришлось платить россиянам за необходимость возрождения разрушенного в военные годы отечественного хозяйства. Здесь явно обнаружилось приоритеты казенного предпринимательства, а также высветилось различие между интересами широких слоев населения и государства как субъекта хозяйственной деятельности.

Ради стабилизации бюджета рабочие и служащие снимались с государственного продуктового снабжения. Из 35 млн. человек, состоявших на бюджетном довольствии в первой половине 1921 г., к концу года осталось 6 млн. человек, а к концу 1922 г. - всего 2,8 млн. человек⁴³. Перевод такой массы трудящихся на самообеспечение был осуществлен путем внедрения хозрасчета в трестах, сдачи мелких заведений в аренду, сокращения числа госучреждений и штатов их сотрудников.

Следующими шагами по укреплению финансового положения в сфере государственного предпринимательства стали консервация (закрытие) убыточных фабрик, заводов и увольнение работников. Государство-работодатель приводило в соответствие имевшиеся в его руках факторы производства. Основного и оборотного капитала не хватало. Поэтому хозяйственные органы заботились о его пополнении и лучшем использовании. Напротив, трудовые ресурсы применялись в избытке. И руководители предприятий освобождались от ненужного персонала, а оставшихся людей заставляли трудиться интенсивнее.

* * *

Возобновление оптовой торговли воскресило коммерческий (подтоварный) кредит, который оформлялся и обеспечивался специальными ценными бумагами - векселями. За отгруженный товар или оказанную услугу выставлялся (выписывался) вексель, т.е. обязательство покупателя или другого лица оплатить владельцу или предъявителю векселя определенную сумму по истечении установленного времени.

Государство не смогло снабдить все переведенные на хозрасчет предприятия достаточными для нормальной деятельности оборотными средствами. Развал банковской системы также не позволял наращивать капиталы фабрик и заводов путем привлечения банковских (денежных) ссуд. И хозрасчетные тресты выбирались из неловкого положения с помощью взаимного коммерческого кредитования. Замена денег ценными бумагами и отсрочка платежей восполняли недостаток собственных оборотных средств у промышленных и торговых предприятий, увеличивали покупательский спрос, ускоряли доставку товаров от производителя к потребителю.

Вексельное обращение помогало накоплению капитала в частной и кооперативной торговле за счет перелива ресурсов из индустрии. Как правило, продавец предоставлял коммерческий кредит, если у него образовывался резерв оборотных средств сверх фактически необходимого для воспроизводства его хозяйственного процесса, а покупатель при этом не обладал требуемым капиталом для продвижения товара от момента получения продукта до момента реализации его конечному пользователю.

Именно такая ситуация наблюдалась на внутреннем российском рынке в первые годы нэпа. Промышленность была "затоварена", не находила сбыта своей продукции, а финансовые ресурсы кооперации и частных торговцев оставляли желать лучшего. Вексельная форма расчетов перекачивала бездействовавший, "замороженный" в складских запасах предприятий капитал в сферу интенсивного торгового оборота. Распространение коммерческого кредита заложило ос-

нову возрождения банковской системы. Обслуживание запросов товарно-денежного обращения предполагало открытие текущих расчетных счетов и проведение активно-пассивных банковских операций. Понадобились ссуды, которые могли бы возмещать хозорганам их взаимный коммерческий кредит. Назрела необходимость в появлении банков, способных выдавать заемные средства в порядке оплаты (учета) векселей и других долговых обязательств.

Воссоздание банковской сферы на первых порах совершалось в необычайно тяжелых условиях. Это обстоятельство особо выделял известный экономист того времени Л.Н. Юровский: “Величайшим препятствием к развитию кредитных отношений служила быстро обесценивавшаяся валюта, не говоря уже о том, что страна вышла из гражданской войны совершенно разоренной и что в течение нескольких лет в ней едва хватало ресурсов для текущего потребления, а свободных средств для перераспределения через кредитную систему не существовало вовсе”⁴⁴.

Налаживание советской системы банковского кредита началось с учреждения Государственного Банка (Госбанка) согласно постановлениям ВЦИК от 3 октября и СНК от 10 октября 1921 г. Госбанку поручалось выполнение широкого спектра операций: кредитование государственной промышленности, кооперативных и иных организаций, частных предприятий, крестьянских хозяйств, кустарей; прием и выдача вкладов; покупка и продажа товаров (по поручениям), драгоценных металлов, тратт (переводных векселей), девиз (платежных средств для международных расчетов), иностранных ценных бумаг; кассовое исполнение бюджета; проведение расчетов между предприятиями, учреждениями и т.д.

С момента образования Госбанка главным источником его капитала стали ассигнования из государственного бюджета. Всего до 1 ноября 1922 г. Госбанк получил 28 410 млн. руб. бюджетных средств (по курсу денежных знаков 1922 г.). Из них 16 275 млн. руб. пошли на формирование собственных фондов, остальные - на выдачу целевых ссуд сельскому хозяйству, промышленности, кооперации и др.⁴⁵ Эти деньги поступали в результате необеспеченной эмиссии быстро обесценивавшихся казначейских билетов (совзнаков). Падающая валюта тормозила развитие вкладных (пассивных) и кредитных (активных) банковских операций. Тем не менее, реальный баланс Госбанка за 1922 г. увеличился в 3 раза - с 20 млн. руб. до 60 млн. руб. (в довоенной покупательной силе денег), а сеть его филиалов по территории страны расширилась до 169 учреждений⁴⁶.

Постановлением ВЦИК от 12 октября 1921г. по докладу Наркомфина изначально задумывалось, что Государственный Банк будет один пользоваться монополией в области банковского дела. Но из-за преобладания в ранние годы нэпа тенденций к децентрализации и сужению сферы государственного предпринимательства, а также по иным соображениям уже с 1922 г. стали возникать новые кредитные учреждения. Правительство старалось привлечь к восстановлению экономики все свободные средства. Поэтому оно не чинило преград, а напротив, поощряло инициативу образования негосударственных банков. Создание параллельных кредитных структур снижало нагрузку на резервы Госбанка, облегчало финансовые маневры внутри казенного сектора. Хозяйственное руководство страны поначалу лишь регламентировало деятельность “новоиспеченных” банков.

Первым был основан Банк потребительской кооперации (Покобанк). Потребкооперация, пережив военно-коммунистическую неурядицу, сохранила внушительные товарные запасы и продолжала распределять весомую долю продукции государственной промышленности. Она сразу же заявила о желании иметь свое кредитное заведение, ею управляемое и подчиненное ее интересам. Поскольку у кооператоров не было собственных средств для открытия крупного банка, то они прибегли к помощи казны.

Покобанк был учрежден в феврале 1922 г. в форме паевого товарищества с участием Госбанка. Ровно год он ограничивался кредитованием только своих пайщиков - членов потребительской кооперации. Затем Покобанк был преобразован в кредитное учреждение всей кооперативной системы и переименован во Всероссийский кооперативный банк (Всекобанк). Число его пайщиков увеличилось за счет кооперативных организаций всех видов и ступеней - центральной, районной и первичной. Это позволило полнее мобилизовать денежные ресурсы кооперации и объединенного ею населения.

Следом за кооператорами свои банковские конторы открыли частные торговцы и промышленники. Первое общество взаимного кредита появилось 1 июля 1922 г. в Петрограде. 2 сен-

тября 1922 г. СТО утвердил типовой устав частных паевых обществ взаимного кредита, чтобы упростить процедуру регистрации и установить единые правила, регулирующие их работу.

Иные мотивы побудили советскую власть пойти на сотрудничество с иностранным капиталом в кредитовании своей внешней торговли. 19 октября 1922 г. был создан Российский коммерческий банк (Роскомбанк), соучредителем которого стал Стокгольмский акционерный банк в лице шведского гражданина Олофа Ашберга. Привлечение зарубежного банкира к совместным проектам имело целью установление нормальных торговых и кредитных связей Советской республики с другими государствами, преодоление внешнеэкономической изоляции. Наша страна, едва оправившись от гражданской войны, делала робкие шаги на мировой рынок - скорее в качестве покупателя, нежели продавца. Многие торговые операции, такие как реализация золота для импортных закупок, сталкивались с затруднениями и приносили солидные убытки. В использовании авторитета и опыта скандинавского партнера видели ключ к успешному свершению выгодных сделок.

Всю силу ведомственных интересов продемонстрировала центральная хозяйственная бюрократия, добившись в октябре 1922 г. создания Торгово-промышленного банка (Промбанка). Промбанк представлял собой акционерное общество, держателями акций коего были промышленные, транспортные, коммерческие хозорганы и кредитные учреждения. С момента основания Промбанка велись бурные дебаты о целесообразности данного решения. Ведь он мог рассчитывать только на средства тех же казенных предприятий индустрии и торговли, ради обслуживания которых был образован Госбанк.

Чиновники финансового ведомства сопротивлялись такому подходу и резонно вопрошали: “Зачем нужен второй банк для оказания аналогичных услуг одним и тем же клиентам, если его открытие не даст притока дополнительных денежных знаков?” Промышленные круги взяли верх над финансистами и заимели “свой” банк, подконтрольный ВСНХ. Победе индустриального лобби содействовало распространенное в то время наивное убеждение, что чем больше банков, тем больше денег и что надо благословлять открытие очередных кредитных заведений.

“На заре” банковского творчества возникли местные, так называемые коммунальные или городские банки, компетенция которых простиралась на определенную территорию - губернию, область, округ и т.п. Начало этому процессу положил в ноябре 1922 г. Московский городской банк. В январе 1923 г. вышел в свет общий закон о коммунальных банках, где оговаривались условия их создания в форме акционерных обществ и сферы деятельности: выдача кредитов местному коммунальному хозяйству, предоставление ссуд населению на нужды жилищного строительства, краткосрочное кредитное обслуживание местных предприятий всех форм собственности.

По своему замыслу коммунальные банки обязаны осуществлять долгосрочные вложения капиталов, ибо наращивание и поддержание жилого фонда и коммуникаций процесс многолетний. И источники коммунальных инвестиций (банковские пассивы) также должны иметь долговременный характер. Но в первые годы нэпа таких средств не было ни у кого, даже у казны. Поэтому все звенья банковской системы, а не только местные банки, занимались преимущественно краткосрочным кредитованием. На режим работы банков влияло и состояние денежного обращения в отечественной экономике.

* * *

В 1921 - 1922 гг. российская денежная система продолжала деградировать. Зачинщиком беспорядка в сфере движения денег выступало государство, ибо оно не могло свести концы с концами своего бюджета. По мере денатурализации финансового хозяйства рост бюджетных расходов опережал приток доходов. Чтобы покрыть возникавшую разницу в платежах и поступлениях, казначейство эмитировало (выпускало) денежные знаки в прогрессивно нарастающем количестве. Эмиссия денег в 1921 - 1922 гг. по кварталам знаменовалась следующими цифрами (млн. руб.):⁴⁷

Кварталы	1921 г.	1922 г.
январь - март	518 086,8	63 640 830,9
апрель - июнь	660 486,6	238 770 045,4
июль - сентябрь	2 182 263,8	531 536 747,8
октябрь - декабрь	13 009 804,2	1 142 977 597,6

Если за 1920 г. масса бумажных денег увеличилась в 5 раз, то за 1921 г. - в 15 раз, а за 1922 г. - в 116 раз. На 1 января 1923 г. весь объем циркулировавших в стране денег достиг 1 994 464 454 млн. руб. Потребность в дополнительных средствах обращения возрастала так стремительно, что прежние методы ее удовлетворения - печатание крупных купюр, упрощение образцов и т.д. - уже не спасали, да и сам подсчет денежных единиц становился обременительным.

Ради упрощения счета правительство произвело две чисто технические “деноминации”. Они не изменили основ валютного устройства, а лишь переименовали денежные знаки. Первая деноминация сопровождалась печатанием купюр образца 1922 г. По декрету СНК от 3 ноября 1921 г. один новый рубль приравнивался 10 000 руб. всех предыдущих эмиссий. Выбор соотношения между “нэповской” и старой валютами оказался крайне неудачным; кратное для деления прежних цен было неудобным. Красноречивы замечания очевидца тех событий: “Едва ли кто-нибудь, кроме служащих Народного комиссариата финансов (да и то не всех), научился считать в новых денежных единицах, и обыватель так и называл сторублевую бумажку образца 1922 года “миллионом” до последних дней ее хождения”⁴⁸. Обновление идеологии большевиков выразилось в том, что деньги выпуска 1922 г. получили название “государственных денежных знаков” взамен надписи “расчетный знак” на купюрах прошлых лет.

Вторая деноминация по декрету от 24 октября 1922 г. ввела денежный знак образца 1923 г., эквивалентный 100 рублям 1922 г. или 1 000 000 рублей знаками всех прошлых выпусков. Свежие меновые пропорции исправили погрешности предшествующего переименования и заметно облегчили исчисление цен. Население без хлопот привыкло “величать” 1 миллион рублей одним рублем, поскольку это словоупотребление утвердилось стихийно, само собой.

С объявлением нэпа государство приступило к реконструкции денежных источников бюджетных доходов, ввело принцип платности на свои товары и услуги, занялось сбором налогов в рублевом обложении. Но в одночасье заложить надежный фундамент под государственные финансы нельзя. Требовалось время, чтобы поступления денег перестали быть скромным прибытком и превратились в суммы, достаточные для погашения всей задолженности казначейства по платежам. Поскольку по обычным каналам в 1921-1922 гг. в бюджет не притекало нужного количества ресурсов, Наркомфин “от души” использовал чрезвычайное средство - эмиссию денег.

Опыт новой экономической политики свидетельствовал, что неограниченное печатание фабриками Гознака денежных купюр, при всей несомненной вредности этой затеи, не ввергло хозяйство в полный хаос и крах. “Эмиссионная система”, - писал В.А. Базаров, полемизируя с довоенными взглядами экономической науки, - не катастрофа и не лавинообразный процесс, приводящий к катастрофе, а своеобразный тип “подвижного равновесия”, имеющий свои устойчивые закономерности, допускающий методическое изучение”⁴⁹.

Об общей динамике денежного хозяйства нашей страны говорят данные таблицы 2.6. Выпуски бумажных рублей на протяжении исследуемого периода возрастали стремглав - абсолютно и относительно. Об интенсивности эмиссии позволяет судить показатель ее среднемесячного темпа (графа 2 в табл. 2.6). Он рассчитывается как отношение ежемесячных “выбросов” новых казначейских билетов к тому их количеству, какое уже было в обращении к началу каждого данного месяца. Иными словами, он показывает, на сколько процентов приходилось увеличивать всю денежную массу страны в течение месяца, чтобы залатать дыры в “государственном кармане”.

Повышение темпов эмиссии началось с июля 1921 г. и продолжалось почти год. Оно достигло рекордных отметок за весь отрезок времени с 1914 г., т.е. с того момента, когда появились признаки грядущих кризисных потрясений российской национальной денежной системы. Дело в том, что в первый год нэпа конъюнктура отечественного хозяйства складывалась крайне тяжело из-за неурожая и голода, а о весомых результатах восстановления доходных статей бюджета говорить было рано.

Таблица 2.6

Динамика денежного обращения и цен в 1921 - 1922 гг.

Дата	Показатели					
	Средне- месячный темп эмиссии, %	Средне- месячный темп возрастания цен, %	Отношение роста цен к темпу эмиссии	Среднемесячная реальная ценность эмиссии, млн. золотых руб.	Отношение ценности эмиссии к тем- пу эмиссии,* млн. золотых руб.	Ценность денежной массы,** млн. золотых руб.
1	2	3	4	5	6	7
1921 г.						
январь-март	13,0	34,7	2,66	6,9	0,61	69,6
апрель-июнь	11,7	35,1	3,00	4,33	0,43	47,3
июль-сентябрь	24,5	3,4	0,14	9,2	0,29	29,1
октябрь-декабрь	57,7	112,1	1,94	29,3	0,51	55,3
1922 г.						
январь-март	66,7	264,6	3,97	24,0	0,45	60,9
апрель-июнь	48,1	22,8	0,39	17,4	0,23	32,0
июль-сентябрь	39,1	19,3	0,49	30,6	0,55	55,3
октябрь-декабрь	32,8	53,6	1,63	27,8	0,92	115,9

* в первый месяц каждого квартала, ** на начало квартала

Рассчитано по данным: Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917-1928). М., 1928. С. 148, 147, 152, 155.

Тем не менее, стратегическая смена политического курса произошла удачно. Решающую роль сыграла денатурализация хозяйства. Продвижение товаров внутри госсектора стало осуществляться в виде купли-продажи с расплатой деньгами, а не в форме безвозмездной выдачи по разнарядке с простой записью в бухгалтерских книгах. Переход к вольным ценам, которые были выше твердых указных цен в десятки раз, также увеличил потребность торгового оборота в деньгах. Денежное обращение разбухло даже без изменения объема продуктов, производимых в стране. Спрос на деньги возрастал и в процессе “разбазаривания” оборотных капиталов промышленности. Сфера товарно-денежных отношений раздвигала свои границы, когда кооперативные и казенные предприятия для поддержания жизнедеятельности вынужденно “выкидывали” на рынок последние складские запасы сырья и изделий.

Реабилитации денежного хозяйства сопутствовало развертывание товарного оборота. Заполнявшийся рынок на первых порах спокойно поглощал вновь эмитированные рубли, без заметного подъема общего индекса свободных цен. Это видно из таблицы 2.6, где в графе 3 приведены конкретные значения показателя среднемесячного темпа возрастания рыночных цен в 1921 - 1922 гг. Более точный диагноз состояния денежного обращения дает сопоставление динамики цен и эмиссии (показатель в графе 4 табл. 2.6). Если соотношение темпов меньше единицы, то цены растут медленнее выпусков бумажной валюты. Это - положительная тенденция в экономике. Если частное от деления цифр второй графы на числа третьей графы в таблице 2.6 оказывается больше единицы, то подъем цен обгоняет скорость печатания и раздачи рублей. Сие - симптом хозяйственного неблагополучия в стране.

С июля по ноябрь 1921 г. показатель соотношения темпов роста цен и темпов эмиссии денег был меньше единицы. С декабря 1921 г. до мая 1922 г. он превышал этот уровень, достигая максимального значения в первом квартале 1922 г. - в среднем 3,97. “Стартовый” год нэпа принес успех в сравнении с последним годом военного коммунизма. Так, с 1 июля 1920 г. по 30 июня 1921 г. денежная масса увеличилась в 4,6 раза, а цены - в 9,9 раза. С 1 июля 1921 г. по 30 июня 1922 г. денежная масса выросла в 136,4 раза, а цены - только в 71,8 раза⁵⁰. В первом случае цены скакали в 2 раза быстрее выпусков бумажных денег. Во втором случае, напротив, расширение рублевого оборота осуществлялось в 2 раза скорее, чем бежали цены.

Осенние месяцы 1922 г. вновь обнаружили неблагоприятные тенденции. В октябре подъем цен вдвое превзошел прирост количества казначейских билетов. Импульсы начальных мероприятий новой экономической политики угасли. Закончился процесс перехода предприятий госсектора с прямого обмена продукцией к денежной торговле товарами. Завершилось “продание” запасов оборотного капитала хозрасчетных трестов.

Налоговая реформа застряла на половине пути. Бюджет сохранил преимущественно натуральное строение. Основной налог - продовольственный вносился сельхозпродуктами. Именно обильный сбор в короткие сроки продовольственного налога после хорошего урожая 1922 г. вызвал сжатие внутреннего рынка и скверно повлиял на соотношение цен и бумажно-денежной эмиссии. Результат был закономерным. При слабости государственных финансов взимание налога в натуре с подавляющей части населения служит фактором, дестабилизирующим все денежное обращение страны.

Инициатором вливаний денежных знаков в отечественное хозяйство было правительство. Поэтому надобно проследить, какой доход доставляли очередные выпуски бумажных рублей системе государственного предпринимательства. Речь идет о реальном, а не номинальном, ценностном содержании или о покупательной силе запускаемых в оборот, свежееотпечатанных купюр. Данные о реальной ценности эмиссии, помещенные в графе 5 таблицы 2.6, прорисовывают тенденцию ее повышения. Расплатившись необеспеченными денежными знаками, казначейство изъясало из рыночного оборота хозяйственных благ по полугодиям: в 1921 г. - 33,7 и 115,4 млн. золотых руб., в 1922 г. - 124,1 и 175,2 млн. золотых руб.

Если сопоставить расчеты реальной ценности ежемесячных выпусков валюты с темпами роста номинальной денежной массы, то получится показатель продуктивности эмиссии (графа 6 табл. 2.6). Этот показатель относительной производительности эмиссионной деятельности определяет ту сумму золотых, полноценных рублей, которая получалась в результате увеличения количества обращавшихся казначейских билетов на 1%. Накануне нового экономического периода производительность эмиссионных усилий скатилась до мизерного уровня - 290 000 руб. на 1 процент прироста денежной массы. С переменой политического курса она начала подниматься, но к апрелю 1922 г. опять упала до самой низшей черты - 230 000 руб. на 1% темпа эмиссии. С мая месяца наступил перелом к лучшему.

Вершителем судьбы российской денежной системы было государство. Количество бумажных рублей, выбрасываемых в обращение, определялось запросами, которые предъявляло казначейство к печатному станку. Однако достижение желаемых целей зависело не только от волевых устремлений советского хозяйственного руководства, но и от объективных процессов, протекавших в экономике державы. Государственное предпринимательство, с одной стороны, подчиняло своим интересам денежную сферу, с другой стороны, вынужденно приспособлялось к закономерностям ее функционирования. Потребность Наркомфина в размещении новых денег в торгово-платежном обороте всякий раз сдерживалась спросом на них - емкостью внутреннего национального рынка. Представление о границах рыночных отношений дает показатель реальной ценности циркулирующей денежной массы (графа 7 в табл. 2.6).

По осени 1921 г. наблюдалось интенсивное расширение емкости рынка, и к концу года ценность денежной массы возросла вдвое по сравнению с его серединой. Этому способствовали указанные выше причины: введение денежных расчетов и вольных цен в госсекторе, разбазаривание запасов. Совокупное действие перечисленных факторов увеличило платежный оборот, повысило ценность всей денежной массы, замедлило подъем цен, невзирая на небывалые темпы эмиссии, обогатила выручку от тиражирования и раздачи рублевых купюр.

Неурожай и разразившийся за ним голод прервали хозяйственный подъем. Из-за отсутствия продовольствия зачахла торговля. Сжатие рынка уменьшило его спрос на денежные знаки и урезало эмиссионные возможности. Вопреки этому казначейство продолжало без устали выпускать валюту, дабы покрыть дефицит бюджета. Производительность эмиссии заскользила вниз. Пришлось с неимоверным напряжением налегать на печатный станок, чтобы выкачивать из экономики страны хотя бы малый объем средств.

В мае 1922 г. отечественное хозяйство “проснулось” от зимнего оцепенения и “двинулось в гору”. Если в апреле 1922 г. емкость рынка составляла 32 млн. золотых руб. и почти не отличалась от исходного уровня начала нэпа, то к октябрю того же года она приблизилась к отметке 116 млн. золотых руб.

* * *

Интересно сопоставить данные об эмиссии совзнаков и ее последствиях в сфере денежного обращения с динамикой показателей других отраслей народного хозяйства, приведенных в таблице 2.7. Из указанной таблицы видно, что с переходом к нэпу все важнейшие отрасли обнаружили общую тенденцию к росту. В них происходили восстановительные процессы, постепенно набиравшие устойчивость. Конъюнктура российской экономики испытывала резкие сезонные колебания, связанные с течением сельскохозяйственного года.

Таблица 2.7

Основные показатели российского народного хозяйства в 1921 - 1922 гг.

Дата	Добыча каменного угля, млн. пуд.	Выплавка чугуна, тыс. пуд.	Выработка хлопчатобумажных тканей, млн. аршин	Обороты торговых органов ВСНХ, млн. золотых руб.	Погрузка на железных дорогах, тыс. вагонов
1921 г.					
январь	41,5	688,1	25,5	-	336,9
февраль	49,0	725,5	29,1	-	313,4
март	53,5	791,5	30,8	-	393,0
апрель	48,4	561,7	19,8	-	313,3
май	38,4	349,9	7,0	-	266,1
июнь	30,1	492,0	7,3	-	273,0
июль	19,1	392,3	3,0	-	227,5
август	22,4	212,3	4,2	-	227,0
сентябрь	31,1	322,7	5,5	-	221,8
октябрь	50,5	452,6	17,7	-	271,3
ноябрь	61,8	879,0	27,8	-	261,8
декабрь	74,9	1196,4	38,7	-	279,0
1922 г.					
январь	61,3	895,6	33,3	12,5	225,6
февраль	62,6	892,8	35,3	13,8	227,9
март	63,2	1040,4	45,8	11,9	304,9
апрель	39,5	780,3	24,3	5,4	271,2
май	46,5	762,9	35,4	6,9	312,4
июнь	45,5	1028,1	42,6	10,3	319,9
июль	31,3	857,7	31,3	21,1	279,4
август	26,1	693,5	29,4	20,8	234,9
сентябрь	30,4	923,9	45,3	37,8	238,1
октябрь	38,2	986,0	58,5	34,0	368,1
ноябрь	48,9	1206,0	55,6	33,8	342,5
декабрь	60,7	1285,0	65,2	45,0	377,6

Составлено по данным: Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 224 - 225.

Подробно описывал происходившее С.А. Первушин: "...характерен подъем от октября к марту с некоторой заминкой в ноябре (распутица) и январе (послепраздничное затишье) и обычными максимумами в декабре и марте. В апреле наблюдается весенняя депрессия, которая с некоторыми колебаниями (как, например, некоторое повышение в мае - июне) продолжается в течение всего летнего периода с минимумом в июле - августе и заканчивается новым подъемом к сентябрю - октябрю - после реализации урожая"⁵¹.

Если до первой мировой войны ритм и амплитуду текущих, внутригодовых колебаний конъюнктуры российской экономики задавало сельское хозяйство, то по окончании гражданских баталий роль аграрного сектора, понесшего наименьшие потери, стала исключительной. Стабилизирующее влияние промышленного производства, сократившегося в 5 раз по сравнению с 1913 г., пока ощущалось слабо.

Сезонные перепады деловой активности заметно усиливались расстройством финансово-денежной системы. Периоды эмиссионного напряжения совпадали с повышениями общей конъюнктуры отечественного хозяйства. Эта синхронность позволяла казне наращивать продуктивность эмиссии, извлекать из обращения больше ценностей, используя расширение емко-

сти рынка. Обратной стороной денежной экспансии государства были невиданные скачки цен и галопирующая инфляция.

Статистические итоги таблицы 2.7 подтверждают высказанные предположения о периодичности конъюнктурных колебаний. Так, с сентября 1921 г. по март 1922 г. добыча каменного угля увеличилась с 31,1 млн. пуд. до 63,2 млн. пуд. Пик добычи пришелся на декабрь - 74,9 млн. пуд. Соответствующие цифры по остальным отраслям были таковы: выплавка чугуна - 322,7 тыс. пуд. в сентябре 1921 г. и 1 040,4 тыс. пуд. в марте 1922 г., при декабрьском максимуме в 1 196,4 тыс. пуд.; выработка хлопчатобумажных тканей - 5,5 млн. аршин в сентябре 1921 г. и 45,8 млн. аршин в марте 1922 г.; погрузка на железнодорожном транспорте - 221,8 тыс. вагонов в сентябре 1921 г. и 304,9 тыс. вагонов в марте 1922 г.

Апрель - май 1922 г. по всем показателям характеризовались снижением относительно марта. Выплавка чугуна упала до 780,3 тыс. пуд. в апреле и 762,9 тыс. пуд. в мае, добыча каменного угля - до 39,5 млн. пуд. в апреле и 46,5 млн. пуд. в мае, производство хлопчатобумажного товара - до 24,3 млн. аршин в апреле и 35,4 млн. аршин в мае, погрузка на железнодорожном транспорте - до 271,2 тыс. вагонов в апреле. Наконец, обороты Госторгорганов ВСНХ понизились с 11,9 млн. золотых рублей в марте до 5,4 млн. золотых рублей в апреле и 6,9 млн. золотых рублей в мае.

Июнь - август 1922 г. по всем отраслям дали пониженные цифры, причем для большинства показателей минимум пришелся на август. Добыча каменного угля сократилась до 26,1 млн. пуд., выплавка чугуна - до 693,5 тыс. пуд., выделка хлопчатобумажных тканей - до 29,4 млн. аршин, погрузка на железнодорожной сети - до 234,9 тыс. вагонов. Только обороты Госторгорганов возросли до 20,8 млн. золотых руб.

Летний минимум в 1922 г. оказался ярко выраженным в промышленности. В сфере торговли он был едва заметен в июне месяце. Расхождение отраслевых тенденций говорило о том, что еще не был изжит разрыв хозяйственных связей между частями народнохозяйственного комплекса страны. Отсутствовала та нормальная степень взаимозависимости конъюнктурных колебаний различных сфер экономики, которая отмечалась в довоенное время. Только лишь в динамике подъема на исходе 1922 г. обозначились первые признаки "склеивания" в единое целое рассыпанного по кускам отечественного хозяйства.

Лето и осень 1922 г. знаменовали собой серьезный структурный сдвиг в российской экономике. Произошли передвижки в спросе и в ценовых пропорциях. Уровень цен на продукцию сельского хозяйства понизился в сравнении с ценами изделий городской промышленности. Тому свидетельство - данные таблицы 2.8.

Таблица 2.8

Индексы цен в 1922 г. (средние цены января = 100)

Месяцы	Общий индекс из 98 товаров	Индекс продовольственных продуктов	Индекс непродовольственных продуктов	Одежда и обувь	Золото (10 рублей)
январь	100	100	100	100	100
апрель	850	905	788	814	920
май	1 286	1 305	1 263	1 287	1 260
июнь	1 586	1 482	1 703	1 704	1 079
сентябрь	2 194	1 653	2 805	2 601	2 149
октябрь	3 169	2 284	4 148	4 203	4 690
ноябрь	5 185	3 415	7 185	7 300	6 498
декабрь	6 523	4 384	8 940	9 574	9 602

Составлено по данным: Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. С. 229.

С.А. Первушин прокомментировал ход событий так: "С точки зрения массового потребления эти смещения цен могут быть охарактеризованы, как обесценение продовольственных продуктов и предметов первой необходимости в отношении непродовольственных предметов широкого потребления (ситец) и предметов сбережения и накопления (золото, доллар)"⁵². В зимний, скудный период ситец и золото обесценивались в отношении муки. Летом наступило об-

легчение, и население, закупившее хлеб с запасом во время голодной паники, пустило свободные деньги на покупку одежды и обуви. Уже золото и хлеб дешевели в сопоставлении с мануфактурой. Бурная инфляция вызвала вздорожание золота как средства накопления накануне 1923 г.

Более детально объяснял изменения спроса и цен Н.Д. Кондратьев. Он указывал на различия в структуре потребления в условиях военного коммунизма и нэпа⁵³. В 1918 - 1920 гг. спрос был односторонним. Промышленность обеспечивалась сырьем, собираемым продрозверсткой, по фиксированным ценам. Внутрипромышленный оборот после национализации крупных заводов и фабрик превратился в натуральный обмен продуктами. Запросы покупателей сконцентрировались в основном на предметах продовольствия. Именно они почти сплошь сбывались на “черных” рынках. Спрос на фабрикаты личного потребления был менее напряжен, а применительно к промышленному сырью и средствам производства практически не предъявлялся.

Легализация рынка, разрешение аренды предприятий, перевод трестов на хозрасчет, возобновление внешней торговли в 1921 г. перекроили структуру “общественно-денежного” спроса и привели к соответствующему пересмотру цен. В 1922 г. сильно возросли цены изделий кожевенного, текстильного и химического производства, а также промышленности, перерабатывающей сельхозпродукты. Отставали в росте цены металлической и электротехнической индустрии, а особенно - сырья сельскохозяйственного происхождения. Топливо стояло близко к общему индексу цен.

Динамика цен складывалась под перекрестным воздействием спроса и предложения товаров. Подобный вывод вытекает из анализа таблицы 2.9.

Таблица 2.9

Соотношение объемов производства и цен важнейших товаров в 1922 г., %

Товары	Производство продукции в 1922 г. по сравнению с 1918 г.	Соотношение цены в 1922 г. и довоенной цены, в дензнаках
Железо и сталь	4,9	400,0
Спички	17,4	123,5
Хлопчатобумажная пряжа	17,9	369,2
Лен	26,9	220,6
Уголь	28,9	333,5
Соль	32,9	963,0
Нефть	50,4	369,0
Льняная пряжа	58,6	210,0

Составлено по данным: Кондратьев Н.Д. Условия образования и движения товарных цен // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 310.

Товары расположились по убывающей степени падения производства, но темпы подъема цен не составили убывающего ряда. Сказалось видоизменение спроса на них. В целом же восстановительные процессы в российской экономике первых лет нэпа ограничивались не только со стороны предложения (производства), но и со стороны платежеспособных потребностей населения и предприятий.

ГЛАВА III. Денежная реформа

Признание хозяйственного расчета основополагающим принципом государственного предпринимательства побудило правительство пересмотреть свое отношение к проблемам устойчивости денежного обращения. Стратегическую перемену курса верно охарактеризовал участник теоретических дискуссий тех лет - Л.Н. Юровский: “Вопрос о падении покупательной силы рубля имел для государственной власти второстепенное значение, покуда она ориентировалась на безденежное хозяйство и имела в виду ограничиться материальным, а не денежным учетом всех тех благ, которые поступали в ее распоряжение. Но этот же вопрос сделался кардинальной проблемой экономической политики с того момента, когда хозяйство стало радикально перестраиваться и государственная власть начала переводить его с рельсов коммунистической организации производства и распределения на рельсы товарно-денежного оборота и связанного с ним ценностного счета в деньгах”¹.

Предприятия, основанные на расчете и стремлении к получению прибыли, благополучно работают и даже растут в условиях, когда реальная ценность валюты плавно колеблется - то понижается, то повышается или постепенно уменьшается. Но при быстром - несколько процентов в день и скачкообразном падении покупательной силы денег нормальная хозяйственная деятельность становится невозможной. При галопирующей инфляции нельзя точно калькулировать (вычислять) себестоимость и цены, а ведение хозяйства превращается в рискованную спекуляцию.

В такой обстановке оказались предприятия: частные и казенные, переведенные на хозяйственный расчет осенью 1921 г. Они не могли хотя бы приблизительно определить сумму своих затрат на производство и сбыт продукции и, стало быть, с выгодой для себя назначить ее цену. Им не удавалось сводить баланс расходов и доходов. Дабы не терять времени напрасно, администрация государственных предприятий не составляла никаких реальных балансов и калькуляций себестоимости. Хозрасчетные заведения просто не продавали собственных изделий до тех пор, пока не обнаруживали на рынке нужной для их производства продукции. Деньги в фабричных кассах не залеживались, а немедленно уплачивались за новые товары. Имея на руках материальные ресурсы, легко было думать, что предприятие функционирует без убытка. Но подтвердить или опровергнуть подобное предположение было сложно.

Немалые трудности в распределении средств испытывало и финансовое хозяйство страны, переходившее от натуральных повинностей к денежному обложению. Наркомфину надо было измыслить такие методы составления государственного бюджета, чтобы его удавалось исполнять фактически.

Так потребности крупной промышленности, оптовой торговли и финансов вынуждали хозяйственников обращаться к устойчивому мерилу ценности с денежным содержанием. Поиски сравнительно стабильного денежного измерителя развернулись со второй половины 1921 г. Воспоминание о прежней денежной системе, действовавшей накануне первой мировой войны, было еще свежо в памяти людей. Поэтому народное и государственное хозяйство обратило свой взор именно на нее. Постановление СНК от 5 ноября 1921 г. требовало, чтобы бюджет на 1922 год формировался в довоенных рублях. Сам факт возвращения к традиционной денежной единице весьма примечателен. Он доказывает преемственность в историко-экономическом движении нашего отечества, которая пролагала себе дорогу через все социальные потрясения и разрушения материальной и духовной культуры.

Инструкция, разъяснявшая указанное выше постановление, ввела индексное определение курса рубля. Наркомфин обязан был ежемесячно рассчитывать соотношение между ценностью довоенного, “золотого” рубля и текущей покупательной способностью совзначных казначейских билетов. В основе этой пропорции лежал индекс товарных цен, который в ноябре 1921 г. придвинулся к отметке 60 000 по сравнению с 1913 г., т.е. средняя цена предметов и услуг выросла за 8 лет в 60 000 раз. Курс объявлялся вперед на месяц с округлением. В декабре 1921 г. он равнялся 80 000, в январе 1922 г. - 100 000, в феврале - 150 000, в марте - 200 000².

Поначалу возобладали желание правительства распространить новую форму расчета далеко за рамки бюджетной политики. Декрет СНК от 14 ноября 1921 г. узаконил заключение множества серьезных сделок, в частности арендных договоров, в “золотых рублях”. Декрет от 15 декабря того же года заставил пересмотреть условия ранее подписанных договоров об аренде го-

сударственного имущества и платить за пользование казенной собственностью по текущему курсу Наркомфина. В январе и феврале 1922 г. была обнародована серия правительственных указов, которые обязывали исчислять в довоенных рублях ставки государственных и местных налогов и сборов, тарифы на перевозку грузов и пассажиров по железной дороге, оплату древесины, лесоматериалов и т.д.

Но условия для традиционного денежного счета еще не сложились. Рыночные сделки совершались в советских рублях. Доходы отдельных граждан и групп населения отставали в росте от изменений курса Наркомфина. Одноразовые, ежемесячные повышения курса условного “довоенного рубля” с декабря 1921 г. по март 1922 г., соответственно на 33,3%, 25%, 50% и 33,3%, не оправдывали надежды на обретение устойчивого ценностного измерителя, провоцировали спекулятивные махинации.

Обстоятельства вынудили руководство страны пойти на попятную. Декрет ВЦИК и СНК от 30 марта 1922 г. отменил исчисление в довоенных рублях всех казенных доходов и расходов. Предписывалось впредь устанавливать в советских денежных знаках все тарифные расписания, поясные таксы и ставки государственных и местных налогов, пошлин, сборов, железнодорожные и водные тарифы, таксы за пользование почтой, телеграфом, коммунальные услуги и пр.

Декрет от 30 марта 1922 г. не отобрал право на заключение сделок по индексу золотого рубля. Он лишь приостановил поспешное насаждение расчетов по твердому курсу в системе государственного предпринимательства. Потребность в стабильной денежной единице по-прежнему определяла зигзагообразные тенденции развития российского хозяйства.

Индексный счет стал более точным и приближенным к действительному рыночному обмену товаров после перехода от бюджетной котировки советского рубля к банковской. Народный комиссариат финансов последний раз зафиксировал соотношение золотого рубля к бумажному на март 1922 г. и с 1 апреля переложил обязанности установления курса для сделок “на плечи” работников Государственного Банка. Наркомфин подгонял свой денежный курс под запросы бюджетных служб. Составители бюджета могли довольствоваться пересмотром декларируемой котировки один раз в месяц. Исполнителям бюджетных смет не очень мешало накапливавшееся расхождение между текущим индексом товарных цен и объявленным ранее курсом твердого рубля.

Госбанк назначал цену, по которой он покупал золото за советские денежные знаки. Тем самым бумажный рубль “привязывался” к золоту, а через вес благородного металла в царской монете к покупательной способности “червонного” рубля. Этот подход перебрасывал мостик экономической политики государства из прошлого в настоящее. В отличие от условных, товарно-индексных прикидок Наркомфина, обращенных к довоенной поре, банковский курс опирался на рыночную стоимость золота в первый год нэпа. Котировка Госбанка была гибче бюджетной и менялась чаще: в ноябре 1921 г. - 2 раза, в декабре - 3 раза, в январе 1922 г. - 5 раз, в феврале - 7 раз, в марте - 3 раза, в апреле - 2 раза, в мае - 5 раз и т.д.³ Фактический банковский курс отклонялся от цены золота и других товаров, не поспевал за их ростом. Но он все же снижал потери от обесценения денег при выполнении коммерческих договоров.

Эстафету от Госбанка приняла Специальная котировальная комиссия, утвержденная декретом СТО от 25 августа 1922 г. в качестве межведомственного органа для установления официальных цен благородных металлов, курсов иностранных валют и золотого рубля. Впервые курс золотого рубля согласовывался с курсом устойчивых, свободно конвертируемых (обмениваемых) иностранных валют - доллара, фунта стерлингов. Получилось нечто похожее на интервалютную котировку. Бумажный советский денежный знак прикреплялся теперь уже к двум “якорям” - золоту и зарубежной валюте. Таким образом, государственная политика вела рыночный оборот по пути к новому основанию для исчисления цен.

В том же направлении заставляли двигаться правительство интересы наемных работников, желавших получать гарантированную от инфляционного падения зарплату, и интересы руководителей предприятий, которые стояли беспомощными перед проблемой калькуляции себестоимости и цен. По мере денатурализации заработной платы - замены продуктового пайка денежным содержанием - все острее ощущалась необходимость ее твердого измерителя, ибо рыночные цены безостановочно летели в гору. Профсоюзы добивались включения в сумму причитающихся рабочим денег стоимости полного перечня тех благ, которые выдавались ранее бесплатно.

Пятый Всероссийский съезд профессиональных союзов в сентябре 1922 г. принял резолюцию с требованием установить общую единицу исчисления, защищающую зарплату от ценовых колебаний и позволяющую сравнивать текущий размер оплаты труда с довоенным. Советское руководство пошло навстречу пролетарским пожеланиям. Оно утвердило в качестве единицы для сопоставления уровней заработной платы набор продуктов, который уже использовался для расчетов бюджетного индекса труда по отдельным губерниям и в целом по России.

Повсеместная индексация зарплат была хлопотным, но осуществимым делом. В ее основе лежал ограниченный список потребляемых населением стандартных товаров и услуг, имевших достоверную рыночную оценку. С гораздо большими трудностями столкнулись хозрасчетные предприятия при калькуляции себестоимости и назначении цен.

Прежде всего, затруднения создавали деньги, терявшие покупательную способность с неуволимой быстротой. Экономические службы предприятий не могли отслеживать темпы инфляции из-за отсутствия добротного статистического материала. Традиционный, общепринятый бюджетный индекс статистики труда охватывал узкий круг товаров, учитывавшихся по розничным ценам, а предприятия обычно продавали и закупали оптом. Индексы Конъюнктурного института с 1920 г. до 1922 г. составлялись только по московским ценам и для незначительного количества продуктов. Госплан начал публиковать свой индекс оптовых цен лишь с осени 1922 г. С этого же времени Специальная котировальная комиссия занялась фиксированием золото-валютных курсов рубля.

Другая сложность была связана со структурой рыночного оборота. В первые годы нэпа на продажу выносились предметы потребления, сырье и простейшие инструменты. Машины, оборудование, станки, прочие капитальные блага и некоторые материалы нельзя было купить. Их рынок еще не восстановился после хозяйственной разрухи.

Поскольку текущих рыночных цен на основной капитал не было, постольку невозможно было начислять его амортизацию и включать износ в калькуляцию себестоимости продукции. Попытки вести бухгалтерский учет по довоенной балансовой оценке не страховали от ошибок, ибо современное соотношение цен заметно расходилось с прошлым.

Так, в декабре 1922 г. среднее повышение оптовых цен для 107 товаров по сравнению с ценами 1913 г. составляло 14,8 млн. раз. Но в суммируемые компоненты среднего показателя входила группа товаров с превышением цен более чем в 30 млн. раз (краска анилиновая - 48,0 млн., кислота соляная - 35,7 млн., рафинад колотый - 31,6 млн.) и группа с ростом цен менее чем в 5 млн. раз (стаканы - 4 млн., овчина русская - 3,7 млн., алюминий - 2,9 млн.)⁴. Максимум, достигавший 48 млн., отличался от минимума, доходившего до 2,9 млн., в 13 с лишним раз.

Предприятия, переведенные на хозяйственный расчет, обязаны были заполнять счета прибылей и убытков, выбирать выгодную для себя продажную цену, которая возмещала бы производственно-сбытовые издержки. Однако цены скорее назначались, чем высчитывались. По общему правилу, в 1922 г. тресты о фактической калькуляции себестоимости не ведали.

Предпринимательское поведение руководителей государственных заводов и фабрик демонстрировало чудеса изобретательности в деле установления цен на изготавливаемую продукцию. Например, тресты металлической индустрии придумали “метод хлебных эквивалентов”. Сие подразумевало, что довоенная стоимость пуда чугуна переводилась из золотых рублей в пуды ржаной муки. Затем ржаная себестоимость переводилась в тогдашние, “совзначные” рубли по рыночным ценам ржаной муки. Но для пущего порядку принимали к сведению, что зарплата опустилась до 30% от довоенной, а рожь в голодном 1921/1922 г. подорожала сильнее, чем прочие продукты в 4 раза⁵. Аналогичные попытки добраться до реальных пропорций торговли осуществлялись и в других отраслях промышленности. В основе этих проявлений управленческой смекалки лежало объективно верное стремление найти твердый измеритель для хозяйственного расчета в обстановке непрерывно падающей валюты.

* * *

Введение золото-валютного счета цен наряду с бумажно-рублевым наметило направление дальнейшей эволюции отечественной денежной системы. Торговый оборот уже не мог обходиться идеальными индексными показателями или искусственными курсами расчетного рубля. Коммерсанты расплачивались пусть плохими, но реальными совзнаками.

Участники торговых сделок стали сами по собственному почину пользоваться золотыми деньгами старого образца, чеканившимися до первой мировой войны. Императорские червонцы, оставшиеся после революции на руках у частных лиц, вовлекались в обращение и поступали даже в кассы казенных предприятий. Государственные хозяйственные органы с энтузиазмом сбывали товары за “звонкую” монету. Под влиянием усилившегося спроса в 1922 г. цена на монетное золото пошла вверх по сравнению с 1921 г. Тенденции этого подъема, с резкими сезонными колебаниями, хорошо просматриваются на рисунке 3.1.

Рис. 3.1. Ценность золота (десятирублевой монеты) в 1921 - 1922 гг., в довоенных рублях по индексу статистики труда

Составлено по данным: Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти С. 203.

Не признанный официально царский червонец начал теснить законное платежное средство - бумажный казначейский рубль. Следуя логике развития хозяйственной жизни, правительство предложило пользователям новую денежную единицу - “советский червонец”. Экономический оборот, наконец-то, обрел устойчивую валюту. Вместе с тем, государство сохранило казначейскую эмиссию бумажных денег для покрытия бюджетного дефицита.

Декрет СНК от 11 октября 1922 г. предоставил Государственному Банку право эмиссии банковских билетов, первые из которых поступили к клиентам через месяц. Основные статьи совнаркомовского указа регламентировали порядок циркулирования нового вида денег. Согласно им, Госбанк возымел статус эмиссионного центра державы. Для своих коммерческих операций ему дозволялось печатать и запускать в обращение банковские билеты - банкноты.

Единицу счета ценности банковских (кредитных) билетов поименовали “червонцем”. Между деньгами “Центрального” банка и советскими бумажными рублями никакого определенного соотношения в законе не предусматривалось. Вместо него декретировалось возвращение к довоенной денежной единице. В законодательном акте было записано, что червонец равен 1 золотнику 78,24 доли (7,74234 грамма) чистого золота ⁶ или равен 10 руб. в прежней российской золотой монете. Банкноты должны были обеспечиваться драгоценными металлами и твердой иностранной валютой не менее чем на ¹/₄ выпущенной суммы червонцев. Остальные 75% червонной эмиссии покрывались ликвидными активами - краткосрочными векселями и легко реализуемыми товарами.

Однако такое солидное инвалютно-металлическое обеспечение не предполагало свободного размена кредитных рублей на золотые слитки. СНК только пообещал попозже ввести взаимное конвертирование червонцев и золота специальным правительственным указом. В отличие от символической привязки к благородным металлам червонные банкноты беспрепятственно превращались в валюту других государств и обратно. Внедрению в оборот кредитных денег способствовали положения декрета, обязавшие казенные инстанции не отказываться от них, а принимать податные платежи - налоги, пошлины, в том числе таможенные, - в червонцах по нарицательной стоимости.

* * *

Банковские билеты поначалу эмитировались с крайней осторожностью. В ноябре и декабре 1922 г. было выпущено в обращение немногим более 356 тыс. червонцев ⁷. Скромное введение в оборот новых ценных бумаг объяснялось общей ситуацией в российской экономике. Если в 1917 - 1921 гг. цены на продовольствие росли быстрее по сравнению с ценами на промышленную продукцию, то с весны 1922 г. наметилась противоположная тенденция. В сентябре 1922 г. наступил перелом и индекс цен на изделия промышленности превзошел ценовые показатели сельскохозяйственных продуктов. По меткому выражению Н.Д. Кондратьева, “произошла полная революция на рынке” ⁸, и конъюнктура деревенских товаров, особенно хлебов, стала резко падать. О скорости свершавшихся перемен свидетельствует таблица 3.1.

Таблица 3.1

Отношение индексов оптовых цен сельскохозяйственных и промышленных товаров к сводному индексу оптовых цен Госплана, %

Дата	Индекс цен сельскохозяйственных товаров	Индекс цен промышленных товаров
1 августа 1922 г.	116	85
1 сентября 1922 г.	103	97
2 сентября 1922 г.	100	100
1 января 1923 г.	82	124

Составлено по данным: Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избранные произведения: В 2 кн. М., 1993. Кн. 1. С. 192

Хлебные цены стремительно понизились под воздействием долговременных и текущих причин. Основное направление задавала потребность восстановления нормальных, близких к довоенным отраслевым пропорций в отечественном хозяйстве. За семь лет боев и революционных потрясений промышленность потеряла не менее $\frac{3}{4}$ производственных мощностей. Аграрный потенциал пострадал не столь катастрофически и уменьшился примерно на $\frac{1}{3}$. Такая перегруппировка производительных сил страны вызвала колоссальные диспропорции в продуктообмене.

Возвращение в мирную жизнь неизбежно вело к удорожанию фабрично-заводских изделий и удешевлению сельской продукции. Рыночный механизм стихийно подлаживался к новым реалиям и посредством разницы в ценах поддерживал вынужденную перекачку ресурсов в наиболее разрушенные отрасли. Неблагоприятное для крестьянства соотношение цен закреплялось на длительный период. Реконструкция промышленности предполагала возмещение растраченных капиталов, а процесс их накопления обычно измеряется годами.

Но коренная, долгосрочная тенденция возрождения российской экономики проявлялась не однозначно, а под влиянием других факторов. Вместе с падением доли индустрии в товарном обороте внутреннего, всероссийского рынка возросла зависимость колебаний конъюнктуры от сельскохозяйственных сезонов. Плохой сбор зерна осенью 1921 г. парализовал повышательную динамику промышленных цен до следующей уборки полей. Урожай 1922 г. оказался на треть богаче прошлогоднего. К сожалению, обилие продовольствия повлекло за собой непредвиденные скачки цен и расстройство торговли. Засыпав в закрома щедрые дары природы, аграрии увеличили предложение хлебных и фуражных (кормовых) культур на продажу. Однако мощный приток крестьянских товаров на рынок столкнулся с трудностями их сбыта.

Жители села вносили продналог преимущественно хлебом, большая часть которого поступала затем к потребителям в порядке натурального снабжения, без оплаты деньгами. Это серьезно подрывало покупательский спрос на зерно. Оставшиеся запасы “продналогового” хлеба интенсивно распродавались госорганами по дешевке ради пополнения оборотных средств. Для уплаты денежных налогов - подворного, общегражданского и прочих - в установленный правительством краткий промежуток времени земледельцы, не мешкая, реализовывали зерно по бросовым ценам. Форсированное предложение вкупе с ослаблением денежного спроса обрушило цены вниз и угнетающе подействовало на хлебный рынок.

Иная картина наблюдалась на рынке промышленной продукции. Бурный рост цен фабрично-заводских изделий был вызван увеличением почти всех статей себестоимости - удорожанием сырья (хлопка, льна и т.д.), топлива, повышением транспортных тарифов, налоговых платежей и других накладных расходов. Подъем промышленных цен во второй половине 1922 г. компенсировал объективно необходимый уровень издержек, который возрос из-за хозяйственной деградации - падения объемов производства, производительности и дисциплины труда, отсутствия нужных элементов основного и оборотного капитала и пр.

Темпы восстановления крупной индустрии сдерживались не только малым предложением требуемой продукции, но и отсутствием надлежащего спроса. На традиционные государственные заказы денег в бюджете не хватало. Долговые обязательства казны перед поставщиками частенько откладывались “на потом”, а то и вовсе аннулировались. Запросы постепенно ожививших хозрасчетных трестов расширялись медленно. Решающее значение имел самый массовый потребитель “мануфактуры” - деревня.

Но крестьянские закупки фабрикатов стали скромнее в конце 1922 г. - начале 1923 г. С одной стороны, снижение сельскохозяйственных цен поубавило доходы земледельческого сословия. С другой стороны, крутой подъем цен на промтовары лишил крестьян возможности приобретать городскую продукцию в желаемом количестве. Таким образом, “революция” в ценовых пропорциях на втором году нэпа ввергла оптовую и розничную торговлю в депрессивное состояние. Ситуация выглядела парадоксально. При явном всеобщем дефиците и продовольственных, и промышленных товаров, по причине свернувшегося в военное время производства, главным препятствием реконструкции отечественной экономики была недостаточная емкость рынка.

Во взаимодействии спроса и предложения инициатива исходила от первого фактора. Величина покупательной способности населения и хозяйственных организаций оказывала на колебания конъюнктуры более ощутимое влияние по сравнению с объемами производимых товаров. Ведь количество находящихся в обращении денег может изменяться быстрее, нежели выпуск продукции. Эмитировать или же изымать обратно в банк бумажные купюры проще, чем увеличивать реальные ресурсы производителей.

Оживление предпринимательской активности в промышленности и сельском хозяйстве, как правило, следовало за улучшением дел в торговле. В свою очередь умножению числа продаж обычно предшествовал приток денег в обращение. Поэтому на сезонные колебания конъюнктуры российской экономики накладывались ежемесячные пополнения массы обращавшихся казначейских билетов. Квартальная периодичность, связанная с кредитно-денежной политикой Наркомфина и Госбанка, ярко выделялась на фоне эволюционного, поэтапного возрождения отечественного хозяйства⁹.

Сжатие внутреннего рынка страны означало сокращение потребности товарооборота в денежных средствах. Стало быть, каждый выпуск дополнительной суммы денег встречал преграду на своем пути в виде обесценения всех используемых советских знаков. Исходя из этого, становится понятной та осмотрительность, с какой эмитировались первые червонцы на излете 1922 г. Дальнейший ход эмиссии твердых кредитных денег представлен данными таблицы 3.2.

Таблица 3.2

Эмиссия червонцев (десятирублевых кредитных билетов) в январе 1923 г. - марте 1924 г.

Дата	Передано в кассу правления Госбанка			Выпущено в обращение за месяц, червонцев
	всего червонцев	из них осталось в обращении		
		червонцев	% к общей сумме переданных червонцев	
1923 г.				
1 января	1 118 000	356 245	31,86	498 346
1 февраля	1 930 000	854 591	44,28	749 390
1 марта	3 000 000	1 603 981	53,47	962 708
1 апреля	4 500 000	2 566 689	57,04	1 187 486
1 мая	6 000 000	3 754 175	62,57	994 173
1 июня	8 000 000	4 748 348	59,32	2 251 796
1 июля	9 600 000	7 000 144	72,92	4 120 339
1 августа	13 500 000	11 120 483	82,37	5 397 537
1 сентября	18 400 000	16 518 020	89,77	4 885 468
1 октября	23 500 000	21 403 488	91,08	2 013 359
1 ноября	25 450 000	23 416 847	92,01	190 004
1 декабря	26 776 000	23 606 851	88,16	1 310 000
1924 г.				
1 января	28 000 000	24 916 851	88,99	2 379 858
1 февраля	30 300 000	27 296 709	90,08	2 730 390
1 марта	32 800 000	30 027 099	91,55	-

Составлено по данным: Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 226.

Восприимчивость экономики к новой валюте характеризовалась отношением “застревавших” в обращении червонцев к их общему количеству, выданному клиентам через кассы филиалов государственного банка. На протяжении девяти месяцев 1923 г. доля кредитных билетов, оседавших в кошельках и сейфах покупателей и продавцов, росла, пока не достигла нормального, устойчивого положения вокруг отметки 90%. Низкие проценты в верхних строках таблицы 3.2 говорят о проблемах внедрения в оборот банкнот. Сказывались субъективно-психологические сложности: незнакомство с качеством новой валюты, недоверие, порожденное многолетней практикой инфляционных эмиссий, и т.д.

Поначалу большинство предприятий, получив ссуды в червонных билетах, обменивали их, не отходя от окошка кассы, на советские денежные знаки. Привычные деньги направлялись по всем платежам, а червонцы возвращались обратно в фонд банковских резервов. Установленный высокий номинал банкнот делал их малопригодными для осуществления мелких и средних торговых сделок. У хозяйствующих субъектов не было возможности приобретать твердую валюту сразу в больших суммах. И границы ее применения раздвигались постепенно. Сперва червонец использовался как ценная бумага для сохранения стоимости временно свободных совзнаков. Праздно лежащую наличность помещали в червонцы с тем, чтобы впоследствии их продать и получить понадобившиеся для текущих расчетов “настоящие” деньги (казначейские рубли).

Банковские купюры неторопливо превращались в денежные знаки. Этому способствовало финансовое ведомство, издавшее в январе 1923 г. циркуляр о приеме банкнот в уплату налогов. Крупные государственные и кооперативные магазины также вывешивали объявления о согласии отпускать товары в розницу за кредитные билеты. Но главную роль в признании червонца полноценными деньгами играла эмиссия Госбанка. В первые месяцы 1923 г. выпуски банкнот возрастали равномерно и благотворно влияли на денежное обращение. Банковские билеты были не столько товаром, сколько удобной для хранения твердой ценной бумагой. Появление “бумаги-товара” потребовало привлечения дополнительных денег для обслуживания своего оборота. На этой стадии червонец не вытеснял казначейского знака, а напротив, укреплял его, создавал ему дополнительный рынок.

Новая устойчивая валюта поддержала очередное сезонное оживление дел в торговле и промышленности, пик которого пришелся на март. Стабильная валюта поощряла развертывание оптовой торговли, восстанавливала коммерческую ориентацию товаропроизводителей. Предприятия могли уже калькулировать собственные издержки, цены и подытоживать прибыли или убытки. А у государства появился приемлемый критерий для разграничения бюджетного и коммерческого способов ведения хозяйства. Поэтому вполне последовательным шагом экономической политики было юридическое оформление хозрасчетной деятельности казенных предприятий.

* * *

На гребне краткосрочной волны конъюнктуры, 10 апреля 1923 г. увидел свет декрет ВЦИК и СНК “О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)”. Знакомство с этим документом, а также с комментариями к нему важно для понимания логики экономических событий и духа преобразований того времени. Примечания к статьям декрета и предисловия к сборникам хозяйственного законодательства первого и второго изданий были подготовлены одним из кодификаторов - А.М. Гинзбургом в 1923 г. и 1924 г.

Декрет от 10 апреля 1923 г. отменял или видоизменял правовые нормы, декларированные постановлением СТО “Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности” от 12 августа 1921 г. Поэтому толкование юридических новаций строилось на сравнении их с прежним законоуложением.

Первая же статья декрета знаменовала собой очередной поворот в новой экономической политике. Она записана была в следующей редакции: “Государственными трестами признаются государственные промышленные предприятия, которым государство предоставляет самостоятельность в производстве своих операций, согласно утвержденному для каждого из них уставу, и которые действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли. Государственные тресты несут ответственность по своим обязательствам лишь в пределах состоящего в их распоряжении имущества. Государственная казна за долги трестов не отвечает”¹⁰.

Бросалась в глаза смена терминологии. В августе 1921 г. директивы правительственных структур пестрели призывами к налаживанию хозяйственного расчета. Полтора года позднее руководящие круги отдавали предпочтение иному понятию - “коммерческому расчету”. Обновление лозунгов отразило коренную реконструкцию системы государственного предпринимательства. Словосочетанием “хозяйственный расчет” обозначался режим функционирования фабрик и заводов, при котором во главе угла стояли точный учет всех затрат на производство и сбыт продукции и сведение их к минимуму. Целью предприятия было простое покрытие издержек выручкой от продажи имевшихся товаров. Такая безубыточная работа напоминала принцип бездефицитного исполнения бюджета - равенство доходов и расходов. Хозяйственный расчет образца 1921 года представлял собой уменьшенную копию типичной бюджетной формы казенного предпринимательства.

Коммерческий расчет, как явствовало из примечаний, “заботится не только об уменьшении расходов, но и об увеличении доходов, или иначе об увеличении денежной разницы между доходами и расходами, т.е. о прибыли”¹¹. Здесь выделены два момента: во-первых, целевая характеристика коммерческой организации государственного предприятия – прибыль; во-вторых, денежный счет поступлений и затрат производственных ресурсов. Последнее обстоятельство перedaвало умонастроение 1923 г., когда вслед за возрождением торговли и кредитно-денежной системы стараниями управленцев “хозяйственный” принцип уступил место “коммерческому”. Провозглашение прибыли главным мотивом деятельности снятых с централизованного финансирования предприятий обогатило “палитру” государственного предпринимательства. Наряду с убыточными учреждениями, которые существовали благодаря дотациям из бюджета, оформились тресты, намеревавшиеся хозяйничать на частнокапиталистический манер.

Попытка коммерциализации промышленных трестов высветила внутреннюю конфликтность ведения государственного хозяйства. Противоречия коммерческого расчета обуславливались переплетением разнородных элементов, взятых из частной предпринимательской практики и бюджетного хозяйствования. Эта двойственность на каждом шагу возбуждала много спорных вопросов. На них подробно останавливался А.М. Гинзбург, растолковывая порядок применения декрета от 10. 04. 1923 г. Надо было убедить оппонентов в пользе принятия советским, “социалистическим” государством “идеологически чуждых”, капиталистических стимулов экономического прогресса.

Рассуждая об общем значении декрета, комментатор писал: “Государство, каково бы оно ни было, есть прежде всего орган властвования. Его аппарат по необходимости централизован и построен по принципу иерархии, которая наиболее соответствует задачам властвования и подчинения. Между тем хозяйственная жизнь с трудом поддается централизации и тем более, иерархическому подчинению. Хозяйственная деятельность покоится на максимальном развитии личного творчества, инициативы, приспособления к окружающей среде. Основной принцип хозяйственной деятельности - экономия труда - может быть проведен с наибольшим успехом в жизнь там, где оставлен достаточный простор для личной заинтересованности. Где нет этого простора, там воцаряются казенная рутинa, мертвый застой и непроизводительная трата труда”¹².

Государственное управление обычно тяготеет к чрезмерной централизации и бюрократизму, следовательно, является самым дорогостоящим и малоэффективным. Поэтому под давлением агрессивной конкуренции частного уклада государственный сектор реформировался. При сохранении единства и планомерности хозяйственного руководства расширялась предпринимательская свобода советских директоров. Тресты, функционировавшие в 1923 - 1924 гг. на коммерческом расчете, признавались заведениями государственно-капиталистическими, т.е. находившимися в собственности государства, но работавшими по капиталистической модели, ради прибыли.

В основе созданной, “гибридной” формы ведения дел лежали отношения собственности. Их юридическая регламентация и толкование требовали изрядной гибкости. С одной стороны, казенные предприятия были включены в систему частноправовых (гражданских) норм. С другой стороны, они подчинялись нормам публичного права, которые государство устанавливало в своих интересах. Правительственные органы могли действовать и как хозяева фабрик и заводов в рамках частного права, и с публично-правовых позиций в качестве суверенного субъекта власти.

Освобождение предприятий от пут мелочной опеки главков военно-коммунистического периода неоднократно подчеркивалось толкователем декрета. А.М. Гинзбург, вероятно, старался уточнить, конкретизировать компетенцию участников казенного хозяйствования, дабы предупредить правовую конфронтацию разных уровней управления советской экономикой. По его мнению, трестам “вверяется определенная доля государственного имущества и ставится в обязанность использовать это имущество с максимальной выгодой для государства. Способы и приемы, с помощью которых тресты должны добиваться благоприятных для государства результатов, остаются на их усмотрении. Государство в лице своих административно-хозяйственных органов не вмешивается в административную и оперативную деятельность трестов, но оставляет за собой общий надзор и верховное руководство капиталами, вложенными в промышленность. В системе государственного хозяйства (в противоположность тому, что было в эпоху “военного коммунизма”) появляются двоякого рода органы. Одни, в лице трестов, заняты исключительно функциями хозяйствования, не имея никакой административной власти, а другие ограничивают свою деятельность общей администрацией и надзором, не выполняя никаких непосредственных функций по заготовкам, сбыту, кредитованию, организации работ и пр.”¹³

Границы самостоятельности трестов определялись законодательными актами и управленческими решениями вышестоящего руководства, т.е. коренными интересами правящих кругов и потребностями текущей экономической политики. Большевики боялись потерять контроль над собственностью национализированной промышленности и строго очертили полномочия трестов. По декрету о коммерческом расчете государственные предприятия получили право свободно распоряжаться только оборотным капиталом. Они отвечали по своим долговым обязательствам перед кредиторами в размере, не превышавшем сумму оборотных средств. Основным капитал казенных учреждений, в отличие от частных заведений, был изъят из гражданского оборота. Более того, государство передавало основной капитал трестам в пользование и владение, оставив право распоряжаться этим важнейшим видом производственных ресурсов себе.

Вынос воспроизводства основного капитала за пределы компетенции предприятий сопровождался созданием централизованных фондов его возмещения (амортизации). Сумма ежегодного износа зданий и сооружений, машин и оборудования, инвентаря и т.п. перечислялась трестами во всероссийские или областные амортизационные фонды. Собранные таким образом денежные средства направлялись затем обратно предприятиям в качестве ссуд или безвозвратных дотаций на восстановление и увеличение их основного капитала.

Уставный, т.е. зафиксированный в учредительном документе – уставе, капитал предоставлялся тресту бесплатно и в бессрочное пользование. Государство же по праву собственника “вознаграждалось” участием в прибылях предприятия, “равно другими выгодами, которые приносит развитие государственной промышленности”¹⁴.

Согласно декрету от 10 апреля 1923 г. прибыль распределялась так. В казну поступало 68% прибыли трестов, в том числе 58% в виде обязательных платежей в бюджет и 10% как подоходный налог. Тресты довольствовались 32% от общей суммы балансовой прибыли; из них 20% шли на образование резервного капитала, пока тот не достигнет половины уставного капитала, 10% составляли отчисления в ФУБР (фонд улучшения быта рабочих) и 2% предназначались на выдачу премий членам правления, рабочим и служащим¹⁵. О том, кто диктовал пропорции и направления использования прибыли, говорила красная строка статьи 45 декрета: “Вся прибыль трестов вносится в доход казны, за исключением...”¹⁶

Однако выгоды государственного предпринимательства не сводились к присвоению прибыли. Среди его целевых установок фигурировали: содействие развитию производительных сил, обеспечение обороноспособности державы, защита национальных интересов на внешних рынках, колонизация необжитых районов страны, проектирование и строительство объектов, возведение которых не по плечу отдельным организациям, и т.д. Весьма характерной была расстановка правительственных приоритетов в первые годы нэпа, когда оборотных средств на всех не хватало, и надо было разобраться, какие заводы и фабрики законсервировать или отдать частникам, а какие, напротив, загрузить интенсивнее. Правящая хозяйственная бюрократия при отборе предприятий руководилась тремя критериями, расположенными по степени важности следующим образом: в первую голову, потребности обороны, во-вторых, возрождение былой мощи отечественной экономики и напоследок - возможная рентабельность (прибыльность).

Один из ведущих специалистов-чиновников А.М. Гинзбург высказывал мнение своих сослуживцев: “Предприятия, не имеющие значения ни с точки зрения нужд обороны, ни с точки зрения общих интересов восстановления народного хозяйства, лишь тогда остаются в эксплуатации государства, когда они приносят чистый доход и укрепляют бюджет государства”¹⁷.

Имуществом трестов распоряжался собственник - государство. Оно, в лице центральных исполнительных ведомств, осуществляло права получения прибыли, принудительных заказов, перераспределения средств между предприятиями, учреждениями, ликвидации трестов и т.д. Одновременно хозяйские полномочия накладывали на казну обязательства компенсировать при необходимости убытки своих предприятий.

Декрет о коммерческом расчете строго разграничивал полное право собственности (распоряжение) и право оперативного управления имуществом (владение и использование). Руководство трестов рассматривалось как “доверенный государства приказчик на отчете”. Дирекция была свободна в организации хозяйственной деятельности вверенных ей фабрик и заводов за исключением случаев, оговоренных в пользу ВСНХ. Специальная статья 29 гласила: “ВСНХ не вмешивается в текущую административную и оперативную работу треста”¹⁸. Коммерческий принцип декларировался и статьей 49, допускавшей “занаряживание” постановлениями СТО и ВСНХ продукции треста по ценам ниже рыночных, но не ниже себестоимости с начислением средней прибыли¹⁹. Цены на остальные изделия назначались производителями самостоятельно по соглашению с покупщиком, т.е. в соответствии с условиями рыночной торговли.

По задумке составителей декрет ВЦИК и СНК от 10 апреля 1923 г. продолжил линию реформ нэпа. Новый курс, в противоположность доктрине военного коммунизма, опирался на овладение рыночным механизмом регулирования отечественной экономики. Государство всеми доступными мерами укрепляло конкурентоспособность своего уклада. Наступая на частных хозяев, правительство отважилось даже на развертывание самостоятельности трестов и сокращение бюрократического вмешательства в их повседневную жизнь. Советская власть в 1923 г. приняла “правила игры” свободного рынка и выбрала модель госкапитализма в борьбе с разрозненными капиталистами-предпринимателями.

При поверхностном взгляде казалось, что государственный аппарат отрекался от весьма существенных привилегий, в частности, от прямого контроля за функционированием подчиненных ему предприятий, от доминирования в их оперативном руководстве. Сугубо административные компоненты во взаимоотношениях между вышестоящими органами управления и исполнителями подвергались обоснованной критике и уступали место преимущественно экономическим взаимосвязям ВСНХ с предприятиями. Полномочия в области производства, сбыта, финансирования и пр. передвигались сверху вниз, в пользу трестов. Но перемены не наносили ущерба правящей партийно-хозяйственной номенклатуре. Предприятия госсектора переводились на коммерческий расчет в интересах казны. Интересы промышленных трестов как производственно-экономических единиц играли второстепенную роль. Глубинный, сокровенный замысел знаменитого апрельского декрета 1923 г. - увеличение притока денег в бюджет.

Логика истории была такова. В августе 1921 г. введение хозрасчета отделило финансы (капиталы) многих предприятий от государственного бюджета. Эта мера, с одной стороны, разгрузила казначейство от несвойственных функций управления производством, от избыточных расходов на возмещение издержек предприятий. С другой стороны, часть фабрично-заводской промышленности стала покрывать собственные затраты доходами от продажи на рынке товаров. Следующий шаг - замена хозяйственного расчета коммерческим - напрашивался сам собой. Тресты теперь должны были работать с прибылью, дабы ее почти всю забирала казна, обеспечивая пополнение бюджетных ресурсов и накопление капиталов в госсекторе.

Государство было заинтересовано в увеличении числа предприятий, приносящих прибыль, и в возрастании объемов прибыли в каждом рентабельном тресте. Чтобы побудить производителей к работе с максимальной прибылью, правительство узаконило доленое распределение доходов и частичное использование полученных средств на поощрение трудовых коллективов.

Наркоматы старались поддерживать свои предприятия в конкурентной борьбе с “несоциалистическими” хозяйственными укладами. Прежде всего, усилия направлялись на координацию оптовой торговли трестов и создание синдикатов - объединений монопольного типа. Это позволяло диктовать условия на рынке и устанавливать цены на уровне, гарантирующем наивысшую прибыль. Возможность привлекать централизованные бюджетные и кредитные средства для финансирования доводила свободу казенных производителей и торговцев в ценовой политике до состояния произвола. Ориентация государственного предпринимательства, заложенная в декрете от 10.04. 1923 г., таила в себе опасность. Она могла легко выводить рыночную ситуацию из состояния равновесия, воздействовать на цены и на количество денег в обращении. Так и случилось. Перевод трестов на коммерческий расчет спровоцировал инфляцию, которая окончательно расшатала денежную систему страны.

* * *

Введение червонца качественно изменило механизм рыночного регулирования отечественной экономики. Образовалась система параллельного циркулирования двух бумажных валют - банковской и казначейской. Сия двойственность затронула все стороны хозяйственной жизни, так или иначе связанные с денежным счетом и ценами. Направление и скорость развития многих экономических процессов определялись динамикой оборота червонцев.

Выпуск кредитных билетов положил начало становлению относительно самостоятельной сферы банковских расчетов в системе денежного обращения. В противоположность “чисто” бумажному совзнаку червонец опирался на продвижение ценностей в оптовой торговле, где поставка и оплата товаров обычно разделяются во времени. Крупные сделки купли-продажи в соответствии с принятой практикой оплачивались посредством перечислений по банковским счетам, в том числе с использованием взятых ссуд. Товарный кредит оформлялся векселями и другими подобными документами. Эти ценные бумаги и права владения легко реализуемыми товарами обеспечивали в сумме $\frac{3}{4}$ всего покрытия червонной денежной массы.

Эмиссия новой валюты осуществлялась в виде кредитования клиентуры, т.е. занесения на счета пользователей услугами банка заранее согласованных сумм в червонных рублях. Количество банкнот, поступающих в обращение, соответствовало размерам выданных ссуд. Размещение среди вкладчиков платежных средств являлось активной операцией банка. Он старался ее расширить, ибо получал прибыль. К увеличению объемов заемных ресурсов стремились также и торгово-промышленные круги. Совпадение интересов советских банкиров и хозяйственных руководителей - производственников и сбытовиков подхлестнуло кредитную экспансию.

Причиной обильных выпусков червонных купюр весной и летом 1923 г. (см. табл. 3.2) было предоставление огромных ссуд трестам и синдикатам. Интенсивное кредитование индустрии имело свое оправдание. Надо было удовлетворять долгосрочную стратегическую потребность в восполнении недостатка оборотных капиталов предприятий.

С момента открытия Госбанка потери капитала в государственном секторе компенсировались двояким путем. Во-первых, из бюджета совершалось безвозмездное финансирование, главным образом тяжелой индустрии. Во-вторых, Госбанк открывал кредиты, преимущественно отраслям легкой промышленности, в советских денежных знаках на возвратно-платной основе. После налаживания выпуска банковских билетов ссуды стали выдаваться червонцами.

Переход от совзначной к червонной эмиссии оказался непростым мероприятием для центрального банка страны, поскольку он отвечал за устойчивость всего денежного обращения. Прежнее распределение казначейских рублей через бюджетную и кредитную системы ставило различные наркоматы в равные условия. Упорное сопротивление “денежных” ведомств - Наркомфина и Госбанка - позволяло “обуздывать” желание “ретивых” директоров предприятий поправлять свои дела за счет порчи и без того плохой, падающей валюты.

Эмиссия банкнот дала в руки государству хорошее средство накопления капитала. Однако новизна источника доходов не позволила установить разумные нормы его использования. Банковские кредиты фактически целиком сосредоточивались в распоряжении трестов и синдикатов, которые нежданно получили доступ к неограниченному, сепаратному финансированию. Спрос хозрасчетных звеньев экономики на ссуды начал расти безудержно, ибо не встречал противодействия. Госбанк занял пассивную, наблюдательную позицию, уступил напору торгово-

промышленного лобби, отворил регулирующие “шлюзы”, и мощный поток червонцев, в конце концов, затопил каналы денежного обращения.

Выжидательная банковская политика была связана также с неправильной оценкой складывавшейся ситуации. О взглядах управленческой номенклатуры в финансово-кредитной сфере поведал Д.В. Кузовков: “Червонец рассматривался, как валюта с самостоятельной “золотой сущностью”, ценность которой определялась, с одной стороны, золотым запасом Госбанка, а с другой стороны - разменом его на доллары по золотому паритету. Степень банковского обеспечения и курс по отношению к доллару рассматривались как вполне надежный критерий для суждения о ценности червонца, и поскольку устав Госбанка, требовавший известного отношения между эмиссией червонцев и их обеспечением, добросовестно выполнялся, поскольку курс червонца по отношению к иностранной валюте можно было, опираясь на монополию внешней торговли, поддерживать на уровне золотого паритета - постольку считалось, что ценность червонца, опирающаяся на эти два устоя, не может быть поколеблена. К этому присоединялось соображение, что наше народное хозяйство, в котором до войны циркулировало 2¹/₂ миллиарда полноценной валюты, с жадностью и в относительно больших размерах будет впитывать новую “золотую” валюту”²⁰. Но как выяснилось, червонец подчинялся всем закономерностям “чисто бумажного” денежного обращения.

Прежде всего, количество эмитируемых кредитных билетов, т.е. предложение червонцев, напрямую влияло на их покупательную способность. Такой вывод следует из сопоставления данных таблицы 3.2 с графиками на рисунке 3.2. Масштабные выпуски банкнот в июне - сентябре 1923 г. уронили их ценность в оптовой торговле на четверть, в розничной торговле и того больше. А уменьшение предложения “твердых” денег в октябре - ноябре заметно повысило покупательную способность червонных купюр. Расхождение в показателях индексов, составлявшихся Госпланом и Конъюнктурным институтом (графиками на рис. 3.2), объяснялось дезорганизацией торговли и непомерными накидками посредников при продвижении товаров от оптовиков через розницу к потребителям.

Рис. 3.2. Покупательная способность червонца на внутреннем российском рынке в 1923 - 1924 гг., руб. (на 1-е число каждого месяца)

Составлено по данным: Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 231.

Ценность червонцев непосредственно зависела и от колебаний спроса на них со стороны пользователей. Так, летнее сезонное сжатие рынка вело к выталкиванию излишка денег из оборота, понижало покупательную силу банкнот. Напротив, осеннее оживление деловой активности потребовало дополнительного количества денег для купли и продажи, содействовало возвращению части утерянной номинальной стоимости кредитных билетов. Взаимное приспособ-

ление и выравнивание спроса и предложения банкнот с мая 1923 г. возымело негативную тенденцию. Рынок денег пересытился новой валютой, и дальнейшее кредитование государственного хозяйства приобрело инфляционный характер. Цены товаров, выраженные в червонцах, ускорили свой рост.

* * *

Кроме червонной эмиссии на амплитуду и ритм колебаний сферы обращения влияли выпуски советских знаков. Общее состояние денежного рынка России определялось взаимодействием двух валют и изменялось с течением времени. Развитие системы параллельного хождения червонца и государственного расчетного знака в жанре краткого сценария толково изложил Л.Н. Юровский²¹.

Автор выделил четыре благоприятных последствия предоставления эмиссионного права Госбанку. Во-первых, декретирование червонца дало довольно устойчивую валюту, необходимую для калькуляции и бухгалтерских балансов. Хозяйственный расчет стал реальностью. Во-вторых, было устранено нежелательное внедрение в оборот иностранных купюр и золотых монет царской чеканки. Распространение законного платежного средства укрепило государственные финансы. В-третьих, рынок денег поглотил огромную сумму надежных банкнот, что позволило значительно пополнить капиталы промышленности и торговли. Казначейская эмиссия не смогла бы достичь такого размаха кредитования, каковой имело введение банковских билетов. В-четвертых, восстановилась связь с мировым хозяйством, наладились контакты с иностранными кредитными учреждениями.

Положительные моменты циркулирования двух валют ощущались недолго. После краткого периода мирного сосуществования червонца и совзнака система параллельного обращения начала изживать себя. Неустойчивое равновесие на рынке денег пошатнулось под напором весенне-летней интервенции банкнот. Неоправданные, чрезмерные выпуски червонцев переполнили каналы обращения. Возник избыток денежной массы. Состояние общей инфляции усилило валютный хаос. Банкноты, которые служили опорой денежной сферы “размягчились”, утратили твердость своей покупательной способности. Кредитные билеты и казначейские знаки обесценивались с неординарной быстротой. В этой ситуации развернулась борьба между валютами, настало время вытеснения одних денег другими.

Изменившиеся обстоятельства продемонстрировали обратную сторону медали. Внутреннее противоречие параллельного обращения проявилось во многих его недостатках. Перечисляя эти беды, Л.Н. Юровский показал неизбежность самоликвидации аномального устройства денежно-кредитной системы. Перечень слабостей двухвалютной эмиссии оказался длиннее нумерации ее достоинств. Список открывался расхождением между официальными и вольными курсами банковских и казначейских билетов. Чтобы компенсировать или хотя бы минимизировать утерю стоимости денег, каждый обыватель попеременно то запасал, то сбывал червонцы. По той же причине фабрики и заводы прибегали к услугам биржевых и уличных валютных операций. Спекулятивная горячка охватила крупные хозяйственные центры страны.

В атмосфере разгулявшейся денежной спекуляции задыхались всяческие попытки хозяйственного расчета. Коммерческий результат работы предприятия зависел от того, раньше или позже в течение дня червонцы были сданы в банк или сняты с расчетного счета. Разница в один час от покупки до использования банкнот давала иногда прибыль или убытки, превышавшие 5%. Финансовые махинации задвинули на задний план не только производственную, но и торговую деятельность трестов. Внимание их управленческого персонала сконцентрировалось на удачном ведении валютных обменов.

Образовался странный механизм платежей, расчетов и курсовых соотношений, который извращал поведение всех, кто имел дело с худшей валютой. Неурядица поразила розничную торговлю. Пусть в меньшей степени, но страдали и оптовики, особенно занятые заготовкой и реализацией сельскохозяйственных продуктов. Штучная продажа и отпуск мелкими партиями товаров велись за советские знаки, оседавшие в кассах торговцев. Собранная наличность превра-

шалась в червонцы на следующий день. Ночной перерыв “обкрадывал” владельцев плохих денег, ибо за это время они обесценивались в сопоставлении с твердой валютой.

Торговцы принимали совзнаки по официальному курсу, а обменивали их на банкноты по вольному. Поэтому они включали в состав цены целую серию надбавок. Коммерсанты закладывали до 5% на подъем курса червонца за сутки, на столько же повышали цену из-за расхождений официального и свободного курсов. Кроме того, прибавлялось 5, 10 и более процентов в качестве страховки от курсовых потерь получаемых за товары советских знаков.

Так как цены исчислялись уже в червонных рублях и копейках, то от торговых накидок росли и “золотые” цены, выраженные в номинальной стоимости кредитных билетов. Покупательная сила червонцев снижалась. Но в мелких платежах они по-прежнему подменялись падающими казначейскими купюрами.

Довольно долго предприятия расплачивались со своими наемными тружениками советскими знаками. Так поступать было выгоднее, чем выдавать червонцы. Рабочие и служащие, получив зарплату, вынуждены были незамедлительно расходовать обесценивавшиеся совзнаки на приобретение товаров. Прием сберегательных вкладов в “золотом исчислении” не изменил сути происходившего. Периодические выдачи заработной платы и импульсивное выбрасывание ее в считанные дни на рынок обостряли колебания денежных курсов.

Нарушился товарооборот города с деревней. Единое хозяйственное пространство страны “дало трещину”. Рынок раскололся надвое по числу циркулировавших денежных эквивалентов. Червонец занял место по преимуществу городской, промышленной валюты. Он был еще весьма дорог и недосыгаем для основной массы сельского населения. Деревенский торговый оборот обслуживался советскими знаками. Крестьянство быстро усвоило тактику горожан и стремилось поскорее избавляться от казначейских билетов. Деревенские жители продавали продуктов ровно на ту сумму, на какую они тут же покупали фабрично-заводские изделия. Важнейший поток товарного обмена внутреннего российского рынка мелел на глазах.

Не только граждане, но и организации желали обезопаситься от инфляционной недостачи. Промышленные и торговые предприятия пытались переложить валютные издержки на кредитные заведения. Банки в ответ старались погасить убытки от денежных операций средствами индустриально-коммерческих клиентов. Банковские учреждения на следующий же день после поступления размещали “горячие деньги” - совзнаки - в виде ссуд без разбору, кому попало. Неосмотрительное кредитование ухудшало банковские активы, вселяло сомнение в возможность их возврата.

В конце концов, бюджетная эмиссия наносила ущерб главному действующему лицу “экономической игры обмена” - государству. Печатание и распределение обесценивавшихся совзнаков приносили все меньше доходов в “казенный карман”. Выпуск ничем не обеспеченных бумажных рублей - так называемый “эмиссионный налог” - в постоянно возрастающей пропорции ложился бременем на плечи самого государственного предпринимательства.

Еще одним зловещим звеном системы параллельного обращения стало изобретение стихийных суррогатов мелких денег с целью отмежеваться от советских дензнаков. Лишь принудительными мерами удалось властям погасить вспышку изготовления расчетных знаков, талонов, бонов и тому подобных заменителей мелких устойчивых денег в золотом исчислении.

* * *

На стыке весны и лета 1923 г. денежная система России вошла в качественно иное состояние. До сей поры, червонец выполнял в основном функцию посредника в осуществлении кредитных сделок, т.е. применялся как чисто банковская бумага. С мая по август месяц происходило превращение банкнот в полноправные денежные купюры. Они стали определять стоимость расширявшегося круга продуктов и услуг. Использование кредитных билетов для оценки товаров и платежей закреплялось хозяйственной практикой. Внедрению червонцев в повседневные рыночные связи способствовало непрерывное понижение их покупательной силы. Одновременно началось вытеснение совзнаков новой твердой валютой. Скорость и этапы этого необратимого процесса иллюстрируют данные таблицы 3.3.

Таблица 3.3

Размеры и ценность денежной массы червонцев и советских знаков в 1923 - 1924 гг., млн. руб.

Дата	Червонцы		Советские знаки		Суммарная ценность денежной массы по индексу Конъюнктурного института
	количество в обращении	ценность денежной массы по индексу Конъюнктурного института	количество в обращении, по счету 1923 г.,	ценность денежной массы по индексу Конъюнктурного института	
1923 г.					
январь	3,5	3,0	1,994	-	-
февраль	8,5	7,2	2,628	-	-
март	16,0	12,4	3,235	-	-
апрель	25,6	20,3	4,481	-	-
май	37,5	32,7	6,074	114,7	147,4
июнь	47,4	33,9	7,050	88,7	122,3
июль	70,0	34,9	9,031	76,6	111,5
август	111,2	60,3	12,455	60,3	120,6
сентябрь	165,1	97,3	16,855	45,3	142,6
октябрь	207,3	124,5	20,753	31,4	155,9
ноябрь	224,7	132,8	68,944	45,2	178,0
декабрь	226,0	131,3	115,664	41,9	173,2
1924 г.					
январь	237,1	143,0	225,637	33,1	176,1
февраль	259,6	139,9	448,174	10,8	150,7

Рассчитано по данным: Кузовков Д. Наши валюты (дензнак, червонец, казначейский билет) // Вестник коммунистической академии. Кн. 7. 1924. С.124, 125, 126; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 270.

С переходом торговли к червонному исчислению банкноты принялись заполнять каналы обращения и делить сферу влияния с казначейскими билетами. Одним из пределов распространения червонцев был состав купюр денежной массы. Цифры таблицы 3.4 позволяют проследить тенденции развития денежной системы с точки зрения ее купюрного строения. Перед войной деньги номиналом ниже 10 руб. занимали около 40% в общем количестве обращавшейся валюты. А на 1 января 1923 г. почти вся денежная наличность состояла из купюр достоинством менее 10 руб., так как стоимость высшего бумажного совзнака - 10 000 руб. образца 1922 г. - в золоте приравнивалась 5 руб. 71 коп. Число же выпущенных червонцев было пока невелико.

Таблица 3.4

Структура наличной денежной массы в 1913 г. и 1923 г., %

Дата	Доля в денежной массе купюр ценностью (в золотом исчислении)				
	менее 1 руб.	от 1 руб. до 5 руб.	от 5 руб. до 10 руб.	от 10 руб. до 30 руб.	свыше 30 руб.
1913 г.	6,3	13,1	20,8	34,8	25,0
1. 01. 1923 г.	41,5	18,6	36,9	0,04	2,96
1. 07. 1923 г.	11,8	35,5	8,3	13,4	31,0
1. 08. 1923 г.	19,6	20,6	9,8	10,7	39,3
1. 09. 1923 г.	12,1	13,6	8,0	15,6	50,7
1. 10. 1923 г.	9,4	11,5	0,1	19,4	59,6

Рассчитано по данным: Кузовков Д. Наши валюты (дензнак, червонец, казначейский билет) // Вестник коммунистической академии. Кн.8. 1924. С. 182; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 263.

Бурные летние выпуски червонцев произвели перестройку денежной массы. Банкноты вытеснили совзнаки из оптового сбыта в область розничной торговли и разменных денег. Сужение сферы обращения автоматически привело к падению ценности казначейских билетов, несмотря на их аккуратную эмиссию. Поэтому совзначные купюры в золотом эквиваленте из более высоких групп передвинулись ниже. Вдобавок сократилась суммарная ценность мелких, в том числе и червонных денег. Удельный вес купюр стоимостью до 10 руб. золотом с января по октябрь 1923 г. уменьшился с 97% до 21%. Соответственно до 79% возросла доля крупных купюр за счет хождения банкнот с солидным номиналом. Из одной крайности отечественная кредитно-денежная система переметнулась в другую.

Организованная с энтузиазмом раздача банковских билетов наткнулась на сезонное сжатие рынка. Поэтому реальная ценность денежной массы, скорректированная по индексу розничных цен, понизилась за май - июль 1923 г. с 147,4 млн. руб. до 111,5 млн. руб., т.е. на 24%. Процесс выдавливания из обращения совзнаков дополнился инфляцией твердой валюты, что сигнализировало об излишнем эмитировании банкнот. Темп червонной инфляции с мая по август 1923 г., судя по розничным ценам, составил 35,5%.

Ко времени сбора и реализации урожая эмиссия червонцев исчерпала себя. Иссаяк источник обильных доходов, которые получало государство, предоставляя займы своим предприятиям и учреждениям в виде кредитных билетов. Дальнейшее накопление капиталов в госсекторе за счет неумеренного выпуска банкнот грозило обвалом их покупательной способности.

Эмиссия червонцев докатилась до объективных пределов. Во-первых, сумма нормально циркулирующей устойчивой валюты ограничивалась общей потребностью рынка в платежных средствах. Во-вторых, количество твердых денег, необходимое для обслуживания расчетов, должно было колебаться в рамках пропорций купюрных контингентов.

Нарушение соразмерности частей денежной массы с августа 1923 г. приняло вид “разменного кризиса”. Нагнетание дорогостоящих банкнот в обращение сверх оптимального уровня привело к нехватке мелких денег и невозможности размена червонцев. В районах хлебных заготовок и центрах рыночной торговли отсутствие купюр малой ценности наблюдалось особенно зримо. Нижеследующая зарисовка с натуры передает колорит проблемы денежной циркуляции при нерациональном купюрном раскладе. “В Новороссийске во второй половине августа 1923 года, - как сообщалось ВЦСПС, - грузчики получали на десять человек купюру в 25 червонцев, которую нигде нельзя было разменять, ходили затем десятками по магазинам и, в конце концов, чтобы разменять деньги покупали в большом количестве вино”²².

Кризис размена в острых формах продолжался несколько месяцев. Его не удалось пресечь валютной политикой. Он смягчился сам по себе с замедлением хода закупок хлеба. Д.В. Кузовков точно выделил важнейшие причины валютной неразберихи. По мнению экономиста, разменный кризис подчеркнул наличие двух самостоятельных сфер обращения - сферы крупнокупюрных и мелкокупюрных денег; он показал, что, несмотря на явный излишек денежных средств в сфере червонного обращения и резко выраженный голод в сфере прежнего совзначного обращения, червонец не смог заполнить пустоту²³.

Характерно, что именно в разгар разменных трудностей покупательная способность червонца опустилась до минимальных значений. Данная ситуация подтвердила возможность такого состояния параллельного обращения, когда ничем не обеспеченная казначейская валюта получает более высокую ценность, нежели банкнотный червонец, с его золотым обеспечением и поддержкой активного внешнеторгового баланса.

В это же время появились и разномастные суррогаты мелких денег, с которыми повел битву Наркомфин. Было отдано распоряжение о создании обменных фондов с целью беспрепятственного размена червонцев на совзнаки. После приказа о свободном обмене банкнот на казначейские рубли финансовое ведомство утратило контроль над эмиссией совзнаков. Начался стихийный процесс саморазрушения системы параллельного обращения.

* * *

В России по традиции урожай зерновых культур закупался оптовыми торговцами с привлечением средств кредита. Осенью банки выдавали ссуды на покупку хлеба. Весной заемщики возвращали взятые деньги с процентами назад. Соответственно происходили сезонные колебания цен и количества денег в обороте. В период заготовки урожая цены обычно стояли низко, а покупательная способность денег была наивысшей.

Та же закономерность прослеживалась в эпоху военного коммунизма и первых лет нэпа. Даже при отсутствии кредита, эмиссия чисто бумажных казначейских знаков в месяцы интенсивной рыночной реализации хлеба практически не сопровождалась инфляцией. Сельскохозяйственная продукция выступала реальным товарным наполнением денежной массы. Рост цен замедлялся или прекращался вовсе.

Осенью 1923 г. впервые за все время своего существования совзнак не подал признаков устойчивости, а проявил тенденцию к дестабилизации. Такой поворот событий был следствием финансово-кредитной политики центральных органов управления. Встревоженные стремительным летним обесценением твердой валюты и перспективой ее дальнейшего падения Наркомфин и Госбанк резко ограничили выпуск червонцев в сентябре, октябре (см. табл. 3.2) и фактически оборвали его в ноябре 1923 г. Свертывание червонной эмиссии не только уменьшило приток ссудного капитала в промышленность, но и лишило хлебозаготовителей кредитов.

Из финансового тупика был прямой выход, подсказываемый опытом недавних лет, - “кредитовать” приобретение хлеба путем выпуска казначейских билетов. Но это вело к окончательному “срыву” совзнака. Государственный аппарат стоял перед выбором: какую валюту спасти, а какую пожертвовать на текущие, неотложные хозяйственные нужды. Приоритет был отдан червонцу. Выпуск совзнаков ради финансирования хлебной кампании был менее вреден для денежной системы, чем порча надежного измерителя цен. Советские знаки исчезали из обращения сами собой по мере обесценения. Казначейство активно печатало и рассылало дензнаки также по причине разменного кризиса. Платежный оборот испытывал голод в мелких купюрах, и если бы Госбанк продолжил выдачу червонцев, их все едино пришлось бы обменивать на советские знаки. В конце концов, банковская эмиссия превратилась бы в казначейскую.

Сложное строение денежной системы означает наличие тесных, прямых и обратных связей среди ее частей. Изменения в одной сфере диктуют логику развития другой, и наоборот. В итоге складывается объективный ход исторических событий. При параллельном обращении всегда есть проблема, как распределить тяжесть очередной эмиссии между валютами. Обе сферы циркулирования денег служат друг для друга “эластичной оболочкой”, предохраняющей от колебаний их покупательную силу. Вопрос заключается в том, которая валюта считается главной, а которая второстепенной. Поскольку червонец признавался основной государственной валютой, постольку совзнак выполнял роль “амортизатора”. И сохранность твердой банкноты зависела от толщины этого “защитного слоя”, т.е. от реальной ценности совзначной денежной массы.

С мая 1923 г. пошел процесс вытеснения банковскими билетами казначейских купюр. К началу хлебозаготовок советские знаки на $\frac{2}{3}$ были выбиты из оборота червонцами. Рыночное пространство, на которое попадали новые казенные дензнаки, непрерывно сужалось. Сие исходное условие предвещало быстрое падение эмитируемых денег.

Другое обстоятельство тоже не сулило ничего хорошего. Форсированное выделение червонных кредитов в июле - сентябре 1923 г. было так велико, что не оставило никаких шансов совзнаку. Чтобы поддержать курс главной валюты, надо было с жуткой скоростью ронять покупательную способность казначейских билетов. Наркомфин мог заранее готовиться к нарастанию темпов эмиссии чисто бумажных денег. Динамика обращения советских знаков на третьем году нэпа представлена в таблице 3.5.

Казначейские билеты в 1923 г. эмитировались неравномерно. В феврале и мае имело место уменьшение количества выпущенных дензнаков. Такое сдерживание явилось реакцией на рост цен. В сентябре темп эмиссии перешел рубеж 40%, а с октября 1923 г. фабрики Гознака заработали на всю мощность. Решение о закупке хлеба на совзнаки дало старт неуправляемому, взрывному расширению эмиссионной деятельности, которое продолжалось вплоть до марта 1924 г.

Накачивание в оборот бумажных рублей образца 1923 г. приносило кое-какую выгоду. В сравнении с предыдущим 1922 г. реальная ценность направленных в хозяйство казначейских денег оказалась больше в марте и апреле, а также в сентябре - декабре. Но при сопоставлении с колоссальным увеличением числа напечатанных денежных знаков приращение их стоимости выглядело весьма скромно.

Статистические данные наглядно показывают качественные изменения в денежной системе страны. До апреля 1923 г. внедрение червонца благоприятно сказывалось на состоянии отечественной экономики и не мешало хождению казначейских денег. Темпы роста цен в этот период отставали от темпов эмиссии совзнаков, т.е. их соотношение (графа 7 табл. 3.5) не поднималось над стопроцентной отметкой.

Таблица 3.5

Показатели обращения советских денежных знаков в 1923 - 1924 гг.

Дата	Размер месячной эмиссии, млн. руб. по счету 1923 г.	Темп эмиссии, %	Реальная ценность месячной эмиссии советских денеж- ных знаков		Рост цен по индексу статистики труда, %	Отношение роста цен к темпу эмиссии, %	Отношение ценности месячной эмиссии по индексу статистики труда к темпу эмиссии, тыс. руб.
			тыс. червонных руб.	по индексу статистики тру- да, тыс. руб.			
1	2	3	4	5	6	7	8
1923г.							
январь	0,634	31,8	33 376,0	26 331,9	30,0	94,3	829
февраль	0,607	23,1	26 453,1	20 730,0	12,0	51,9	897
март	1,246	38,5	48 226,1	35 697,4	26,0	67,5	927
апрель	1,594	35,6	41 121,1	34 361,7	39,0	109,6	965
май	0,975	16,0	13 371,8	14 876,2	42,0	262,5	928
июнь	1,981	28,1	30 079,6	20 949,7	52,0	185,1	746
июль	3,424	37,9	37 396,3	22 570,1	66,0	174,1	595
август	4,400	35,3	29 265,7	17 683,5	72,0	204,0	499
сен- тябрь	12,898	76,5	42 585,5	26 987,9	97,0	126,8	352
октябрь	39,190	131,7	71 118,9	46 599,9	67,0	50,9	353
ноябрь	46,720	67,8	47 654,3	29 550,4	110,0	162,2	435
декабрь	109,973	95,1	54 645,0	31 497,8	136,0	143,0	331
1924 г.							
январь	222,537	98,6	42 304,1	22 598,4	199,0	201,8	230
февраль	361,451	80,6	22 152,8	11 231,5	280,0	347,4	139

Составлено по данным: Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 270, 271, 273, 275.

Еще раз похожая картина наблюдалась в октябре, когда массовый вывоз хлеба на продажу затормозил гонку цен, и они заметно отстали от рванувшегося вверх выпуска казначейских купюр. Последствия чрезвычайного, залпового выброса “наркомфиновских” рублей не заставили себя ждать. С ноября выраженные в совзнаках цены стали ежемесячно более чем удваиваться. Полугодовая драма вытеснения банкнотами казначейских билетов приблизилась к развязке. Началось то, что экономисты 20-х годов назвали “агонией совзнака”.

Показатель отношения ценности эмиссии к ее темпу (графа 8 табл. 3.5) также позволяет выделить критический поворотный пункт в развитии параллельного обращения. Именно в мае надломилась положительная тенденция укрепления денежного хозяйства и продуктивность необеспеченных выпусков бумажных денег пошла на убыль. Для извлечения малых сумм государство все сильнее “нажимало на печатный станок”. Осенью 1923 г. разложение казначейской эмиссии приняло необратимый характер.

Финансовая политика правительства поощрила переход крестьян к внесению продовольственного налога деньгами. Размеры обложения урожая 1923 г. были установлены очень льготно в продуктах и в рублях. Но денежные эквиваленты натурального налога быстро таяли по мере инфляции. Поэтому платежи казначейскими рублями давали ощутимый выигрыш. И сельское население отказалось от “натуралога” в пользу денег. Стихийные подвижки в деревенской экономике воздействовали на рыночное ценообразование. Производители сельхозпродукции поспешили воспользоваться льготами и курсовыми премиями. Они завалили рынок зерном, что повлекло за собой небывалое снижение хлебных цен.

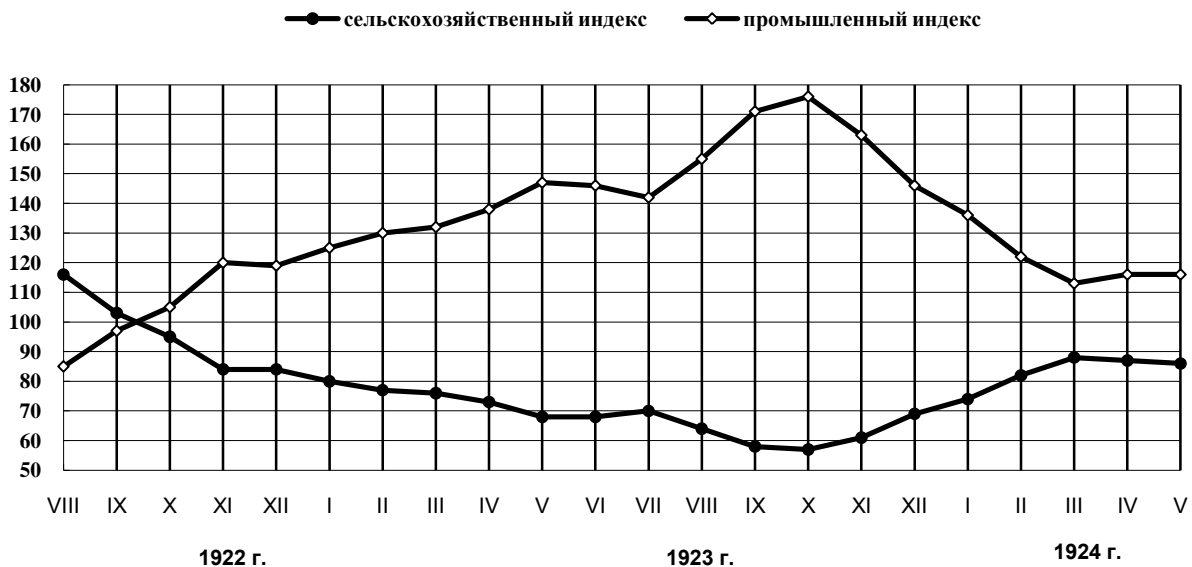
Возникла ненормальная ситуация. Возрастание денежных налоговых поступлений пропорционально увеличивало потери государства от обесценения притекавших обратно в казну совзнаков. О размерах бюджетных недоимок говорило сопоставление реальных доходов в сумме 168 млн. руб. с недополученными средствами в размере 120 млн. руб.²⁴ Недоборы по сельхозналогу, убытки на транспорте и в других отраслях госсектора, вызванные падением рубля, пробивали бреши в бюджете. Эти “дыры” латались очередными эмиссиями совзнака, которые вели к исчезновению остатков его покупательной способности.

Замена натурального налога денежным не сопровождалась желанной стабилизацией финансово-кредитной системы. Дензнак не смог закрепиться в сельском обороте. Советские знаки появлялись в деревне на короткое время и уходили оттуда после выплаты налогов. Для хранения (“тезаврации”) наличных денег граждане запасались банкнотами. От советских знаков избавлялись при первом удобном случае. А червонец стал распространенной и популярной валютой, в которой назначались цены на товары и услуги.

Бумажные казначейские рубли вытаскивались не только из народного хозяйства, но и из государственных финансов. На исходе 1922/1923 бюджетного года Наркомфин приступил к выплате некоторых субсидий, в частности металлической промышленности, по курсу дня. С началом нового 1923/1924 планово-хозяйственного года, т.е. с 1 октября, исполнение всего бюджета было переведено на золотое исчисление. Финансирование стало ориентироваться на текущую золотую котировку. Этот шаг “пустил под откос” казначейскую эмиссию и ускорил крушение совзнака.

* * *

После “революции цен” осенью 1922 г. пропорции рыночного обмена аграрной продукции на индустриальные изделия изменились в пользу последних по сравнению с довоенным соотношением. Система параллельного циркулирования двух валют внесла свой вклад в динамику ценообразования. По мере распространения в торговом обороте червонца индекс промышленных цен все больше удалялся от сползавшего вниз индекса цен сельскохозяйственных товаров. Это противоположное движение - расхождение в разные стороны - стоимостных показателей получило название “ножницы цен”. Графическое изображение происходивших процессов представлено на рисунке 3.3.

Рис. 3.3. Отношение индексов цен сельскохозяйственных и промышленных товаров к общетоварному индексу Госплана (уровень 1913 г. принят за 100)

Составлено по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917-1963 гг.). М., 1964. С. 386; Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. С. 242.

Цены на рынке формируются под перекрестным воздействием спроса и предложения, т.е. зависят от количества денег и товаров. Поэтому теоретический анализ “ножниц цен” предполагает изучение комплекса причин, которые вызывали изменения товарной и денежной массы.

Коренным фактором преобразования торговых связей был общий упадок и перегруппировка производительных сил страны. Под его влиянием произошла перестройка важнейших стоимостных параметров внутреннего рынка в конце 1922 г. Динамика объема производства и структуры издержек определила генеральную тенденцию ценовых колебаний.

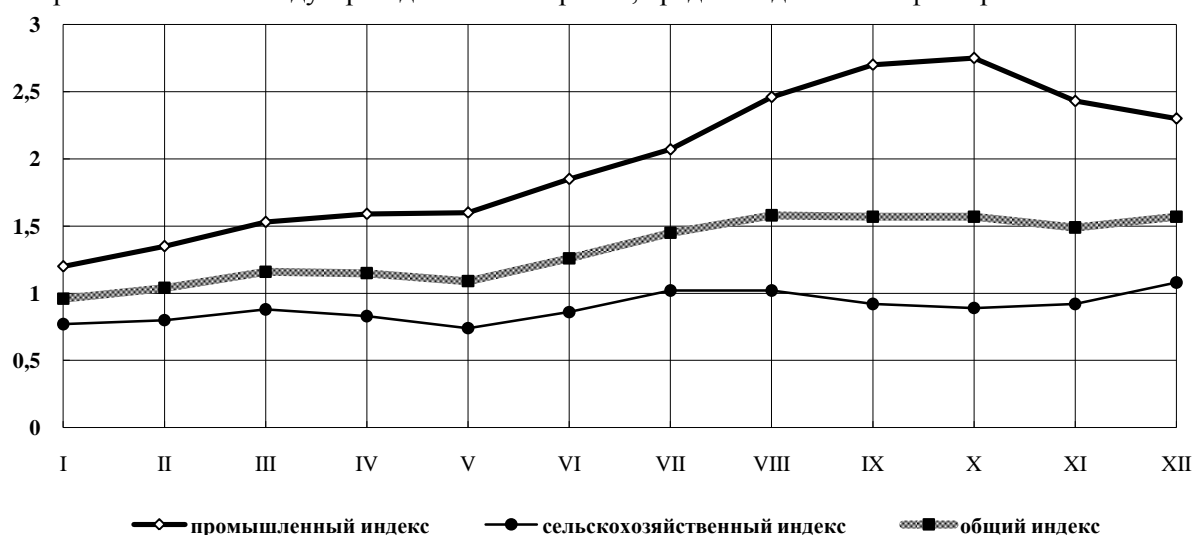

Повышение цен на промышленные изделия относительно сельскохозяйственной продукции объективно обуславливалось их слабым предложением. Истощение капиталов, плохая организация работы предприятий понизили производительность труда, уменьшили выпуск продукции, увеличили прямые затраты и накладные расходы. Для компенсации возросших издержек понадобилось удорожание промтоваров. К исходу 1922 г. цены фабрично-заводских продуктов подтянулись к себестоимости и перевалили через нее, что создало добрую предпосылку для введения коммерческого расчета. В свою очередь хозрасчетные звенья госсектора восприняли с энтузиазмом и продолжили подъем промышленных цен.

Используя право оперативной самостоятельности, руководство предприятий составляло калькуляции так, чтобы в них сполна входили все затраты, в том числе легко устранимые сверхнормативные расходы, потери от элементарной бесхозяйственности и т.п. С издержками производства суммировались солидные накладные и торгово-транспортные калькуляционные статьи, возмещавшие нехватку оборотного капитала и раздутые накладки сбытовиков. Заведения на хозрасчете не обижали себя и включали в цены изрядную прибыль, обычно в виде процента, добавленного к утяжеленной себестоимости. Заложённая в декрете от 10 апреля 1923 г. коммерческая ориентация трестов подвинула директоров к установлению предельно высоких цен с целью получения наибольшей прибыли.

Государственное предпринимательство в области ценообразования постепенно укрепляло собственные позиции. Достижением в регулировании рыночной торговли стало учреждение с марта 1922 г. синдикатов, которые концентрировали в своих руках снабженческо-сбытовые функции предприятий. На 1 октября 1923 г. была синдицирована половина крупных трестов, объединявших 80% рабочих соответствующих отраслей²⁵. Такие мощнейшие организации оптовой торговли занимали господствующее положение на рынке, диктовали цены, игнорировали интересы покупателей, устраняли конкуренцию. Они добивались различных привилегий. Так, декрет от 2 января 1923 г. запретил частным лицам выступать в роли посредников при осуществлении сделок между государственными учреждениями. Сия мера задумывалась и как профилактика против повторения “кризиса разбазаривания”.

Хозрасчетные тресты и синдикаты проводили откровенно монопольную политику. Ее результаты отчетливо видны на рисунке 3.4. Но монополисты, как правило, придерживаются фиксированных или мало изменяющихся цен, а график показывает неуклонный рост цен на промтовары с января по октябрь 1923 г. Это непрерывное возвышение промышленного индекса говорило о том, что наряду с недостаточным предложением продукции и лидерством на товарном рынке казенной индустрии действовал третий, кредитно-денежный фактор.

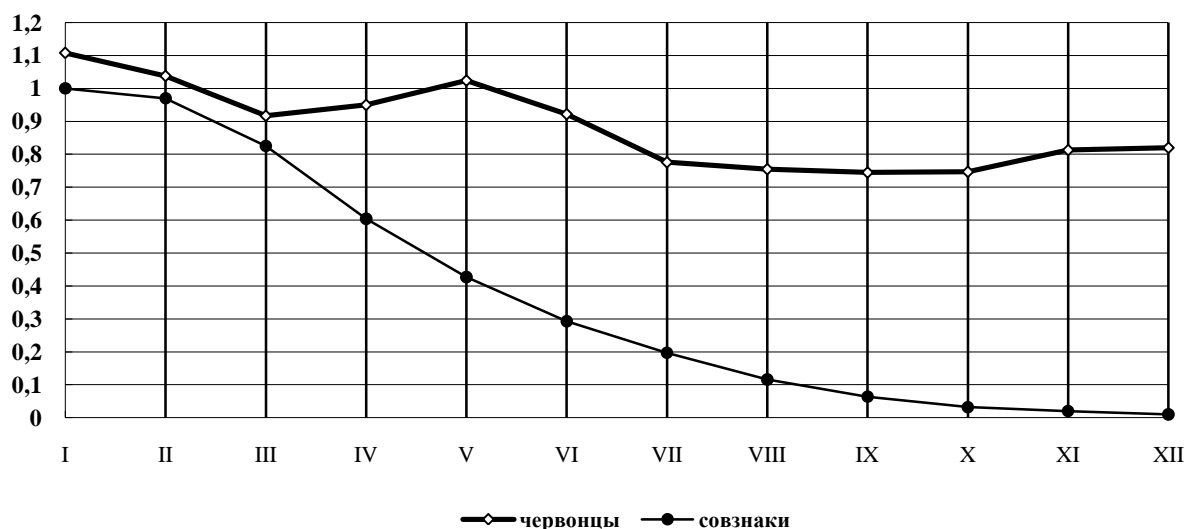

Рис. 3.4. Общий, сельскохозяйственный и промышленный индексы оптовых цен, рассчитанные Госпланом в 1923 г.

Составлено по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С.377, 378.

Влияние последнего обстоятельства выявляется при аналитическом разборе рисунков 3.4, 3.5, 3.6. С января по март 1923 г. пользователи привыкали к новым кредитным билетам. В течение трех месяцев темпы эмиссии червонцев падали и сближались с темпами раздачи совзнаков (см. рис. 3.6). Но суммарный выпуск двух видов денежных купюр превышал потребности платежного оборота, поскольку происходило общее повышение цен (см. рис. 3.4). Обе валюты мирно уживались друг с другом. Об этом свидетельствует синхронное движение вниз покупательной способности банковских и казначейских денег (см. рис. 3.5).

В марте 1923 г. оптовая торговля предпочла червонное исчисление совзначному. Покупательная сила банкнот поэтому тронулась вверх, а казначейских рублей еще шустрее покатились под гору (см. рис. 3.5). Тенденция ценовых колебаний теперь уже определялась состоянием обращения червонцев. Кривая общего индекса цен на рисунке 3.4 симметрично отражала кривую реальной ценности банкнот на рисунке 3.5.

Рис. 3.5. Покупательная способность червонца* и советского знака** в 1923 г., рассчитанная по оптовому индексу Госплана

* за единицу взят номинал стоимостью в 10 червонных рублей золотом

** за единицу взят курс на 1 января 1923 г.

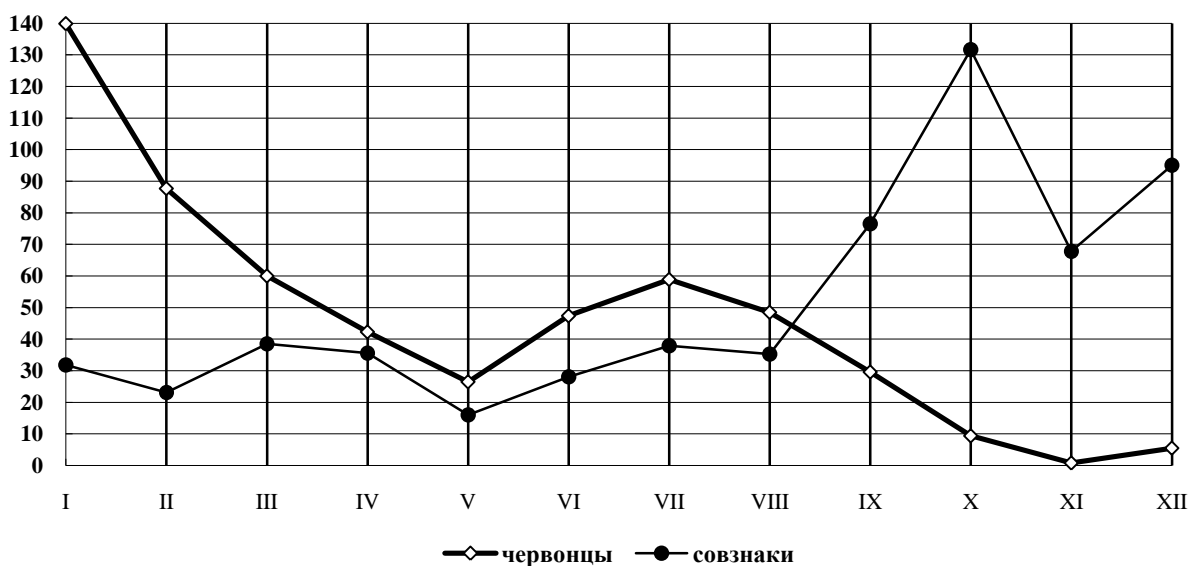
Рассчитано по данным: Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти С. 231, 271, 273.

Ограничение эмиссии денег во втором квартале 1923 г., т.е. дальнейшее уменьшение ее темпов, изображенное на рисунке 3.6, понизило общий уровень цен. Однако перевод трестов на коммерческий расчет по указу от 10. 04. 1923 г. повлек за собой повышение индекса монопольных промышленных цен.

Летом 1923 г. кредитно-денежная политика превратилась в основной ценообразующий фактор. Темпы эмиссии банковских билетов, обслуживавших индустриальный оборот, заметно превысили скорость выпуска советских знаков, которые применялись в качестве сельской валюты (см. рис. 3.6). Такая раскладка увеличила “раствор ножниц” цен (см. рис. 3.3). Интенсивный выпуск денег в обращение спровоцировал бурный рост цен. Особенно быстро взлетали цены на изделия государственной промышленности. Предприятия возмещали возрастающие затраты на производство продукции за счет банковских кредитов.

Оптовые торговцы, синдикаты прежде всего, в преддверии сбора урожая и встречной продажи “мануфактуры” осуществляли массовые закупки промтоваров. Их не смущал подъем цен. Издержки, связанные с приобретением, хранением и сбытом продукции, они тоже компенсировали червонцами, взятыми в ссуду “по векселям” или “под товар”.

Использование заемных средств раскручивало “спираль инфляции”. Повышение цен требовало дополнительных денег для реализации продуктов, а новые выпуски валюты подхлестывали ценовую гонку. Покупательная способность банкнот резко упала в летнюю пору 1923 г. и медленно заскользила вниз. Эту изогнутую траекторию потери ценности червонца вплоть до ноября месяца передает соответствующий отрезок графика на рисунке 3.5.

Рис. 3.6. Темпы месячной эмиссии червонцев и советских знаков в 1923 г., %

Рассчитано по данным: Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 226, 270.

Спасая твердую валюту, правительство повело хлебозаготовки средствами советских знаков. Темпы эмиссии казначейских купюр утроились с августа по октябрь 1923 г. Выдачи банкнот, напротив, уменьшались и почти прекратились к ноябрю месяца. Если покупательная сила червонца стабилизировалась, то реальная стоимость бумажных рублей по-прежнему таяла.

Непомерно раздутое кредитное обращение погрузило торговлю страны в глубокую депрессию. “Ножницы цен” максимально раскрылись в октябре 1923 г. Наступил кризис сбыта промышленной продукции.

* * *

Возникновение кризиса сбыта продукции крупной государственной промышленности было следствием процессов, которые в экономической науке описываются теоретической моделью самовоспроизводящейся инфляции. В условиях бумажного денежного обращения количество денежных знаков, с одной стороны, определяет высоту товарных цен, с другой стороны, само зависит от цен на товары. Эта взаимная связь выражается в том, что с увеличением выпуска денег в обращение растут цены. А подъем цен вызывает необходимость дополнительной эмиссии денег с тем, чтобы у потребителей хватало средств платежа для покупки вздорожавших товаров и услуг. Оба процесса поддерживают друг друга. Раскручивается порочная инфляционная спираль “эмиссия - цены”.

Теоретическая модель ускоряющегося обесценения валюты объясняет последствия чрезмерного печатания бумажных купюр “при прочих равных условиях”. Предполагается постоянной скоростью обращения денег и заданной величина поступающей в продажу товарной массы, т.е. емкость рынка товаров и услуг. Но в действительности оба условия не остаются неизменными. По мере падения покупательной способности скорость обращения денег возрастает. Граждане, предприятия и организации стараются побыстрее избавиться от бумажных рублей, воспользоваться сполна их ценностью. Купюры не лежат в запасах, а все чаще переходят из рук в руки.

Увеличение скорости хождения равнозначно возрастанию числа обращающихся банкнот и казначейских билетов. Поэтому стремление населения и предпринимателей как можно скорее отделаться от падающей валюты во второй половине 1923 г. вызывало эффект дополнительной денежной эмиссии. Обесценение рубля происходило под влиянием обоих факторов: чрезмерных выпусков в обращение денег - червонцев и совзнаков и повышения скорости оборота денежной массы. Рост цен в свою очередь провоцировал бегство от денег, ускорял обращение бумажных купюр.

Инфляция не бывает нейтральной по отношению к емкости рынков товаров и услуг. Необоснованная эмиссия по-разному воздействует на производство и реализацию отдельных ви-

дов продукции. Выпуски излишних денежных знаков в обращение активно влияют на размеры и структуру спроса и предложения товаров посредством движения цен. Денежная эмиссия управляет динамикой товарных цен в сочетании с перекрестным действием ряда факторов: эластичностью рыночных параметров, степенью насыщенности рынка сбыта, возможностью контролировать условия торговли.

На эластичных товарных рынках торговый оборот существенно меняется в зависимости от уровня цен, объемов спроса и предложения. Эластичность (подвижность) характерна для рынка большинства видов продукции производственного назначения, а также для предметов потребления, не входящих в состав товаров первой необходимости. В условиях гибких рыночных параметров незначительные колебания цен сопровождаются гораздо более сильными взаимными отклонениями спроса и предложения. Излишние выпуски денежных знаков, как правило, депрессивно отзываются на эластичных рынках. Повышение цен приводит к серьезному падению спроса. Покупки данного товара уменьшаются. А сокращение продаж постепенно останавливает соответствующее производство.

Если рынок товара неэластичный, то инфляционная динамика цен сравнительно слабо влияет на размеры спроса и предложения. Неэластичными считаются рынки потребительских товаров и услуг первой необходимости, а также рынки топливно-энергетических ресурсов и сельскохозяйственного продовольствия. Здесь пределы увеличения цен торговцами больше, чем в первом случае. При этом уровень производства и продаж снижается не столь заметно. Следовательно, инфляционный рост цен не так глубоко затрагивает неэластичные рынки сбыта и не сильно препятствует производству товаров.

Эластичность спроса оказывает определяющее влияние на цены в условиях относительно насыщенного рынка, когда предложение товаров примерно совпадает с устойчивой потребностью в них. Степень удовлетворения потребительского спроса видоизменяет движение цен в процессе интенсивной денежной эмиссии.

Дополнительный выпуск денег в обращение, при прочих равных условиях, расширяет закупки тех товаров, потребность в которых удовлетворяется пока лишь частично. Потенциальный спрос, облекаясь в денежную форму, способствует опережающему возрастанию цен данной группы продуктов. На тех рынках, где потребление близко к своему полному насыщению, инфляция повышает цены не столь стремительно как в предыдущей ситуации. Если же предложение товара ощутимо превосходит обычный уровень спроса на него, то необеспеченная эмиссия валюты может соседствовать со стабильными и даже понижающимися ценами.

Возможности контроля рыночных параметров вносят свои коррективы в колебания цен. На конкурентных рынках, где действуют множество продавцов и покупателей, цены пассивно приспособляются к стихийным сдвигам спроса и предложения, фиксируют их равновесное состояние. Разрозненные усилия отдельных хозяйствующих субъектов не позволяют им управлять динамикой цен. В таких обстоятельствах цены оказываются более или менее подвижными, гибкими. Поэтому объем эмитируемых бумажных денег непосредственно воздействует на уровень товарных цен на рынках с жесткой конкуренцией.

В то же время существуют рынки продукции, которая изготавливается немногими крупнейшими производителями или реализуется ограниченным числом солидных торговцев. Тут параметры рыночной торговли зависят от деятельности продавцов, способных контролировать предложение товаров и цены. Предприятия, господствующие на рынке, всегда стараются, чтобы подъем цен на их товары происходил быстрее эмиссии денежных знаков.

Перечисленные факторы объясняют ситуацию расхождения индексов цен на сельскохозяйственные и промышленные продукты в 1923 г. Динамика цен определялась прежде всего тем, что сельскохозяйственные товары и большинство товаров широкого потребления, изготавливаемых индустриальным способом, относятся к категории продукции, пользующейся неэластичным спросом. Сельхозинвентарь и прочие промышленные изделия, предназначенные для деревенского пользования, отличаются эластичностью рыночных параметров. Поэтому цены первой группы товаров при инфляционных выпусках денег в обращение могли возрасти быстрее цен второй группы товаров.

Однако на развитие событий оказали влияние другие ценообразующие факторы: насыщенность покупательского спроса и контроль над рынками. Переполненность рынка зерна вызвала затруднение его сбыта и содействовала общему понижению цен на сельскохозяйственную про-

дукцию. Наоборот, недостаточное удовлетворение запросов населения поощряло ускоренный подъем цен на рынках промтоваров.

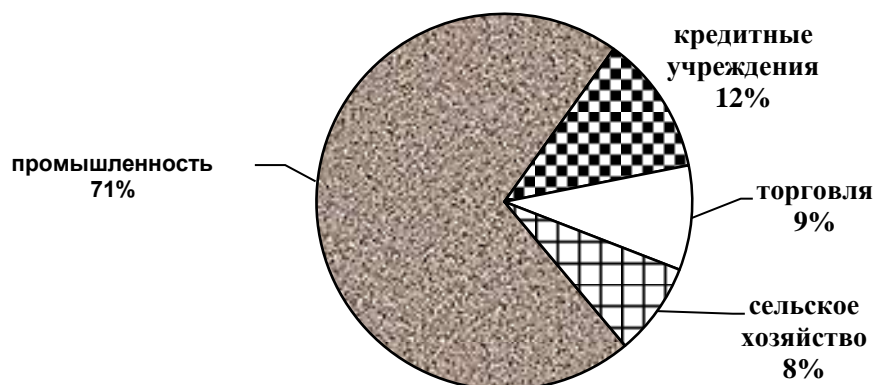
Товары широкого потребления (ширпотреб), изготовленные государственными предприятиями, дорожали по всем правилам неэластичного, неконкурентного рынка. Цены на остальные промтовары тоже повышались, хотя и не так резко. Такие ценовые колебания поддерживались возможностями промышленных трестов и синдикатов регулировать предложение товаров и с помощью этого завышать цены. Сельские производители рынок своих продуктов не контролировали и не могли извлекать выгоду из неэластичного спроса на продовольствие. Напротив, отсутствие гибкости спроса при избыточном предложении приводило к существенному падению реальных цен сельскохозяйственных товаров.

В сфере рыночного оборота и хозяйственной деятельности в 1923 г. находились не все отрасли экономики. Большинство предприятий инвестиционного комплекса (группы "А"), специализировавшиеся на изготовлении средств производства для промышленности, владели жалкое, полуразрушенное существование, продавали продукцию по низким ценам государственных заказов, возмещая убытки из бюджета. Для нормального восстановления этой части российского хозяйства не было средств. В стране еще отсутствовало сколько-нибудь значительное накопление капитала, которое создает спрос на товары и услуги инвестиционных отраслей: машиностроения, металлообработки, строительной индустрии и др.

Основу внутреннего рынка в то время составлял обмен продуктами между городом и деревней. Жизнедеятельность экономики определяло производство продовольствия, топлива, товаров массового потребления, средств производства для промышленных предприятий группы "Б", выпускавших потребительские товары, и для сельского хозяйства. В рыночной торговле участвовали те, кто располагал денежными средствами на оплату продукции по свободным, договорным ценам.

Чрезмерное увеличение денежной массы вело к расслоению единого национального рынка на фрагменты (сегменты) с различными темпами подъема цен и с неодинаковыми колебаниями товарооборота. Избирательное воздействие излишних денежных потоков дополнялось параллельным циркулированием двух валют. Преимущество получала сфера обращения твердой валюты, которая обслуживала в основном городские сделки купли-продажи. Поэтому все большая доля эмиссии должна была поступать в индустриальные центры, а не в сельскую местность, где привычным платежным средством оставался быстро обесценивавшийся совзнак.

Стихийный процесс разделения сегментов общесоюзного рынка ускорился в середине 1923 г. вследствие эмиссионной и кредитной политики государства. С апреля по сентябрь 1923 г. задолженность промышленности банкам возросла с 43,0 млн. руб. до 186,4 млн. руб. За то же время бюджетное финансирование промышленности составило 80 млн. руб.²⁶ О пропорциях распределения кредитной эмиссии в пользу города по состоянию на 1 августа 1923 г. говорит диаграмма на рисунке 3.7.

Рис. 3.7. Структура задолженности отраслей по кредитам Государственного Банка, %
Рассчитано по данным: Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. С.246.

Темпы выпуска червонцев превосходили темпы эмиссии совзнаков с января по сентябрь 1923 г. Естественно, что за указанные месяцы оборотный капитал промышленности увеличился на 70,5%²⁷. С мая по сентябрь 1923 г. емкость рынка, пользовавшегося твердой червонной валютой, расширилась с 32,7 млн. руб. до 97,3 млн. руб., а объем рынка, на котором ходили совзнаки, сократился со 114,7 млн. руб. до 45,7 млн. руб.

Такая перестройка денежного обращения свидетельствовала об относительном уменьшении потребительского спроса населения, в первую очередь крестьянства, и усилении покупательной способности государственных хозяйственных организаций и предприятий. Изменение соотношения городского и сельского спроса происходило в условиях сжатия общей емкости внутреннего рынка страны в летнюю пору. Одновременно под воздействием инфляции менялась структура спроса хозяйствующих субъектов. Рост цен в условиях необеспеченной эмиссии денег препятствовал производственной деятельности, но поощрял торговлю, которая отличалась быстрым оборотом капитала и скорее приспосабливалась к падению ценности бумажных купюр.

Щедрое предложение центральным банком червонцев способствовало летнему оживлению оптового городского рынка. Но всплеск деловой активности оптовиков был искусственным, спекулятивным, ибо он не сопровождался расширением спроса граждан в рознице. Фабричная продукция оседала в местах хранения торговых организаций. Товарные запасы образовывались за счет коммерческого, вексельного кредита. Количество червонцев, выданных “по векселям” и “под товары”, стремительно росло. Оно составляло в 1923 г. на 1 апреля - 1,97 млн. руб., на 1 мая - 3,41 млн. руб., на 1 июня - 4,28 млн. руб., на 1 июля - 5,01 млн. руб., на 1 августа - 7,24 млн. руб., на 1 сентября - 8,76 млн. руб.²⁸ По истечении срока погашения векселя переписывались заново, и оплата их отодвигалась еще на некоторый срок. Эмиссия банковских червонцев на время смягчала проблему реализации, но усугубляла ее в перспективе.

Неконтролируемая раздача банкнот благоприятствовала концентрации ресурсов в торговле, которая намного опережала пополнение оборотного капитала промышленных предприятий. Платежеспособный спрос субъектов государственного предпринимательства сдвигался от хозяйственных трестов к синдикатам, т.е. от нужд производителей к запросам торговых посредников. С мая по октябрь 1923 г. происходил процесс “вымывания” лишних инфляционных денег из сферы производства в сферу обращения. Эмитируемые Госбанком кредитные билеты в основной своей массе предназначались для устранения недостатка собственного оборотного капитала производственных звеньев, работавших в режиме коммерческого расчета. Однако кругооборот этого капитала нарушался, растягивался во времени. Полученные червонные кредиты застревают в виде запасов готовой продукции на оптовых складах синдикатов и частично в розничной торговле. Невернувшиеся из обращения к производителям червонцы замещались очередными порциями банковских денег.

Безразборчивое коммерческое кредитование синдикатов и потребительской кооперации позволяло им взвинчивать цены на промышленные изделия. Повышение оптовых цен синдикатами приобретало дополнительный импульс по мере продвижения товаров в розничную торговлю системой потребкооперации. Многоступенчатый и громоздкий аппарат Центросоюза устанавливал на каждом уровне управления - от губернии до сельского потребительского общества - свою торговую наценку, включаемую в цену товаров. В итоге суммирования всех наценок розничные цены кооперации превышали оптовые цены синдикатов на ситец - в 2,4 раза, на сахар - в 2,2 раза, на гвозди - в 1,8 раза, на керосин - в 1,3 раза²⁹. А частные торговцы, обеспечивавшие 90% деревенских покупок, поднимали цены еще выше на 20 - 30%.

Инфляционная эмиссия банковских билетов, с одной стороны, поддерживала рост цен на промышленные потребительские товары, с другой стороны, урезала покупательную способность населения. Чисто технические трудности возникли из-за “разменного голода” - дефицита мелких купюр червонцев в обращении, который, по словам современников, “совершенно парализовал” розничную торговлю. Банкноты разменивались с большими скидками от 400 до 900 руб. (дензнаками 1923 г.) на червонец, при его курсе в 4 500 руб.³⁰

Платежеспособный спрос деревни на протяжении 1923 г. неуклонно падал не только из-за роста цен на промтовары, но и по причине низких цен на продовольствие. Вдобавок ко всему, под натиском твердой валюты таяла ценность совзнаков, которые выручали сельские жители от продажи своей продукции. Доходы крестьянства - главного покупателя на потребительском

рынке - опустились до критической черты в начале осени, в период интенсивной сдачи продналога и минимально низких цен на зерно. Товарооборот между городом и деревней практически замер в ситуации непреодолимого разрыва цен и доходов. В условиях сезонной распутицы крестьяне почти прекратили покупать изделия государственных предприятий.

В крупной промышленности и оптовой торговле наблюдалось “затоваривание”. С начала 1923 г. в казенном секторе экономики непрерывно росли запасы готовой продукции с неэластичным спросом - нереализованные машины и орудия аграрного труда. На заводах и складах синдиката “Сельмаш” скопилось свыше 30 000 плугов, 2 150 сеялок, 3 000 сенокосилок, более 12 000 молотилок и т.д.³¹ ВСНХ и Госплан принимали постановления, запрещающие расширять выпуск сельскохозяйственных машин, угрожая директорам предприятий судом. К осени 1923 г. склады Текстильного и Кожевенного синдикатов переполнились такими “ходкими” товарами, как мануфактура (ситец) и обувь.

Разразившийся во всю силу кризис сбыта показал, что наступило качественное изменение потребительского спроса и всей рыночной ситуации. По мере подъема цен спрос населения уменьшался и сосредоточивался на неэластичных товарах, прежде всего на предметах первой необходимости. Резкое падение покупательной способности денег и доходов не только сократило суммарный спрос, но и переключило потребление крестьян с дорогих и высококачественных товаров на их дешевые заменители с худшими потребительскими свойствами.

Видя запредельную дороговизну изделий фабрично-заводской промышленности, сельские жители занялись самостоятельной домашней выработкой тканей и обуви. Высокие цены возродили мелкую кустарную промышленность, позволили ей успешно соперничать на провинциальных рынках с казенными трестами. О соотношении сил двух различных укладов можно судить по следующим оценкам специалистов: в 1922/23 хозяйственном году в деревне было продано кустарных изделий на сумму 535 млн. руб., а городская промышленность сумела сбыть крестьянам продукции лишь на сумму 400 млн. руб.³² Таким образом, перемены в платежеспособном спросе потребителей отразились на структуре производства и предложения товаров. Это определило конъюнктуру отечественной экономики.

* * *

В первые годы нэпа долгосрочная динамика народного хозяйства характеризовалась постепенным подъемом. Шло восстановление довоенных размеров производства продукции, межотраслевого разделения труда, экономических укладов и механизмов регулирования частно-государственной экономики. Вокруг этой длительной, повышательной тенденции колебалось текущее рыночное равновесие спроса и предложения товаров, интересов производителей, торговцев и потребителей.

Улучшение дел в сельском хозяйстве подготовило почву для оживления индустрии и налаживания торговых связей этих отраслей. В такой ситуации образование синдикатов и перевод трестов на коммерческий расчет позволили казенному сектору занять господствующее положение на внутреннем рынке страны и навязать выгодное себе повышение цен на промтовары. Под давлением государственного предпринимательства стали “дрейфовать” пропорции рыночного обмена.

Движение к новому состоянию рыночного равновесия началось на рубеже 1922 и 1923 гг. вместе с расхождением “ножниц” промышленных и сельскохозяйственных цен. Оно продолжилось в месяцы интенсивной эмиссии банковской валюты. Государство явно “переборщило”, укрепляя собственные позиции на рынке. В процессе увеличения разрыва в ценах городских и сельских продуктов советская экономика удалялась от вектора сбалансированного восстановления и развития. Текущее макроэкономическое (народнохозяйственное) равновесие все сильнее отклонялось от своей многолетней, прогрессивной тенденции.

Предельный уровень обмена торговых эквивалентов был достигнут в октябре 1923 г., когда “раствор ножниц” цен раскрылся максимально, а кризис сбыта изделий крупной промышленности обострился до крайности. Разница цен между промышленным и сельскохозяйственным индексами равнялась 320%. По оценке соучастника происходившего, председателя ВСНХ А.И. Рыкова, из этой величины на долю “красных директоров” - руководителей фабрик, трестов, син-

дикатов приходилось 163%³³. Следовательно, одна половина расхождения ценовых пропорций объяснялась объективными условиями производства и вредной практикой монопольного хозяйствования. Другую половину можно записать на счет кредитно-денежной политики Госбанка и Наркомфина.

Переход отечественного хозяйства к критическому состоянию равновесия поддерживался эмиссионной политикой государства. Безоглядный выпуск кредитных денег дал возможность восполнить оборотный капитал казенных предприятий и синдикатов, выстроить “пирамиду” цен, покрывавших внушительные производственные издержки и торговые наценки, перелить часть капитала из промышленности в коммерцию, организовать спекулятивное оживление городского оптового рынка, прокредитовать накопление сверх нормы товарных запасов и компенсировать сокращение розничной продажи промтоваров вексельными взаимозачетами.

Чем дальше уходил баланс торгового оборота российского рынка от своей долговременной тенденции, тем более шатким становилось рыночное равновесие. Выяснилось, что шаги, направленные на завоевание новых позиций государственным предпринимательством, вели к противоположным последствиям. Централизованное управление народным хозяйством утрачивало эффективность, поскольку правительство само портило рычаги воздействия на стихийное течение экономических процессов.

Заметно ослабли государственные финансы. Инфляция обесценила все денежные доходы бюджета: поступления средств от казенных предприятий, налоги, собираемые с граждан и вносимые частными предпринимателями, и т.д. Особенно чувствительный урон нанесло Наркомфину относительное падение цен на зерно. Крестьяне сдавали налог совзнаками взамен натурального эквивалента, что на 40% снижало реальную стоимость платежей.

Сокращение доходной базы бюджета заставило правительство печатать добавочные казначейские дензнаки для финансирования необеспеченных расходов. Чрезвычайные осенние выпуски советских знаков фактически сокрушили систему обращения бумажных рублей. Поэтому с октября 1923 г. Наркомфин отказался от собственных денежных купюр и перевел исчисление и исполнение бюджета на золотую, червонную котировку.

К исходу лета 1923 г. выдохлась кредитная эмиссия. Просроченная кредиторская задолженность трестов и синдикатов обрастала как “снежный ком” из-за невозврата ссуд под векселя. Ухудшилось обеспечение червонцев ликвидными банковскими активами. Темпы инфляции сравнялись с падением покупательной силы бумажных денег в военные годы.

Государственный Банк СССР лишился возможности проводить активную кредитно-денежную политику, поскольку дальнейшее закачивание в обращение червонных рублей завершилось бы обвалом их курса. Спасая банковские билеты, советская власть принесла в жертву казначейские деньги. Система параллельного хождения двух денежных единиц окончательно разладилась. Одна ее часть - эмиссия твердой валюты - оказалась заблокированной. Другая составляющая - казначейская эмиссия - была предоставлена саморазрушению.

Прилив кредитных ресурсов в оптовую торговлю подхлестнул рост цен и спекулятивное расширение биржевых сделок, затруднил реализацию изделий трестовской промышленности. Синдикаты попали в тупик складского затоваривания и разрыва связей с розничными торговцами. В ноябре 1923 г. потерпел банкротство аппарат потребительской кооперации.

Трудности со сбытом продукции уменьшили приток денег на расчетные счета трестов. Участились перебои с выплатой заработной платы персоналу предприятий. Рабочие с фабрик и заводов потянулись в деревню. Началось депрессивное сокращение промышленного производства, которое достигло минимума в декабре 1923 г., т.е. через два месяца после падения оборотов товарных бирж до своей нижней, кризисной точки.

Расхождение “ножниц” цен отобрало конкурентные преимущества у изделий крупной промышленности. Продукция казенных предприятий стала вытесняться с розничного сельского рынка товарами “частников” - местных кустарей и ремесленников. Деревня изволила “эмансипироваться” от города в ответ на несправедливый перекося пропорций товарного обмена. Перед хозрасчетными трестами маячила перспектива утраты самого емкого рынка - крестьянского.

У государства иссякли резервы для бюджетной и кредитной помощи своим промышленным и торговым заведениям. Стало быть, исчезли условия для критического отклонения макроэкономического равновесия от тенденции длительного поступательного развития. Правительство было вынуждено вносить поправки в ход хозяйственных преобразований. Преследуя собственные цели, государственная власть сохранила реконструируемые механизмы рыночного регулирования и отступила под напором рыночных сил. Подавление интересов крестьян, которые составляли самый многочисленный слой налогоплательщиков, потребителей и частных производителей, сменилось мероприятиями противоположной направленности. Новая экономическая политика “начертила” очередной зигзаг...

Инициатива преодоления кризиса сбыта исходила от правящей партии большевиков. По ее указанию в рамках государственного предпринимательства был осуществлен комплекс мер, сдвинувший хозяйство СССР в сторону стабильного долгосрочного роста. Возвращение к более устойчивому уровню рыночного равновесия соответствовало закономерностям функционирования современной многоукладной экономики. Сжатие “лезвий ножниц” цен означало нормализацию отношений обмена между двумя важнейшими частями российского хозяйства. Одна сфера отечественной экономики была представлена государственными “корпорациями”, т.е. крупнейшими организационными образованиями монопольного типа - трестами и синдикатами. Вторая сфера включала в себя индивидуальных, прежде всего аграрных, производителей и мелкие частнокапиталистические предприятия.

Корпоративный уклад принадлежал государству. Это вносило свою специфику в традиционное рыночное поведение мощных монополизированных предпринимательских структур. Жизнеобеспечение трестов и синдикатов зависело не только от доступа к кредитным ресурсам капитала, но и от бюджетного финансирования. Более того, банковская сеть, будучи государственной собственностью, работала на пользу всего казенного сектора. Равновесие на рынках продукции больших промышленных предприятий складывалась в среде слабой конкуренции, жестких цен, преобладающего влияния предложения товаров.

Частнохозяйственные и мелкотоварные уклады опирались на получаемые доходы и лишь в малом количестве могли воспользоваться кредитами банков. Рыночное равновесие в этом секторе экономики устанавливалось в результате конкурентной борьбы, гибкого ценообразования и при действенном участии товарного спроса.

Особенностью рассматриваемого исторического периода было преимущественное хождение “своей” валюты в каждой сфере единого национального хозяйства. Червонное обращение определяло рыночные параметры городского корпоративного уклада. Циркулирование казначейских денег задавало ритм конъюнктуры на местных сельских рынках. Правительство воздействовало на оба сектора экономики с учетом механизмов их регулирования, изменяя условия спроса и предложения товаров. Первым шагом к рыночной стабилизации явилось экстренное ограничение выпуска червонцев. Месячный темп кредитной эмиссии, доходивший в июле до 60%, спустился в сентябре до 30% и застыл близ нулевой отметки в ноябре месяце.

Практически полное прекращение кредитования трестов и синдикатов в октябре - ноябре 1923 г. оборвало спекулятивный всплеск биржевой торговли и накопление нереализованных запасов промышленной продукции. На оптовом рынке воцарилась депрессия. Обороты 100 торговых объединений ВСНХ в сентябре составляли 99,9 млн. руб., в октябре - 53,7 млн. руб., в ноябре - 59,8 млн. руб. Сумма сделок на Московской товарной бирже, взлетевшая в июле до 155,8 млн. руб., в сентябре спала до 98,1 млн. руб., в октябре - до 80,8 млн. руб., в ноябре составила 96,2 млн. руб.³⁴ Аналогичная динамика торгов наблюдалась и на провинциальных биржах.

Застой в торговле заставил продавцов промышленных товаров понижать цены. Общий индекс оптовых цен промышленности с наивысшей отметки в октябре - 2,757 скатился до уровня 2,291 в декабре, т.е. уменьшился на 17%. За то же время оптовые цены снизились: на ситец на 17,6%, гвозди - 11,5%, сахарный песок - 23,5%, соль - 25%, махорку - 23,4%, керосин - 11,2%, спички - 19,8%. Параллельно с оптовыми ценами поубавились и розничные цены: на ситец на 18,8%, гвозди - 12,7%, сахарный песок - 31,5%, соль - 16,8%, махорку - 23,6%, керосин - 6%, спички - 21,1%³⁵.

Снижение промышленных цен осуществлялось под контролем центральных хозяйственных органов и по почину трестов и синдикатов. Там, где были резервы уменьшения себестоимости продукции, хозрасчетные звенья по собственному усмотрению предоставляли скидки с оптовых цен. В других случаях государственный аппарат, в лице Комвнторга, обязывал предприятия снизить отпускные цены, невзирая на убытки. Падение цен и сжатие торгового оборота отрицательно сказались на производстве промтоваров. Ежемесячная выработка продукции промышленности сократилась с октября по декабрь 1923 г. со 120,8 млн. руб. до 114,9 млн. руб., или на 4,9%³⁶.

Депрессивная приостановка промышленности подтолкнула директоров предприятий к рационализации хозяйственной деятельности. Снижение цен им удалось компенсировать уменьшением себестоимости производства продукции и накладных расходов. Свою роль в сокращении издержек и падении оптовых цен трестов сыграло удешевление сырья и понижение акцизных налогов. Таким образом, меры государственного управления изменили ситуацию на рынке индустриальных изделий. Снижение цен и себестоимости изготовления промтоваров улучшило условия их предложения и реализации.

Экономическая политика правительства повлияла и на частнохозяйственный аграрный уклад. С осени 1923 г. произошло оживление зернового рынка под воздействием растущего спроса на хлеб. "Даровое" снабжение продовольствием рабочих и служащих отошло в прошлое. Его заменили обычные покупки продуктов питания за деньги по рыночной стоимости после того, как крестьяне отказались от натуральной сдачи продналога и выбрали денежное обложение. Возобновление традиционного платежеспособного спроса горожан раздвинуло границы внутреннего рынка зерна.

Другим фактором, благодатным для сельского хозяйства, стал интенсивный экспорт хлеба. Советский Союз вернулся на мировой рынок в качестве экспортера зерна. Вывоз злаков за границу ощутимо увеличил объем хлебозаготовок. Массовая закупка зерна для продажи внутри страны и внешней торговли опиралась на эмиссию денег. Выпуск в обращение совзнаков вырос в несколько раз с началом кампании по реализации собранного урожая. Государство через банковскую систему свободно кредитовало всех, в том числе и частных хлебозаготовителей. В сентябре - ноябре 1923 г. ссуды оптовым торговцам хлебом выдавались в основном в казначейских дензнаках. Затем банкам было разрешено предоставлять заемные средства в червонной валюте. Мощный поток кредитов расширил спрос и поднял цены на продовольствие. Индекс сельскохозяйственных цен с октября по декабрь 1923 г. возрос с 0,888 до 1,081, или на 21,7%, а к марту 1924 г. он "подлетел" до отметки 1,703, т.е. почти удвоился³⁷.

Подорожание зерна существенно обогатило доходы крестьян. Укрепление покупательной способности деревенских жителей восстановило спрос на рынке промышленной продукции. С декабря 1923 г. пошла бойкая торговля товарами крупных предприятий. Сперва население охотнее приобретало текстиль и переработанные продукты питания, затем проснулся интерес и к металлическим изделиям - посуде, железу и пр. Это уверенное движение хозяйственной конъюнктуры "снизу" - от розницы - передалось в оптовую торговлю. Зимнее увеличение оптового оборота в корне отличалось от летнего спекулятивного расширения, ибо его движущей силой был реальный спрос конечных потребителей.

Дополнительным моментом оздоровления промышленного рынка было свертывание "самотканки". По мере снижения цен на фабрично-заводские изделия и возрастания платежеспособного спроса деревни продукты ручной кустарной выработки стали вытесняться из розничной продажи. Домашняя выделка низкосортной ткани и обуви потеряла экономический смысл.

Рассасывание товарных запасов не только вывело из оцепенения предпринимательство оптовиков, но и дало толчок подъему производства на крупных промышленных предприятиях. Нарастание выпуска продукции повлекло за собой повышение заработной платы и послужило сигналом для обратного притока квалифицированной рабочей силы, покинувшей города в голодные годы. Сжатие "ножниц" цен и ликвидация кризиса сбыта приблизили отечественное хозяйство к такому уровню рыночного равновесия, который мог поддерживать длительный, устойчивый экономический рост.

* * *

Наступление кризиса сбыта знаменовало собой переход советской экономики в качественно иное состояние, отличное от ситуации первых двух лет нэпа. Усложнилась структура внутреннего рынка страны, и обогатился механизм его регулирования. Дифференцировался госсектор; из единого бюджетного хозяйства выделился блок предприятий, которые освоили хозрасчетную деятельность и занялись коммерческим ведением дел, ориентированным на максимальную прибыль. Эта часть казенной промышленности, сгруппированная в тресты, составила корпоративный уклад, способный добиваться господствующего положения на рынках продукции. Образование государственных торговых синдикатов превратило рыночное превосходство трестированных предприятий в фактическую монополию.

Помимо продовольствия и изделий ремесленно-кустарного изготовления в продажу поступили продукты крупной индустрии. Исходное общественное разделение труда между городской промышленностью и сельским хозяйством после продрозверстки и натурального налога обрело современную форму купли-продажи товаров. Над розничным рыночным оборотом разрослась надстройка оптовой торговли. Возродился институт товарных бирж. Реабилитация банковских учреждений дала средство для осуществления безналичных денежных расчетов и кредитования оптовых сделок. Наличное обращение казначейских денежных знаков, приспособленных для мелких платежей и штучных покупок, дополнилось циркулированием кредитных билетов.

Введение твердой валюты предоставило хозяйственникам надежный измеритель издержек и цен. В экономике проснулась былая чувствительность к ценовым сигналам. Натуральные пропорции обмена продуктами отошли на задний план. Отечественное хозяйство стало “более рыночным”. Торговля “склеивала” экономику СССР из разрозненных кусков в единый многоукладный, многоотраслевой комплекс с многослойным механизмом регулирования. Рядом с гибкими розничными ценами начали складываться относительно жесткие оптовые цены. Соизмерение доходов и расходов вернуло на свое место мотив присвоения прибыли. Вместе с коммерческим кредитованием объявился и банковский процент. Теперь уровень процентных ставок мог регулировать норму прибыли используемого капитала, а через нее управлять ценами. Возникла потребность подсчитывать и повышать эффективность предпринимательства.

Окрепла взаимозависимость между укладами, и возросла мощь доминирующего казенного сектора. Государство, находящееся на вершине социально-экономической иерархии, уже диктовало свою волю остальным укладам не только посредством безэквивалентного изъятия доли валового национального продукта в виде налогов и необеспеченной эмиссии денег, но и при помощи рыночных рычагов - цен на товары и услуги, кредитной политики Госбанка и т.п.

Обретаемая целостность российского хозяйства ощущалась в изменении характера колебаний конъюнктуры. В первые два года нэпа на динамику советской экономики решающее влияние оказывали объем производства (урожай) в сельском хозяйстве и выпуск в обращение бумажных денежных знаков. На сезонные перепады деловой активности налагали отпечаток месячные или квартальные всплески эмиссии совзнаков. Равновесие на внутреннем рынке устанавливалось под воздействием натуральных потоков продукции и спроса, обслуживаемого неэластичным наличным обращением “наркомфиновских” рублей.

В 1923 г. в общий процесс конъюнктурных колебаний вплелись некоторые отрасли промышленности, оптовая торговля и банковская система. Особую роль сыграло кредитование в червонной валюте, которое размягчило границы спроса и предложения промышленных трестов и синдикатов. Способность корпоративного уклада “растягивать” за счет кредитов торговый оборот повысила подвижность экономики. Вероятность отклонения макроэкономического равновесия от устойчивого диапазона возросла. И возможность возникновения сбоев в продаже превратилась в действительность.

Осенний кризис сбыта индустриальных изделий явил собой образец “классического” торгового кризиса, ибо он был вызван перенакоплением товарных запасов и динамикой цен³⁸. Механизмом создания кризисной ситуации послужил краткосрочный кредит, который привел к избытку капитала в торговой сфере. На заемные банковские средства тресты и синдикаты организовали спекулятивное повышение промышленных цен, что привело к сокращению покупательского спроса и затовариванию их складов.

Итог спекулятивной горячки в рыночной экономике всегда бывает одинаково закономерным. Ограничение доступа к денежным ресурсам вынуждает продавцов снижать цены, даже себе в убыток, ради рассасывания товарных залежей и увеличения количества продаж.

Кризис сбыта не следует считать инвестиционным кризисом, т.е. кризисом перепроизводства. Он потряс оптовую торговлю и почти не затронул производство на больших предприятиях. Хранение избыточных запасов готовой продукции не было обусловлено наращиванием производственных мощностей фабрик и заводов. Многие из них работали с неполной загрузкой оборудования. Краткосрочные банковские ссуды направлялись, во-первых, на учет векселей с целью продвижения промышленной продукции к потребителю и для заготовки сырья, топлива и пр., во-вторых, на восполнение недостатка оборотного капитала предприятий.

Заемные средства практически не использовались для вложений в основной капитал хозяйственных трестов, поскольку еще не сформировалась система долгосрочного кредитования по причине отсутствия в стране сколько-нибудь значительных накоплений. Инвестиционный комплекс находился на содержании скудного бюджета. Поэтому кризисных явлений, связанных с перенакоплением основного капитала, быть не могло. А конъюнктурные колебания происходили в рыночной части экономики, которая преимущественно охватывала обмен предметами потребления и сырьем между городом и сельской местностью.

Выход отечественного хозяйства из депрессии оказался довольно мягким. В государственном секторе имелись резервы снижения торговых накидок и производственной себестоимости, что было следствием восстановительного подъема экономики. Упрощение аппарата посреднических сбытовых организаций и рационализация производства на предприятиях свели к минимуму потери от снижения цен. Расплатой за преодоление кризиса сбыта стала окончательная утрата совзнака в качестве казначейской валюты и неизбежность дальнейшего реформирования системы денежного обращения.

* * *

Продуктивность казначейской эмиссии с мая 1923 г. обнаружила тенденцию к резкому снижению, и в феврале 1924 г. она практически сошла на нет. Так завершился в нашей стране десятилетний период функционирования эмиссионного хозяйства, которое объективно возникло в ходе первой мировой войны. Боевые действия оборвали в 1914 г. историю золотомонетного обращения русской национальной валюты, со свободным разменом кредитных билетов на благородный металл. В России воцарилась система циркулирования бумажных рублей. Общее представление о результатах необеспеченного выпуска денежных знаков дает таблица 3.6. В указанные десять лет система бумажно-денежного обращения претерпевала перемены и в своем развитии прошла несколько этапов. Л.Н. Юровский выделял пять периодов или фаз в существовании отечественного хозяйства в связи с проводимой государством эмиссионной политикой³⁹.

Таблица 3.6

Реальная ценность эмиссии денег в 1914 - 1924 гг., тыс. золотых руб.

Годы	Ценность эмиссии по индексу статистики труда
1914 (вторая половина)	873 802,1
1915	2 019 461,5
1916	1 718 066,6
1917	2 562 196,8
1918	536 241,9
1919	224 638,6
1920	122 014,8
1921	149 029,2
1922	296 501,6
1923 *	327 791,5
1924 (январь - февраль) *	33 829,9
Итого:	8 863 574,8

* без учета червонцев

Составлено по данным: Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 277 - 279, 329 - 324.

Первый период длился от объявления первой мировой войны до февральской революции. За 32 месяца императорская власть сумела в качестве эквивалента напечатанных бумажных денег получить ценностей на сумму 4 862 502 тыс. золотых руб. Это составило более половины всего эмиссионного дохода, который был извлечен на государственные нужды из капиталов экономики и личных средств граждан со второй половины 1914 г. до марта 1924 г.

Эмиссия стала фискальной, т.е. изымающей ресурсы в пользу казны. Но кроме нее сохранились другие каналы поступления в бюджет денежных доходов - займы, налоги и т.п. Пока кабинету министров удавалось поддерживать колеблющийся курс рубля, деньги продолжали исполнять свои обычные функции. Такое состояние типично для любой державы, втянутой в тяжелую и долгую войну.

Второй этап уместился в срок между двумя революциями 1917 г., когда Россию возглавляло Временное правительство. В течение 8 месяцев взамен собственных денежных знаков казначейство поимело благ на 1 735 594 тыс. руб. золотом. Безрассудное закачивание купюр нового образца (“керенок”) в обращение привело к его развалу. Ускорившаяся инфляция лишила бюджет всех нормальных источников денежных доходов, просто обесценив их.

Эпоха военного коммунизма явила собой третью фазу в развитии нашего денежного обращения. В это время эмиссия оставалась единственным каналом поступления денег в казну. Государственные финансы выродились в чисто “эмиссионное хозяйство”. На протяжении 44 месяцев правительство большевиков присвоило в результате выпуска совзнаков сумму ценностей в 1 492 013 тыс. золотых руб. Падение покупательной способности бумажных денег было таким стремительным, что они постепенно утрачивали свои традиционные функции: вначале средства сбережения, затем измерения товарных цен и орудия обмена продуктов. Соскальзывание денежного обращения к окончательному разложению не встречало противодействия со стороны Наркомфина.

Хронологические рамки четвертого периода очерчиваются в интервале: вторая половина 1921 г. - конец 1922 г. Он характеризовался провозглашением новой экономической политики и принятием декрета о введении банковской валюты - червонца. За счет эмиссии в течение 18 месяцев были оплачены расходы в сумме 411 845 тыс. руб. золотом.

Изготовление бумажных купюр уже дополнилось другими источниками денежных поступлений в бюджет; частично восстановилась система налогов и доходов от государственной собственности. Но выпуски наличной рублевой массы были огромными и превышали по размерам и темпам военно-коммунистической “нажим на печатный станок”.

Скорость обесценения казначейских денег возросла. Они потеряли функцию меры стоимости товаров, которую взяли на себя условные, идеальные счетные единицы. Одновременно деньги активизировались в качестве посредника рыночного обмена продуктами. Бумажно-денежное обращение разрушалось вопреки намерениям Совнаркома.

Заключительный этап существования эмиссионной денежной системы затронул 1923 г. и начало 1924 г. За истекшие 14 месяцев доход государства от раздачи совзначных платежных средств составил 361 620 тысяч довоенных рублей. Рядом с фискальной эмиссией развернулась кредитно-банковская. Правительство постаралось внедрить в оборот устойчивую валюту. При параллельном хождении двух валют стабильная вытеснила падающую. Дальнейшее массовое тиражирование старых казначейских денег, сумма которых на 1 марта 1924 г. достигла астрономической величины 809 625 млн. руб. по номиналу 1923 г.⁴⁰, лишилось экономического смысла вместе с остатками их покупательной силы.

На протяжении рассматриваемых десяти лет происходила эволюция эмиссионной политики. Синхронно с условиями хозяйственной деятельности изменялись формы изъятия средств в интересах государственной власти. Выпуск излишних денежных знаков был своеобразным “эмиссионным налогом”, который “вносили” все пользователи валюты с падающей ценностью. Ради выгоды казны уменьшался капитал, занятый производством и продажей товаров и услуг, сокращались реальные доходы населения.

Наибольший эффект давала эмиссия до 1918 г., пока система денежного обращения исполняла свои функции на всем внутреннем российском рынке. После натурализации торговых связей, национализации значительной доли предприятий и другого имущества поступления в казну от выпуска бумажных денег ухудшились. Из зоны действия эмиссионного “пресса” было

выведено большинство отраслей экономики. “Проедание” их основного и оборотного капитала уже осуществлялось в порядке прямого присвоения и потребления - без амортизации и пополнения. Государство получало изделия промышленности, часть крестьянского урожая и продуктов животноводства, услуги транспорта безвозмездно и бесплатно, предоставляло гражданам жилищный фонд бесплатно. Денежные расчеты в этой сфере отношений отсутствовали.

В эпоху военного коммунизма эмиссионный налог почти полностью лег на плечи населения. Реальные ценности при расплате совзнаками извлекались преимущественно из сбережений крестьянских семей, которые еще не один год после октябрьской революции копили бумажные деньги. Своими доходами вынужденно делились и остальные сословия: рабочие, служащие, мелкие предприниматели.

Возрождение денежного хозяйства при нэпе изменило “правила рыночной игры”. Среди субъектов рыночного хозяйствования значительное место заняли казенные предприятия и учреждения. В отличие от частных лиц государственным заведениям было труднее страховать себя от порчи бумажной валюты. Сложившуюся ситуацию точно обрисовал Л.Н. Юровский: “Государственные учреждения и организации, - казначейство, железные дороги, почта и телеграф, промышленные тресты, торговые синдикаты, банки и пр., - принимали и ... даже очень значительное участие в несении “эмиссионного налога”. Таким образом, государство при помощи казначейской эмиссии бумажных денег черпало ценности у самого себя. Эмиссия была ... не столько средством привлечения новых ресурсов в государственном хозяйстве, сколько методом перераспределения внутри последнего”⁴¹.

С позиций государственного предпринимательства эмиссионная политика стала приносить больше ущерба, нежели выгоды. Интересы главного действующего в экономике лица потребовали завершения реформирования денежной системы.

* * *

Денежная реформа началась на стыке 1922 и 1923 гг., когда в обращение совзнаков стали вклиниваться червонные банкноты Государственного Банка. Новая денежная единица подарила хозяйству твердый измеритель ценности, средство платежа и накопления сбережений. Однако параллельное использование двух валют создало в конце 1923 г. обстановку денежного хаоса.

Крушение покупательной силы казначейских купюр подстрекало к спекуляции, к включению в цены специальных надбавок во избежание курсовых потерь. Во всю мощь заработал маховик самовоспроизводящейся инфляции совзнаков. Повальное бегство от “плохих” денег вело к выскакиванию и исчезновению из платежного оборота устойчивой валюты. Экономика повернула вспять, от червонного обращения к червонному исчислению.

Назрела необходимость принятия кардинальных мер для устранения негативных последствий необеспеченной эмиссии. Осенью 1923 года Наркомфин приступил к подготовке стратегических мероприятий денежной реформы. Специалисты изучали ситуацию в отечественном хозяйстве и выясняли наличие предпосылок успешного окончания преобразований денежной сферы. Анализировались важнейшие экономические параметры, определявшие спрос на деньги.

Прежде всего, потребность в денежных средствах зависела от состояния дел в промышленности и на транспорте. Эти отрасли оказывали главное влияние на емкость товарного рынка и величину торговых сделок. Высота обменного курса банкнот зависела также от баланса внешней торговли и притока иностранной валюты в СССР. Котировка червонца и его свободный размен на зарубежные деньги предполагали перевес экспорта российской продукции над импортом заграничных изделий. Наконец, стабильность денежного обращения требовала ликвидации дефицита доходов бюджета по отношению к его расходам. Без нормализации государственных финансов прекращение крупномасштабной казначейской эмиссии было несбыточной мечтой.

Новая экономическая политика продемонстрировала свою жизнеспособность. Она содействовала восстановлению производительных сил страны и инициировала экономический рост. Данные таблицы 3.7 констатируют наличие восходящей линии в хозяйственных процессах. Показатели, представленные в названной таблице, взаимосвязаны. Рост выпуска важнейших видов промышленной продукции, который отражают первые семь показателей, сопровождался увеличением ее транспортных перевозок - приростом восьмого показателя.

Таблица 3.7

Основные показатели народного хозяйства СССР в 1921/22 - 1922/23 гг.

№№ п/п	Показатели	1921/22 г.	1922/23 г.
1	Валовая продукция промышленности, млн. золотых руб.	832,8	1 207,2
2	Добыча каменного угля, тыс. т.	10 656	11 916
3	Добыча нефти, тыс. т.	4 572	5 172
4	Выплавка чугуна, тыс. т.	170	300
5	Выплавка стали, тыс. т.	332,4	615,6
6	Производство цемента, тыс. т.	96,0	181,2
7	Выработка хлопчатобумажной ткани, млн. м	337,2	582,0
8	Грузооборот железнодорожного транспорта, млн. т.	3,33	4,84
9	Среднемесячная заработная плата в крупной промышленности, червонных руб.	13,23	19,79
10	Ценность денежной массы в обращении, млн. золотых руб.	115,9 *	155,9 **

* октябрь 1922 г., ** октябрь 1923 г.

Составлено по данным: Показатели состояния народного хозяйства СССР (1913 - 1927 гг.) // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11-12. С. 115, 116.

Налаживание дисциплины и повышение производительности труда позволили также поднять заработную плату персоналу крупных государственных предприятий, что подтверждают цифры девятого показателя. Для обслуживания обращения большего количества товаров и пополнившихся доходов населения понадобилась добавочная масса денежных средств, о чем говорят числовые значения десятого показателя таблицы. Таким образом, в 1922/23 гг. произошло расширение емкости всероссийского рынка по сравнению с предыдущим хозяйственным годом.

Правительство обоснованно ожидало сохранения благоприятной тенденции подъема экономики. И реформа 1924 г. исходила из той предпосылки, что дальнейший рост промышленности и торговли потребует еще большего объема денег для нужд товарооборота. Следовательно, планируемая эмиссия новых денежных знаков не будет инфляционной. Власти рассчитывали, что замена совзнаков мелкими бумажными купюрами или металлическими монетами нового образца резко замедлит скорость их обращения, повысит спрос на них и стабилизирует их покупательную способность. К оценке ситуации денежной реформы 1922 - 1924 гг. применимо высказывание Ф. Броделя: "Всякий экономический подъем может создать свои деньги и свою систему кредита"⁴².

Состояние внешней торговли и платежного баланса СССР не внушало опасений и могло гарантировать устойчивый курс при размене червонцев на иностранную валюту. За девять месяцев 1923 г. наша страна имела активный торговый баланс: экспорт составил 105,4 млн. золотых руб., а импорт - 98,4 млн. золотых руб.⁴³ Превышение вывоза над ввозом поощряло приток иностранных денег в советскую экономику. Кроме того, привлекались зарубежные краткосрочные коммерческие кредиты. Это давало возможность удовлетворять все потребности в иностранной валюте для заграничных платежей, частных сбережений и накопления резервов Госбанка.

На третий год нэпа зримо окрепла финансовая мощь советской власти. Продолжилось воссоздание обычных каналов поступления денег в бюджет. На протяжении 1923 г. напряженно реформировалась налоговая система с целью распространения обложения на новые объекты. Был введен единый сельскохозяйственный налог, который вобрал в себя ранее взимавшиеся порознь продовольственный, труд-гужевой, общегражданский и ряд других местных налогов и сборов. Эта мера задумывалась в качестве окончательного перехода деревни от натуральных к денежным повинностям.

Правительство учредило подоходный налог с чистой прибыли казенных хозрасчетных и кооперативных промышленных предприятий. Подоходно-поимущественный налог был разделен на основной - классный и дополнительный - прогрессивный. Максимальная ставка отчислений граждан в бюджет достигала 25 %. К акцизам на сахар, соль, спички, керосин и чай доба-

вились акцизные сборы с продажи спиртных напитков и табачных изделий. Государство вернулось к самому испытанному средству обогащения казны за счет любителей алкоголя и табака⁴⁴.

Наркомфин начал пользоваться кредитными операциями - займами для погашения бюджетного дефицита. Государство осуществило два хлебных займа и один кратковременный, сахарный заем. Облигации таких займов продавались за деньги, а погашались натуральной выдачей продуктов. Доходы от размещения хлебных займов составили в 1922 г. - 7,6 млн. руб., в 1923 г. - 47,8 млн. руб. золотом⁴⁵.

В 1922 г. был принудительно реализован первый шестипроцентный денежный заем. Отход от принципа добровольности государственного кредитования вызывался тем, что его облигации котировались на рынке в два раза дешевле номинальной стоимости, которую покупатель уплачивал финансовому ведомству. Таким образом казначейство присваивало курсовую разницу от продажи своих бумаг.

Приток налоговых сборов и средств государственного кредита ослабил зависимость бюджета от необеспеченных выпусков совзнаков. Удельный вес эмиссионных поступлений в денежных доходах казны снизился с октября 1922 г. по октябрь 1923 г. почти в 4 раза - с 50,3% до 13,5%⁴⁶. Появилась надежда на сокращение и ликвидацию бюджетного дефицита.

Учитывая сложившуюся ситуацию в экономике, правящая политическая "элита" приняла четыре законодательных акта по перестройке денежного обращения⁴⁷. Первым постановлением реформы был декрет ЦИК и СНК от 5 февраля 1924 г. о выпуске казначейских билетов нового образца достоинством 5 рублей, 3 рубля и 1 рубль золотом. Декрет не устанавливал соответствия ценности казначейского билета ни с советским денежным знаком, ни с банковским червонцем. Законодатели прописали лишь одну норму - количество эмитированных казначейских билетов не должно превышать половины суммы обращающихся червонцев. Это было чисто техническое требование; ведь доля мелких бумажных купюр и металлической монеты в российском денежном обороте традиционно колебалась вокруг отметки 40%.

Второй декрет ЦИК и СНК от 14 февраля 1924 г. обязал прекратить изготовление на печатных фабриках Наркомфина советских денежных знаков и их эмиссию.

22 февраля 1924 г. увидел свет декрет ЦИК и СНК о выпуске и чеканке серебряной и медной монеты - третий из серии "денежных" указов правительства. Этот документ был подготовлен с учетом мнения крестьян. Экономисты отмечали особую значимость психологических моментов⁴⁸. Появление серебра и меди должно было воочию показать, что государство взяло курс на твердую валюту. За основу был принят дореволюционный монетный устав. Гражданам предлагались монеты, которые они привыкли держать в руках до войны. В них сохранились содержание чистого серебра и меди, лигатурный вес, диаметр и пр. Только внешний облик монет был изменен. Они штамповались по новым рисункам.

Постановления о чеканке металлических денег декларировали выпуск серебряной монеты высокой пробы достоинством в 1 рубль и 50 копеек, серебряной монеты низкой пробы (билонной) номиналом в 20 копеек, 15 копеек и 10 копеек, а также медных монет стоимостью в 5 копеек, 3 копейки и 1 копейку.

Заключительным актом денежной реформы оказалось постановление СНК от 7 марта 1924 г. о фиксации курса бумажного рубля и выкупе советских знаков. Курс старого бумажного рубля закреплялся на 10 марта 1924 г. в соотношении 50 000 руб. деноминированными знаками 1923 г. за 1 руб. золотом казначейскими билетами нового образца. Если же считать пропорцию к бумажным деньгам в дореволюционных и революционных купюрах до 1921 г., то она выявит обесценение в 50 млрд. раз. Так сказались социально-экономические потрясения державы на судьбе ее национальной денежной системы.

ГЛАВА IV. Директива об индустриализации страны

Государство в феврале - марте 1924 г. декретировало завершение денежной реформы. Но, по образному замечанию Л.Н. Юровского: “душу” нашего денежного обращения нельзя найти в одних постановлениях о денежной системе; ее можно понять только, как производное всей хозяйственной системы Советского Союза”¹.

Специфику отечественной экономики определяла громадная сфера государственного предпринимательства. В нее, кроме традиционных отраслей естественных монополий - железнодорожного транспорта, связи, топливно-энергетического комплекса, жилищно-коммунальной службы и т.п., входили крупные предприятия практически всей промышленности и почти все банковские учреждения. Правительственные органы жестко регламентировали внешнюю торговлю и обращение иностранной валюты на своей территории.

Особое значение имела конкретная историческая обстановка. К моменту окончания денежной реформы наше хозяйство находилось на восстановительном подъеме, но оно не достигло того исходного уровня 1913 г., с какого начался спад объема производства продукции, а затем и развал механизма регулирования рыночной экономики. Страна жила в состоянии перехода к новой хозяйственной системе, которая не могла целиком копировать разрушенный довоенный образец. Увеличение количества производимых товаров в тех или иных отраслях сопровождалось воссозданием отдельных регуляторов рыночных связей. На ход этого объективного процесса влияла государственная власть. Реализация ее интересов придавала желаемую форму механизмам управления экономикой, в том числе и денежному обращению.

Банковский червонец изначально проектировался как национальная валюта, которая будет свободно обмениваться на “твердые” деньги ведущих мировых держав. Предполагалось устанавливать курс червонца по отношению к иностранным валютам посредством сопоставления уровней цен российского рынка с зарубежными ценами. Таким образом, в основе разменного курса валют должен был лежать паритет (эквивалент) их покупательной силы.

Обычно регулятором денежного курса служит взаимное приспособление спроса и предложения валют во внешнеторговых операциях, в переводах валюты в страну и из нее, в использовании гражданами валюты для сбережений и т.д. Порядок ведения внешней торговли и обращения зарубежных денег на внутреннем рынке оформляется законодательно.

Советское государство ради укрепления своих предпринимательских позиций создало режим монополии внешней торговли. Планово-разрешительная процедура осуществления заграничных сделок, когда на вывоз и ввоз товаров требовалась лицензия, фактически разделила области внутреннего и внешнего торгового оборота. Экспорт и импорт планировались в соответствии с “общегосударственными” соображениями, в коих коммерческий расчет - сравнение российских цен с мировыми - играл второстепенную роль.

Правительство более волновало количество поступающей в страну иностранной валюты, ее распределение и расходование. Оно решало, следует ли допускать и на каких условиях частных предпринимателей и граждан к обладанию долларами, фунтами стерлингов и прочими “международными” деньгами в качестве средства платежа или накопления.

Государство владело валютным рынком и определяло курс советского червонного рубля, который мог устанавливаться независимо от его покупательной силы. В действительности складывалось два валютных курса. Один имел место в расчетах монополизированной части внешней торговли. Другой формировался во внутреннем обороте под воздействием спроса частных лиц, желавших хранить сбережения в виде зарубежных банкнот². Подобное положение дел затрудняло котировку рубля и его свободный обмен на иностранную валюту.

Однако решающим условием стабильности рублевой денежной системы были факторы внутреннего экономического порядка, и прежде всех государственное предпринимательство во всем его многообличии. Проведение денежной реформы оказалось возможным благодаря резкому сокращению бюджетного дефицита, для закрытия которого ранее применялись необеспеченные выпуски бумажных рублей. Но государственные финансы по истечении трех лет нэпа еще не имели источников быстрого и качественного роста.

Налоговая составляющая бюджета не приобрела желаемую эластичность. За годы войн и революций народный доход упал примерно в 2 раза - с 15 - 16 млрд. руб. до 7 - 8 млрд. руб. зо-

лотом. И если до первой мировой войны население отдавало в казну 16% своего дохода, то на момент появления новых денег оно вносило налоги в сумме 10% собственных доходов³. Налогоспособность граждан ухудшилась, а бремя обязательных выплат относительно потяжелело.

Государственный кредит еще не стал весомым источником привлечения незанятых денег в бюджетные фонды. Наркомфин сумел реализовать облигации лишь трех натуральных займов и одного принудительного денежного займа. Введение твердых банковских червонцев и казначейских рублей содействовало росту доверия людей к займам под гарантию центральной власти.

Существование огромного госсектора оказывало двойственное влияние на доходы и расходы бюджета. С одной стороны, правительство вынужденно было компенсировать убытки изрядного числа предприятий. Об этом писал Л.Н. Юровский: “Государство... не может спастись от самого себя, и ему остается распределить убытки между предприятиями, затронутыми неплатежеспособностью фактически обанкротившейся организации, а, если нужно, еще и между ними и “казной” так, чтобы жизнеспособность каждой отдельной организации пострадала в возможно меньшей степени... Такое распределение убытков в советской хозяйственной системе представляется неизбежным, ибо действительное банкротство вызвало бы только возрастание убытков, которые опять-таки легли на государство”⁴.

С другой стороны, перевод многих промышленных трестов на коммерческий расчет обеспечил отчисление в бюджет большей части их прибыли. В период нэпа соотношение доходов и потерь в госсекторе неуклонно смещалось в пользу первых, поскольку отечественная экономика выкарабкивалась из “глубокого оврага” разрухи. В целом же, как показывал опыт, наличие национализированной индустрии было фактором финансовой стабилизации.

Благополучие бюджетной сферы закладывало хорошие предпосылки для успешного управления покупательной силой рубля при помощи эмиссионной политики центрального банка. Но здесь государство сталкивалось с труднопреодолимой противоречивостью своих многообразных интересов. Госбанк по своему прямому назначению обязан был, изменяя уровень процентной ставки, регулировать спрос на кредиты, т.е. определять размеры кредитной эмиссии червонных банкнот. В то же время центральные хозяйственные органы требовали от Госбанка выдачи под минимальные проценты “дешевых” денег для казенных трестов и синдикатов. Стремление получить дополнительные заемные средства обычно брало верх над желанием иметь устойчивую денежную единицу. Поэтому Госбанк фактически был лишен возможности, повышая процентную ставку, ограничивать выпуск денег в обращение или поощрять приток рублей на внутренний рынок путем снижения процентной платы за кредит.

Таким образом, советская власть вольно или невольно отключила главный регулятор подвижного равновесия в механизме денежного рынка - банковский процент. Эмиссия червонцев теперь количественно регламентировалась только постановлениями правительства или распоряжениями руководства центрального банка страны. Основанием для таких директив было отслеживание динамики покупательной силы рубля по статистическим индексам российских цен и по курсу иностранной валюты. Рост цен или падение валютной котировки червонца могли служить толчком для убавления эмиссионной активности Госбанка, и наоборот. Импульсивное управление предложением кредитов без соответствующего формирования спроса на них уменьшало эластичность денежного обращения.

Использование цен в качестве индикатора стабильности рубля порождало свои сложности, ибо государственное предпринимательство воздействовало на покупательную способность денег через политику назначения цен. Государство, в отличие от частных хозяев, произвольно диктовало цены в самых широких интервалах, преследуя разные цели.

На такие мотивы поведения обращали внимание экономисты эпохи нэпа. В качестве монополиста государство “властно сделать то, что никто из участников торговли в условиях свободной конкуренции сделать не в силах. Оно в состоянии назначить цены так, чтобы получить максимум того, что готовы заплатить потребители, если разместить среди них все продукты, изготавливаемые на существующих фабриках. Или, если оно хочет изменить размеры производства, оно может назначить цены так, чтобы производство реализуемого количества на цену достигало наибольшей величины. Или оно может еще назначить цену так, чтобы получилась (калькулируемая капиталистически) максимальная чистая прибыль. Или же оно может назначить

цену, довольствуясь исчислением обычной прибыли. Оно может отказаться в данной отрасли производства от прибыли для того, чтобы дать населению более дешевый товар и сделать его доступным для лиц с наименее высокими заработками. Оно может даже продавать для этого товар ниже себестоимости, если только из других источников данной отрасли производства будут даваться субсидии. Оно может, наконец, предоставить в отдельном случае продукт бесплатно”⁵.

Следует заметить, что декретирование государственными органами относительно низких, льготных цен и чрезмерный выпуск рублевой денежной массы приводили к одинаковым последствиям. Возрастал спрос на товары при мало менявшемся их предложении. Единый рынок делится на фрагменты с различными уровнями цен. Вольные, конкурентные цены отклонялись от фиксированных, указных цен. Увеличение разрыва в уровнях “справедливых” казенных цен и гибких цен частного сектора вызывало ситуацию “бестоварья” - дефицитности продуктов, которая свидетельствовала о явном удалении стабильных цен от состояния текущего рыночного равновесия.

Такое развитие событий создавало условия для осуществления арбитражных (спекулятивных) сделок, извлекавших выгоду из разницы в ценах на одни и те же виды товаров. Этим обычно пользовались расторопные предприниматели, приобретая продукцию по твердым заниженным ценам и продавая ее по ценам реального покупательского спроса.

Спекуляция - стихия рынка, удерживающая его около состояния временной сбалансированности. Поэтому государство, которое сознательно поддерживает цены на “ненормальной” высоте, вступает в конфликт с рыночными тенденциями, живым воплощением коих являются частные торговцы и конечные потребители товаров и услуг.

В российской экономике конкурентная борьба между двумя основными укладами велась за получение прибыли и накопление капитала. Острота противоборства казенного сектора с частником нарастала в условиях прогрессирующего расхождения уровней рыночных и указных цен, в том числе по причине излишней эмиссии денег. Стало быть, просчеты советской власти в политике ценообразования или эмиссионной политике неминуемо сопровождалась усилением социальной напряженности в стране. При определенном стечении обстоятельств государство способно было перейти от прямого, открытого соперничества с частными хозяевами к ограничению и подавлению индивидуальной предпринимательской деятельности, вплоть до полного ее запрета.

* * *

Управление выпуском банкнот и казначейских денег непосредственно связано с формированием цен рыночной торговли. Поэтому проведение политики плановых твердых цен предполагало заинтересованность правительства в крепком денежном обращении. Данный мотив поведения специально подчеркивал Д.В. Кузовков: “... как это ни парадоксально кажется, плановое хозяйство - пока оно пользуется механизмом рынка, деньгами и ценами - нуждается в устойчивой валюте гораздо больше, чем хозяйство, стихийно регулируемое рынком”⁶.

В свою очередь стабильность рубля зависела от порядка образования цен, особенно крупными производителями и поставщиками товаров. Хозяйственная практика второй половины 1923 г., ввергая отечественную экономику в состояние кризиса сбыта промышленных изделий, наглядно продемонстрировала, как монопольное назначение цен трестами и синдикатами инициировало инфляцию червонца. Падению покупательной силы “твердых” кредитных билетов не помешали ни их золото-валютное обеспечение, ни высокая котировка советской банкноты относительно американского доллара и английского фунта стерлингов.

Поэтому вполне логично, что законодательные акты по реализации денежной реформы были дополнены указом о государственном регулировании цен. Постановление СТО от 22 февраля 1924 г. предоставило Комиссии по внутренней торговле, позднее преобразованной в Народный Комиссариат внутренней торговли – Комвнуторг, полномочия регулировать цены на все товары, обращающиеся на территории СССР. Этот орган хозяйственной власти имел право устанавливать предельные цены оптовой и розничной продажи, допустимые отклонения от них, торговые скидки и накладки. Предписания Комвнуторга о предельных уровнях цен были обязательными для исполнения всеми государственными учреждениями и предприятиями, частными объединениями и лицами, которых они касались. Правда, в первое время цены частной торгов-

ли почти не регламентировались. Упорядочению подвергались цены государственных и кооперативных заведений. Наиболее активно вмешивалась правительственная бюрократия в работу промышленных трестов.

Административное управление Наркомата внутренней торговли фактически аннулировало одну из важнейших статей декрета от 10 апреля 1923 г. “О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)”, гарантировавшую трестам свободу в определении цен на собственную продукцию. Принудительное назначение цен службами ВСНХ и СТО, которое допускала статья 48 декрета о коммерческом расчете лишь как исключительный случай, превратилось в повседневные вторжения Комвнторга в ценовую политику трестов.

В 1924 г. стало явственно ощущаться свертывание предпринимательской свободы и навязывание зависимости промышленных предприятий от вышестоящих управленческих инстанций. Центральный хозяйственный аппарат раздвинул границы контроля и регламентирования деятельности производственных единиц. Ближайшим поводом к тому послужило опасение очередной червонной инфляции из-за самовольного повышения отпускных цен трестами и синдикатами по завершению денежной реформы.

Ход истории наполнял реальным содержанием правовые нормы. Об этом толковали и юристы-кодификаторы. Так, А.М. Гинзбург писал в 1924 г., что декрет о коммерческом расчете трестов построен на сочетании двух противоположных тенденций в развитии советской промышленности: хозяйственной автономии и административного подчинения. Положения декрета оставляют достаточно простора для выявления каждой из тенденций. От жизни и ее требований зависит перевес одной или другой тенденции. Формально законодательные рамки настолько широки, что позволяют взять уклон в ту или другую сторону⁷.

Правительство пошло по пути подавления хозяйственной самостоятельности отдельных промышленно-торговых объединений монопольного типа - трестов и синдикатов ради упрочения монополии казенного сектора как единого целого. Такие мотивы лежали у истоков создания Комвнторга, коему поручили содействовать вытеснению частной торговли государственным торговым аппаратом. Подобными устремлениями объяснялось и образование в составе ВСНХ Центрального управления государственной промышленностью - Цугпрома.

Это управление было задумано как объединяющий орган, своеобразный “трест трестов” или “государственный концерт”, дающий ВСНХ орудие руководства важнейшими отраслями и крупнейшими предприятиями индустрии. В Цугпроме обрела свое воплощение идея “одного хозяина” самой передовой части отечественной экономики. От общего, стратегического руководства казенной промышленностью властные структуры перешли к детальному оперативному управлению трестами, отобрав ряд полномочий у подчиненного им “красного директората”.

Государственное предпринимательство ступило на коварную стезю, ведущую под уклон всеобъемлющей бюрократизации хозяйственной жизни страны. Появился соблазн при помощи директив из центра осуществлять планирование и организацию деятельности всех субъектов экономики, и не только внутри казенного уклада.

Усиление централизованного воздействия на экономику, как правило, связано с ограниченностью ресурсов хозяйственного развития и необходимостью их перераспределения по соотношениям, которые могут не совпадать с текущим рыночным равновесием. Ресурсы мобилизуются для ведения войн или преодоления глубоких экономических кризисов. Государство концентрирует у себя средства на финансирование долгосрочных программ поддержки различных отраслей хозяйства в годы благоприятной конъюнктуры.

Желание большевиков ускорить подъем отечественной индустрии стало главной движущей пружиной укрепления общесоюзного руководства крупной промышленностью. Советская власть старалась сконструировать механизмы, позволявшие сосредоточивать в своих руках деньги и другие производственные ресурсы для перелива их в привилегированные отрасли.

Широкомасштабное регулирование цен государством вносило изменения в рыночный механизм равновесия спроса и предложения. Цены хуже играли роль посредника, состыковывавшего количество продаваемых продуктов с суммой денежного спроса на них. В такой обстановке возрастало значение неценовых рыночных параметров: предложения - производства и поставки товаров и покупательского спроса - количества рублей у потребителей.

Формирование цен внутри казенного предпринимательства предполагало управление выпуском как продукции, так и денег. Ведь существенное отклонение негибких цен от равновесного уровня сдерживает экономический рост. Завышенные цены препятствуют реализации изделий. Чтобы преодолевать возникающие кризисные явления сбыта и помогать рассасыванию скапливающихся товарных запасов, государство должно или ограничить производство, или организовать целевую эмиссию денег для подъема покупательной способности конкретных потребителей. Но политика свертывания выпуска продукции едва ли отвечает критерию разумной перспективы.

Заниженные цены порождают дефицит на товарном рынке. Отсутствие возможности закупать достаточное количество производственных ресурсов тормозит рост объемов продукции предприятий. Дабы уменьшить недостаток товаров, хозяйственным органам нужно либо сжимать денежную массу в обращении, сдерживая тем самым платежеспособный спрос, либо стимулировать увеличение производства продуктов.

При постоянном сохранении цен на уровне ниже рыночного равновесия казенное хозяйство может переходить в режим дефицитного регулирования, когда неисчезающая нехватка товаров побуждает распределять их методами, отличными от свободной купли-продажи, например, в порядке очереди, по карточкам, по установленным нормам и т.п., т.е. с известными ограничениями. Чем большее число директивно назначаемых товарных цен удаляется от своих устойчивых равновесных значений, балансирующих спрос и предложение в сфере торговли, тем большей становится степень натурализации экономики страны. В подобных условиях государственным хозяйственным органам приходится напрямую, невзирая на цены, согласовывать спрос (потребности) покупателей с предложением продуктов и услуг в натуральном выражении, определять и контролировать количество изготавливаемой продукции, ее качество и ассортимент.

В ситуациях рыночного дефицита продуктов деньги начинают утрачивать свойство средства обращения товаров - всеобщую обмениваемость. Не все денежные знаки удается превратить в желаемые потребительские блага. Появляются избыточные деньги, выталкиваемые из процесса обращения. Оказывается, что одинаковые по внешнему виду рубли обладают неодинаковой способностью к покупке товаров.

При наличии хронического недостатка продуктов, т.е. неудовлетворенного спроса, покупательная сила денег лишается своего естественного измерителя - уровня рыночных цен. Поэтому в условиях неравновесного ценообразования денежным обращением нельзя управлять только при помощи обычных, нормальных индикаторов - статистических уровней цен. В ряду с ними занимают место иные экономические параметры, характеризующие степень совпадения спроса и предложения. С одной стороны, показателями служат объем и структура производимых благ и услуг. С другой стороны, состояние спроса отражают нормы потребления отдельных товаров, наличие и размеры очередей покупателей различных видов продукции, достаточность товарных запасов для бесперебойного снабжения граждан, учреждений и предприятий.

Стало быть, выход регулируемых или фиксированных цен товаров из интервалов их текущих рыночных колебаний заставляет государственное предпринимательство непосредственно увязывать производство с циркулирующей денежной массой, принимая во внимание косвенные показатели степени несбалансированности спроса и предложения товаров.

Впрочем, в середине 20-х годов в СССР существовал механизм, позволявший вносить поправки в экономическую стратегию правительства. Таковым был частнохозяйственный рынок со свободным, гибким ценообразованием, быстро и адекватно реагировавшим на взаимные подвижки спроса и предложения продуктов на продажу. Государственные органы могли отслеживать динамику цен частного рынка и при необходимости корректировать политику в области цен, производства и денежного обращения.

Мелкотоварный и частнокапиталистические уклады выполняли функцию амортизатора. Они смягчали перепады конъюнктуры, возникавшие по вине государственной экономики, способствовали уменьшению диспропорций между рыночными параметрами. Но возможности влияния на состояние и развитие внутреннего рынка страны у казенного уклада были несравненно большими. В конечном итоге направление исторического движения отечественного хозяйства определялось государственным предпринимательством.

* * *

Денежная реформа, начатая в феврале 1924 г., в основном была закончена летом того же года. Но преобразования в сфере хождения денег остались, в некотором смысле, незавершенными. Во-первых, вместе с банковской эмиссией сохранилась казначейская. Во-вторых, соотношения товарных цен не удалось вернуть к исходному уровню лета 1923 г., т.е. к положению рыночного равновесия до осенней инфляции и предреформенной дезорганизации хозяйственного оборота.

Государственные казначейские билеты выпускались для выкупа совзнаков и сертификатов НКПС (Наркомата путей сообщения), которые использовались как мелкокупюрное платежное средство. Кроме того, Наркомфин эмитировал серебряную и медную монету, мелкие бумажные бонны для покрытия расходов бюджета. Всего было выпущено монеты и ее заменителей на выкуп бумажных денег старых образцов - 32,8 млн. руб., на покрытие бюджетных расходов в период до 1 октября 1926 г. - 164,9 млн. руб. На конец 1925/26 г. в обращении находилось 141,2 млн. руб. серебряной монеты, 7,2 млн. руб. медной монеты и 6,5 млн. руб. мелких бумажных бонн, впоследствии замещенных металлическими монетами, всего на сумму 154,9 млн. руб.⁸

Следовательно, из 164,9 млн. руб. бюджетных расходов 154,9 млн. руб. были покрыты выпусками металлических и приравненных к ним денег, что считается законным монетным доходом казначейства. Оставшиеся 10 млн. руб. представляли собой чистый дефицит государственного бюджета. Эмиссия бумажных денег для финансирования бюджетного дефицита осуществлялась в первые месяцы реформы и прекратилась к июлю 1924 г. Потом источником дохода Наркомфина была только чеканка серебряных и медных монет.

Казначейские деньги тратились и на приобретение иностранной валюты, особенно в первой половине 1924 г. Частично эта валюта хранилась в виде “эффективных” (настоящих) зарубежных банкнот. Большая же ее доля помещалась как безналичные средства на текущий счет Наркомфина в Госбанке. Эти депозиты иностранной валюты могли обслуживать государственные внешнеторговые операции или конвертироваться (переводиться) в червонные банкноты.

Наркомфин первоначально выпускал монету через свои кассы, а затем стал эмитировать ее через Госбанк, получая в обмен на казначейские деньги червонцы, которые зачислялись в своеобразный “обменный фонд” главного финансового ведомства страны. Поэтому вместе с отечественной металлической монетой в обменном фонде государственного бюджета накапливались и банковские билеты. Казначейская эмиссия удовлетворяла запросы хозяйства в платежных средствах меньшего, нежели червонец, достоинства.

Насыщение сферы обращения мелкими казначейскими деньгами в ходе реформы происходило весьма медленно, что видно из таблицы 4.1. Обмен бумажных денег на купюры нового образца вызвал жестокий разменный кризис, длившийся несколько месяцев. На момент фиксации обменного курса совзнаков, т.е. на 10 марта, мелкие средства платежа - номиналом менее 10 руб. - составляли $\frac{1}{5}$ часть всей денежной массы. Только к исходу лета 1924 г. соотношение долей купюр различной ценности достигло нормального уровня: 45% мелких казначейских денег и 55% крупных банкнот.

Таблица 4.1

Структура наличной денежной массы в 1924 г., %

Дата	Доля в денежной массе купюр ценностью		
	менее 1 руб.	от 1 руб. до 5 руб.	10 руб. и выше
1 января	5,7	20,6	73,7
1 февраля	6,8	13,8	79,4
1 марта	8,6	10,9	80,5
1 апреля	7,1	19,3	73,6
1 мая	8,6	24,3	67,1
1 июня	7,1	32,6	60,3
1 июля	8,1	31,2	60,7
1 августа	10,6	32,7	56,7

Составлено по данным: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 332.

На протяжении почти четырех месяцев - с февраля по май - недостаток разменных денег сопровождался высокими лажами - излишками над нарицательной стоимостью казначейских билетов и монеты по отношению к червонным банкнотам. Лажи на разменные купюры поднимались до 20 - 30 % и выше⁹. Погоня за мелкими денежными знаками была такой же рьяной, как и бегство от них накануне реформы.

Скидки с ценностного номинала банковского червонца означали инфляционное снижение его покупательной силы. А поскольку всесоюзный рынок пользовался червонной валютой в качестве измерителя цен, то неудивительно, что разменный кризис был отмечен общим ростом последних. Тенденции ценовых колебаний можно проследить по данным таблицы 4.2.

Таблица 4.2

Индексы товарных цен в 1923 - 1927 гг., уровень 1913 г. принят за 100 (на первые числа месяцев)

Дата	Всесоюзный индекс оптовых цен Госплана (ЦСУ)			Всесоюзный индекс розничных цен Конъюнктурного института Наркомфина, частная торговля			Всесоюзный индекс розничных цен Конъюнктурного института Наркомфина, обобщественная торговля *		
	общий	сельско-хозяйственных товаров	промышленных товаров	общий	сельско-хозяйственных товаров	промышленных товаров	общий	сельско-хозяйственных товаров	промышленных товаров
1923 г.									
июнь	126	86	185	139	95	208			
июль	145	102	207	155	106	224			
август	158	102	246	184	135	252			
сентябрь	157	92	270	168	95	266			
октябрь	157	89	276	167	92	273			
ноябрь	149	92	243	169	104	259			
декабрь	157	108	229	172	121	244			
1924 г.									
январь	169	124	229	180	134	235			
февраль	186	153	227	201	159	253			
март	193	170	219	203	159	255			
апрель	180	156	209	207	172	242			
май	175	151	203	213	187	238			
июнь	166	137	201	206	173	243			
июль	169	141	202	210	179	245			
август	175	151	203	225	203	248			
сентябрь	172	148	201	219	192	248			
октябрь	164	130	199	206	172	248	192	163	210
ноябрь	164	135	198	203	167	244	191	162	210
декабрь	168	145	195	205	174	240	192	169	207
1925 г.									
январь	172	152	194	205	177	232	193	171	206
февраль	178	164	193	208	185	232	192	170	205
март	183	176	191	211	193	229	190	166	204
апрель	194	198	191	217	208	227	195	175	206
май	197	202	191	221	217	225	197	182	206
июль	188	186	190	218	217	219	195	179	204
август	175	161	190	210	199	221	197	182	205
сентябрь	173	155	193	208	190	227	193	175	203
октябрь	174	156	195	215	192	239	197	178	208
ноябрь	175	156	196	217	191	245	196	178	206
1926 г.									
январь	183	169	198	226	204	248	200	183	209
февраль	190	181	200	230	213	248	203	189	210
март	194	188	200	234	219	249	205	195	210
апрель	196	191	202	241	220	262	207	198	212
май	197	190	203	250	230	271	208	201	212
июнь	189	176	203	243	218	268	207	197	213
июль	183	164	204	236	209	266	205	191	212
август	181	162	203	234	206	264	202	187	211
сентябрь	180	156	204	231	201	263	199	182	209
октябрь	179	157	204	230	199	264	198	180	209
ноябрь	178	156	203	234	205	266	198	180	208
декабрь	178	155	204	235	205	268	198	181	208

Продолжение табл. 4.2

1927 г.									
январь	177	154	203	235	208	270	197	181	207
февраль	179	157	203	236	207	267	197	181	206
март	179	159	200	237	209	268	194	179	202
апрель	177	160	196	238	210	268	190	175	198
май	175	158	194				188	174	196
июнь	174	157	193				185	172	193
июль	173	157	191				184	171	192
август	171	156	189				183	170	191
сентябрь	170	154	188				183	171	189
октябрь	170	154	188				183	173	189

* государственная и кооперативная торговля

Составлено по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 378, 379, 380, 382, 383, 384.

Февральские мероприятия 1924 г. Комиссии по внутренней торговле, направленные на уменьшение оптовых, отпускных цен, знаменовали собой наступление второй кампании регулирования ценовых пропорций с момента удачной борьбы с “ножницами цен” осенью 1923 г. Для успеха в этом деле имелись некоторые предпосылки. Промышленность и торговля располагали неплохими товарными запасами. Стабилизация национальной валюты в процессе денежной реформы ликвидировала причины страховых надбавок к ценам, которые широко применялись для компенсации курсовых потерь в последние месяцы падавшего совзнака. Появление новых денег замедлило скорость обращения платежных средств. Твердые рубли можно было спокойно хранить на счетах и в кассах предприятий, в домах граждан. Спало ажиотажное напряжение спроса, и он уменьшил давление на цены в сторону их повышения.

Общий индекс оптовых цен резко подскочил в феврале-марте 1924 г., но затем до середины лета шел на убыль. Оптовые цены промышленных изделий за те же полгода понизились на 12,2%. Сельскохозяйственные оптовые цены в июне были выше январских на 9,8%, однако они заметно уменьшились в сравнении с мартовским максимумом. Менее утешительные изменения происходили с ценами розничного рынка. Здесь подъем общего индекса цен в 1924 г. продолжался дольше, чем в оптовом обороте. Разменный кризис сотрясал розничную торговлю до конца весны, пока для наличных расчетов не хватало мелких денег. Уровень розничных цен немного понизился к июню 1924 г., но так и остался выше январских, февральских и даже мартовских значений.

Наиболее заметное снижение отпускных цен на промышленные товары произошло под давлением директивного управления сверху за счет снятия “инфляционного налета”, предшествовавшего и сопутствовавшего денежной реформе. Государственные тресты вынужденно сократили включаемые в состав цен суммы прибыли и размеры накидок, которые страховали от обвального падения покупательной силы рубля. Дальнейшее регулирование оптовых цен на продукцию крупных предприятий в условиях устойчивой валюты должно было уже опираться на рационализацию производства и торговли.

На динамике цен ошутимо сказались восстановительные процессы в отечественной экономике, которые подошли к своему завершению в 1926/27 г. Такой вывод позволяет сделать знакомство с показателями таблицы 4.3. Через три года после окончания денежной реформы по ряду параметров советское хозяйство достигло уровня 1913 г. и даже превзошло его. В 1925/26 г. удалось превзойти довоенную величину показателя валовой продукции всей промышленности, а год спустя и показателя валовой продукции крупной, ценовой промышленности. На общем фоне благополучной картины по-разному выглядели успехи отдельных отраслей индустрии. Предвоенные значения натуральных показателей оставили позади каменноугольная, нефтяная, цементная, текстильная, обувная промышленность, производство галош, махорки, бумаги и др. Но выплавка чугуна и стали в 1926/27 г. дошла только до 70,4% и 84,4% от соответствующих объемов производства черной металлургии 1913 г.

К тому же сроку численность рабочих, занятых на крупных промышленных предприятиях, а также их реальная среднемесячная заработная плата перевалили за довоенную черту. Грузооборот железнодорожного транспорта Советского Союза в 1926/27 г. примерно был равен перевозкам грузов по Российской империи накануне мировой войны. Такие скромные результаты отчасти объясняются неспешным подъемом аграрного сектора страны, валовая продукция ко-

торого после сбора урожая 1926 г. составила около 91% от объема 1913 г. В 1923 - 1926 гг. засевалось меньше площадей земли и выращивалось меньше зерна, чем в предвоенной России.

Таблица 4.3

Основные показатели народного хозяйства России в 1913 г. и СССР в 1923/24 - 1926/27 гг.

Показатели	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Валовая продукция промышленности, млн. довоенных руб.	3 284,4	1552,8	2559,6	3577,2	4 240,9
Добыча каменного угля, тыс. т.	27 204	15 780	16 080	24 420	30 931
Добыча нефти, тыс. т.	8 808	5 940	6 960	8 820	10 130
Выплавка чугуна, тыс. т.	4 206	660	1 291	2 202	2 963
Выплавка стали, тыс. т.	4 247	992	1 868	2 910	3 584
Производство цемента, тыс. т.	1 118	354	716	1 300	1 555
Выработка хлопчатобумажной ткани, млн. м.	2 224	835	1 499	2 028	2 339
Производство кожаной обуви, тыс. пар	8 349	4 056	6 300	8 952	12 235
Производство галош, тыс. пар	27 816	6 180	15 732	25 308	29 628
Производство махорки, т.	44 232	21 204	29 076	49 668	56 628
Производство бумаги, тыс. т.	139	118	214	251	260
Число рабочих крупной, ценовой промышленности, тыс.	2 482	1 634	1 907	2 414	2 550
Среднемесячная заработная плата в крупной промышленности, червонных руб.	25,0 *	25,10	43,50	54,04	60,41
Индекс реальной среднемесячной заработной платы в крупной промышленности, %	100,0	63,5	79,1	90,8	105,3
Грузооборот железнодорожного транспорта, млн. т.	11,03	5,62	6,95	9,73	11,31
Валовая продукция сельского хозяйства, млн. довоенных руб.	13 050	8 648	11 046	11 462	11 926
Товарная продукция сельского хозяйства, млн. довоенных руб.	3 132	1 394	1 817	1 932	2 193
Валовой сбор зерна, млн. пуд.	5 410	4 731	4 525	4 763	4 687
Посевные площади, тыс. га	118 162	99 729	105 672	112 418	115 294
Поголовье лошадей, тыс. голов	35 522	25 315	26 782	29 085	31 258
Поголовье крупного рогатого скота, тыс. голов	60 280	57 973	60 601	64 060	67 835
Поголовье овец, коз, тыс. голов	120 833	96 920	111 461	121 642	134 293
Поголовье свиней, тыс. голов	20 337	19 531	18 807	18 137	20 022

* золотых, довоенных рублей

Таблица рассчитана по данным: Показатели состояния народного хозяйства СССР (1913 - 1927 гг.) // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11-12. С.115, 116; Показатели состояния народного хозяйства СССР // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1928. № 1. С. 9; Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. С. 156; История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 326, 384, 449; Струмилин С. Первые опыты планирования // Плановое хозяйство. 1930. № 12. С. 249; Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избранные произведения: В 2 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 183. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие // Плановое хозяйство. 1929. № 4. С. 64.

Восполнение поголовья происходило в животноводстве. Количество крупного и мелкого рогатого скота в 1927 г. было уже больше, нежели в 1913 г. Общесоюзное стадо свиней по своим размерам приблизилось к предвоенной поре. Возмещение поголовья лошадей мало-помалу утрачивало надобность, поскольку появились первые тракторы и автомобили. На скорости развития отечественного сельского хозяйства сказались погодно-климатические условия. Так, неурожай 1924 г. уменьшил запасы зерновых и кормовых культур, что повлекло за собой сброс поголовья свиней на протяжении двух лет.

Недород хлебов 1924 г. повлиял и на динамику цен всесоюзного рынка. Он воспрепятствовал обретению высокой покупательной способности денежными знаками нового образца. Чувствительный подъем оптовых сельскохозяйственных цен наблюдался зимой-весной 1925 г. Его притормозили радужные виды на ожидавшийся урожай и закупки зарубежного продовольствия для снабжения городского населения. Из-за роста аграрных цен общий оптовый индекс в середине 1925 г. оказался выше, чем год назад.

Темпы снижения оптовых промышленных цен упали летом 1924 г. Постепенное улучшение организации труда, экономия накладных расходов, интенсификация загрузки оборудования по-

зволюли уменьшать себестоимость продукции и понемногу сбавлять отпускные цены трестов в течение целого года. О взаимосвязи изменений себестоимости изделий и цен в промышленности говорят данные таблицы 4.4.

Таблица 4.4

Динамика себестоимости и отпускных цен промышленной продукции в 1924/25 - 1926/27 гг., % к предыдущему году (“-” уменьшение, “+” увеличение)

Показатели	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Себестоимость продукции крупной промышленности	- 13,3	+ 1,7	- 1,8
Отпускные цены продукции крупной промышленности	- 12,0	- 0,5	- 2,7
Себестоимость продукции отраслей группы “А” (производственного назначения)	- 14,5	+ 3,4	- 0,7
Отпускные цены продукции отраслей группы “А”	- 14,0	+ 3,1	- 1,1
Себестоимость продукции каменноугольной промышленности	- 13,0	- 1,6	+ 2,3
Себестоимость продукции черной металлургии	- 28,0	+ 3,5	+ 1,8
Себестоимость продукции отраслей группы “Б” (предметов потребления)	- 12,0	- 1,4	- 2,3
Отпускные цены продукции отраслей группы “Б”	- 12,0	- 8,1	- 3,8
Себестоимость продукции текстильной промышленности	- 17,0	- 5,2	- 3,3
Себестоимость продукции кожевенной промышленности	- 23,2	+ 4,6	+ 1,2

Составлено по данным: Шапошников Н. Задачи и предпосылки политики цен // Вестник финансов. 1927. № 9. С. 26; Турецкий Ш.Я. Проблема издержек производства в процессе ценообразования // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 184, 189.

Движение цен в среднем по всей промышленности и по группам отраслей довольно точно повторяло тенденции изменений издержек производства. В динамике себестоимости за рассматриваемое время прослеживались три периода. Первый период охватывал 1924/25 г., когда снижение производственных издержек шло споро во всех отраслях индустрии. Второй период включал 1925/26 г. и первое полугодие 1926/27 г. На протяжении полутора лет непрерывно росли затраты на производство продукции всей промышленности в целом. Однако здесь тенденции по группам отраслей размежевались. По продукции производственного назначения отраслей группы “А” себестоимость увеличилась. По товарам широкого потребления отраслей группы “Б” отмечалось дальнейшее снижение себестоимости. Третий период - остаток 1926/27 г. опять знаменовался уменьшением средней себестоимости, исчисленной по всей крупной промышленности и по двум ее важнейшим группировкам. Изменение издержек производства по некоторым отраслям не полностью совпадало с генеральным направлением, но все-таки колебалось вокруг него.

За три года - с 1924/25 г. по 1926/27 г. - темпы уменьшения себестоимости зримо упали. Соответственно им замедлилось снижение отпускных цен на продукцию крупных предприятий. Аналогичная закономерность присутствовала и в динамике объемов производства (см. табл. 4.3). Такое взаимное, синхронное движение издержек изготовления, цен и количества выпускаемой продукции не было случайным. Оно отражало специфику завершающей стадии послевоенного восстановительного подъема отечественной экономики.

Общий уровень затрат на производство промышленной продукции в годы нэпа был избыточным. Он намного превосходил издержки изготовления важнейших товаров довоенной индустрией. Например, соотношение себестоимости производства в 1924/25 г. и в 1913 г. исчислялось по углю в 180%, передельному чугуну - 185%, железу сортовому - 199%, миткалю (ситцу) - 207%¹⁰. Величина издержек производства предопределяла и границы формирования оптовых промышленных цен, индекс которых прорисовывался вблизи отметки 200, т.е. в интервале двукратного превышения показателя 1913 г. Чрезмерные издержки на изготовление фабрично-заводских изделий были следствием нарушения хозяйственных связей, катастрофического спада производства, перемены формы собственности и режима коммерческой деятельности предприятий, ухудшения дисциплины и производительности труда во время гражданской войны.

Возрождение крупной индустрии сопровождалось экономией расходуемых средств и наращиванием выпуска готовой продукции. Решающее значение для этих процессов имели внушительные резервы бездействовавших производственных мощностей. Вовлечение в эксплуатацию простаивавшего оборудования, запуск временно законсервированных предприятий, найм дополнительной рабочей силы влияли на динамику объемов производства, себестоимости и цен.

В первые годы нэпа достижения были весомыми. За счет улучшения загрузки оборудования расширялась обработка продуктов. Увеличение количества сделанных товаров само собой, без организационных и технических усовершенствований, снижало себестоимость единицы продукции. Одна и та же сумма условно-постоянных затрат (амортизационных, общезаводских и прочих накладных расходов) расписывалась на больший объем продукции. Подтверждением тому служат показатели таблицы 4.5.

Таблица 4.5

Сумма амортизационных отчислений в расчете на один рубль валовой продукции отраслей промышленности в 1924/25 - 1926/27 гг., коп.

Отрасли промышленности	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Каменноугольная	9,9	9,4	8,2
Нефтяная	41,7	45,3	51,1
Металлургия	9,3	8,9	8,1
Горнодобывающая	13,3	8,9	8,1
Электротехническая	7,1	5,4	4,5
Лесная	4,5	3,9	3,1
Бумажная	8,0	8,4	7,7
Химическая	5,8	3,7	3,7
Текстильная	7,4	6,3	6,0
Пищевая	9,0	8,1	7,7
По всей общесоюзной промышленности	10,0	8,2	8,0

Составлено по данным: Сегаль А. Основные капиталы общесоюзной промышленности // Плановое хозяйство. 1927. № 2. С. 83.

По мере ввода в действие резервных производственных мощностей росла валовая продукция промышленности и уменьшалась в составе себестоимости статья затрат, вызванных эксплуатацией основного капитала. Но оба процесса показывали тенденцию к исчерпанию. Так, ежегодные приросты валовой продукции равнялись в 1924/25 г. - 64,8%, в 1925/26 г. - 39,7%, в 1926/27 г. - 18,6%. Сумма амортизации в каждом рубле промышленных продуктов сократилась в 1925/26 г. на 18%, а в 1926/27 г. - всего на 2,5%.

Падение темпов прогрессивных перемен обуславливалось логикой восстановления. Вначале предприятия приступали к использованию лучших станков, машин и т.п., а затем они утилизировали устаревшее, изношенное, менее производительное оборудование. Естественно, что приросты продукции с каждым разом уменьшались, а затраты на ее производство увеличивались.

Воскрешение российской индустрии было отмечено ростом количества и ухудшением качества рабочего персонала. Быстрое развертывание промышленности предъявляло ненасытный спрос на рабочую силу. Предприятия обреченно нанимали толком не обученных людей, что вело к понижению среднего уровня квалификации кадров. В 1926 г. среди занятых в промышленности квалифицированные рабочие составляли 53,4%, полуквалифицированные - 26,3%, неквалифицированные - 20,3%¹¹. Устройство на фабрики и заводы граждан, желавших трудиться, поощрялось неумеренным повышением заработной платы. В итоге деградировала производительность труда, и относительно дорожали расходы на его оплату. Представление о масштабах возникавших проблем дает таблица 4.6.

Таблица 4.6

Динамика затрат на оплату труда по отраслям промышленности в 1923/24 - 1925/26 гг., % (уровень 1913 г. принят за 100)

Отрасли промышленности	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Каменноугольная	58	105	145
Металлургия	73	138	163
Хлопчатобумажная	100	216	241
В среднем по всей промышленности	-	166	192

Составлено по данным: Шапошников Н. Задачи и предпосылки политики цен. С. 26.

Дисциплина и интенсивность труда были слабыми. По отзывам специалистов, из восьмичасового рабочего дня эффективно заполнялось от 40% до 60%. Коэффициент использования

рабочего года в 1924/25 г. оценивался в 87,6%, против 92,1% в 1913 г. В том же году нэпа на одного работающего приходилось в среднем 9,6 дня прогулов, а в 1913 г. лишь 4,6 дня¹².

Под обоюдным воздействием снижения условно-постоянных затрат и роста условно-переменных затрат (заработной платы трудящихся) вычерчивалась сводная линия изменений себестоимости промышленной продукции. В восстановительный период в нашей экономике наблюдались две сопряженные тенденции: ускоренный рост продукции и опережающее повышение заработной платы в отраслях группы "Б" по сравнению с отраслями группы "А". Это видно при сопоставлении таблиц 4.7 и 4.8.

Таблица 4.7

Удельный вес производства валовой продукции промышленности в отраслях группы "А" и группы "Б" в 1913 - 1926 гг., %

Годы	Удельный вес в валовой продукции промышленности, %	
	отрасли группы "А"	отрасли группы "Б"
1913	40,7	59,3
1923	48,1	51,9
1924	45,3	54,7
1925	43,4	56,6
1926	43,9	56,1

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 268.

Данные таблицы 4.7 показывают, что после военно-революционных разрушений вновь сложилась похожая на прежнюю структура отечественного хозяйства. Большую часть товаров поставляли на рынок предприятия, изготавливавшие предметы потребления. Это было связано с преобладанием сельского хозяйства в экономической жизни страны. В 1925/26 г. доля отраслей, которые перерабатывали сельскохозяйственное сырье, доходила до 55% от общего объема промышленной продукции СССР¹³.

Воспроизведение довоенных пропорций в российском хозяйстве высвечивало закономерный характер воссоздания сокрушенных звеньев. Оно подчеркивало преимущество историко-экономического развития державы, в котором последующее состояние весьма жестко предрекалось предыдущими событиями. Повторяемость качественных параметров экономического роста подтверждалась и возвращением к преимущественному применению минерального топлива. В 1926 г. удельный вес минеральных энергоносителей - каменного угля и нефти - в топливном балансе СССР поднялся до 79%, а доля дров сжалась до 17%, что примерно соответствовало показателям 1913 г. - 73% ископаемых горючих материалов и 25% древесины¹⁴.

Минерализация топливного баланса создала предпосылки для стремительного подъема новейших отраслей, в частности электроэнергетики. В те же годы было организовано опытное производство ранее не выпускавшихся в стране энергоемких продуктов: алюминия, бария, магния, титана, слюды и т.п.

Предприятия-производители предметов широкого потребления бурно развивались и смело повышали оплату труда своего персонала. Об относительном преимуществе в размерах заработной платы тружеников отраслей группы "Б" говорят данные таблицы 4.8.

Таблица 4.8

Динамика среднемесячной заработной платы работников промышленности в 1923/24 - 1925/26 гг., % (уровень 1913 г. принят за 100)

Отрасли промышленности	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Пищевая	115,7	132,5	144,7
Химическая	93,2	118,6	138,6
Бумажная	100,2	114,8	128,7
Кожевенная	88,7	112,2	127,3
Текстильная	83,7	98,8	117,4
Полиграфическая	93,6	102,1	98,7
Деревообрабатывающая	76,1	88,3	96,9
Металлургия	53,1	64,8	81,0
Горнодобывающая	46,1	53,7	73,5
В среднем по всей промышленности	63,5	79,1	90,8

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 449.

Комфортная рыночная конъюнктура позволяла предприятиям, обслуживавшим массовый спрос населения, наращивать выпуск товаров и увеличивать зарплату работников в гораздо большей степени, нежели это делали производители продукции технического назначения. Темп роста заработной платы в отраслях группы “Б” в первые годы нэпа превышал темп увеличения оплаты в среднем по всей промышленности. Но сие было временным явлением, ибо труд в тяжелой индустрии из-за его условий обычно оплачивается лучше среднего уровня. Так, в 1913 г. заработная плата в текстильной промышленности равнялась 67%, в пищевой - 70%, в бумажной - 75%, в химической - 80% среднего размера заработка по всем отраслям индустрии¹⁵.

В 1924/25 г. советская экономика била рекорды. Валовая продукция промышленности увеличилась почти на $\frac{2}{3}$, выплавка чугуна - на 95,6%, стали - на 88,3%, производство цемента - на 102,3%, хлопчатобумажной ткани - на 79,4% и т.д. Столь головокружительный взлет индустрии осуществлялся благодаря стечению обстоятельств.

Прежде всего, сформировался емкий рынок промышленной продукции почти всех видов. Оправившееся от невзгод крестьянство разжилось и предъявило солидный, устойчивый спрос на фабричные товары широкого потребления, земледельческие орудия, машины и инвентарь. Поддерживаемые сельским рынком пошли в гору легкая, пищевая, химическая (производство резиновой обуви) и другие отрасли группы “Б”. Предприятиям этого профиля продукции понадобились детали и узлы для ремонта оборудования, уголь, металл, строительные материалы, сырье и прочие изделия тяжелой промышленности. Таким образом, создавался рынок сбыта для производств группы “А”.

Всплеск предпринимательской деятельности привлек на фабрики и заводы многие тысячи граждан, которые возымели растущие доходы. Промышленность опять, как и до войны, стала сама для себя рынком. Ее работники покупали потребительские товары фабричной выделки, а предприятия приобретали друг у друга сырье, материалы, топливо, оборудование и пр. Индустрия вернула себе роль лидера отечественного хозяйства.

Известно, что темпы экономического роста определяются взаимным приспособлением спроса и предложения товаров. И скачок деловой активности опирался не только на развивавшийся спрос, но и на запасы неиспользуемых производственных мощностей, которые смогли дать прирост предложения продуктов. Праздно простаивавшее оборудование вводилось в строй по мере пополнения оборотного капитала фабрик и заводов. Возмещение потерь оборотных фондов пошло полным ходом после появления в обращении банковского червонца. Предприятия накапливали средства для текущих платежей в процессе эмиссии новой валюты. С окончанием денежной реформы насыщение промышленности оборотным капиталом практически завершилось. Если в 1923/24 г. оборотный капитал предприятий возрос на 70%, то в 1924/25 г. - на 29%, а в 1925/26 г. - только на 10%¹⁶.

Выпуск твердой валюты предоставил хозяйственникам надежный измеритель издержек и цен. Предприятия теперь калькулировали себестоимость, точно учитывали и покрывали износ основного капитала. Но до 1924 г. в большинстве отраслей промышленности происходило “проедание” фондов капитальных благ, т.е. фактическое возмещение износа зданий, сооружений, станков и т.п. было меньше суммы начисленной амортизации.

В 1924 г. впервые вложения капитала превысили его естественную убыль. Дальнейшее инвестирование способствовало тому, что удельный вес основных средств в общем капитале предприятий начал увеличиваться, а доля оборотных фондов сокращаться. Изменения вложений и износа капитала промышленности на протяжении трех лет отражены в таблице 4.9.

Расширение емкости внутреннего рынка и восполнение оборотного и основного капитала крупной индустрии подготовило ее изумительный рывок ввысь в 1924/25 г. Именно в это время правительство осознало, что отечественное хозяйство осязаемо придвинулось к рубежам предвоенных лет. И в повестку дня экономической политики был внесен вопрос о перспективах исторического движения. Было ясно, что хозяйство возрождалось на унаследованном от прежней эпохи технологическом базисе, на устаревшем и изношенном оборудовании. Ресурсы незапятнанных производственных мощностей таяли, и как потом оказалось, они иссякли через два года.

Таблица 4.9

**Динамика стоимости капитального имущества промышленности
в 1924/25 - 1926/27 гг., млн. руб. (“+” прирост, “-” убыль)**

Отрасли промышленности	1924/25 г.			1925/26 г.			1926/27 г.		
	Инвестиции	Износ	Итого	Инвестиции	Износ	Итого	Инвестиции	Износ	Итого
Текстильная	60,5	62,4	- 1,9	101,0	63,0	38,0	83,5	65,0	18,5
Химическая	11,9	6,1	5,8	21,7	6,4	15,3	28,2	6,9	21,3
Пищевая	34,5	29,3	5,2	29,3	31,2	- 1,9	22,1	32,2	- 10,1
Каменноугольная	28,5	11,0	17,5	74,5	15,0	59,5	110,0	18,6	91,4
Нефтяная	103,6	48,0	55,6	123,8	58,0	65,8	150,5	72,7	77,8
Металлургия	67,5	37,5	30,0	121,0	41,0	80,0	174,0	45,5	128,5
Бумажная	5,3	2,5	2,8	11,1	2,8	8,3	15,7	3,2	12,5
Лесная	3,9	2,1	1,8	9,7	2,0	7,7	12,6	2,0	10,6
Горнодобывающая	7,3	3,0	4,3	23,3	3,3	20,0	34,5	4,0	30,5
Электротехническая	6,5	4,0	2,5	12,5	4,3	8,2	16,0	4,6	11,4
Всего:	329,5	205,9	123,6	517,9	227,0	300,9	647,1	254,7	392,4

Составлено по данным: Сегаль А. Основные капиталы общесоюзной промышленности. С. 78.

Руководство СССР отдавало себе отчет в том, что за периодом восстановления неизбежно наступит время реконструкции, что державе предначертано идти курсом дальнейшей индустриализации. Поэтому созданный в декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) “дал директиву об индустриализации страны”¹⁷. Форум партии большевиков фактически констатировал преемственность общественного развития Советского Союза. Закономерности экономических процессов вели страну по магистральному пути мировой цивилизации - от аграрного общества к индустриальному. По этой “столбовой дороге” вынуждено было бы следовать любое наше правительство, вне зависимости от его идеологических предрассудков.

Через революционных потрясений переключила экономический строй России, но не оборвала связь с прошлым. Поскольку крупная промышленность в ходе национализации попала в казенные руки, постольку индустриализацию отныне суждено было вершить силами государственного предпринимательства. СССР явил собой уникальный опыт преобразования аграрно-промышленной структуры экономики в индустриально-аграрную; когда не только организатором, но и исполнителем сего действия был государственный аппарат.

Итоговые документы XIV съезда ВКП(б) призывали “вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток мирового хозяйства, а представлял собой самостоятельную экономическую единицу”¹⁸. Сочная риторика партийной резолюции рисовала достойную цель - величие индустриальной державы. Но движение в светлое будущее пришлось начинать в обратном направлении, по окольному пути. Таковы были узорные изгибы объективной логики истории.

Вопреки военно-революционному разрыву преемственность хозяйственного развития пробивала себе дорогу. Народные комиссары “ничтоже сумняшеся” воспользовались рецептом царских министров, проводивших политику попечительства отечественной индустрии. Советское правительство решило возобновить массированный экспорт сельскохозяйственной продукции, леса и т.п. в интересах получения валюты для закупок новой зарубежной техники, прогрессивных технологий, ввоза некоторых видов сырья. Де-факто была скопирована довоенная модель индустриализации России за счет ее включения в международное разделение труда в качестве поставщика хлеба и природных ресурсов передовым странам.

* * *

Совершенствование производственно-технической базы уже функционировавших фабрик и заводов, как и сооружение новых промышленных предприятий, требовало инвестиций. Чтобы вкладывать капитал, его надобно было создавать и накапливать. Весомыми источниками капитальных вложений в индустриализацию страны могли быть: средства казенной промышленно-

сти; денежные сбережения людей и налоги, выдавливаемые из их личных доходов; ресурсы других, негосударственных социально-экономических укладов. Механизмами аккумуляции и распределения накоплений были: денежно-кредитная система, бюджетная система, хозяйственные связи внутреннего и внешнего рынков.

Среди условий продолжения политики индустриализации державы, начатой еще в XIX веке, важнейшее место занимал аграрный сектор как главный резерв накоплений капитала и рабочей силы. В годы нэпа, до середины 20-х годов, собственные финансы промышленности едва сводили концы с концами. Размеры получаемых прибылей, из которых формировались чистые инвестиции, выглядели скромно. Только к 1925 г. нормализовалось воспроизводство основных фондов. Но высвобождаемые амортизационные отчисления, каковые вкупе с прибылью образовывали валовые инвестиции, также были недостаточными для серьезной программы нового промышленного строительства.

Доходы большинства жителей СССР чуть-чуть перекрывали потребности на уровне физиологической нормы. И они не могли быть обильным источником прилива сбережений в банки или поступления прямых налогов в казну. Исключение составлял лишь не скудеющий поток алкогольно-табачных акцизов.

Особняком среди прочих стояли частные предприниматели, имевшие промышленные и торговые заведения, а также владельцы крепких крестьянских хозяйств. Деньги и имущество этого состоятельного социального слоя казались “лакомым куском” правящей бюрократии, ибо она по своему статусу и идеологии не уважала частную собственность, сохранившуюся после повальной национализации. Но база налогообложения зажиточного сословия ограничивалась его сравнительной малочисленностью и незначительностью отдельных индивидуальных богатств. По этой же причине невелик был поток денежных сбережений людей с достатком выше среднего в банковские депозиты.

Тем не менее, оставалась возможность привлечения на нужды индустриализации средств частных укладов: мелких и средних частнокапиталистических предприятий, кустарных промыслов и ремесел, крестьянских семей. Государство могло добиваться выгоды от использования механизма рыночных связей: через систему цен и тарифов на продукцию крупной промышленности и всего казенного сектора экономики; путем установления цен на государственные закупки товаров у частных лиц и предприятий; при помощи регулирования режима внешней торговли.

Самым массовым и большим был рыночный оборот между городом и деревней. Поэтому в пропорциях и характере обмена промышленных товаров на сельские продукты нетрудно было найти резервы для перераспределения ресурсов в пользу создания современных предприятий. Аграрный сектор выполнял функцию поставщика валютных накоплений капитала для реконструкции промышленности очень простым способом осуществления платежных операций. Закупки сельскохозяйственной продукции на внутреннем, всесоюзном рынке и вывоз ее за рубеж позволяли на вырученную иностранную валюту сразу же импортировать в СССР новые станки, технологии, сырье и пр.

Таким образом, успех политики индустриализации напрямую зависел от самочувствия “крестьянской экономики”. Здесь была важна не только общая величина сельскохозяйственного производства, но и та доля валового продукта, которая предназначалась для продажи на рынке, т.е. товарная часть продукции, поскольку размерами рыночного предложения деревенских товаров определялись их экспортные поставки. Кроме доходов от внешней торговли ресурсами увеличения капиталов в стране были накопления аграрного сектора. Они частично могли инвестироваться в другие отрасли экономики.

Нэп положил начало подъему сельского хозяйства после угнетавшей обстановки военного коммунизма. Все главные экономические показатели свидетельствовали о постепенном восстановлении производительности крестьянского труда. Так, с 1923/24 г. по 1926/27 г. валовая продукция сельского хозяйства возросла на 37,9%, товарная продукция - на 57,3%, посевные площади увеличились на 15,5%, поголовье лошадей выросло на 23,5 %, крупного рогатого скота - на 17%, овец и коз - на 38,6 %, свиней - на 2,5 %. Возвышались и денежные доходы сельских обитателей, которые оценивались в 1924/25 г. суммой 3 262 млн. руб., в 1925/26 г. - 4 321 млн. руб., в 1926/27 г. - 4 687 млн. руб.¹⁹

В середине 20-х годов деревня продвигалась к чаемому довольствию. Потребление основных продуктов питания перешагнуло довоенные нормы, что видно из таблицы 4.10. Между тем, валовая продукция сельского хозяйства едва дотянула до отметки 87% от показателя 1913 г. Следовательно, крестьянское потребление росло быстрее производства продовольствия. Это относительно уменьшало товарную часть сельскохозяйственной продукции и сокращало долю накопления в валовых доходах аграриев.

Таблица 4.10

Среднедушевое потребление продуктов питания сельским населением в 1913 г. и 1925/26 г.

Виды продуктов	1913 г.	1925/26 г.
Зерновые продукты (хлеба), кг.	228,8	233,4
Мясо и сало, кг.	20,0	17,6
Молоко, ведер	13,7	14,3
Яйцо, шт.	49	51

Рассчитано по данным: Варшавер С.С., Падейский Н.А. Перспективы развития внешней торговли // Вестник финансов. 1927. № 9. С. 59; Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 210

О размерах накоплений крестьян говорили прикидочные подсчеты экономистов. По мнению В.Я. Железнова, накопления земледельческого населения равнялись в 1924/25 г. - 483,8 млн. руб., в 1925/26 г. - 874,8 млн. руб.²⁰ Н.Д. Кондратьев предполагал, что сумма крестьянского накопления в 1923/24 - 1925/26 гг. колебалась по годам от 700 до 1 200 млн. червонных руб.²¹ При положительной динамике объемов сельскохозяйственного накопления его структура не соответствовала нуждам индустриализации страны. Натуральная форма накопления возобладала над денежной; последняя не превышала 20 - 30% всей величины сбережений²².

Резервом инвестирования средств в промышленность могла быть лишь та часть крестьянских доходов, которая либо расходовалась на покупку орудий труда и прочих средств производства заводского изготовления, либо в виде денег сберегалась на руках у владельцев или вкладывалась в кредитные учреждения. Помещение вкладов деревенского населения в сельскохозяйственную кооперацию и в сберегательные кассы характеризовалось следующими данными таблицы 4.11.

Таблица 4.11

Вкладные операции крестьян в 1924 - 1926 гг., млн. руб.

Дата	Вклады частных лиц в низовую сеть сельскохозяйственной кооперации	Остаток вкладов в сберегательных кассах сельской местности
1 января 1924 г.	1,9	-
1 января 1925 г.	2,4	4,1
1 января 1926 г.	4,1	7,3
1 октября 1926 г.	5,5	14,6

Составлено по данным: Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 95.

Значения показателей таблицы 4.11 крайне малы по сравнению с суммарным сельским накоплением. Они также разнились с недалеким прошлым. Например, в январе 1917 г. вовлеченные в кооперацию крестьянские деньги исчислялись суммой в 650 млн. руб.²³ Основная доля трехлетних денежных сбережений тружеников аграрного сектора была истрачена на покупку инвентаря - около 110 млн. руб. и на сооружение хозяйственных построек - около 360 млн. руб.²⁴

Отличительным моментом изучаемой поры было интенсивное крестьянское накопление непосредственно в продуктах, не проходивших через торговлю, в средствах производства собственного кустарного изготовления, в приросте поголовья скота. Все, что оседало на сельских дворах, минуя рынок, не касалось сферы обращения и не годилось для перелива ресурсов в индустрию.

До известной степени натуральное накопление укрепляло устойчивость крестьянских хозяйств. Увеличение числа содержимого на подворьях скота означало возрастание их производительной мощи. Создание щедрых, переходящих запасов хлеба и прочих продуктов страховало деревню на случай неурожая и иных стихийных бедствий. Но в 1925 - 1926 гг. наблюдалось вынужденное накопление, которое превзошло рациональные нормы. Земледельцы стали больше задерживать у себя продуктов. Если к осени 1925 г. хлебные запасы сельских жителей оце-

нивались приблизительно в 150 млн. пуд., то через год уже - в 420 млн. пуд.²⁵ Вместо того, чтобы вывозить свои товары на продажу, крестьяне складировали их дома или потребляли. Поэтому товарность сельского хозяйства по его отдельным отраслям падала, что и подтверждает таблица 4.12.

Таблица 4.12

**Доля отчуждаемой продукции в валовом сельскохозяйственном производстве
в 1923/24 – 1925/26 гг., %**

Виды продуктов	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Зерновые культуры	16,3	12,3	11,9
Маслосемена	29,5	51,9	42,0
Мясо и сало	32,4	34,6	30,9
Молоко	14,5	17,2	18,4
Яйца	34,5	37,6	29,4
Кожсырье	40,5	45,0	46,1
Лен волокно	32,9	40,7	47,0
Конопля волокно	8,2	17,9	17,5
Махорка	56,6	58,9	86,4
Сахарная свекла	100,0	100,0	100,0

Составлено по данным: Виноградский Н. Перспективы товарного снабжения // Плановое хозяйство. 1926. № 11. С. 43.

Переносящие длительное хранение зерновые культуры ссыпались в амбары и сараи. Продукты скотоводства и птицеводства поедались в растущем количестве деревенскими семьями. Продукция, предназначенная для промышленной переработки, по-прежнему продавалась изготовителям.

У натурального накопления были свои пределы, по пересечении коих “работа на склад” делалась бессмысленной. В результате происходило замедление темпов роста и даже сокращение производственной деятельности. Такие процессы затронули и животноводство, и земледелие. В частности, в свиноводстве и крупном молочном скотоводстве уменьшилась численность молодняка. В этих отраслях наметились симптомы распада высокотоварных кооперативных союзов из-за массового ухода их членов²⁶. Критическая ситуация сложилась и с изменением посевных площадей, особенно интенсивных культур, что показывает таблица 4.13.

Таблица 4.13

Посевные площади в 1924/25 - 1926/27 гг., тыс. га

Виды посевных культур	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Зерновые хлеба	86 402	93 180	94 960
Подсолнух	3 233	2 703	3 028
Лен	1 716	1 687	1 761
Конопля	945	946	940
Сахарная свекла	5 044	5 226	5 536
Картофель	653	701	805

Составлено по данным: Показатели состояния народного хозяйства СССР (1913 - 1927 гг.) // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11-12. С. 116.

Мотивы поведения сельских тружеников объяснялись условиями рыночного обмена продуктами между городом и деревней. Крестьяне столкнулись с “товарным голодом”, когда за наличные деньги нельзя было приобрести необходимых промышленных изделий. Недостаток промтоваров дополнялся их низким качеством и высокими ценами. “Деревня, - по словам Н.Д. Кондратьева, - была поставлена перед дилеммой: выбрасывать возможно больше товаров на рынок, получая в обмен деньги, на которые мало что можно купить, или пойти по пути натурального, но реального накопления, а также по пути повышения норм своего потребления... В условиях роста деревенских доходов, наличия накопленных денежных средств, недоступности рынка фабрикатов, отсутствия косвенных стимулов к реализации сельскохозяйственных продуктов, деревня предпочла и не могла не предпочесть второй путь”²⁷.

* * *

Виновником ухудшения торгового оборота между городской промышленностью и сельским хозяйством было государственное предпринимательство, односторонне ориентированное на подъем крупной индустрии. Все составляющие экономической политики правительства в годы нэпа подчинялись важнейшей цели - максимизации притока ресурсов в сферу промышленного производства.

Механизмами инвестирования в условиях смешанного рыночного хозяйства с преобладанием частного сектора, как правило, служат фондовая биржа и кредитная система. Однако у нас в многоукладной "нэповской" экономике господствовала казенная форма собственности в промышленности. Она практически исключала свободное создание солидных частных предприятий в виде акционерных обществ. В СССР функционировала лишь наполовину реанимированная, государственная банковская система. Поэтому для поддержки хозяйственных преобразований оставалось одно испытанное оружие - кредитно-денежная эмиссия. Выпуски платежных средств в сочетании с активной ценовой политикой оказались серьезными инструментами воздействия правящей власти на внутренний рынок.

Государство, будучи владельцем ведущих предприятий отечественной промышленности, имело кровный интерес в перекачивании денег в пользу своего экономического уклада; тому находилось объективное оправдание. Общий исторический вектор развития нашей страны в направлении индустриализации совпал с тенденцией к огосударствлению народного хозяйства. Заметным узловым пунктом в движении советской экономики по заданному курсу был отрезок времени с 1924 г. по 1927 г. В эти годы послевоенное восстановление производственного потенциала державы вступило в завершающую фазу бурного, но затухавшего роста. Таким периодам обычно присуще настроение торгово-промышленного подъема, которое основано на интенсивном вложении капитала и расширении циркулирующей массы денег.

О результатах эмиссионных мероприятий Госбанка и Наркомфина повествует таблица 4.14, показывая две тенденции.

Таблица 4.14

Показатели обращения бумажных денег в 1924 - 1927 гг.

Дата	Количество бумажных денег в обращении, тыс. руб.	Прирост "+", сокращение "-" денежной массы в сравнении с прошлым кварталом, %	Сумма банкнот, переданных в кассу Правления Госбанка, тыс. руб.	Обеспечение банкнот золото-валютными резервами, %
1924 г.				
1 января	321 947	-	280 000	51,1
1 апреля	383 486	+ 19,1	338 000	50,0
1 июля	463 942	+ 21,0	387 500	50,0
1 октября	577 555	+24,5	518 866	44,0
1925 г.				
1 января	667 808	+ 15,6	595 968	42,5
1 апреля	742 755	+ 11,2	590 295	42,5
1 июля	729 416	- 1,8	664 655	36,4
1 октября	999 964	+ 37,1	756 640	34,8
1926 г.				
1 января	1 119 733	+ 12,0	781 364	33,8
1 апреля	1 053 733	- 5,9	724 088	31,5
1 июля	1 060 357	+ 0,6	726 632	31,3
1 октября	1 181 314	+ 11,4	856 771	27,4
1927 г.				
1 января	1 239 665	+ 4,9	885 162	28,9
1 апреля	1 173 145	- 5,4	857 306	32,7
1 июля	1 227 756	+ 4,7	905 503	29,7
1 октября	1 486 600	+ 21,1	1 076 000	26,4

Рассчитано по данным: Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 346, 362, 370; Показатели состояния народного хозяйства СССР // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1928. № 1. С. 7.

Первая закономерность - это ярко выраженный сезонный характер ежегодных колебаний денежной массы. Количество денег в обращении интенсивно возрастало в летне-осеннее полугодие. Наибольшее напряжение эмиссия выдерживала в месяцы закупки очередного урожая. Напротив, в зимне-весеннюю пору темпы выпуска рублевых купюр падали, и платежные средства частично извлекались из оборота назад, на хранение в банковские подвалы.

Другой тенденцией было устойчивое снижение обеспеченности эмитируемых банкнот золото-валютными резервами. С 50% соотношения между кредитными билетами и суммарными запасами благородных металлов и иностранной валюты Госбанк “съехал” к точке 26,4%. До критической черты 20% обеспечения, установленного декретом от 11 октября 1922 г. о выпуске червонца, оставалось “уже рукой подать”.

Уменьшение золото-валютной базы червонных купюр сигнализировало о возможности переполнения ими каналов обращения и вероятности инфляционной потери покупательной силы денег. О состоянии советской денежной системы с 1924 г. по 1927 г. можно судить и по цифрам таблицы 4.15.

Таблица 4.15

Структура среднегодовой массы наличных денег в 1923/24 - 1926/27 гг.

Показатели	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Количество металлических и бумажных денег в обращении, млн. руб.	417,0	805,2	1 179,8	1 375,2
в том числе: казначейской валюты, млн. руб.	143,7	368,2	482,0	549,4
банкнот, млн. руб.	273,3	437,0	697,8	825,8
Соотношение количества казначейской валюты и банкнот, %	52,6	84,3	69,1	66,5

Рассчитано по данным: Показатели состояния народного хозяйства СССР // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1928. № 1. С. 7.

На всем протяжении рассматриваемого временного горизонта количество напечатанной и отчеканенной казначейской валюты перевешивало половину суммы эмитированных банковских червонцев. Тем самым нарушалось требование декрета от 5 февраля 1924 г. о выпуске казначейских билетов нового образца. Наихудшее соотношение между эмиссией “наркомфиновских”, необеспеченных денег и кредитных рублей отмечалось в 1925 г. К 1 октября 1927 г. в обращении числилось 213 млн. руб. металлической монеты, 449,1 млн. руб. бумажных казначейских билетов и 1 037,5 млн. руб. червонных банкнот, всего - 1 699,6 млн. руб.²⁸ Чрезмерный выпуск “чисто бумажных” платежных средств создавал предпосылки инфляционного обесценения денежной единицы.

Изучение показателей таблиц 4.14 и 4.15 позволяет выделить три периода в развитии денежного обращения Советского Союза с 1924 г. по 1927 г. Первый период охватывал 1924 г. и два квартала 1925 г. Следующий вообрал в себя вторую половину 1925 г. Третий период длился с начала 1926 г. до середины 1927 г.

Первый из очерченных календарных сроков ознаменовался окончанием денежной реформы и непредсказуемым ускорением восстановительного подъема промышленности. С 1 апреля 1924 г. по 1 июля 1925 г. масса бумажных денег увеличилась без малого вдвое. Если учитывать данные по кварталам, то количество циркулировавших денег нарастало непрерывно и быстро. Но этот рост пресекался в январе 1925 г. В течение месяца сумма всех денежных знаков, включая металлическую монету, уменьшилась с 742,7 млн. руб. до 710,5 млн. руб.²⁹ Впервые с 1914 г. в отечественном хозяйстве произошло сжатие денежной массы, т.е. появились признаки нормализации кредитно-денежной политики государства.

Сезонное ослабление спроса на банковские ссуды сократило потребность в средствах платежа. Но изъятие части ходивших в обороте рублей началось позднее обычных довоенных сроков и продлилось совсем немного. В прежние годы отток денег из торговли в банки отмечался уже в октябре, ноябре, а обратное их течение наблюдалось с “макушки” лета до осенней распутицы.

На динамике объема рублевой наличности сказались конкретные экономические обстоятельства. В 1924 - 1925 гг. продолжалось насыщение стремительно развертывавшегося хозяйственного оборота деньгами. Монетный двор казначейства, не зная устали, чеканил пореформенные металлические монеты, которые заодно с мелкими бумажными купюрами “заливали пожар” разменного кризиса. Госбанк кредитовал не только скоротечные торговые сделки, но и

восполнял недостаток капитала предприятий. Поэтому денежные средства застредали в обращении, медленнее возвращались в банковские кассы. Сгладилась сезонность колебаний товарооборота, так как хлебозаготовки растянулись на более долгие, по сравнению с довоенными кампаниями, месяцы. Соответственно, видоизменились ритм и амплитуда эмиссионной активности финансово-кредитной системы СССР.

Второй период, обьявивший два последних квартала 1925 г., был подготовлен предшествовавшими событиями. Страна вошла в полосу ошеломительного торгово-промышленного подъема и нуждалась в дополнительных денежных ресурсах. Но реальный выпуск банкнот и казначейских билетов превысил разумные пределы и составил за полгода 390 307 тыс. руб., т.е. дал прирост 53,5 % к исходному уровню. Закачивание денег в каналы обращения осуществлялось путем выдачи кредитов, использования обменного фонда Наркомфина и прямой эмиссии казначейской валюты. Результат неумеренной кредитной экспансии - захлестывающий вал инфляции - не заставил себя ждать. Хозяйство уже было наводнено рублевой массой, и специфические резервы расширения денежного обращения в ходе его реформы истощились. Над покупательной силой национальной валюты нависла угроза.

Реакция правительственных кругов была очевидной. Кредитно-денежная политика свернула в колею сдержанности и открыла свой очередной полуторагодовой период - с января 1926 г. до июля 1927 г. Предстояло избавляться от последствий безудержной шестимесячной эмиссии. Двухзначные проценты поквартальных приростов денежной массы уступили место ее колебаниям в интервале чуть более 5% (со знаками "+" или "-"). Исключением из общего ряда выдалась лишь хлебозаготовительная кампания в третьем квартале 1926 г. Количество бумажных денег в обращении за 18 месяцев последнего этапа возросло на 108 023 тысячи руб., или на 9,6%.

Поскольку эмиссия банкнот служила богатым источником ссудного капитала, постольку прослеживалась зависимость между динамикой денежной массы и кредитными операциями банковской системы Советского Союза. Этот вывод подтверждается таблицей 4.16.

Таблица 4.16

Показатели состояния денежно-кредитной системы СССР в 1923 - 1927 гг.

Показатели	Дата, на 1 октября каждого года				
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Количество бумажных денег в обращении, млн. руб.	282,0	577,6	999,9	1 181,0	1 486,0
Прирост количества бумажных денег в обращении по сравнению с прошлым годом, %	-	104,8	73,1	18,1	25,8
Эмиссия банкнот, млн. руб.	235,0	518,9	756,6	856,8	1 076,0
Прирост эмиссии банкнот по сравнению с прошлым годом, %	-	120,8	45,8	13,2	25,6
Вклады и текущие счета, млн. руб.	217,1	561,7	1 306,2	1 485,9	1 570,0
Прирост вкладов и текущих счетов по сравнению с прошлым годом, %	-	158,7	132,5	13,8	5,7
Капитал банков, млн. руб.	122,9	295,7	567,1	891,9	1 410,2
Прирост капитала банков по сравнению с прошлым годом, %	-	140,6	91,8	57,3	58,1
Специальные средства кредитной системы, млн. руб.	149,7	221,4	324,9	466,8	1 069,2
Прирост специальных средств кредитной системы по сравнению с прошлым годом, %	-	47,9	46,7	43,7	129,0
Краткосрочный кредит, млн. руб.	458,9	1 098,4	2 444,5	3 051,7	3 976,7
Прирост краткосрочного кредита по сравнению с прошлым годом, %	-	139,4	122,6	24,8	30,3
Долгосрочный кредит, млн. руб.	112,8	219,5	572,8	1 187,6	2 371,4
Прирост долгосрочного кредита по сравнению с прошлым годом, %	-	94,6	160,9	107,3	99,7
Баланс банковской системы СССР, млн. руб.	859,5	2 023,8	4 218,5	5 624,8	7 863,0
Прирост баланса банковской системы СССР по сравнению с прошлым годом, %	-	135,5	108,4	33,3	39,8

Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы // Вестник финансов. 1929. № 3. С. 82, 83, 85; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 346, 362, 370, 371; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 12. С. 126.

Изменение большинства показателей таблицы 4.16 шло синхронно, четко вырисовывая генеральную линию, сложенную из половинок. Вначале наблюдались очень высокие приросты кредитных операций. Стремительное развитие советской кредитно-денежной системы уместилось в двухлетие - с 1923 г. по 1925 г. Затем обнаружился спад в динамике важнейших параметров. Второй отрезок кривой с понизившимися темпами роста говорил об усложнении условий банковской деятельности в 1926 - 1927 гг. Замедлился темп движения всей банковской сферы. Так, в 1926 г. ее сводный баланс увеличился на 33,3%, хотя за истекшие два года он вырос на 135,5% и 108,4%. Перелом хозяйственной ситуации в 1925/26 г. был связан с постепенным переходом отечественной экономики из режима восстановления в режим реконструкции, когда во главу угла правительственных мероприятий выдвинулась задача индустриализации.

Первый этап скорого, экстенсивного распространения кредитных отношений проходил под знаком денежной реформы и дальнейшего становления банковской системы. В эти годы продолжилось воссоздание сети кредитных организаций, которое началось вслед за отказом от идеологии и практики военного коммунизма. После образования в октябре 1921 г. Государственного Банка постепенно возникли следующие банковские учреждения: кооперативные банки (Всекобанк и Украинбанк); частные кредитные заведения (Общества взаимного кредита); банк для ведения внешней торговли (Внешторгбанк); акционерные банки с участием государственного капитала для кредитования казенных предприятий промышленности и торговли (Промбанк, Электробанк); коммунальные банки крупных городов; провинциальные коммерческие банки (Дальневосточный банк, Среднеазиатский банк, Северо-Кавказский банк и т.п.). Весь разношерстный список банков объединяло одно - с момента своего открытия и до 1925/26 г. они занимались почти исключительно краткосрочным кредитованием. Подобный выбор деятельности диктовался особенностями восстановительных процессов в советской экономике.

Выпуск в свет червонца дал отчет возрождению устойчивого денежного обращения. Твердая валюта способствовала заключению торговых сделок, изживанию натурального обмена. Возобновление масштабной оптовой торговли воскресило вексельный кредит и создало предпосылки раскручивания банковских учетно-ссудных операций. Преодолевшая разруху экономика жадно впитывала эмитируемые деньги. Интенсивно накапливался оборотный капитал промышленных и коммерческих заведений.

Денежная масса расплзалась “словно на дрожжах”, частенько вываливаясь за края оптимальных размеров, высвобождая в солидных количествах избыточные платежные средства. Они могли легко оседать на банковских счетах. В такой благоприятной среде “как грибы” росли кредитные учреждения, предлагавшие свои услуги по выдаче краткосрочных ссуд.

До 1924 г. в стране “проедался” основной капитал промышленности, поэтому речь о его накоплении не велась. Лишь в 1923 г. государственные тресты ряда отраслей освоили модель управления на принципах коммерческого расчета, т.е. заряженную на достижение высоких доходов. Появилась возможность не только полностью возмещать затраты основного и оборотного капитала, но и получать прибыль.

В 1924 - 1925 гг. феноменальный экономический рост обогатил резервы капитала предприятий - амортизационные отчисления и прибыль. Их уже можно было использовать в качестве источников долгосрочного кредита. В это время и зародились банки, предназначенные для многолетних инвестиций, в частности в сельское хозяйство и жилищное строительство.

Центральный сельскохозяйственный банк (ЦСХБанк) СССР был организован в феврале 1924 г. акционерами и учредителями, среди которых выделялись Наркомфин Советского Союза, наркомземы союзных республик, Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации. Вскоре возникли аналогичные банковские структуры в союзных республиках. Указанные банки добавились к работавшим с 1922 г. областным обществам сельскохозяйственного кредита, соорудив громоздкую трехслойную структуру. ЦСХБанк, вопреки изначальному замыслу, не

довольствовался долгосрочным кредитованием крестьянства. Не меньшее место в его активных операциях отводилось краткосрочным ссудам.

В январе 1925 г. был утвержден устав Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства - Цекомбанка. Средства в новоявленное учреждение стекались из государственного бюджета в виде прямых ассигнований, из фондов улучшения быта рабочих казенных предприятий, из отчислений на социальное страхование. Коммунальные банки на периферии державы не имели денег для долговременных вложений, и проблема выделения кредитов на жилищное строительство стояла острее, нежели задача финансирования индустрии. В промышленности до 1925 г. новые объекты не возводились, а оборотными капиталами ее снабжали казна и банки краткосрочного кредитования.

Только в 1925 г. в окрепшем государственном бюджете удалось изыскать и передать Цекомбанку ресурсы на кредитование постройки жилья силами местных советов, предприятий и кооперативов. В октябре того же года коммунальные банки возымели право хранить целевые вклады на сооружение объектов жилищного и коммунального хозяйства. Таким образом, провинциальные кредитные учреждения приобщились к долговременным размещениям денег. Открытие специальных банков вдохнуло жизнь в долгосрочные ссудные операции, величина которых по всей банковской системе страны ежегодно удваивалась в течение 1924 - 1927 гг.

Из данных таблицы 4.16 видно, что в одном направлении изменялись показатели денежной эмиссии (количество бумажных денег и банкнот, выпущенных в обращение), вкладов и текущих счетов, краткосрочных учетно-ссудных операций, капиталов и баланса кредитной системы. Особняком в этом ряду стояли равномерно возрастающие показатели долгосрочных кредитов и специальных средств банков. Выявленные тенденции основных параметров кредитно-денежной системы отразили коренную перемену обстановки в отечественном хозяйстве, которая совершилась в 1925/26 г. С этого момента началось качественное преобразование экономического роста Советского Союза.

Подробный анализ позволяет конкретизировать исследование общей закономерной связи событий. Исходя из таких соображений, следует уделить внимание таблицам 4.17 и 4.18.

Таблица 4.17

Текущие счета и вклады банков в 1923 - 1927 гг., млн. руб.

Наименование банков	Дата, на 1 октября каждого года				
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Госбанк, всего	142,8	308,1	733,3	867,6	935,6
в том числе, без счетов Наркомфина	85,4	202,0	418,1	470,3	535,4
Промбанк, Электробанк, Внешторгбанк, провинциальные коммерческие банки	35,7	136,6	299,7	246,6	201,9
Кооперативные банки	10,1	33,1	71,5	77,5	97,3
Коммунальные банки	23,6	70,1	147,0	194,9	203,3
Система сельскохозяйственного кредита	-	8,6	36,8	71,8	109,8
Общества взаимного кредита	4,9	5,2	17,9	27,0	22,1
Вся кредитная система СССР	217,1	561,7	1 306,2	1 485,9	1 570,0

Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 82, 83.

В 1925 - 1926 гг. произошли существенные структурные сдвиги в динамике текущих счетов и вкладов кредитного хозяйства, которые точно воспроизвели разворот российской экономики от восстановления к реконструкции.

До 1925 г. все звенья банковской системы резко прогрессировали, не препятствуя друг другу. Ход тех дел разъясняли слова эксперта-экономиста М.Н. Соболева: "Быстро развивавшийся оборот требовал соответственно быстро увеличивающейся денежной массы, и эмиссия росла у нас на сотни миллионов рублей, орошая кредитное поле. Отчасти в связи с этим ростом эмиссии, отчасти под влиянием собственного бурного роста производства почти во всех отраслях промышленности происходил такой же бурный рост текущих счетов"³⁰.

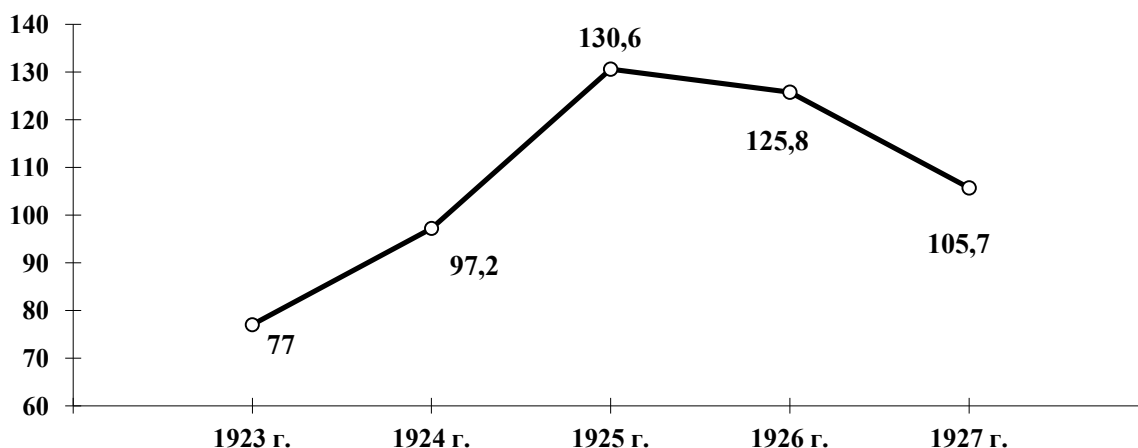
Таблица 4.18

Источники текущих счетов и вкладов кредитной системы СССР в 1923 - 1927 гг., млн. руб.

Источники текущих счетов и вкладов	Дата, на 1 октября каждого года				
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Государственная промышленность	50,7	126,5	320,8	285,5	258,6
Транспорт	7,9	14,6	55,6	29,0	41,7
Государственная торговля	11,5	31,0	53,2	29,6	31,7
Кооперация	4,1	20,2	63,1	85,8	121,8
Частная клиентура	9,3	19,5	52,6	66,1	63,7
Бюджетные средства, всего	112,5	306,1	687,1	872,2	966,5
из них: текущие счета Наркомфина	57,4	106,1	315,2	397,3	400,2
разные учреждения и организации	55,1	200,0	371,9	474,9	566,3
Прочие источники	17,3	6,7	12,7	26,3	18,8
“Чистая” (“нетто”) сумма текущих счетов и вкладов, без средств кредитных учреждений	213,3	524,6	1 245,1	1 394,5	1 502,2
Кредитные учреждения	3,8	37,1	61,1	91,4	67,8
Всего: текущие счета и вклады	217,1	561,7	1 306,2	1 485,9	1 570,0

Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 82, 83.

Хозяйственный оборот насытился деньгами в 1925 г. Сие обстоятельство вынудило Госбанк укротить темпы эмиссии и поубавить ее значение как ресурса кредитования и канала пополнения текущих счетов и вкладов. Подмеченную зависимость иллюстрирует график на рисунке 4.1.

Рис. 4.1. Отношение суммы текущих счетов и вкладов кредитной системы СССР к массе бумажных денег в 1923 - 1927 гг., %

Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 82, 83, 85; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 346, 362, 370, 371.

В 1926 г. скорость подъема экономики упала. Естественно, затормозилось накопление незанятых денег в отраслях, которые сотрудничали с кредитными учреждениями. Но развитие ситуации оказалось парадоксальным. Крупная промышленность наращивала производство и сбыт продукции, а рубли на ее банковских счетах таяли. Причина видимой аномалии заключалась в том, что количественные изменения экономического роста сопровождались его качественной перестройкой. Организационное слияние предприятий в тресты и “синдицирование” оптового оборота индустрии превратили во внутривладельческие операции те передвижения капиталов, каковые ранее совершались субъектами расчетов и платежей на кредитной основе при посредничестве банков.

Теперь руководство трестов напрямую, безвозмездно переводило высвобождавшиеся средства одного подчиненного производственного звена другому. Объединение капиталов предприятий в трестах оттеснило банки от финансовых ресурсов первичных хозяйственных единиц. Предприятия потеряли статус юридического лица, а вместе с ним и право иметь собственный счет в кредитном заведении. Расплата с поставщиками и покупателями товаров осуществлялась

с текущего счета треста. Стало быть, концентрация капитала в производстве и торговле сузила область учетно-ссудных отношений.

Однако и мощным трестам нелегко было пополнять свои банковские сбережения. Действовавший порядок присвоения прибыли не давал им возможности скапливать капитал в значимых объемах. Согласно декрету о коммерческом расчете от 10 апреля 1923 г., бюджет отнимал 68% балансовой прибыли. Трестам причиталось 32% прибыли; из них 12% покидало производительный кругооборот капитала и уходило на потребительские нужды - обустройство и премирование работников. Деньги фонда улучшения быта рабочих лишь частично попадали в кредитные источники. Около 20% прибыли должно было зачисляться в резервный капитал предприятий. Но по положению ВСНХ от 2 апреля 1924 г. не менее 60% резервного капитала помещалось в государственные процентные бумаги, т.е. перекладывалось в карман бюджета³¹.

Фактические нормативы распределения прибыли ежегодно утверждались ВСНХ по согласованию с Наркофинком, и они были близки к декретированным. В связи с необходимостью совершенствования производственного аппарата платежи из прибыли в фонд резервного капитала в 1925/26 г. поднялись над чертой 30% за счет уменьшения прямых поступлений в государственный бюджет. Следовательно, среди банковских депозитов трестов в лучшем случае мог «застревать» один из пяти рублей прибыли. Но даже эти остатки прибавочного продукта казенной промышленности не залеживались на ее текущих счетах и во вкладах в кредитной системе. Виной тому было широкомасштабное строительство, к которому приступили в 1925/26 г. в рамках программы индустриализации страны.

О последствиях перемен в экономической политике лаконично высказывался Л.Н. Юровский: «На реконструкцию промышленных предприятий и строительство новых фабрик и заводов стали требоваться все большие средства. Капитальное строительство охватило всю промышленность. Все сколько-нибудь крупные тресты стали затрачивать на него по крайней мере всю оставшуюся у них часть прибыли, не говоря уже о дополнительных ассигнованиях по государственному бюджету. В таких условиях суммы, накапливаемые промышленностью, не могли оставаться на текущих счетах в банках сколько-нибудь продолжительный срок, и процесс роста депозитов приостановился»³².

Сопоставление данных таблиц 4.17 и 4.18 поясняет перестановку сил в отечественной кредитной сети. В 1925 г. троекратно увеличилась сумма денег на текущих счетах Наркофина в Госбанке, что было связано с передачей в октябре того же года наличных средств касс Наркофина в учреждения Госбанка. В банковские хранилища поступили пассивы в размере 126 млн. руб. Некоторые специалисты положительно отзывались о реорганизации. В частности, по мнению В. Фогеля, «после денежной реформы 1924 г., давшей нам твердую валюту, дальнейшим естественным и логическим шагом был вопрос об объединении наличности Государственного Казначейства с наличностью Государственного Банка. Такое объединение произошло 1 октября 1925 года»³³.

Слияние наличности двух центральных ведомств сопровождалось унификацией их эмиссионной процедуры. О том писал Л.Н. Юровский: «Наркофин стал вносить банковые билеты своего обменного фонда в Госбанк в виде особого вклада. Фактически это означало, что казначейские билеты выпускаются для подкрепления ресурсов Госбанка. Последний оперировал ими совершенно так же, как и своими, банковыми билетами, т.е. обращал их на выдачу обычных банковых ссуд. Казначейские билеты, выпущенные в этом порядке, имели все виды банкового обеспечения, кроме, однако, одного. Банк не обязан был обеспечивать эти выпуски металлом и иностранной валютой, и он не делал этого. Так ... в 1926 г. имел уже место единый (по существу) порядок выпуска как банковых, так и казначейских билетов через Государственный Банк по его операциям»³⁴.

В 1926 - 1927 гг. сдала свои хозяйственные позиции группа банков, опиравшихся на финансовые резервы государственной промышленности и торговли. Прослеживалась прямая зависимость между динамикой текущих счетов и вкладов Промбанка, Электробанка, Внешторгбанка, провинциальных коммерческих банков и динамикой активов казенных промышленных и торговых предприятий. Сие неудивительно, ведь более половины текущих счетов и вкладов названных акционерных банков составляли средства госпромышленности и госторговли. Величина последних с 1925 г. по 1927 г. уменьшилась на 65,7 млн. руб., а общая сумма вкладов и те-

кущих счетов казенной промышленности и торговли во всей кредитной системе сократилась на 83,7 млн. руб.³⁵

Между Госбанком и акционерными банками, обслуживавшими тресты и синдикаты, разгорелась борьба за привлечение свободных денежных ресурсов. В острой конкуренции, которая явно противоречила здравому бюрократическому смыслу, поскольку велась внутри единого государственного уклада, победу одерживал сильнейший. Клиенты постепенно перебежали в кредитную сеть Госбанка. Его депозиты, даже без учета средств Наркомфина, выросли за 1925 - 1927 гг. с 418,1 млн. руб. до 535,4 млн. руб. Текущие же счета и вклады промышленности и торговли в конторах Государственного Банка снизились в 1926 - 1927 гг. всего на 21,8 млн. руб.,³⁶ т.е. гораздо меньше, чем в акционерных банках.

Прирост текущих счетов и вкладов в других звеньях советского кредитного хозяйства в 1925 - 1927 гг. вызывался разными причинами. Кооперативные банки размеренно аккумулировали свободные деньги собственной клиентеллы, ибо кооперация не втянулась в безудержное инвестирование нового строительства. Пополнение депозитов коммунальных и сельскохозяйственных банков достигалось в первую очередь расширением их сети и, соответственно, числа пользователей. Так, количество коммунальных банков с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1927 г. выросло с 30 до 50 учреждений³⁷.

Прояснилась роль государственного бюджета в формировании расчетных и депозитных операций кредитной системы СССР. С одной стороны, казна забирала почти всю прибыль предприятий собственного сектора экономики. Итогом конфискационной практики оказалось уменьшение суммы текущих счетов и вкладов государственной промышленности, торговли и транспорта с 429,9 млн. руб. в 1925 г. до 331,4 млн. руб. в 1927 г., или на 22,9%.

С другой стороны, существенно увеличился приток бюджетных доходов в банковские кассы. Если условно принять показатель средств разных учреждений и организаций за ресурсы бюджета, а для этого есть немало оснований, то его сложение с показателем текущих счетов Наркомфина в Госбанке даст представление о казенных деньгах, попавших в отечественную кредитную сеть. Указанная сумма в 1923 г. составляла 112,5 млн. руб., в 1927 г. - 966,5 млн. руб. В Госбанке на данный источник приходилось в 1923 г. - 76,5 млн. руб., в 1927 г. - 679,2 млн. руб.³⁸ Следовательно, доля Госбанка в казенных кредитных резервах повысилась с 68% в 1923 г. до 70,3% в 1927 г.

В сфере "госбанковских" учреждений удельный вес бюджетных денег на счетах и во вкладах возрос с 1923 г. по 1927 г. с 53,6% до 72,6%. Во всей кредитной системе страны тот же параметр изменился с 51,8% в 1923 г. до 61,6% в 1927 г. Доля вкладов и текущих счетов государственной промышленности, торговли и транспорта в сумме денег, депонированных на счетах и вкладах всех советских банков, упала с 32,3% в 1923 г. до 16,5% в 1927 г. В структуре Госбанка аналогичный показатель снизился с 28,8% в 1923 г. до 17% в 1927 г.

Стало быть, в 1923 - 1927 гг. наблюдалась тенденция к замещению средств текущих счетов и вкладов реальной, производительной части казенного сектора экономики средствами его бюджета. Эта закономерность отчетливо просматривалась и в учреждениях Госбанка, и во всей национальной кредитной сети. Государственный бюджет выполнял функцию "насоса", перекачивавшего финансовые ресурсы отечественного хозяйства через свои каналы в банковскую систему. Налоговая политика правительства была той "плотиной", которая перегородила прямой поток свободных денежных резервов в банки. Превращение сильных посреднических позиций казначейства в господствующие над кредитной системой СССР подтверждают показатели капиталов и специальных средств банков, приведенные в таблицах 4.19 и 4.20.

На протяжении изучаемого периода шло бурное накопление капитала банков. Его сумма во всей кредитной сети страны выросла с 1923 г. по 1927 г. со 122,9 млн. руб. до 1 410, 2 млн. руб., или в 11,5 раза. Объем "чистого" ("нетто") капитала - без учета перекрестного кредитования учреждений друг другом - увеличился за те же годы со 116 млн. руб. до 1 279,1 млн. руб., или в 11 раз, а размеры банковских капиталов, за исключением средств бюджетных организаций, - с 56,9 млн. руб. до 569,7 млн. руб., или в 10 раз. Динамика перечисленных показателей была нисходящей. Так, прирост последнего параметра в 1924 г. составил 125%, а в 1927 г. - только 44,2%.

Таблица 4.19

Капиталы и специальные средства* банков в 1923 - 1927 гг., млн. руб.

Наименование банков и их ресурсов	Дата, на 1 октября каждого года				
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Госбанк, капитал	80,1	125,2	153,1	192,6	325,7
специальные средства	138,1	198,3	219,9	154,9	444,1
итого:	218,2	323,5	373,0	347,5	769,8
Промбанк, Электробанк, Внешторгбанк, провинциальные коммерческие банки, капитал	28,1	64,7	125,2	188,0	275,7
специальные средства	-	5,2	29,7	46,9	177,7
итого:	28,1	69,9	154,9	234,9	452,8
Кооперативные банки, капитал	7,2	16,1	20,8	26,7	33,9
специальные средства	6,8	3,7	14,5	59,9	51,7
итого:	14,0	19,8	35,3	86,6	85,6
Коммунальные банки, капитал	6,4	16,1	92,0	189,6	342,7
специальные средства	4,8	9,0	30,6	78,5	171,8
итого:	11,2	25,1	122,6	268,1	514,5
Система сельскохозяйственного кредита, капитал	-	70,6	168,8	279,9	419,4
специальные средства	-	5,2	26,2	93,9	139,0
итого:	-	75,8	195,0	373,8	558,4
Общества взаимного кредита, капитал	1,1	3,0	7,2	15,1	12,8
Вся кредитная система СССР, капитал	122,9	295,7	567,1	891,9	1 410,2
специальные средства	149,7	221,4	320,9	434,1	983,7
Всего:	272,6	517,1	888,0	1 326,0	2 393,9

* Поскольку специальные средства почти целиком состояли из бюджетных денег, постольку в соответствующей графе указаны именно средства бюджета.

Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 82, 83.

Общим моментом для всех отечественных банков было замедление темпа роста капитала после 1925 г. Фактическое изменение этого кредитного ресурса в разных учреждениях происходило по-своему. Самое интенсивное возвышение капиталов наблюдалось в коммунальных банках: в 14,4 раза - с 1923 г. по 1925 г. и в 3,7 раза - с 1925 г. по 1927 г. Ускоренно формировались до 1926 г. резервы обществ взаимного кредита. Чуть сдержаннее пополняли капиталы торгово-промышленные банки. Их акционерные вклады почти четырехкратно увеличились до 1925 г. и примерно двукратно вслед за тем.

Таблица 4.20

Источники капитала кредитной системы СССР в 1923 - 1927 гг., млн. руб.

Источники капитала	Дата, на 1 октября каждого года				
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Государственная промышленность	7,1	21,7	52,0	87,0	147,7
Транспорт	0,5	0,7	0,9	0,8	1,0
Государственная торговля	4,5	15,2	17,6	24,6	31,4
Кооперация	7,0	19,4	32,4	46,6	56,8
Частные лица	1,2	8,1	15,4	22,7	26,3
Собственные средства банков	36,5	42,5	85,7	144,4	207,5
Итого: собственный капитал кредитной системы	56,9	128,7	255,0	395,0	569,7
Страховые и прочие государственные органы	7,5	18,4	34,0	46,2	117,4
Бюджетные учреждения	51,6	118,6	218,6	351,7	592,0
Итого: средства государственных органов и бюджетных учреждений	59,1	137,0	252,6	397,9	709,4
Прочие источники	0,1	21,1	51,0	68,9	99,0
“Чистый” (“нетто”) капитал, без средств кредитных учреждений	116,0	265,7	507,6	792,9	1 279,1
Кредитные учреждения	6,9	30,0	59,5	99,0	131,1
Всего: капитал кредитной системы	122,9	295,7	567,1	891,9	1 410,2

Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 82, 83.

Спокойнее всех собирал свой капитал Госбанк. Его размеры в 1927 г. уступали капиталам системы сельскохозяйственного кредита и коммунальных банков. Однако наш главный банк больше прочих кредитных учреждений получал специальных средств из государственного бюджета. Особо весомой была прибавка в январе 1927 г., когда упразднили Центрокасса Наркомфина, и ее функции вместе с деньгами отошли к Правлению Госбанка.

Специалисты отмечали, что после 1925 г. значение собственных средств кредитной системы упало ³⁹. Назывались две причины. Одна - понижение процентов, взимаемых по учетно-ссудным операциям. Эта мера уменьшила прибыли банков, питавшие их капиталы. Другая причина - ослабление прироста акционерных и паевых взносов учредителей ряда банков.

Ограниченность резервов кредитной сети преодолевалась привлечением бюджетных ресурсов. Если собственный капитал советской банковской системы, за вычетом денег бюджета и бюджетных организаций, с 1925 г. по 1927 г. вырос с 255 млн. руб. до 569,7 млн. руб., или в 2,2 раза, то сама исключенная сумма возросла с 252,6 млн. руб. до 709,4 млн. руб., или в 2,8 раза. Еще заметнее в тот же период увеличились вложения Наркомфина в специальные средства кредитных учреждений: с 320,9 млн. руб. до 983,7 млн. руб., или в 3,1 раза. О сравнительной динамике важнейших источников банковских средств можно судить по таблице 4.21.

Таблица 4.21

Удельный вес основных статей в пассиве баланса всей кредитной системы СССР и Госбанка СССР в 1923 - 1927 гг., %.

Показатели	Дата, на 1 октября каждого года				
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Вся кредитная система СССР текущие счета и вклады	25,2	27,8	31,0	26,4	20,0
капитал	14,3	14,6	13,4	15,9	17,9
специальные средства	17,4	10,9	7,7	8,3	13,6
Итого:	56,9	53,3	52,1	50,6	51,5
из них, бюджетные средства	37,4	32,8	30,0	30,9	34,9
Эмиссия	27,3	25,6	17,9	15,2	13,7
Государственный Банк СССР текущие счета и вклады	21,5	23,8	31,4	30,1	24,6
капитал	12,1	9,7	6,6	6,7	8,6
специальные средства	20,8	15,3	9,4	5,4	11,7
Итого:	54,4	48,8	47,4	42,2	44,9
из них, бюджетные средства	39,1	36,3	32,7	30,1	34,4
Эмиссия	35,4	40,2	32,4	29,8	28,3

Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 82, 83, 85.

Из таблицы 4.21 видно, что самым благоприятным годом в эволюции нашей кредитной сети был 1925 год, когда наивысшего уровня достиг показатель удельного веса текущих счетов и вкладов. Такое положение свидетельствовало об активном сосредоточении свободных денежных ресурсов в банковских учреждениях. Соответственно понизились величины показателей доли капитала банков и доли привлеченных средств государственного бюджета. Кредитная система с относительно меньшими затратами собственных и казенных денег обеспечивала развертывание учетно-ссудных операций. С 1926 г. динамика перечисленных параметров сменилась на противоположную. В 1927 г. до минимальной черты опустилась доля текущих счетов и вкладов советских банков. Потерю депозитов клиентуры они компенсировали увеличением капиталов и специальных средств.

По завершении денежной реформы пошел на убыль удельный вес эмиссии банкнот в ресурсах Госбанка. С отметки 40% в 1924 г. он спустился к концу изучаемого этапа нэпа почти до 28%. И все-таки, выпуски червонных билетов были более обильным источником кредитования, нежели средства текущих счетов и вкладов в Госбанке. Развитие ресурсов отечественных банков определяло раскручивание их кредитных операций, представление о которых дают таблицы 4.22, 4.23, 4.24, 4.25.

Сумма выданных банковской системой страны краткосрочных кредитов с 1923 г. по 1927 г. выросла с 458,8 млн. руб. до 3 976,3 млн. руб., т.е. в 8,7 раза. Максимальные темпы прироста краткосрочных учетно-ссудных операций (130%) наблюдались в 1924 г. Они поддерживались эмиссией банкнот и выпуском новой казначейской валюты. Ниспадающая динамика кратко-

срочного кредитования весьма точно повторяла кривую изменений сводного баланса всей банковской системы. Близость тенденций объяснима: доля ссуд, выделенных на повседневные хозяйственные нужды и учет векселей, превышала половину суммарного итога активных статей баланса.

Таблица 4.22

Краткосрочные кредиты банков в 1923 - 1927 гг., млн. руб.

Наименование банков	Дата, на 1 октября каждого года				
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Госбанк	331,5	631,2	1 356,7	1 671,1	2 260,3
Промбанк, Электробанк, Внешторгбанк, провинциальные коммерческие банки	60,7	222,2	473,0	482,1	489,2
Кооперативные банки	31,1	58,2	98,1	118,3	160,2
Коммунальные банки	31,0	85,6	169,7	228,2	273,7
Система сельскохозяйственного кредита	-	92,3	317,2	502,7	760,5
Общества взаимного кредита	4,6	8,9	29,8	48,8	32,4
Вся кредитная система СССР	458,8	1 098,4	2 444,5	3 051,7	3 976,3

Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 80, 81.

За исследуемый период Госбанк упрочил свои позиции в области краткосрочного кредита. На его долю в 1927 г. приходилось 56,8% ссуд, предоставленных на срок менее одного года. Движение кооперативных и коммунальных банков, особенно после 1925 г., осуществлялось примерно с той же скоростью, что и Государственного Банка. Солидные цифры в строке сельскохозяйственного кредита таблицы 4.22 еще не являются достаточным основанием для констатации могущества ЦСХБанка. В многоуровневой структуре обществ сельхозкредита одни и те суммы фигурировали в балансах разных учреждений. Они удваивали, а то и утраивали конечный результат. Кроме того, весомая часть проводимых здесь операций была простой передачей бюджетных ассигнований пользователям⁴⁰. Ухудшилось положение группы акционерных банков, которые работали с торгово-промышленными объединениями. Размеры оказываемых ими краткосрочных кредитов росли до 1925 г., а затем застыли на месте.

Обозрение таблицы 4.23 указывает приоритетные направления кредитных ресурсов. Главным получателем краткосрочных ссуд была казенная промышленность. Следом по очереди располагались заемщики, обеспечивавшие жизнедеятельность крупной индустрии: госторговля, кооперация, транспорт. С 1924 г. интенсивно возрастали ссуды кредитным учреждениям - межбанковский перелив капитала, а также кредитование сельского хозяйства.

Таблица 4.23

Краткосрочные кредиты банковской системы СССР основным группам заемщиков в 1923 - 1927 гг., млн. руб.

Наименование групп заемщиков	Дата, на 1 октября каждого года				
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Государственная промышленность	191,7	502,7	990,0	1 257,3	1 674,9
Транспорт	8,6	26,8	75,1	155,5	197,9
Государственная торговля	50,9	95,5	207,3	199,0	260,7
Жилищное строительство и коммунальное хозяйство	1,1	5,2	15,7	35,2	52,8
Мукомольная промышленность и хлеботорговля	-	25,8	135,4	91,6	99,4
Кооперация	89,1	180,6	300,3	352,3	410,4
Сельское хозяйство	24,4	100,7	257,8	330,2	461,5
Кредитные учреждения	27,4	112,6	324,1	435,3	651,6
Разные учреждения и организации	6,1	14,5	46,8	77,9	96,9
Частная клиентура	40,0	32,3	87,2	89,9	53,1
Прочие заемщики	19,6	1,7	4,8	27,5	17,2
Всего:	458,8	1 098,4	2 444,5	3 051,7	3 976,3

Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 80, 81.

В целом же отечественная банковская система отдавала предпочтение государственному сектору экономики. Казенному укладу в 1923 г. досталось 64,6%, а в 1927 г. - 74,7% всех краткосрочных кредитов. Доля кооперативного сектора, соответственно, составляла 26,1% и 20,2%, а частного сектора - 9,3% и 5,1%⁴¹.

Таблица 4.24

Долгосрочные кредиты банков в 1923 - 1927 гг., млн. рублей

Наименование банков	Дата, на 1 октября каждого года				
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Госбанк	107,5	167,4	287,2	399,0	727,8
Промбанк, Электробанк, Внешторгбанк, провинциальные коммерческие банки	1,5	2,1	26,3	71,3	286,6
Кооперативные банки	-	-	11,8	55,2	57,5
Коммунальные банки	3,8	17,9	95,5	277,9	549,9
Система сельскохозяйственного кредита	-	32,1	152,0	384,2	750,1
Вся кредитная система СССР	112,8	219,5	572,8	1 187,6	2 371,4

Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 80, 81.

Динамика долгосрочного кредита отличалась от изменений краткосрочных учетно-ссудных операций. Долговременное размещение средств советской банковской сетью увеличивалось стабильно и быстро на протяжении четырех лет. Его ежегодные приросты колебались вокруг отметки 100%. Отклонение в сторону повышения до 160% зафиксировано было в 1925 г. Объем долгосрочных кредитных вложений в 1923 - 1927 гг. вырос в 21 раз, со 112,8 млн. руб. до 2 371,4 млн. руб.

На ведущие роли в области долгосрочного кредитования претендовали учреждения, направлявшие целевые инвестиции в жилищное строительство, коммунальное и сельское хозяйство. Так, в 1927 г. коммунальные и сельскохозяйственные банки выдали 55% всех долгосрочных ссуд в стране. В этот же год резко расширили долговременные инвестиции торгово-промышленные акционерные банки. В рамках отечественной кредитной системы распространялась специализация. Поименованные выше учреждения сконцентрировались преимущественно на раздаче долгосрочных ссуд. Госбанк же снабжал клиентов в основном краткосрочными кредитами.

Таблица 4.25

Долгосрочные кредиты банковской системы СССР основным группам заемщиков в 1923 - 1927 гг., млн. руб.

Наименование групп заемщиков	Дата, на 1 октября каждого года				
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Государственная промышленность	86,5	86,9	205,4	335,1	816,5
Транспорт	0,4	0,5	2,2	58,2	83,5
Государственная торговля	1,2	20,1	0,2	1,2	4,6
Жилищное строительство и коммунальное хозяйство	3,8	12,2	69,0	226,7	469,9
Кооперация	5,5	10,9	22,4	43,6	43,5
Сельское хозяйство	14,5	46,0	90,6	136,8	290,9
Кредитные учреждения	0,9	39,6	172,0	351,7	606,8
Разные учреждения и организации	-	3,3	8,8	30,7	41,8
Частная клиентура	-	-	0,6	-	4,1
Прочие заемщики	-	-	1,6	3,6	9,8
Всего:	112,8	219,5	572,8	1187,6	2 371,4

Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 80, 81.

Размеры долголетнего кредитования росли устойчивыми темпами так же, как и количество специальных бюджетных средств в банковских пассивах. Параллельное движение этих показателей вызвалось тем, что коммунальные, торгово-промышленные и сельскохозяйственные банки расширяли активные долгосрочные ссудные операции по мере накопления у себя денег бюджета или бюджетных организаций.

Первенство среди получателей долгосрочного кредита принадлежало государственной промышленности. В 1927 г. ей перепало 46% всех инвестиционных кредитов. Далее по очередь

ности шли строительство жилья и сельское хозяйство. Внушительная цифра в строке кредитные учреждения таблицы 4.25 за 1927 г. отразила громадный промежуточный оборот сельхозбанков. Из 750,1 млн. руб. долгосрочных ссуд система сельскохозяйственного кредита передала нижестоящим звеньям 498,8 млн. руб., т.е. две трети. Распределение долговременных кредитов между секторами экономики было аналогичным раскладке краткосрочных ссуд. Из общей суммы долгосрочных кредитов в 1927 г. государственный сектор взял 75,7%, кооперативный сектор - 17,7%, частный уклад - 6,6%⁴². О соотношении потоков кредитных денег в город и сельскую местность в 1923 – 1927 гг. может поведать таблица 4.26.

Таблица 4.26

Доля города и села в предоставленных кредитах в 1923 - 1927 гг., %

Показатели	Дата, на 1 октября каждого года				
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Доля города в краткосрочных кредитах	92,5	87,9	85,9	84,6	83,2
Доля села в краткосрочных кредитах	7,5	12,1	14,1	15,4	16,8
Доля города в долгосрочных кредитах	86,9	73,5	76,3	82,1	82,8
Доля села в долгосрочных кредитах	13,1	26,5	23,7	17,9	17,2
Доля города в общей сумме кредитов	91,4	85,7	84,3	84,0	83,0
Доля села в общей сумме кредитов	8,6	14,3	15,7	16,0	17,0

Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 80, 81.

Подавляющая часть кредитов вливалась в городские предприятия. После замены старых денежных купюр новыми доля промышленных центров в сумме используемого ссудного капитала обосновалась в интервале 83 - 85%. К деревенским заемщикам - сельскому хозяйству и кустарно-ремесленной кооперации - доходило от 14% до 17% всех кредитных средств. Удельный вес села в краткосрочных операциях банков потихоньку возрастал, а в долгосрочных ссудах понемногу снижался. Оба показателя в 1927 г. подобрались с разных боков к отметке 17%.

О роли кредитной системы в передвижении денежных ресурсов по отечественному хозяйству говорят данные таблицы 4.27. Прежде всего из них следует вывод, что в период нэпа мы имели почти полностью государственную банковскую систему. Участие кооперативных организаций, частных лиц и предприятий в предоставлении своих незанятых финансовых ресурсов, а также в получении кредитов было сопутствовавшим процессом, который слегка влиял на функционирование казенного механизма банков.

Таблица 4.27

Структура вложений* в банковскую систему и полученных кредитов в 1923 - 1927 гг.

Участники банковских операций	Дата, на 1 октября каждого года				
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Государственная промышленность: вложения, млн. руб.	57,8	148,2	372,8	372,5	406,3
полученные кредиты, млн. руб.	278,2	589,6	1 195,4	1 592,4	2 491,4
отношение вложений к кредитам, %	20,8	25,1	31,2	23,4	16,3
Государственная торговля: вложения, млн. руб.	16,0	46,2	70,8	54,2	63,1
полученные кредиты, млн. руб.	52,1	115,6	207,5	200,2	265,3
отношение вложений к кредитам, %	30,7	40,0	34,1	27,0	23,8
Кооперация: вложения, млн. руб.	11,1	39,6	95,5	132,4	178,6
полученные кредиты, млн. руб.	94,6	191,5	322,7	395,9	453,9
отношение вложений к кредитам, %	11,7	20,7	29,6	33,4	39,3
Частные лица: вложения, млн. руб.	10,5	27,6	68,0	88,0	90,0
полученные кредиты, млн. руб.	40,0	32,3	87,8	89,9	57,2
отношение вложений к кредитам, %	26,3	85,4	77,4	98,8	157,3
Вся банковская система СССР: вложения, млн. руб.	329,3	790,3	1 752,7	2 187,4	2 781,3
кредиты, млн. руб.	543,4	1 165,4	2 521,2	3 452,3	5 089,7
отношение вложений к кредитам, %	60,6	67,8	69,5	63,4	54,6

* в составе вложений учитываются суммы текущих счетов, вкладов и капиталов, помещенных в банковскую систему

Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 80, 81, 82, 83.

Сотрудничество с кредитными учреждениями приносило кооперации немалую выгоду. Она получала ссуд на большую сумму, чем имела в виде вкладов, текущих счетов и долей в капиталах банков. Государственная власть всячески содействовала кооперативному сектору как обобществленному, близкому по сути социалистическому, казенному укладу. Сплетение в единую сеть разрозненных кооперативных заведений позволяло правительственным ведомствам довольно жестко управлять огромной, распыленной массой производителей и торговцев, проводить желаемую экономическую политику.

Объективные условия благоприятствовали до 1925 г. становлению советского кредитного хозяйства. В 1923 - 1924 гг. банковская система была еще хрупкой. Вновь вводимые денежные знаки - сначала червонные банкноты, затем казначейские копейки и рубли - представляли собой средства обращения в узком, специальном смысле слова. Источником накопления капитала они могли быть в очень скромных размерах. Поэтому основными каналами пополнения кредитной сферы являлись банковская и казначейская эмиссия, доходы бюджета.

Всплеск экономического роста в 1924/25 г. способствовал образованию солидных запасов оборотного капитала в большинстве отраслей. Поэтому соотношение между вложениями в кредитные учреждения и получением их ссуд улучшилось. Максимальные значения данного показателя по государственной промышленности, торговле и для всей банковской сети наблюдались именно в границах 1924/25 г. Исчерпание ресурсов восстановительного подъема и напряженное кредитование реконструкции индустрии надломили положительную тенденцию развития банков, развернули ее в противоположную сторону.

Экономисты отмечали трудно обратимый характер происходивших перемен. В частности, М.Н. Соболев считал иллюзией надежду на то, что “процесс круговращения капиталов в СССР будет сам собой выделять свободные накопления и направлять их в банковскую систему. Кратковременное высвобождение кассовых резервов из процесса оборота капиталов должно происходить сравнительно медленно, соответственно более ровному и медленному ходу развития реконструктивного периода”⁴³. Автор предлагал для расширения кредита искать деньги вне сферы финансовой деятельности предприятий. Например, можно было осуществлять накопления через бюджет, который изымал часть народного дохода в публично-правовом порядке, и направлять средства по линии производительного назначения.

Наркомфин вклинивался в отношения различных отраслей госсектора с государственной кредитной системой, откачивая почти все сбережения реальной сферы в казну. Банковский механизм во главе с Госбанком играл подчиненную роль, обслуживая финансовые потоки бюджета. Практика распределения прибыли делала зависимыми от бюджетных средств и казенные предприятия, и банки. У кредитной сети, как и у торгово-промышленных объединений, отсутствовали сколько-нибудь значимые собственные источники капитала для самостоятельного развития.

Бюджет из собранных доходов выделял дотации банкам, а те в свою очередь кредитовали тресты и синдикаты. После 1925 г. банковские ссуды во все большей степени покрывали недостаток оборотного капитала в государственной промышленности и торговле. Банковские учреждения оказались не в состоянии аккумулировать свободные денежные средства в количестве, достаточном для поддержки бесперебойного экономического роста державы. Причина проста. Весь излишек финансов, сверх необходимого минимума, выгребало у хозяйствовавших субъектов через налоги казначейство.

Соотношение вложений в банки и полученных кредитов говорило об обеспеченности той или иной сферы деятельности собственными ресурсами накоплений. Показатели обеспеченности госпромышленности и госторговли понижались с 1925 г. по 1927 г. Но те же параметры в кооперативном и частном секторах устойчиво возрастали в течение 1923 - 1927 гг., что свидетельствовало о передаче денег в руки казенного уклада.

Показатель обеспеченности кредитных операций банковской сети текущими счетами, вкладами и капиталами имел дугообразную траекторию. Его повышение сменилось понижением в 1925 г., выражая фундаментальные, глубинные экономические закономерности. Однако величина данного параметра намного превосходила схожие показатели в государственном производственно-коммерческом обороте и в кооперации. Это подтверждало факт переброски в кредитные учреждения средств бюджета и бюджетных организаций.

В середине 20-х годов наметилась тенденция к вырождению так и не сформировавшейся советской кредитной системы в чисто техническое, передаточное устройство, используемое в интересах казны. Государственное предпринимательство низвело главный банк страны до положения эмиссионно-кассового центра. Госбанк поэтапно превращался в кассовый резерв экономической политики государства. Он специализировался на краткосрочных ссудных операциях, которые восполняли дефицит в платежных средствах “социалистических” предприятий и учреждений.

Вместе с обострением нехватки оборотных капиталов в промышленности и торговле начал терять свои функции вексельный кредит. Ведь коммерческое кредитование имело смысл при избытке у хозяйственных единиц финансов, оседавших на текущих счетах. Теперь уже участники торговли товарами по существу передавали друг другу не коммерческий кредит, а банковский, ибо последний компенсировал не прекращавшуюся убыль оборотных фондов.

У Государственного Банка не было своих каналов притока солидного капитала, который годился бы для инвестиций на годы вперед. Поэтому на деньги того же бюджета создавались особые банки, призванные заниматься долгосрочным кредитованием.

* * *

Кредитно-денежная политика государства воздействовала на развитие рыночной ситуации в стране и, прежде всего, на формирование цен. Эта хорошо прослеживается по данным таблицы 4.28. Уровни оптовых и розничных цен, при прочих равных условиях, напрямую зависели от количества циркулировавших в наличном и безналичном обороте платежных средств.

Таблица 4.28

**Динамика показателей денежно-товарного обращения в 1924 - 1927 гг., %
 (“+” прирост, “-” уменьшение по сравнению с предыдущим кварталом)**

Дата	Сумма краткосрочных кредитов и ежеквартальных приростов долгосрочных кредитов	Сумма бумажных денег в обращении	Индекс оптовых цен	Индекс розничных цен частной торговли	Стоимость промышленной продукции и хлебозаготовок
1924 г.					
апрель	-	19,1	6,5	15,0	-
июль	-	21,0	- 6,1	1,4	-
октябрь	-	24,5	- 2,9	- 1,9	-
1925 г.					
январь	17,5 *	15,6	4,9	0	12,6 **
апрель	18,4 *	11,2	12,8	5,6	5,9 **
июль	21,8 *	- 1,8	- 3,1	0	5,0 **
октябрь	24,9	37,1	- 7,4	- 1,4	39,7
1926 г.					
январь	5,6	12,0	5,2	5,1	- 5,0
апрель	- 0,3	- 5,9	7,1	6,6	- 3,2
июль	- 4,9	0,6	- 6,6	- 2,0	5,6
октябрь	17,1	11,4	- 2,2	- 2,5	29,4
1927 г.					
январь	6,4	4,9	- 1,1	2,2	- 12,2
апрель	0,3	- 5,4	0	1,3	- 7,8
июль	9,8	4,7	- 2,3	0,9	4,4

* сумма учетно-ссудных операций Госбанка и 4 московских акционерных банков

** стоимость промышленной продукции

Рассчитано по данным: Киселев С.М. Значение кредита в конъюнктуре советского народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1928. № 1. С. 144; Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 51, 55; Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 378, 379, 380, 384; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 346, 362, 370.

Об общей динамике денежной массы дает представление первый показатель таблицы - величина краткосрочного кредита с добавлением к ней ежеквартального приращения суммы долгосрочного кредита. Выданные в ссуду деньги по большей своей части обращались как безналичные. Но достаточно весомая их доля превращалась в червонные банкноты и казначейскую валюту. Поэтому вместе с ростом объема кредитных операций обычно увеличивалось количество выпущенных бумажных рублей.

Зависимость размеров оборота наличных денег от кредитной эмиссии отчетливо видна при сопоставлении изменений первого и второго показателей таблицы 4.28. Отмеченные выше периоды развития бумажно-денежного обращения: 1924 г. - первая половина 1925 г., вторая половина 1925 г., 1926 г. - первая половина 1927 г., подходят и для характеристики тенденций в области кредитования.

На протяжении первого и третьего периодов темпы расширения учетно-ссудных операций банков превосходили темпы выпуска бумажных купюр. В частности, с октября 1923 г. по октябрь 1924 г. кредитование увеличилось на 135,5%, а рублевая наличность - на 104,8%. Лишь во втором полугодии 1925 г. эмиссия банкнот и казначейской валюты опережала выдачу ссуд.

Изменение денежной массы в обращении отражалось на уровне цен не сразу, а по прошествии известного срока. На существование такого временного разрыва, или "лага" в современной научной терминологии, указывали экономисты. Ф. Радецкий писал, что влияние размера эмиссии "проявлялось не непосредственно, а после некоторого периода времени, требующегося для того, чтобы выпущенные деньги проникли в потребляющую среду, увеличили ее покупательную способность и ее платежеспособный спрос; такой срок можно принять, примерно, в 3 месяца"⁴⁴. Близкие по значению временные лаги выделяли Л.Н. Юровский (1 - 2 месяца)⁴⁵ и Н.Д. Кондратьев (3 - 4 месяца)⁴⁶.

В основе статистических данных таблицы 4.28 лежит трехмесячный интервал. Он весьма достоверно передает разрыв во времени между изменениями количества обращавшихся денег и индексами цен. Ряды динамики оптовых и розничных цен с запаздыванием на один квартал повторяют динамику показателей кредитования и эмиссии бумажных рублей.

Впрочем, ценовые пропорции всесоюзного рынка определялись не только денежной массой, но и товарной. Интенсивно возраставшее предложение продуктов на продажу содействовало понижению цен в торговле. Поквартальные перепады суммарной стоимости промышленной продукции и хлебозаготовок имели большую амплитуду (+ 39,7% и - 12,2%), чем скачки денежных агрегатов: кредитов (+ 24,9% и - 4,9%), бумажных денег (+ 37,1% и - 5,9%).

Наблюдалась ярко выраженная сезонная периодичность колебаний товарно-денежных параметров. Ритм перестройки рыночного равновесия задавался годовой цикличностью сельскохозяйственного производства и особенностями организации закупок зерновых культур. В месяцы активной реализации хлеба текущего урожая резко возрастало количество ходивших в обороте наличных и безналичных денег, быстро расширялся объем товарной продукции. Одновременно уменьшались общие индексы оптовых и розничных цен.

Более подробно взаимосвязь цен и предложения товаров представлена в таблице 4.29. Цифровой материал таблицы показывает, что на рынке сельскохозяйственных товаров явно ощущалась обратная зависимость между изменениями предложения продукции и ее ценами. Крутым взлетам и падениям торгового оборота соответствовали резкие подвижки цен. Закономерный природный цикл производства в аграрном секторе влиял и на индустрию. В сезон основной заготовки и переработки деревенских продуктов и сырья всплеском возрастал выпуск промышленной продукции.

На рынке фабрично-заводских изделий колебания цен также были связаны с динамикой производства товаров. Но здесь противонаправленная зависимость проявлялась в виде слабой тенденции. Между изменениями объемов промышленной продукции и хлебозаготовок было больше совпадений, чем между индексами промышленных и сельскохозяйственных цен. Эта асимметрия лишь частично объяснялась тем, что стоимость продаваемого зерна не исчерпывала всей суммы товарного продукта села.

Таблица 4.29

Динамика цен и товарной продукции в 1925 - 1927 гг., %
 (“+” прирост, “-” уменьшение по сравнению с предыдущим кварталом)

Дата	Стоимость промышленной продукции	Индекс оптовых промышленных цен	Индекс промышленных цен частной торговли	Стоимость хлебазаготовок	Индекс оптовых сельскохозяйственных цен	Индекс сельскохозяйственных цен частной торговли
1925 г.						
январь	12,6	- 2,5	- 6,4	-	16,9	2,4
апрель	5,9	- 1,5	- 2,1	-	30,3	16,1
июль	5,0	- 0,5	- 3,5	-	- 6,1	4,0
октябрь	26,3	2,6	9,1	117,0	- 16,1	- 11,5
1926 г.						
январь	7,4	1,5	3,8	- 46,9	8,3	6,2
апрель	1,3	2,0	5,6	- 34,3	13,0	7,8
июль	3,7	1,0	1,5	25,8	- 14,1	- 5,0
октябрь	14,4	0	- 0,7	158,9	- 4,3	- 4,8
1927 г.						
январь	- 0,4	- 0,5	2,3	- 57,1	- 1,9	4,5
апрель	- 5,4	- 3,4	- 0,7	- 28,8	3,9	1,0
июль	- 1,6	- 2,6	- 2,9	74,6	- 1,8	5,8

Рассчитано по данным: Киселев С.М. Значение кредита в конъюнктуре советского народного хозяйства. С. 144; Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 51, 55; Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 378, 379, 380, 384.

Цены внутреннего рынка страны складывались не только под перекрестным воздействием эмиссии денег и предложения товаров, но и под давлением государственной политики ценообразования. В нашем хозяйстве существовала многослойная система цен с неодинаковой степенью централизованной регламентации. Практика формирования цен российской экономики имела специфику в различных укладах и выходила за рамки традиционного деления на оптовую и розничную куплю-продажу. Так, наряду с частной розничной торговлей функционировала обобщественная, которую вели синдикаты, тресты, прочие госорганы, потребительская и сельскохозяйственная кооперация. Единовременно существовали указные и вольные цены, различные уровни розничных цен на одни и те же товары. Сложности механизма цен обсуждали в печати специалисты. Среди прочих подробно пояснял особенности установления цен в отдельных сферах рыночного оборота Л.Н. Юровский⁴⁷.

Государственное регулирование полнее всего охватывало отпускные цены трестов. Но его влияние на оптовые цены было уже мягче. Вольные цены частной торговли находились почти вне зоны государственного управления. Исключение составляли договоры трестов и синдикатов с частными торговцами о пределах накидок на стоимость отпускаемых им товаров.

Советская власть обязывала кооперативную торговую сеть проводить угодную ей политику цен. Правда, в отличие от казенных предприятий кооператоры обладали кое-какой свободой в ценообразовании. Это касалось продажи сельскохозяйственной продукции и ремесленно-кустарных изделий, возможности повышения цен при их общем росте под натиском благоприятной конъюнктуры, а также компенсации увеличения накладных расходов. Кооперация прибегала к практике изменения цен в свою пользу, но делала сие с меньшим размахом, нежели индивидуальные предприниматели.

Правительство старалось поддерживать стабильные цены и даже добиваться их посильного снижения. Такие устремления естественно вытекали из принятой стратегии экономического роста, подразумевавшей громадные вложения капитала в создание передовой индустрии. К сожалению, в отечественном хозяйстве эпохи нэпа потоки инвестиций ограничивались целым рядом причин. Старевшая техническая база предприятий не обеспечивала высокой производительности труда, снижения издержек производства и устойчивого роста прибыли. Перелив ресурсов из аграрного комплекса затруднялся натурализацией накопления в деревне. Доходы широких слоев населения еле-еле переступали за черту прожиточного минимума и негусто оседали в денежных запасах.

В этой обстановке государственный аппарат воспользовался принудительным накоплением капитала. Одним из самых испытанных средств вынуждаемого сбережения и инвестирования была эмиссия денег. При помощи банковского кредитования пополнялись оборотные и основные фонды казенных трестов, сооружались новые промышленные объекты. Реальное накопление капитала определялось, с одной стороны, номинальной суммой эмитируемых рублей, а с другой стороны, уровнем товарных цен.

Проблемы накопления посредством эмиссии дискутировались в научной среде того времени. А. Соколов отмечал, что “необходимым условием возникновения принудительного сбережения является ... отставание роста денежных доходов от роста уровня цен”⁴⁸. По мнению автора, эмиссия - более тонкое орудие непроизвольного уменьшения покупательского спроса, которое глубже проникает в карманы людей, чем налоги. Изложенные теоретические соображения ученый относил лишь к сокращению личного потребления населения с целью направления средств на долгосрочные вложения в производство благ и услуг.

Кроме подобных воззрений присутствовал и широкий взгляд на результативность кредитно-денежных мероприятий. Согласно ему, эмиссия приносит пользу, пока темпы роста номинальной денежной массы обгоняют неизбежное повышение индексов цен. Выгода заключается в увеличении реальной ценности всей суммы циркулирующих денег и, соответственно, в возможности осуществлять инвестиции за счет банковских ссуд.

Необеспеченный выпуск денег в обращение представлял собой своеобразный “эмиссионный налог”, который настигал всех субъектов рыночных сделок, чьи доходы не поспевали за подъемом цен. Инфляционное налоговое бремя ложилось не только на личные доходы граждан, но и на капиталы частных лиц и предприятий. А выигрыш доставался счастливым получателям дешевых кредитов. Хозяйственное руководство оказалось перед выбором, что важнее: ускоренный подъем и быстрая реконструкция индустрии в условиях шаткого денежного обращения и дрейфующих вверх цен или устойчивый курс национальной валюты при сравнительно стабильных ценах и замедлении экономического роста.

Об этой альтернативе писал Н. Шапошников: “...перед экономической политикой стоит дилемма, или идти в целях форсирования развития производительных сил на эмиссию и рост цен, или же в целях сохранения устойчивости внутренней и внешней ценности нашей валюты проводить сдержанную политику эмиссии, рискуя тем самым создать некоторые денежно-финансовые препятствия для роста производительных сил нашей страны”⁴⁹.

Первый вариант выглядел предпочтительнее. Максимизация темпов развития экономики всегда была высшей ценностью державной политики. Во имя увеличения реального объема капиталовложений правительство пыталось одновременно расширять кредитование и понижать или фиксировать цены, а коли не удавалось, то любыми способами мешать их подъему. Настойчивое регулирование цен призвано было бороться с нежелательными последствиями банковско-казначейской эмиссии.

Государственное предпринимательство в сфере ценообразования нажимало на все рычаги, старалось управлять ценами, насколько разрешали обстоятельства. С 1924 г. Комвнуторг устанавливал в розничной торговле не подлежащие самостоятельному пересмотру этикетные цены на чай, спички, махорку, папиросы, алкогольные напитки⁵⁰. Без чувствительных отклонений, твердо стояли розничные цены на соль, сахар, керосин и другие аналогичные продукты, производимые исключительно госсектором.

Поименованные товары массового спроса были законодательно объявлены казенной монополией и облагались акцизами, приносившими в бюджет огромные суммы. Косвенное налогообложение монопольных товаров задирало ввысь их цены, намного дальше того уровня, который мог свободно формироваться на рынке. Завышенные цены подакцизных продуктов сохраняли достаточную стабильность, поскольку ограничивали и полностью накрывали платежеспособные потребности покупателей.

Главную роль в контроле оптовых цен играли синдикаты, чей оборот равнялся в 1923/24 г. - 628,2 млн. руб., в 1924/25 г. - 1 150,8 млн. руб., в 1925/26 г. - 2 064,3 млн. руб. В 1925/26 г. 12

крупнейших синдикатов - текстильный, кожевенный, металлический, стеклянный, фарфорово-фаянсовый, нефтяной, соляной, маслособойный, жиропарфюмерный, махорочный, спичечный и крахмало-паточный - реализовали более половины всей продукции соответствующих отраслей. По некоторым видам товаров доля казенного оптового сбыта была больше. Так, через склады Всероссийского текстильного синдиката проходило 80% хлопчатобумажных изделий⁵¹.

Из оптовой торговли методично выдворялись частные посредники, уступая место кооперативным каналам продвижения товаров. Частным оптовикам в 1925/26 г. было отпущено лишь 7,9% синдикатских изделий, против 18,1% в 1923/24 г. Кооперация же приобрела у синдикатов в 1925/26 г. 42,6% товаров, вместо 32% в 1923/24 г. Оставшаяся половина продукции распределялась по государственным торговым цепочкам⁵². В рознице доля частника тоже убывала, но не столь спешно. Она составляла в 1923/24 г. - 57,7%, в 1924/25 г. - 42,5%, в 1925/26 г. - 42,3%, в 1926/27 г. - 36,9%⁵³. Тенденция к плавному снижению удельного веса частной розничной торговли соседствовала с ростом ее абсолютной величины.

Сопоставление структуры оптового и розничного оборотов показывает пределы централизованного регулирования цен в том и другом. Господство крупной государственной и кооперативной торговли в оптовых закупках обеспечивало условия довольно строгой регламентации и жесткости цен. Наоборот, многочисленность распыленных по территории страны мелких частных торговых точек, продававших в розницу около 40% всех товаров, осложняла проведение целенаправленной ценовой политики.

Правительство создавало механизм управления розничным товарооборотом. В 1925 г. были заложены основы единой, регулируемой из центра системы взаимоотношений казенной промышленности с потребительской кооперацией. Между сбытовыми организациями промышленности и Центросоюзом, при участии крупнейших кооперативных союзов в качестве дольщиков, стали заключаться генеральные договоры на поставку предметов потребления. В 1925/26 г. заинтересованные стороны подписали генеральных договоров на общую сумму 679,9 млн. рублей, что составляло более 26% оборота синдикатов по соответствующим товарам и 54% кооперативных закупок⁵⁴. Оговаривая кондиции своего сотрудничества с кооперацией, государственное предпринимательство укрепляло влияние на ценовые пропорции розничной обобществленной торговли. Но рядом с ней раскинулась обширная, разветвленная сеть частных торговцев, поведение которых определялась расстановкой сил в рыночной конкуренции.

Свободные предприниматели приспосабливались к ценам казенных и кооперативных магазинов в тех случаях, когда они примерно балансировали спрос и предложение. Если платежеспособный спрос населения возрастал быстрее предложения товаров по ценам обобществленной торговли, то частники без зазрения совести повышали свои вольные цены. На сдвиги параметров общего рыночного равновесия реагировала и потребкооперация, поднимая товарные цены в рознице. В результате образовывался разрыв в значениях цен оптовой, обобществленной розничной и частной розничной торговли. Расхождение трех ценовых индексов началось в 1924 г. и получило продолжение в последующие годы. Развитие этой тенденции, которую современники нарекли "оптово-розничными ножницами", представлено в таблице 4.30.

К середине 1927 г. соотношение индексов частных розничных и оптовых цен на одну треть превысило довоенный паритет. На четверть раскрылся "раствор ножниц" между розничными ценами частной и обобществленной торговли. Отклонение цен кооператоров от цен частных лавочников говорило об усилении позиций государства в ценовом регулировании. Особенно это было заметно в продаже промышленных изделий. После перехода к оформлению генеральных договоров синдикатов с Центросоюзом в 1925/26 г. отношения индексов промышленных цен оптового и розничного обобществленного оборота к индексу промышленных цен в частной рознице почти совпадали.

Дистанция между оптовыми отпускными ценами казенных трестов, по которым они сбывали продукцию синдикатам, и розничными ценами вольного рынка увеличилась за тот же пери-

од еще больше. Отношение вторых к первым составляло на 1 октября 1923 г. - 108%, на 1 октября 1924 г. - 140%, на 1 октября 1925 г. - 151%, на 1 октября 1926 г. - 163%, на 1 марта 1927 г. - 169%⁵⁵.

Таблица 4.30

Соотношение индексов цен в 1924 - 1927 гг. (уровень 1913 г. принят за единицу)

Дата	Соотношение индексов цен частной розничной торговли и обобщественной розничной торговли			Соотношение индексов цен частной розничной торговли и оптовой торговли		
	промышленных товаров	сельскохозяйственных товаров	всех товаров	промышленных товаров	сельскохозяйственных товаров	всех товаров
1924 г.						
январь	-	-	-	1,03	1,08	1,07
апрель	-	-	-	1,16	1,10	1,15
июль	-	-	-	1,21	1,27	1,24
октябрь	1,18	1,05	1,07	1,24	1,32	1,26
1925 г.						
январь	1,13	1,04	1,06	1,20	1,16	1,19
апрель	1,10	1,19	1,11	1,19	1,05	1,12
июль	1,07	1,21	1,12	1,15	1,17	1,16
октябрь	1,15	1,08	1,09	1,23	1,23	1,23
1926 г.						
январь	1,19	1,11	1,13	1,25	1,21	1,23
апрель	1,24	1,11	1,16	1,30	1,15	1,23
июль	1,25	1,09	1,15	1,30	1,27	1,29
октябрь	1,26	1,10	1,16	1,29	1,27	1,28
1927 г.						
январь	1,30	1,15	1,19	1,32	1,35	1,33
апрель	1,35	1,20	1,25	1,37	1,31	1,34

Рассчитано по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 378, 379, 380, 382, 383, 384.

Причин существования “оптово-розничных ножниц” было несколько. Так, временное различие в динамике цен наблюдалось ежегодно в месяцы интенсивной заготовки урожая, когда резко падали оптовые сельскохозяйственные цены, понижая общий оптовый индекс. Другим фактором отклонения цен конечной покупки от отпускных цен трестов было ухудшение работы торгового аппарата по сравнению с предреволюционной порой. Затраты на закупку и доставку товаров от промышленных предприятий до магазинов, а также на содержание государственной коммерческой сети намного превосходили издержки сбыта десятилетней давности. Разница между ценами производителя и ценами потребителя по всей товарной - сельскохозяйственной и промышленной - продукции в среднем по всем видам торговли составляла в 1913 г. - 18%, в 1923/24 г. - 35,2%, в 1924/25 г. - 29,7%, в 1925/26 г. - 29%⁵⁶.

Торговые наценки кооперации и синдикатов весомо удорожали продукты. Об этом можно судить по показателям таблицы 4.31.

Таблица 4.31

Торговые наценки синдикатов и кооперации в 1925/26 - 1926/27 гг., % к обороту

Показатели	1925/26 г.		1926/27 г.	
	Синдикаты	Кооперация	Синдикаты	Кооперация
Торговая наценка, всего	12,7	31,4	10,0	27,5
В том числе: торговые расходы	5,7	13,7	4,8	13,0
торговая прибыль	7,0	17,7	5,2	14,5

Рассчитано по данным: Итин М. Проблемы накопления торгового капитала // Вестник финансов. 1928. № 9. С. 37.

Особенно зримо возрастали цены фабрично-заводских изделий в сельской местности, оставляя позади цены городского рынка. Соотношение между отпускными ценами трестов и розничными ценами кооперации, исчисленное по набору из 19 промтоваров, равнялось 1 октября 1925 г. в городе - 133%, в селе - 147,3%, 1 октября 1926 г. в городе - 126,1%, в селе - 137%, 1 октября 1927 г. в городе - 121,8%, в селе - 127,8%⁵⁷.

Накидки частных торговцев были весомее наценок кооператоров. Например, в 1924/25 г. в среднем по 7 продуктам промышленности цены частного “розничника” в городе на 52%, а цены деревенского частного лавочника на 60% превышали отпускные цены ВСНХ⁵⁸. В целом же отмечалось снижение доли торговли в ценах конечной покупки и увеличение доли производства и транспорта. По подсчетам эксперта, в составе рубля, уплаченного по государственно-кооперативной линии, удельный вес промышленности был равен в 1924/25 г. - 68,2%, в 1926/27 г. - 73%, транспорта, соответственно, 5,5% и 6,3%, а торговли - 26,3% и 20,7%⁵⁹.

Следовательно, действие второго фактора, вводившего розничные цены в сторону от оптовых, постепенно ослабевало. Но вопреки этой положительной тенденции, “лезвия оптово-розничных ножниц” не сжимались, а раскрывались еще шире. Расхождение индексов цен превратилось в прогрессирующий процесс под влиянием третьей причины - чрезмерно активной кредитно-денежной политики государства.

* * *

Как говорилось выше, периодам пореформенного развития денежного обращения соответствовали периоды преобладавшей динамики цен, с учетом трехмесячного временного лага. Первый этап насыщения хозяйственного оборота платежными средствами завершился к середине 1925 г. В его начале, в ходе разменного кризиса, зародилась неприятная тенденция более быстрого роста розничных цен по сравнению с оптовыми. Но до октября 1925 г. “раствор оптово-розничных ножниц” был подвержен преимущественно сезонным колебаниям. Вероятно, понижение внутрительных казенно-кооперативных наценок способствовало тому, что апрельское, июньское и октябрьское значения показателя последней графы таблицы 4.30 в 1925 г. были меньше аналогичных значений 1924 г.

В июле 1925 г. общий индекс оптовых цен превысил апрельскую отметку 1924 г. всего на 4,4%, а январский, дореформенный уровень 1924 г. - на 11,2%. Общий индекс розничных цен в июле 1925 г. был больше показателей 1924 г.: в апреле - на 5,3%, в январе - на 21,1%. Следовательно, проведение денежной реформы в сочетании с жестким ценообразованием на продукцию промышленных трестов и на казенные закупки сельхозтоваров оторвало динамику оптовых цен от изменений розничных цен. Расхождение индексов на протяжении полутора лет колебалось в интервале 1,12 - 1,26.

Зимой 1926 г. не свершилось ожидаемого сжатия “оптово-розничных ножниц”. Хуже того, продолжился напряженный рост всех рыночных цен, начавшийся прошлой осенью. А чуть раньше, во второй половине 1925 г., отечественная экономика впала в новое для себя состояние “товарного голода” или “бестоварья”, которое в дальнейшем стало одним из симптоматичных явлений нашей хозяйственной жизни. Признаки недостатка кое-каких промышленных изделий эпизодически наблюдались на рынках уже в конце 1924 г. Но они были скоро изжиты, поскольку увеличилось промышленное производство и спало давление покупательского спроса в деревне, распродавшей товарные запасы зерна урожая текущего года. В 1925 г. летне-осеннее оживление торговли “окунуло” весь внутренний рынок страны “в пучину” глубокого товарного голода. Возникновение и обострение дефицита продуктов было естественным итогом государственного предпринимательства в денежно-кредитной сфере и в области ценообразования.

Нэп изначально ориентировался на восстановление разрушенного хозяйства державы и обеспечение высоких темпов его развития. Важнейшим средством достижения желанной цели было развертывание учетно-ссудных банковских операций. Безотказное кредитование позволило промышленности наращивать выпуск продукции невиданными доселе темпами в 1924/25 г. Недолгое стечение благоприятных обстоятельств воспринималось правящими кругами не вполне адекватно. Они прониклись эмоциями инвестора, предвкушавшего успех от вложений капитала на гребне поднимавшейся волны среднесрочного цикла конъюнктуры.

Летнюю управленческую эйфорию красочно передал словами Л.Н. Юровский: “Все данные для повышательного настроения были налицо. В отличие от капиталистических стран это настроение охватило у нас не частных предпринимателей, а планирующие органы и руководители государственных и кооперативных предприятий. Зародилось то же массовое оптимистическое настроение, которое десятки раз наблюдалось в соответствующие моменты в Европе и в заокеанских странах, но настроение, действовавшее еще могущественнее и быстрее, потому

что проводником решений о хозяйственном развертывании являлся организованный государственный аппарат. Для развертывания хозяйства не потребовалось времени на раскачивание массы формально независимых друг от друга предприятий, как в капиталистических странах, а производительные силы могли быть приведены в движение авторитетными постановлениями государственных учреждений. Это настроение было поразительно по своей силе и всеобщности»⁶⁰.

Благие намерения материализовались в сногшибательной кредитной экспансии. Учетно-ссудные операции Госбанка дали прибавку за апрель-июнь 1925 г. - 158,2 млн. руб., за июль - сентябрь - еще 284,9 млн. руб. В те же кварталы активные операции четырех крупнейших московских акционерных банков возросли на 102 млн. руб. и 104,9 млн. руб., соответственно⁶¹. В дальнейшем рост кредитования замедлился, но не прекратился. В октябре - декабре 1925 г. учетно-ссудные операции Госбанка расширились на 208 млн. руб.,⁶² хотя текущие счета предприятий уже не пополнялись новыми накоплениями капитала. Количество циркулировавших наличных денег в 1925 г. увеличилось за апрель - июнь на 80,4 млн. руб., за июль - сентябрь на 296,8 млн. руб., за октябрь - ноябрь на 143,8 млн. руб.⁶³

Мощный поток кредитов и соразмерный ему прилив червонной и казначейской валюты затопили каналы обращения. Переполнение рыночного оборота деньгами спровоцировало их обесценение. Но инфляция «образца 1925 года» отличалась от истекших лет, когда необеспеченными выпусками денежных знаков затыкали дыры бюджетных дефицитов. Тогда подъем цен уменьшал покупательную силу рублевых купюр и почти не сказывался на пульсации хозяйственной деятельности.

Авантюрная кредитно-денежная политика 1925 г. инициировала подготовку впечатляющего строительства, раскручивание производственного и потребительского спроса, которое обгоняло предложение товаров. Неподкрепленное производством разбухание платежеспособного спроса вызвало последствия двоякого рода: рост цен и недостаток продуктов на рынке. Первое явление было характерным в частной торговле, где свободное ценообразование гибко восстанавливало баланс между количеством товаров и суммой денег в кошельках покупателей. Второй симптом был типичным в обобществленном торговом обороте. Здесь цены оставались жесткими, ибо в той или иной степени подвергались регулированию компетентными ведомствами.

Особенности разразившейся инфляции обуславливались приоритетами государственного предпринимательства. Основная масса кредитов уходила в промышленность. Предприятия восполняли убыль оборотного капитала, раздвигали границы своей деятельности, предъявляли неутолимый спрос на продукцию производственного назначения - топливо, металл, сырье и т.д.

Кредитование подменило в текущих платежах средства амортизационных фондов, и они теперь затрачивались по прямому назначению - на ремонт и реконструкцию элементов основного капитала. Промышленность приступила к заготовке всего необходимого для сооружения новых фабрик и заводов. Тресты размещали заказы на строительные и вспомогательные материалы, оборудование, инструмент и прочие предметы технического использования в гораздо больших объемах, нежели позволяли их собственные капиталы и умеренное, безинфляционное кредитование. Лояльный подход банков к выдаче ссуд сделал запросы производителей запредельными.

Торгово-промышленный бум сопровождался приглашением на предприятия сотен тысяч дополнительных работников и повышением заработной платы персонала. Одновременно тяжелели доходы других категорий горожан. Скопление денег в руках населения увеличило напряжение рыночного спроса в индустриальных центрах. Почти весь прирост выпуска фабрично-заводских изделий широкого потребления раскупался городскими жителями.

Такой вывод подтверждается статистическими выкладками. В 1925/26 г. число рабочих крупной промышленности выросло на 26,6%, их среднемесячная зарплата поднялась на 24,2%. Стало быть, общий фонд заработной платы на казенных предприятиях увеличился в 1925/26 г. на 57,2%. За тот же период производство хлопчатобумажной ткани дало прибавление на 35,3%, галош - на 60,9%, кожаной обуви - на 42,1% и т.д. Следовательно, суммарные доходы индустриального населения росли быстрее выпуска многих потребительских товаров. Поэтому на городских рынках вызревали предпосылки ажиотажного спроса и наступления бестоварья.

До деревни довозилась лишь мизерная доля дополнительно изготовленной фабричной продукции, а крестьянский спрос на нее возрастал. Емкость сельского рынка неуклонно расширялась, несмотря на неурожай 1924 г. Общий индекс сельскохозяйственных цен в 1924/25 г. стоял выше индекса годичной давности на 24,4%, а индекс хлебных цен - на 40 - 50%, хотя урожай зерна в 1924 г. был ниже уровня 1923 г. всего на 9,8%⁶⁴.

Реализуя продукцию по сравнительно выгодным ценам, крестьянство понемногу богатело. Доходы аграриев пополнялись также за счет развития промысловых заработков, облегчения сельскохозяйственного налога, отсутствия арендных платежей. К осени 1925 г. труженики села подошли с неплохими запасами денег, которые однако не получали должного товарного подкрепления. Сельский спрос на промышленные изделия был далек от насыщения. Причем степень удовлетворения платежеспособных потребностей крестьян ухудшалась по мере роста оборотов городского рынка. В августе 1925 г. деревня ощутила товарный голод, усугублявшийся в ходе оптовых закупок очередного урожая.

Хлебозаготовительная кампания государства диктовалась интересами индустриализации. Для продолжения промышленного подъема необходимо было наращивать импорт сырья, материалов, оборудования, разнообразной техники и т.п. Оплата намеченных зарубежных покупок предполагала наличие иностранной валюты, которую могло дать увеличение экспорта сельскохозяйственных продуктов. Поэтому заготовка большого количества зерна, в том числе и для вывоза на мировой рынок, стала неотъемлемым условием сохранения быстрого экономического роста СССР.

В надежде на пропорциональное, бесперебойное предложение на продажу крестьянского хлеба правительство не поскупилось и бросило ему навстречу колоссальные ресурсы из банковской системы. Активные операции по финансированию хлебозаготовок только в Госбанке составили на 1 октября 1925 г. 256,7 млн. руб., против 66,7 млн. руб. год назад⁶⁵. Кроме того, организации, приобретающие зерно, брали займы ссуды сельхозбанков, кооперативных банков и пр. Перед государственными и кооперативными торговыми звеньями была поставлена цель - заготовить 780 млн. пуд. хлеба, из них - 545 млн. пуд. к январю 1926 г. Фактически же к новому году удалось вывезти 336 млн. пуд., или 61,6% от планового задания⁶⁶. Заготовительная кампания дала осечку по причине бестоварья, которое обострялось избыточной денежной эмиссией.

Финансирование закупки зерна осуществлялось посредством выдачи банковских червонцев и казначейских рублей заготовителям, ибо расчеты с крестьянами за проданный урожай велись наличными деньгами. Большую часть прироста массы бумажных денег составляла казначейская валюта. В пик уборочной страды 1925 года было выпущено: в июле - 69,1 млн. руб.; в августе - 100,4 млн. руб.; в сентябре - 127,3 млн. руб.⁶⁷ За один квартал денежный оборот раздался в объеме более чем на треть.

Хлынувшие в деревню рубли скверно отразились на доходах ее жителей. При недостаточном снабжении фабричными изделиями провинциальных рынков крестьяне волей-неволей переплачивали за растущие в цене потребительские товары, поставляемые частными торговцами. К неприятностям дороговизны добавилось обычное, летне-осеннее падение цен на зерно. На товарный дефицит и расхождение промышленных и сельскохозяйственных цен сельчане ответили воздержанием от массового сбыта своей продукции. К подобному поведению земледельцев побуждала и внешнеторговая политика советской власти.

Импортные поставки оплачивались сельскохозяйственными продуктами, а предназначались в основном для промышленного и городского спроса. Деревня, выносившая на своих плечах экспортную торговлю, заграничными товарами вдоволь не снабжалась. Крестьянству доставалась продукция, переработанная отечественной индустрией, т.е. качеством ниже, а ценами на 40 - 70% выше. Казенное импортозамещающее производство уступало в эффективности иностранному, особенно в тех отраслях, где предприятия только еще осваивали передовые технологии. Например, на изготовление тракторов наши заводы тратили ресурсов больше, чем зарубежные фирмы, и стоили советские "стальные кони" в 6 раз дороже импортных⁶⁸.

За высокими плановыми цифрами скрывались расчет на снятие с рынка максимально возможного объема аграрных продуктов и избыточное наделение оптовых заготовителей кредитами. Но последнее обстоятельство скорее помешало, чем помогло воплощению задуманного. В

1925 г. не были выполнены планы заготовок не только хлеба, но и мяса, масла; что указывало на интенсивность спроса и нехватку предложения сельскохозяйственных товаров на рынке.

Порожденная кредитной экспансией инфляция объявилась в виде бестоварья на рынках готовых изделий уже на исходе лета 1925 г. Трудности с покупками ширпотреба наблюдались в сельской местности и городах вплоть до января-февраля 1926 г. О серьезности товарного голода можно судить по динамике наценок частной торговли. Так, в Москве в 1925 г. процентные надбавки частных розничников к оптовым ценам в среднем по промышленным продуктам составляли: 1 июля - 35%, 1 августа - 38%, 1 сентября - 45%, 1 октября - 56%, 1 ноября - 62%. По мануфактуре (текстилю) накидки подлетели к 1 декабря до отметки 81%, а по обуви месяц спустя - до 91%⁶⁹. Дабы сбить накал покупательского спроса и притормозить галоп цен в рознице, власти провели неотложную товарную интервенцию, наладив подвоз крупных партий изделий в магазины обобщественной торговли.

Бестоварье поразило и оптовый оборот. К началу 1926 г. предварительные заказы промышленности достигли такой величины, что ВСНХ обуюло сомнение, хватит ли на грядущий строительный сезон кирпича, строевого леса и т.д. Производство цемента было запровано на год вперед. Еще большие сложности возникли в снабжении углем, нефтью, дровами. Забрехала угроза топливного кризиса, поскольку поставщики не справлялись с отгрузкой энергоносителей по уже оплаченным контрактам⁷⁰.

В условиях товарного голода неудовлетворенный, отложенный спрос играл роль принудительного сбережения. Эмиссионный налог от инфляции выражался не только в подъеме цен, но и в форме “неотоваренных” денег, которые оседали у покупателей. Бремя вынужденного накопления отягощало по преимуществу доходы населения.

Государство в собственных интересах и во избежание социального недовольства позаботилось о возможности добровольных сбережений граждан. В стране была создана и набирала мощь сеть сберегательных касс. О тесной связи продуктового дефицита с наплывами свободных денежных средств в процентные вклады говорят данные таблицы 4.32.

Таблица 4.32

Показатели деятельности сберегательных касс в 1923/24 - 1926/27 гг.

Показатели	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Число сберегательных касс	-	-	9 966	13 063
Число вкладчиков, тыс.	544	663	1 023	1 699
Остатки вкладов, млн. руб.	9,7	20,3	60,1	134,6
Средний размер вклада, руб.	17,8	30,6	58,7	78,4

Составлено по данным: Показатели состояния народного хозяйства СССР // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1928. № 1. С. 7.

Сберегательные кассы выполняли функцию насоса, который откачивал часть избыточных, необеспеченных благами доходов, облегчал давление инфляционного спроса на потребительский рынок, смягчал бестоварье. Неслучайно, что наиболее высокие темпы прироста показателей таблицы 4.32 зарегистрированы в период самого скудного снабжения торговли товарами - в 1925/26 году. В то же время через систему сберкасс государственное предпринимательство собирало незанятые народные деньги и инвестировало их в экономику. Этот источник финансирования обладал важным достоинством: средства сберегательных вкладов россиян были пригодны для долгосрочных вложений капитала по программе индустриализации.

Товарный голод возник из-за рассогласованности эмиссионной и ценовой политики органов хозяйственного управления. Безоглядное наращивание денежной массы в обращении шло вразрез со стратегией сдерживания и снижения цен, порождало нехватку продуктов. Инфляционное поощрение спроса, за которым не поспевало предложение, при малоподвижных ценах разрушало рыночное равновесие. Проблема сбыта продукции сменилась проблемой приобретения нужных товаров. Рыночный механизм переключился в режим дефицитного регулирования, теряя свою эффективность.

Изучая сложившуюся ситуацию, экономисты выделяли ее нелицеприятные черты. Знаками бестоварья были многолюдные очереди в лавках, отпуск товара отдельному покупателю в нормированном количестве, отсутствие в продаже, особенно в деревне, наиболее ходких товаров и

т.д.⁷¹ В оптовой торговле снижение цен сопровождалось ухудшением качества промышленных изделий и нередкими переходами из одного сорта в другой. При уменьшении цен в рознице также наблюдалось ухудшение качества товаров, взимание платы за тару и прочие ухищрения торговцев. Чувствительный отрыв вольных цен от государственно-кооперативных вдохновлял предприимчивых дельцов на спекулятивную перекупку товаров⁷².

Яркий пример изменения качества фабрикатов при повальном продуктовом дефиците - текстильное производство. В 1925/26 г. из-за недостатка сырья и неугомонного спроса на ткани было произведено утонение пряжи. От этого потребительские свойства текстиля снизились. В довоенное время льняные ткани носились годами, теперь они выдерживали 1 - 2 сезона. Понижение качества увеличило объем потребностей, ибо спрос на обновление обветшавшей одежды появлялся раньше прежнего. Утрата качества изделий оборачивалась количественными потерями⁷³.

Таким образом, осенью 1925 г. товарный голод распространился по всему рыночному пространству СССР. Бестоварье захватило розничный и оптовый оборот, из торговли промышленными изделиями перекинулось на закупки продуктов сельского хозяйства. Политика регулирования цен в сочетании с кредитным бумом множила препятствия на пути товародвижения, плохо управлялась с балансированием спроса и предложения.

* * *

Об особенностях плановых цен и новом режиме функционирования рыночного механизма рассуждали ученые. С.М. Киселев писал, что рыночная цена перестала быть следствием непосредственной рыночной борьбы и самостоятельно регулировать спрос и предложение. Она превратилась в орудие планового распределения ресурсов. Поэтому нарушение рыночного равновесия не может теперь автоматически отражаться на уровне цен. Во всяком случае, процесс этот будет значительно запаздывать.

По мнению автора, прекращение действия ценового клапана "должно естественно приводить у нас при нарушении рыночного равновесия к более острым проявлениям разрыва между объемом товарного предложения и спроса, т.е. выражаться или в быстром росте нереализуемых товарных запасов, или же, наоборот, в усилении товарного голода"⁷⁴. Так как уровень цен потерял свою чуткость, то вместо него показателями текущей рыночной конъюнктуры становились размеры товарных запасов и состояние денежно-кредитной системы.

На другой аспект распределительной функции цены в рамках государственного предпринимательства направлял внимание экономической мысли С.Г. Струмилин. Он считал, что в советском хозяйстве, которое само диктует рынку цены на свои продукты, понятие "рентабельность", как общепринятый синоним прибыльности, теряет свое контролирующее значение. По убеждению экономиста, мерой рентабельности и возможного накопления в промышленности может быть только норма прибавочного продукта, и ни в коем случае не норма прибыли⁷⁵. В прибавочный продукт автор размышлений включал кроме прибыли все налоговые платежи предприятий, относимые на счет накладных расходов. Обоснование своей точки зрения С.Г. Струмилин иллюстрировал данными таблицы 4.33.

У советского государственного аппарата как хозяина предприятий не было такой неизбежной жажды получения прибыли, как у индивидуальных предпринимателей. Большую часть платежей предприятий в казну представляли налоговые сборы, которые включались в издержки производства и сбыта. В калькуляции себестоимости промышленных товаров учитывались: патентный, уравнивательный, гербовый, нотариальный, биржевой сборы, пошлины, рента, акцизы и т.п. Налоговые и рентные платежи в бюджет, списываемые на затраты фабрик и заводов, в 4 раза превышали прямые отчисления в фонд казначейства из прибылей предприятий. Наибольший удельный вес в государственных доходах от промышленности занимали акцизы - 66%⁷⁶. Поскольку государство в основном утоляло свой фискальный аппетит, минуя прибыль собственных трестов и синдикатов, постольку у него отсутствовала сильная заинтересованность в увеличении их доходов посредством подъема цен. Поэтому правительство спокойно проводило

политику стабильных и понижавшихся цен в казенной индустрии и торговле, не боясь обеднеть.

Таблица 4.33

Стоимость продукции, налоги и прибыль отраслей промышленности в 1925/26 г.

Отрасли промышленности	Стоимость продукции по отпускным ценам, млн. руб.	Сумма налогов, акцизов и прочих платежей в составе себестоимости продукции		Сумма прибыли	
		млн. руб.	в % к стоимости продукции	млн. руб.	в % к стоимости продукции
Текстильная	1 450,8	116,1	8,0	209,9	14,4
Металлургия	830,4	26,6	3,2	33,4	3,9
Сахарная	583,7	257,4	44,1	42,4	7,1
Пищевая	544,9	379,8	69,7	38,1	7,0
Нефтяная	313,9	29,5	9,4	56,9	17,9
Угольная	265,0	15,3	5,8	13,5	5,1
Химическая	212,4	14,9	7,0	29,5	13,9
Электротехническая	138,7	7,1	5,1	21,9	15,1
Лесная	94,9	32,8	34,6	4,3	4,5
Бумажная	68,3	4,3	6,3	4,8	7,0
Итого:	4 503,0	884,3	19,6	455,1	10,1

Рассчитано по данным: Струмилин С.Г. Процессы ценообразования в СССР // Плановое хозяйство. 1928. № 7. С. 53.

Те же мотивы поведения в значительной мере объясняли чересчур широкий интервал разброса нормы прибыли - последнего параметра таблицы 4.33 - в отпускной цене товаров. Максимальное отношение - в нефтяной промышленности - более чем вчетверо превосходило наименьший показатель - в металлургии. Следовательно, норме прибыли было отказано в исполнении роли критерия рыночной эффективности производства.

Власть требовала наращивать доходы индустрии в пределах установленных цен путем снижения себестоимости изготовления продукции. Центральное хозяйственное руководство не одобряло стремление трестов к завышению цен ради увеличения прибыли. Игра “не стоила свеч”. Прирост платежей из прибыли за счет вздутия цен не компенсировал бы общих потерь бюджета от обесценения всех денежных доходов в результате инфляционного падения национальной валюты. В этом смысле, твердый рубль был важнее высокой рентабельности.

Однако в сентябре 1925 г. все индексы цен дружно поползли в гору. Необузданная денежная эмиссия довела товарный голод до такого отчаяния, что никакие меры регулирования не смогли удержать сорвавшиеся с места цены. Подъем цен оказался затяжным, ибо наплыв “горячих” кредитных денег в обращение не иссякал до нового года.

Инфляционная волна наложила на действие производственно-технологических факторов. “Восстановительная экспансия” индустрии вызвала к жизни процессы, увеличивавшие затраты предприятий: пуск старого оборудования, найм менее квалифицированного персонала, повышение заработной платы, замедление роста производительности труда и объемов выпуска готовых изделий. Подъем товарных цен заставил производителей больше расходовать средств на оплату сырья, материалов, топлива и т.д. Появились симптомы инфляции издержек.

Увеличение себестоимости изготовления продукции со своей стороны толкало дальше вверх цены изделий. Взаимоподдерживающее движение вверх цен и издержек, будучи следствием избыточного кредитования промышленности, длилось 8 месяцев. С сентября 1925 г. по май 1926 г. общий индекс оптовых цен вырос на 13,9%, а общий индекс частной розничной торговли - на 20,2%. Быстрее прочих росли цены сельскохозяйственных товаров: оптовые цены поднялись на 22,6%, розничные - на 21,1%. Сказалось нежелание крестьян продавать свои продукты.

Ухудшение макроэкономической ситуации в Советском Союзе было всеобъемлющим. В подтверждение тому довольно назвать глобальные нарушения: рост и расхождение индексов цен, падение покупательной способности червонца, углубление диспропорций между спросом

и предложением товаров, потеря темпов экономического роста из-за ослабления торговых связей города и села и уменьшения объема экспортно-импортных сделок.

В условиях распространения бестоварья и неденежного накопления деревни инструменты кредитной и денежной политики, ранее гарантировавшие подъем отечественного хозяйства, переставали действовать. В объяснении случившегося интересны два момента. Первый факт - банковская сеть в принципе не могла аккумулировать натуральные накопления сельского капитала. Второе обстоятельство подметил Н.Д. Кондратьев, говоря о том, что в период массовых хлебозаготовок часть выданных в ссуду червонцев не покидала стены банков, а прилиwała в коммерческие вклады. Это свидетельствовало о переполнении оборота рублями и несоответствии товарной массы денежному обращению. Экономист истолковывал происходившее так: "...средства, которые идут в виде учетно-ссудных операций на финансирование хлебозаготовок, притекают обратно в банк, потому что хлебозаготовительные организации не могут использовать все эти средства. Организации, которые ведут операции с промышленными товарами, не могут использовать средства вследствие недостатка товаров"⁷⁷.

Положение становилось критическим. И вполне обоснованно товарный голод 1925 года Н.Д. Кондратьев сравнивал с двумя другими узловыми пунктами в истории нэпа. Он утверждал: "На основе опыта ближайшего прошедшего времени легко установить, что все крупные изменения в направлении нашей экономической политики были всегда связаны с конфликтами между индустрией и сельским хозяйством, между городом и деревней. Если не упоминать самого факта перехода к новой экономической политике, то достаточно указать на осень 1923 г., когда расхождение цен промышленных и сельскохозяйственных товаров и относительное обесценение последних достигло высшей точки"⁷⁸.

В сложившейся обстановке правительство пошло на попятную. В третий раз с 1921 г. государственное предпринимательство уступило не только объективной логике событий, но и крестьянству. В третий раз за пять лет новая экономическая политика закономерно совершила зигзаг, начертив очередной узор своих мероприятий.

* * *

Кредитная экспансия сменилась рестрикцией - ограничением. В первой половине 1926 г. осуществлялось сокращение учетно-ссудных операций банков и сжатие наличной денежной массы. Но лишь к лету выдохся инфляционный всплеск цен и спало напряжение товарного спроса. Ценовое регулирование обрело долгожданное подкрепление эмиссионной политики.

По этому поводу верно писал Н. Шапошников: "когда потребность в товаре не насыщена и предложение не может быть увеличено соразмерно росту спроса, декретирование определенного снижения цен является недостаточным... В этих случаях, помимо прямого установления продажных цен, необходимо косвенное воздействие на цены путем ослабления денежной мощи потребительского спроса"⁷⁹. По мнению специалиста, с точки зрения снижения цен важна не стоимость, а объем кредита. Процентная ставка и расходы по оплате банковских кредитов настолько ничтожны, что почти не отражаются на ценах промышленных товаров⁸⁰. Именно изменение размеров кредитования ощутимо влияло на ценообразование.

Строгая кредитно-денежная политика позволила "заморозить" общий уровень цен частной торговли в 1926/27 г. и добиться понижения цен в оптовом и обобщественном розничном обороте. Индекс оптовых цен в октябре 1927 г. спустился почти до январской отметки 1924 г., т.е. до предреформенного уровня. Индекс же частных розничных цен стоял выше исходной черты на 32,2%. Отрыв розничных цен от оптовых говорил о сохранявшейся несбалансированности рыночных параметров отечественного хозяйства.

В целом результаты мероприятий по регулированию цен и эмиссии платежных средств в течение 1924 - 1927 гг. были противоречивыми. На такое умозаключение наводит изучение таблицы 4.34. С одной стороны, правительству удалось существенно расширить торговый оборот, наполняя его деньгами. Банковский кредит выступал надежной подпоркой экономического подъема. С другой стороны, неумная активность государственного пред-

принимательства в денежно-кредитной сфере вызывала инфляцию, которая нанесла огромный ущерб советскому хозяйству.

Таблица 4.34

Размеры и ценность бумажной денежной массы в 1924 - 1927 гг.

Дата	Номинальная сумма бумажных денег в обращении, тыс. руб.	Реальная ценность бумажной денежной массы, исчисленная по индексу оптовых цен, тыс. руб.	Изменение реальной ценности бумажной денежной массы, исчисленной по индексу оптовых цен, "+" прирост, "-" убыль, %	Реальная ценность бумажной денежной массы, исчисленная по индексу розничных цен частной торговли, тыс. руб.	Изменение реальной ценности бумажной денежной массы, исчисленной по индексу розничных цен частной торговли, "+" прирост, "-" убыль, %
1924 г.					
январь	321 947	190 501	-	178 859	-
апрель	383 486	213 047	12,8	185 259	3,6
июль	463 942	274 522	28,9	220 925	19,3
октябрь	577 555	352 168	28,3	280 366	26,9
1925 г.					
январь	667 808	388 260	11,2	325 760	16,2
апрель	741 755	382 863	- 1,4	342 283	5,1
июль	729 416	387 987	1,3	384 594	- 2,2
октябрь	999 964	574 692	48,1	465 099	39,0
1926 г.					
январь	1 119 733	611 876	6,5	495 457	6,5
апрель	1 053 733	537 619	- 12,1	437 234	- 11,8
июль	1 060 357	579 430	7,8	449 304	2,8
октябрь	1 181 314	659 952	13,9	513 615	14,3
1927 г.					
январь	1 239 665	700 376	6,1	527 517	2,7
апрель	1 173 145	662 792	- 5,4	492 918	- 6,6

Рассчитано по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 378, 379, 380; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 346, 362, 370.

С января 1924 г. по апрель 1927 г. номинальная ценность бумажных денег в обращении увеличилась с 321,9 млн. руб. до 1 173,1 млн. руб., или в 3,64 раза. Реальная же ценность циркулировавших бумажных рублей, исчисленная по индексу оптовых цен, возросла с 190,5 млн. руб. до 662,8 млн. руб., или в 3,48 раза, а исчисленная по индексу цен частной розничной торговли, возросла с 178,9 млн. руб. до 492,9 млн. руб., или в 2,76 раза. Номинальному приросту бумажной наличности в сумме 851,2 млн. руб. соответствовали приросты реальной ценности денежной массы в объеме 472,3 млн. руб., при корректировке по индексу оптовых цен, и в размере 314,1 млн. руб., при пересчете по индексу розничных цен частной торговли. Стало быть, излишняя эмиссия денег обернулась потерей их ценности минимум на сумму 158,2 млн. руб.

Проблема накопления капитала частично решалась при помощи развертывания учетно-ссудных операций банков. Но темпы развития кредитной сети заметно сдали к 1927 г. вместе с замедлением общего роста российской экономики. Это подтверждает тенденция к уменьшению поквартальных приростов реальной ценности рублевой массы, которая явно обнаружилась после 1925 г.

Осторожная кредитно-денежная политика в 1926 г. - начале 1927 г. "погасила пожар" товарного голода, стабилизировала цены, но не справилась с задачей, стоявшей с лета 1924 г. Она не смогла вернуть покупательную силу червонца к дореформенному уровню. За три года нэпа твердая валюта так и не обрела утраченной трети своей ценности.

* * *

Кредитно-денежная политика тесно переплеталась с государственным регулированием внешних экономических связей СССР: объемов и режима осуществления экспортных и импортных торговых операций; обращения иностранных валют на советской территории; обменного курса червонца на деньги чужих стран; золото-валютных резервов банковской системы и пр. Возвращение нашей державы на мировой рынок в годы нэпа было необходимым условием восстановления разрушенного отечественного хозяйства и укрепления его индустриальной мощи. О проблемах, возникавших при подключении России вновь, после войн и революций, к международному разделению труда, размышляли экономисты - современники событий Л.Н. Юровский, Т. Энгеев, Н.Д. Кондратьев, Д.А. Лоевецкий и другие.

В центре внимания специалистов находилось посредствующее звено рыночных сделок - банковский червонец, который обслуживал взаимные платежи предприятий и организаций с зарубежными партнерами. Для выполнения функции меры стоимости товаров и услуг в международных расчетах советская банкнота приравнивалась в определенной пропорции к твердым валютам, прежде всего к американскому доллару, английскому фунту стерлингов, т.е. получала курсовую оценку.

Курс валюты - это цена национальной денежной единицы (данной суммы денег), выраженная в деньгах другого государства. Цена валюты, как и всяких благ, складывается под воздействием спроса и предложения заграничных денежных знаков. Эти рыночные параметры формируются в процессах оплаты ввоза, вывоза продуктов и оказания услуг, движения капиталов и сбережений граждан между государствами, накопления и продажи населением зарубежной валюты, расчетов по займам, долгам и прочим обязательствам правительственных и частных хозяйственных структур разных стран. Валютный курс и платежный оборот традиционно регламентируются государственной властью, ибо они затрагивают общенациональные интересы и суверенитет. Каждое правительство проводит свою внешнеэкономическую политику с учетом исторической специфики переживаемого периода.

Российская экономика эпохи нэпа, с одной стороны, являла собой объективные предпосылки, с которыми принуждено было мириться высшее руководство и сообразовывать линию управления делами. С другой стороны, она была поприщем приложения сил партии большевиков, озабоченной реформированием хозяйственного строя державы.

Великие потрясения 1917 - 1921 гг. переиначили структуру нашего общества, перекроили или порвали почти все торгово-экономические связи России с заграницей. Возобновление внешнего товарообмена не могло идти по пути простого воспроизведения утраченного. На опустевшее место российского экспорта водворились иностранные конкуренты. Надо было отвоевывать или сызнова "вырубать" собственную "нишу" на мировом рынке. Чтобы обосноваться на международной арене, следовало наращивать отечественное производство и экспортный потенциал. Увы, разваленное гражданской войной хозяйственное наследство исключало возможность быстрого возвращения "на круги своя". Изменился и режим внешнеэкономической деятельности в силу внутренних обстоятельств: введения монополии внешней торговли, устранения частных предприятий и лиц от заключения сделок купли-продажи с зарубежными поставителями, огосударствления банковской сети и т.п.

Кроме упомянутых неурядиц появились специфические политико-экономические проблемы из-за отказа победителей октябрьской революции платить по долгам побежденных предшественников перед иностранцами. Аннулирование задолженности спровоцировало неприятие СССР в качестве равноправного партнера в торговле и кредитовании ведущими странами.

Денонсация в одностороннем порядке долговых обязательств и национализация предприятий перспективных отраслей возвели неодолимые преграды для свободных, масштабных вложений иностранного капитала в Советский Союз. Поскольку иссяк поток европейских инвестиций, питавший Россию на стыке веков, и соответственно прекратился обратный отлив выплат кредиторам, постольку весь платежный баланс страны в 20-е годы практически свелся к внешнеторговому обороту. Некоммерческие статьи занимали тогда скромную позицию.

Советский червонец крутился в основном в двух сферах валютных отношений. Он обслуживал внешнюю торговлю, которую вели казенные и кооперативные организации в режиме государственной монополии, и частный обмен иностранной валюты в целях ее тезаврации - накопления ценностей на руках у граждан не в рублях, а в долларах, фунтах стерлингов.

Развитие государственного предпринимательства в области внешнехозяйственного оборота за годы нэпа прошло несколько этапов. Известное представление о них дает таблица 4.35.

Таблица 4.35

Индексы оптовых цен и курсы валют СССР и США в 1923 - 1926 гг.

Дата	Индекс оптовых цен Госплана СССР, 1913 г.=100	Индекс оптовых цен Бюро статистики США, 1913 г.=100	Паритет покупательной силы, рублей за 1 доллар	Курс доллара на Московской бирже, рублей за 1 доллар	Отклонение курса рубля от паритета покупательной силы, %; "+" переоценка, "-" недооценка
1923 г.					
январь	-	-	1,75	2,16	- 19,0
февраль	-	-	1,93	1,92	0,5
март	-	-	1,90	1,92	- 1,0
апрель	-	-	1,80	2,23	- 19,3
май	-	-	1,82	2,59	- 29,7
июнь	-	-	1,87	2,14	- 12,6
июль	145	151	1,87	2,07	- 9,7
август	158	150	2,05	2,09	- 1,9
сентябрь	157	154	1,98	2,08	- 4,8
октябрь	157	153	2,00	2,01	- 0,5
ноябрь	149	152	1,91	2,13	- 10,3
декабрь	157	151	2,02	2,19	- 7,8
1924 г.					
январь	169	151	2,18	2,20	- 1,0
февраль	186	152	2,38	2,17	9,7
март	193	150	2,50	2,11	18,5
апрель	180	148	2,37	1,95	21,5
май	175	147	2,32	1,95	19,0
июнь	166	145	2,23	1,95	14,4
1925 г.					
апрель	194	156	2,42	1,95	24,1
июль	188	169	2,16	1,95	10,8
август	175	160	2,13	1,95	9,2
сентябрь	173	160	2,10	1,95	7,6
октябрь	174	158	2,14	1,95	9,7
ноябрь	175	158	2,15	1,95	10,3
декабрь	179	156	2,23	1,95	14,4
1926 г.					
январь	183	156	2,28	1,95	16,9
февраль	190	155	2,38	1,95	22,1
март	194	152	2,48	1,95	27,2
апрель	196	151	2,52	1,95	29,2
июль	183	151	2,36	1,95	21,0
октябрь	179	150	2,32	1,95	19,3

Рассчитано по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 378, 379, 380; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 235, 236, 338, 348, 360, 369.

По динамике отклонений валютного курса червонца от паритета его покупательной силы можно судить о преобладавших тенденциях. Паритет подсчитывался как соотношение индексов оптовых цен СССР и США, умноженное на золотое (монетное) содержание доллара, равное 1 руб. 94,5 коп. или, округленно - 1,95 руб. Приведенные расчеты не претендуют на высокую точность, и при их анализе нельзя упускать из виду оговорки, о которых писал Л.Н. Юровский⁸¹. В частности, необходимо помнить о разных методиках определения национальных индексов оптовых цен, о временном отстоянии от 1913 г. Поэтому соотношение более чем десятилетней давности принимается за норму условно.

Первый период движения курса червонного рубля в сопоставлении с американским долларом начался с обнародования новой валюты. В это время были подготовлены документы, заложившие законодательную базу валютной политики государства: постановление СНК от 20 октября 1922 г. о фондовых биржевых операциях; постановление ВЦИК и СНК от 15 февраля 1923 г. о валютных операциях; постановление ВЦИК и СНК от 19 апреля 1923 г. о порядке вывоза и перевода за границу валютных ценностей⁸².

Принципы построения законодательства гарантировали надежный государственный контроль валютных операций. В феврале 1923 г. было образовано Особое валютное совещание при Наркомфине с приглашением представителей Наркомвнешторга, ВСНХ, Госплана, Центросоюза, Комвнторга. Особое валютное совещание выдавало лицензии учреждениям и предприятиям на приобретение и вывоз иностранной валюты, на участие в биржевых торгах валютой.

Постановление от 15 февраля 1923 г. запретило использование золотой монеты и иностранной валюты в платежах на территории Союза ССР и официально утвердило котировку червонца в фондовом отделе Московской товарной биржи. Зарубежными деньгами дозволялось рассчитываться лишь с заграничными адресатами. Государственные и кооперативные организации обязаны были держать всю свою иностранную валюту на текущих счетах в кредитной сети. За Госбанком закреплялось право преимущественной покупки экспортной валюты. Экспортер, реализуя вырученную за вывезенные товары валюту, должен был сперва предложить ее по биржевому курсу центральному банку, а затем продавать прочим участникам торговли.

Валютные сделки между частными и юридическими лицами (организациями) объявлялись свободными при условии их свершения на бирже или в кредитных учреждениях. Это предписание не всегда исполнялось, но административные власти смотрели на нарушения снисходительно. Данный порядок действовал до 1926 г., когда все валютные операции стали допускаться особым разрешением. Беспрепятственный вывоз и перевод валюты за рубеж исчерпывался суммой 200 руб. один раз в два месяца с апреля 1923 г. и ежемесячно - с сентября 1924 г.⁸³ Сверх предельного количества деньги отправлялись “за кордон” для оплаты товара с согласия Наркомфина.

Замысел законодательных инициатив заключался в создании предпосылок сосредоточения максимального объема валюты в банковской системе. Исходя из этого, спрос предприятий ограничивался потребностями в долларах и фунтах стерлингов для закупки товаров в рамках импортного плана. Однако централизованное планирование внешней торговли в первые годы нэпа не сковывало рыночного поведения обладателей заграничных денежных знаков. Экспортеры и импортеры продавали и покупали иностранную валюту, запасали ее впрок или не торопились с реализацией, сообразуясь с конъюнктурой рынка и собственными ресурсами. Позднее, в 1926 г. был введен порядок, предусматривавший полную и немедленную сдачу экспортной выручки в банки и строгое распределение валюты между организациями по плану⁸⁴.

В 1923 г. наблюдался большой размах колебаний официального биржевого курса при его близости к вольному курсу. Совпадение курсовых тенденций определялось активным участием в торговле не только государственных и кооперативных заведений, но и частных лиц. Спрос граждан напрямую не зависел от состояния внешней торговли, поскольку они не соприкасались с ней, а диктовался иными мотивами. На желание людей пользоваться иностранными банкнотами и золотом для сохранности и приумножения личных сбережений влияло обращение червонцев. Ослабление покупательной способности рубля или появление сомнений по ее поводу вызывали увеличение спроса населения на доллары. Напротив, укрепление отечественных кредитных билетов сопровождалось преобладанием частного предложения драгоценного металла и американских, английских денежных купюр на продажу.

Первое полугодие с момента декретирования курс червонца был серьезно занижен в сравнении с паритетным. Публика еще не свыклась с новыми деньгами и поглядывала на них с опаской. До середины лета 1923 г. доллар был переоцененным, т.е. покупательная сила рубля стояла выше курса. Затем под воздействием Госбанка соотношение придвинулось к нормальному. В конце 1923 г. червонец был допущен к котировке на зарубежных биржах, что также повысило его привлекательность для индивидуальных сбережений. До начала денежной реформы курс банкнот поддерживался эмиссией совзнаков. В феврале 1924 г. “совзначная подпорка” исчезла и наша национальная валюта стала непосредственно сопоставляться с иностранными аналогами.

Госбанк старался накапливать резервные запасы благородных металлов и чужеземной валюты для регулирования курса рубля. О динамике валютных ресурсов главного банка СССР свидетельствуют нижеследующие данные: ⁸⁵

1 января 1923 г.	27,1 млн. руб.
1 октября 1923 г.	158,4 млн. руб.
1 октября 1924 г.	308,8 млн. руб.
1 октября 1925 г.	326,0 млн. руб.
1 октября 1926 г.	286,7 млн. руб.
1 мая 1927 г.	335,8 млн. руб.

Законодательное регламентирование валютных операций облегчило Госбанку пополнение хранилищ драгоценностями и твердыми валютами. Большая часть этих накоплений передавалась в распоряжение эмиссионного отдела на обеспечение выпуска кредитных билетов. Изменение золото-валютного резервирования банковской эмиссии видно по данным таблицы 4.36.

Таблица 4.36

Резервы драгоценных металлов и иностранной валюты эмиссионного отдела Госбанка в 1923 - 1927 гг., млн. руб.

Дата	Золото	Серебро	Платина	Иностранная валюта	Всего
1923 г.					
октябрь	85,6 *	-	-	34,1	119,7
1924 г.					
январь	87,5	1,1	-	54,9	143,5
апрель	87,8	1,1	7,2	77,4	173,6
июль	92,7	1,1	7,4	100,1	210,3
октябрь	131,4	-	7,4	100,2	239,0
1925 г.					
январь	142,0	-	13,0	98,2	253,6
апрель	168,9	-	17,0	68,3	254,1
июль	169,1	-	23,7	48,9	241,7
октябрь	184,8	-	31,8	46,8	263,4
1926 г.					
январь	182,4	-	33,7	48,9	265,0
апрель	147,5	-	30,4	50,4	228,3
июль	146,8	-	30,4	50,3	227,5
октябрь	153,3	-	30,6	51,2	235,1
1927 г.					
январь	164,4	-	30,4	60,4	255,2
апрель	165,9	-	30,4	83,7	280,0
июль	166,8	-	18,5	83,8	269,1

* стоимость металлического обеспечения

Составлено по данным: Соболев М.Н. Итоги и перспективы кредита // Кредит и хозяйство. 1927. № 10 - 11. С. 26; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 345, 361, 370.

В 1924 г. произошло снижение курса доллара. На 1 апреля он сравнялся с уровнем монетного паритета к золотому червонцу в 1 руб. 94,5 коп. и замер на достигнутой черте. Курс вольного частного рынка скатился еще ниже - до 1 руб. 91 коп. и стоял на том до осени.

Цены свободного валютного рынка непроизвольно отреагировали на шаги Госбанка, который проводил в те же месяцы сдерживание новой эмиссии, поправляя положение после кризиса сбыта промышленных изделий. Центральное кредитное ведомство пренебрегало скупкой ручки экспортеров, ибо вместо нее в оборот отправились бы червонцы, т.е. имел бы место ничемный выпуск российских денег.

“Между тем, - писал Л.Н. Юровский, - приток иностранной валюты от экспорта был в начале 1924 г. сравнительно высок, и как раз в начале 1924 г. поступали из-за границы платежи за хлеб и сельскохозяйственное сырье. Госбанк отказывался принимать некоторые предложения о

покупке иностранной валюты, как чеками на иностранные банки, так и наличными банкнотами. Достаточно было нескольких случаев отказа для того, чтобы создать среди держателей валюты настроение неуверенности в том, что ее возможно во всякое время реализовать. Такое настроение тотчас же усилило предложение и в частности вызвало стремление обменять на червонцы наличные банкноты, которые в довольно значительном количестве имелись у населения. Судьба золота оказалась такою же, как и судьба иностранных банкнот. В периодической литературе этого времени появился для обозначения создавшегося положения не очень удачный термин “валютная инфляция”⁸⁶.

Курс червонца, дойдя до золотого паритета, перевалил за него. Так в 1924 г. наметилась долгосрочная тенденция к завышению валютного курса рубля, которая в дальнейшем стала причиной многих неполадок в отечественном хозяйстве. Подъем цен после денежной реформы должен был бы по правилам рыночного регулирования привести к уменьшению валютной котировки червонного рубля, но сего не случилось. Курс остался стабильным, и поддержание золотого паритета мало-помалу отлилось в форму принципа государственной валютной политики. Руководство страны сочло более целесообразным стремиться к снижению внутренних цен. Однако задуманная стратегия успехом не увенчалась. Индексы цен упорно сопротивлялись падению.

Несмотря на отклонение от паритета покупательной силы валютный курс червонца пребывал в стабильном состоянии и на бирже, и в частных сделках до июля 1925 г. Решающим фактором спокойствия валютного рынка была умеренно активная кредитно-денежная политика правительства. Но постепенно “валютная инфляция” сменилась превышением частного спроса на “чужие” деньги над их предложением. В апреле 1925 г. произошел первый всплеск валютного спроса. За месяц Госбанк продал золота и иностранных банкнот на 4 с лишним миллиона рублей больше, чем купил⁸⁷. Отмеченное событие оказалось симптоматичным в развитии госпредпринимательства в сфере внешнехозяйственной деятельности. Оно констатировало надлом положительной тенденции укрепления рубля в качестве конвертируемой валюты⁸⁸.

Вероятно, поводом к тезаврации “желтого” металла и долларов послужил рост цен, который воспринимался как инфляция червонца. Индекс оптовых цен в апреле 1925 г. добрался до своего пикового уровня. Ситуация на всесоюзном рынке осложнилась из-за того, что Госбанк не произвел обычного весеннего сокращения денежной массы. Незыблительный из обращения избыток кредитных билетов сыграл роль наносящей вред, дополнительной эмиссии. Именно с той поры на поддержание курса червонца надо было постоянно расходовать золото и иностранную валюту.

Возросшая нагрузка отразилась на резервах Госбанка. До января 1925 г. валютно-металлические ресурсы эмиссионного отдела неумолимо накапливались. Потом их рост приостановился, а с апреля началось уменьшение. Государственная власть откликнулась на перемены конъюнктуры административно-хозяйственными мерами. С весны 1925 г. торговля граждан золотом и иностранной валютой была сведена до минимума, и вольный валютный рынок почти прекратил существование. Запреты повлекли за собой раздвоение цен на доллары и подняли курс частных сделок выше официальной котировки.

В том же году сузилось пространство валютных торгов в обобщественном секторе экономики. Право на ведение операций с иноземными деньгами сохранила малочисленная группа уполномоченных банков. Эти избранные кредитные учреждения улаживали валютные дела с государственными и кооперативными организациями.

Частная купля-продажа зарубежных банкнот и золота, конечно, влияла на условия конвертируемости червонца, но она скорее была индикатором равновесия валютного рынка Советского Союза, чем определяющей причиной динамики курсов и банковских валютно-металлических запасов. Главным субъектом регулирования валютного оборота в стране было государственное предпринимательство. Опираясь на монополию внешней торговли, хозяйственное руководство директивно устанавливало размеры ввоза и вывоза товаров. При составлении импортных и экспортных контингентов учитывались прикидки, сколько придется выплачивать денежных средств за поставляемую иностранную продукцию и сколько можно будет выручить валюты от продажи отечественных изделий за рубежом в тот же период времени. Подобные подсчеты создавали предпосылки выравнивания баланса платежей.

Специфику внешнехозяйственной деятельности в СССР анализировали экономисты, выделяя ее преимущества и слабости. Так, Т. Энгеев писал: “Существование у нас монополии внешней торговли означает, однако, не только государственное регулирование внешней торговли, но также и проведение почти всех внешнеторговых операций государственным торговым аппаратом. В этих условиях сила регулирующего государственного влияния на платежный оборот должна быть особенно значительна. Стремясь, например, усилить поступления платежей в страну, государство, при существующем у нас режиме монополии внешней торговли, может, не ограничиваясь побуждением торгующих организаций к экспорту товаров, прибегнуть к реализации товаров по пониженным ценам и нести при этом убытки”⁸⁹.

Автор подчеркивал отличие нашей практики от других стран, где внешнехозяйственные сделки осуществляются, как правило, предпринимателями и предприятиями на свой счет и риск. Невыполнение этими субъектами собственных обязательств не затрагивает кредитоспособности государства. Советский же госаппарат отвечал за своевременность и аккуратность расчетов подчиненных ему организаций. Поэтому правительство большевиков проявляло неусыпный интерес к платежному балансу экспорта и импорта, к обменному курсу червонца. Ведь от валютной котировки российской банкноты теряло или выигрывало само государство в лице казенных предприятий и учреждений, участвовавших во внешней торговле⁹⁰.

Л.Н. Юровский отмечал, что лицензирование экспортно-импортных операций, подкрепленное разрешительным порядком покупки и перевода за границу валюты, является могущественным орудием регулирования спроса на иностранную валюту, а следовательно и валютных курсов⁹¹. Тем не менее, использование мощных рычагов управления хозяйственными связями с окружающими странами не гарантировало ожидаемого успеха. Тому были разные объяснения. Прежде всего, многое зависело от перепадов конъюнктуры международного рынка, неподвластных ВСНХ и Госплану. Колебания мировых цен могли ухудшать условия нашей торговли и препятствовать достижению целей государственной политики.

Внутри Советского Союза казенный сектор хоть и занимал господствующее положение, но не охватывал полностью многоукладную экономику. Традиционный источник экспорта и иностранной валюты - сельское хозяйство представляло собой мелкотоварный уклад, где царил стихия конкурентного рынка, а централизованное регулирование сталкивалось с огромными трудностями. Проблемы в движении товаров и конвертировании валюты порождались и рассогласованностью между отдельными сферами государственного предпринимательства, в частности кредитно-денежным оборотом, ценообразованием, планированием крупного промышленного производства.

Наконец, веское слово сказало стечение конкретных исторических обстоятельств. Россия вступила в полосу нэпа после катастрофической хозяйственной разрухи и коренной ломки социальной структуры. Более десяти лет в державе не вкладывался капитал в обновление фабрик и заводов, в освоение передовых технологий. Экономика восстанавливалась на устаревшем техническом базисе, что неотвратимо вело к потере конкурентных позиций в международном разделении труда, возводило преграды на пути развертывания внешнеэкономических отношений. Темпы роста заграничной торговли СССР показаны в таблице 4.37.

Таблица 4.37

**Показатели внешней торговли России в 1909 - 1913 гг. и СССР в 1923 - 1926 гг.,
млн. золотых руб. (по довоенным ценам)**

Годы	Экспорт	Импорт	Баланс:	
			“+” положительный, превышение экспорта над импортом;	“-” отрицательный, превышение импорта над экспортом
В среднем за 1909 - 1913	1 501,4	1 139,7	+ 361,7	
1923	224,6	201,5	+ 23,1	
1924	335,0	254,6	+ 80,4	
1925	418,5	473,0	- 54,5	
1926	507,2	440,6	+ 66,6	

Составлено по данным: Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 179.

В 1926 г. экспорт составлял 33,8%, а импорт - 38,7% довоенного уровня. Такими объемами торговала Россия с иностранцами в 80-х годах XIX века⁹². В глаза бросалась неадекватность развития внешнеэкономических связей темпам восстановительного подъема производства, которое в том же году вплотную приблизилось к показателю 1913 г.

Известным оправданием вялых темпов возрождения торгового оборота с соседними странами служил тот факт, что в дореволюционной России форсированным экспортом покрывались солидные платежи процентов по внешним долгам государственной власти, казенных железных дорог и частных предприятий. Большевики “очистили” от этих переводов денег расчетный баланс и освободились от необходимости значительного превышения экспорта над импортом.

Становление внешней торговли Советского Союза шло под перекрестным воздействием мероприятий государственного предпринимательства. Так, поощрение ускоренного подъема индустрии в 1925 г. потребовало расширения импорта. Набиравшая мощь промышленность нуждалась в дополнительном ввозе сырья и оборудования. Резко увеличился городской спрос на иностранные продукты: готовые фабрично-заводские изделия и продовольствие. Понадобился завоз муки в крупные центры для снижения цен и снабжения хлебом населения после неурожая 1924 г. Текущие расходы валюты превысили ее поступление от экспортных операций. Поэтому валютные ресурсы кредитной системы в середине 1925 г. дрогнули и обнаружили уменьшение. С января по июнь 1925 г. Госбанк компенсировал отток иностранных банкнот в размере 51 млн. руб. скупкой золота на 27 млн. руб. Платину же передало центральному банку из прежних запасов казначейства⁹³.

Сокращение золото-валютных резервов в условиях нарастающего спроса на импортные товары обострило летом 1925 г. проблему кредитования грядущих хлебозаготовок. Во избежание нежелательной эмиссии червонцев с июля месяца был опробован новый порядок выпуска в обращение казначейских билетов, о котором упоминалось ранее. Закупки продовольствия и сельскохозяйственного сырья финансировались банковскими кредитами на основе необеспеченных, бумажных “наркомфиновских” рублей. Щедрая раздача ссуд инициировала всеобщий рост цен и подкосила развитие и внутренней, и внешней торговли державы.

Кредитно-денежная политика затолкала страну в “топкую трясиину” товарного голода и инфляции. “Влипнув” в ситуацию бестоварья, деревня воздержалась от нормального предложения зерна на продажу. Даже подъем цен хлебного рынка выше прошлого, неурожайного года не преодолел сопротивления крестьян. Недовыполнение намеченных заданий хлебозаготовительной кампании сорвало план вывоза зерна. Но эта “пробоина” в экспортных прогнозах оказалась не единственной. Из-за падения мировых цен сделалась невыгодной поставка за рубеж ряда товаров, в том числе лесоматериалов.

Советская экономика времен нэпа отличалась высокими по сравнению с зарубежными конкурентами ценами, особенно на промышленные товары. За истекшие десять лет наша индустрия далеко отстала от ведущих стран по уровню техники, технологии, организации и производительности труда, качеству продукции и затратам на ее изготовление. Большие издержки производства препятствовали снижению цен отечественных товаров и вывозу их на внешние рынки, где продавались дешевые иностранные продукты.

Расширение оборота с зарубежными партнерами упиралось также в непомерные торговые издержки, которые раздували цены. Например, накладные расходы государственной и кооперативной торговли, связанные с вывозом зерна, более чем в два раза превосходили сумму затрат и прибыли оптовиков в начале 10-х годов XX века. Хотя по теории, централизация экспортного дела должна была бы уменьшить накладные расходы⁹⁴.

Неблагоприятные условия производства и торговли усугубила кредитная экспансия второй половины 1925 г. Она стимулировала рост внутренних оптовых цен на фоне снижения цен международных сделок. Сбыт в Европу важнейших сельскохозяйственных товаров - зерна, льна, коровьего (сливочного) масла - стал менее рентабельным и даже убыточным. При таком раскладе союзных и мировых цен гораздо прибыльнее шла реализация многих экспортных продуктов у себя дома, в частности керосина.

Неудовлетворительный вывоз товаров обернулся недостатчей иностранной валюты. Экспортная выручка за октябрь - декабрь 1925 г. едва превысила $\frac{1}{7}$ долю годового плана, вместо положенной для каждого квартала четверти⁹⁵. Оскудевший приток валюты доставил немало хлопот правительству. Пришлось оплачивать контракты на поставку зарубежных товаров крестьянского спроса, которые были взяты в кредит и завезены в преддверии хлебозаготовительного сезона для встречного обмена на зерно. Ведь государство несло ответственность за платежеспособность своих организаций перед коммерческими контрагентами.

Потребовался пересмотр импортного плана ввиду сокращения или отсрочки закупок продуктов на внешних рынках. Добиться сжатия спроса центральных ведомств и хозяйственных органов было непросто, поскольку прошедший 1924/25 год разогнал отечественную экономику по траектории крутого подъема. Если трестам отказывали в приобретении требуемых товаров за границей, то тем самым их вынуждали тормозить, а то и вовсе прерывать рост производства. Особое валютное совещание приложило немало усилий к поиску компромиссов при выдаче, приостановке и отзыве уже полученных лицензий на импортные сделки.

Недобор экспортной выручки оказался большим, нежели ограничение ввоза иностранных товаров. И банковская система закрывала возникавшие бреши во внешнеторговых платежах собственными резервами. Золото-валютные ресурсы Госбанка уменьшались с конца 1925 г. по осень 1926 г. В данный период до критического минимума упало обеспечение червонцев. Принцип резервной поддержки эмиссии банкнот был формально соблюден ценою перехода к облегченной процедуре выпуска казначейских рублей.

Удар кредитной экспансии вызвал больше разрушений в механизме регулирования внешней хозяйственной деятельности, чем в регуляторах внутреннего рынка СССР. Поступление излишних советских денег в обращение порождало одновременно противоположные процессы: уменьшение экспорта и предложения иностранной валюты и увеличение спроса на золото, доллары, фунты стерлингов и импортные товары. Дисбаланс между спросом и предложением твердых денежных купюр нарастал из-за фиксации завышенного обменного курса рубля. Низко расцененная относительно паритета иностранная валюта пользовалась хорошим спросом предприятий и частных лиц, который напряженно увеличивался с осени 1925 г. по мере раскручивания маховика “чисто бумажного” кредитования.

Наибольшие неприятности государственному управлению доставляло регулирование равновесия на частном валютном рынке. С августа 1925 г. ощутимо выросли затраты на стабилизацию курса червонца. Госбанк попал в заколдованный круг. Одной рукой он продавал валютные ценности, дабы ублажать потребности страждущих в иностранных денежных знаках, и покупал собственные избыточные банкноты, сберегая их курс. Другой рукой центральный банк державы умножал активные кредитные операции, эмитировал рубли, создавая предпосылки возобновления и расширения спроса на золото и иностранную валюту. Таким образом, факторы, заставлявшие расходовать драгоценности на поддержание обменного курса червонца, лишь усиливали свое проявление.

В январе 1926 г. растрата валютно-металлических ресурсов приняла угрожающий размер. Продолжение валютных “интервенций” - мероприятий по регулированию курса - превратилось для Госбанка в невыносимое бремя. Не хватало резервов на установление единого паритетного курса во всех сделках - на вольном валютном рынке и в монополизированной внешней торговле.

Спрос хозяйствующих субъектов на твердую валюту увеличивался вместе с удалением официальной котировки от ценового паритета. Ужесточение конкуренции с “частниками” побудило государство к решительным шагам, к вытеснению “посторонних” из круга пользователей заграничными купюрами. В марте 1926 г., когда отклонение курса от паритета докатилось до 30%, Госбанк положил конец интервенциям на внутреннем рынке. С этого момента иностранная валюта стала продаваться только организациям для внешнеторговых платежей и гражданам, выезжавшим за рубеж, в пределах объявленных норм.

Частный валютный обмен был отлучен от общего оборота ценностей, и его курс, быстро подскочив вверх, оторвался от официального. Предприимчивые люди, вникнув в новую ситуацию, повели арбитражные сделки, играя на раздвоении курсов вольного рынка и банковской сети. Они начали вывозить червонцы и предъявлять их к обмену на иностранных биржах, где

котировалась советская банкнота. Затем приобретенная твердая валюта ввозилась на территорию СССР и обращалась здесь опять в червонцы. Капитал предпринимателей прирастал за счет курсовой разницы ⁹⁶.

Оплата подобных финансовых махинаций стоила банковской системе приличных денег. Пресекая спекуляции, постановление ЦИК и СНК от 9 июля 1926 г. воспретило вывоз советской валюты за границу. Некоторое время спустя Госбанк предложил своим иностранным корреспондентам прекратить скупку его наличных банкнот и довольствоваться покупкой чеков ⁹⁷. Фактически сие означало отказ от зарубежной котировки червонца. Отечественное денежное хозяйство отгородилось от окружающего мира и замкнулось в себе. Изменился характер конвертирования бумажных денег в иностранную валюту. Связь банкнот с золотом и валютой стала более опосредованной.

Итоги сочетания экспансивной кредитно-денежной политики с политикой завышенного фиксированного обменного курса червонца выглядели малоутешительными. Разрушилась система свободного обмена национальной банкноты на кредитные деньги иностранных банков по рыночному курсу. Советский червонец утратил свойства конвертируемой валюты, котирующейся на зарубежных биржах. Во внешнеэкономической деятельности СССР получили преобладание натуральные параметры в ущерб ценовым и денежным. Плановое распределение иностранной валюты, возникнув как реакция на макроэкономические диспропорции, заменило механизм рыночного регулирования спроса и предложения. Ухудшился режим банковской эмиссии. Выпуск казначейской валюты на правах банкнот отворил настежь двери инфляционному кредитованию. Такая коренная перестройка денежной сферы, как показала история, имела необратимые последствия.

Приостановка в 1926 г. кредитной эмиссии и административное ограничение спроса на иностранную валюту не принесли ожидаемых положительных результатов. Отрыв завышенного обменного курса рубля от золотого паритета колебался вокруг отметки 20% на протяжении всего 1926 г. и первой половины 1927 г. Одной из причин сохранения сложившейся ситуации было понижение мировых цен параллельно оптовым ценам всесоюзного рынка. Единственным, но важным прогрессивным сдвигом было восполнение золото-валютных резервов Госбанка.

Специалисты пытались понять и теоретически объяснить содержание государственной валютной политики. Заслуживают внимания размышления Т. Энгеева: “Если государство покупает у своих организаций и продает им иностранную валюту по курсам, которые устанавливаются по его директивам, возникает вопрос о том, какова природа таких валютных курсов? Очевидно, что до тех пор, пока непосредственная взаимозависимость между курсами валюты - с одной стороны и состоянием платежного баланса в каждый данный момент - с другой остается нарушенной, устанавливаемые государством валютные курсы носят особый ... “расчетный” характер. Наши курсы, поскольку они устанавливаются при непосредственном участии государства, носят “расчетный” характер в той же мере, как и, например, цены на изделия государственной промышленности, реализуемые в государственном торговом предприятии” ⁹⁸.

Регулирование валютных курсов подчинялось интересам государственного предпринимательства. Завышенный курс червонца “облагал данью” экспортеров продукции и позволял накапливать золото и иностранную валюту в отечественной банковской сети. Заниженный курс доллара был выгоден импортирующим организациям. Такие пропорции помогали перераспределять ресурсы из аграрно-сырьевых отраслей в обрабатывающую промышленность.

Переоценка червонца действовала как экспортная пошлина,⁹⁹ которую уплачивали в первую очередь крестьяне в пользу промышленного импорта. Стало быть, политика в области развития внешнеэкономического оборота входила органической составной частью в систему казенного предпринимательства, ориентированного на ускоренное развитие современной отечественной промышленности.

* * *

Директива об индустриализации страны, озвученная XIV съездом ВКП(б) в декабре 1925 г., была знаковым событием. Она продемонстрировала, что уже не за горами окончание очередного этапа развития государственного и частного предпринимательства. Близился к завершению отрезок истории динамического равновесия между всеми хозяйственными укладами в отечественной экономике смешанного типа.

Периодизация новой экономической политики правительства большевиков в отношении частного хозяйствования, как и всякая логическая схема, имеет условное значение, но она помогает выявить характерные черты изучаемого предмета. Любопытна в этом смысле разбивка по срокам, предложенная Ю. Лариным в специальном теоретическом исследовании “Частный капитал в СССР”. Автор делил нэп на три фрагмента: первый период - с 1921 г. по 1923 г., второй период - с 1924 г. по 1926 г., третий период, начиная с 1927 г.¹⁰⁰

Важнейшим моментом первого временного интервала, по мнению экономиста, было накопление ресурсов в руках предприимчивых людей всеми доступными, в том числе и незаконными, “хищническими” способами. Второй период был отмечен “нормальной” работой частного капитала преимущественно на основе легальных коммерческих операций, а не на злоупотреблениях. Заключительный этап вскользь обозначался как “плановый подход” к вопросу о частном капитале, т.е. лишь как истечение предыдущего временного отрезка. Последняя краткость понятна, поскольку Ю. Ларин подготовил свой обзор и издал книгу в 1927 г.

Приведенную классификацию можно принять в качестве научной гипотезы. Она отражает существенные признаки нэпа. Впрочем, следует внести некоторые уточнения. О наступлении второго периода взаимоотношений государственного и частного предпринимательства свидетельствовали факты уже в 1923 г. В январе увидел свет декрет, запрещающий частным лицам выполнять посредническую торговлю между государственными учреждениями. А в апреле был подписан декрет о коммерческом расчете предприятий (трестов).

Этими двумя документами правительство констатировало прекращение периода “разбазаривания” казенных денег и имущества. Приостановился неконтролируемый перелив средств из государственного сектора в иные хозяйственные уклады. Государственное предпринимательство закончило стратегические маневры отступления перед частной инициативой. Стартовал этап их конкурентного противостояния.

При выяснении обстоятельств взаимодействия названных разнородных сил возникает проблема конкретизации понятий “частное хозяйство”, “частный капитал”. Экономисты тех лет в порядке вещей называли “частным” вообще всё негосударственное. Под это определение подходили и лица, привлекавшие на предприятие наемную рабочую силу, т.е. собственно капиталисты, и граждане, вкладывавшие в дело свои деньги, средства производства и труд. К “частникам” причисляли крестьян, торговцев, кустарей, ремесленников, владельцев и арендаторов предприятий.

Среди массы самостоятельного населения была известная градация по отраслям, объемам коммерческого оборота, размерам заведений и т.п. Она давала представление о месте той или иной группы в общественном разделении труда, ее положении на рынке, участии в конкуренции, о доходах и экономических интересах.

Так, промышленность делили на ценовую (крупную) и мелкую. К ценовым относили предприятия, где более 30 человек работали вручную или свыше 15 человек трудились с применением механического двигателя¹⁰¹. Торговые заведения распределялись по пяти разрядам: I разряд - базарная торговля, II разряд - мелочная рыночная торговля из палаток, III разряд - мелкая розничная торговля из палаток, IV разряд - мелкая полуоптовая и средняя розничная торговля, V разряд - оптовая и крупная полуоптовая и розничная торговля¹⁰².

Четкую границу в рубрикации частной хозяйственной деятельности провести нелегко. Пожалуй, принципиальное значение имели масштабы предпринимательства. Они определяли мотивы поведения. Сравнительно крупные промышленники и торговцы нацеливались на максимизацию прибыли посредством организации и рационализации бизнеса, снижения издержек. Хозяева, приглашавшие несколько наемных работников, мало чем отличались от граждан, довольствовавшихся индивидуальным трудом и стремлением увеличить свой валовой доход. Две указанные категории можно назвать частнокапиталистическим укладом и мелкотоварным укладом.

Аналогичные упрощения допускались и в трактовке термина “частный капитал”. Той поры специалисты обычно считали капиталом средства, которые принадлежали частным лицам и использовались для получения денежного дохода. Не все исследователи оговаривали особо признак применения наемной рабочей силы.

Надежные статистические данные об обращении частного капитала в годы нэпа отсутствовали. С большой долей условности можно принять к сведению “грубо ориентированные расчеты” накопления “капиталистической собственности”, выполненные Ю. Лариным. Они оформлены в виде таблицы 4.38

Таблица 4.38

Структура капиталистической собственности в 1921 - 1927 гг., млн. руб.

Дата	Торговый капитал	Промышленный капитал	Кредитный капитал	Всего
1 апреля 1921 г.	-	-	-	150
1 октября 1923 г.	-	-	-	350
1 октября 1924 г.	300	300	200	800
1 октября 1925 г.	400	350	250	1 000
1 октября 1926 г.	550	400	350	1 300
1 октября 1927 г.	700	450	450	1 600

Составлено по данным: Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.-Л., 1927. С. 287.

Цифры таблицы 4.38 достаточно достоверно описывают закономерности восстановительного процесса в нашей экономике и специфику функционирования частного предпринимательства. С 1924 г. прослеживалась тенденция к замедлению темпов накопления собственности в руках граждан. Одновременно уменьшалась доля частного капитала, вложенного в материальное производство, и увеличивался удельный вес его потоков в сфере товарно-денежного обращения.

Объективная логика истории вела российское хозяйство в направлении воссоздания довоенной структуры, в которой доминировала современная промышленность, действовал отлаженный механизм регулирования многоукладной экономики, главную роль в формировании предпосылок экономического роста играло государство. Послевоенный подъем должен был возродить: отраслевое и территориальное разделение труда, обеспечивавшее ускоренное развитие передовой индустрии; пирамиду социально-экономических укладов, венчаемую госсектором; набор регуляторов рыночных связей, состыковывавших отрасли, территории и уклады в органическое единство. Исторический вектор был обращен на всемерное упрочение казенного предпринимательства, которое располагалось наверху разносекторного хозяйства и заключало в себе некоммерческие организации и корпоративный уклад.

Однако дорога к предначертанной цели не была прямолинейной. К желанным рубежам страна возвращалась через столкновение интересов социальных сил. Их расклад определялся качественным состоянием отечественной экономики. Разрушения в эпоху военного коммунизма были столь огромны, что восполнение потерь шло этапами. Исходные условия преобразований были крайне неблагоприятны для госпредпринимательства, поэтому в путь к своему величию оно тронулось в обратном направлении, освобождая поле деятельности частному сектору. Запустить мощности многих казенных фабрик и заводов удалось лишь после возведения “фундамента” из отраслей ниже лежащих укладов.

Денационализация небольших предприятий и санкционирование индивидуальной коммерции позволили перемещать ресурсы в частнокапиталистический и мелкотоварный уклады. Расширение торговой сети и денежного обмена товарами содействовало увеличению платежеспособного спроса и приливу средств в соответствующие производства. На первом этапе деловая инициатива граждан вдохнула жизнь в многочисленные торговые и промышленные предприятия. Неплохую прибыль приносил выпуск предметов потребления, поскольку они охотно разбирались покупателями. Еще быстрее циркулировал капитал в торговле, одаривая высокими доходами своих владельцев. Особенно выгодными были посреднические операции по договорам с предприятиями и учреждениями казенного сектора.

По оценке Ю. Ларина, в 1921 - 1923 гг. не менее 80% частного капитала занималось обслуживанием государственного хозяйства: торговым продвижением продукции между государст-

венными производственными предприятиями, продвижением товаров от госпредприятий к потребителям, всевозможными заготовками для госорганов и выполнением для них же подрядов. Несомненным достоинством подобных операций было их кредитование из кармана государства в размере до 85% от всей суммы сделок¹⁰³.

Преимущественное вложение частных средств в торговлю объяснялось также и отсутствием твердой валюты. Возможность диктовать цены и приплюсовывать к ним страховые надбавки помогала компенсировать инфляционное обесценение капиталов. Комфортные обстоятельства способствовали обогащению и накоплению личной собственности оборотистых дельцов.

Государство ревниво взирало на доходы, проплывавшие мимо него. По мере увеличения средств в казенном секторе развевалась обобщественная оптовая и розничная торговая сеть. Частные посредники постепенно выпроваживались из внутригосударственного оборота и выдворялись из товаропотока от производителей к потребителям. Перелом в противостоянии частного и казенного предпринимательства произошел в середине 1923 г., когда переведенные на коммерческий расчет тресты показали свой контроль над рынком, раскрыв “ножницы цен”. С этого момента начался второй этап конкурентного сосуществования укладов в советской экономике.

Введение банковского червонца и денежная реформа создали предпосылки зрелой хозяйственной деятельности граждан - организации предприятий ценовой промышленности, оптовой торговли, биржевых операций, кредитования, сделок с золотом и иностранной валютой. До 1926 г. в СССР функционировала современная модель регуляторов рыночного механизма.

Успешно развивалась частная промышленность. За 1923 - 1925 гг. число частных ценовых предприятий увеличилось с 856 до 1 786, а количество рабочих на них возросло с 20,4 тыс. до 60,5 тыс.¹⁰⁴ Доля частников в общем объеме валовой промышленной продукции равнялась в 1924/25 г. - 23,7%, в 1925/26 г. - 27,1%, в 1926/27 г. - 25,6%, а удельный вес частных заведений в валовой продукции ценовой индустрии составлял в 1924/25 г. - 4%, в 1925/26 г. - 4%, в 1926/27 г. - 2,4%¹⁰⁵. В частной ценовой промышленности преобладали предприятия, эксплуатируемые гражданами на правах аренды. Такой порядок ведения дел в 1925 г. охватывал 70,7% предприятий. Остальные 29,3% заведений были частной собственностью владельцев. Фабрики и заводы, взятые в пользование по договору аренды, как правило, были мощнее собственных. На долю первых приходилось 75,5% рабочих и 80,8 % валовой продукции частной ценовой промышленности¹⁰⁶.

Арендные отношения были компромиссом, своеобразным сотрудничеством индивидуального и казенного предпринимательства. Граждане приобретали доступ к средствам производства и с относительно меньшими затратами капитала получали прибыль от организации промышленной и коммерческой деятельности предприятия. Государство не упускало из рук национализированное имущество и извлекало доход от передачи прав собственности. Через процедуру заключения договора управленческий аппарат влиял на условия и результаты индустриального бизнеса предприимчивых людей.

В целом же частный капитал приводил в движение маленькие и средние фабрики и заводы. Их характеристика в сопоставлении с промышленными предприятиями других форм хозяйствования представлена в таблице 4.39. группу заведений с числом рабочих до 50 человек попадало 92% всех частных предприятий. Более 200 рабочих имел лишь 1% частных заведений. По энергооснащенности - мощности механических двигателей в расчете на одно предприятие - частные фабрики и заводы в соответствующих группах превосходили кооперативные, но проигрывали казенным.

Эффективность использования рабочей силы на государственных предприятиях была ниже, чем на частных. Средняя выработка валовой продукции в течение одного человека-дня в первом случае равнялась 17,6 руб., во втором - 29 руб. Еще большим был разрыв показателей годовой производительности труда в пересчете на одного занятого работника. По данным Я.Р. Эмдина, годовая продукция одного рабочего ценовой промышленности СССР в 1925/26 г. составляла на государственном предприятии 2 344 руб., на частном - 4 463 руб. по довоенным ценам¹⁰⁷.

Автор называл ряд причин серьезного расхождения показателей. Прежде всего, частная промышленность выгадывала в ценовом измерителе, ибо выпускала ходкие и дорогие предметы потребления. Но главное ее преимущество достигалось “лучшей организацией труда, значительно более строгой дисциплиной труда, более квалифицированным составом работающих,

относительно меньшим числом подсобных и обслуживающих рабочих, правильным и своевременным снабжением сырьем и инструментом и т.д.»¹⁰⁸

Таблица 4.39

Экономические показатели предприятий цензовой промышленности различных форм хозяйствования в 1924/25 г.

Группы заведений по числу рабочих и по формам ведения хозяйства	Число предприятий	Мощность механических двигателей в среднем на одно предприятие, л. с.	Количество отработанных человеко-дней в среднем на одно предприятие, тыс.	Валовая продукция в среднем на одно предприятие, тыс. руб.
Государственные предприятия				
до 50	3 272	62,9	4,8	135,4
51 - 200	2 126	151,0	23,3	466,8
201 - 1000	1 185	679,3	96,9	1 605,8
Более 1000	349	3 288,6	699,4	11 813,6
Итого:	6 932	357,6	61,2	1 076,3
Кооперативные предприятия				
до 50	1 517	27,9	4,0	117,2
51 - 200	294	32,3	19,5	321,5
201 - 1000	61	194,5	64,3	1 542,5
Более 1000	2	797,5	314,4	8 676,6
Итого:	1 874	35,1	8,8	204,8
Частные предприятия				
до 50	1 600	31,5	3,0	121,1
51 - 200	121	49,2	19,9	376,5
201 - 1000	18	232,9	73,8	866,0
Более 1000	1	220,0	303,4	2 009,3
Итого:	1 740	34,9	5,1	147,7

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 248.

Важную роль играли условия оплаты труда и стимулирования его производительности. В начале 1926 г. среднемесячная зарплата рабочего частного предприятия превышала месячный заработок рабочего казенной индустрии более чем на 20%. Кроме того, людям, занятым в частных заведениях, предоставлялся более продолжительный отпуск. Так, на госпредприятиях в двухнедельный отпуск в 1925 г. уходило 95,5% работавших. На частных же фабриках и заводах две недели отдыхали 41,2% работников, а на четырехнедельные “каникулы” отправилось 54,4% персонала¹⁰⁹. Эта ситуация выглядела вполне закономерной; квалифицированный и высокопроизводительный труд предполагал надлежащее вознаграждение и поощрение.

Распределение частного капитала по отраслям цензовой промышленности отражено в таблице 4.40. Частные лица с энтузиазмом вкладывали деньги в отрасли, изготавливавшие предметы массового, повседневного спроса, что гарантировало им сбыт продукции, быстрый оборот средств и хорошую прибыль. Предприятия четырех отраслей - пищевой, кожевенно-обувной, текстильной и швейной - выпустили товаров на сумму 206,6 млн. руб., что составило 76% валового оборота частной цензовой промышленности в 1924/25 г. В указанных заведениях снискало себе заработка 22 059 человек или 51,1% рабочих частной индустрии.

В частной пищевой промышленности выделялось мукомольно-крупяное производство, на долю которого в 1924/25 г. приходилось 18,5% всей цензовой продукции отрасли. На виду были также предприятия, фабриковавшие подакцизные товары. Удельный вес частных заведений в общем обороте составлял по пиво-медоваренным предприятиям 15,7%, чайным - 6%, крахмало-паточным - 5%, винокурно-дрожжевым - 1%. Особняком стояли частные производители махорки и изготовители папиросных гильз, поставившие соответственно 17,2% и 30,8% объема валовой продукции этих видов цензовой промышленности¹¹⁰.

Таблица 4.40

Отраслевая структура частной ценовой промышленности в 1924/25 г.

Отрасли промышленности	Валовая продукция		Средняя списочная численность рабочих	
	млн. руб.	доля в ценовой промышленности	человек	доля в ценовой промышленности
Пищевая	156,6	10,1	12 841	8,7
Кожевенная, обувная	22,1	6,8	3 155	5,4
Металлическая	21,7	2,3	5 502	2,1
Текстильная	18,4	1,0	3 745	0,7
Деревообработка	12,8	6,1	5 534	7,7
Швейная	9,5	5,7	2 318	4,7
Горная	9,1	1,4	5 023	1,2
Химическая	6,4	1,9	650	1,1
Бумажная	3,8	3,1	802	2,3
Добыча и обработка минералов	3,6	2,2	2 151	2,0
Полиграфическая	3,3	2,4	1 078	1,7
Прочие отрасли	2,1	1,1	343	1,2
Всего:	269,4	4,0	43 142	2,3

Составлено по данным: Дубовиков Ф.Г. Масштаб работы и значение частной ценовой промышленности // Частный капитал в народном хозяйстве СССР: Материалы комиссии ВСНХ СССР. М. - Л., 1927. С. 38.

Государство объявляло льготы частникам в тех отраслях, где не доставало казенных ресурсов для налаживания крупных предприятий, например, в добыче золота, свинца, цинка, марганца и других цветных металлов. Одобрялась инициатива граждан в производстве строительных материалов: мела, глины, алебаstra, деревянных изделий и т.д. Здесь превалировала потребность в смягчении товарного дефицита, возникшего в ходе подготовки широкой программы строительства.

Индивидуальное предпринимательство в ценовой индустрии не угрожало государственным трестам. Даже при лучшей организации производства и труда малые частные заведения не могли на равных состязаться с объединениями крупных казенных предприятий. По ключевому параметру конкуренции - доле в общем объеме продаж - господство госсектора было неоспоримым: 96% против 4%. Только в пищевой промышленности рыночный сегмент частных дельцов покрывал одну десятую совокупного оборота. Граждане-предприниматели находились в подчиненном положении, ибо три четверти возглавляемых ими предприятий были собственностью государства. Аппарат управленцев диктовал содержание договора аренды имущества, в любой момент мог его пересмотреть, а то и вовсе разорвать подписанное соглашение.

Ареал распространения частного бизнеса определялся несколькими обстоятельствами. Правительство ради укрепления своего финансового и политического могущества не позволяло приватизировать (денационализировать) крупнейшие промышленные объекты. Оно ограничивало личные доходы населения, препятствовало накоплению солидных капиталов, противодействовало созданию больших частных предприятий, устанавливая жесткие прогрессивные налоги.

Отечественные капиталисты довольствовались малым и средним производством предметов повседневного спроса. Состоятельные люди гораздо реже помещали свои средства в тяжелую индустрию. Эксплуатация современных фабрик и заводов, выпускавших товары технического назначения, требовала столь внушительных затрат капитала, что личных сбережений отдельных граждан для полноценных инвестиций просто не хватало. Кроме того, капитал крупных промышленных предприятий, особенно в отраслях группы "А", оборачивался медленнее, чем в небольших заведениях, и посему доставлял меньше прибыли.

Частники спешили туда, где приличная скорость возмещения капитала обеспечивала высокую рентабельность при минимальных вложениях денег. Деловые люди предпочитали промышленной деятельности коммерцию. Об условиях хозяйствования в торговле и промышленности можно судить по данным выборочного статистического обследования бухгалтерских балансов частных предприятий, которые сведены в таблицу 4.41.

Таблица 4.41

Состав средств и источники капиталов частных предприятий в 1924/25 г.

Показатели	Торговые предприятия		Промышленные предприятия	
	млн. руб.	% к итогу	млн. руб.	% к итогу
Состав средств предприятий (активы)				
Имущество (строения, машины, оборудование, инвентарь)	25,6	3,8	73,6	17,7
Товары, материалы, топливо	383,6	56,8	202,0	48,5
Задолженность покупателей и прочих дебиторов	218,1	32,3	115,2	27,7
Деньги (касса и текущие счета)	48,5	7,1	25,6	6,1
Итого:	675,8	100,0	416,4	100,0
Источники капитала предприятий (пассивы)				
Собственный капитал	297,4	44,2	204,8	51,2
Средства вкладчиков	119,1	17,7	73,6	18,4
Заемные средства банков, других предприятий и прочих кредиторов	256,3	38,1	121,6	30,4
Итого:	672,8	100,0	400,0	100,0

Рассчитано по данным: Кутлер Н. Конечные результаты первого опыта обследования капиталов, обращающихся в частных предприятиях // Вестник финансов. 1926. № 12. С. 79, 80.

Из всего капитала, использованного частными лицами, 62,7% функционировало в торговле, 37,3% - в промышленности. Вложения собственного капитала предпринимателей в коммерцию были приблизительно наполовину больше личных инвестиций управляющих в промышленные предприятия. Но удельный вес средств частника в общем объеме капитала в торговле был ниже, чем в промышленности, поскольку торговый оборот активнее привлекал кредитные ресурсы клиентов и банковской сети.

Доля основного капитала - оборудования, машин, строений и т.п. в составе хозяйственных средств частной промышленности почти пятикратно превышала аналогичный показатель в индивидуальных торговых заведениях. Отношение основного капитала к собственным фондам частников составляло в торговле - 8,6%, а на промышленных предприятиях - 35,9%. В то же время удельный вес основного капитала в государственной индустрии в 1924/25 г. равнялся 63,3%¹¹¹. Последняя пропорция определялась спецификой и размерами казенных фабрик и заводов. Они были крупнее и лучше оснащены техникой, транспортом, помещениями и пр.

Доля собственного оборотного капитала составляла соответственно в частной торговле - 91,4%, в частной промышленности - 64,1%, в государственной индустрии - 36,7%. Увеличение удельного веса оборотных фондов повышало степень ликвидности и скорость возмещения капитала. Активы частных предприятий отличались значительной ликвидностью, т.е. текучестью, подвижностью, способностью превращаться в деньги. Но доля самой ликвидной формы - денежных средств - была невелика. Преобладали запасы готовых товаров, сырья, материалов, топлива и т.п., на которые приходилось 56,8% капитала в торговле и 48,5% - в промышленности.

Итоги выборочного статистического обследования позволяли оценить скорость возмещения частных активов в 1924/25 г. Сумма денежной наличности соответствовала в торговле среднему суточному обороту (выручке от продажи товаров) за 3,9 дня, в промышленности - за 6,8 дня. Запасы товаров и материалов равнялись в торговле обороту за 31 день, в промышленности - за 52 дня. Долги покупателей совпадали в торговле с объемом продаж за 11,2 дня, в промышленности - с реализацией продукции в течение 19 дней¹¹². Перечисленные показатели говорили о средних сроках, в течение которых выручка от продажи покрывала стоимость отдельных элементов оборотного капитала.

В частной торговле капитал циркулировал быстрее, чем в частной промышленности. Скорость обращения средств торговли, рассчитанная как отношение годовой выручки от продажи товаров (годового оборота) к среднему капиталу предприятия, в 1924/25 г. составляла: 13 оборотов в год, если учитывался только собственный капитал предпринимателя; 9,3 оборота в год, если к собственному капиталу добавлялись деньги вкладчиков; 5,7 оборота в год, если принимались во внимание все средства предприятия. Аналогичные параметры в частной промышленности равнялись соответственно 6, 4,4 и 3 оборотам в год¹¹³.

Кооперативные и государственные предприятия уступали в скорости обращения ресурсов частным заведениям. Согласно данным Н. Кутлера, количество оборотов в сети потребительской кооперации в пропорции к собственным капиталам в 1924/25 г. составляло 9,1, а к сумме всех обращающихся средств - 2,7. На государственных предприятиях средняя скорость оборота капитала была менее 2,4 оборота в год. Такая зримая разница, по мнению автора, обуславливалась “как некоторыми органическими свойствами государственных предприятий, так и присутствием им высоким строением капиталов, т.е. преобладанием средств, заключающихся в зданиях, машинах и оборудовании”¹¹⁴.

Похожие данные приводил и А.М. Гинзбург, считая, что в казенных торгах и кооперации капитал оборачивался 5 - 6 раз в год, а у частных лиц - 10-16 раз в год. Высокая скорость циркуляции денег позволяла частникам выгодно использовать кредиты, срок возвращения которых лежал в интервале от 1,5 до 2 месяцев¹¹⁵.

Большие накладные и торговые расходы вынуждали индивидуальных предпринимателей включать в цену товаров весомые накидки, дабы обеспечить хотя бы минимально приемлемую чистую прибыль. Норма рентабельности, исчисленная как отношение прибыли к обороту была скромной: в частной торговле - 6,9%, в частной промышленности - 10,7%. Но живой темп деятельности частных предприятий настраивался на поспешный сбыт товаров и обмен денег на товары. Ускоренный оборот средств умножал умеренную норму прибыли. Показатель рентабельности, подсчитанный в виде пропорции прибыли к сумме капитала частных предприятий - собственного и вкладчиков, составлял в 1924/25 г. по торговле - 64,3%, по промышленности - 45,8%¹¹⁶.

Казенное предпринимательство наталкивалось на серьезную конкуренцию частного уклада в торговле, особенно в розничной. Ареной борьбы была сфера товарно-денежного обмена. Здесь осуществлялась конечная реализация продукции и формировались доходы и прибыли. Господство на рынке гарантировало успешное накопление капитала. Противостояние двух секторов отечественной экономики ожесточилось после введения твердой валюты. Правительство содействовало развитию своего круга хозяйства посредством кредитной эмиссии, политики ценообразования, системы налогообложения, создания альтернативной частникам торговой сети. Государственный аппарат добивался максимального контроля над внутренним рынком страны, подчиняя себе частнокапиталистический и мелкотоварный уклады. Если конкуренты не поддавались, советская власть старалась выжить их из сфер производства и коммерции.

По мере развертывания восстановительного подъема хозяйственная мощь государственного сектора крепла, и его регулирующее воздействие на “чуждые” уклады возрастало. Прежде всего, казенное предпринимательство отвоевало у частников позиции в оптовой торговле. Фазы этого процесса можно увидеть в таблице 4.42.

Таблица 4.42

Структура оптовой продажи продукции государственной промышленности в 1923 - 1925 гг.

Дата	Продажа продукции внутри госсектора		Продажа продукции кооперации		Продажа продукции частным лицам	
	млн. руб.	% к итогу	млн. руб.	% к итогу	млн. руб.	% к итогу
1923 г.						
октябрь - декабрь	411,2	76,6	49,9	9,3	75,9	14,1
1924 г.						
январь - март	491,4	71,7	96,5	14,1	97,5	14,2
апрель - июнь	563,3	73,0	133,0	17,3	75,1	9,7
июль - сентябрь	642,8	72,6	180,9	20,4	61,8	7,0
октябрь - декабрь	759,3	70,0	267,3	24,5	59,5	5,5
1925 г.						
январь - март	758,2	70,1	245,1	23,8	65,4	6,1
апрель - июнь	851,3	71,7	248,0	20,9	87,7	7,4
июль - сентябрь	1 052,9	71,6	317,1	21,6	100,7	6,8
октябрь - декабрь	1 158,0	68,3	429,6	25,3	108,4	6,4

Рассчитано по данным: Брауде Х.И. Частная торговля // Частный капитал в народном хозяйстве СССР. М. - Л., 1927. С. 128.

В 1924 г. сократился отпуск готовых продуктов частным лицам со складов трестов и синдикатов. Удельный вес индивидуальных торговцев в общем объеме реализуемых товаров снизился в 2,5 раза. Высвободившееся рыночное пространство осваивала кооперация. Государственные хозяйственные органы переключались на кооперативные каналы сбыта, ибо там можно было управлять условиями продажи вплоть до розничных цен.

Падение доли частной оптовой торговли наблюдалось и в более широких рамках биржевого оборота. Это наглядно документирует таблица 4.43. Амплитуда поквартальных колебаний удельного веса частного оборота в таблицах 4.42 и 4.43 обнаруживает заметное сходство. Синхронность движения статистических рядов говорит о том, что решающую роль в оптовых сделках играла реализация продукции ценовой промышленности. Она предопределяла состояние всей биржевой торговли.

Таблица 4.43

Удельный вес частной торговли в биржевом обороте в 1923 - 1926 гг., %

Дата	Продажа на биржах	Покупка на биржах
1923 г.		
апрель - июнь	10,0	18,4
июль - сентябрь	9,3	20,5
октябрь - декабрь	10,7	19,7
1924 г.		
январь - март	8,4	20,7
апрель - июнь	6,8	15,3
июль - сентябрь	5,6	8,9
октябрь - декабрь	4,5	6,8
1925 г.		
январь - март	4,7	8,4
апрель - июнь	4,6	10,8
июль - сентябрь	4,3	8,5
октябрь - декабрь	5,2	7,7
1926 г.		
январь - март	6,2	9,2

Составлено по данным: Брауде Х.И. Частная торговля. С. 139.

Более высокая доля частных покупок на биржевых торгах также подтверждает количественное преобладание казенных изделий по сравнению с товарами, заготовленными в частном секторе и предложенными на продажу. Перевес закупок указывает и дальнейшее направление продуктов по частной торговой сети - от оптовиков в розницу. Общие тенденции развития розничной торговли просматриваются в таблице 4.44.

Таблица 4.44

Численность предприятий розничной торговли различных форм хозяйствования в 1924 - 1926 гг.

Дата	Государственные предприятия		Кооперативные предприятия		Частные предприятия	
	тыс.	% к итогу	тыс.	% к итогу	тыс.	% к итогу
апрель 1924 г. - сентябрь 1924 г.	21,5	4,1	34,1	6,5	473,3	89,4
октябрь 1924 г. - март 1925 г.	27,7	5,3	49,0	9,5	441,0	85,2
октябрь 1925 г. - март 1926 г.	29,7	4,6	70,7	11,1	538,0	84,3

Составлено по данным: Ржевусский М. Условия развития частного оборота // Вестник финансов. 1926. № 12. С. 69.

Обобщественная (государственная и кооперативная) торговля увеличила сеть своих магазинов и палаток за два года с 55,6 тыс. до 100,4 тыс., или на 80%. Особенно резко возросло число кооперативных торговых точек - более чем в 2 раза. Частная торговая сеть расширилась лишь на 13,7%, а ее доля в суммарном количестве коммерческих заведений понизилась на 5%.

Государственно-кооперативная торговля выпихивала частную коммерцию в сельскую местность. О том свидетельствуют данные таблицы 4.45.

Таблица 4.45

**Численность предприятий розничной торговли в городах и сельской местности
в 1924 - 1926 гг., тыс.**

Дата	Городская торговая сеть		Сельская торговая сеть	
	обобщественная	частная	обобщественная	частная
апрель 1924 г. - сентябрь 1924 г.	46,0	352,2	19,6	121,1
октябрь 1925 г. - март 1926 г.	51,6	318,4	49,8	219,6

Составлено по данным: Ржевуский М. Условия развития частного оборота. С. 70.

Прирост частной торговой сети не означал существенного улучшения ее конкурентных позиций. Индивидуальные торговые точки доминировали среди низших разрядов. На долю частного капитала в 1925/26 г. приходилось 96% предприятий I и II разрядов, 68% предприятий III разряда и менее 20% предприятий IV и V разрядов¹¹⁷. Различия между торговыми заведениями установленных разрядов скорее были качественными, нежели количественными. Достаточным поводом для такого суждения служат показатели таблицы 4.46.

Таблица 4.46

Обороты и капиталы торговых предприятий в 1924/25 г., рублей

Разряды торговых предприятий	Средняя сумма годового оборота предприятия	Средний собственный капитал предприятия	Средний общий размер капитала предприятия
II разряд (мелочная торговля из палаток)	3 600	327	514
III разряд (мелкая розничная торговля)	14 700	1 268	2 162
IV разряд (полуоптовая и средняя розничная торговля)	50 200	4 081	8 964
V разряд (оптовая, крупная полуоптовая и розничная торговля)	255 100	19 473	45 554

Составлено по данным: Кутлер Н. Конечные результаты... С 80.

Среди казенных и кооперативных торговых точек преобладали крупные магазины. Поэтому развитие обобщественной коммерческой сети вызывало падение удельного веса частного торгового оборота. Перестановка сил основных экономических укладов в розничной торговле отчетливо видна по данным таблицы 4.47.

Таблица 4.47

Структура розничного товарооборота в 1922/23 - 1926/27 гг.

Годы	Товарооборот государственной торговли		Товарооборот кооперативной торговли		Товарооборот частной торговли	
	млн. руб.	% к итогу	млн. руб.	% к итогу	млн. руб.	% к итогу
1922/23	880,0 *	24,7 *			2 680,0	75,3
1923/24	846,0	15,7	1 437,0	26,6	3 116,0	57,7
1924/25	1 189,8	15,3	3 283,6	42,2	3 300,0	42,5
1925/26	1 544,9	13,2	5 224,1	44,5	4 963,1	42,3
1926/27	1 816,6	13,3	6 837,6	49,8	5 063,5	36,9

* *товарооборот всей обобщественной торговли*

Составлено по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 134; История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 159.

Советскому правительству нравилась стратегия замещения частной розничной коммерции кооперативной торговлей. Эта политика начала давать результаты с 1923 г., т.е. со времени перехода ко второму этапу конкурентного сосуществования частного и государственного предпринимательства. За три года соотношение долей частного и социализированного розничного товарооборота поменялось на обратное. Руководство страны поддерживало кооперацию как форму ведения дел, бесконфликтно дополнявшую систему казенного хозяйства. Централизованная организация позволяла регулировать работу кооперативов аналогично управлению государственными предприятиями. С частниками все было гораздо сложнее. Воздействовать на единоличных хозяев можно было при помощи экономических и административных рычагов. Набор тех и других способов регламентирования зависел от конкретной ситуации.

Государственное предпринимательство формировалось как надстройка над основанием частной экономики. Такое положение обуславливало противоречивость их взаимной связи. С одной стороны, у государственного сектора существовала заинтересованность в развитии многоукладной основы, питавшей его ресурсами. Поэтому правящие круги вынуждены были соизмерять свои шаги с хозяйствованием частных предприятий и граждан, приспосабливаться к нему. С другой стороны, казенное ведение дел подчиняло себе и использовало в своих целях все остальные уклады. Государственный аппарат мог изымать средства различных субъектов хозяйствования, препятствовать росту их доходов и накоплению ими собственных капиталов, ограничивать, подавлять и даже запрещать предпринимательскую инициативу физических и юридических лиц в любой сфере экономики, если только усматривал в том какую-нибудь выгоду.

Общим, коренным фоном, на котором в 1923 - 1926 гг. вычерчивались узоры политико-экономических отношений с частным сектором, был переход от восстановления потребительского рынка к возрождению рынка производственно-технической продукции. Этот процесс осуществлялся за счет перелива ресурсов в тяжелую индустрию из других отраслей хозяйства, а также за счет личных доходов, взысканных в виде налогов в бюджет. Объективная логика возобновления современной структуры экономики предполагала перераспределение частных средств в фонды казенного предпринимательства. На практике это означало решение вопросов: каковы могут быть объемы перекачивания капитала в госсектор; где лежат пределы нагрузки, какую частные уклады способны вынести без разрушения, подпирая надстройку?

Важнейшим источником частных денег, притекавших в бюджетный карман, были налоги. Бремя налоговых платежей непрестанно тяжелело под гнетом набиравшего мощь государства. Резко усилилось обложение частных в 1924 г., когда ставки подоходно-поимущественного налога достигли 35%, не считая местной надбавки в $\frac{1}{4}$ союзного оклада, против 12%, взимавшихся в 1922 г. Прогрессивная шкала достигала в 1924/25 г. около 40% плательщиков из контингента "торгово-промышленной буржуазии"¹¹⁸. В апреле 1925 г. был введен целевой квартирный налог на всех лиц, "получающих нетрудовые доходы, т.е. занимающихся частно-торговой деятельностью"¹¹⁹. Кроме того, граждане-предприниматели вносили плату за обучение детей, выкупали принудительно размещаемые облигации государственных внутренних займов. По оценкам специалистов, в 1924/25 г. обложение поглощало от 35% до 52% дохода частных лиц¹²⁰.

Налоговая политика не только обеспечивала изъятие и передел средств в пользу казны, но и сдерживала развитие отечественного частного хозяйства. Она поощряла подъем социалистических предприятий, которые "купались" в различных налоговых льготах, в то время как частные заведения ставились в условия отягощенных "податей". Так, самое весомое обложение - промышленное - давало явные преимущества обобществленной торговле. В 1925 г. уравнильный сбор в сумме торгового оборота занимал у государственных предприятий 0,6%, кооперативных - 0,7%, частных - 1,4%¹²¹.

На местные налоги ("налогообразные платежи") приходилась почти половина подобных расходов. Здесь частные торговцы также тратились больше своих соперников. Государственным и кооперативным заведениям полагалась скидка в 25 - 50% с общего тарифа за аренду помещений, коммунальные услуги и пр. Почти 3% от оборота отнимали отчисления на постройку рынков, ремонт помещений, регистрационный сбор и т.д. Совокупность всех расходов частной торговли, с учетом 2,5% накопления капитала, достигала 20 - 30% от суммы продаж¹²². В таком большом размере принужден был владелец торговой точки делать накидку к покупной цене, что весомо удорожало его товары.

Об исходных конкурентных позициях недвусмысленно говорили следующие сопоставления: в 1925/26 г. кооперация тратила 90 руб. на 1 000 руб. товарооборота, а за вычетом заработной платы и налогов - 47 руб.; частная торговля расходовала соответственно 140 руб. и 75 руб.¹²³ Тем же духом подавления индивидуальной предприимчивости было проникнуто установление в декабре 1926 г. надбавок от 50% до 100% к тарифам на железнодорожную перевозку грузов необщественного сектора¹²⁴. Государственная власть выдвигала перед владельцами капитала альтернативу - либо присоединяться к кооперативам, либо постепенно свертывать свою хозяйст-

венную деятельность по причине низкой доходности или убыточности. Сдавая один за другим рубежи конкурентной борьбы, частники поневоле прибегали к “обходным маневрам”.

Приспособление предпринимателей к суровым мерам государства описывал М. Ржевуский: “Широко практикуется “совладельчество”, позволяющее ускользать части капитала от обложения, уменьшающее его накладные расходы. Размеры этого явления характеризуются тем, что уже в базарной торговле из палаток (по патентам III разряда) свыше 15% предприятий имеют совладельцев, а в высших разрядах (V разряд) [совладение - Г.Ч.] достигает 72,8%. Отмечается и большая “текучесть” состава частных предприятий (на протяжении 1923/24 и 1924/25 гг. почти 30% обследованных предприятий претерпели изменения в составе владельцев). Крупные частные предприятия дробятся, количество их сокращается, а освободившийся капитал уходит от обложения, принимает нелегальные формы существования. Создаются фиктивные “трудовые” артели, подставные арендаторы в лице инвалидов, за спинами которых скрывается частник и т.п. Ко всему этому надо прибавить организационные преимущества частника, его изворотливость, большую оборачиваемость его капитала, большую подвижность. Вооруженный этими преимуществами он довольно стойко удерживается на второстепенных участках хозяйства и даже склонен расширить свои позиции”¹²⁵.

Уходить “в тень” от налогового законодательства заставляли частных лиц порядок снабжения торговли изделиями казенных предприятий и условия кредитования. Так, в 1925 г. по сравнению с 1924 г. тресты сократили связи с частной торговлей с 14,7% до 2,1%, синдикаты - с 15,8% до 8,1%. По отдельным отраслям уменьшение отпуска государственных товаров частнику было следующим: в текстильной промышленности - с 12,9% до 7,5%, махорочной - с 4% до 1,8%, лесной - с 9,7% до 7,2%¹²⁶. Несмотря на стремительный взлет производства крупной промышленности, оптовая продажа продукции самодельными торговцами изменялась мало.

Замедление темпов развития частной коммерции вызвалось и ухудшением торговой конъюнктуры по мере исчерпания резервов восстановительного подъема экономики. Нарастание трудностей в продвижении продуктов на рынки фиксировали статистические показатели. Облагаемый патентным сбором оборот товаров исчислялся в 9,6 млрд. руб. в 1923/24 г., 13,9 млрд. руб. в 1924/25 г., 17,6 млрд. руб. в 1925/26 г. Оборотные фонды государственной и кооперативной торговли оценивались в 1,3 млрд. руб. в 1923/24 г., 1,8 млрд. руб. в 1924/25 г., 2,1 млрд. руб. в 1925/26 г.¹²⁷ Следовательно, объем продаж увеличился за два года на 83,3%, а оборотные средства обобщественной торговли - на 61,5%. Круговращение торгового капитала стало более напряженным, ибо его пополнение отставало от расширения суммарной стоимости сделок купли-продажи.

Одновременно интенсифицировалось использование оборотного капитала промышленности. На один рубль продукции общесоюзной индустрии приходилось оборотных средств в 1924 г. 96 коп., в 1925 г. - 79 коп., в 1926 г. - 75 коп.¹²⁸ Дополнительную потребность в капитале предприятия покрывали кредитами, но Госбанк периодически проводил их рестриктию и сжатие денежной массы. Поэтому наблюдался отток средств промышленности из сферы обращения.

Тресты и синдикаты убавляли продажу товаров в кредит. Сокращение коммерческого кредита в первую очередь затрагивало частных предпринимателей. Например, в первой половине 1925 г. Всесоюзный текстильный синдикат уменьшил кредитование кооперации на 6,5%, а частников - на 36%, хлопчатобумажный трест сократил отпуск товаров с рассрочкой оплаты кооператорам на 23%, а частным лицам - на 39%. В биржевой торговле размер кредита кооперации понизили на 26%, частникам - на 36%¹²⁹.

Таким образом, источниками восполнения недостатка торгового капитала оказались средства кооперации и частного сектора. Государство сделало ставку на кооперативную организацию. Сохранилась направленность на замещение необобщественного товарооборота. Мотивы реформационного поведения хозяйственной власти были связаны со сложностью регулирования деятельности частных укладов традиционными методами в конкретной обстановке нэпа.

В условиях монополии внешней торговли индивидуальное предпринимательство ограничивалось внутрисоюзным рынком. Государство контролировало масштабы хозяйствования частных лиц известными механизмами: налогообложением, предоставлением коммерческих и бан-

ковских кредитов. Кроме того, использовалась практика договорных соглашений на поставку товаров казенных предприятий. Единственным рыночным параметром, малодоступным централизованному аппарату управления, оставались свободно складывавшиеся цены частной торговли.

Стратегическая линия государственного предпринимательства на индустриализацию страны посредством эмиссионного расширения кредитного капитала и бюджетных инвестиций предполагала активную политику стабилизации цен. Но реализовать задуманное не удалось из-за вольного ценообразования в самостоятельной коммерции. Избыточная банковская эмиссия сопровождалась более быстрым увеличением платежеспособного спроса в сравнении с предложением товаров и услуг. Адекватной реакцией на рыночную диспропорцию было повышение гибких цен в частном обороте, которое возвращало экономику к равновесному состоянию, но нарушало ряд целевых установок правительственного регулирования.

Всплеск цен в отдельных сегментах рынка вызывал в той или иной степени подъем цен на остальном рыночном пространстве. Волны инфляции били по национальной валюте, разрушая ее твердость. Заодно с покупательной способностью рубля таяла реальная стоимость бюджетных денег и банковских ссуд. Обесценение инвестиционных ресурсов тормозило экономический рост державы. В подобных обстоятельствах государственные тресты несли прямые потери доходов от продажи продукции по фиксированным ценам. Частные же хозяева приравнивались к конъюнктуре, увеличивали цены товаров и присваивали упущенную выгоду конкурентов. Вместо чаемого пополнения казны средства текли по иному руслу и оседали в сбережениях капитала граждан.

Государство боролось со смекалистым, стихийным ценообразованием различными административными распоряжениями. Но они имели характер эпизодических и малоэффективных акций. Так, в 1925 г. сложилась ситуация “мучных ножниц”, т.е. возникло расхождение между низкими заготовительными ценами на зерно и излишне поднятыми ценами муки. В Москве розничные торговцы продавали крупчатку (белую муку высшего сорта) в 5 раз дороже оптовых цен на пшеницу¹³⁰.

Возможность столь чувствительного разрыва в ценах официально объяснялась большим удельным весом частного предпринимательства в мукомольно-крупяном производстве. Органы хозяйственного управления в ответ на пренебрежение “справедливой ценой” повели кампанию по изгнанию строптивых деловых людей с мельниц и крупорушек. К марту 1927 г. было изъято из частной аренды и передано в эксплуатацию государственным и кооперативным организациям 338 мельниц с годовой производительностью 85 млн. пуд. Были пересмотрены арендные договоры на оставшиеся в руках граждан мельницы. Самые крупные предприятия обязывались сдавать свою продукцию Госбанку по указанным ценам. Доля частной продукции в ценовой мукомольной промышленности упала в 1926/27 г. до 10%¹³¹.

Смелым шагом центрального руководства было введение в 1925/26 г., во время товарного голода, оригинального налога на сверхприбыль частных лиц. Этим способом власти пытались помешать росту цен и забрать доход, получаемый от благоприятной торговой обстановки.

Правительство большевиков не сумело и не захотело управлять частными укладами при помощи тонкой настройки механизмов рыночного регулирования смешанной экономики. Собственный опыт убедил государственный аппарат в том, что лучшим средством организации деятельности частного сектора является его преобразование в кооперативную форму под страхом ликвидации.

По этому пути и шла эволюция взаимоотношений частного и казенного предпринимательства. Обе стороны не тешили себя иллюзиями по поводу исторической перспективы. Настроенные противоборствующих укладов ярко живописал представитель правящей партии Ю. Ларин: “Неверие капиталистов к режиму диктатуры пролетариата ... понятно... Капиталисты имеют только то вполне правильное убеждение, что мы проводим нэп не для их прекрасных глаз, а потому, что это нам нужно, и в тех формах и в тех пределах, в каких это опять-таки нам нужно. Причем вопросы о всех подробностях (пускать ли в данном году частный капитал в хлебозаготовки, пускать ли его в кожевенную промышленность и т.д. и т.п.) - все эти вопросы мы реша-

ем сами, односторонне, без всяких переговоров и соглашений с частным капиталом. При таких условиях - хотя мы установили новую экономическую политику действительно всерьез и надолго - капиталист предпочитает держать свой капитал в возможно подвижном (мобильном) состоянии”¹³².

После октябрьской революции изменился тип российского капиталиста-предпринимателя. До 1917 г. отечественные капиталисты специализировались в определенной сфере бизнеса и составляли группы банкиров, фабрикантов, внутренних оптовых торговцев, экспортеров и т.д. В СССР вместо них возник новый тип делового человека, с чрезвычайной подвижностью маневрировавшего своим капиталом, являвшегося сразу и финансистом, и оптовиком, и явным или скрытым организатором промышленного производства¹³³.

Можно согласиться с Ю. Лариным, который выделил следующие черты эволюции частного капитала в 1921 - 1927 гг.: 1) переход от обслуживания государственного хозяйства к преимущественному сосредоточению операций в области хозяйства негосударственного; 2) относительный рост доли капиталистического хозяйства при отступлении частного хозяйства в целом перед государственным и кооперативным; 3) тенденция капиталистов к созданию замкнутого частнокапиталистического круга по возможности нерегулируемого государством накопления; 4) отсутствием прочной почвы для длительного успеха этой тенденции и несомненное крушение попыток самостоятельного и независимого хозяйственного маневрирования капиталистов в Советском Союзе¹³⁴.

Слабость позиций частного капитала отмечал и А.М. Гинзбург, исследуя специфику его накопления. По мнению автора: “Отличительная черта частного накопления в СССР - его неустойчивость. Состояния наживаются быстро и легко, но также быстро и легко исчезают. Частное накопление не оседает в твердых имущественных массах; оно не находит помещения ни в земельном имуществе, ни в домовладении, ни в крупных и солидно поставленных промышленных предприятиях. В большинстве случаев оно обращается в ликвидные товары, валютные ценности ... Кредитные сделки частных лиц мало обеспечены, и это создает исключительную текучесть частного капитала. Во всем народном хозяйстве накопление происходит сравнительно медленно. На фоне общих условий ... вряд ли можно признать накопление частного капитала превышающим 10 - 12%”¹³⁵.

Под давлением государства, в том числе и через кооперацию, капитал граждан выталкивался в сферу кредитных ресурсов. О динамике частного капитала на организованном денежном рынке дает представление таблица 4.48. Устойчивое развитие частного капитала в банковской сети оборвалось в 1926 г., что совпадало с общей тенденцией затухания восстановительного подъема отечественной экономики. В отличие от государственных и кооперативных предприятий, имевших явный перевес кредитования над вложениями в банковскую систему (см. табл. 4.27), у частных лиц, за исключением крестьянского населения, наблюдалось почти сбалансированное соотношение между денежными средствами, хранившимися в банках, и взятыми займы ссудами. Соответствующий показатель последней строки таблицы 4.48 колебался в 1924 - 1926 гг. в интервале близком к единице.

Важнейшую роль в банковских операциях предпринимательского сословия играла система Обществ взаимного кредита, где размещалась основная масса частного денежного капитала, и которая выдавала значительную долю ссуд хозяйствовавшим гражданам. Движение денег частной клиентуры через банковские конторы было тесно связано с коммерцией. Это подтверждается исключительным приоритетом в частных банковских операциях краткосрочного кредитования, которое обслуживало товарное обращение.

Именно торговые интересы подтолкнули деловую публику к созданию учреждений взаимного кредита. Она воспользовалась тем, что в 1922/23 г. правительство одобряло расширение частной торговли, поскольку на масштабное развертывание казенной и кооперативной сети магазинов и палаток не находилось ресурсов. По словам Л.Н. Юровского: “При таком положении вещей, которое существовало в 1922 - 1924 гг., считалось, что кредитование частной торговли представляет дело безразличное и для государства. Но государство не могло пойти по пути возложения всего этого дела на Государственный Банк, слабо обеспеченный средствами и

открывавший государственным предприятиям значительно меньшие кредиты, чем те, которых они добивались. Привлечение частных средств для кредитования частной торговли было наиболее естественным выходом из положения, и вот почему учреждение обществ взаимного кредита состоялось уже в течение первого года работы Госбанка”¹³⁶. Задачи вытеснения частного торговца из оптовых сделок, стабилизации частного розничного оборота, а затем и сокращения последнего были поставлены позднее, когда социализированная торговля достаточно окрепла.

Таблица 4.48

Банковские операции частных лиц* в 1923 - 1927 гг., млн. руб. (на 1 октября каждого года)

Наименование операций и банковских учреждений	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Текущие счета и вклады частных клиентов во всей банковской системе	9,3	19,5	52,6	66,1	63,7
в том числе: в Госбанке,	5,2	8,8	19,2	18,8	19,2
в Обществах взаимного кредита,	1,9	5,2	17,9	27,0	22,1
в Промбанке, Электробанке, Внешторгбанке и прочих коммерческих банках	2,0	4,1	9,8	9,2	7,5
в системе сельскохозяйственного кредита	-	0,5	1,4	3,8	7,9
Капиталы частных клиентов во всей банковской системе	1,2	8,1	15,4	22,7	26,3
в том числе: в Обществах взаимного кредита	1,1	2,8	4,8	10,5	11,1
в системе сельскохозяйственного кредита	-	4,7	9,4	10,0	12,7
Всего вложений средств частных клиентов во всей банковской системе	10,5	27,6	68,0	88,0	90,0
Краткосрочный кредит частным клиентам во всей банковской системе	40,0	32,3	87,2	89,9	53,1
в том числе: Госбанке	25,8	11,2	32,0	24,9	12,9
Обществах взаимного кредита	4,6	8,9	29,8	48,8	32,4
Промбанке, Электробанке, Внешторгбанке и прочих коммерческих банках	6,8	9,5	18,2	11,1	6,6
Долгосрочный кредит частным клиентам во всей банковской системе	-	-	0,6	-	4,1
Всего кредитов частным клиентам во всей банковской системе	40,0	32,3	87,8	89,9	57,2
Отношение вложений частных лиц к полученным кредитам	0,263	0,854	0,774	0,988	1,573

* без учета граждан, занятых сельским хозяйством

Составлено по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 80, 81, 82, 83.

До 1925/26 г. включительно Общества взаимного кредита стремительно прогрессировали. С октября 1923 г. по октябрь 1926 г. число обществ увеличилось с 54 до 284, их капитал возрос с 1,1 млн. руб. до 10,5 млн. руб., размеры вкладов и текущих счетов - с 1,9 млн. руб. до 27 млн. руб., объемы кредитов - с 4,6 млн. руб. до 48,8 млн. руб., сумма баланса - с 6,6 млн. руб. до 72,5 млн. руб. Госбанк поддерживал Общества взаимного кредита своими ссудами, переучитываемая векселя. Сумма займов Госбанка для системы взаимного кредитования за те же сроки выросла с 2,2 млн. руб. до 16 млн. руб.¹³⁷

В 1926 г. Общества взаимного кредита испытали серьезнейший кризис, который знаменовал наступление заката их деятельности. Одной из причин расстройства частного кредита была авантюрная политика столичных банков. Московские учреждения взаимного кредита в период подъема цен в 1925 г. увлеклись не только наращиванием учетных операций, но и настоящим “грюндерством” - участием в сомнительных и спекулятивных предприятиях и сделках¹³⁸.

Вторая причина активизировала действие первой. Госбанк резко сократил выделение ссуд Обществ взаимного кредита. Частнохозяйственный сектор был единственным, применительно к которому центральный банк страны мог проводить и проводил кредитную рестрикцию в периоды напряженной конъюнктуры товарного рынка. Будучи не в состоянии отвечать за свои убытки и высвободить вложенные в неликвидные активы средства, Общества взаимного кредита стали брать деньги во вклады под очень высокие проценты, усугубляя кризис. Целый ряд московских обществ оказались неспособными вести требуемые платежи и обанкротились. В 1927 г. наблюдалось уже заметное ухудшение показателей по всем операциям Обществ взаимного кредита. Такой ход событий отражал укрепление политической линии правящей власти на подавление частного сектора в торговле и на замену частных предприятий кооперативными.

Потеря доверия к специальным негосударственным банковским учреждениям, закрытие валютного рынка побуждали частный капитал искать свежих поприщ для инвестирования. Предприниматели все чаще обращались к исконной системе организации кустарно-ремесленных промыслов. Гонимые из города государством и кооперацией, частные капиталы уходили в сельскую местность и сосредоточивались на обслуживании частных трудовых хозяйств.

Капиталисты занимались организацией товарооборота между сельскохозяйственным частным трудовым производителем и городским потребителем, снабжением кустарного производства и сбытом его изделий, финансированием всех форм частной промышленности, удовлетворяющей потребности рынка, не обеспечиваемые казенным производством¹³⁹.

Мелкая промышленность занимала важное место в отечественном хозяйстве. Она давала крестьянству инвентарь, предметы домашнего обихода, одежду, обувь, поставляла потребительские товары на городские рынки, работала по заказам больших, цензовых предприятий. Кустарные и отхожие промыслы были тесно переплетены с деревенской жизнью и в некоторых районах страны являлись стабильными источниками доходов сельского населения. Налаживание частной промышленности уменьшало безработицу. В отдельных отраслях просто не существовало крупных предприятий, например: в овчинно-скорняжном, сапоговальном, шубно-рукавичном, шорном, колесно-обозно-экипажном, рогожеткачком, тарном производстве и др. Одновременно частные предприниматели осваивались и там, где гарантировались хорошие доходы - в пищевой, мебельной, обувной, швейной промышленности.

Процесс восстановления мелкой промышленности в годы нэпа характеризуют данные таблицы 4.49. В 1926/27 г. мелкая (неценовая) промышленность практически вернулась к исходным довоенным показателям по объему производства и количеству занятых работников. Однако в структуре отраслей отмечалось различие: большой удельный вес в 20-е годы имело мукомольно-крупяное производство.

Таблица 4.49

Показатели мелкой и кустарно-ремесленной промышленности в 1913 - 1926 гг.

Показатели	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Общий объем валовой продукции, млн. золотых рублей	1 904,8	1 531,2	1 767,7	2 028,5
в том числе, без мукомольной промышленности	1 181,8	785,8	973,3	1 125,7
Число занятых, тысяч человек	3 990,1	2 625,3	2 822,9	3 387,1
в том числе: в городе	971,5	566,6	669,0	833,2
в сельской местности	3 018,6	2 059,7	2 153,9	2 583,9

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 259; Гинзбург А.М. О частном капитале в народном хозяйстве. С. 12.

Кроме того, опережающее развитие мелкой промышленности происходило в сельской местности, где был основным рынок сбыта ее изделий, и куда двигались ресурсы частных лиц. В городах малые предприятия не смогли вернуть себе прежних позиций. Здесь доминировали крупные казенные заведения и формировался иной социально-культурный стиль индустриальной цивилизации.

Государство целенаправленно добивалось кооперирования кустарно-ремесленных промыслов и мелких частных заведений посредством облегчения налогообложения, льготного кредитования. Это упрощало централизованное регулирование неценовой промышленности и вовлечение ее резервов в мероприятия экономической политики правительства. В 1925 г. в кустарной промышленности функционировал 8 641 кооператив с 406,5 тыс. человек, а в 1927 г. уже насчитывалось 10 004 кооператива с 618,8 тыс. участников. Темпы “социализации” (обобществления) примерно совпадали с темпами роста количества работников мелкой промышленности. Доля кооператоров не превышала 15% всех кустарей и ремесленников¹⁴⁰.

Навязыванием кооперативной формы собственности и хозяйствования советская власть истребляла частное предпринимательство, сковывала его свободное рыночное поведение, зачастую отклонявшееся от действий обобществленных предприятий по конъюнктурным соображениям. Государственный аппарат формировал однородный казенно-кооперативный механизм регулирования экономики. Универсальным средством преобразования частных укладов в социалистический было кооперирование граждан, занимавшихся самостоятельной хозяйственной деятельностью.

Трансформация частного предпринимательства в годы нэпа была общей тенденцией исторического развития, в которой были свои колебания. Частнокапиталистический и мелкотоварный уклады выполняли функцию основания, несущего на себе государственное предпринимательство. Однако они представляли собой, скорее, не жесткий фундамент, а “эластичную подушку”, “амортизатор”, который смягчал удары казенного сектора на “ухабах” хозяйственной конъюнктуры.

Так, с 1921 г. до лета 1923 г. частники своими капиталами возрождали торговую сеть, товарно-денежный обмен между городом и деревней и внутри крупной индустрии. Они создавали спрос на изделия государственных предприятий, обеспечивали загрузку их производственных мощностей. Перевод трестов на коммерческий расчет с апреля 1923 г. сопровождался “синдицированием” промышленности и вытеснением частного капитала из оптового оборота. Наступление на конкурентные позиции необобществленной торговли прервалось осенью 1923 г., когда бесшабашное кредитование вместе с монополистическим ценообразованием ввергло внутренний рынок в унылый кризис сбыта промышленных товаров.

С марта 1924 г. на гребне денежной реформы государственная и кооперативная торговля расширяла при помощи кредитной эмиссии свои операции, ухудшала условия частной коммерции вплоть до ноября месяца ¹⁴¹. В этот период было исправлено налоговое законодательство с целью утяжеления бремени платежей граждан-предпринимателей, а тресты и синдикаты ограничили отпуск товаров индивидуальным торговым посредникам.

Неурожай зерновых культур сжал рыночный спрос, осложнил сбыт городской продукции. Государственное предпринимательство в очередной раз отступило. Смену курса растолковывал экономист: “В минуты затруднений сбыта финансовое положение промышленности напрягается, промышленности приходится придерживать большие массы товаров на складах и предъявлять большие требования кредитному механизму страны или же соответственно сокращать производство. В такие моменты финансовое напряжение промышленности может быть облегчено усилением торговли с частным капиталом. Так оно было в период ноябрь 1924 года - март 1925 года... Пользуясь товарным кредитом от государственных промышленных и торговых организаций, частный капитал, разумеется, отвлекает часть средств государственного хозяйства, но ... эти средства были бы значительно больше, если бы контрагентом выступила кооперация или госорганы” ¹⁴². Выгода заключалась в более интенсивном обороте капитала частной торговли; с меньшим кредитом она продвигала большее количество товаров.

Новая волна кредитной экспансии во второй половине 1925 г. сопровождалась следующим по счету нажимом на частный сектор. Были введены квартирный налог и налог на сверхприбыль. Одновременно в ситуации товарного голода поощрялась мелкая промышленность. Предоставлялись льготы гражданам при организации предприятий строительной индустрии и конструкционных материалов. Доходчиво объяснял нежданное “потепление” правительственной политики А.М. Гинзбург: “При остром недостатке промышленных товаров конкуренция частной промышленности вообще не может быть ощутительна для государственной промышленности, скорее наоборот. В ряде случаев ассортимент частной промышленности играет для государственной подсобную роль, снабжая последнюю необходимыми вспомогательными материалами второстепенного значения. С другой стороны, частная промышленность, занятая производством средств потребления, образует значительный рынок для государственной промышленности, занятой производством средств производства” ¹⁴³.

Кредитная рестрикция 1926 г. опять вынудила казенное предпринимательство идти на компромисс с теми “необобществленными” деловыми людьми, которые еще продолжали хозяйничать, сопротивляясь нещадному прессу бюрократической машины. Стало быть, частники периодически восполняли своими ресурсами возникавший недостаток оборотных средств предприятий государственного сектора.

Развитие частного предпринимательства с 1921 г. по 1926 г. происходило переменным темпом, волнообразно - со спадами и подъемами, в направлении расширения. В 1926/27 г. впервые с начала нэпа валовая продукция частного сектора уменьшилась на 2,9% по сравнению с уровнем прошлого года из-за снижения цен и физического объема производства товаров ¹⁴⁴. Такой исход был предопределен и в известном смысле закономерен.

В периоды экономических подъемов, как правило, растут масштабы хозяйственной деятельности всех социальных укладов. Они поддерживают друг друга своей активностью и заинтересованы в увеличении емкости внутреннего рынка страны. Конкурентное сосуществование в условиях благоприятной конъюнктуры дает в той или иной степени простор каждой форме предпринимательства в разных отраслях. Поэтому в течение пяти лет нэпа казенное хозяйствование прогрессировало параллельно возрождению частной инициативы. Опережающее движение госсектора опиралось на последовательное оживление остальных укладов. Общий экономический рост обеспечивался вовлечением в кругооборот простаивавшего капитала и созданием новых инвестиционных ресурсов.

В 1926 г. резервы послевоенного восстановления отечественного хозяйства иссякли. Держава оказалась в типичной ситуации ослабевающего экономического подъема, которая обычно сопровождается снижением приростов и даже уменьшением выпуска продукции. Во времена плохой конъюнктуры происходит смена характера взаимоотношений укладов.

Депрессивное состояние деловой активности обострило конкуренцию за ресурсы, привело к столкновению в борьбе за товарные рынки. В конфронтации, конечно, победил сильнейший уклад. Государственный сектор постарался сохранить крутую траекторию своего бурного роста за счет ухудшения условий хозяйствования “слабых” производственных звеньев. Здесь проявились пределы нагрузки на частные уклады. В своих устремлениях к изъятию денег из личных доходов и капиталов граждан на нужды индустриализации государственное предпринимательство перешагнуло черту, за которой началось разрушение рыночных основ смешанной экономики. Перераспределяя средства при помощи комплекса мер - налоговых платежей, ограничения импорта продукцией промышленного потребления, завышения валютного курса рубля, кредитно-денежной эмиссии, фиксирования цен и т.д. - государство нагромодило вопиющие диспропорции товарно-денежного обмена, которые буквально развалили всесоюзный рынок.

Перестали нормально выполнять свои функции рыночных регуляторов цены, банковский процент, валютная котировка червонца, покупательная способность денег и пр. Расхождение между спросом и предложением продуктов породило обстановку товарного голода и подтолкнуло деревню к натурализации накопления. Адекватная реакция свободного предпринимательства была направлена на достижение баланса количества продаваемых товаров с денежной массой путем повышения цен. Но в этом пункте частная логика поведения, обращенная к собственной выгоде, оказалась несовместимой с казенным мнением.

Государственный аппарат приступил к прямому административному подавлению и запрещению частного хозяйствования, ибо “сугубо” экономические рычаги воздействия на предпринимчивых людей были либо испорчены, либо малоэффективны. Известно сравнительно крупный частный капитал удалось легко. Вместе с переходом в режим дефицитного регулирования исчезли условия существования вольного рыночного обмена. Частный бизнес не мог долго жить в чуждой ему среде обитания. Там, где у государства не было возможностей подменить самостоятельное производство, оно избрало политику кооперирования. В обобщественную структуру отечественного хозяйства интегрировалась мелкая, кустарно-ремесленная промышленность.

Развитие взаимоотношений частного и государственного предпринимательства довольно точно резюмировал Ю. Ларин: “Неизбежное появление ростков капитализма и временный некоторый их абсолютный и отчасти относительный рост - происходил в обстановке общего отступления доли и значения частного хозяйства перед хозяйством государственным... Ростки капитализма даже в скромном размере появились не в результате конкурентной победы над соответствующим государственным хозяйством, а только там, где государство не выступало конкурентом или само находило целесообразным их насаждение. Наоборот, всюду, где государство выступало конкурентом, частный капитал терпел поражение”¹⁴⁵.

Провозглашение курса на индустриализацию СССР обернулось крушением частного хозяйствования и переделкой многоукладной экономики в двухсекторную - государственно-кооперативную.

* * *

Успешно развивалась финансовая система СССР, наращивая экономический потенциал казенного предпринимательства. Государственный бюджет заметно окреп после введения в оборот твердой банковской валюты и осуществления денежной реформы. Увеличению притока ресурсов в казну содействовал и восстановительный подъем экономики. Общие доходы государственного бюджета выросли с 2 026 млн. руб. в 1923/24 г. до 5 877 млн. руб. в 1926/27 г. Динамику бюджетных поступлений конкретизируют данные таблицы 4.50.

Таблица 4.50

Доходы государственного бюджета СССР в 1923/24 – 1926/27 гг., млн. руб.

Статьи доходов	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Налоговые доходы (налоги и сборы)	991	1 604	2 193	3 001
в том числе: акцизы	243	505	842	1 210
промысловый налог	234	324	483	676
сельскохозяйственный налог	231	326	252	358
подходный налог	76	113	186	246
таможенные пошлины	67	102	151	189
Неналоговые доходы от государственного хозяйства	536	850	1 237	1 625
в том числе: промышленности	45	100	140	279
транспорта и связи (без эксплуатационных затрат)	57	173	231	299
внутренней и внешней торговли	8	37	37	44
кредитных учреждений	7	20	47	68
коммунального и жилищного хозяйства	132	191	276	326
лесов и недр	54	105	238	268
Государственные займы	184	131	146	319
Средства государственного страхования	-	420	670	927
Операции казначейства, связанные с проведением денежной реформы	315	115	-	-
Всего доходов:	2 026	3 119	4 246	5 877

Составлено по данным: Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917 – 1950 гг.). М., 1978. С. 93, 116; Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1955. С. 76.

Показатели таблицы 4.50 говорят о том, что структура важнейших параметров доходной части государственного бюджета на протяжении четырех лет оставалась в основном стабильной. Налоги и сборы приносили примерно половину всех фискальных денег. Удельный вес неналоговых поступлений от государственного хозяйства колебался в интервале 27 - 29%.

Выпуск новых рублевых купюр и металлической монеты взамен старых совзнаков в ходе денежной реформы пополнил фонды Наркомфина изрядной суммой в 430 млн. руб. С 1924/25 г. в бюджетных источниках важное место заняли средства системы государственного страхования. Доля этих налогообразных платежей приблизилась к отметке 16%. Стремление к росту проявили и ресурсы государственных займов.

Советский финансовый аппарат продвигался по траектории воссоздания довоенной структуры доходов. О степени восстановления прежних пропорций можно судить по таким цифрам. В 1913 г. общий размер обычных, т.е. без государственных заимствований, доходов равнялся 3 240 млн. руб. Из них налоги и пошлины дали 1 139 млн. руб., в том числе прямые налоги - 250 млн. руб., косвенные - 671 млн. руб. Доходы же от государственных регалий и имущества составили 1 966 млн. руб., в том числе от казенной винной монополии - 838 млн. руб.¹⁴⁶

Бюджет СССР в реальном исчислении, т.е. с учетом ценовых дефляторов, так и не дотянул на пятый год нэпа до уровня обычных бюджетных доходов Российской империи в 1913 г. Доходы бюджета (без учета государственных займов), скорректированные по индексу розничных цен, в 1925/26 г. равнялись 1 830 млн. золотых руб., а уточненные по индексу оптовых цен, достигли 2 135 млн. золотых руб. В 1926/27 г. эти показатели дотянули соответственно до 2 449 млн. руб. и 3 021 млн. руб. золотом.

Казенное хозяйство в 1913 г. обеспечило 60,7% всех поступлений в бюджет. Приблизительно такой же была доля государственного уклада в 1925/26 г., если ее считать по методике царского правительства. Удельный вес социалистических предприятий в 1925/26 г. составлял 43,1% в собранном подходном налоге и 60% в платежах промыслового налога¹⁴⁷. В абсолютном выражении сие соответственно давало 80 млн. руб. и 290 млн. руб. Вместе с акцизами и

неналоговыми доходами их сумма была тождественна 2 448 млн. руб. По отношению к общей величине обычных доходов она составляла 60,1%.

В первые годы нэпа в нашей стране преобладало прямое обложение. При императорском правлении картина была иной. На прямые налоги в 1913 г. приходилось всего 7,7% доходов государственного бюджета. Косвенные же подати гарантировали государевой казне 46,5% ее обычных поступлений. В 1926/27 г. доля косвенных налогов в обычных доходах бюджета советской власти определялась в 25,2%, а удельный вес прямых налоговых платежей равнялся 28,8%. Прослеживалась тенденция к замещению прямого налогообложения косвенным. Удельный вес последнего в налоговых сборах увеличился с 31,3% в 1923/24 г. до 46,6% в 1926/27 г. При застывшей пропорции таможенных пошлин доля акцизов в налогах резко повысилась с 24,5% до 40,3%. Опережающий рост акцизного обложения свидетельствовал, что Наркомфин “чтил заветы” и продолжал традиции царского финансового ведомства.

На производстве подакцизных продуктов специализировались казенные предприятия. Поэтому поощрение их деятельности ради фискальных интересов означало усиление роли государственного хозяйства в поступлении доходов бюджета. Косвенные налоги, включаемые в цены товаров массового спроса, страховали правительство от превратностей экономической конъюнктуры. Эти деньги быстро и бесконфликтно собирались с населения.

Другой надежной опорой бюджета служили национализированные предприятия различных отраслей. Возрождение крупной промышленности сопровождалось расширением притока ее ресурсов в централизованные фонды. Удельный вес индустрии в неналоговых доходах казенного хозяйства за четыре года повысился с 8,4% до 17,2%.

Сравнительное развитие финансовой сферы представлено в таблице 4.51. Доходы бюджета росли самыми устойчивыми темпами. Их динамика слабее всего была привязана к объемам производства в сельском хозяйстве и промышленности. Тесную связь платежи в казну обнаруживали с суммой наличных денег в обращении и банковских операций. Такая зависимость объяснялась тем, что бюджетные потоки - это движение средств платежа.

Таблица 4.51

**Приросты показателей экономического развития СССР
в 1924/25 – 1926/27 гг., % (в сравнении с предыдущим годом)**

Показатели	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Товарная продукция сельского хозяйства	30,3	6,3	13,5
Валовая продукция промышленности	64,8	39,8	18,6
Розничный товарооборот	44,0	50,9	16,9
Масса наличных денег в обращении	71,2	20,3	26,1
Сумма баланса банковской сети СССР	108,4	33,3	39,8
Доходы бюджета	53,9	36,1	38,9
Налоговые доходы бюджета	61,8	36,7	36,9
Доходы от акцизов	107,8	66,5	43,9

Количество циркулировавших денег формировало доходы всех субъектов хозяйствования, в том числе государства. Со своей стороны банковское кредитование имело солидную подпитку из бюджетных источников, и не только безналичных. Эмиссия казначейской валюты вносила весомый вклад в снабжение оборота копеечными монетами и рублевыми купюрами. Высокие приросты доходной части бюджета поддерживались и сборами налогов, особенно усилением их акцизной составляющей, что подтверждают значения показателей в последних строках таблицы 4.51.

Доходы централизованной финансовой системы увеличивались быстрее, чем объемы производства и торговли. Стало быть, нагрузка бюджетных изъятий тяжела. Течение этого процесса иллюстрируют данные таблицы 4.52. Все большая часть ресурсов отечественного хозяйства перераспределялась через каналы государственного бюджета. Одновременно росло налогообложение в расчете на душу населения.

Таблица 4.52

Доходы и налоговые платежи в 1924/25 – 1926/27 гг.

Показатели	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Отношение доходов бюджета к народному (национальному) доходу, %	20,0	21,0	24,9
Народный доход на душу населения, руб.	111,4	141,6	161,3
Налоговые платежи на душу населения, руб.	11,5	15,3	20,5
Доля налогового изъятия из народного душевого дохода, %	10,3	10,8	12,7

Рассчитано по данным: Старков П., Неусыпин А. Бюджет и народный доход // Плановое хозяйство. 1927. № 10. С. 48, 49; Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12.

Сопоставить тяготы налогового бремени разных социальных слоев можно по статистическим выкладкам Ю. Ларина. Они указаны в таблице 4.53. Аналогичные величины показателей высчитывал и М. Бубнов. По его оценкам, в 1924/25 г. деревенское население отдавало в виде налогов в среднем на одного человека 7,5% дохода, рабочее население - 11,1%, прочее городское население - 17,5%¹⁴⁸. Горожане занимали среди жителей страны менее 20%, но уплачивали в казну свыше половины общей суммы налогов.

Таблица 4.53

Структура численности, доходов и налогообложения социальных групп населения в 1926 г., %

Социальные группы населения	Доля в численности населения	Доля в доходах	Доля в налоговых платежах
Крестьяне бедняки и батраки	25,1	11,5	5,0
Крестьяне середняки	49,0	35,7	25,9
Зажиточные крестьяне (“кулаки”)	1,6	5,6	5,4
Рабочие и служащие	16,8	28,0	42,1
Мелкие несельскохозяйственные предприниматели	7,0	14,9	13,9
Крупные несельскохозяйственные предприниматели (капиталисты)	0,5	4,3	7,7
Итого:	100	100	100

Составлено по данным: Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С.265.

Своеобразно описывал сложившуюся ситуацию Ю. Ларин: “Бросается в глаза наличие некоторого “переобложения” рабоче-служащей группы в городе. Объясняется это тем, что пролетариат как носитель социалистического переустройства общества сознательно берет на себя относительно большую часть тяжести, чем какую налагает на своих союзников из области частного трудового хозяйства (средняк в сельском хозяйстве, кустарь в промышленности и т.п., “простое товарное производство”). Такая линия пролетариата находит себе выражение, во-первых, в обложении значительной части рабочих и служащих подоходным налогом, и во-вторых - главным образом - в принятой нами системе косвенных налогов на предметы потребления фабрично-заводского происхождения. Последнее объясняет в значительной мере и разницу в тяжести обложения между сельским хозяйством и другими занятиями. Земледельцы вместо продуктов, обложенных косвенными и таможенными налогами, отчасти потребляют самодельные, а отчасти вообще потребляют меньше этих продуктов на душу сравнительно с прочим населением”¹⁴⁹.

Если опустить “сугубо идеологическую” преамбулу, то смысл сказанного можно резюмировать так. Городские сословия активнее участвуют в товарно-денежном обороте. Поэтому их доходы, при прочих равных условиях, являют собой обильный источник фискальных платежей. Советские бюрократы, как и столоначальники императорской эпохи, были заинтересованы в попечительстве российской индустрии. Подъем промышленности сопровождался основанием и укрупнением городов и, следовательно, обогащал бюджет полноводным потоком налоговых сборов.

После денежной реформы изменилась политика правительства в области государственных кредитов – займов. Начиная со второго выигрышного займа 1924 г., прекратилась принудительная реализация облигаций покупателям. До того власти использовали обязывавший порядок распространения ценных бумаг в целях компенсации бюджетных дефицитов и стабилизации денежной системы.

В 1923 - 1924 гг. государственное регулирование фондового рынка было скорее символическим, ибо перенасыщенность оборота ценными бумагами соседствовала с недостатком средств в казначействе и банках. Навязывание займов настолько понижало их курс - рыночную цену, что расчетная доходность при погашении облигаций взлетала до невероятной высоты - 140% по второму выигрышному займу¹⁵⁰. Но спрос на ценные бумаги отсутствовал. Публику не вдохновляла ожидаемая выгода.

Переход к добровольному размещению займов совпал с развертыванием личной инициативы и предпринимательства. Он создал емкий рынок государственного кредита, и деньги частных владельцев потекли в руки казенного уклада. Для продажи гражданам по подписке были выпущены следующие займы: пятипроцентный выигрышный заем 1925 г., второй крестьянский выигрышный заем 1926 г., внутренний выигрышный заем 1926 г., внутренний десятипроцентный выигрышный заем 1927 г., первый заем индустриализации 1927 г.¹⁵¹

Очередной зигзаг нэпа повернул советскую экономику в направлении восстановления фондового рынка ценных бумаг. В течение двух лет постепенно сплетались порванные нити сложного узора биржевых торгов казенными облигациями. Эмиссии 1924 - 1925 гг. были сдержанными и не торопились с привлечением огромных денег в бюджет. Задача заключалась в демонстрации новых принципов государственного кредита. Наркомфин осуществлял постоянные интервенции, скупая собственные облигации в целях повышения их курса.

“Вслед за этим, - по словам Г. Вульфа, - начинается период подлинного нэпа в области государственного кредита. Высокая доходность займов, широкая и шумная реклама, оживленный оборот на фондовых биржах, размещение займов по предварительной подписке с последующей разверсткой, планирование государственного кредита в точном соответствии с емкостью рынка и его требованиями, регулирование биржевых цен с учетом реального спроса и предложения - таковы особенности государственного кредита 1925 - 1927 годов”¹⁵².

Осторожная политика выпуска новых займов и частичное снятие облигаций сберегательными кассами в 1925 - 1926 гг. сделали регулирование фондового рынка первоначально возможным, а затем и эффективным. Государственные органы почти целиком контролировали курсовые котировки ценных бумаг.

Ход событий в сфере обращения государственных долговых обязательств комментировал В.Я. Железнов: “На фондовом рынке господствовал Наркомфин и самовластно определял условия реализации государственных займов. Работа по восстановлению курсов первого и второго выигрышных займов за слабостью фондового отдела биржи была перенесена на “американку” - вечернюю биржу, где и сформировались первые кадры “биржевиков-фондовиков”. Путем этих операций удалось поднять курс займов и перевести их из слабых в “твердые” руки. Но никакой самостоятельности бирже предоставлено не было”¹⁵³.

Правительство использовало биржу не только как инструмент привлечения к государственному кредиту анонимных держателей, но и как механизм установления цены казенных облигаций и выяснения тенденций развития рынка свободных капиталов. К середине 1926 г. результирующий доход от займов был сведен к 15 - 18%. На том же уровне стояли тогда и проценты по платежным обязательствам Центрокассы - краткосрочным ценным бумагам Наркомфина, которые приобретали в основном социалистические предприятия.

Данная норма доходности соответствовала другим рыночным параметрам. Банковский учетный процент составлял на государственном рынке 8 - 10%, на частном организованном рынке 48 - 60%. Чистая прибыль частных заведений колебалась в интервале 23 - 32%¹⁵⁴. Таким образом, доходность облигаций была выше учетного процента в стабильной банковской системе, но ниже нормы предпринимательской прибыли и процента в еще более рискованных, частных кредитных операциях.

О развитии государственного кредита рассуждали специалисты. “В финансовой науке, - писал: Л.Н. Юровский, - существует проблема, о которой учебники финансов трактуют обычно на одной из первых страниц раздела, посвященного государственному кредиту. Проблему эту принято обозначать словами: “налог или заем”, причем речь идет о том, следует ли предпочитать выпуски займов или установление налогов в различных случаях, встречающихся в финансовой практике”¹⁵⁵. Критерием выбора решения служит известная формула - “налог берет деньги там, где их нет, а заем берет их там, где они есть”.

Преимущества государственного кредита перед налогами отмечал С.Т. Кистенев¹⁵⁶. Государственный кредит - метод добровольного изъятия, в отличие от принудительных налоговых сборов. Он улавливает такие излишки доходов, до которых одним налоговым методом трудно добраться, не рискуя серьезно подорвать положение плательщиков. Государственный кредит, реально увеличивая ресурсы казны, формально не уменьшает ресурсов отдельных хозяйств, создает для них резервные фонды или своего рода страхование, повышает устойчивость хозяйств. Изъятие при посредстве кредитного метода может способствовать индивидуальному сбережению и самоограничению потребителей. Напротив, прямое обложение может, при известных обстоятельствах, стимулировать рост потребления. Косвенные налоги и монопольная прибыль поднимают цены товаров. Для государственного кредита это не характерно.

О том, как расходились облигации займов по территории страны, дает представление таблица 4.53. Она показывает эволюцию политики государственного кредита.

Таблица 4.53

**Распределение облигаций государственных займов по населенным пунктам СССР
в 1925 - 1927 гг., млн. руб.**

Названия населенных пунктов	Пятипроцентный краткосрочный заем 1925 г.	Выигрышный заем 1926 г.	Десятипроцентный выигрышный заем 1927 г.	Первый заем индустриализации 1927 г.
Ленинград, Москва, Харьков	46,3	22,9	70,8	94,6
Прочие населенные пункты СССР	5,3	7,0	30,7	105,6
Всего:	51,6	29,9	101,5	200,2

Составлено по данным: Лоевецкий Д.А. Кредитная система и государственные займы // Кредит и хозяйство. 1928. № 8. С. 14.

Первоначально расчет делался на привлечение незанятых денег состоятельных людей. Впоследствии финансовое ведомство стало ориентироваться на приобретение облигаций широкими слоями населения. Была объявлена предварительная подписка на займы и предложена процедура покупки ценных бумаг посредством мелких, растянутых во времени платежей, доступная небогатым гражданам. Подобное закрепление облигаций повышало их доходность в течение первых месяцев реализации займов. Но норма дохода была важна не твердым держателям государственных бумаг, а лишь биржевикам.

Займы 1927 г. уже прямо нацеливались на массовые трудовые сбережения. Облигации распространялись не только в трех крупнейших центрах страны, но и попадали к жителям других городов и регионов. Ликвидность - свободная купля-продажа облигаций и гарантия курса позволяли успешно размещать займы.

Государственный кредит качественно преобразился в 1927 г. Займы начали выполнять несвойственную им функцию принудительного ограничения личных доходов граждан. Эту роль, как правило, играют налоговые платежи. На смену обстоятельств справедливо обратил внимание Л.Н. Юровский. По мнению автора, кредитные операции 1927 г. с полной очевидностью показали, что политика государственного кредита Советского Союза ориентируется не на привлечение в займы свободных в момент объявления подписки средств населения, а на текущее накопление широких масс, в первую очередь рабочих. В займы притекали средств тех же слоев населения, которые были бы достигнуты налогом. Даже индивидуальное распределение было бы приблизительно таким же¹⁵⁷.

Доходы государственного бюджета обуславливали его расходы. Формирование структуры расходной части бюджета СССР отражено в таблице 4.54. На протяжении четырех лет советские финансисты хозяйничали умело, бездефицитно. Поступление средств в казну превышало их траты. Баланс доходов и расходов бюджета сводился с минимальным активным (положительным) сальдо. Структура расходной части бюджета оставалась стабильной с 1923/24 г. по 1925/26 г. Удельный вес финансирования народного хозяйства, социальной сферы, обороны и органов управления колебался весьма незначительно.

Таблица 4.54

Расходы государственного бюджета СССР в 1923/24 – 1926/27 гг., млн. руб.

Статьи расходов	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Расходы на народное хозяйство	557	916	1 224	2 085
в том числе: промышленность	161	188	281	685
сельское хозяйство	90	233	283	298
транспорт и связь	150	196	283	527
коммунальное и жилищное хозяйство	52	162	257	346
Расходы на социально-культурные мероприятия	355	528	746	993
Оборона	402	418	569	651
Содержание органов управления	283	387	532	545
Расходы по государственным займам	75	70	123	101
Государственное страхование	-	420	645	840
Всего расходов:	2 022	3 065	4 210	5 780

Составлено по данным: Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. С. 92.

Серьезная перегруппировка ресурсов произошла в 1926/27 г. вслед за провозглашением директивы об индустриализации страны. Доля расходов на народное хозяйство в общей сумме бюджетных выплат возросла за год с 29,1% до 36%. Удельный вес финансирования промышленности в расходах казны за тот же срок почти удвоился, с 6,7% до 11,9%. На поддержку индустрии в 1926/27 г. тратился каждый третий бюджетный рубль, вложенный в экономику. Развитие промышленности требовало улучшения путей сообщения. Поэтому увеличилась доля государственных инвестиций в транспорт и связь с 6,7% в 1925/26 г. до 9,1% в 1926/27 г.

Завершение восстановительного подъема поставило державу перед необходимостью реконструировать техническую и технологическую базу отечественной экономики. Одним из ответов на запросы времени стала перестройка государственных финансов в интересах индустриализации. Бюджет все больше подчинялся обеспечению экономического роста.

На одной стороне расширялся плацдарм доходной части. Нарастивались поступления от косвенных, акцизных налогов, которые мало зависели от текущего состояния хозяйственной конъюнктуры и динамики личных доходов населения. Отягощалось налоговое обложение частного сектора в пользу казначейства. Возрождался государственный кредит.

На другой стороне полученные доходы целенаправленно распределялись на нужды социалистического хозяйства, прежде всего промышленности. Таким образом, государственное предпринимательство переналаживало свой самый мощный экономический механизм - бюджет, приспособляло его к проведению политики ускоренной индустриализации.

ГЛАВА V. Становление парадигмы директивно-планового хозяйствования

Под парадигмой чаще всего разумеют теоретические устои, которые господствуют в научных кругах на протяжении определенного исторического этапа. Встречается и более широкое толкование этого термина. В частности, американский философ Т. Кун воспользовался понятием парадигмы для периодизации научно-технических достижений, имея в виду сумму технико-производственных знаний и способы их практической реализации¹.

Думается, что допустимо еще более объемлющее воззрение. Хозяйственный механизм общества можно рассматривать как своеобразную хозяйственную парадигму: систему экономических знаний и практических навыков, образцов (примеров) поведения, стимулов и регуляторов воспроизводства, организационных форм, правовых, культурных, религиозных норм, идеологических установок. У каждого народа образуется свое сочетание частного почина и государственной регламентации, идеологии индивидуализма и соборности, почитания традиций и веры в здравый смысл. Оно формирует тип работника, трудовую этику, потребности, хозяйственное право, которые придают национальные особенности экономике. “Парадигмальный” подход позволяет учесть специфику течения отечественной истории.

Господствующие образцы хозяйственного поведения сводят воедино обособленные устремления различных людей, социальных групп, коммерческих предприятий и некоммерческих учреждений, государственных органов управления. Перечисленные субъекты вынужденно приспособляются к существующей экономической ситуации. В то же время они деятельно, соразмерно собственной мощи, видоизменяют условия хозяйствования, приближают грядущие структурные сдвиги в экономике, подготавливают очередные реформации экономической мысли и хозяйственных регуляторов. При этом, естественно, возникает напряженность и зреют конфликты между социальными силами, благополучие которых связано с новоявленной или изживаемой системой ценностей.

Смена хозяйственных парадигм, как правило, сопряжена с коренной перестройкой отраслевой структуры экономики, когда освоение серии научно-технических достижений и передовых технологий создает перспективные сферы и формы организации предпринимательства. Межотраслевой перелив капитала направляет людей на открываемые рабочие места. Распределение занятости трудоспособного населения определяет интересы, идеологические предпочтения и расстановку сил социальных групп.

Предпосылки новой парадигмы хозяйствования в нашей стране накапливались в ходе восстановительного подъема экономики. Их наличие осязаемо обнаружилось после официального провозглашения курса на индустриализацию. В условиях преобладания государственного предпринимательства выстраивался механизм, которому предстояло обслуживать реконструкцию отечественного хозяйства на современной промышленной базе.

В 1926 - 1927 гг. между специалистами разгорелась нешуточная полемика по поводу состояния советской экономики и перспектив ее развития. Накал страстей свидетельствовал: научное сообщество вырабатывало концептуальные теоретические взгляды на происходившие перемены. Дискуссия шла на фоне событий, казавшихся повторением ближайшего прошлого.

Обострение товарного голода возродило явления, характерные для периода военного коммунизма. Активизировалось плановое творчество. Правительственные круги с головой погрузились в написание текущих и перспективных планов вверенных им частей народного хозяйства. Для выполнения спускаемых “сверху - вниз” указаний понадобились надлежащие руководящие органы. Поэтому в управлении национализированной промышленностью были воссозданы “главки”.

Переделка аппарата ВСНХ началась в 1926 г. с целью укрепления единого руководства казенной индустрией. Вместо директоратов центрального управления промышленностью - ЦУГ-прома были образованы отраслевые главные управления - “главки”, которые непосредственно подчинялись Президиуму ВСНХ СССР. Главки командовали подготовкой годовых и многолетних планов снабжения, производства и сбыта продукции, формированием программ капитальных работ и строительства своих отраслей, осуществляли контроль за повседневным хозяйствованием трестов и синдикатов.

Реорганизация ведомственного управления индустрией противоречила правовым нормам, закрепленным в декрете от 10 апреля 1923 г. “О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)”. Поэтому в 1926 г. был поставлен вопрос о ревизии законодательных положений в сторону стеснения предпринимательской инициативы трестов. В том же году увидело свет очередное (третье) издание сборника “Законодательство о трестах и синдикатах” с предисловиями и комментариями А.М. Гинзбурга. Эти суждения специалиста помогают оценить взаимоотношения различных уровней руководства промышленностью.

Постановку проблемы поясняло высказывание автора о значении правовых моментов хозяйственной парадигмы: “Никакое хозяйство немыслимо без правовой надстройки и внешней организационной структуры... В то же время никакое построение в системе промышленного права невозможно без точного учета тенденций хозяйственного развития... Никакая организационная схема не может найти применения в жизни, если она не приноровлена к конкретным условиям развития данной среды”².

Декрет от 10.04. 1923 г. создал организационные формы, которые помогли промышленности успешно пройти восстановительную стадию, пополняя запасы оборотных средств, вовлекая в дело бездействовавший основной капитал. Переход к этапу реконструкции кардинально изменил обстановку. Сооружение новых производственных мощностей фабрик и заводов предполагало интенсивное сбережение и вложение капитала, причем таким темпом, чтобы не отстать от мирового хозяйства и удовлетворить запросы быстро растущей страны, уже два года пораженной товарным голодом.

Предстояло взвесить аргументы и выяснить, обеспечивают ли статьи декрета о коммерческом расчете подчинение инициативы трестов проведению экономической политики правительства. Допускают ли они широкомасштабное перераспределение инвестиционных ресурсов предприятий на нужды индустриализации. В этом ракурсе следовало уточнить границы хозяйственной самостоятельности основного производственного звена.

Организация казенной промышленности была внутренне противоречивой. В ней присутствовали как признаки частнокапиталистических заведений, так и черты некоммерческих учреждений, доходы и расходы которых определялись интересами бюджета. Принадлежность трестов к государственной собственности сдерживала реализацию их коммерческих установок. Об этом подробно писал А.М. Гинзбург³.

Советские предприятия, хотя и представляли собой отдельную имущественную массу, в то же время были органами государственного управления. Оно осуществлялось через должностных лиц, отвечавших перед властями в гражданско-правовом, уголовном и дисциплинарном порядке. Не обладая специальной принудительной монополией, тресты пользовались известными преимуществами перед остальными субъектами хозяйствования.

Прибрав к своим рукам почти всю крупную промышленность, транспорт, банки и прочие “командные высоты экономики”, государство не могло доверить взаимную увязку работы отдельных элементов народного хозяйства рыночной стихии и старалось гасить ее нежелательное влияние “плановым” вмешательством. Подобное регулирование было “призвано предотвращать частичные и общие кризисы”, нарушавшие ход экономической жизни. Поскольку государство присвоило фабрично-заводскую промышленность и мешало распространению оборота частных предприятий, постольку оно взяло на себя обязательство снабжать рынок всеми нужными товарами по ценам, доступным широким слоям покупателей.

Рабочая сила нанималась на социалистические предприятия по форме индивидуального трудового соглашения. Но занятые в производстве рабочие объявлялись отрядом авангардного класса, от имени которого вершилась политическая власть в стране.

Обособленность трестов от остального государственного имущества могла быть только относительной, неполной. Их разрозненное хозяйствование сводилось воедино потребностями общесоюзной казны. Промышленность была представлена в доходах бюджета суммарным финансовым итогом по всем предприятиям, а не показателями прибыли по отдельным трестам. Точно также в бюджетных расходах учитывались сводные цифры дотаций по важнейшим отраслям индустрии.

Логика отношений собственности диктовала содержание хозяйственного права. На это обстоятельство обращал внимание автор комментариев к декрету о коммерческом расчете: “Если промышленность фигурирует в бюджете лишь конечным сальдо [остатком - Г.Ч.], если между промышленностью и бюджетом устанавливаются взаимоотношения как между особым фондом и государственной казной, то из этого необходимо сделать вывод, что весь вообще капитал, вложенный в промышленные предприятия, представляет собой единое законченное целое”⁴.

При таком взгляде выручаемая трестом прибыль совершенно оправдано признавалась достоянием государства. Даже либеральный декрет от 10 апреля 1923 г. толковал не о праве бюджета на присвоение прибыли предприятий как части казенного имущества, а об отчислении ее в фонды Наркомфина.

Получение прибыли не являлось единственной задачей государственного предпринимательства. Собственность государства выходила за границы компетенции производственных звеньев. Поэтому его интересы были шире коммерческих устремлений каждого конкретного треста к росту доходов. Правительство было заинтересовано в социальной стабильности, укреплении внешнеполитического авторитета и военной мощи СССР, ускоренной индустриализации державы, эффективном пополнении и использовании финансовых источников.

Советская власть составляла баланс доходов и расходов по всему национализированному хозяйству. Она избегала открытой конкурентной борьбы между собственными предприятиями, ибо предсказуемым результатом соперничества были бы разорение слабых и потеря ресурсов внутри госсектора. Правительственные органы противостояли предпринимательской стихии “красных директоров”, стремились поставить их в намеченные условия производства и торговли. Воздействие государства не исчерпывалось рынком товаров и услуг. Оно затрагивало рынки труда (рабочей силы), денег и капитала.

Двойственность хозяйственного положения социалистических производственных единиц нашла отражение в комментариях к декрету от 10. 04. 1923 г., где трест назывался государственно-капиталистическим предприятием⁵. Кодификатор без оговорок говорил, что государственный капитализм воспринял все организационные формы управления промышленностью, свойственные частнокапиталистическому хозяйству, придав им лишь новое содержание⁶. Таким образом, универсальные правовые формы, обслуживавшие рыночные хозяйственные связи, обеспечивали преемственность экономического развития России.

Новизна содержания юридических норм, регламентировавших деятельность треста, вытекала из его казенной принадлежности. Именно специфика государственной собственности подвигнула бюрократию разом декретировать хозяйственную обособленность предприятия и его административное подчинение.

На момент обнародования весной 1923 г. декрет устанавливал коммерческое начало в качестве определяющего принципа управления промышленными трестами, ограничения которого детально прописывались в ряде пунктов законодательного акта. Но на практике было суждено идти в обратном направлении - по пути ослабления предпринимательской инициативы производственных звеньев под нарастающим нажимом централизованного руководства.

В первые годы нэпа в режим коммерческого расчета постепенно переводились те казенные предприятия, продукция которых пользовалась устойчивым покупательским спросом. Им вменялось в обязанность добиваться максимальной прибыли ради обогащения бюджета. Для осуществления сих намерений трестам предоставили по декрету от 10.04. 1923 г. типичные частнокапиталистические права: установления вольных, договорных цен, выбора торговых агентов, привлечения кредитов и т.д.

Возрождение крупной индустрии сопровождалось интенсивным переходом фабрик и заводов из разряда убыточных в число рентабельных. Между ними возобновлялись технологические цепочки. Росла взаимозависимость предприятий государственного сектора, вызывая настоятельную потребность в его едином плановом руководстве. Обратной стороной данной тенденции было ослабление методов стихийного рыночного регулирования деятельности трестов.

Предпринимательские свободы директорского корпуса таяли вместе с раздвижением полномочий вышестоящих управленческих структур. Передел областей влияния в пользу правящей бюрократии происходил периодически при возникновении конфликтных, неравновесных макроэкономических ситуаций. Кризисные явления, время от времени сотрясавшие отечест-

венную экономику, - “ножницы цен” и затруднения со сбытом промышленных изделий осенью 1923 г., “червонная инфляция” после денежной реформы 1924 г., “товарный голод” в 1925 г. - привели к глубокому вмешательству ведомств в повседневные дела предприятий.

Эволюция этого процесса была недолгой: от назначения указных цен на некоторые товары до введения планового порядка распределения готовых продуктов. А.М. Гинзбург так констатировал состояние товарообмена казенной индустрии в 1926 г.: “На деле принудительные цены установлены для очень большого числа предметов промышленного производства. Отпуск товаров ограничен системой плановых завозов, охватывающих всю территорию СССР и ряд важнейших продуктов массового потребления. Выбор контрагентов ограничен системой генеральных договоров кооперации. Заготовки сырья проводятся через немногие торгово-заготовительные органы с лишением всех других прав самостоятельного выступления на рынке”⁷.

Торговые функции все больше возлагались на синдикаты, придавая трестам однобокую производственную специализацию. Вслед за администрированием торгового оборота правительственные чиновники приступили в 1925/26 г. к планированию производства на предприятиях. Развитие планирования было объективно обусловлено. В его основе лежала необходимость постоянного разрешения противоречий интересов вокруг казенной собственности. Суть проблемы верно высветил А.М. Гинзбург, указывая, что “хотя предприятие и составляет самостоятельную имущественную массу, оно все же лишь часть государственного хозяйства”⁸.

Вовлеченность в систему государственного предпринимательства очерчивала пределы, в которых предприятия могли распоряжаться своими средствами. Она также предполагала директивность, т.е. неукоснительное исполнение решений вышестоящих органов управления для нижестоящих звеньев. Буквой директивности была проникнута и документация планов, составленных и “спущенных сверху”.

Практика военно-коммунистического планирования вновь стала злободневной темой дискуссий в середине 20-х годов. В контексте декрета о коммерческом расчете обсуждал эту проблему А.М. Гинзбург. Автор говорил о неопределенности самого понятия “плановое начало”. Большинство в нем видело “ограничительные принципы государственного управления промышленностью”⁹. Поэтому хозяйственная деятельность предприятий должна была подчиняться ведомствам, обязанным блюсти общегосударственные интересы. В методологии экономической науки такой подход выражался в непримиримом противопоставлении плана рыночной стихии.

Среди экономистов бытовало и иное толкование термина “плановое начало”. Его именем обозначали “необходимость ведения всего государственного хозяйства на основе заранее разработанного и предусматривающего все детали плана, который должен определить работу всех ячеек народного хозяйства, образующих систему единого общественного хозяйства”¹⁰. Повод к подобному суждению давала реальность. В стране складывалась структура целостного хозяйственного плана в виде “контрольных цифр Госплана”, охватывавшего кварталное и годовое планирование всех сфер государственного сектора.

Мнение же комментатора было не столь категоричным: “Применение планового начала ... не должно вырождаться в систему глубоко идущей регламентации ... Экономическое планирование не должно уподобляться административным расписаниям и предписаниям, не учитывающим всей сложности хозяйственной жизни. Составление и утверждение хозяйственных планов не должны убивать хозяйственную самостоятельность тех первичных ячеек, которые призваны проводить план в жизнь”¹¹.

А.М. Гинзбург считал, что в статьях декрета от 10.04. 1923 г. есть достаточный простор для выбора наилучшего сочетания коммерческой самостоятельности трестов с плановым управлением. Нормы законодательного акта гарантировали планомерность не столько формой производственных программ и смет, сколько полномочиями центральных ведомств. Регулирующие инстанции наделялись правами троякого рода. Во-первых, лишь с их одобрения тресты могли распоряжаться своим имуществом. Во-вторых, начальственный состав трестов определялся предписаниями свыше. В-третьих, правительственная иерархия контролировала и визировала производственные и финансовые планы предприятий, по собственному усмотрению регламентировала отпускные цены и распределение товарной продукции¹².

Редактирование и пересмотр декрета о коммерческом расчете, по убеждению А.М. Гинзбурга, нельзя проделывать исходя лишь из соображений текущего момента. Не следует вносить

в законодательство “принципов далеко идущей регламентации” под воздействием рыночного состояния товарного голода. По мысли автора: “Управление государственной промышленностью, поскольку оно закрепляется в законодательных актах, не должно строиться только под влиянием отдельных колебаний промышленной конъюнктуры, но должно учитывать общую линию хозяйственного развития”¹³.

Тем временем государственное предпринимательство продолжало идти по пути становления системы директивно-планового управления. Возникавшие экономические отношения требовали своего юридического оформления. Упомянутый А.М. Гинзбург предлагал обновить определение статуса государственного треста следующим образом: “Тресты утверждаются в качестве самостоятельных хозяйственно-коммерческих единиц для объединенного управления на началах коммерческого расчета промышленными заведениями, поименованными в уставе, соответственно плановым заданиям ВСНХ и СТО и действующим узаконениям по регулированию промышленной деятельности”¹⁴.

Смену обстановки хозяйствования позволяет ощутить сравнение приведенной формулировки с принятой ранее нормой права - статьей первой декрета от 10.04. 1923 г. Последняя гласила: “Государственными трестами признаются государственные промышленные предприятия, которым государство предоставляет самостоятельность в производстве своих операций согласно утвержденному для них уставу и которые действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли”¹⁵.

В цитированном выше определении кодификатор убрал главную целевую характеристику коммерческой деятельности треста - получение прибыли и дописал решающее условие ее ограничения - соответствие плановым заданиям ВСНХ и СТО. Фактически же была введена еще более строгая по отношению к производственным единицам норма.

Новый законодательный акт - постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 29 июня 1927 г. “Положение о государственных промышленных трестах” - определял организационную форму казенного треста так: “Государственным промышленным трестом признается государственное промышленное предприятие, организованное на основе особого устава в виде самостоятельной хозяйственной единицы с правами юридического лица и неделимым на паи капиталом, состоящее в ведении одного, указанного в уставе государственного учреждения и действующее на началах коммерческого расчета в соответствии с плановыми заданиями, утверждаемыми упомянутым учреждением”¹⁶. Здесь уже прямо декларируется директивный, обязательный для исполнения, порядок планирования. А статус треста низводится до предприятия, состоящего в ведении указанного в уставе учреждения, т.е. отраслевого главка. Примечательно, что в заглавии “Положения” отсутствовали слова о коммерческом расчете.

Ослабление правомочий трестов проявилось в изменении содержания разделов законодательных актов. В частности, третий раздел декрета от 10. 04. 1923 г. назывался “Имущество и порядок ответственности треста”. Аналогичный раздел в постановлении от 29. 06. 1927 г. нарекли “Управление трестом”. Статья 15 “Положения о государственных промышленных трестах” расширила компетенцию главков за счет прав утверждать производственно-финансовые планы и программы капитального строительства подведомственных хозяйственных единиц, устанавливать отпускные цены трестов, занаряживать их продукцию¹⁷. От статьи 29 “апрельского декрета” 1923 г., в которой четко оговаривалось, что ВСНХ не вмешивается в текущую работу правления треста,¹⁸ остались одни воспоминания.

Серьезнее всего предпринимательская свобода руководителей трестов пострадала от практического лишения их возможности самостоятельно назначать цены продаваемых изделий. Одновременно уменьшилась доля прибыли, формально оставляемой в руках промышленных объединений, с 32% до 29,5%¹⁹. Коммерческий результат теперь мало зависел от собственных усилий производителей и почти полностью предвлялся указаниями центральной бюрократии. Поэтому из хозяйственного законодательства исчезло положение, вещавшее, что государственные тресты работают с целью извлечения прибыли.

Государственно-капиталистическое предпринимательство все больше становилось государственным и все меньше капиталистическим. Эту тенденцию наглядно показало сопоставление декрета от 10. 04. 1923 г. с постановлением от 29. 06. 1927 г. Юридические нормы фиксировали реально складывавшиеся отношения управления казенным имуществом. Перемены в экономике подталкивали к пересмотру правовых уложений.

К концу восстановительного этапа созрели условия для руководства государственным сектором при помощи единого плана. Новые взаимоотношения между трестами и правительственными органами были закреплены в положении 1927 г. Укреплявшаяся директивно-плановая хозяйственная парадигма получила свое правовое оформление.

Государство вынуждено было искать адекватную форму развития предприятий в режиме централизованного планирования. Из противоречивого сочетания оперативной самостоятельности производителей и плановых заданий выростала смешанная, гибридная экономическая форма хозяйственного расчета.

Об отличиях двух принципов функционирования советской экономической системы писал А.М. Гинзбург: «Практически разница между предприятиями, работающими на хозяйственном, и предприятиями, работающими на коммерческом расчете, сводится к тому, что последним вменяется в обязанность извлекать из своих операций прибыль и для этого представляется относительная свобода в установлении цен как на продукцию, так и по заготовкам... Наоборот, хозрасчетные предприятия отпускают продукцию и оказывают услуги по тарифам, установленным властью»²⁰. Коммерческий расчет трестов как средство разрешения противоречий интересов в рамках государственного предпринимательства постепенно превращался в хозяйственный расчет. Так пробивал себе дорогу универсальный и довольно гибкий способ ведения дел на государственных предприятиях.

* * *

Истоки парадигмы директивно-планового хозяйствования восходят к суровым годам первой мировой войны. Российская общественность активно включилась в обсуждение проблем планового руководства отечественной экономикой, пожалуй, в 1916 г.²¹ Идея планирования покорила умы и овладевала душами людей по мере ухудшения дел в нашем хозяйстве. Виновником упадка было казенное предпринимательство, разрушавшее традиционный, рыночный механизм самонастройки экономики державы²².

Затраты средств на содержание армии и оплату оборонных заказов превысили тот критический порог, до которого перераспределение национального дохода допустимо осуществлять обычными методами бюджетных изъятий и регулирования товарно-денежного оборота. Попытки покрытия чрезвычайных расходов при помощи необеспеченной эмиссии рублей и установления указных фиксированных цен перевели хозяйство в режим товарного дефицита или скрытой инфляции - избытка денег. Бестоварье усугублялось также невозобновляемыми потерями основного и оборотного капитала предприятий и частных лиц, сокращением производства в гражданских отраслях.

Хроническая нехватка продуктов в сравнении с покупательским спросом вынудила правительство прибегнуть к нерыночным способам их дележа. Первым шагом в этом направлении была продовольственная разверстка - регламентированная скупка зерна. Затем разнарядка коснулась мяса, масла, сахара, соли, топлива, металла, промышленного сырья и т.д.

Исчерпание стратегических резервов страны поставило на повестку дня вопрос о разумном использовании сохранившихся ресурсов. А рациональность в думавших головах ассоциировалась с государственным плановым регулированием изготовления и распределения товаров. Предполагалось, что централизованное руководство хозяйственной инициативой позволит лучше удовлетворять общественные потребности, нежели свободный рыночный обмен. Стало быть, планирование изначально противопоставлялось стихии рынка. Основанием таких воззрений мог служить объективный ход событий.

Государство в собственных интересах постепенно заменяло куплю-продажу по вольным ценам благ и услуг их «плановым распределением» по указным ценам. Под натиском быстро нараставшей инфляции товарно-денежное обращение уступало место натуральным поставкам продукции. Самые важные продукты объявлялись казенной монополией. Для налаживания подобной плановой деятельности создавались разного рода правительственные органы.

Но итоги управленческих мероприятий, в конце концов, оказывались плачевными. Чем агрессивнее государство транжирило национальные ресурсы на нужды войск, чем значительнее оно истощало производительные силы России, тем интенсивнее протекал процесс натурализации хозяйственных связей, тем дальше на «черный рынок» централизованное регулирование

продуктообмена изгоняло нормальную торговлю по равновесным ценам. Недостаток товаров чувствовался все острее. Чем больше продуктов попадало в разряд дефицитных, тем больше возникало “плановых” органов, которые занимались их производством, заготовкой, транспортировкой, использованием. Чрезвычайное планирование достигло апогея в эпоху военного коммунизма.

Теоретическое осмысление государственного регулирования “донэповской” экономики запечатлелось в документах и публикациях 1920 – 1921 гг. Общественное мнение без разногласий признавало непосредственную зависимость между милитаризацией хозяйства и укреплении его централизованного “планового” руководства. Причем эта закономерность считалась глобальной. Так, резолюция III Всероссийского съезда СНХ (23 - 27 января 1920 г.) констатировала, что “последняя империалистическая война вызвала во всех странах острый недостаток в предметах массового потребления и средствах производства и породила бестоварье, являющееся главным мировым бедствием”²³.

Положение Советской России было неизмеримо тяжелее. Гражданская война препятствовала устранению затянувшегося товарного голода. Преодоление критической ситуации большевики видели в “рациональном использовании производительных сил страны, исключаящем все лишние затраты, достигающем максимальной производительности и проводимом по строго составленному единому плану”²⁴.

Правительственный документ свидетельствовал о качественном изменении государственного предпринимательства. Национализация предприятий многих отраслей сформировала огромный комплекс казенного хозяйства. Поэтому прямое управление ведомств проникло уже в сферу производства. И естественно, что характеристика идеального проекта народнохозяйственного плана в резолюции съезда СНХ получилась преимущественно “производственной”: “Хозяйственный план должен устанавливать мероприятия, которые обеспечили бы: а) согласование работ всех отраслей народного хозяйства, и в том числе всех отраслей промышленности, б) своевременную заготовку сырья и топлива и ставили бы хозяйства, добывающие сырье в благоприятные условия, обеспечивающие развитие этих хозяйств, в) рациональное использование рабочей силы, г) правильное разделение труда между частями страны в соответствии с условиями транспорта, местами нахождения сырья и пр., д) правильное разделение труда между предприятиями при рациональном использовании орудий производства... е) неуклонное проведение в жизнь принципа специализации и массового производства, ж) экономное и целесообразное распределение готовых продуктов”²⁵.

Необходимость планового регулирования воспринималась как первоочередная антикризисная мера. Соответственно содержание разрабатываемых планов и сроки их реализации обуславливались хозяйственной разрухой. Недостаток топлива и продовольствия, отсутствие требуемого числа рабочих, трудность перевозок, скудость запасов сырья позволяли составлять планы в общих чертах и на непродолжительный период.

Методы государственного руководства экономикой определялись конкретными историческими обстоятельствами. Об этом темпераментно писал в 1920 г. С.И. Гусев, призывая понять, “что в революционные эпохи могут быть только революционные методы хозяйственного строительства и что военные методы работы (особенно военные методы гражданской войны, которые резче, острее, стремительнее) весьма близко приближаются к революционным методам ... что наша нищета переворачивает вверх дном все методы хозяйственного строительства ... революционизирует до последних пределов всю нашу хозяйственную работу”²⁶. Автор сравнивал главный орган управления экономикой с “полевым штабом”²⁷, который должен разрабатывать и проводить в жизнь единый хозяйственный план. Аналогия не была оторвана от реальности. “Трудовые армии”, “трудовые мобилизации” существовали не только на бумаге.

В иной тональности в том же 1920 г. рассуждал о плановости А.М. Кактынь, сетуя на межведомственные трения, волокиту и бюрократизм в исполнении даже “ударных заданий”. Он говорил, “что у нас нет единого хозяйственного плана потому, что ... у нас нет единого хозяйственного центра, обуславливающего эту организованность и согласованность в системе нашего хозяйства”²⁸. С точки зрения автора, советский хозяйственный аппарат в течение трех лет, с момента создания в 1918 г. ВСНХ, оставался расплывчатым и разбросанным. Единственным связующим звеном был СНК, который мало уделял внимания экономическим вопросам из-за

напряженной политической борьбы. Отдельные комиссариаты “расползались врозь”, зачастую проводили “чисто ведомственную политику”²⁹.

Но в 1920 г., по мнению А.М. Кактыня, уже созрели предпосылки для окончания строительства единой общегосударственной системы планирования. Во-первых, основные орудия производства и обмена “огосударствлены”. Во-вторых, процесс организационного охвата нашего хозяйства перешел свою кульминационную точку. В-третьих, налаживается учет ресурсов и результатов хозяйственной деятельности. В-четвертых, налицо имеются составные части управленческого аппарата для разработки единого хозяйственного плана. Остается теперь сочетать эти части в единый хозяйственный центр³⁰. Логическим завершением военно-коммунистических тенденций в отечественной экономике стало учреждение по декрету от 22 февраля 1921 г. Государственной общеплановой комиссии. На нее была возложена разработка общегосударственного хозяйственного плана.

Но грянул нэп и заставил окинуть критическим взором опыт государственного предпринимательства на протяжении трех с половиной лет, истекших с момента октябрьской революции 1917 г. Духом переоценки недавнего прошлого была пронизана брошюра Г.М. Кржижановского “Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии (Госплана)”, изданная в 1921 г.

Автор анализировал отрицательные последствия ударного хозяйства и излишне централизованного управленческого аппарата в послеоктябрьский период. Он писал: “В военное время поневоле пришлось отбросить всякие поползновения провести в жизнь стройные государственные планы, вытекающие из существа хозяйственной обстановки всей той громадной территории, границы которой надо было еще утверждать огнем и мечом. Приходилось создавать такой государственный аппарат, который мог бы решительно бросить наибольшее количество сил в любом направлении, наиболее угрожавшем в данный момент устойчивости Республики. А это означает, что военное время по преимуществу требовало работы ударными методами в ударных направлениях. Такая работа по самому существу своему исключает точный общий учет и вероятность предвидения, т.е. исключает как раз основные предпосылки планового хозяйства. Задачи фронта должны были неизбежно преломляться тысячами путей по всей тыловой работе, вплоть до милитаризации основных трудовых процессов, и сугубо централизованный аппарат управления вырос как неизбежное последствие войны. Где рубят лес, там неизбежно летят и щепки. Не удивительно, что хозяйственная структура военного периода отнюдь не отвечает нуждам хозяйственного управления в период мирный”³¹.

Г.М. Кржижановский констатировал наличие двух разрывов в поступательном движении отечественного хозяйства и его государственном регулировании. Первый раскол произошел в результате октябрьского революционного переворота. Второй раз “преимущество методологического подхода к плановым задачам” оборвалась с началом новой экономической политики³².

Будучи председателем Госплана, Г.М. Кржижановский неоднозначно относился к хозяйственному расчету образца 1921 г. Он размышлял так: “Если бесхозяйственность была теснейшим образом связана с военной фазой нашей революции, то совершенно естественно, что теперь мы прежде всего должны начинать именно с хозяйственного расчета, не смущаясь тем, что самая оценка хозяйственности будет носить грубый эмпирический характер, будет различна в хозяйствах разного порядка ... Перевод предприятий на начала хозяйственного расчета, выявление их “коммерческой выгоды” имеют лишь подсобное временное значение ... Конечной решающей инстанцией явится тот учет хозяйственного удельного веса отдельных предприятий, который будет возможен, когда деятельность их будет отчетливо связана с выполнением заданий общегосударственного плана”³³.

Скепсис касательно коммерческой выгоды предприятий, вероятно, объяснялся конкретной обстановкой первого года нэпа. При обвальном падении покупательной способности денежных знаков трестам не удавалось высчитывать свои затраты, калькулировать себестоимость продукции, оптимально назначать цены на продаваемые товары и определять, сработали ли они с прибылью или с убытком. Условные же расчетные единицы не годились для составления обобщающих планов хотя бы по нескольким отраслям государственного сектора.

* * *

Совсем по-другому можно было воспринимать соотношение плана и хозяйственного расчета после проведения денежной реформы. Появление твердой валюты дало средство для точного, универсального денежного учета расходов и доходов, и следовательно, для построения любых планов.

Вот как высказывался в 1924 г. в статье “К вопросу о хозяйственном плане” В.А. Базаров: “Период так называемого военного коммунизма был эпохой идеологического и юридического торжества хозяйственного плана при его фактическом бессилии. В эти годы планомерность и рациональность отсутствовали не только в государственном производстве как целом, но даже и в отдельных отраслях, в отдельных предприятиях его, т.е. там, где строгий план и учет присущи частнокапиталистическому хозяйству. В деле использования производственных механизмов и живой рабочей силы, в деле распределения этой последней по цехам господствовали случай и стихия. И только принцип “хозяйственного расчета”, неразрывно связанный с восстановлением товарного рынка, позволил приступить к обузданию этой стихии путем более или менее планомерного осуществления, более или менее рационально построенных программ”³⁴.

Очень верно автор подметил, что в натуральном хозяйстве военного коммунизма планомерность была невозможна. Без товарно-денежных отношений директивно-плановая парадигма зависала в сфере идеологии и организационно-правовых мероприятий, не опиралась на крепкий экономический фундамент. Поэтому правильно В.А. Базаров причислял к предпосылкам успешного планового руководства товарный рынок. “Во-первых, он облегчил восстановление личной заинтересованности каждого трудящегося в результатах труда и личной ответственности за добросовестность труда. Во-вторых, и это особенно важно, он чрезвычайно упростил функции фактической проверки работы предприятий, а следовательно, и всяческое хозяйственное регулирование”³⁵.

Государственный капитализм, по мнению экономиста-теоретика, нуждается в товарном рынке для осуществления своих хозяйственных планов. Однако централизованное управление советской экономикой не должно пассивно следовать за колебаниями рыночной конъюнктуры. Правительство обязано реализовать “широкий план возрождения народного хозяйства”, верстать который надо не только по критерию коммерческой пользы – рентабельности предприятий.

Особливо ратовал В.А. Базаров за опережающий подъем тяжелой индустрии: “В настоящее время у нас относительно благополучно обстоит дело с предметами широкого потребления; рынок предъявляет к ним растущий спрос, и, несмотря на чрезвычайно высокие издержки производства и продажные цены, соответственные отрасли развиваются быстрее других и приносят, по-видимому, достаточную прибыль. В гораздо более тяжелом положении находится производство средств производства, обслуживающее по преимуществу государственную промышленность и транспорт. Здесь сокращение производства несравненно значительнее, нагрузка предприятий меньше, убыточность пока неустранима. Таким образом, стихийно сложившаяся конъюнктура отнюдь не создает тенденции к выравниванию имеющихся диспропорций, а, наоборот, стремится еще усугубить их. И если бы наша экономическая политика руководилась исключительно текущей конъюнктурой, т.е. непосредственной рентабельностью предприятий, мы быстро пришли бы к почти полному аннулированию металлургии, металлообработки, силового хозяйства, а вместе с тем подорвали бы тот базис, на котором может развиваться сравнительно рентабельная легкая индустрия. Вообще не надо закрывать глаз на то, что форсирование нашей крупной индустрии по непосредственным своим результатам есть дело весьма малорентабельное, требующее огромных затрат, которые начнут окупаться лишь в более или менее отдаленном будущем”³⁶.

Знаменательно, что в статье 1924 г. у В.А. Базарова непрестанно звучал мотив сходства государственного капитализма с частным. Он был навеян одинаковостью процессов “трестирования” и “синдицирования” российской промышленности с образованием корпораций в ведущих индустриальных странах. Показательна следующая авторская реминисценция: “...наш юный государственный капитализм ... является учеником западноевропейского и американского капитала; он стремится усвоить выработанные этим последним методы концентрации и специализации производства”³⁷.

Частнокапиталистическая система хозяйствования на рубеже XIX - XX веков внедряла техническую рациональность и строгую планомерность не только в отдельные предприятия, но и в

целые отрасли производства. И в советской экономике первых лет нэпа довлело отраслевое, ведомственное регламентирование деятельности трестов и синдикатов при отсутствии централизованного управления народным хозяйством по одному плану. Поэтому точным отображением ситуации был вывод, что “государственный капитализм по объему своего планирования действительно ограничен примерно теми же рамками, как и высокоразвитый частный капитализм”³⁸.

Воплощение пожеланий В.А. Базарова о форсированной индустриализации опрокинуло макроэкономическое равновесие в державе. Насыщенный рыночный спрос, а временами даже избыточное предложение продуктов на продажу сменились товарным голодом в 1925 г. Не остались прежними и научные взгляды оригинального ученого-обществоведа.

В 1926 г. в статье “Кривые развития” капиталистического и советского хозяйства” В.А. Базаров сосредоточивает внимание на отличиях экономики СССР от промышленно развитых стран. Теперь уже отечественное государственное предпринимательство видится ему как полная противоположность частнокапиталистического бизнеса.

Исследователь писал: “До войны у нас, как и во всем капиталистическом мире, народное хозяйство страдало от противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением; несмотря на весьма скромный по своей абсолютной величине уровень развития производительных сил, промышленная продукция имела постоянную тенденцию к расширению за пределы до нельзя сжатого платежеспособного спроса основной массы населения. В настоящую “переходную эпоху” нашей системе хозяйства присуще прямо противоположное противоречие между довольно быстро растущим платежеспособным спросом трудящихся масс и недостаточным для удовлетворения этого спроса ростом общественных производительных сил. Если над старым миром дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозой товарного голода, кризиса недопроизводства. В настоящее время все яснее и яснее становится, что основная “диспропорция”, мешающая нашему хозяйству достичь подвижного равновесия на довоенном или близком к довоенному уровне, заключается именно в этом перманентном отставании общественной продукции от общественного спроса”³⁹.

В состоянии товарного голода В.А. Базаров прозорливо разглядел коренное, существенное свойство советской экономики, которое совместимо с единым государственным плановым руководством. Более того, директивные органы даже при идеальной предусмотрительности и осведомленности могут лишь смягчать дефицит продуктов.

Тенденции развития отечественного хозяйства, по убеждению экономиста, определяются господством в нем государственного сектора и исторически обусловленным уровнем производительных сил. “Пока мы остаемся отсталой страной по абсолютному уровню развития производительных сил, создать стойкое относительное равновесие между продукцией и платежеспособным спросом можно только капиталистическими методами ограничения последнего. Поскольку же наш хозяйственный и политический строй исключает или, по крайней мере, существенно ограничивает эти методы, тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма”⁴⁰.

* * *

Бестоварье 1925 г. подстегнуло процесс формирования целостной системы централизованного планирования. Появились первые контрольные цифры развития советского народного хозяйства на 1925/26 г. Но они еще не были комплексным, единым государственным планом, хотя содержали ряд взаимосвязанных показателей: валовой и товарной продукции промышленности и сельского хозяйства, грузооборота транспорта, товарооборота, доходов и расходов госбюджета. Концепция построения плановых параметров основывалась на экстраполяции “кривых хозяйственного развития”, т.е. на простом продлении текущих колебаний конъюнктуры всесоюзного рынка⁴¹.

Следующие контрольные цифры на 1926/27 г. готовились с участием ведомств и республик по более развернутой программе. При их разработке использовался балансовый метод, а также применялось сочетание территориального и отраслевого планирования. Контрольные цифры рассматривались как ориентировочные задания и не стали директивами в собственном смысле

слова. Они не были утверждены правительством, поскольку, по мнению верховной бюрократии, не предусматривали резкого увеличения капиталовложений на индустриализацию и электрификацию страны, не предполагали усиленного обложения частнопредпринимательских укладов.

Но служащие Госплана не успокаивались на годовых программах экономического роста страны. В 1926 г. они приступили к конструированию многолетних планов. И в 1927 г. в третьем номере журнала “Плановое хозяйство” были напечатаны материалы пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства СССР. Публичное издание госплановских “ориентировок” замышлялось как приглашение специалистов к научной дискуссии по проблемам планового руководства. Организаторы обсуждения надеялись, что его итоги продвинут вперед теорию и практику народнохозяйственного планирования.

Сотворение нового вида плановых документов обосновывал Г.М. Кржижановский: “Контрольные цифры, оперативные годовые хозпланы и конъюнктурные учеты становятся недостаточными; над заботами текущего момента все более и более доминируют многолетние перспективы, из которых пятилетний цикл неизбежно должен привлечь наше особое внимание. Во-первых, потому, что пятилетний срок является достаточно охватывающим для крупных хозяйственных сооружений: больших районных централей, магистральных железных дорог, ирригационных работ и т.п. Во-вторых, потому, что в нашем сельском хозяйстве наблюдается известная цикличность, позволяющая именно для периода в 5 лет положить в основу перспективного учета среднюю урожайность, ибо благополучные годы в редких случаях выходят за рамки трехлеток. И наконец, в-третьих, потому, что разбивка генерального плана на пятилетние циклы имеет свои удобства в подразделении общих хозяйственных заданий на крупные строительные этапы, позволяющие сконцентрировать мысль проектирующих на основных, важнейших моментах всего хозяйственного строительства в целом”⁴².

Представление изобретенного пятилетнего плана в периодической печати выпало на долю сотрудника Госплана С.Г. Струмилина. Достойным ему оппонентом выступил директор Института по изучению народнохозяйственных конъюнктур (Конъюнктурного института) Н.Д. Кондратьев. Полемике со С.Г. Струмилиным Н.Д. Кондратьев посвятил две статьи 1927 года: “План и предвидение: К вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности” и “Критические заметки о плане развития народного хозяйства”.

Ценность работ Н.Д. Кондратьева заключалась прежде всего в системном изложении методологических вопросов. Автор подробно говорил об исходном соотношении стихийности и планомерности в экономике и особенностях их сосуществования в отечественном хозяйстве. Повествование начиналось издали: “Когда мы говорим о планомерном развитии народного хозяйства, то понимаем под этим такое развитие его, которое соответствует определенным задачам, поставленным руководящими органами экономической политики. Планомерное развитие народного хозяйства мы противопоставляем поэтому стихийному, лишенному целевого руководства ... Строго говоря, в истории нет и не было такого народного хозяйства, развитие которого совершалось бы без всякого воздействия со стороны органов экономической политики ... Однако это не значит, что роль планового начала у нас и в капиталистических странах одна и та же. Она различна и причем не только количественно, но и качественно. Воздействие государства на ход хозяйственной жизни при частнокапиталистическом строе ограничивается относительно узкими сферами хозяйства и, как правило, имеет косвенный характер”⁴³.

Иная картина наблюдалась у нас. В отношении предприятий казенного сектора государство выступало не только с позиций силы, воздействовавшей на них извне, но и в роли их хозяина и руководителя. Н.Д. Кондратьев указывал на двойственность положения социализированных хозяйственных звеньев: “После установления нэпа государственные предприятия существуют на хозяйственном расчете и связаны как между собой, так и с частными предприятиями через рынок. Государство предоставило своим предприятиям известную долю хозяйственно-оперативной автономии. Но все же в конечном счете основные нити руководства работой государственных предприятий объединены в руках центральных органов экономической политики”⁴⁴.

Поскольку в отечественном хозяйстве сохранились частные уклады, функционировавшие в режиме конкуренции, постольку в нем противоборствовали два начала - стихийное и планомерное. В этих условиях государственные планы должны были сочетать в себе элементы непо-

средственного руководства и косвенного воздействия, в зависимости от той сферы экономики, к которой они прикладывались.

Незаурядный специалист в области изучения конъюнктуры выделял три основных момента в логической структуре плана: 1) анализ объективной хозяйственной действительности и тенденций ее стихийного развития; 2) построение системы мероприятий и средств воздействия государства на ход этого стихийного развития в целях направления его по максимально желаемому руслу; 3) построение перспектив различных отраслей экономики. Под таким углом зрения плановые перспективы виделись не только директивной программой действий, но и прогнозом⁴⁵.

Автор с удовольствием ссылаясь на знаменитую формулу О. Конта: знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы управлять. Он также дал изумительное по емкости и лаконичности определение понятия: “План является системой заданий, но сама система этих заданий строится на основе известного предвидения хода действительности, протекающего при условии наших сознательных воздействий на нее”⁴⁶.

Н.Д. Кондратьев подчеркивал взаимозависимость всех элементов экономической жизни и объяснял ею шаткость предпосылок планирования; когда изменение одного параметра сопровождается соответствующими отклонениями других показателей. Переплетение причинно-следственных связей образует порочный круг, из которого можно выйти лишь по зыбкому мостку прогнозирования объективных тенденций. Центр тяжести построения плановых перспектив, по мнению ученого, лежит в углубленном экономическом анализе проблем, а не в расчетах числовых значений показателей⁴⁷.

Директор научно-исследовательского института, выпускавшего статистические бюллетени с обзорами конъюнктуры, предостерегал от лукавой игры с цифрами, от их “гипноза” и “фетишизма”. Кроме того, он указывал на пределы использования балансового метода при моделировании будущих ситуаций в народном хозяйстве: “Формально, арифметически можно построить очень много таких моделей. Но вопрос о том, какая или какие из этих моделей могут быть реальны и какая из последних в то же время является наилучшей - эти вопросы балансовым методом решить уже нельзя. Для этого необходимо опять-таки проанализировать те основания, которые определяют реализуемость именно той, а не другой модели хозяйства”⁴⁸.

Мудрая очевидность сквозила в трех правилах планирования, выдвинутых Н.Д. Кондратьевым. Он советовал: “Во-первых, необходимо отказаться от количественного выражения тех элементов, предвидеть изменения которых в количественной форме, по крайней мере на данной стадии нашего знания, мы вообще не можем ... Во-вторых, в тех случаях, когда явление допускает количественное выражение и доступно некоторому количественному предвидению, но лишь на короткий срок, необходимо отказаться от количественного выражения его перспектив на длительные сроки вперед, ограничиваясь на эти длительные сроки так же лишь характеристикой общих тенденций его. В-третьих, когда явление допускает известное количественное предвидение на относительно длительный срок, но лишь при условии отказа от дробления его на мелкие составные части, следует при проектировании перспектив на длительное будущее ограничиться рассмотрением явления в суммарном виде”⁴⁹.

С обозначенных методологических позиций автор анализировал материалы пятилетки в трактовке С.Г. Струмилина. Дабы критический разбор был научно добросовестным, Н.Д. Кондратьев взял за эталон критерии построения плана, поименованные его разработчиками. Прембула в устах С.Г. Струмилина звучала так: “В наиболее общей форме задача построения перспективного плана народного хозяйства СССР в настоящий момент может быть сформулирована как задача такого перераспределения наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу, и материальные ресурсы страны, которое в оптимальной степени обеспечивало бы бескризисное расширенное воспроизводство этих производительных сил возможно быстрым темпом в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс”⁵⁰.

Желание одновременно решать задачи быстрого и бескризисного роста производительных сил и максимального ублажения запросов населения было ошибочным, несбыточным. В своей крайности эти устремления, по словам Н.Д. Кондратьева, “вступают друг с другом в коллизию”. Запланированное увеличение накоплений, необходимое для достижения намеченных темпов индустриализации державы, могло быть обеспечено лишь при медленном подъеме личного благосостояния граждан.

Но госплановские “спецы” не только игнорировали методологию экономической науки, но и “плавали” в конкретных статистических выкладках. Их ориентировочные прикидки недоучитывали взаимосвязь показателей промышленности, сельского хозяйства и социальной сферы. Плановики заложили в прогнозы низкий темп роста аграрного производства, уповая лишь на стихийное повышение интенсивности деревенского труда при пассивном участии государства в сельских делах.

“Всю систему указанных построений в отношении сельского хозяйства при взятом курсе на индустриализацию, - писал Н.Д. Кондратьев, - мы считаем не только теоретически спорной, но и практически опасной. Опасность ее вытекает из того, что она обрекает народное хозяйство на путь явных и глубоких кризисов. Не обеспечивая программы накопления и вложений, не обеспечивая достаточного экспорта, а следовательно, и импорта, она не обеспечивает и принятой программы индустриализации и реконструкции. В то же время она, по собственному признанию С.Г. Струмилина, не подвигает нас и по пути решения проблемы аграрного перенаселения”⁵¹.

И уж совсем как приговор, обвиняющий в некомпетентности или злом умысле, читалось заключение: “...если верны построения плана, наша страна в ближайшие годы должна обратиться в страну, импортирующую сельскохозяйственные товары”⁵².

* * *

На критические заметки Н.Д. Кондратьева С.Г. Струмилин ответил полемическими выпадами статьи “К теории планирования” в журнале “Плановое хозяйство” № 11 за 1928 год. Разговор не снисходил до конкретных цифр и расчетов показателей плана. Авторская мысль витала в “облаках высоких материй” вокруг методологии планирования и спускалась на “грешную землю” лишь тогда, когда отстаивала свои интересы и идеологические предпочтения.

Спорить с Н.Д. Кондратьевым по теоретико-методологическим вопросам оказалось непросто, и чиновник Госплана постарался всячески принизить роль экономической науки в хозяйственной практике. Из риторической постановки проблемы - что же такое плановое строительство: особая теоретическая наука, искусство хозяйственного управления или прикладная наука планирования - С.Г. Струмилин приходил к выводу: “...всего приложимее к этому делу, на наш взгляд, термин плановое искусство, по аналогии со строительным искусством и с инженерным делом вообще”. Далее следовало пояснение архитектурных параллелей: “Характер народнохозяйственного плана всегда в известной мере определяется тем социальным зодчим, который его строит, его классовым стилем или, говоря иначе, его социальными устремлениями”⁵³.

Собственное, воинствующее понимание планирования С.Г. Струмилин довольно надуманно противопоставлял науке вообще: “Чистая наука ставит перед собой только познавательные задачи. Она стремится только познать мир, приемля его таким, какой он есть, был или будет. Это пассивное восприятие мира. А хозяйственный план - прежде всего программа действий... И он дает директиву к соответствующим действиям. Плановое искусство не приемлет сущего мира. Оно ставит перед собой задачу не познания, а пересоздания этого мира. Оно активно создает свой новый мир”⁵⁴.

От такой абстрактно-логической конструкции, в которой вместо экономической науки фигурировала безликая, “чистая” наука, С.Г. Струмилин переходил в атаку на оппонента. Он толковал с явными передержками: “Если послушать, например, рассуждения проф. Н.Д. Кондратьева о плановой методологии, то у него задача построения плана сводится почти целиком к одному лишь научному предвидению грядущих хозяйственных процессов. А так как пределы возможного предвидения он ограничивает лишь выявлением наиболее общих тенденций развития, то и вообще роль хозяйственного плана суживается им до рамок весьма абстрактного академического трактата о вероятных перспективах хозяйственного развития. Всякая конкретизация плана в определенную программу действий в соответствии с намеченной системой вполне конкретных цифровых лимитов и заданий представляется этому ученому совершенно незаконным выходом за пределы доступного познанию”⁵⁵.

Изъявив недовольство взглядами Н.Д. Кондратьева, плановик-практик почти берет свои слова назад: “Собственно говоря, против того, что в каждом плане должны сочетаться и научный прогноз, и целевые директивы или, как это по-иному выражается, и генетика, и телеология, никто

не спорит. Спор идет лишь об относительном значении каждого из этих моментов в плановом деле”⁵⁶.

Ссылка на греческие термины - “генетику” и “телеологию” - отразила очередную моду в общественном сознании тех лет. В научных кругах дебатировался вопрос о соотношении объективного развития экономики и целеполагания в хозяйственной деятельности. “Генетический подход” в планировании предполагал учет объективных тенденций и закономерных связей, преемственности с прошлым, преобладающее использование прогнозов. “Телеологическое видение” основывалось на активном выдвижении желаемых целей в качестве плановых ориентиров.

Приверженцем “примата” телеологии над генетикой был и С.Г. Струмилин. Он писал: “Целевая установка плана подлежит четкой конкретизации в зависимости от той конкретной обстановки времени и места, от которой мы исходим, тех сроков действий плана, какими мы располагаем, и той конечной цели или, говоря иначе, тех общественных идеалов, к которым мы стремимся. Таким образом, в числе моментов, определяющих собою целевую установку, а стало быть и все содержание плана, наряду с объективными фактами, - исходная хозяйственная обстановка, - мы сразу же наталкиваемся на субъективный фактор - идеологию субъекта планирования”⁵⁷.

Указание на “проектировщика плановой постройки” - это серьезное уточнение, устраняющее бессубъектность теоретического анализа. Оно сразу привносит в исследование неотъемлемые характеристики социально-экономических явлений: интересы и идеологию. Именно идеологические “предрассудки”⁵⁸, тесно связанные с общественно-хозяйственными интересами, определяли научное толкование процессов планирования.

Ортодоксальное мировоззрение марксизма помогало сплести нити доказательства исторической неизбежности прихода к власти правительства большевиков и формирования ими целевых установок планового строительства в державе. Автор интерпретировал концепцию К. Маркса о месте буржуазии в хозяйственной истории так: “Буржуазия даже в рамках наиболее развитого государственного капитализма в лучшем случае могла бы воспринять лишь голую форму, т.е. внешнюю пустую оболочку планового хозяйства, но не его внутреннее экономическое содержание. Опыты такого псевдопланового хозяйничанья буржуазии мы уже испытали в период последней империалистической войны. И тогда уже оно служило целям величайшего расхищения, а не накопления производительных сил общества”⁵⁹.

Посему первой предпосылкой планового хозяйства является “свержение капитализма”. Ее и осуществила диктатура пролетариата, завладевшая после октябрьской революции всеми “командными высотами” в экономике страны и оградившая себя от влияний капиталистического окружения монополией внешней торговли. Подчеркнув сие, кадровый управленец конкретизировал затем размышления о собственном сословии, приговаривая: “Советская власть - это идеальный аппарат диктатуры пролетариата”⁶⁰.

Благоразумно умолчав о том, что “псевдоплановым хозяйничаньем” и “расхищением производительных сил страны” вынужденно занималась также и политическая диктатура во главе с В.И. Ульяновым-Лениным, куда шла гражданская война, С.Г. Струмилин продолжал “вязать кружева” своей аргументации. Дабы подвести теоретическую базу под господство интересов государственного предпринимательства, он сравнивал генетический и телеологический подходы в планировании по экономичности их процедуры.

Изначальное целеполагание, по усмотрению разработчика перспективных ориентировок, имело неоспоримые преимущества. “Отправляясь от известной цели к отбору пригодных для этой цели средств, мы резко ограничиваем поле и объем своих познавательных задач. Вне этого поля остается сразу вся та огромная масса возможных причинных связей, которая не имеет прямого и непосредственного отношения к намеченной цели. При обратном, т.е. генетическом, ходе исследования мы должны были бы подвергнуть своему анализу для построения прогнозов о будущем всю совокупность явлений прошлого и настоящего, ибо каждое из них чревато каким-то будущим. Необъятность этой задачи усугублялась бы еще тем, что в круг фактов, подлежащих предвидению, пришлось бы включить и сумму тех волеизъявлений, которые должны определяться нашим хозяйственным планом. А это предполагает уже в начале работы известным тот план, который может быть построен только в качестве ее завершения”⁶¹.

В круговращении процитированных тезисов и антитезисов важны следующие моменты. Во-первых, обратный порядок построения плана - не от причин к следствиям, а от директив к средствам их исполнения. В крайнем выражении такой подход равнозначен установке: “цель оправдывает средства”, т.е. достижение желаемого любой ценой. Это - социальная философия радикализма, допускающая необузданное экспериментирование государства с населением и хозяйством страны. Во-вторых, беспартийно декларировался приоритет интересов партийно-хозяйственной номенклатуры управленцев: “Исходя из заранее заданных целевых установок мы уже тем самым ставим перед собой плановую проблему нахождения оптимальных путей хозяйственного развития не в общем виде, а сознательно ограничиваем ее пределы одним лишь вполне определенным частным случаем”⁶². В-третьих, из планового строительства фактически исключалась “сумма волеизъявлений” всех остальных, не казенных субъектов хозяйственной деятельности под предлогом “необъятности задачи”.

Достаточно откровенно С.Г. Струмилин писал: “Мы очень сомневаемся в целесообразности постановки таких проблем [планирования - Г.Ч.] “в общем виде” и по другим соображениям. Понятие “оптимального” пути развития весьма относительно. Оно неизбежно подразумевает какого-то определенного субъекта, для которого этот путь явится оптимальным. Ставить эту проблему в общем виде - это значит искать таких путей, которые для всего общества в целом оказались бы оптимальными ... Если же мы заранее исходим из интересов только одного пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в данной стране, то этот “частный случай” решается ... проще. Но тут уж примат телеологии, т.е. определенной классовой установки, в проектировках оптимального плана сам собою подразумевается”⁶³.

Здесь подчеркивается противоречие между выгодами государственного предпринимательства и интересами народа. Партийно-хозяйственная бюрократия, как пытался доказать ее представитель, вовсе не обязана выбирать путь экономического развития, оптимальный “для всего общества в целом”. Очевидно, что С.Г. Струмилин приводил не рациональный, научный довод против Н.Д. Кондратьева, а аргумент политической силы.

Идеи Н.Д. Кондратьева о плановом руководстве советской экономикой опирались на признание “суверенности”, самоценности всех ее укладов. Он призывал государство не только радовать о пользе казенного предпринимательства, но и создавать условия для благоденствия других секторов хозяйства, особенно мелкотоварного, крестьянского. Ведь темпы экономического роста и социальная стабильность в СССР зависели от взаимоотношений промышленности и сельского хозяйства, от баланса интересов города и деревни.

Позиция Н.Д. Кондратьева была уязвима из-за “общенаучности” и “всесубъектности”. Попытка поставить главного и самого мощного субъекта хозяйствования в один ряд с другими действующими лицами, опираясь на гражданско-правовые традиции рыночной экономики, была обречена на неудачу. Правящая власть стремилась выйти за узкие границы эквивалентного товарно-денежного обмена. Большевики воспринимали планирование как способ преодоления рыночного регулирования, как способ подчинения несоциалистических укладов политике индустриализации. Доводы в защиту негосударственных форм экономической деятельности, даже приносящих прямую выгоду казенному сектору, “отметались с порога”.

Номенклатурный управленец выражал точку зрения “родного” социального слоя, когда отрицал значимость и равноправие иных сословных убеждений. Он писал: “Постановка задачи нахождения оптимальных путей развития в общем виде, исходя только из прошлого ... игнорирует прежде всего классовое строение нашего общества. И если даже такая генетическая постановка плановой проблемы претендует на звание сугубо научной, мы не можем оказать ей должного кредита, ибо не верим в силу и объективность общественной науки, парящей над классами в безвоздушном пространстве”⁶⁴.

Приоритет идеологических предрассудков партийно-государственного аппарата наглядно продемонстрировала “субъективная” логика С.Г. Струмилиной: “Целевые установки пролетариата, его классовая воля и программа действий нам уже даны. В наиболее общем виде они зафиксированы в программе Коминтерна. Дальнейшее развитие этой программы применительно к рамкам СССР мы находим в партийной программе ВКП(б). Хозяйственный перспектив-

ный план СССР в своих целевых установках должен явится дальнейшим экономическим развитием этой программы на тот или иной календарный отрезок времени”⁶⁵.

Конфронтация теоретических взглядов Н.Д. Кондратьева и С.Г. Струмилина осталась замечательным фрагментом общей полемики 1926 - 1927 гг. Поток российской экономической мысли разделился надвое из-за альтернативности подходов к пониманию механизма отечественного хозяйства. Методологические “предрассудки” (предпосылки) очерчивали временной горизонт видения экономистов, направляли ход их исследования, влияли на построение логических конструкций, предопределяли концептуальные выводы и практические рекомендации.

По руслу одного течения нашей науки двигался среди прочих Н.Д. Кондратьев, а С.Г. Струмилин и же с ним держались меж берегов другого ее рукава. Сторонники первого рода воззрений продолжали традиции “классической”, рыночной парадигмы в экономической теории, пытались приспособить ее к изменившимся реалиям. Представители второй школы, наоборот, превозносили свежие тенденции военно-коммунистического периода, брали за основу народившуюся парадигму плановой, государственно-управляемой экономики.

* * *

Противопоставление двух образцов мышления - рыночного и директивно-планового - запечатлелось также в оригинальных, замечательных научных трудах Л.Н. Юровского и Е.А. Преображенского. Стойко защищал преимущества рыночного хозяйства Л.Н. Юровский. Он принял участие в обсуждении первых опытов народнохозяйственного планирования, напечатал статью “К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе” в журнале “Вестник финансов” № 12 за 1926 г. Публикация затрагивала широкий спектр вопросов: от методологии экономической теории до отдельных мероприятий хозяйственной политики.

Приступая к обсуждению заявленной проблемы, Л.Н. Юровский делал многозначительную оговорку о том, что отечественная экономика подошла к грани полного использования старого основного капитала и собирается соорудить новые предприятия, т.е. вступает в новую полосу, тенденции и закономерности которой еще не обнаружили. Потому природа нашей хозяйственной системы еще недостаточно изучена, и методы руководства ею далеко еще не оформлены⁶⁶.

Краткое “пред-рассуждение” автора о неопределенности предмета исследования играло важную роль в изложении его взглядов. Оно позволяло выбрать удобный исходный пункт для развертывания звеньев в цепи умозаключений. Л.Н. Юровский закладывал в фундамент своей концепции положение о рыночной природе нашего хозяйства времен нэпа; ее не смогли уничтожить революционные преобразования и военные разрушения. Соответственно закономерности функционирования экономики СССР раскрывались классической теорией рыночного хозяйства при введении в нее конкретизирующих допущений.

Поименованная отправная точка помогала рисовать рыночную перспективу развития советского хозяйства, отстаивать ее в полемике с оппонентами. Избранный угол зрения раздвигал временные горизонты видения. Они не ограничивались военно-коммунистической эпохой, а уходили корнями глубже в историю России. Внимание акцентировалось не только на отличиях, но и на общих чертах между прошлым, настоящим и будущим.

Посылка о рыночной природе отечественной экономики дополнялась авторским обоснованием необходимости ее планомерного регулирования: “Советский Союз управляет хозяйством в большей мере, чем управляло им когда-либо, какое бы то ни было государство. Он делает это, во-первых, потому, что ему принадлежат все крупные и средние предприятия в области промышленности, транспорта, кредита, внешней и отчасти даже внутренней торговли. Он делает это, во-вторых, потому, что принцип его экономической политики заключается в регулировании народнохозяйственных процессов с целью внесения в них планомерности”⁶⁷.

Тезис о планировании вводился в авторскую концепцию как условие совершенствования стихийного рыночного регулирования, а не в качестве его отрицания. Методология планового хозяйства и назначение планов должны зависеть от особенностей той хозяйственной системы, в которой и для которой они готовятся. “Хозяйственный план, составленный на 1926/27 г., - по мнению рецензента, - есть нечто принципиально иное, чем тот план, который имелось в виду

составить в 1920 г., несмотря на то, что у всех планов, стремящихся объять все народное хозяйство, окажутся некоторые общие черты и некоторые сходные элементы”⁶⁸.

Здесь Л.Н. Юровский категорично выступил против повторения “антирыночной” кампании гражданской войны. Он считал, что народнохозяйственные планы способны обеспечивать равновесный экономический рост при помощи товарно-ценностных отношений.

Уникальные размеры казенного сектора в нашей экономике, по искреннему убеждению Л.Н. Юровского, не отменяют действия в ней “закона ценности” как закона товарного хозяйства. “Закон ценности действует всюду, где есть рынок и товар. Хозяйственная обстановка может приближаться к условиям свободной конкуренции. В хозяйственной обстановке могут играть крупную роль организации монопольного типа. Государство может “не вмешиваться” в условия производства, обмена и распределения. Государство может вести политику покровительства одним формам или отраслям хозяйства и оттеснения других, регулировать условия внешней торговли, кредита и производства. Если при всех этих условиях остается рынок, то действует “закон ценности”⁶⁹.

Конкретные условия ценообразования, конечно, могут быть специфическими в разных странах и в разное время. “Наши условия являются новыми хотя бы потому, что в советском хозяйстве существует небывалая раньше концентрация средств производства в руках единого распорядителя, что этим распорядителем является государство, а в этом государстве существует диктатура пролетариата”⁷⁰.

Государственное предпринимательство вынуждено было приноравливаться к рыночной среде своего существования при выработке плановых ориентировок. Это “размягчение” директивности централизованного управления отмечено в авторской констатации: “Мы имеем ... в своем народном хозяйстве сектор государственного хозяйства, состоящий в тройном окружении: потребительском, крестьянском и мировом. Что касается первого и второго, то государство в отношении их уже далеко не всемерно, хотя оно и в состоянии влиять на них, ибо в его распоряжении имеются могущественные средства воздействия: политика заработной платы, налоги, железнодорожные тарифы, заготовляющие органы, продажные цены промышленных изделий; но все же в этой области приходится уже не управлять (как в государственном секторе), а направлять и предвидеть. Что касается третьего “окружения”, то тут в настоящее время все сводится к предвидению”⁷¹.

По мнению Л.Н. Юровского, “контрольные цифры” должны находить компромисс интересов всех рыночных сил. Необходимо определить возможные размеры ресурсов, которые государственный сектор найдет в себе самом и которые он извлечет из негосударственного “окружения”, чтобы обеспечить максимальный подъем отраслей индустрии. Одновременно надо составить такие строительные, производственные, внешнеторговые и прочие программы, при которых гарантировалось бы динамическое равновесие внутри госсектора и равновесие между ним и всем его рыночным окружением⁷².

Узловые моменты авторских суждений верно отразили “злобу дня” экономической политики середины 20-х годов. Страна тронулась по пути массового инвестирования средств в новые производственные мощности. Высшее руководство озаботилось тем, где найти резервы накопления капитала, и какими способами их вовлечь в сооружение казенных объектов.

Последнее обстоятельство было “камнем преткновения” в спорах специалистов. Ряд экономистов, и Л.Н. Юровский среди них, предлагали налечь на рычаги рыночного механизма и перераспределять национальный доход традиционными для России мерами правительственного попечения индустрии. Дабы рынок приносил наибольшую отдачу, надлежало поддерживать его в состоянии, близком к равновесному. Властям не стоило “перегибать палку” и угнетать деловую инициативу частных укладов.

Но у этой точки зрения были противники. Они думали, что ресурсы на подъем отечественной промышленности дозволено собирать любыми методами, а не только рыночными. Стремление правительства сохранять равновесие на рынках и паритет интересов между укладами порицалось, ибо означало уступку настроениям крестьянства, отказ от быстрого технического обновления нашего хозяйства. Увеличивать объемы капитальных вложений в госсектор можно было и при помощи системы планового распределения ресурсов, которая показала свою эффективность в период гражданской войны. Поэтому зарождение единого народнохозяйствен-

ного планирования в СССР приветствовалось как добрая примета - начало вытеснения рыночной стихии из экономики.

Нелегко было Л.Н. Юровскому возражать научным оппонентам. Во-первых, уровень разработанности методологии и теории классической, рыночной школы экономической мысли не соответствовал специфической исследовательской проблеме - изучению национального хозяйства, в котором корпоративный уклад целиком принадлежал государству. Во-вторых, в современной истории России был многолетний военно-коммунистический период, когда государственная власть во благо себе и в ущерб остальному населению "успешно" занималась демонтажем вольного рынка.

К тому же, именно в процессе подавления конкурентной стихии и развала рыночных основ отечественного хозяйства его корпоративные структуры отошли в казенные руки. Крупные предприятия, очутившись в собственности государства, переключились с коммерческого расчета в режим нерыночных, бюджетных взаимозачетов. Благодаря нэпу многое из утраченного удалось вернуть на круги своя. Но с 1926 г. тенденция к притеснению рыночной свободы потребителей и производителей опять набрала угрожающую инерцию.

Чтобы достойно отвечать на полемические выпады поборников директивно-плановой парадигмы, следовало углублять отдельные теоретико-методологические положения рыночной концепции, а также умело критиковать практику прямого планового распределения продуктов и услуг. Сложнее всего было доказывать заинтересованность советской власти в нормальном функционировании рыночного механизма.

В традициях европейской, особенно английской, экономической школы казенное ведение дел противопоставлялось коммерческому, частному предпринимательству. Государство рассматривалось в виде внешней надстройки над рыночными структурами, которая регламентирует хозяйственную деятельность в стране и, увы, сдерживает ее свободное развитие сборами налогов и иных принудительных платежей. Предпринимательская деятельность государства обычно охватывала те сферы, где не предполагалось получение высоких прибылей, скорее наоборот, возникала потребность в простом покрытии расходов или возмещении убытков.

Приведенные выше цитаты показывают, что Л.Н. Юровский обосновывал значимость рыночного механизма для госсектора необходимостью контактировать с другими участниками торгового оборота. Стало быть, рынок витал как внешняя по отношению к казенному хозяйствованию предпосылка. Подобная аргументация не отличалась весомостью. Ведь правительство до известной степени способно было воздействовать на рыночную среду, перекраивать ее по собственному усмотрению и даже замещать иными способами обмена продуктами и услугами, как это было в 1915 - 1920 гг.

Автор журнальной публикации прибегал к доказательству "от противного", убеждая читателей, что у рыночной экономики нет социально приемлемой альтернативы. "Закону ценности" как закону товарного хозяйства, по мнению экономиста, может противостоять в качестве антипода лишь закономерный плановый порядок распределения всех производительных сил и продуктов⁷³, т.е. чрезвычайная система, аналогичная военно-коммунистической.

"Плановый порядок, - по разумению Л.Н. Юровского, - мыслим в полной своей законченности и с совершенным устранением из хозяйственной системы "закона ценности". Для того, чтобы это могло быть сделано, необходимо ... осуществление одного ... в высшей степени важного условия: отказа от свободного потребления, т.е. отказа от права потребителя выбирать продукты из ограниченного запаса. Если потребителю, как это происходило в эпоху "военного коммунизма" или как это происходит в современной армии, предметы потребления будут предоставляться в определенных количествах в натуре, а не в виде определенной "суммы" с правом распоряжения частями этой суммы по собственному усмотрению, тогда "закон ценности" сможет окончательно исчезнуть и государству остается только избрать способ учета, гарантирующего целесообразное построение его хозяйственных планов"⁷⁴.

Итак, без ограничения частной экономической свободы устранение рыночной организации едва ли возможно. "Стоит, однако, предоставить потребителям свободу выбора предметов потребления путем распоряжения какой-либо суммой, пусть не денег, но любых знаков, что-то реально собой представляющих, и рынок - хотя бы даже суженный рынок одних только пред-

метов потребления - будет налицо. На рынке будет спрос и будет предложение, и вопрос о равновесии на нем для хозяйствующего государства не будет уже безразличен, а будет связывать и обязывать его”⁷⁵.

Все-таки ученый не чувствовал достаточной убедительности высказанных доводов и делал реалистическую посылку: “Можно, конечно, допустить ... что в этих условиях государство станет несколько пренебрегать вопросом о том, имеется ли на этом суженном рынке полное равновесие, ибо отсутствие сбыта каких-либо товаров не повлечет за собою общего кризиса, а “боны”, находящиеся на руках у потребителя, больших хозяйственных неудобств причинить государству не могут, хотя бы и оказалось, что временно на некоторую их часть ничего нельзя получить”⁷⁶. Но тут же он обходил ее стороной, не изучая по существу.

Отмеченные ситуации несовпадения товарного спроса и предложения Л.Н. Юровский трактовал как качественные преобразования хозяйства, в котором либо отсутствует рынок, либо он занимает такое положение, когда государство в состоянии пренебрегать его показаниями.

По мнению автора, анализ научных абстракций не предполагает их историческую конкретизацию: “Можно, конечно, утверждать, что от нынешней системы к той, о которой мы говорим, логически ведет ряд постепенных переходов. Поиски переходных форм всегда возможны. Можно искать постепенных переходов от товарно-капиталистического хозяйства 1913 г. к товарно-социалистическому хозяйству 1926 г. и находить их в целом ряде явлений довоенной, военной и революционной экономики ... Но когда речь идет о теоретическом описании, тогда необходимо схватить специфические черты, не затуманенные переходными формами, и взять каждую систему в полном ее своеобразии”⁷⁷.

Впрочем, для характеристики советской экономики было маловато одних лишь исходных посылок “классической” рыночной парадигмы. Приходилось дополнять их функциями государства: плано-регулирующей и хозяйственной. Поэтому теоретик развивал идею об особой экономической форме - товарно-социалистической. Вот несколько его соображений по этому поводу: “Наша хозяйственная система есть система товарно-денежного и планового хозяйства, притом планового хозяйства, покоящегося на ценностном принципе”⁷⁸. “Она есть система товарного хозяйства, но только особая его система. Нормальные плановые элементы нашего хозяйства (мы анализируем теоретически и отвлекаемся от того, что могут быть и бывают крупные ошибки в планах и затем мероприятия, неизбежно вытекающие из этих ошибок) вовсе не ликвидируют товарного хозяйства и не вытесняют его”⁷⁹.

Основополагающими свойствами товарно-социалистической системы, в понимании Л.Н. Юровского, оставались: равновесие между спросом и предложением на рынке и адекватное установление цен; соответствие цен издержкам производства. Но здесь возникала неприятная проблема - как теоретически объяснить поведение государственных учреждений и предприятий на рынке. Ибо очевидно, что действовали они отнюдь не по правилам свободной конкуренции.

Экономист допускал возможность монопольного ценообразования в рамках предпринимательства на казенный счет: “Советское государство в качестве монополиста может ... вести политику высоких цен на продукцию своих предприятий ... однако только в пределах тех закономерностей, которые свойственны образованию монопольных цен. То же относится к возможной (но тоже не обязательной) политике низких цен на продукты, заготавливаемые советскими монопольными предприятиями”⁸⁰.

Правительство могло при желании проводить и противоположную политику ценообразования, поощряя те или иные отрасли производства низкими продажными или высокими заготовительными ценами. Государство способно продавать товары ниже себестоимости изготовления и даже отпускать их бесплатно потребителям, если из других источников будут покрываться произведенные затраты. Но перечисленные случаи не отменяли “закона ценности”, т.е. товарной природы нашего хозяйства.

Не всякое государственное регулирование рынка приводило к положительным результатам. Так, назначение заниженных цен создавало обстановку растущих очередей и бестоварья в пунктах продажи. Справедливы слова специалиста: “Организация очередей едва ли может рассматриваться как прием экономической политики и подлинный метод преодоления тех затруднений, которые вытекают из отсутствия равновесия между спросом и предложением. Преодо-

леть эти затруднения можно только при помощи “системы пайка”, известной всем по опыту войны и революции”⁸¹. Стало быть, советская власть, отвергая балансирование цен и покупательского спроса, делала шаги к преодолению и ликвидации в данной сфере товарно-денежного хозяйства.

Л.Н. Юровский вынужден соглашаться, что отечественная экономика качественно отличалась от традиционной товарно-капиталистической: “Планирование хозяйства в советской экономической системе, воздействие на цены сырья, на вывоз и ввоз, на направление капитального строительства ... не означает вытеснения товарного хозяйства, а означает регулирование его. Такого регулирования в советской экономической системе несравненно больше, чем в капиталистическом хозяйстве, и различие здесь не количественное, а качественное”⁸². Вмешательство в свободную игру рыночных сил - правило, а не исключение в плановой экономике.

Ученый указывал еще на одно “существенное своеобразие” товарно-социалистического хозяйства: “Суть дела заключается в том, что концентрация средств производства в руках одного распорядителя заставляет или позволяет проводить в качестве внутривладельческих такие операции, которые иначе проходили бы в качестве межхозяйственных, т.е. рыночных, и ... в том, что государство, будучи само этим распорядителем, проводит таким внутривладельческим способом ряд мероприятий своей экономической политики”⁸³.

Централизованное управление частенько достигало целей не нажимом на главный коммерческий стимул - прибыль, а директивными предписаниями государственным и даже кооперативным предприятиям исполнить действия, намеченные планом. “Но административные распоряжения, - по убеждению Л.Н. Юровского, - становятся бесхозяйственными, если они проводятся без учета тех ценностных соотношений, которые складываются на рынке, а рынок ... сохраняется в качестве критерия и регулятора”⁸⁴.

Таким образом, советское государственное предпринимательство выходило за пределы типичного капиталистического рыночного хозяйства. В нем могла отсутствовать мотивация предприятий к получению прибыли, дозволялось превышать издержками производства и торговли продажных цен, осуществлять убыточные хозяйственные операции, т.е. вести дела при параметрах, отклонявшихся от рыночного равновесия. Но при этом государство калькулировало в ценах, во что обойдется директивно-плановое руководство. Ведь плановый расчет строился не на пустом месте, а на основе сложившихся цен, на которые государство могло влиять, оставаясь постоянно, в свою очередь, под их влиянием.⁸⁵

Автор ощущал, что ему не удалось однозначно описать отечественное хозяйство как рыночную систему. Хуже того, он воочию наблюдал тенденции к подавлению рыночных сил и сознательной порче правительством большевиков денежных и ценовых механизмов, но не хотел видеть в том объективную неизбежность: “Своеобразие существующей хозяйственной системы очень велико. Не во всем оно может быть уже теоретически изучено и установлено, потому что после нескольких лет новой экономической политики трудно еще сказать, что именно принадлежит к существу этой системы и что составляет в ней случайную аномалию. Но пока имеется гораздо больше оснований считать, что ... она, будучи системой товарного хозяйства, регулирует последнее, а не ... преодолевает, переходя в систему, аналогичную той, которая строилась в эпоху военного коммунизма”⁸⁶.

Содержательно разбирал Л.Н. Юровский одно из фундаментальных понятий рыночной парадигмы - “равновесие”. Речь шла о равновесии хозяйственной системы в историческом движении. Это предполагало сохранение многоукладности экономики, поиск компромисса различных интересов. Равновесие необходимо, если считать, что система будет длительно существовать и что цель экономической политики заключается не в разрушении ее для постановки на ее место иной системы, а в постепенном ее укреплении и развитии⁸⁷.

Поддержание рыночного равновесия совместимо с плановым управлением. На том настаивал теоретик: “Требование сохранения равновесия не исключает вообще различных конкретных заданий экономической политики, а только ограничивает их. Это требование оставляет свободу действия в отношении содержания экономических мероприятий с тем однако, чтобы последние не расшатывали целостности всей экономической системы”⁸⁸.

Отсутствие равновесия могло, по мнению экономиста, вызвать двоякого рода реакцию. Одна сводилась к принятию мер по восстановлению равновесия. Другая состояла в попытках

обойтись без восстановления равновесия на рынке путем введения в народное хозяйство нового, нерыночного принципа.

Особое беспокойство вызывала у Л.Н. Юровского ситуация товарного голода, который обострился в 1925 г. и не исчез окончательно в 1926 г. Бестоварье способно было инициировать правительственную политику свертывания рынка под предлогом заботы о потребителях; ведь еще незабытое военно-коммунистическое прошлое давало немало наглядных уроков вытеснения “псевдоплановым” распределением продуктов вольной купли-продажи.

Ученый обращал внимание на то, что мероприятия, принимаемым по нужде и вытекающим из фактов отклонения от рыночного равновесия, свойственно нарастать и размножаться в силу присущей им внутренней логики: “Регулирование в товарно-денежном хозяйстве, не нарушающее необходимого этому хозяйству равновесия, может спокойно преследовать свою цель. Если равновесие нарушено и не восстанавливается, то мера регулирования, стремящаяся к разрешению своего задания в обход рыночного равновесия, не может остаться единственной, а требует принятия все новых мер, из коих последней, завершающей цепь и дающей подлинное решение, но не в направлении к равновесию рынка, а в направлении от равновесия на рынке, является ликвидация рынка и установление в соответствующей области законченного, строго планового распределения с полным отказом от требования “закона ценности”⁸⁹.

Кроме такой альтернативной постановки вопроса в журнальной публикации имелись другие глубокие рассуждения о равновесном регулировании. В частности, высказывалось предположение о потенциальной возможности соблюдения динамического равновесия в отечественной экономике, т.е. создания ровной линии хозяйственного роста вместо траектории развития, проходящей через периоды быстрого расширения, последующего кризиса и депрессии⁹⁰.

Советское государство было в состоянии предотвращать разворачивание всеобщих процессов кризисного перепроизводства продукции за счет локального погашения убытков по отдельным предприятиям. Правительство могло в плановом порядке согласовывать темпы экономического роста страны с темпами реального накопления инвестиционных ресурсов.

Механизм управления отечественной экономикой качественно отличался от традиционного регулирования в странах с рыночной экономикой. “Ибо если в условиях капиталистического хозяйства равновесие и нарушается, и восстанавливается стихийно, то у нас, где равновесие может оказаться нарушенным не только хозяйственной стихией, но и ошибочно составленным или плохо проведенным планом, обстоятельства ... нередко ... складываются так, что равновесие не в состоянии восстановиться “само собою”, и что цель уравнивания частей народного хозяйства должна быть достигнута экономическими мероприятиями государства. Очевидно, что такие мероприятия должны в этом случае входить в хозяйственный план, а количественное их выражение должно найти свое отражение в контрольных цифрах народного хозяйства”⁹¹.

Преимущества государственно-организованной экономики при определенных обстоятельствах превращаются в негативные моменты. Так, “советская хозяйственная система, благодаря огромной концентрации материальных ресурсов в распоряжении государства и благодаря государственному регулированию народного хозяйства во многих его областях отличается способностью переносить сравнительно долго такие случаи нарушения хозяйственного равновесия, которые не вынесла бы иная хозяйственная организация”⁹².

Л.Н. Юровский называл четыре случая длительного нарушения равновесия в отечественном хозяйстве в 1925/26 г. Во-первых, несоответствие между размерами экспорта и импорта, с одной стороны, и состоянием основных отраслей нашего хозяйства - с другой. Во-вторых, несоответствие между спросом на иностранную валюту и предложением ее. В-третьих, несоответствие уровня товарных цен или покупательной силы нашей валюты золотому паритету червонца. В-четвертых, несоответствие между оптовыми и розничными ценами (особенно в частной розничной торговле) и бестоварье, затрудняющее экспортные заготовки, усиливающее предыдущие отклонения от равновесного уровня⁹³.

Макроэкономические диспропорции приводят к тому, что рыночные регуляторы перестают выполнять свои функции. Обменный курс рубля не выравнивает спрос на иностранную валюту с ее предложением. Цена не балансирует платежеспособный спрос и предложение товаров. Покупательная сила рубля колеблется независимо от его золото-валютного курса. Ценностные параметры отрываются от своей объективной рыночной основы и вырождаются в условно-

счетные единицы. Согласование спроса и предложения достигается уже методами прямого планового регламентирования. Игнорируя закономерности восстановления рыночного равновесия, государство, по мнению Л.Н. Юровского, откатывается назад, к примитивной системе натурального хозяйства.

О необходимости соблюдения рыночного равновесия и важнейших макроэкономических пропорций говорил в 1927 г. и Н.Д. Кондратьев, выступая с докладом “К вопросу о природе нашего хозяйственного подъема и наших хозяйственных затруднений”. Ученый отмечал взаимосвязь между замедлением экономического роста, появлением хозяйственных затруднений (диспропорций) и отклонением рыночных показателей от объективно складывавшихся уровней равновесия. Источником нарушения сбалансированного роста отечественной экономики было плановое руководство ⁹⁴.

По соображениям Н.Д. Кондратьева, избыточные вложения капитала на развитие индустрии, не подкрепленные реальными накоплениями инвестиционных ресурсов, расшатывали макроэкономическую стабильность в Советском Союзе. Продолжение этой политики сулило мало хорошего. О том ясно высказывался докладчик: “Я являюсь сторонником той мысли, что если индустриализация страны превращается в сверхиндустриализацию страны, то вместо того, чтобы привести действительно к подъему народных сил хозяйства, она неизбежно приведет его к разорению и к кризису всего народного хозяйства. Поэтому весь вопрос планового ведения дела заключается в том, чтобы избежать сверхиндустриализации страны, как и аграризации страны” ⁹⁵.

Экономист оценивал темпы индустриализации как сверхвысокие потому, что они сопровождались возникновением целого ряда серьезных диспропорций и проблем: темп роста производства отставал от темпа роста потребления населения; темп роста накоплений (сбережений) отставал от динамики производства; денежные вложения капитала опережали его реальное накопление. Дефицит сбережений капитала покрывался за счет необеспеченной денежной эмиссии. Кредитные операции увеличивались быстрее общей денежной массы. Предложение товаров и услуг отставало от денежного спроса покупателей, поэтому обнаружился товарный голод, ускорился рост цен внутреннего рынка, выраженных в рублях. Увеличился отрыв официального валютного курса рубля от его ценового паритета, ухудшились условия экспорта продуктов из Советского Союза ⁹⁶.

Автор доклада не сомневался, “что указанные выше диспропорции и противоречия возникают и нарастают в силу того, что по мере приближения восстановительного периода к концу ставка на ускоренный процесс индустриализации страны, сама по себе правильная, при данном конкретном ее выражении (в смысле темпа) приходит в конфликт с условиями и темпом накопления как реальной базы для индустриализации, в конфликт, усугубляемый направлениями некоторых мероприятий экономической политики” ⁹⁷. Обострение диспропорций грозило серьезным столкновением интересов промышленности и сельского хозяйства, города и деревни.

Однако самым впечатляющим в обсуждении путей развития СССР было совпадение ключевой рекомендации Н.Д. Кондратьева с чаяниями приверженцев директивно-плановой парадигмы. Ставка на индустриализацию, по мнению экономиста, предполагала повышение темпа накопления в стране. “Таким образом, проблема накопления, проблема его использования и учета его реальных пределов в практических мероприятиях по строительству хозяйственной жизни становится на ближайшее время основной и руководящей проблемой нашей экономической политики” ⁹⁸.

* * *

Проблема накопления в государственном хозяйстве стала “центральной практической идеей” книги Е.А. Преображенского “Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства”. Она была напечатана в 1926 г., но до и после того отдельные ее главы публикова-

лись в периодическом издании “Вестник Коммунистической Академии”. Это монографическое исследование, пожалуй, впервые представило целостную теоретическую модель функционирования директивно-плановой, социалистической экономики.

Научные изыскания Е.А. Преображенского выражали идеологию и интересы партийно-хозяйственной бюрократии, вершившей руководство государственным сектором отечественной экономики. Поэтому накопление ресурсов в казенной собственности признавалось неотъемлемой предпосылкой прогрессивного развития социалистической системы в противовес остальным общественно-экономическим укладам.

Автор изначально противопоставлял государственное хозяйство другим, частным формам ведения дел. По его убеждению, возникшая после октябрьской революции советская экономика могла существовать только в условиях непрерывной борьбы с частным предпринимательством внутри страны и с зарубежным бизнесом на мировом рынке. Он писал: “Раз новый тип производственных отношений начинает пробивать себе дорогу, то прежде всего и более всего он должен бороться за свое существование и ... укрепление ... путем воспроизводства социалистических отношений каждый раз в расширенном масштабе ... Это - вопрос жизни и смерти для всей системы. Но бороться за воспроизводство отношений ... социалистического типа, значит бороться за увеличение средств производства, принадлежащих пролетарскому государству, во-первых, за объединение вокруг этих средств все большего ... количества рабочих, во-вторых, за поднятие производительности труда во всей системе, в-третьих. А это и значит бороться за расширенное воспроизводство данной системы, бороться за максимум первоначального социалистического накопления”⁹⁹.

Идея экономического развития у Е.А. Преображенского обрела вид беззастенчивого использования и бескомпромиссного подавления новой социальной силой всех доселе существовавших. В философском обличье она выглядела так: “Развитие какой-либо экономической формы означает вытеснение ею других экономических форм, их подчинение новой, их постепенное исчезновение”¹⁰⁰.

По схеме революционно непримиримой методологии развертывались и теоретические конструкции автора: “Социалистическим накоплением мы называем присоединение к основному капиталу производства прибавочного продукта, который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства и социалистического государства, а служит для расширенного воспроизводства. Наоборот, первоначальным социалистическим накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов главным образом из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства. Однако, во-первых, это накопление также носит характер предварительного накопления средств для подлинно социалистического хозяйства и этой цели подчинено. А во-вторых, накопление ... за счет негосударственного круга, явно преобладает в этот период. Поэтому весь этот этап мы должны назвать периодом первоначального, или предварительного, социалистического накопления... Основным законом нашего советского хозяйства, в настоящий момент пробегающего эту стадию ... является закон первоначального, или предварительного, социалистического накопления”¹⁰¹.

Затем теоретик формулировал основной закон социалистического накопления, который в его представлении являлся движущей пружиной всего советского государственного хозяйства: “Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, - тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе”¹⁰².

Временной горизонт авторского видения очерчивался победой большевиков в октябрьской революции. Об этом свидетельствовала попытка исторического исследования закономерностей социалистического накопления, которое “может начинаться только после завоевания власти пролетариатом”. Ученый отмечал: “Национализация крупной промышленности ... есть первый акт социалистического накопления ... который сосредоточивает в руках государства минималь-

но необходимые ресурсы для организации социалистического руководства промышленностью... Социализируя крупное производство, пролетарское государство ... приспособляет систему собственности к своим будущим шагам в деле социалистической перестройки всего хозяйства”¹⁰³.

Фактически же национализация собственности в России сопровождалась “первоначальным социалистическим израсходованием” [термин Л.Н. Юровского¹⁰⁴ - Г.Ч.] доставшихся от прошлой эпохи материальных ресурсов на ведение гражданской войны за удержание революционной власти. Работа предприятий без прибыли в военно-коммунистический период была типичным явлением. Производство, бывшее убыточным по критерию коммерции и накопления, было необходимым и полезным для решения задач тех лет. Выпуск продукции сокращался скорее по причине нехватки топлива и сырья, чем из-за дефицитности государственного хозяйства. “Социалистическое накопление, - подчеркивал Е.А. Преображенский, - начинается не от нуля и поднимается выше: оно начинается с уровня ниже нуля”¹⁰⁵. В годы военного коммунизма возобладало стремление к производству максимального количества продуктов, невзирая на невосполнимые потери капитала.

С переходом к мирной жизни целью правительственного управления становится минимизация убытков во всем государственном хозяйстве и по возможности на отдельных предприятиях. Рубеж простой (бесприбыльной) окупаемости затрат был пройден казенной промышленностью и транспортом приблизительно летом 1924 г. Кстати, после этого и появилась в печати глава из книги “Новая экономика” под названием “Основной закон социалистического накопления”.

Взгляды автора на смену исторических вех заключались в словах: “Новая экономическая политика была “новой”, пока жива была память о “старой” экономической политике военного коммунизма, которой она противопоставлялась. Необходимо ликвидировать этот термин ... Вместо “новая экономическая политика” теперь правильной и целесообразней говорить: политика социалистического накопления”¹⁰⁶.

Несомненная заслуга автора - теоретическое описание советского государства в качестве субъекта предпринимательской деятельности. Исходной посылкой его научного анализа выступало единство экономики и политики: “Пролетарское государство одновременно и руководит государственным хозяйством и руководит политикой внутренней и внешней, стремясь к сохранению данной системы, к ее укреплению... Оно встречает при этом противодействие со стороны мирового капитализма извне, частного хозяйства - внутри”¹⁰⁷.

Знаменательно, что первой причиной становления социалистической экономики названа необходимость противодействия странам-лидерам международного хозяйства. Абстрактная посылка конкретизировалась указанием на глобальную экспансию Соединенных Штатов Америки, а затем привлекалась для оправдания революционных преобразований в России. “Если Америка приобретает доминирующую роль в мировом хозяйстве, то тем самым приобретают в нем доминирующую роль монополистические тенденции американского капитализма, бурно вырывающиеся ... за пределы национального хозяйства Америки”¹⁰⁸.

“Логичным” антитезисом предыдущего положения служило доказательство “закономерности” повального огосударствления отечественной экономики. “Борьба с американским монополизмом возможна лишь путем изменения всей структуры той или иной страны, т.е. путем перехода к социалистической экономике, которая делает из страны монолитный организм и не дает американскому капитализму растаскивать по частям одну отрасль за другой, подчиняя их американским трестам или банкам, как это имеет место при “естественном” соприкосновении американского капитализма с экономикой других капиталистических стран. Напор капиталистического монополизма может встретить преграду лишь в социалистическом монополизме. Страна, которая перейдет к социализму, будучи и экономически и технически слабей американского капитализма, в период незаконченной перестройки своего хозяйства на новой базе, будет бороться с ним не экономическим превосходством своих трестированных же отраслей хозяйства, а более высокой организационной структурой всего хозяйства”¹⁰⁹.

В отличие от иностранных компаний, российская частная промышленность не могла серьезно конкурировать с казенной, поскольку она была поставлена в неравные условия с послед-

ней. Государство сконцентрировало у себя самые крупные и технически передовые предприятия, которые помещались в комфортную среду хозяйствования.

Общие тезисы Е.А. Преображенский развертывал в детальное объяснение специфики современного ему государственного предпринимательства: “Первая, самая важная, особенность состоит в том, что государственное хозяйство вступает в борьбу ... только как единое целое. Отдельное предприятие государства, оторванное от целого и брошенное в стадию конкурентной борьбы, вероятно ... было бы бито. Но то же предприятие, находясь в едином комплексе государственного хозяйства, имеет за собой всю силу этого комплекса, а потому оно уже не является ни в какой мере единичным предприятием или трестом старого капиталистического типа, даже когда оно “переведено на хозяйственный расчет”¹¹⁰.

Проницательный экономист подчеркивал, что принципы накопления на одном госпредприятии и во всем комплексе казенного хозяйства - две вещи разные. Он писал, что в СССР необходимо “накопление, которое обеспечивает продвижение для всего комплекса, а не для отдельных его частей, потому что цепная независимость в движении всего комплекса делает совершенно невозможным разрозненное продвижение по методу капиталистической партизанщины, индивидуальной инициативы и конкуренции”¹¹¹.

Ученый верно выделил еще одну причину устойчивости социалистической формы в борьбе с капиталистической - сращивание государственной власти с государственным хозяйством. Выдвинутое положение подкреплялось исторической аналогией: “В какой огромной степени сращивание капиталистического государства с капиталистическим хозяйством может увеличивать силу и устойчивость данного политико-экономического механизма, показал опыт военно-государственного капитализма в Германии в 1914-1918 годах. При пролетарской диктатуре этот процесс сращивания идет гораздо дальше. Пролетарское государство и пролетарское хозяйство представляют собою единое целое в полном смысле этого слова. Это в огромнейшей степени увеличивает как политическую силу государства, так и экономическую силу государственного хозяйства... Власть пролетарского государства, которая распространяется на прибавочный продукт частного хозяйства (конечно, в пределах экономически возможного и технически досягаемого), не только является сама орудием первоначального накопления, но и постоянным резервом этого накопления, так сказать, потенциальным фондом государственного хозяйства”¹¹².

На основе сказанного автор предполагал, что вытеснение социализмом других экономических систем производства будет происходить в форме: ограничения или даже ликвидации свободы конкуренции, всемерного использования выгод государственной монополии, борьбы единым комплексом государственного хозяйства, комбинации экономических средств с политическими.

Закон первоначального социалистического накопления рассматривался экономистом как внешняя принудительная сила, которая заставляла государство действовать в интересах самосохранения существовавшей социально-экономической системы. Его умонастроение передает цитата, перечисляющая важнейшие сферы казенного предпринимательства: “Закону социалистического накопления подчинена вся экономическая политика советского государства и экономика государственного хозяйства. Невозможно говорить ни о каких законах движения заработной платы в государственном хозяйстве СССР и ни о какой теории заработной платы без анализа закона социалистического накопления... Этому же закону подчинены ... политика цен на продукцию госпромышленности и система железнодорожных и водных тарифов. Закону социалистического накопления подчинена структура доходной части бюджета с системой обложения частного хозяйства в пользу социалистического ... структура расходной части бюджета. Монополия внешней торговли и система социалистического протекционизма есть оборона социалистического хозяйства ...для... накопления. Закону социалистического накопления подчинена вся наша кредитная система и по методам ее организации, и по принципам ... распределения кредитных ресурсов страны. Тому же закону подчинена наша торговая политика внутри страны, с ее постоянным стремлением к вытеснению из оборота частного хозяйства и ... к регулированию внутреннего рынка. Это регулирование есть... также либо ограничение темпов и размеров капиталистического накопления в процессе обращения, либо увеличение социалистического накопления в этой сфере”¹¹³.

Оригинальность воззрений Е.А. Преображенского проявилась в отходе от обычного, пространственного противопоставления закона ценности как регулятора рыночной экономики планомерному государственному управлению. Ученый измыслил концепцию противоборства закона ценности с законом первоначального социалистического накопления. Впрочем, автор отдал дань традициям марксистской школы, продекларировав, что антиподом товарного производства, исторически сменяющим его, является плановое социалистическое хозяйство. Поэтому товару капиталистического способа производства в хозяйстве плановом противостоит продукт, ценности (цене) - измерение рабочим временем (трудовым издержками), рынку в качестве сферы проявления закона ценности - бухгалтерия планового хозяйства¹¹⁴.

В идеале государственная плановая экономика представлялась экономисту в виде громадного натурального хозяйства, где статистика заранее и непосредственно учитывает все потребности, и нет нужды в рыночном признании общественной полезности продуктов. Централизованная система руководства наделялась свойствами рационального субъекта, способного к предвидению тенденций социально-экономического развития.

Объективная закономерность в условиях планового хозяйства, по разумению теоретика, “прокладывает себе путь не через рынок, ... а предварительно ... к сознанию регулирующих хозяйственных органов общества. Не цены на рынке после производства, а колонки цифр социалистической бухгалтерии до производства бьют тревогу и давят на сознание планирующих центров: они извещают ... о нарастании новых потребностей ... о той экономической необходимости, к которой надо приспособляться. Эта антиципация [предвосхищение, предугадывание - Г.Ч.] закономерности составляет ... первую характерную черту нового, социалистического производства ... Эта отличительная черта проявляется и в том, что взаимозависимость отдельных частей производственного механизма дает себя знать ... не стихийным путем, а в уравнениях пропорциональности, намечаемых госпланом социалистического хозяйства”¹¹⁵.

Это абстрактное положение автор дополнял конкретной временной спецификой: “То, что Госплан уже перешел к выработке пятилетнего плана, не есть случайное обстоятельство. Такое углубление планирования не только есть наше завоевание, но и настоятельнейшая необходимость, которая диктуется коллективному хозяйству прямо как внешне принудительный закон. Октябрьская революция имеет на этом фронте свою логику... Но если переход к такому планированию неизбежен, и мы не можем, это не в нашей власти, от него отказаться или увильнуть, раз мы социализировали промышленность и транспорт (иначе в Октябре не надо было браться за оружие), то отсюда с неизбежностью вытекает уже в 1926 г. такая группировка производительных сил внутри государственного хозяйства, которая ... должна ... предвидеть по возможности пропорции воспроизводства за несколько лет, чего капиталистическое хозяйство не может делать в таком размере и в такой форме по самой своей структуре”¹¹⁶.

Е.А. Преображенский понимал известную бессодержательность антагонистического противопоставления стоимостных, рыночных отношений планомерной форме их регулирования. Поэтому у него возникла новая теоретическая конструкция, в которой планирование уступило закону социалистического накопления место взиави закона ценности. “Борьба за плановое начало есть прежде всего борьба за накопление материальных ресурсов государственного хозяйства, обеспечивающих рост одних производственных отношений за счет других. Это накопление ограничено действием еще существующего закона ценности, следовательно, подвержено действию стихии. С этой точки зрения закон первоначального социалистического накопления есть та форма, в которой происходит диалектическое перерождение стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия в экономической системе, осуществляемого при огромной роли сознательного предвидения и практического учета экономической необходимости”¹¹⁷.

Идея о двух регуляторах советской экономики была удобной рабочей гипотезой в методологическом и концептуальном аспектах. С ее помощью прокладывались логические переходы от исходных теоретических посылок к анализу текущих социально-экономических ситуаций. Двойственностью пронизана авторская характеристика отечественного хозяйства: “Наша экономика в целом является товарно-социалистической системой... Так как хозяйство СССР представляет из себя совершенно невиданный в экономической истории пример сожителства двух

систем хозяйства, то оно должно быть также ареной не только борьбы, но и известного равновесия, следовательно ... сожителства двух различных экономических законов. Закон социалистического накопления ограничен демократией товарного хозяйства, с присущей последнему закономерностью, линией развития и методами регулирования. Товарное хозяйство ограничено ... законом социалистического накопления ... Поэтому наше хозяйство, не будучи еще социалистическим, не является уже также и чисто товарным”¹¹⁸.

Преобладающим, по заверению Е.А. Преображенского, является закон социалистического накопления, ибо он “изменяет и частью ликвидирует” закон стоимости и прочие законы товарного и капиталистического хозяйства. Ученый недоумевал, почему универсальная форма денежного товарообмена и денежной калькуляции многими ошибочно принималась за “показатель поля приложения и силы господства закона стоимости как регулятора всех хозяйственных процессов”. Между областью распространения денежного товарообмена и значимостью закона ценности нельзя ставить знака равенства¹¹⁹. Здесь есть доля истины. Ведь в денежной форме реализуются полярно противоположные принципы хозяйствования: бюджетный (неэквивалентный, безвозмездный) и коммерческий (эквивалентно-возмездный).

Избранный экономистом дуалистический подход улучшал теоретическое обоснование директивно-плановой парадигмы. Он верно описывал ситуацию подчинения рыночных регуляторов интересам государственного предпринимательства. При таком взгляде планирование выступало лишь одним из способов укрепления позиций казенного хозяйства. Содержание планов определялось задачами накопления ресурсов в руках государства.

Страстно говорил большевик со стажем о второстепенной роли планирования в самосохранении господствующего уклада: “Сводить всю проблему борьбы двух разных регуляторов ... к разнице механизмов регулирования в узком смысле, т.е. ... противопоставлять закону ценности увеличение планового начала, как метода достижения задач, стоящих перед государственным хозяйством, значит подменять всю проблему одной ее стороной. Мы осуществляем неэквивалентный обмен с деревней, жесткий план импорта, имеющий задачей воспроизводство данной системы ... вследствие взаимоотношений нашей системы с мировым рынком и всем частным хозяйством вообще, а не благодаря росту планового начала как причины. Без этих мер мы бы погибли как система, совершенно независимо от того, в плановом или бесплановом порядке мы бы осуществляли политику ... противоположную той, которую нам диктует закон первоначального социалистического накопления”¹²⁰.

Скрупулезно обмозговывал Е.А. Преображенский особенности действия закона ценности в советском хозяйстве. Исследованию подвергались важнейшие категории рыночной экономики: цена, прибыль, банковский процент, заработная плата и пр. Но чтобы не спотыкаться об исходную посылку о несовместимости социалистического планового хозяйства с товарным, теоретик сворачивал на “горную дорогу” компромисса: “Насколько ясно мы можем теоретически противопоставить одни понятия другим, настолько трудно анализировать все эти понятия, когда дело идет о переходных формах от капитализма к социализму”¹²¹. Многоукладность экономики, воспринимаемая как признак ее переходной фазы, позволяла удовлетворительно истолковывать неодинаковое содержание товарно-денежных отношений в разных областях хозяйства.

Сопоставляя централизованную организацию казенной промышленности с мелким крестьянским хозяйством, аналитик умозаключал: “В результате такого своеобразного положения мы неизбежно должны иметь далеко идущее отмирание действия закона ценности внутри круга государственного хозяйства, при очень большом разгуле действия закона ценности за пределами государственного хозяйства и при постоянных ударах рыночной стихии по всему государственному хозяйству”¹²².

По начертанному методологическому вектору развертывалось тщательное изучение категории цены. Е.А. Преображенский начинал с оборота внутри госсектора, т.е. с “минимального действия закона ценности на цены”. Тут, по его словам, “цены строятся из определенного планового расчета, они подгоняются к уровню себестоимости производства ... с калькуляцией известной прибыли для заказчика, без прибыли, или же с предвидением убытка, поскольку государство сознательно идет на цены ниже себестоимости и дает дотацию из своего бюджета. Все

это решается не стихийными методами конкуренции, а путем согласования финансового плана отдельных отраслей с ... бюджетом государства”¹²³.

Из предыдущих положений логично вытекает вывод: “Здесь категория цены носит чисто формальный характер; это лишь титул на получение из котла общегосударственного хозяйства определенной суммы средств на дальнейшее производство и на определенный уровень расширенного воспроизводства”¹²⁴.

Далее научные изыскания охватывали торговлю госсектора с частными укладами на национальном рынке и внешнюю торговлю. В этом случае правительство могло назначать различные цены на одинаковые товары, например, на нефтепродукты: одну для отпуска казенным предприятиям и учреждениям, другую - для продажи на частном рынке, третью - для экспорта.

При подобных обстоятельствах категория цены приобретает, согласно воззрениям исследователя, “двойственный характер: с одной стороны, это по-прежнему калькуляционный метод, псевдоним планового распределения ресурсов внутри государственного круга, с другой стороны, где дело касается обмена веществ между государственным и частным хозяйством, это - функция первоначального социалистического накопления, ограниченная законом ценности”¹²⁵.

Завершало обзор ценообразования краткое описание обмена продуктами в рамках частного сектора, наименее доступного плановому регулированию. Сюда относилась торговля зерном, рабочим скотом, изделиями кустарей и ремесленников. Резюме ученого очевидно: “Здесь - безраздельная область господства закона ценности. Тут перед нами та часть нашей экономики, которая является полнейшим антиподом области производства ... в государственном хозяйстве. XVI - XVIII века сожигательствуют с наивысшим завоеванием XX века, с планово руководимой промышленностью социалистического государства”¹²⁶.

Незаурядную квалификацию экономиста демонстрировал анализ ситуации товарного голода на промышленную продукцию в 1925 г. Автор доказывал, что в условиях господства казенной индустрии и политики фиксированного ценообразования цена перестает играть роль регулятора равновесия спроса и предложения товаров. “Когда промышленность принадлежит на 80% государству, - писал Е.А. Преображенский, - ликвидация диспропорции между объемом производства и платежеспособным спросом, если исключить увеличение импорта, возможна лишь на основе планового расширения государственной промышленности, в уровень с возросшим спросом. Лишь частично и в весьма скромных размерах рост цен может привести к расширению мелкого кустарного и ремесленного производства в охваченных товарным голодом отраслях. Товарный голод есть предостережение руководящему промышленностью государству, это требование установления пропорциональности, о которой кричит весь экономический организм страны”¹²⁷.

По поводу бестоварья аналитик думал так: это “совершенно уродливое и извращенное действие закона ценности, потому что этот закон в состоянии вызвать увеличение цен в рознице, но бессилён провести через этот инструмент ... к перераспределению производительных сил страны в сторону ее более быстрой индустриализации... Частный торговый капитал загребает сотни миллионов, но на производство это почти не влияет”¹²⁸.

В приведенных изречениях символичны некоторые моменты. Прежде всего, подмечена лишь одна сторона проблемы - реакция рыночных параметров на товарный голод. Но главной причиной дефицита товаров была политика чрезмерного социалистического накопления, “диктуемая” одноименным экономическим законом. Кроме того, в розничной торговле преобладало частное предпринимательство, коему вольготно жилось в конкурентной среде при гибких ценах. Наконец, будучи непоколебимым приверженцем директивно-планового управления, Е.А. Преображенский выстраивал концепцию “экономики предложения” вопреки теории рыночного хозяйства, прокламировавшей экономику потребительского спроса.

По разумению творца “Новой экономики”, категория прибыли так же, как и цена, утрачивает роль регулятора распределения производительных сил между отраслями коллективного государственного хозяйства. Последнее достигается не обходным, стихийным путем, а прямо предусматривается общехозяйственным планом данного года. Планирование производственной программы и нормирование отпускных цен на продукцию трестов фактически устанавли-

вало размеры их прибыли. Это уже не норма прибыли в капиталистическом смысле слова, а норма социалистического накопления для каждой данной отрасли экономики ¹²⁹.

В контексте накопления и размещения новых капиталов в государственном секторе рассматривались банковская система и бюджетное финансирование. Теоретик не выказывал предпочтения ни тому, ни другому каналу инвестирования, мимоходом замечая, что наше казенное хозяйство не нашло “вполне удовлетворительных организационных форм” обслуживания процесса расширенного воспроизводства.

Вероятно, неоднозначность авторской позиции объяснялась исчерпанием в 1925/26 г. резервов расширения банковской сферы. Быть может, в то время научные пристрастия экономиста не находили практического подтверждения. Он сомневался в необходимости начислять и взимать банковский процент при движении ресурсов в государственном хозяйстве.

“Наше социалистическое государство, - писал экономист, - находится в положении предпринимателя, который работает на свой собственный капитал и сам себе процента не платит, хотя и может для очистки бухгалтерской совести выводить сам себе по книгам процент. Если бы допустим, мы ... по определенному плану распределяли кредитные ресурсы из одного центра ... и в нем бы ... концентрировали весь ... фонд кредитования и весь ... прибавочный продукт ... государственных предприятий, то процент благополучно исчез бы ... Я не знаю, в какой степени существующая система кредитования, отражающая часто соотношение сил между ... ведомствами, целесообразна” ¹³⁰.

“Прохладное” отношение к банковскому кредитованию распространялось и на сферу денежного обращения. Исследователь смотрел на деньги как на удобное, техническое орудие обмена, которым должно управлять и пользоваться в собственных интересах правительство. Его идеал более всего воплощался в “государственном круге”, где денежные отношения приобретали преимущественно “калькуляционно-счетный характер”, отмирая в своей роли одного из инструментов достижения стихийного равновесия в производстве ¹³¹.

Е.А. Преображенский порицал свободную конвертируемость рублей в золото и иностранную валюту, а также поддержание в СССР устойчивого разменного курса червонца, ибо такое нужно лишь для балансирования платежей с границей. В его словах звучал упрек: “Спасать на черной бирже паритет бумажного червонца на золотую десятку в стране, где нет золотого обращения, но есть другие методы регулирования ... валютных отношений, значит не критически имитировать самые иррациональные и самые убыточные стороны капиталистического регулирования вообще” ¹³².

С “государственной” точки зрения желательно иметь “сугубо” бумажную национальную валюту, которую можно в любом количестве беспрепятственно выпускать в обращение, облагая эмиссионным налогом всех и вся. Вопреки обычным требованиям твердой покупательной способности рубля, Е.А. Преображенский без застенчивости заявлял: “Когда ... государство является одновременно и органом управления страной, и хозяином крупнейшего экономического комплекса, эмиссия прямо служит каналом для социалистического накопления. Это накопление происходит или за счет доходов мелкобуржуазных и капиталистических элементов, либо за счет сокращения заработной платы государственных рабочих и служащих” ¹³³.

Последний пункт перечня весьма показателен. В нем обнаружилось одно из главных противоречий государственного предпринимательства - отношения со своими наемными работниками. Обстрелянный партийный функционер без боязни обсуждал эту идеологически щекотливую тему, памятуя, что большевики властвовали державой от имени пролетариата. Специфика предмета исследования побудила ученого покинуть методологическую “колею”, накатанную анализом прочих стоимостных категорий.

По канонам марксистской науки отношения к собственности на факторы производства определяют положение той или иной социальной группы в обществе. Собственник предприятия присваивает прибавочный продукт и радуется о накоплении капитала. А наемные работники выступают в роли эксплуатируемого сословия. При частном владении капиталом такая теоретическая схема описывает поведение отдельных действующих лиц. С переходом средств производства в руки “организованного в государство пролетариата” возникают сложности с трактовкой

концепции классового противоборства. Следует выяснить: есть ли эксплуатация, и кто кого эксплуатирует.

Е.А. Преображенский точно расставлял акценты: “Рабочий класс не может эксплуатировать сам себя. Деление же пролетариата на рабочих, находящихся на организаторских функциях и лучше оплачиваемых, и на остальную массу есть деление внутри одного класса, ничем принципиально не отличающееся от деления того же класса на квалифицированных и неквалифицированных работников. Такое положение связано с неоднородностью рабочего класса в деле управления промышленностью ... в технической подготовке, организаторских способностях и т.д.”¹³⁴

Советский экономист деликатно старался вывести из когорты “эксплуататоров” руководящий состав казенных предприятий: “Указанное нами неравенство в сфере распределения материальных средств, а также сохранение профессиональных делений и фактическое неравенство в деле овладения наукой, техническими знаниями и организационным опытом вытекают отнюдь не из монополии небольшой части пролетариата на орудия производства. Никакой монополии на средства производства, допустим, красные директора, пролетарские инженеры и хозяйственники не имеют. Все они являются служащими рабочего государства и так же, как все остальные работники, ведут производство, используя коллективные средства производства государства”¹³⁵.

Но совсем рядышком у аналитика можно прочесть опровержение сказанному: “Часть прибавочного продукта, правда относительно очень небольшая, идет на ту часть вознаграждения специалистов, которая превышает оплату за высококвалифицированный труд. Эта форма эксплуатации рабочих государственной промышленности вытекает из недоразвитости социалистических отношений”¹³⁶.

Острота постановки проблемы снижалась увещеваниями, что доставшиеся в наследство от буржуазии разрывы в уровнях оплаты можно ликвидировать постепенно, по мере роста производительности труда, улучшения культурной и технической подготовки всей рабочей массы на основе новой системы образования, развития рабочей демократии и т.п.¹³⁷

Стало быть, обязанности “ненавистного хозяина-эксплуататора” надлежало исполнять “рабочему государству”. Этот безликий образ собственника командных высот социалистической экономики обретал плоть в многоликом аппарате государственного управления. Хотя Е.А. Преображенский нигде так прямо не высказывался, данное умозаключение напрашивалось само собой как венец его логических конструкций.

Если чуть дальше продолжить теоретическую канву ученого, апеллируя вслед за ним к постулатам К. Маркса, то вырисовывается несколько непривычная картина. В социалистическом секторе отечественного хозяйства “капитал как собственность” противостоял “капиталу как функции”¹³⁸. Иными словами, функционеры многослойного, централизованного аппарата хозяйственного управления распоряжались не принадлежавшей им государственной собственностью. Они выполняли функцию предпринимателя, ведущего хозяйство за счет казенных ресурсов. В то же время “номенклатурщики” руководили процессами получения, присвоения и использования прибавочного продукта, т.е. реализовывали функцию собственника государственных средств.

С таких позиций возможна различная оценка социально-экономической деятельности управленческого сословия. Сие подтверждают и цитаты из “Капитала” К. Маркса. Общий тезис сформулирован так: “Труд по надзору необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между работником, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого надзора за работниками”. Его дополняет историческое пояснение, применимое, пожалуй, и к эпохе нэпа: “В деспотических государствах, труд по надзору и всестороннее вмешательство правительства охватывает два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами”¹³⁹.

Из приведенных посылок следовало, что в Советском Союзе образовался слой партийно-хозяйственной бюрократии, который имел свои групповые интересы, противоположные инте-

ресам всего остального народа, - не только интересам представителей частных укладов, но и интересам рядовых работников казенных учреждений и предприятий.

С другой стороны, у К. Маркса есть положения, позволяющие говорить о совпадении интересов служащих управленческого аппарата и прочих граждан, живущих на доходы от собственного труда. Классик “научного социализма” обращал внимание на то, что труд по эксплуатации точно так же есть труд, как и тот труд, который подвергается эксплуатации¹⁴⁰.

Управленцы различного ранга, в том числе и правительственного, получали заработную плату аналогично всем наемным работникам госсектора, впрочем, более солидную. Именно на это сходство уповал Е.А. Преображенский, включая отряд “красных директоров” в сводную массу пролетариата.

Поиск социальных компромиссов постоянно соседствовал у автора “Новой экономики” с такими “откровениями”, которые естественно вытекали из “предрассудков” директивно-плановой парадигмы, но о которых “правлящая элита” предпочитала умалчивать. Они явно подрывали идеологию ее социального партнерства с рабочим классом. Правоверный марксист довольно цинично, в духе своего учителя, утверждал, что источник производственного накопления в государственном хозяйстве тот же, что и при капитализме, т.е. труд рабочего класса, заработная плата которого должна быть ниже общей стоимости продукции, создаваемой этим рабочим классом¹⁴¹.

Отталкиваясь от признания “эксплуатации” рабочего класса государством, аналитик решает вопрос о том, в какой степени рабочая сила работников казенного хозяйства фигурирует как товар, продаваемый на рынке труда. По его мнению, “мы имеем отношение переходного типа, и на поставленный вопрос придется ответить и да, и нет”¹⁴².

Здесь опять всплывала идея двух регуляторов экономики, которые, однако, не боролись друг с другом, а гнули одну линию ограничения заработной платы. Е.А. Преображенский “разводил” законы по сферам воздействия: на весь фонд зарплаты работников госсектора и на оплату отдельных категорий работников. “В государственном хозяйстве пролетариата уровень всего фонда заработной платы регулируется законом первоначального социалистического накопления, и только градации тарифной сетки определяются еще в значительной степени, если не преимущественно, спросом и предложением квалифицированного и неквалифицированного труда”¹⁴³.

Распределение внутри общего фонда зарплаты, тоскливо вздыхал ученый, остается еще почти полностью буржуазным, как остается капиталистической и сама форма заработной платы. Наша тарифная сетка не имеет ничего общего с социализмом. Поэтому сохраняются и буржуазные стимулы к труду¹⁴⁴.

Теоретический анализ оплаты наемной рабочей силы в государственном хозяйстве оказался неприглядной иллюстрацией закона первоначального социалистического накопления. Е.А. Преображенский толковал о противоречивости указанного закона: “Как закон, в котором находят свое выражение все ... тенденции к усилению темпа расширенного воспроизводства в коллективном государственном хозяйстве, он является тем самым законом развертывания социалистических производственных отношений вообще. Но, с другой стороны, как закон ограничения зарплаты, он, по этой своей тенденции, ограничивает темп превращения заработной платы в потребительский рацион работника социалистического хозяйства”¹⁴⁵.

Двойственную природу закона теоретик разглядел даже в его названии “первоначальное социалистическое накопление”, где “прилагательное “социалистический” вступает в противоречие с существительным “накопление”, к которому оно привязано не только грамматически, но и в реальном историческом процессе”¹⁴⁶. А отсюда уже не так далеко до констатации, что советское казенное предпринимательство сродни государственному капитализму.

С критикой концепции “двух регуляторов” в нашей экономике выступил Л.Н. Юровский: “Первоначальное социалистическое накопление” действительно происходит. Но только оно не может быть противопоставлено “закону ценности” в том смысле, в каком одно регулирующее начало противопоставляется другому”¹⁴⁷.

Л.Н. Юровский писал: “Если бы Е.А. Преображенский утверждал только, что у нас не существует свободной конкуренции. А посему и не действует тот закон ценообразования, который формулирован для экономических явлений, протекающих в условиях свободной конкуренции, то это было бы неоспоримо... Но Е.А. Преображенский утверждает ... что переживаете-

мая нами стадия хозяйственного развития характеризуется борьбой с товарным хозяйством”¹⁴⁸. Государство, по мнению автора цитаты, не ликвидирует законов товарного хозяйства, а имеет целью действовать через его законы.

Перебирая ситуации “первоначального социалистического накопления”, описанные в “Новой экономике”, Л.Н. Юровский аргументировано доказывал, что государство в них не вышло за рамки ценностных отношений и денежного счета своих расходов и поступлений. Поэтому он резюмировал: “Плановое хозяйство современной советской хозяйственной системы проводится в обстановке рынка и присущих рынку закономерностей. Оно может в очень широких пределах властвовать над рынком, т.е. проводить на рынке и через рынок свои задания. Но это не значит проводить их мимо рынка, не считаясь с тем, какова будет реакция со стороны рынка и каковы будут ценностные последствия хозяйственного плана”¹⁴⁹.

Из сказанного выше следовало, что правительство должно поддерживать макроэкономические пропорции на уровне объективно складывающегося рыночного равновесия. Политика небрежения равновесными рыночными параметрами вела к разрушению и уничтожению товарного хозяйства, что было неразумным.

Но Е.А. Преображенский предложил иной подход к исследованию хозяйственного равновесия в СССР. Теоретические вопросы ставились и решались им с точки зрения интересов государственного предпринимательства. Он писал: “Проблема хозяйственного равновесия напрямую опирается в проблему социального равновесия, проблему соотношения классовых сил за и против советской системы. Борются две системы равновесия: равновесие на капиталистической основе, на основе включения в мировое хозяйство, регулируемое законом ценности, путем ликвидации советской системы и придавления пролетариата; равновесие на основе временного неэквивалентного обмена, служащего источником социалистической реконструкции и неизбежно означающего придавление капиталистических тенденций развития, особенно в земледелии.” Поэтому изучение воспроизводства в Советском Союзе должно исходить “из неэквивалентности обмена, хотя бы и ликвидируемой постепенно и систематически”¹⁵⁰.

Ученый-обществовед убеждал читателей, что неэквивалентность обмена - это объективная закономерность, наблюдаемая в отечественной экономике со времен революционных потрясений: “Военный коммунизм означал неэквивалентность размена продукции государственной промышленности на отчуждаемую путем разверстки продукцию деревни, во-первых, и отсутствие рыночной, товарно-денежной формы, такого размена ... во-вторых. В период военного коммунизма уровень развития производительных сил как государственного, так и крестьянского хозяйства был так низок, а непроизводительное военное потребление так велико, что рыночная форма обмена не выдержала бы и лопнула бы под напором ... перераспределения национального дохода”¹⁵¹.

Возобновление рыночного обмена в период нэпа, или в авторской интерпретации в “период первоначального социалистического накопления”, обеспечило казенному сектору условия выживания и развития, но не возвратило его к пропорциям эквивалентной, относительно мировых цен, торговле.

Весомы историко-экономические доводы Е.А. Преображенского: “Хозяйственное равновесие советской системы периода первоначального социалистического накопления отличается от периода военного коммунизма тем, что здесь восстановлена рыночная форма связи между государственным хозяйством и частным, а также на сцену появляется капиталистический сектор. Сближает же теперешнюю систему с военным коммунизмом неэквивалентность обмена, которая продолжает существовать, хотя и в весьма смягченной форме по сравнению с 1919 - 20 гг. Это обстоятельство не мешает помнить всем тем исследователям, которые проводят непримиримую пропасть между военным коммунизмом и нэпом и не умеют научно установить историческую преемственность между той и другой формой регулирования хозяйства. Не говоря уже о том, что нэп ровно ничего не изменил в системе собственности на крупную промышленность и транспорт, он сохранил преемственность с эпохой военного коммунизма, удержав в смягченной форме неэквивалентность обмена. Некритическое лягание военного коммунизма за то, в чем виновата общая экономическая отсталость страны, есть ребяческое недомыслие и непонимание причин и следствий в нашей экономической истории”¹⁵².

Если нэп - прямое продолжение военно-коммунистической эпохи, то становятся понятными антирыночные мотивы правительственной политики, озвученные непримиримым большевиком: “Борьбу с товарным хозяйством мы вели при военном коммунизме, ведем теперь и будем вести ее через десять и через двадцать, и надо думать, и через тридцать лет, будем вести и тогда, когда наша социалистическая промышленность подведет под себя новую техническую базу”¹⁵³.

В строках экономиста чувствуется эмоциональная заряженность на ускоренную индустриализацию: “У нас неэквивалентный обмен сейчас связан прежде всего с технической отсталостью нашей промышленности, более низкой производительностью труда в сравнении с передовыми капиталистическими странами, с более высокой себестоимостью изделий и, наконец, с исторически и экономически неизбежным отчуждением на основе политики цен части прибавочного продукта частного хозяйства в фонд социалистического накопления”¹⁵⁴.

Обзывая своих оппонентов “подновленными”, “коммунистическими народниками”, аналитик бросил в их огород камень: “...эквивалентный обмен в этих условиях означал бы лишь налог на социализм в пользу мелкого производства, налог на машину в пользу трехполья, сохи и хозяйственной азиатчины”¹⁵⁵.

Е.А. Преображенский точно указывал на главный источник социального конфликта в державе. Основные пропорции в области цен внутреннего рынка складывались между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством. От неэквивалентности обмена страдало все крестьянство, но особенно доставалось “аграрному капитализму”, который покупал и продавал больше товаров, нежели середняки. Вот почему кулацкое хозяйство “сознательно враждебно” относилось к экономической системе СССР¹⁵⁶.

Частная промышленность была не в состоянии изменить пропорции обмена между индустрией и сельским хозяйством, и даже не была в том заинтересована. Как отмечал теоретик: “Она играет здесь пассивно-паразитическую роль... Частная промышленность просто присасывается к создавшемуся положению, размещается в порах неэквивалентного обмена между советской крупной промышленностью и деревней в целях накопления, не переходящего в индустриально-производственное накопление и потому не могущего явиться ни источником снижения себестоимости, ни отправным пунктом положительной конкуренции с государственной промышленностью ... Частный капитал ... использует не им созданную конъюнктуру неэквивалентного обмена, ничего не делая для достижения большей эквивалентности”¹⁵⁷.

Теоретическая прозорливость автора раскрылась в анализе возможных последствий политики индустриализации. Ее осуществление посредством интенсивного наращивания инвестиций должно изменять параметры равновесия на рынках товаров, капитала, рабочей силы и денег. Вместе с повышением уровня накопления, писал исследователь: “экономика страны с точки зрения развития производительных сил делается более прогрессивной, растет прибавочный продукт во всем обществе, растет быстрее сумма всей валовой и чистой продукции общества, быстрее растет накопление, но самый переход на новые рельсы, означающий рост удельного веса первого подразделения, должен вызывать временную диспропорцию во всем хозяйстве”¹⁵⁸.

Наперекор воззрениям представителей рыночной школы закоренелый “экономист-государственник” заявлял: “То, что имеет внешний вид перенакопления в тяжелой промышленности, есть только своеобразная форма недонакопления во всем государственном хозяйстве, взятом как целое”¹⁵⁹.

Это положение пояснялось подробнее: “Переоборудование основного капитала, происходящее скачкообразно, отвлекает так много средств производства на производство средств производства, способных дать продукцию только через несколько лет, что все это задержит рост потребительского фонда населения и, при наличии товарного голода, приостановит процесс снижения цен. В этом случае у нас будет не общее перенакопление (иначе откуда может быть товарный голод хотя бы на средства потребления) в государственном секторе, а непропорциональное распределение во времени отдельных задач расширенного воспроизводства... Мы будем иметь перед собой не столько ошибку в построении плана, сколько естественный результат перехода от ... восстановительного процесса к реконструктивному ... естественные последствия того положения, когда основной капитал страны, сильно уменьшенный амортизационными прова-

лами предыдущих лет, воссоздается при ограниченной связи с мировым хозяйством и при общем недостатке внутреннего накопления в натуральной форме средств производства”¹⁶⁰.

Подводя итоги, Е.А. Преображенский выделил сумму экономических и социальных противоречий, от успешного разрешения которых зависело динамическое равновесие хозяйственной системы СССР.

Вот их перечень. Накопление на базе неэквивалентного обмена - и необходимость ликвидации этой неэквивалентности, с несовпадением во времени этих процессов. Накопление за счет прибавочного продукта рабочих - и неизбежность систематического роста заработной платы. Необходимость снижения цен на базе рационализации производства - и борьба с растущей безработицей. Накопление за счет производящего промышленное сырье крестьянства - и необходимость максимально стимулировать расширенное воспроизводство этого сырья. Экономическая необходимость роста товарности крестьянского хозяйства - и социальная необходимость поддержки наименее товарной его части - хозяйства бедняцких и малоимущих групп деревни. Накопление за счет крестьянского экспорта предметов потребления - необходимость стимулировать этот экспорт в условиях крайне медленного снижения промышленных цен. Необходимость, в интересах ускорения индустриализации, максимально растущей связи с мировым разделением труда и увеличения внешних кредитов, - и растущая враждебность к СССР всего капиталистического мира¹⁶¹.

Тут поименованы все социальные силы, с коими вступала в отношения государственная власть в качестве обособленного субъекта предпринимательской деятельности: рабочий класс, различные слои крестьянства, участники международных хозяйственных связей. Мудрость ученого заключалась в том, что теоретические вопросы изначально ставились им в плоскость практической политики.

* * *

Представленный материал позволяет “изобразить в лицах” историю становления парадигмы директивно-планового хозяйствования. Она формировалась в ходе научной дискуссии с парадигмой рыночной экономики. Критерием истинности полемических суждений была реальная хозяйственная практика. Поэтому сопоставление ключевых моментов теории и методологии обоих течений российской экономической мысли между собой и с раскладкой интересов и социальных сил в стране высвечивает объективную логику событий той поры.

Традиционная методология опиралась на ряд фундаментальных социально-экономических предположений. Как неотъемлемая данность воспринималась многоукладность российской экономики, т.е. и частное, и государственное предпринимательство имеют место быть. Различные формы собственности и хозяйствования дополняют друг друга, образуют целостную общественную структуру, которая должна развиваться путем самосохранения и самосовершенствования, но не саморазрушения.

В Советском Союзе возможно существование гражданского общества, обеспечивающее равноправие субъектов экономической деятельности и стабильный социальный мир. Формальное равенство прав гарантирует непринужденный эквивалентно-возмездный хозяйственный оборот. Наличие перечисленных условий позволяло рассматривать отечественную экономику в виде рыночной системы с соответствующим механизмом регулирования.

Исходные посылки теоретической модели смешанного, частно-государственного хозяйства конкретизировались исторической спецификой СССР. В нашей стране предприятия и учреждения корпоративного уклада - командные высоты в экономике - принадлежали государству. Это обстоятельство сопровождалось, во-первых, расширением зоны казенного предпринимательства, во-вторых, переходом крупных предприятий материального производства и оптовой торговли из режима конкуренции в режим централизованного управления.

Единое руководство корпоративными структурами подразумевало согласованное, плановое ведение их хозяйства. Регламентирование работы госсектора, так или иначе, воздействовало на прочие уклады. Поэтому советскому правительству суждено выполнять функцию координато-

ра-плановика всего народного хозяйства. Законная власть обязана проводить взвешенную инвестиционную политику и добиваться сбалансированного, бескризисного экономического роста.

Стержнем государственного регулирования служит концентрация и распределение бюджетных денег. Финансовые ресурсы скапливаются и используются по принципу безвозмездного, неэквивалентного перелива средств. При сборах налогов, акцизов, пошлин и т.д., выдаче бюджетных дотаций, оплате ряда казенных расходов применяются нормы публичного права.

По убеждению “классической” доктрины, бюджетный принцип организации хозяйства играет подчиненную роль по отношению к коммерческому принципу. Эта диспозиция не меняется с распространением интересов казенного предпринимательства на сопредельные социальные уклады. Советская экономика должна оставаться рыночной системой, в которой господствует ориентация производителей на прибыльное ведение дел. Экономисты, воспитанные на учениях европейской школы, надеялись, что нэп - “всерьез и надолго”, ибо послевоенная политика сочетала фундаментальные ценности многоукладного хозяйства с российскими особенностями.

Они объявляли план и рынок вполне совместимыми понятиями, поскольку нормальные плановые проектировки не ликвидировали основ рыночного поведения производственных звеньев и потребителей. С их точки зрения, главным субъектом экономики виделось коммерчески поставленное предприятие, независимо от формы собственности. Естественной “средой обитания” государственных промышленных трестов может быть только рыночное хозяйство.

Казенные предприятия, как и частные, обязаны удовлетворять запросы покупателей, помогать увеличению доходов посредством роста выпуска продукции, снижения издержек, установления оптимальных цен. Коммерческий расчет производителей строится на базе рыночных параметров: цен, денежной массы, спроса и предложения товаров.

Поведение населения в качестве потребителей также определяется правилами рыночной экономики. Граждане обладают свободой выбора покупки; их деньги имеют реальную ценность, а спрос диктуется размерами личных доходов и уровнем розничных цен.

Мотивы планомерного государственного предпринимательства объяснялись столкновением противонаправленных побуждений. С одной стороны, правительство стремилось вкладывать капитал в высокорентабельные сферы экономики, дабы получать от него наибольшую и быструю отдачу. С другой стороны, большевики под воздействием геополитических, межнациональных, социально-иерархических, сословно-бюрократических и т.п. интересов инвестировали средства в бесприбыльные программы. Но даже эта “запланированная бесхозяйственность” не может обходиться без учета стоимостных, рыночных показателей, без денежного выражения затрат и результатов.

Аппарату управления надлежит принимать решения, исходя из текущих и прогнозируемых колебаний конъюнктуры внутреннего и мирового рынков. Иначе реализация планов ведет к возникновению кризисных ситуаций в отечественной экономике, препятствует ее пропорциональному росту. Государство решающим образом влияет на динамику рынков товаров, капитала, денег и труда. Но ему нет надобности “ломать” рыночные регуляторы. Наоборот, гораздо разумнее использовать “порядок вольного обмена” ради собственной казенной выгоды и общественной пользы. Рыночные параметры нужны для ориентации и оценки деятельности всех субъектов хозяйствования. Посему надо заботиться об эксплуатации механизма рыночных связей в соответствии с закономерностями его функционирования.

Согласно “классическим” взглядам власти прежде всего отвечают за поддержание ценности национальных денежных знаков. Тем обеспечивается устойчивость измерителя цен, издержек, прибыли, гарантируется сохранность реальных доходов населения, предпринимателей и казны. С регулированием покупательной способности тесно переплетается конвертируемость отечественных денег в иностранную валюту. Стабильность денежного обращения предполагает умеренную эмиссию наличных купюр и монет, неинфляционное банковское кредитование, сбалансированный государственный бюджет и размещение правительственных займов в случае погашения его дефицита, пропорциональные инвестиции казенных средств, продуманную политику внешней торговли, паритетный курс рубля при размене на твердую зарубежную валюту или золото.

“Ученые-традиционалисты” исповедывали идеологию эквивалентно-равновесного функционирования и эволюционного развития российского хозяйства. Они критиковали политику чрезмерно ускоренной индустриализации и не одобряли перекраивание многоукладной экономики страны. Движение этим курсом, по их мнению, вело к диспропорциям и кризисам в народном хозяйстве, портило рыночный механизм и возвращало экономику к примитивно натуральной, распределительной системе военного коммунизма, нагнетало социальную напряженность.

Привлекательность “рыночной” школы российской экономической мысли была несомненной. Она провозглашала формальную свободу и равенство прав субъектов гражданского оборота, утверждала общенародные ценности. “Специалисты-рыночники” желали восстановления исторической преемственности с прошлым, оборванной эпохой войн и революций. В их исследованиях выявлялись тенденции поступательного движения нашего хозяйства, пробивавшие себе дорогу вопреки всем невиданным доселе политико-экономическим потрясениям.

Теоретические изыскания Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Юровского и др. отвечали критерию научной истины, когда разъясняли возможные отрицательные последствия необузданного государственного предпринимательства. Осуществление предлагавшихся ими мер почти наверняка оградило бы от разрушения современное рыночное хозяйство, помогло бы избежать или уменьшить глубину кризисов в советской экономике, сгладило бы социальные конфликты. Хотя темпы и пропорции экономического роста державы при этом могли бы быть другими.

Слабости указанной доктрины были продолжением ее достоинств. Ей не доставало четко сформулированных целей и идеологии экономической политики. Кроме того, она выглядела “замком на песке”, ибо фактически отсутствовала ее фундаментальная предпосылка - равноправие социальных сил как основа рыночного равновесия.

“Общенародное видение” не опиралось на мощные интересы. Безоговорочными носителями “классических” рыночных традиций выступали сравнительно зажиточные крестьяне, кулаки, ремесленники, частнокапиталистические дельцы. Эти слои населения были либо малочисленны, либо расплывлены, малоимущи и плохо организованы, т.е. слабы, чтобы отстаивать собственные выгоды в борьбе с интересами государственного предпринимательства, представленными группой партийно-советской бюрократии и работниками казенного сектора.

Парадигма рыночного хозяйства стесняла действия государственной номенклатуры и воспринималась ею как внешне навязываемое объективное ограничение, которое надобно устранить при первой же okazji. Интересам ведущего игрока экономического соревнования полнее отвечала теоретическая конструкция директивно-плановой системы.

Концепция государственного планового руководства отечественным хозяйством создавалась на антирыночных предпосылках. Изначально рынок объявлялся несовершенным, устаревшим механизмом регулирования, поскольку его функционирование сопровождалось периодическими общенациональными и мировыми экономическими кризисами. Постоянно повторявшиеся хозяйственные катаклизмы связывались со стихийной конкуренцией частных лиц, неиспользованием рационального начала в экономике страны.

Апологеты директивно-плановой парадигмы доказывали неизбежность замены рыночной системы централизованно управляемым предпринимательством на казенный счет. По их убеждению, промежуточной стадией этого процесса было подчинение конкуренции индивидуальных собственников сферам влияния предприятий корпоративного уклада, а также появление элементов планомерной организации в крупных акционерных компаниях.

Исходные положения теоретической модели директивно-плановой экономики выстраивались на противопоставлении идеальной схеме совершенного, конкурентного рынка. Затем абстрактные “предрассудки” конкретизировались допущением “переходного периода”, на протяжении которого старые отношения вынужденно сосуществуют с новыми и образуются экономические формы, сочетающие в себе “взаимоисключающие” свойства.

Логическая схема “переходного периода” обладала преимуществами пластичной и динамичной рабочей гипотезы. Она позволяла отслеживать общественные связи в развитии, удовлетворительно интерпретировать отсутствие или неразвитость предполагаемых “чистых” форм будущего, толковать о консервации “пережитков прошлого”.

Подобное комбинирование плана и рынка помогло сотворить теорию социалистического товарного хозяйства. Так логика самого предмета исследования понуждала признавать посылки и умозаключения альтернативного научного направления. Обе школы российских экономистов открывали истину, углубляя исследование, каждая со своей точки зрения. Ход теоретической мысли зависел от соподчиненности интересов, принятой учеными.

Государственное предпринимательство можно было выставлять антиподом частного хозяйничанья, если выделять различия между ними и акцентировать на этом внимание. Такая ортодоксальная методология опиралась на объективные предпосылки.

Концептуальное видение адептов директивно-плановой парадигмы было макроэкономическим, охватывавшим все хозяйство “оком государевым”. Ему было чуждо конструирование основ рыночного хозяйства из единичных покупателей и продавцов. Главным субъектом экономической деятельности признавалось государство “диктатуры пролетариата” - собственник “командных высот” в стране. Верховенство казенного предпринимательства на иерархической лестнице укладов отвергало равноправные отношения между ним и остальными хозяйственными звеньями, потребителями его продукции и услуг, нанимаемой рабочей силой. Дополнительный авторитет придавала госсектору историческая необходимость прогрессивного подъема его крупной промышленности, которая требовала выкачивания денежных средств из фондов производителей и личных доходов людей.

Уникальная роль государства как активнейшего и могущественного перераспределителя ресурсов получила солидное теоретическое обоснование и идеологическое подкрепление. Монопольное положение государственного предпринимательства на всесоюзном рынке объяснялось закономерным завершением монополизации отдельных отраслей капиталистической экономики, достижением ее высшей стадии. В итоге этого процесса происходила национализация корпоративных структур и возникла планомерная организация всего народного хозяйства.

Государственный уклад рассматривался выразителями сословных интересов его бюрократии в виде единого комплекса, где преобладали нормы публичного, а не гражданского - “частно-рыночного” права. Соответственно доминировал не коммерческий принцип работы предприятий, а принцип единого, централизованного бюджета.

С “колокольни” директивно-плановой парадигмы воспроизводство обособленных частей казенной экономики представлялось внутривозьственным актом, подчиненным общим правительственным соображениям. Поэтому изменялись критерии оценки работы отраслей промышленности, торговли, банковской сферы и пр. Рыночные параметры - цены, издержки, прибыль, банковский процент, валютный курс - превращались в условные единицы, используемые для расчетов затрат и результатов плановых заданий. Стоимостные показатели утрачивали функции непосредственных регуляторов хозяйствования первичных звеньев экономики.

В пределах госсектора практически выключался мощнейший двигатель предпринимательства - конкуренция. Убытки не грозили разорением и прекращением существования казенным трестам, синдикатам, кредитным учреждениям и т.п. заведениям. Потери можно было компенсировать резервами бюджетных денег. Это допускало, до известной степени, пренебрежение режимом коммерческого расчета в единой “казенной бухгалтерии”. Теоретически весь государственный аппарат в масштабах страны мог хозяйничать без прибыли и даже в убыток, если его финансовые растраты покрывались притоком налоговых платежей в бюджет, либо необеспеченной денежной эмиссией.

“Антирыночные” предпосылки новой парадигмы несли зримую идеологическую нагрузку. С их помощью официальные круги доказывали “неотвратимость” вытеснения частных укладов обобществленными, судачили о “пользе” свертывания рыночного хозяйства под напором командно-планового управления, оправдывали экстремизм экономической политики.

Научная логика противоборства “мрачного” прошлого и “безоблачного” будущего произрастала из корней военно-коммунистической поры. Те годы явили прецедент, когда государственная власть попервоначалу изгнала частных хозяев и управляющих из корпоративного сектора, а затем национализировала предприятия средних и мелких владельцев.

Вторжение революционного правительства в низлежащие по иерархии уклады было вынужденной мерой. Казенное предпринимательство все-таки функционировало в исключительных,

кризисных условиях, при которых рыночный механизм распался на фрагменты и прекращал действовать. Система планового, нормированного распределения продуктов оказалась терпимой заменой вольного рынка, а централизованное, бюджетное погашение расходов и потерь поддерживало жизнедеятельность производителей в периоды, когда его альтернатива - коммерческая организация дела - была просто невыносимой.

Важнейшей причиной военно-коммунистических преобразований российского общества была политика чрезвычайного изъятия ресурсов на вооружение и содержание армии. Такого бесподобного, несправедливого передела народного дохода в пользу государства не смогла выдержать эквивалентная по своему существу форма свободной рыночной торговли.

Невосполнимое отвлечение средств на военные нужды качественно трансформировало отечественное хозяйство. Обычная торговля выродилась в прямой товарообмен, а рубль лишился почти всех функций денег. Недостаток товаров при инфляционно нарастававшем спросе заставил государство регулировать их рыночный оборот и вводить плановое распределение продуктов. Следующим шагом стала экспроприация частных промышленных предприятий. Так, рука об руку шли замещение рыночного механизма централизованным плановым руководством и выдавливание личной инициативы граждан государственным предпринимательством. Обе эти тенденции набирали мощь вместе с увеличением безвозмездного присвоения национального дохода диктатурой революционеров.

Интенсивное огосударствление экономики создало жестко централизованное, почти полностью натуральное, нерыночное хозяйство. Социально-экономические реформации имели свою объективную логику. Советская власть победила в гражданской войне ценою катастрофического развала и истощения производительных сил державы.

С точки зрения классической рыночной теории "закономерное", военно-коммунистическое разрушение российского хозяйства выглядело варварством. Возникшая на его обломках система представлялась примитивной, не способной обеспечить благоденствие страны. Содеянное воспринималось как явный откат в "дремучее" прошлое.

Глазами противоположной научной школы происшедшее виделось иначе. Большевикам удалось овладеть стратегическими сферами экономики и изобрести механизм планомерного руководства ею в собственных интересах. Они выработали адекватную своему политическому господству хозяйственную структуру, которая продемонстрировала надежность и боеспособность в отражении иностранной агрессии и вооруженного сопротивления внутренних оппозиционных сил.

"Сеятели идей" директивно-плановой парадигмы говорили об эпохе военного коммунизма с восхищением, как о богатейшем опыте хозяйственного руководства. О его ценности опять зашла речь, когда государство вновь вознамерилось широкомасштабно перераспределять национальный доход на нужды индустриализации. Главной помехой вытряхиванию народных карманов был рыночный механизм, восстановленный в первые годы нэпа. На преодоление эквивалентно-равновесного регулирования и были направлены усилия правящей бюрократии. Эти ее устремления выражали и теоретически упорядочивали представители "неопланомерного" течения нашей экономической науки.

Советская власть конструировала систему планового управления отечественным хозяйством с целью его ускоренной индустриализации, думая о собственной перспективе. Ведь наращивание промышленного потенциала еще с императорских времен служило укреплению государственной машины. Историческая специфика периода нэпа определялась тем, что крупные фабрики и заводы принадлежали казне, а эксплуатация их в режиме рыночного регулирования не устраивала новый слой верховных хозяйственных начальников. Им понадобился механизм, подчинявший себе оборот всесоюзного рынка. Государственный сектор выступал единым продавцом или покупателем на рынках товаров, капиталов, денег, рабочих рук. Положение монополиста помогало перетягивать в свою пользу параметры рыночного равновесия, да так далеко, что неизвестно менялось регулирование спроса и предложения.

Стихийное, торговое балансирование производства продукции, ее обмена и потребления отступило под натиском централизованного планирования народного хозяйства. "Классиче-

ский” рынок с избытком предложения казался “реликтом” при самовозобновлявшемся товарном голоде, предполагавшем неценовое распределение дефицитных вещей и услуг.

Директивно-плановая система возникла из потребности управления экономикой в ситуации излишнего спроса. Но она не ликвидировала, а постоянно воспроизводила условия товарного дефицита, т.е. сохраняла объективные предпосылки собственного существования. Развитие хозяйства в обстановке хронической нехватки ресурсов и продукции было трудно совместимо с функционированием вольного рынка.

Казенное предпринимательство “планомерно” портило своим инфляционным инвестированием рыночные регуляторы. Неудовлетворенные потребительские запросы инициировали арбитраж частного сектора - спекулятивную перепродажу товаров, валюты. Преследуя поставленные цели, правительство вынуждено было идти против свободного хозяйственного оборота.

Теоретическое обоснование вседозволенности государственного предпринимательства приверженцы новой парадигмы искали в историческом экскурсе, согласно которому капиталистическое предприятие зародилось на базе мелкотоварного, а единое государственное хозяйство появляется “на спине” крупной буржуазной собственности. Каждая последующая форма производства, как социально более прогрессивная, “питается соками” ранее возникших укладов. Стало быть, казенному сектору “на роду написано” процветать, не только уповая на внутренние резервы, но и за счет средств всех прочих субъектов хозяйствования.

Этот предрассудок закладывал идеологический фундамент под возможность реформирования нэпа в сторону воссоздания элементов военно-коммунистической экономики. К планомерной регламентации власти прибегли в условиях не затухавшего товарного голода. А самовоспроизводившийся дефицит подталкивал советское правительство к наращиванию объема безвозмездно изымаемых ресурсов и к расширению неэквивалентных отношений госсектора с частными лицами и предприятиями.

Ученые, разрабатывавшие концепцию плановой экономики, отмечали закономерную взаимосвязь тенденций. Государственный аппарат все отчаянней боролся с рыночными силами. Он не только навязывал частным укладам централизованный диктат, но и прямо занимался их разрушением, преодолевал социальную многоукладность страны.

Одновременно управленцы высшего звена целеустремленно перекраивали рыночный механизм на манер “единой бухгалтерии” государственного предпринимательства. Стоимостные формы постепенно превращались в условно-расчетные параметры, предназначенные для вспомогательного регулирования казенного сектора. Из целостного набора рыночных рычагов оставались лишь те, без которых невозможен торговый обмен. В СССР создавалось планово-рыночное (товарно-социалистическое) хозяйство, функционировавшее в ином режиме, нежели стихийный рынок. Основательная переделка механизма руководства отечественной экономикой была затеяна ради концентрации инвестиций на индустриализацию.

Столкновение идеологий и хозяйственных парадигм отражало расстановку сил в нэповской России. Это был конфликт между социальными слоями, благополучие коих увязывалось с новообретенной и традиционными системами ценностей. Государственный аппарат противостоял всем другим сословиям. Его союзниками становились при известном стечении обстоятельств работники казенных предприятий и учреждений, прежде всего промышленные рабочие.

Соотношение сил было отнюдь не равным. Государство занимало два верхних этажа в иерархии укладов: бюджетный и корпоративный. Первый означал наличие политической власти и возможности перераспределения денежных фондов в свою пользу, в том числе на финансирование корпоративных структур. Второй же задавал вектор исторического развития державы, ибо включал в себя оптовую торговлю, кредитную сферу, передовую промышленность, которая была самой динамичной областью, определявшей “лицо” экономики. Именно здесь формировалось “силовое поле” политики индустриализации. Ветер истории дул в паруса “казенного фрегата”.

* * *

Взгляд на директивно-плановую систему регулирования отечественной экономики как на хозяйственную парадигму предполагает рассмотрение ее в контексте развития российской и мировой экономической теории и практики. Сравнение истории нашего хозяйства с опытом других стран побуждает к поиску среди оригинальностей общих черт, выделению их повторяемости, нахождению законосообразности и преемственности между хронологическими периодами.

Эпоха нэпа по-своему восстановила связь времен в судьбе России, прерванную военным лихолетьем. О том свидетельствует сопоставление воззрений экономистов 20-х годов с исследованиями М.И. Туган-Барановского на стыке XIX и XX столетий. Речь, прежде всего, идет о двух его фундаментальных трудах: “Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов” (первое издание осуществлено в 1894 г. под названием “Промышленные кризисы в Англии, их причины и ближайшее влияние на народную жизнь”) и “Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в 19 веке” (первое издание осуществлено в 1898 г.).

Спектр научных пристрастий автора определялся вовлеченностью России в единый ход истории человечества и характеризовал участие наших земляков в обогащении мировой экономической мысли. Проблематика книг М.И. Туган-Барановского обуславливалась бурным ростом промышленности и торговли в XIX веке. Поэтому размышления ученого сосредоточивались вокруг вопросов производства и продажи продуктов, предложения и спроса на товарных рынках.

Историко-экономический экскурс показывал, что на протяжении XVIII -XIX столетий генеральным направлением развития российской экономики было создание собственной крупной промышленности. Отечественная индустриализация изначально проводилась под патронажем императорской власти. Это обстоятельство подчеркивал исследователь: “В Московской Руси, несмотря на развитие торговли, промышленность имела примитивный характер и сохранила бы его еще долгое время, если бы на сцену не выступил новый фактор - государство”¹⁶².

Казенное опекуновое крупная капиталистическая промышленность было естественным, обыденным явлением в мировой практике. Решительно отвергал М.И. Туган-Барановский разговоры об искусственном насаждении с подачи Петра I фабричного производства в России. Он писал: “Забывают при этом самую малость: то, что не существует ни одной страны в мире - на Западе или на Востоке, все равно, - где капитализм развился бы без деятельной поддержки правительства. С этой точки зрения капитализм развился “искусственно” повсюду, где он процветает, - в Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатах и т.д.”¹⁶³ Меры Петра Великого имели успех благодаря “подготовленности русской экономической почвы” к современным формам промышленности.

Талантливейший экономист сумел разглядеть в эпохе Петра моменты, которые предопределили двухвековое движение народного хозяйства. Исходным пунктом было геополитическое положение России. Раздвигать рубежи и осваивать территорию державы могла только власть, обладавшая военной и экономической мощью. Открытие больших фабричных предприятий обеспечивало и то, и другое. Они снабжали армию и флот всем необходимым для военных походов, вдобавок увеличивали торговый оборот и доходы населения, способствовали пополнению налоговых сборов казны.

Ученый констатировал, что две сотни лет в России наблюдалась стабильная расстановка социальных сил. Иерархия социально-экономических укладов подчиняла их интересы потребностям индустриализации страны. “Известно, что Петр, желая как можно скорее развить у нас новые отрасли промышленности, не останавливался перед жертвованием интересами всего населения выгодам тех или иных крупных фабрикантов”¹⁶⁴.

Такое же понимание правящей верхушкой народных нужд было характерно и в эпоху Николая I: “Политика покровительства крупному капиталистическому производству, которой традиционно держалось наше правительство, диктовалась прежде всего интересами государственного казначейства. Классовые интересы крупных промышленников играли роль второстепенную. Правительство, стремившееся к увеличению политического и экономического могущества России, не могло не стремиться к развитию главного источника экономической мощи -

промышленности”¹⁶⁵. Сия “петровская” традиция не угасла, а обрела новое дыхание в конце XIX века. Ее не переломил даже переход от монархии к советской системе правления державой после революции 1917 г.

Верно выразил М.И. Туган-Барановский диалектику отечественной индустриализации: “Будучи обязана своим возникновением непосредственному воздействию государственной власти, крупная промышленность сама делается одним из факторов, направляющих государственную политику”¹⁶⁶.

Царские правительства поддерживали туземного производителя гарантией сбыта продукции по казенным заказам, охранительными таможенными пошлинами. Фактически санкционированная эксплуатация российского потребителя завышенными ценами приносила лакомые барыши промышленникам. Необходимость массивных бюджетных расходов вылепила специфическую налоговую систему, в которой преобладало косвенное, акцизное обложение, мало зависимое от уровня доходов людей. Но самым серьезным последствием воздействия индустрии на политику была отмена крепостного права. Появление машинного производства потребовало вольнонаемного работника, и государство смирилось с объективной закономерностью.

Перестройка русской фабрики на манер солидного капиталистического заведения - с применением механических двигателей и наймом свободной рабочей силы - качественно преобразила развитие хозяйства империи. Ускорились темпы роста всей экономики, особенно новых отраслей легкой и тяжелой индустрии. Усилилась концентрация промышленного производства, т.е. увеличилась доля высокотехнологичных, больших предприятий в общем объеме продукции и количестве занятых. Стали расширяться города за счет миграции сельских жителей на фабрики и заводы. Индустриализация представлялась М.И. Туган-Барановскому интенсивным процессом: “Промышленная эволюция России идет следующим образом. Общий объем промышленности быстро растет, и все большая доля населения отвлекается от земледелия к промышленности. Чем крупнее производство, тем рост его совершается энергичнее”¹⁶⁷.

Оптимистичный настрой автора проистекал из его собственной формулировки теории рынков, согласно которой “капиталистическое производство само создает себе рынок”. Действительно, инвестиции частного и государственного капитала инициировали стремительный взлет промышленности и небывалое углубление емкости всероссийского рынка в конце XIX - начале XX века.

Стержень этой волны индустриализации составило железнодорожное строительство, затеянное верховной властью. Заказы на поставку продукции для нужд казенных путей сообщения организовали стабильный и прибыльный рынок для черной металлургии, машиностроения, стройиндустрии, угольной промышленности, деревообработки и т.д. Но значение прокладки рельсовых дорог не очерчивалось становлением рынка сбыта продукции тяжелой индустрии. Это было коренное улучшение условий транспорта и торговли. По мнению экономиста: “Влияние расширения железнодорожной сети на развитие товарного обмена едва ли может быть преувеличено. Всякая новая железнодорожная линия есть новый обширный рынок, открывающийся для русской промышленности, так как рынком для товаров могут служить только другие товары”¹⁶⁸.

Полемизируя с “народниками”, ученый доказывал, что российский рынок открывает необъятные перспективы капиталистическому предпринимательству: “Россия во многих отношениях представляет крайне благоприятную почву для капиталистической промышленности. Огромные и далеко еще не исчерпанные и даже почти не обследованные минеральные богатства... колоссальная территория, слабо заселенная и представляющая достаточный простор для внутренней колонизации; многочисленное население, быстро переходящее от натурального к денежному хозяйству и замкнутое таможенной системой в самодовлеющий рынок, мало доступный для капиталистической индустрии других стран, - все это создает такие благоприятные условия для русской капиталистической промышленности, которых лишена любая капиталистическая страна Западной Европы”¹⁶⁹.

Любопытны высказывания М.И. Туган-Барановского касательно взаимоотношений крупной индустрии с другими социально-экономическими укладами. В частности, “юный” россий-

ский капитализм рос не только за счет собственных ресурсов, но и “за счет других, вытесняемых им форм хозяйства” - натурального, ремесленного и кустарного производства. Русский промышленный капитал питался не только соками эксплуатируемых им рабочих, но и соками других, некапиталистических производителей. Земледелец, который покупал плуг или косу по цене вдвое выше стоимости изготовления, больше участвовал в создании высокой прибыли владельцев металлургических заводов, чем их собственные наемные рабочие¹⁷⁰.

Исследователь не обольщался успехами отечественной промышленности. Он говорил о том, что сдерживает рост нашего капитализма: “Если бы требовалось ответить на этот вопрос в двух словах, я бы ответил: русская некультурность. Капитализм несет с собой культуру, но он и предполагает культуру. Так, бросается в глаза низкая степень производительности труда в России. Несмотря на то, что русский рабочий получает гораздо меньше западноевропейского, труд в России обходится едва ли не дороже, чем на Западе”¹⁷¹. “Столь же велико различие между русским и западноевропейским капиталистом в отношении предприимчивости, знания дела и готовности стать выше рутины. Дороговизна капитала в России есть также одно из следствий некультурности русской жизни, ибо иностранные капиталы быстро восполнили бы недостаток капиталов на русском рынке, если бы иностранных капиталистов не отпугивали многие особенности наших внутренних порядков. Административная регламентация и мелочные стеснения ... вызывают огромное трение, которое существенно тормозит поступательный ход нашей промышленности”¹⁷². Перечисленные специфические условия России автор вслед за Н.Г. Чернышевским называл “азиатство”.

М.И. Туган-Барановский выдвинул теорию рынка, адекватную историческому этапу ускоренной индустриализации передовых стран. Его заслугой стала критическая переработка идей Рикардо, Сисмонди, Маркса и Энгельса. Он аргументировал тезис о том, что “капиталистическое хозяйство не подвергается опасности крушения даже при огромном абсолютном сокращении народного потребления”¹⁷³. По иронии, этот вывод был сделан из развертывания схемы (модели) воспроизводства общественного капитала К. Маркса, но полностью противоречил букве марксизма.

Российского экономиста можно признать обоснователем и приверженцем теории нашей “сверхиндустриализации”. Вот его пояснения парадокса современного капиталистического хозяйства: “Не общественное потребление управляет в нем общественным производством, является его целью, а, наоборот, общественное производство управляет общественным потреблением, является для последнего целью. Не капитал для человека, а человек для капитала - таков девиз капиталистического хозяйства... Что, например, является целью капиталистического производства - создание хлеба (предмета потребления человека) или чугуна (предмета производительного потребления)? Все зависит от того пункта, с которого мы будем рассматривать процесс круговорота капитала”¹⁷⁴.

Теоретическая конструкция расширяющегося внутреннего рынка позволяла отслеживать его структурные изменения. В частности, увеличение числа занятых рабочих сопровождалось абсолютным повышением их заработной платы. Но при этом в рыночном обороте относительно падал удельный вес предметов потребления; поскольку быстрее, чем фонд оплаты труда, нарастали вложения капитала в средства производства. Индустриализация оказывалась возможной лишь при условии опережающего подъема первого подразделения общественного производства, снабжавшего предприятия сырьем, материалами, станками, сооружениями и т.д., по отношению ко второму, изготавливавшему товары народного потребления.

Изучение тенденций формирования рынка завершалось переходом к “теории кризисов”, т.е. к анализу закономерностей периодических колебаний экономического роста: “Вообще, никаких границ для развития капиталистического хозяйства, кроме производительных сил общества, не существует, так как капитал сам себе создает рынок; но процесс этого создания, в виду необходимости пропорционального распределения общественного труда, не может не прерываться задержками и остановками развития - хозяйственными кризисами”¹⁷⁵.

Механизм циклического развития рыночной экономики М.И. Туган-Барановский образно сравнивал с паровой машиной, в которой роль пара играло накопление свободного денежного капитала¹⁷⁶. Эта научная модель снискала россиянину мировую славу. Достаточно вспомнить

высказывание в середине XX века почтенного американского экономиста Э. Хансена: “В известном смысле можно считать, что “ничто не ново под луной”, или хотя бы в экономической науке. Говорилось же, что в книге Адама Смита нет ни одной новой идеи; и все же книга эта перевернула экономическую теорию вверх дном. То же самое в известной степени может быть сказано о Туган-Барановском применительно к теории экономических циклов... Он положил начало новой трактовке проблемы”¹⁷⁷. Заокеанский автор наградил теорию М.И. Туган-Барановского нетривиальными эпитетами: “веха, отделяющая старое от нового”, “свежий морской ветер, ворвавшийся в науку”¹⁷⁸.

Новаторство российского специалиста проявилось в постановке вопроса. В отличие от предшественников, изучавших торговые, денежные (кредитные) кризисы, он обратился к промышленным кризисам. Величие совершенного можно оценить, сопоставив венец классической рыночной теории - выдающийся труд А. Маршалла “Принципы политической экономии”, напечатанный в 1890 г., с “Промышленными кризисами” М.И. Туган-Барановского, появившимися четыре года спустя.

Творение британского ученого - это подведение итогов экономической мысли XIX века. Исследование нашего соотечественника, исполненное, кстати, на английском историко-хозяйственном материале, - концепция XX столетия. “Державный дух” предопределил оригинальную макроэкономическую методологию, которая контрастировала с микроэкономическим видением классической, европейской школы. М.И. Туган-Барановский разрабатывал более глубокую теорию динамического рыночного равновесия в противоположность традиционным статическим моделям совпадения спроса и предложения товаров и денег.

Российский экономист выводил теорию циклов из противоречивости кругооборота (воспроизводства) капитала, которая предполагала поиск и разрешение логических противоречий, отражавших реальные конфликты интересов. Так, после убедительной аргументации тезиса о том, что капитал сам создает себе рынок, ученый говорил противоположное: “Рынок является ... центральной силой, управляющей всем капиталистическим хозяйством, а недостаток его, постоянно чувствуемый капиталистическим производством, эластичной повязкой, задерживающей развитие последнего”¹⁷⁹.

Затем следовал возврат к исходному пункту рассуждений: “Периодическая смена приливов и отливов промышленности вызывается не законами потребления, а законами производства. Не потому производство расширяется в годы подъема, что в это время растет потребление; наоборот, потребление именно потому и возрастает в это время, что расширяется производство”¹⁸⁰. Преобладающее значение стадии производства обуславливается особой ролью средств и предметов труда в колебаниях конъюнктуры. Восходящий фазис цикла деловой активности характеризуется усилением спроса на средства производства, нисходящий - ослаблением спроса на таковые.

Вышесказанное резюмировалось замечанием: “На самом же деле кризисы возникают на основе всей совокупности явлений общественного хозяйства и потому не могут быть приурочены ни к одной отдельной сфере его. Круговорот общественного капитала, неизбежно приводящий к капиталистическому циклу и кризисам, включает в себя как производство, так и обмен и распределение”¹⁸¹.

Периодичность перепадов конъюнктуры М.И. Туган-Барановский объяснял комплексом причин. Прежде всего, она возникает из-за асинхронности процессов накопления капитала в денежной форме и инвестирования его в расширение производства и торговли, в создание новых предприятий, путей сообщения и т.п. сооружений, в увеличение товарных запасов. Автор подчеркивал, что “накопление денежного капитала идет равномернее расширения производства: капитал накапливается непрерывно, а производство расширяется толчками”¹⁸².

Поэтому наиболее глубокой причиной кризисных потрясений экономист считал недостаток свободного капитала для покрытия нарастающих инвестиций. В ходе подъема потребление капитала идет быстрее, нежели его образование, и его оказывается мало для того, чтобы питать промышленность в восходящем фазисе цикла¹⁸³. Нехватка капитала ограничивает, а затем и кладет предел расширению рыночного спроса. Порождается ситуация сжимающейся емкости рынка или перепроизводства, т.е. избытка предложения товаров и услуг.

Цикличность экономического роста, по мнению теоретика, - неотъемлемое свойство капитализма, ибо в нем отсутствует планомерное управление всем народным хозяйством. “Если бы производство было организовано планомерно, - писал М.И. Туган-Барановский, - если бы рынок обладал полным знанием спроса и властью пропорционального распределения производства, свободного передвижения труда и капитала из одной отрасли промышленности в другую, то ... предложение товаров не могло бы превысить спрос. Но накопление капитала, при полной неорганизованности национального производства, при анархии, господствующей на товарном рынке, неминуемо приводит к кризисам”¹⁸⁴.

В конце XIX века принцип стихийной конкуренции стал вытесняться монополистическим регулированием экономики как средством преодоления промышленных кризисов. Но М.И. Туган-Барановский пессимистично расценивал возникновение разного рода предпринимательских союзов - картелей, синдикатов, трестов. Он писал: “Я считаю совершенно невероятным, чтобы картели устранили периодические приливы и отливы капиталистической промышленности. Картель может ввести планомерную организацию в отдельную отрасль промышленности, но взаимные отношения таких организованных производств остаются такими же неорганизованными и непланомерными, как и раньше. Картели отнюдь не мешают тому, что ... новый основной капитал создается не постепенно из года в год, а периодически ... Единственно, на что могут влиять картели, это - на резкость переходов от оживления к застою путем планомерного сокращения производства, но ведь сокращение производства и есть то зло, с которым нужно бороться; против этого зла картели бессильны”¹⁸⁵.

Ученый доказывал, что экономика России следовала в фарватере международных тенденций индустриализации и монополизации. С утверждением капиталистических методов применения машин и вольнонаемного труда на предприятиях у нас сложились все предпосылки циклической динамики конъюнктуры. К таковым относились: преобладание денежного хозяйства над натуральным, сильные позиции крупного производства, распространение кредита, свобода торговой и промышленной деятельности от юридических стеснений и пр.¹⁸⁶

О зрелости отечественного механизма рыночного регулирования свидетельствовали факты совпадения в пореформенную эпоху циклических колебаний российской промышленности с периодами оживления и застоя индустрии Англии. Кроме того, с конца 1893 г. на петербургской бирже начали активно проводиться спекулятивные операции¹⁸⁷. А ведь известно, что симптомом грядущего промышленного кризиса обычно служит биржевой, финансовый кризис.

Многие из приведенных положений позволяют характеризовать М.И. Туган-Барановского как теоретического предшественника новой парадигмы хозяйствования. В его работах лежат корни научного обоснования индустриализации России в режиме планового государственного управления. Если сопоставить взгляды М. И. Туган-Барановского с воззрениями Е.А. Преображенского, то в них окажется ряд принципиальных сходств.

Конспективно их можно сформулировать так. Индустриализация - это стержень современного развития России, ее будущее. Проведением политики индустриализации занималось и впредь должно заниматься государство, которое в нашей стране есть нечто больше, нежели “ночной сторож”; оно пребывает одновременно в роли “дирижера” и “солиста экономического оркестра”. Интересы государственного аппарата подчиняют себе интересы управленцев промышленности, а те в свою очередь превалируют над интересами остального населения. Крупная индустрия может расти за счет вытеснения других социально-экономических укладов, за счет ущемления потребностей и отягощенного налогообложения граждан. Народнохозяйственное планирование заменяет систему свободной и монополистической конкуренции, устраняет периодические промышленные кризисы перепроизводства, ускоряет экономический подъем державы. М.И. Туган-Барановский и Е.А. Преображенский для научного обоснования высоких темпов накопления капитала промышленности воспользовались критически переработанными и дополненными схемами общественного воспроизводства К. Маркса.

Большевики оказались, с известными оговорками, продолжателями и воплотителями идей автора “Промышленных кризисов” и “Русской фабрики”. В определенной мере, близости теоретических конструкций способствовали идеологические предпочтения. М.И. Туган-

Барановский тоже симпатизировал социалистическим устоям; достаточно назвать две его со- лиднейших книги - “Социальные основы кооперации”(1916 г.), “Социализм как положительное учение”(1918 г.).

К сказанному можно добавить еще одно объяснение истинности прогнозов петербургского профессора политической экономии, связанное со спецификой предмета исследования. Экономика представляет собой достаточно инертную систему, которая меняется крайне медленно. Особенно устойчива отраслевая структура, сохраняющая преемственность в хозяйственном развитии. Этот жесткий технологический каркас способен восстанавливаться после необратимых перемен в государственном устройстве, идеологии, отношениях собственности, невзирая на трансформацию механизма регулирования экономики; что и продемонстрировал переход к новой экономической политике от военного коммунизма.

Нэп реконструировал почти досконально отраслевую структуру предвоенного отечественного хозяйства. Тем самым были воспроизведены предпосылки дальнейшей индустриализации страны. Посему получили подтверждение основы современной макроэкономической теории М.И. Туган-Барановского, с учетом российской специфики.

Среднесрочные циклы конъюнктурных колебаний не в состоянии капитально переделывать экономику. Такое под силу лишь долгосрочным сдвигам в инвестициях и отраслевом разделении труда. О наличии последних говорил ученый: “Наряду с ... мелкими колебаниями [конъюнктуры - Г.Ч.], повторяющимися с известной правильностью каждое десятилетие, могут быть и более крупные колебания, охватывающие несколько десятков лет”¹⁸⁸. Эти соображения послужили отправной точкой в концепции больших, полувекových циклов, которую выдвинул в 1925 г. ученик М.И. Туган-Барановского - Н.Д. Кондратьев¹⁸⁹. Именно с чередованием повышательных и понижающих волн “длинных” циклов связана смена хозяйственных парадигм.

Исследования М.И. Туган-Барановского заложили фундамент динамичной макроэкономической теории индустриального общества. Они вошли составной частью не только в директивно-плановую парадигму хозяйствования, но и в парадигму государственно управляемой рыночной экономики, которая вызревала в передовых, промышленно развитых странах.

“Откровением” западной экономической мысли, раздвинувшим узкий горизонт видения традиционной рыночной теории, явилось учение Дж.М. Кейнса. Издание в 1936 г. его книги “Общая теория занятости, процента и денег” знаменовало собой утверждение новой парадигмы, пришедшей на смену классической доктрине времен А. Маршалла.

Всемирная слава осенила лорда Кейнса во многом благодаря усвоению им азов концептуальных построений М.И. Туган-Барановского. В своей работе “Трактат о деньгах” (1930 г.) англичанин признавал нашего соотечественника “первым и в высшей степени оригинальным” автором в ряду европейских ученых¹⁹⁰. Справедливо суждение Э. Хансена: “В исследовании Туган-Барановского заключены ... истоки нового течения мысли среди экономистов континентальной Европы; вобрав в себя другие притоки ... это течение в конечном счете вылилось в современную теорию, завершенную Кейнсом”¹⁹¹.

М.И. Туган-Барановский действительно был “предтечей” самого популярного научного направления XX века - “кейнсианства”. Доводами в пользу такого мнения могут послужить сравнения фундаментальных положений из “Промышленных кризисов” М.И. Туган-Барановского и “Общей теории” Дж.М. Кейнса. Оба автора практически одинаково воспринимали условия функционирования рыночного механизма. Относительно устойчивыми параметрами в краткосрочной перспективе они считали товарные цены, заработную плату, банковский процент, т.е. регуляторы рынков товаров, труда и денежных средств. Соответственно подвижными показателями на этих рынках были объемы производства (продаж), занятости (безработицы), денежной массы. Но самыми динамичными характеристиками, определяющими макроэкономическое равновесие, признавались инвестиции и норма прибыли, т.е. регуляторы оборота капитала.

В центре внимания находилась проблема слабости рыночного спроса. М.И. Туган-Барановский подчеркивал: “В капиталистической стране не спрос идет впереди предложения, а всегда предложение давит на спрос, стремится его искусственно вызвать и расширить. Всегда есть доля избыточного капитала и избыточных товаров, не находящих себе помещения на

рынке”¹⁹². Дж.М. Кейнс вторил ему, упрекая “классиков” в беспечном постулировании идеального рыночного равновесия: “Корни прославленного оптимизма традиционной экономической теории ... лежат, на мой взгляд, в недооценке значения тех препятствий для процветания, которые создаются недостаточностью эффективного спроса”¹⁹³.

Житейская насущность темы побудила экономистов к ее пунктуальному научному разбору. В “Промышленных кризисах” анализ предшествовавших теорий рынка и изложение своих личных взглядов заняли три главы. В “Общей теории” также три главы были посвящены развитию собственной концепции “эффективного спроса” и полемике с оппонентами. Спрос изучался структурно, в аспекте экономического роста. Распределению доходов населения на потребляемую и сберегаемую части отводилось важнейшее место в макроэкономических моделях. Накопление капитала определяло темпы хозяйственного подъема страны, степень использования ее производственного потенциала, уровни рыночного равновесия.

Российский ученый заложил основы современных воззрений на периодические колебания конъюнктуры национальных и международных рынков. Он убедительно объяснил различие между накоплением капитала в денежной форме и реальным вложением средств в коммерческую деятельность. Примечательна в этом смысле сноска Э. Хансена: “Теория Туган-Барановского была первой из тех теорий цикла (одним из их вариантов был “Трактат о деньгах” Кейнса), которые подчеркивают расхождение между инвестированием и сбережением”¹⁹⁴.

Дж.М. Кейнс пошел по стопам М.И. Туган-Барановского в теоретических размышлениях о цикличности реального накопления капитала. Он не только подхватил идею о несовпадении процессов сбережения и инвестирования, но и признал их регуляторами нормы (ставку) банковского процента и нормы прибыли - “предельную эффективность капитала”¹⁹⁵.

Истоки понятия “мультипликатора”, при помощи которого Дж.М. Кейнс раскрывал взаимосвязь между размерами дохода и инвестициями, можно отыскать в работе россиянина. М.И. Туган-Барановский так рассказывал о механизме передачи циклических колебаний деловой активности: “В эпохи подъема создается новый основной капитал страны. Вся промышленность страны принимает своеобразное направление: производство средств производства получает усиленное развитие. Железо, машины, инструменты, суда, строительные материалы и спрашиваются, и производятся в усиленном количестве. Но вот расширение основного капитала закончено - фабрики построены, железные дороги проведены. Спрос на все материалы, из которых строится основной капитал, сокращается. Распределение производства становится непропорциональным: машин, инструментов, железа, кирпичей, дерева требуется меньше прежнего вследствие того, что меньше возникает новых предприятий ... Перепроизводство средств производства делается неизбежным. В силу зависимости всех отраслей промышленности друг от друга частичное перепроизводство становится общим ... и наступает общий застой”¹⁹⁶.

Однако британец не сумел сполна воспользоваться результатами исследования петербургского профессора. Макроэкономическая методология Кейнса была агрегированнее, абстрактнее, а потому и примитивнее, нежели схемы воспроизводства М.И. Туган-Барановского. Последние предполагают конкретный анализ отраслевых пропорций и соотношения доходов социальных групп, т.е. структуры инвестиционного потенциала страны¹⁹⁷.

Преемственность воззрений двух великих экономистов прослеживается в вопросах взаимосвязи фаз экономического цикла с занятостью и благосостоянием работников. М.И. Туган-Барановский отмечал явления эпохи монополистических союзов предпринимателей и профессиональных союзов рабочих: “В новейшее время безработица в периоды зстоя столь же сильна, как и раньше. Но заработная плата стала, благодаря могущественной организации тредюнионов, гораздо устойчивее... Угнетающее действие кризиса концентрировалось теперь на безработных, в то время как раньше от кризиса страдала вся масса рабочего класса - не только безработные, но и сохранившие работу”¹⁹⁸.

Неполная занятость населения - закономерность капиталистического предпринимательства. Сомнений в том у М.И. Туган-Барановского не было: “Безработица в разнообразных формах - временная и случайная безработица в зависимости от состояния рабочего рынка, более продолжительная безработица, тянувшаяся целые годы, в зависимости от фазисов цикла, безрабо-

тица людей, перешедших зрелый возраст, и стариков - все эти формы безработицы представляют собой специфическую черту капиталистического строя, присущую ему, как определенному историческому типу хозяйства”¹⁹⁹.

Острота проблемы трудоустройства рабочей силы запечатлелась в названии книги Дж.М. Кейнса “Общая теория занятости [и лишь потом - Г.Ч.], процента и денег”. Автор доказывал, что наряду с “добровольной” и “фрикционной” безработицей, связанной с текущим поиском лучшей работы, существует “вынужденная” безработица, вызванная недостаточностью инвестиций и, следовательно, плохим спросом на трудовые ресурсы²⁰⁰.

Безработица, низкий уровень заработной платы и, соответственно, потребления подавляющего числа граждан дестабилизируют экономику. По словам М.И. Туган-Барановского: “В известном смысле ... основной причиной кризисов является народная бедность, низкий уровень потребления трудящихся классов. Действительно, образование избыточных капиталов и вообще капитализирование огромной части национального дохода непосредственно вызывается незначительностью доли рабочих масс в вырабатываемом ими продукте... Чем ниже доля рабочего, тем выше доля капиталиста - тем быстрее накопление капитала, необходимо сопровождающееся потрясениями и кризисами”²⁰¹.

Ограничение потребления и рост сбережений лишь усугубляют макроэкономические диспропорции. В условиях избытка предложения капитала и товаров сбережения страны скорее имеют тенденцию понижать, чем повышать товарные цены. Ибо капиталы, вновь поступающие на рынок, уж и без того переполненный товарами, только увеличивают сложность приспособления предложения товаров к спросу²⁰².

В том же духе высказывался и Дж.М. Кейнс. Он солидарен с положением, что размах колебаний инвестиций и занятости усиливается по мере относительного уменьшения доли потребления в совокупном доходе общества. Лечение от кризисного излишка инвестиций, по мнению английского лорда, заключалось в увеличении нормы потребления, путем перераспределения доходов или иным способом, так как для поддержания данного уровня занятости понадобился бы меньший объем капитала²⁰³.

Оба теоретика умозаключали, что современные рыночные механизмы накопления и коммерческого использования свободных денежных средств - банковская система и фондовая биржа - не обеспечивают непрерывности вложения капитала в фазе циклического подъема экономики. Их функционирование в режиме нерегулируемой, стихийной конкуренции и частного инвестирования обрекают страну на периодические хозяйственные кризисы.

Категоричный тон М.И. Туган-Барановского понятен без комментариев: “Может ли капитализм, оставаясь самим собой, т.е. способом производства, основанном на руководительстве хозяйственным процессом индивидуальными предпринимателями, работающими при помощи наемных рабочих, избавиться от промышленного цикла - периодической смены приливов и отливов промышленности, от хронического резерва безработных... И теория, и опыт говорят обратное. Опыт указывает, что безработица отнюдь не сокращается по мере развития капитализма и даже принимает ... более тягостные формы”²⁰⁴. И непреклонность Дж.М. Кейнса очевидна: “Я делаю вывод, что регулирование объема текущих инвестиций оставлять в частных руках небезопасно”²⁰⁵.

Переключившись с идеями планомерности российского экономиста слышна в философском резюме “Общей теории”: “Вышеизложенная теория является по своим выводам умеренно консервативной. Хотя она и указывает на жизненную необходимость создания централизованного контроля в вопросах, которые ныне в основном предоставлены частной инициативе, многие обширные сферы деятельности остаются незатронутыми. Государство должно будет оказывать свое руководящее влияние на склонность к потреблению частично путем соответствующей системы налогов, частично фиксированием нормы процента и, возможно другими способами... Достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости, хотя это не должно исключать ... сотрудничества государства с частной инициативой. Но помимо этого, нет очевидных оснований для системы государственного социализма, которая охватила бы большую часть экономической жизни общества. Не собственность на орудия производства существенна для государства. Если бы госу-

дарство могло определять общий объем ресурсов, предназначенных для увеличения орудий производства и основных ставок вознаграждения владельцев этих ресурсов, этим было бы достигнуто все, что необходимо”²⁰⁶.

Эпохальный научный труд Дж.М. Кейнса знаменовал собой очередной скачок в развитии западной экономической мысли. Он означал признание государства полноправным участником рыночных отношений. Смену парадигм мышления, по разумению ученого, следует проводить путем углубления положений классической школы: “Результатом заполнения пробелов классической теории должно быть не устранение “манчестерской системы”, а выяснение условий, которых требует свободная игра экономических сил для того, чтобы она могла привести к реализации всех потенциальных возможностей производства. Учреждение централизованного контроля, необходимого для обеспечения полной занятости, потребует, конечно, значительного расширения традиционных функций правительства... Но все же остаются широкие возможности для проявления частной инициативы и ответственности. В пределах этих возможностей традиционные преимущества индивидуализма сохранятся и далее”²⁰⁷.

Государство в концепции Дж.М. Кейнса действует не только как координатор политики инвестирования и экономического роста, но и как инвестор, т.е. предприниматель. Автор констатировал: “все более увеличивается группа инвестиций, осуществляемых непосредственно правительственными и муниципальными органами (или тех инвестиций, по которым они принимают на себя риск). Эти органы, осуществляя инвестиции, прямо исходят в качестве общей предпосылки из приносимых ими перспективных социально полезных результатов, как бы сильно ни различались эти инвестиции по их коммерческой выгодности”²⁰⁸.

Воззрения Дж.М. Кейнса демонстрировали заметную схожесть хозяйственных парадигм в СССР и ведущих западных странах после первой мировой войны. Аргументы подобному суждению дают объективные тенденции развития индустриального общества в конце XIX - начале XX века. Укрепление позиций государства в экономике стало необходимым и возможным.

Крупное производство создало механизм согласования предпринимательской деятельности в масштабах отдельных отраслей. Смена модели конкуренции проявилась в регулировании корпоративным сектором рыночных параметров: цен, производственных затрат, в том числе и на заработную плату, размеров выпуска продукции и величины потребительского спроса. Одновременно набирало мощь и расширяло свой контроль над рынком труда профсоюзное движение. Столкновение интересов объединений предпринимателей с интересами организованных наемных работников заставило правящую бюрократию исполнять роль посредника в трудовых спорах, проводить взвешенную политику регламентирования цен, налогов, занятости и заработной платы.

Индустриализация шла рука об руку с урбанизацией. Рост городского хозяйства - дорог, сетей снабжения водой, энергией, служб по уборке территорий, утилизации отходов и т.п. - дополнялся формированием разветвленной социальной сферы - образования, здравоохранения и т.д. Поименованные отрасли успешно функционировали в некоммерческом режиме государственной или муниципальной собственности. Так естественно, пополнялся казенный сектор за счет инвестиций под надзором законной власти.

Подъем промышленности и торговли увеличивал циркулировавшую денежную массу, доходы предприятий и граждан. А повышение платежной способности хозяйствовавших субъектов обогащало налоговыми поступлениями бюджет. Отмена жесткого “золотого стандарта” - хождения золотой монеты и размена бумажных денег на золото - сделала денежное обращение более “мягким” и централизованно управляемым. Правительство теперь могло активнее использовать финансовые и кредитно-денежные рычаги для достижения своих целей.

Наконец, расширение прав и возможностей государственного аппарата в хозяйственной жизни повлекло за собой приращение его обязанностей. С официального руководства уже начали требовать решения проблем экономического роста, занятости, доходов, стабильности национальной валюты, инвестиций ради оптимального вовлечения в дело всех производственных ресурсов и сглаживания циклических колебаний конъюнктуры.

Оказалось, что дальнейший прогресс индустриальной экономики, повышение эффективности использования факторов производства предполагают интенсификацию казенного предпринимательства. Поэтому хозяйственная деятельность государства, уверенно распространяясь в

практической жизни, вошла в экономическую теорию и закрепилась среди ее основоположений.

* * *

Историческая специфика России предопределила особенности развития отечественной экономической науки. В отличие от европейской, прежде всего английской школы, у нас преобладало макроэкономическое видение, согласно которому и складывались исходные “пред-рассудки” концепций. Общество чаще рассматривалось в виде целого, как народ, чем как собрание атомизированных субъектов торгового обмена.

Российские ученые всегда серьезно изучали историю нашей экономики и проводили сравнительный анализ ее с хозяйственным опытом других стран. Это свидетельствовало о глубине временного и широте пространственного горизонта научного видения, который простирался дальше методологии моментного, статического равновесия в рыночных сделках абстрактных покупателей и продавцов. Посему теория промышленных кризисов М.И. Туган-Барановского возникла не на пустом месте.

Политико-экономическая преемственность в жизни державы проявилась в возрождении после революционных потрясений национального духа познания. Неповторимость исторической судьбы СССР обусловила мировую значимость “советской” экономической мысли. Специалисты исследовали процессы хозяйственного распада в период войн и революций и восстановления разрушенного в годы нэпа, создавали теорию трансформации имущественных отношений и механизмов регулирования экономики.

Национализация крупных предприятий ведущих отраслей отечественной экономики привела к становлению уникального хозяйственного уклада с разраставшейся казенной собственностью и крепнувшим централизованным управлением. Единое руководство громадным территориально-производственным комплексом создало предпосылки для “пионерских” разработок балансов народного хозяйства за 1923/24 г. и за 1928 - 1930 гг.

Советские статистики заложили фундамент теории межотраслевых балансов, которая получила распространение по всему миру благодаря трудам В.В. Леонтьева. Модель, предназначенная для директивно-плановой парадигмы, послужила основой современной системы национальных счетов в странах с частно-государственной экономикой. В свою очередь “нэповские” балансы народного хозяйства опирались на достижения земской статистики и отраслевых переписей, учитывавших условия и итоги экономической деятельности подданных государя-императора.

Неординарность Советского Союза способствовала изучению проблем экономического роста при директивно-плановом регулировании. Концепцию циклического развития государственного предпринимательства выдвинул В.В. Новожилов в статье “Недостаток товаров”, опубликованной в журнале “Вестник финансов” № 2 за 1926 г. Воззрения автора, с одной стороны, творчески углубляли идеи М.И. Туган-Барановского, с другой стороны, предвосхищали и дополняли изыскания Дж.М. Кейнса.

Аналогичность теоретических моделей В.В. Новожилова и Дж.М. Кейнса определялась предметом исследования - корпоративно-государственной экономикой, правда, с различным сочетанием казенной и частной собственности и инициативы. И тот, и другой анализировали попытки антикризисного управления в общенациональном масштабе при помощи стимулирования рыночного спроса. Механизмом восстановления равновесия спроса и предложения было “непрерывное” государственное инвестирование.

Но между сопоставляемыми подходами были и различия. Дж.М. Кейнса беспокоили хроническая депрессия в экономике, далекое от оптимального использование рабочей силы, производственных мощностей предприятий, денежных средств, природных ресурсов. Он изложил теорию циклических колебаний конъюнктуры в обстановке недостаточного рыночного спроса.

По мнению англичанина, исцелиться от недуга вынужденной безработицы и простоев оборудования можно, если прибегнуть к наращиванию капитальных вложений, прежде всего государственных. “Как только полная занятость достигнута, - считал Дж.М. Кейнс, - всякая попыт-

ка еще больше увеличить инвестиции ... повлечет за собой тенденции к безграничному росту цен, иначе говоря, в такой ситуации мы достигли бы состояния подлинной инфляции. Но вплоть до этого момента рост цен будет сочетаться с увеличением совокупного реального дохода”²⁰⁹.

Таким образом, ограничителем дополнительного рыночного спроса, создаваемого инвестициями, в “кейнсовый” модели является инфляционный рост цен, который резко ускоряется по мере уменьшения количества свободных рабочих рук. При почти полной занятости теряют свою устойчивость ставки заработной платы и цены. Хозяйство сталкивается с обстановкой денежной инфляции и избыточного спроса. Непреднамеренное падение покупательной способности валюты дает сигнал к прекращению казенных инвестиционно-денежных интервенций.

В.В. Новожилов ушел дальше Дж.М. Кейнса, да и на десять лет раньше и исследовал механизм интенсивных вложений капитала за гранью инфляционной загрузки производственных мощностей предприятий, т.е. за тем пределом, где останавливались правительства стран с частно-государственной экономикой. В этом смысле две указанные концепции дополняли друг друга как органические части единой экономической теории.

Поводом для статьи В.В. Новожилова был затянувшийся товарный голод. Автор взялся за перо, дабы выявить закономерности возникновения и развития неудовлетворенного покупательского спроса. Постановка проблемы в его устах звучала так: “Полтора года назад, когда недостаток товаров у нас впервые обнаружился, хозяйственная практика методом борьбы избрала всемерное расширение производства. Прошел год. Промышленное производство расширилось на много процентов, а недостаток товаров стал острее. И это не случайность”²¹⁰.

Причину бестоварья экономист усматривал в несоответствии уровня цен денежной стороне народного хозяйства. Однако если Н.Д. Кондратьев и Л.Н. Юровский сетовали больше на излишние выпуски денег в обращение, то В.В. Новожилов акцентировал внимание на ценообразовании промышленных трестов. Фиксированные цены на продукцию государственных предприятий не обладали необходимой чуткостью к конъюнктуре рынка, плохо выполняли функцию уравнителя спроса и предложения. Хуже того, цены на казенные промтовары были занижены минимальными размерами прибыли или полным отсутствием ее. “Парадоксия товарного голода, - по мнению специалиста, - есть следствие парадоксальности его условия - некоммерческой политики цен. Отказ от прибыли, которую навязывает рынок, несомненно, явление неслыханное в условиях вольного рынка. Но оно возможно в настоящих условиях: так бывало в прошлом году и наблюдается в настоящее время”²¹¹.

Автор верно подметил и осветил негативные моменты избыточного спроса: “Недостаток товаров прежде всего вызывает хаос в распределении реальных доходов. Распределение реальных доходов перестает соответствовать распределению денежных доходов. Разница цен в вольной и регулируемой торговле достигает по некоторым товарам весьма значительных размеров... Покупательная сила денег становится весьма различной не только в различных местностях, но и различных магазинах и даже в различных руках”²¹².

Пестрота покупательной способности бумажных рублей “извращает” экономическое поведение людей, вносит в него элементы “бессмыслицы”. Недостаточно заработать деньги, надо еще суметь купить на них товар по низкой цене. Отсюда проистекают траты времени на поиски желаемых вещей, стояние в очередях перед государственными магазинами. При отсутствии вольных цен и нехватке продуктов деньги прекращают служить точным мерилom распределения благ, и только карточная система раздачи может навести порядок и устранить общую свалку вокруг источника ненормально дешевых товаров²¹³.

Твердые цены лишь по видимости содействуют стабилизации покупательной силы денежной единицы. Фактически же они расшатывают ее, ибо в обороте накапливаются избыточные платежные средства. Инфляция из открытой переходит в скрытую, в форму неудовлетворенного, отложенного спроса.

Ярко живописал теоретик неразлучную спутницу товарного голода - спекуляцию: “Чем больше растет недостаток товаров, тем больше растут отрицательные черты частной торговли - она вырождается в спекуляцию. Перепродажа товара, купленного по некоммерчески низкой

цене, стала источником неосновательного обогащения множества лиц, ибо ... таким способом можно получить максимальную сумму подарков в размере разницы между ценой треста и ценой рынка. И тяга к получению этих подарков захватила не только профессиональную торговлю... На этой почве возникло множество злоупотреблений служащих государственных и кооперативных предприятий. Было бы крайне наивно думать, будто развитие спекуляции и связанных с ней злоупотреблений происходит только от того, что моральная природа людей внезапно испортилась. Нет, моральная природа людей осталась та же, но изменилась политика цен. Некоммерчески низкие цены - это почва, на которой с необходимостью закона природы вырастает спекуляция”²¹⁴.

Исследователь развертывал свою концепцию на противопоставлении системы советской экономики и модели частного хозяйственного строя, опираясь на теорию М.И. Туган-Барановского. Он рассуждал в риторическом стиле: “Не является ли недостаток товаров особым преимуществом нашего народного хозяйства? Ведь обычно рынок ограничивает производство. У нас же рынок идет впереди производства, предоставляя ему возможность развиваться в меру производительных сил. Однако избыток спроса не приносит пользы народному хозяйству”²¹⁵.

Увеличение производства само по себе не гарантирует покрытия чрезмерного спроса на продукцию. Наоборот, при некоммерческом ценообразовании, отрекающемся от извлечения надлежащей прибыли, подъем конъюнктуры будет сопровождаться обострением товарного голода.

В духе М.И. Туган-Барановского выдержана следующая авторская тирада: “Однако это во все не значит, что путем политики понижения цен можно вызвать реальный подъем конъюнктуры, но избежать кризиса. Перспективы вечного подъема без кризисов нередко грезилась инфляционистам. Ведь при кризисе производство сокращается как бы от недостатка денег. Казалось бы, достаточно расширить кредитование, чтобы рост производства мог продолжаться прежним темпом. Однако эта видимость обманчива. Недосток денежных капиталов - только симптом серьезного расстройства всей капиталистической промышленности. Инфляция может только усилить это расстройство, усилить основное зло кризиса, затруднить его ликвидацию. Ошибка инфляционистов в том, что они видят в кризисе только расстройство денежного хозяйства. Мы впали бы в такую же ошибку, если бы заключили, что политика понижения цен страхует народное хозяйство от кризисов. Ведь сущность кризиса вовсе не в том, что спрос не поспевает за ростом предложения, - это лишь видимость явления, видимость избытка, перепроизводства всех благ, скрывающая за собой недостаток производительных сил по сравнению с поставленными хозяйственными задачами. Явления, влекущие подъем к критическому концу, корнями восходят в производство, а расстройство производства вряд ли станет легче от изменения денежной формы его проявления. Конечно, при политике некоммерчески низких цен затормозен сбыта невозможен и подъем конъюнктуры освобождается от той границы, которая ставится ему рынком при подвижности цен. Однако это не преимущество, а недостаток. Это значит, что при политике низких цен контроль рынка над производством ослабевает; расстройство производства, которое при подвижности цен пересекается кризисом сбыта, может достичь гораздо больших размеров. В этом отношении политика низких цен действует аналогично инфляции: продолжая инфляцию, можно поддерживать работу предприятий, несмотря на кризис сбыта, и тем самым еще увеличивать расстройство народного хозяйства”²¹⁶.

Отталкиваясь от идей своего предшественника, В.В. Новожилов пояснял действие механизма циклического подъема в условиях капитализма. Характерной чертой высокой конъюнктуры является стремительный рост производства орудий производства. Производство и цены потребительских благ в меньшей мере участвуют в подъеме конъюнктуры, чем производство и цены орудий труда. Этот факт заставляет искать сущность подъема в сдвиге соотношения между производством готовых изделий и производством средств производства.

Средства производства дорожают быстрее предметов потребления. Поэтому предприятия, выпускающие орудия и предметы труда находятся в более выгодном положении, нежели изготовители ширпотреба. Повышение цен последних ограничено доходами населения, которые растут медленнее, чем кредиты на приобретение товаров производственного назначения.

Поставщики орудий производства взвинчивают цены топлива, сырья и пр., так, что дальнейший выпуск готовых изделий становится в значительной доле убыточным. Производство готовых изделий сокращается или приостанавливает темп своего развития. Спрос на орудия падает, кризис их сбыта порождает перепроизводство. Таким образом, общий кризис перепроизводства является внешней формой избытка орудий производства²¹⁷.

Иная картина наблюдалась в условиях некоммуерческого ценообразования. Об этом писал автор: “При инертности цен рост избыточного производства средств производства может найти предел только в том случае, если руководители промышленности заметят допущенную ошибку”²¹⁸. Поскольку объемы ресурсов ограничены, постольку все большая их часть переключается на выпуск средств производства в ущерб изготовлению потребительских товаров. Теоретически даже возможна ситуация неполной загрузки уже существующих производственных мощностей предприятий с потребительским профилем продукции.

В результате у населения оседают и скапливаются не находящие применения деньги, а на рынке начинает свирепствовать товарный голод, особенно чувствительный в отношении средств производства. Поэтому последовательное проведение политики некоммуерчески низких цен логически завершается нормированным распределением при помощи пайков, карточек, лимитов и т.п. продуктов среди людей и между предприятиями. Если цена прекращает балансировать спрос и предложение, то денежное хозяйство перестает нормально исполнять свои организационные функции - поддерживать порядок в производстве и распределении. Вызываются к жизни иные методы централизованной организации производства в гигантском натуральном хозяйстве. Это воочию показала эпоха военного коммунизма²¹⁹.

Мудрость теоретика проявилась в сдержанной оценке последствий политики негибких заниженных цен. Она представляет собой, по его мнению, первый шаг от денежного хозяйства к натуральному. Следовательно, “могут существовать различные степени уклонений от чисто денежного хозяйства, начиная от ничтожного расхождения указанных цен и вольных до безденежного распределения продуктов. Однако даже при небольших отклонениях указанных цен от цен равновесия возникает необходимость введения неторговых методов распределения”²²⁰.

Параллельно с этим правительству приходится решать проблему “связывания” или “откачки” свободных денег населения. Автор говорил о возможности изъятия из оборота незанятых рублей посредством налогов, государственных займов и прочих “бюджетных излишков”. Но сие имело смысл, в случае приостановки проникновения необеспеченных денежных знаков в оборот²²¹. Самым универсальным способом закрытия канала, из которого текли “неотоваренные” деньги, являлось, по разумению экономиста, повышение цен на продукцию трестов, восстанавливающее должную рентабельность их производства. С его помощью снижалась до минимума потребность в инфляционном финансировании накопления капитала промышленных предприятий.

Знаменательны следующие замечания ученого: “Если бы рост спроса у нас имел своим источником фискальную [казначейскую - Г.Ч.] эмиссию, то повышение цен не прекратило бы инфляцию и пришлось бы время от времени поднимать цены трестов”²²². Однако, “недостаток товаров может затянуться до бесконечности”²²³.

Обобщая сказанное, следует умозаключить, что директивно-плановая экономика может развиваться в условиях “естественного”, хронического товарного голода. При этом степень дефицитности продуктов изменяется периодически (циклически): нарастает по мере подъема конъюнктуры и ослабевает с уменьшением инвестиционной нагрузки.

Экономический рост замедляется вместе с распространением недостатка товаров. Относительное перепроизводство средств производства по сравнению с выпуском предметов потребления проявляется в “извращенной” форме их чрезвычайной нехватки, в диспропорциях между отраслями, между спросом и предложением продуктов. При достижении критической черты дефицитности ресурсов и межотраслевых диспропорций рост производства может иссякнуть.

Выходом из кризисной ситуации служит всеобщий пересмотр некоммуерчески заниженных цен в сторону повышения. Эта мера возвращает на рынок временное, относительное равновесие, снимает напряжение бестоварья и открывает путь для движения по очередному циклическому подъему хозяйственной конъюнктуры.

Стало быть, советская экономика и соответствующая ей директивно-плановая парадигма способны к самовозобновлению и эволюции в исторической перспективе. Циклическая форма развития воспроизводит исходные предпосылки собственного существования. Товарный дефицит порождается централизованным хозяйственным регулированием - политикой низких фиксированных цен, инфляционными кредитно-денежными эмиссиями и т.д. В свою очередь он предполагает директивное управление торговым оборотом, которое лишь на время смягчает нехватку продуктов. Потребность в централизованном плановом руководстве распределением и использованием ресурсов страны сохраняется на всех стадиях периодических колебаний экономического роста.

Заслуживает внимания попытка В.В. Новожилова понять движущие мотивы стратегии казенного ценообразования: “По своей экономической природе вольные (договорные) цены весьма подвижны. Их подвижность непосредственно отражает энергию и личный интерес в хозяйственной борьбе. Поэтому товарный голод при частнохозяйственной организации рынка является исключением. Но цены, регулируемые властью, могут отличаться известной инертностью, и потому общий недостаток товаров возможен лишь там, где общество или государство оказывает значительное воздействие на цены”²²⁴.

Автор подчеркивал: “Некоммерческая политика цен, регулирующая цены вне зависимости от размеров спроса, является элементом, совершенно чуждым принципам, на которых основано денежное хозяйство. Вторгаясь в мир, в котором каждый поступает “коммерчески”, т.е. заботится прежде всего о своих интересах, она переворачивает все экономические отношения, сообщая им парадоксальный характер”²²⁵.

Единственным оправданием правительственной политики экономист считал стремление к ускорению роста производства. Но, по его мнению, выигрыш в полноте использования производительных сил достигается за счет нарушения правильности состава производства. В итоге происходит известное расточение производительных сил. Кроме того, при отказе от прибыли или искусственном ее занижении расширение выпуска продукции возможно только ценой непрерывной инфляции²²⁶.

Думается, что во многом обоснованные сентенции В.В. Новожилова по поводу изъянов государственного предпринимательства связаны с недостаточным осознанием интересов последнего. Здесь пригодились бы выводы М.И. Туган-Барановского о роли государственной власти в экономической истории России, о формировании рыночных сегментов.

Перефразируя слова М.И. Туган-Барановского, можно сказать, что для правительства большевиков, “заболевшего” идеей индустриализации страны, чугуны были целью политики, а хлеб - средством ее достижения. Отсюда проистекала установка на максимальные темпы накопления капитала и промышленного роста, причем любыми методами. Ради этого советская бюрократия и перекраивала хозяйственный механизм.

Твердые цены снимали проблему тесного рынка сбыта товаров. Одновременно открывалась перспектива предельно полного, экстенсивного использования факторов производства. Экономический рост ускорялся в основном благодаря опережающему развитию производства средств производства, т.е. преимущественно за счет тяжелой индустрии. Нарастание производственного потенциала укрепляло обороноспособность державы.

Специфика государственного предпринимательства обуславливалась также наличием бюджетных денег, которые допускали безвозмездное инвестирование в отличие от кредитных ссуд, предусматривавших уплату процентов и возвратность. Отсутствие процентных платежей понижало порог требований к эффективности вложений капитала - норму прибыли. Оказывалась приемлемой стратегия низких цен с минимальным уровнем рентабельности и даже убыточностью в отдельных отраслях. Правительству удавалось поддерживать довольно стабильные уровни цен и заработной платы.

Так складывалась хозяйственная парадигма, о которой мечтал прагматик Дж.М. Кейнс, называя процент на капитал преградой инвестиционной активности и “рантье́рской” особенностью капитализма, коей желательно было бы исчезнуть²²⁷. “Я убежден, - писал британский лорд, - что спрос на капитал ограничен узкими рамками в том смысле, что было бы нетрудно увеличить мас-

су капитала до такого объема, при котором его предельная эффективность упала бы до очень низкого уровня... Это означает, что пользование капитальными средствами приносило бы доход, несколько превышающий стоимость их физического и морального износа, плюс небольшую надбавку за риск и вознаграждение за мастерство и самостоятельное принятие решений”²²⁸.

Впрочем, “социализация инвестиций” по рецептам Дж.М. Кейнса не затрагивала рыночных устоев передовых индустриальных стран. В них сохранялись формальные гражданские свободы, частная собственность, право выбора видов занятости, способов получения доходов, распределения и расходования приобретенных денег. Решения о потреблении, сбережении, инвестировании в рамках располагаемых средств люди принимали своевольно.

Иной исторический сценарий ожидал Советский Союз в случае принудительного сбережения и накопления, инициированного директивно-плановой системой. Желание инвестировать больше в обстановке выдохнувшегося послевоенного восстановительного подъема экономики повлекло бы за собой жесткое регулирование и без того небогатого потребления народа путем сдерживания роста оплаты труда и личных доходов. Во имя обеспечения устойчивости цен и зарплаты понадобилось бы пресекать спекуляцию в негосударственных укладах и даже вводить нормированное распределение потребительских благ. Ради такой “стабилизации” нужно было бы искоренять частное предпринимательство. Экстраординарные вложения капитала сделали бы дефицит средств производства постоянным и привели бы к централизованной, “плановой” разрядке продукции предприятий группы “А”, планированию уровня ее рентабельности и “замораживанию” цен.

Итогами подобных мероприятий были бы: тенденция к подавлению рыночных свобод почти по всем направлениям, трансформация всех рынков - труда, денег, капитала, товаров и механизмов их регулирования, изменение механизма среднесрочных циклических колебаний конъюнктуры и самих инвестиционных циклов.

* * *

В завершении обзора истоков парадигмы директивно-планового хозяйствования надобно отметить еще одну любопытную деталь. Теоретические взгляды специалистов-разработчиков “парадигмальных” концепций были связаны с их сословным (социальным) положением и идеологической ориентацией.

А.М. Гинзбург имел опыт работы в планово-экономическом управлении ВСНХ, заведовал кафедрой экономики промышленности в Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. С.Г. Струмилин - один из руководящих сотрудников (заместитель председателя, член президиума) Госплана СССР.

Н.Д. Кондратьев представлял интеллигенцию крестьянского происхождения, участвовал в партии эсеров. Он был по преимуществу экономистом-аграрником и в этом качестве занимался вопросами продовольственного снабжения, будучи товарищем министра Временного правительства; в годы нэпа возглавлял Конъюнктурный институт, уделяя главное внимание исследованиям проблем рыночного равновесия и макроэкономической динамики.

Л.Н. Юровский защитил кандидатскую диссертацию в 1910 г. в Мюнхене, потом преподавал политическую экономию в вузах Харькова, Саратова; с 1922 по 1929 гг. трудился в Наркомфине СССР. Сфера его научных интересов концентрировалась вокруг проблем денежного обращения и финансов.

Е.А. Преображенский изысканно отрекомендовался Дж.М. Кейнсу при личной встрече на генуэзской конференции в 1922 г. как “революционер-профессионал”²²⁹. Он возглавлял в то время Финансовую комиссию ЦК РКП(б) и Совнаркома, созданную для выработки политики перехода к нэпу. Впоследствии занимал руководящие посты в Коммунистической академии, был членом ВЦИК и ЦИК СССР.

В.В. Новожилов - вузовский преподаватель экономической теории. Являл собой образец незаурядного академического ученого с широким кругозором. В дальнейшем заслуженно был удостоен звания лауреата Ленинской премии в области развития экономико-математических методов.

ГЛАВА VI. Задача преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы

Динамика восстановительного подъема свидетельствовала о закономерных связях в колебаниях конъюнктуры отечественного хозяйства. После пика 1924/25 г. наметилась тенденция к затуханию темпов роста валовой продукции промышленности на фоне неспешно расширявшегося сельскохозяйственного производства. Развитие ситуации наводило экономистов на мысль о сопоставлении периодических изменений хозяйственных показателей Советского Союза со среднесрочными циклами деловой активности капиталистических стран.

Как период “общего равновесия рынка, глубоко отличного от эпохи товарного голода”, рассматривал начало 1926/27 г. С.А. Первушин. Автор считал важнейшими причинами депрессивного ухудшения конъюнктуры недостаток капитала в державе и замедление хозяйственной жизни по мере приближения к концу восстановительного процесса. Это проявлялось в изношенности оборудования, авариях и ремонтах, “неповышении” производительности труда, снижении качества продукции¹.

Начало нэпа по-своему повторило закономерность, которую подметил С.А. Первушин в российской экономике довоенной поры. В былые годы очередной инвестиционный цикл и мощный подъем нашей промышленности предварялись двумя или тремя высокими урожаями подряд, относительно благоприятными для крестьян ценами на хлеб, увеличением заготовок и вывоза зерна за границу². Резкий скачок экономики в 1924/25 г. во многом был обусловлен хорошими сборами хлебов в 1922 - 1923 гг., приемлемыми для деревни сельскохозяйственными ценами, возобновлением аграрного экспорта.

Сродни среднесрочным циклам прежних лет интенсивность вложений капитала ослабевала под давлением кредитно-денежной рестрикции. Ограничение эмиссионной и учетно-ссудной деятельности Госбанка в 1926 г. сократило разрыв между номинальным и реальным инвестированием, смягчило дефицит предложения продуктов, уменьшило емкость внутреннего рынка, поубавило темпы роста экономики. Отечественное хозяйство стало погружаться в депрессивное состояние, для которого характерно пополнение товарных запасов, производство, превосходящее покупательский спрос.

Оригинально толковал о траектории движения советской экономики В.А. Базаров: “Динамика восстановительного процесса в структуре своей аналогична динамике капиталистической промышленности в тот период, когда эта последняя переходит от депрессии к оживлению при посредстве технической реконструкции, повышающей производительность труда. В том и другом случае движение должно носить не равномерно затухающий, а циклический характер, - с одним, однако, крупным различием: так как наша государственная система кредита принципиально отлична от частнокапиталистической, то можно думать, что во второй своей части цикл восстановительного процесса обойдется без типичной для капиталистического цикла фазы ажиотажа и “расцвета”, раздувающего объем продукции на приостановленном в своем росте или даже деградирующем уровне, с нарушением нормальных пропорций между отдельными отраслями хозяйства”³.

По мнению ученого, “большой цикл” пятилетнего восстановительного процесса “расслоился” на два “подцикла”. Первый, “подготовительный” подцикл начался в 1921 г. с ускоренного возрождения торгового обмена и окончился “кризисом сбыта” фабрично-заводских изделий на исходе 1923 г. Второй подцикл открылся всплеском хозяйственной инициативы в 1924 г. и пошел к завершению в 1925/26 г. с падением темпов экономического роста⁴.

Здесь необычна интерпретация термина “большой цикл” применительно к нэпу. “Разумеется, - писал В.А. Базаров, - такое словупотребление условно, ибо наш восстановительный процесс имеет существенные структурные отличия и от малых и от больших циклов капиталистического развития. Но все же с большими циклами структура его состоит в более близком родстве, чем с малыми. Разница между его начальным и конечным уровнем настолько значительна в своем относительном выражении (предельный уровень раз в 5 - 6 превышает начальный), что при обычных условиях воспроизводства в расширенных размерах этот путь мог бы быть пройден не в пять, а в сорок – пятьдесят лет. В связи с этим напряжение внутренней динамики про-

цесса настолько значительно, что “конъюнктура”, в узком смысле этого слова, оказывает сравнительно слабое влияние на основные фазы восстановительного цикла. Это опять-таки сближает последний не с малыми, а с большими европейскими циклами, фазы которых ... не носят чисто конъюнктурного характера”⁵.

Но сам создатель концепции больших циклов – Н.Д. Кондратьев⁶ – иначе расценивал происходившее. Он отмечал, что с внешней стороны наш хозяйственный подъем напоминал фазу оживления среднесрочного цикла конъюнктуры в товарно-капиталистической экономике. Наблюдалась схожие черты: рост производства продукции, торговли и цен, недостаток некоторых товаров и т.д. Но природа и причины нашего экономического благоденствия другие, чем природа и причины подъема и оживления, привычные в капиталистическом обществе⁷.

Действительно, нэп показывал моменты, общие с периодическими колебаниями роста “нормально” функционирующей смешанной экономики. Прослеживался свойственный инвестиционным циклам тренд: подъем - спад. Динамика накопления капитала, выпуска продукции, рыночного товарооборота, денежного обращения была кумулятивной, т.е. “саморазгоняющейся” и вверх, и вниз. Тем не менее, Н. Д. Кондратьев акцентировал внимание на отличиях в развитии отечественного хозяйства перед первой мировой войной и после эпохи военного коммунизма. Особенно это касалось анализа сбережения и вложения капитала.

В прошлые времена оживление экономики имело место, когда в кредитной системе скапливались в достатке частнохозяйственные сбережения, образуя резервы свободного ссудного капитала, понижая банковский процент. Дешевый кредит делал выгодным использование массы незанятого капитала в торговле и промышленности. Инвестиции направлялись на увеличение основных и оборотных фондов уже функционировавших и вновь создаваемых предприятий.

В период нэпа ситуация складывалась не совсем так. Объем сбережений и накоплений был сравнительно мал. По оценке эксперта, ежегодное довоенное накопление переваливало за 1 600 млн. руб. В 1925/26 г. тот же показатель едва дотягивал до 720 млн. руб., т.е. до 45% от базовой отметки⁸. Поэтому размеры капиталовложений не были исчерпывающим объяснением скорости подъема советской экономики. Экстраординарные темпы экономического роста обуславливались спецификой восстановительного процесса.

Наличие бездействовавших производственных мощностей позволяло быстро расширять выпуск продукции с минимальными изменениями основных фондов фабрик и заводов. Для улучшения загрузки простаивавшего оборудования довольно было притока средств в элементы оборотного капитала с целью покупки сырья, материалов, пополнения денежных ресурсов и привлечения дополнительной рабочей силы. Этот оборотный капитал поступал в промышленность, торговлю, транспорт, строительство и т.д. преимущественно путем закачивания государством денег в обращение. Частнохозяйственные сбережения играли здесь второстепенную роль.

Эмиссионные возможности заметно окрепли в ходе денежной реформы, после узаконения в 1922 г. твердой валюты – банковского червонца. Выдаваемые новые денежные знаки заменили собой накопление частного капитала в банках торгово-капиталистического общества. Циркулирование червонной валюты помогло наладить масштабное кредитование хозяйства. Прирост краткосрочных кредитов с октября 1923 г. по октябрь 1926 г. составил 2 592,9 млн. руб., а по октябрь 1927 г. – 3 517,5 млн. руб.

Краткосрочное кредитование было своеобразным авансированием оборотного капитала. Оно значительно опережало рост долгосрочных ссудных операций, т.е. вложений в основной капитал, особенно до 1925 г. Истощение резервов производственных мощностей инициировало солидные многолетние инвестиции в основные фонды советского хозяйства. Сравнительная динамика краткосрочных и долгосрочных кредитных вложений отражена графиками на рисунке 6.1.

Стремительному возрождению экономики способствовало налаживание дисциплины труда и организации производства. С незначительными затратами средств удавалось увеличивать выработку на одного человека и общий объем готовой продукции, улучшать ее качество и снижать издержки изготовления. О темпах повышения производительности труда на государственных предприятиях говорили ее годовые приросты: в 1923/24 г. – 15,4%, в 1924/25 г. – 41,4%, в 1925/26 г. – 11,6%⁹.

Рис. 6.1. Краткосрочные и долгосрочные кредиты банковской системы СССР в 1923 – 1927 гг., млн. руб. (на 1 октября каждого года)

Составлено по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 80, 81.

В “процветание” первых лет нэпа гораздо больший вклад вносило восстановление разрушенных производительных сил, нежели их новое приращение, характерное для “обычных” периодов инвестиционной активности. Другим отличием “нэповского взлета” был опережающий рост отраслей потребительского ассортимента. Рынок предметов широкого потребления первым сформировался вслед за снятием военно-коммунистических препон торговли и раздвигал границы быстрее оборота товаров производственного назначения. Удельный вес группы “Б” в объеме валовой промышленной продукции за 1923-1926 гг. повысился с 51,9% до 56,1%. Для циклических подъемов типичны противоположные тенденции.

Запаздывающее движение предприятий, выпускавших средства производства, было и причиной, и следствием малых размеров реального накопления основного капитала. Очень медленно набирал скорость инвестиционный комплекс страны. Выход на довоенный рубеж валового промышленного производства в 1927 г. совершился при неполном восстановлении металлургии и машиностроения.

Еще скромнее выглядели успехи внешней торговли, которая составляла неотъемлемый элемент инвестиционной сферы, поскольку в 1926/27 г. на ввоз товаров производственного назначения приходилось 88% импорта¹⁰. В том же году уровни экспорта и импорта не достигли даже 40% отметки соответствующих показателей в 1913 г. Ущербное развертывание заграничной торговли сдерживало образование, накопление и вложение капитала. Поэтому слабость инвестиционного комплекса была специфической чертой советской экономики в 1921 - 1927 гг.

Как правило, среднесрочные циклические колебания конъюнктуры происходят в относительно стабильной социально-экономической обстановке. Заурядные спады и подъемы деловой активности не сопровождаются серьезными структурными сдвигами в общественных устоях. Но макроэкономическая динамика в годы нэпа тесно переплеталась с институциональными преобразованиями. Прослеживалась взаимосвязь между темпами, качеством экономического роста и изменениями хозяйственного строя державы.

Скорее и легче возобновлялось расширенное воспроизводство мелкотоварных, частнохозяйственных укладов с присущими им механизмами регулирования. Оно закладывало основы нормальной жизнедеятельности сложно организованных сфер: крупной промышленности, оптовой торговли, денежного обращения, государственных финансов, социальной инфраструктуры. Хозяйственный подъем обеспечивал восстановление структуры социально-экономических укладов, отраслевой структуры, различных институтов смешанной экономики. Он давал простор для развития частного и казенного предпринимательства, для сосуществования традиционных механизмов рыночного равновесия с разветвленным государственным управлением экономикой. Ресурсов, в той или иной степени, хватало всем.

Обладание “командными высотами” в экономике позволяло госаппарату удачно использовать хорошую конъюнктуру. Сочетание политики фиксированных цен внутреннего рынка с завышенным обменным валютным курсом червонца давало возможность максимизировать покупательную силу денежных средств, направляемых в казенную промышленность. Исчерпание резервов экстенсивного, эмиссионного ускорения экономики переломило благоприятную тенденцию к худшему. Вложения капитала в денежной форме преодолели критическую черту его реального накопления. При твердых, заниженных ценах разразился “товарный голод”. Он знаменовал собой поворотный пункт инвестиционного цикла – от подъема к спаду.

Такие времена всегда обостряют противоречия интересов разных субъектов хозяйствования. Сильные стремятся гарантировать собственные выгоды за счет слабых, которые в ответ стараются защищаться. Так, избыточная кредитно-денежная эмиссия, допущенная в интересах казенного сектора, подтолкнула крестьян к натурализации потребления и накопления, к сокращению продажи своих продуктов, вызвала скачок цен в негосударственной торговле, спровоцировала спекулятивный арбитраж частных лиц на товарном и валютном рынках.

В противоборстве с частными укладами государство не довольствовалось мощью своего предпринимательства. Оно занялось трансформацией социально-экономических институтов ради роста капиталовложений и дальнейшей индустриализации страны. Советская власть приступила к преобразованию и вытеснению частного предпринимательства и соответствующих ему механизмов хозяйственного регулирования. Одновременно началось формирование директивно-плановой системы управления экономикой.

Хронический недостаток товаров воскресил практику общенационального планирования чрезвычайных, военно-коммунистических времен. Плановое регулирование раздвигало свои границы по мере увеличения дефицитности продуктов и услуг, а также параллельно с расширением государственного хозяйства и распространением новых методов руководства на кооперацию.

Ведущей тенденцией социально-экономических реформаций становилось кооперирование “частников” с целью подчинения их коммерческой инициативы интересам государственного предпринимательства. Если подобным способом не удавалось втиснуть свободное индивидуальное хозяйствование в узкие рамки централизованно управляемой, “обобщественной” формы, то оно выдавливалось из торгового оборота или попросту запрещалось. Так например, постепенно изживалась частная оптовая и розничная торговля, ушли в небытие стихийные сделки граждан по купле-продаже иностранной валюты и золота. При этом, естественно, изменялись механизмы регулирования рынков валюты и товаров.

Вместе с разрушением частных укладов отмирали присущие им элементы поддержания равновесия хозяйственного оборота. Стало быть, депрессивная стадия инвестиционного цикла продолжила процессы институциональных трансформаций. Только вектор преобразований заодно с макроэкономической динамикой повернулся в противоположную сторону. Многоукладное хозяйство стало вырождаться в двухсекторную “социалистическую” экономику, а гибкий, многоуровневый механизм рыночного регулирования начал превращаться в жесткую, упрощенную систему централизованного планового управления. Режим функционирования корпоративного уклада расстался с коммерческой ориентацией и конкуренцией. Оказалось, что институциональные изменения имеют такой же обратимый характер, как и колебания макроэкономической конъюнктуры.

Завершение цикла восстановительного подъема обнажило назревшие проблемы отечественного хозяйства. Выяснилось, что ресурсы реального накопления капитала, а следовательно, и экономического роста невелики даже для стимулирования среднесрочного инвестиционного бума. Главной причиной тому была низкая производительность труда, ограничивавшая размеры прибылей предприятий и уровень доходов граждан. Далекое от роскоши благополучие людей в свою очередь уменьшало объемы личных сбережений, оставляя мало неизрасходованных на потребление денег. В этой ситуации правительству необходимо было заботиться о “принудительном” или хотя бы “поощряемом” сбережении средств населения.

С первой проблемой была тесно связана перспектива долгосрочного экономического развития. Прежняя отраслевая структура и техническое состояние предприятий стали уже мешать поступательному движению экономики. Требовалась коренная переделка технического и технологического базиса советского хозяйства. Предстояло сооружать новые предприятия, реконструировать имевшиеся и поспеши изыскивать обильные источники капитала. Значительную долю ин-

вестиций надо было осуществлять при помощи закупки за границей оборудования и передовых технологий. Основным каналом поступления валюты мог служить экспорт сырья и особенно сельскохозяйственной продукции. Таким образом, в 1927 г. отечественная экономика вплотную приблизилась к технологическим пределам функционирования и взаимоотношения казенной индустрии с мелкотоварным крестьянским хозяйством приобрели политическую актуальность.

* * *

Вопрос согласования интересов промышленности и аграрного сектора в общей теоретической постановке мог бесконфликтно разрешаться политикой индустриализации державы. Опыт преуспевавших стран убеждал в долговременном, разностороннем, положительном влиянии развертывания промышленности на сельское хозяйство.

Обустройство индустрии обычно сопровождается углублением общественного разделения труда и повышением его производительности, улучшением использования производственных ресурсов страны, совершенствованием изготовления и удешевлением промтоваров, ростом доходов населения, расширением городов и емкости внутреннего рынка. Одновременно закладывается основа индустриализации сельского хозяйства, роста его интенсивности, производительности, специализации, товарности, доходности, снижения издержек производства, налаживания отношений производственной и сбытовой кооперации крестьян. Избыточные рабочие руки из аграрной сферы поглощаются промышленностью и прочими “городскими” отраслями.

С другой стороны, культура аграрного комплекса непосредственно влияет на формирование индустриального потенциала. Повышение производительности земледельческого труда позволяет высвободить рабочую силу для распространяющейся промышленности, предлагать продукты питания умножающемуся числу горожан, насыщать увеличивающийся спрос фабрик и заводов на сырье растительного и животного происхождения, форсировать экспортные поставки в оплату индустриального импорта, делать более привлекательным крестьянский рынок для сбыта промышленных изделий, пополнять вложения капитала в индустрию за счет денежных сбережений деревенских жителей.

В динамике хозяйственных связей двух отраслей производства ведущую роль, как правило, играла промышленность. Аграрный сектор находился в подчиненном положении “резервуара” трудовых, продовольственных, сырьевых, денежных ресурсов. Подвижки инертного сельского хозяйства направлялись внешними импульсами, посылаемыми индустрией: расширением спроса на крестьянские товары, потребностями в дополнительных кадрах из села, предложением средств производства для растениеводства, животноводства, переработки, хранения и транспортировки их продукции.

Соподчиненность была выражением взаимозависимости сельского хозяйства и промышленности. Противоречие их интересов могло разрешаться в форме “гармоничного”, согласованного, поддерживающего друг друга подъема обоих секторов или в виде подавления интересов одного из них к выгоде второго. При этом отсталость любой из отраслей замедляла экспансию противоположной. Обычно баланс интересов сводился в пользу индустрии, которая брала от сельского хозяйства больше, нежели давала взамен.

Возможности такого перераспределения ограничивались общим объемом производственных ресурсов. Они обуславливались стадией индустриализации национальной экономики и конкретной исторической обстановкой. Для России было характерно экстенсивное, по сравнению с передовыми европейскими государствами, совершенствование сельского хозяйства и промышленности, вызванное относительным избытком природных компонентов производительных сил и дефицитом накопленных капитальных благ.

Специфика первоначального этапа индустриализации отечественной экономики предопределяла устойчивость тенденций развития сельского хозяйства и промышленности. Повторяемость событий побуждала ученых распутывать каверзы хозяйственной практики нэпа, изучая исторический опыт пореформенной России. Так, в частности, поступал Н.Д. Кондратьев в серии статей на тему аграрно-индустриальных взаимоотношений, опубликованных в 1927 - 1928 гг.

Автор видел главную причину наших бед в аграрном перенаселении, признаками которого являются низкий уровень доходов и благосостояния земледельцев, избыток свободной рабочей силы в деревне¹¹. Крестьяне вынуждены стихийно преодолевать или смягчать тяготы “скучен-

ного” существования при помощи интенсификации труда в хозяйстве, занятий внеземледельческими промыслами, переезда на необжитые территории и их колонизации.

Перенаселение было злободневной социально-экономической проблемой, ибо оно подстрекало крестьян на политические волнения под лозунгом требования земли. Крестьянское движение за расширение своего землепользования стало одним из важнейших факторов свершившихся в XX веке русских революций. Масштабы этих потрясений говорили о сложности решения аграрного вопроса.

Малоземелье всегда относительно, но корни его глубоко лежат в фундаментальных обстоятельствах: слабом развитии производительных сил страны, прежде всего сельского хозяйства. Со своей стороны избыток негородских трудовых ресурсов “консервирует” неэффективную сельскую экономику и сопряженные с ней сферы хозяйственной деятельности.

Аграрное перенаселение способствует дроблению крестьянских усадеб вплоть “до крайних пределов распыления”. Измельчение земельных наделов при излишке рабочих рук мешает росту производительности труда и снижению издержек в сельском хозяйстве. Малые объемы производства продукции в расчете на душу населения обуславливают невысокие личные доходы аграриев, подавляющая часть которых тратится на текущее потребление. Ничтожные остатки сберегаемых средств исключают весомые вложения в реорганизацию и техническое оснащение крестьянских хозяйств с целью повышения доходности. Потребительская ориентация трудоизбыточного земледелия сдерживает увеличение его валовой и чистой товарности¹². Ограничение торгового оборота растительных и животных продуктов уменьшает их продажу на городских и внешних рынках. В итоге страдает отечественная индустрия¹³.

Таким образом, уровень совершенства промышленности и состояние сельского хозяйства представляют собой две тесно взаимосвязанные характеристики степени “продвинутой” производительных сил страны и, в известном смысле, предопределяются последними. В свою очередь тенденции развития экономики зависят от влияния друг на друга ее индустриального и аграрного секторов, а также от пропорций распределения национального дохода на потребляемую и накапливаемую долю.

* * *

Российская экономика после отмены крепостного права пребывала в обстановке отсталого, низкотоварного и малопродуктивного сельского хозяйства, перенасыщенного работниками. Поэтому для индустриализации державы императорская власть применила политику приглашения инвестиций иностранного капитала. Промышленный подъем с конца XIX века придал аграрному комплексу импульс прогрессивного движения, обеспечив устойчиво растущий спрос на его продукцию, привлекая из деревни на предприятия незанятых трудоспособных людей, снабжая село инвентарем и машинами конной и механической тяги.

Однако стихийного развития производительных сил и внутреннего рынка оказалось недостаточно для снятия остроты крестьянского малоземелья. Сельское население России за 1861 - 1906 гг. увеличилось с 54,2 млн. человек до 86,5 млн. человек. В результате демографического сдвига средний надел на одну душу мужского пола за то же время уменьшился с 4,8 десятины до 3,1 десятины, а “потребительская норма” надела в Европейской России оценивалась тогда в интервале 5 - 10 десятин. В начале XX века доля малоземельных дворов достигла двух третей от их общего количества¹⁴.

После революционных передряг 1905 г. государственная бюрократия приступила к реформированию аграрных отношений. Правительство во главе с П.А. Столыпиным провело ряд мероприятий: организовало отселение крестьян в Сибирь; отменило выкупные платежи; облегчило выход индивидуальных владельцев хозяйств из общины; расширило деятельность Крестьянского Банка по покупке и продаже земли крестьянам на льготных условиях; поддержало кооперативное движение в сферах кредитования, производства и сбыта сельскохозяйственной продукции; законодательно оформило выдачу ипотечных, мелиоративных, агрокультурных, землеустроительных банковских ссуд.

Столыпинская реформа содействовала подъему производительности, товарности и доходности сельского хозяйства. Возрос экспорт его продуктов. Отечественная индустрия ощутила мощный прилив ресурсов из аграрной сферы. Очень значимыми были инвестиции капитала,

которые поступали в промышленность из банковских сбережений сельских хозяев. Во многом благодаря им вложения российского капитала превысили поток иностранных инвестиций в нашу экономику.

В предвоенную пору давление сельского перенаселения ослабело, но не исчезло совсем. Оно выражалось в дифференциации, т.е. расслоении крестьянских хозяйств по экономической мощности: по размерам дохода, земельного владения и аренды земли, оснащенности орудиями труда, количеству имевшегося скота, производительности, товарности и т.д. Дифференциация была ведущей тенденцией развития российского аграрного сектора. Но ее действие сглаживалось дроблением хозяйств и отходом людей на заработки в города, наймом на промышленные предприятия неустраиваемых работников, в основной массе из низших, бедных социальных групп.

На расслоение деревни и преимущественное выделение зажиточных крестьянских дворов была направлена государственная политика. Об этом неоднократно заявлял премьер-министр России П.А. Столыпин: “Правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как, где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода”¹⁵. По разумению реформатора, ядром земской общины должен быть мелкий земельный собственник. Поэтому самодержавию надобно приветствовать размежевание крестьянских хозяйств и делать ставку на “разумных и сильных, а не пьяных и слабых”¹⁶.

Справедливо суждение Н.Д. Кондратьева о положительных, “с народнохозяйственной точки зрения”, моментах дифференциации деревни в довоенное время. Экономист писал: “Процесс дифференциации, который приводил к росту производительности сельского хозяйства в высших группах деревни, к росту накопления и товарности хозяйств, особенно при отливе преимущественно пролетаризированных слоев деревни в город, в товарно-капиталистических условиях был процессом, ускоряющим развитие производительных сил, был процессом роста рынка и экспорта”¹⁷.

Ученый реалистично оценивал социальные последствия углубления имущественного неравенства. Он не закрывал глаза на укрепление капиталистических отношений эксплуатации наемной рабочей силы во всем народном хозяйстве. Но быстрый рост производительных сил страны повышал благосостояние населения, включая и беднейшие его слои.

Убедительно звучало в устах автора “историческое оправдание” тенденций развития отечественного аграрного сектора: “Конечно, повышение благосостояния различных общественных групп шло неравномерно. Верно, что некоторые низшие общественные группы нищали, некоторые нищали даже абсолютно. Верно, что усиливалось экономическое неравенство. Но никто не докажет, что шло общее абсолютное обнищание масс, что наблюдалось общее ухудшение их питания и т.д. Несомненно, что хотя и неравномерно, но именно благодаря росту производительных сил происходила массовая, хотя и не всеобщая передвижка благосостояния различных групп населения вверх. Несомненно, что при отсутствии капиталистического развития, при отсутствии процесса дифференциации, при сохранении прежнего патриархального строя дореволюционной деревни ее перенаселение стало бы еще больше и условия жизни еще тяжелее. Но если это так, то путь развития производительных сил через дифференциацию деревни в дореволюционных условиях был тяжелым и трудным путем, однако при той хозяйственной отсталости нашей страны и особенно сельского хозяйства, какая имела место, при той патриархальности его, какая наблюдалась, он был путем исторически неизбежным, необходимым и прогрессивным”¹⁸.

Военно-коммунистическая эпоха прервала медленный, многолетний подъем российского сельского хозяйства. Меры государственной политики смещавших друг друга правительств – продовольственная разверстка, инфляционное изъятие ресурсов, национализация земли и ее уравнительный передел – привели к упадку аграрных производительных сил. “Осереднячивание” деревни временно улучшило достаток крестьянских дворов, но заметно снизило товарность их производства.

Рынок сельскохозяйственной продукции понес урон от деиндустриализации нашей экономики не только со стороны предложения, но и со стороны спроса. Падение загрузки производственных мощностей предприятий, сокращение занятости и доходов работников промышленности, отток безработных людей из городов в деревню в поисках пропитания уменьшили платежеспособную потребность в продуктах земледельческого труда. Сбыту сельскохозяйствен-

ных товаров препятствовало прекращение их экспорта, ухудшение условий транспортных перевозок и торговли. В стране опять возникли предпосылки обострения аграрного перенаселения.

Новая экономическая политика благоприятствовала росту производства и особенно потребления в российской деревне. Но в ходе послевоенного подъема сельское хозяйство восстанавливалось как отсталая, во многом самодостаточная сфера экономической деятельности. Несмотря на все достижения, состояние отечественного аграрного комплекса оставалось худшим в сравнении с дореволюционным уровнем, ибо оно деградировало качественно. Положение дел в аграрной сфере характеризуют данные таблицы 6.1.

Таблица 6.1

Показатели уровня индустриально-аграрного развития стран

Страны	Доля сельского населения в общем населении страны в 1926 г., %	Доля народного дохода от сельского хозяйства в общем доходе страны от промышленности и сельского хозяйства в 1924 г., %	Народный доход на душу населения в 1923 г., золотых руб.	Народный доход от сельского хозяйства на душу сельскохозяйственного населения в 1924 г., золотых руб.
СССР	82,5	55,5 *	75,7 *	64,9 *
Россия	84,0 **	52,5 **	101,4 **	66,9 **
Германия	35,6	29,5	223,0	142,7
Франция	53,7	32,9	348,3	196,7
Великобритания	-	7,7	413,5	167,4
США	48,6	14,0	625,8	213,4

* 1925/26 г., ** 1913 г.

Составлено по данным: Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 334, 335, 347, 348.

В середине 20-х годов XX столетия СССР представлял собой аграрно-индустриальную державу с низкой степенью индустриализации. Подтверждением тому служат сопоставления с показателями стран-лидеров мирового хозяйства. Советский Союз отличался сравнительно низким удельным весом промышленно-городских жителей, высокой долей народного (национального) дохода от сельского хозяйства в общем объеме народного дохода страны, малыми размерами народного дохода в расчете на душу населения; что говорило о слабом развитии всех производительных сил. Производственный потенциал полунатурального сельского хозяйства находился на еще более примитивной стадии. Валовая товарность нашего дореволюционного сельского хозяйства составляла 40%, а после пяти лет нэпа – всего 33%. Этот же параметр в американском аграрном комплексе превосходил 60%, в германском – 80%¹⁹.

Реабилитация рыночных отношений при нэпе воссоздала обстановку конкуренции отдельных крестьянских хозяйств и предпосылки их дифференциации. Показатели этого процесса отражены в таблице 6.2. В то же время действовали два фактора, препятствовавших расслоению крестьянских хозяйств по экономической мощности. Первым было аграрное перенаселение. По расчетам Госплана, в 1926 г. избыточное сельское население СССР определялось в 6,8 – 8,1 млн. человек. Коэффициент использования сельскохозяйственного труда колебался в интервале 50 – 60%²⁰. Показателем перенаселения был процесс дробления относительно больших хозяйств в деревне, который в годы нэпа протекал в 2 – 2,5 раза интенсивнее, чем до войны. За 1923 – 1925 гг. число крестьянских хозяйств в Советском Союзе увеличилось с 21,8 млн. до 23,2 млн.²¹

Советская власть стала “заложницей” собственной политики. Ликвидация крупных помещичьих владений и передел национализированной земли гарантировали революционерам всяческую поддержку большинства крестьян. Но такие события отбросили назад и без того допотопную сельскую экономику. Они разрушили самый культурный, производительный и высоко-товарный тип хозяйств, свели к минимуму положительный эффект дифференциации деревни. Закономерным результатом популистских деяний оказался рост аграрного перенаселения.

Другим фактором противоборства с дифференциацией была государственная политика поддержки своего стратегического союзника – беднейших и средних слоев деревни и подавления ее высших, “эксплуататорских” групп. По образному выражению Н.Д. Кондратьева: “Регулирующие мероприятия государства – это меч, который срезает самую верхушку деревни и, несомненно, задерживает рост наиболее богатых, полукапиталистических и капиталистических слоев ее”²².

Таблица 6.2

Показатели дифференциации крестьянских хозяйств в СССР

Группы хозяйств	Валовая продукция сельского хозяйства на одного работника в 1924/25 г., руб.	Аренда земли в отношении к общему количеству арендованной земли по производящей полосе в 1926 г., %	Сдача в аренду земли в отношении к общей сдаче земли по производящей полосе в 1926 г., %	Процент хозяйств, нанимавших сроковых или годовых работников в производящей полосе в 1926 г.	Процент хозяйств, отпускаявших батраков в производящей полосе в 1926 г.
Без посева и с посевом до 0,1 десятины	52,63	0,1	9,2	0,4	11,1
С посевом, десятин 0,1 – 1,0	-	1,1	17,2	2,0	18,7
1,1 – 2,0	120,54	2,2	18,0	5,1	20,0
2,1 – 3,0	-	3,4	16,9	8,4	15,5
3,1 – 4,0	145,26	4,6	12,4	10,9	11,5
4,1 – 6,0	155,37	13,4	19,5	19,8	12,6
6,1 – 10,0	-	26,5	9,4	26,6	7,9
10,1 – 16,0	198,62	24,6	2,8	17,3	2,1
свыше 16	273,94	24,1	0,6	6,3	0,5

Рассчитано по данным: Кондратьев Н. Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 168, 169, 343.

Государственное предпринимательство и аграрное перенаселение замедляли расслоение деревни, способствовали ликвидации мелких крестьянских хозяйств и дроблению крупных. Стало быть, наряду с дифференциацией села в годы нэпа наблюдалась противоположная тенденция нивелировки крестьянских хозяйств. Об этом говорят данные таблицы 6.3.

Таблица 6.3

Показатели ликвидации и разделения крестьянских хозяйств в хлебопроизводящей полосе СССР в 1924 г.

Группы хозяйств	Процент ликвидированных хозяйств	Процент разделившихся хозяйств
Без посева	10,8	0,4
С посевом, десятин до 2	2,0	1,0
2,1 – 4,0	1,0	2,0
4,1 – 6,0	0,8	3,6
6,1 – 10,0	0,6	6,6
10,1 – 16,0	0,4	10,8
свыше 16	0,7	12,2

Составлено по данным: Кондратьев Н. Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 170, 171.

В России взаимосвязь индустрии и сельского хозяйства была опосредована не только внутренним, но и внешним рынком. От возможностей вывоза продуктов растениеводства и животноводства зависел прогресс производительных сил страны, индустрии и аграрного сектора. Однако новая экономическая политика не смогла полностью восстановить экспортный потенциал сельского хозяйства, что видно из таблицы 6.4.

Таблица 6.4

Динамика производства и экспорта сельскохозяйственной продукции, %

Годы	Производство			Экспорт		
	зерновые хлеба	технические культуры	продукты животноводства	зерновые хлеба	технические культуры	продукты животноводства
1913	100	100	100	100 *	100 *	100 *
1924/25	53,4	67,2	87,8	11,8	12,1	28,7
1925/26	76,6	104,2	96,1	20,5	23,4	23,9

* в среднем за 1909 – 1913 гг.

Рассчитано по данным: Кондратьев Н. Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 181, 187.

Вопреки росту объема производства товарность сельского хозяйства и экспортные поставки его продукции не достигли довоенного уровня. Виной тому был комплекс внутренних и внеш-

них причин. К первым относились: ликвидация крупного капиталистического хозяйства; нивелировка деревни; увеличение собственного потребления земледельцев, поощряемое ножницами цен и дефицитом промышленных товаров; уменьшение налогообложения крестьян, игравшее роль отрицательного стимулирования при продаже сельхозпродукции.

Среди проблем внешнеэкономической сферы следует отметить: утрату за время двух войн традиционных рынков сбыта российских товаров; неблагоприятную динамику соотношения мировых цен и цен внутреннего рынка; завышенный обменный валютный курс червонца, выполнявший функцию экспортной пошлины; ухудшение качества вывозимых продуктов; рост издержек экспорта из-за плохой работы торгового аппарата.

Таким образом, к концу восстановительного цикла в советской экономике сложилась, в известном смысле, застойная ситуация. Иссякли резервы экстенсивного роста индустрии и сельского хозяйства. Хуже того, аграрный сектор не мог служить источником обильных накоплений, необходимых для улучшения собственного положения и дальнейшей индустриализации страны. И промышленность, и сельское хозяйство одновременно нуждались в реконструкции. Перед государственным предпринимательством встала задача повышения удельного веса накопления в национальном доходе с целью структурной перестройки экономики державы. Необходимо было выбрать приоритетные направления инвестирования.

* * *

Состоявшийся 2 - 19 декабря 1927 г. XV съезд ВКП(б) поставил перед государственным аппаратом задачу “объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы”²³. Партийная формулировка точно отразила существо исторического момента. В ней констатировалась бесперспективность поддержки полунатуральных, низкотоварных, мелких крестьянских хозяйств. Признавалось неотложным укрупнение первичных производственных единиц в аграрном секторе, ибо только оно обеспечивало повышение производительности труда и рост товарности в земледелии посредством перехода к механической обработке полей.

Советская власть пожелала отказаться от традиций семейной организации сельского хозяйства. Укрупнение аграрных производственных звеньев, по разумению правящих кругов, должно было происходить в виде преобразования “индивидуальных, собственнических” крестьянских хозяйств в “коллективные формы”. Следовательно, предполагалась замена домашней деревенской экономики коллективными хозяйствами.

Выбор такого пути объяснял другой пункт из резолюции XV съезда ВКП(б) по отчету ЦК, который предусматривал усиление плано-регулирующей роли пролетарского государства в сельском хозяйстве и рост влияния социалистических элементов в самой деревне²⁴. Альтернативный политический курс на поощрение дифференциации крестьянских дворов выглядел малопривлекательным. Выделение высокопроизводительных, крупных единоличных (“кулацких”) хозяйств, а тем более массовое появление капиталистических ферм, рассчитанных на постоянное применение наемных работников, вело к созданию и укреплению потенциально оппозиционного большевикам социального слоя.

Сохранение частнохозяйственной крестьянской экономики препятствовало внедрению в аграрном комплексе методов директивно-планового управления, которые для своего сносного функционирования нуждались в централизованно руководимых, обобществленных формах, наподобие кооперации. Строя взаимоотношения с мелкотоварным сельским укладом в режиме рыночной торговли, государственное предпринимательство не совладало с ним, не смогло подчинить интересы зажиточных земледельцев интересам ускоренной индустриализации. Подтверждением этому служит обзор итогов хлебозаготовительных кампаний в 1924 – 1928 гг., представленный в таблице 6.5.

Таблица 6.5

Валовой сбор, заготовки и экспорт зерна в 1924 – 1928 гг., млн. ц

Показатели	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Валовой сбор зерна	724,1	762,2	750,6	723,0	733,2
Объем хлебозаготовок	51,3	95,1	116,4	110,3	107,9
Экспорт зерна	3,5	19,8	25,4	2,9	1,8

Рассчитано по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 112, 127; Саркис А. К хлебозаготовительной кампании // Плановое хозяйство. 1932. № 4. С. 77; Внешняя торговля СССР за 1918 - 1940 гг. М., 1960. С. 110, 144; Показатели состояния народного хозяйства СССР // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11 - 12. С. 116.

Завершение восстановительного цикла характеризовалось стабилизацией и снижением валовых сборов зерна, сокращением его заготовок, т.е. уменьшением предложения товарного хлеба на внутреннем рынке, а также резким падением экспорта зерновых культур.

Наращение трудностей хлебозаготовительных кампаний показывают и данные таблицы 6.6. В целом прослеживалась взаимозависимость между объемами хлебозаготовок, размерами зерновых запасов, с одной стороны, и изменениями банковского кредитования хлеботорговли, с другой. Приобретение большего количества зерна у производителей обеспечивалось увеличением банковских ссуд, выделяемых на эти цели. Низшей точке объема хлебных запасов, как правило, соответствовал минимальный уровень кредиторской задолженности. Однако действие закономерности - “сколько хлеба, столько денег” – проявлялось не прямо и постепенно ослабевало.

Таблица 6.6

Динамика кредитования хлеботорговых операций и переходящих запасов зерна в 1924/25 – 1928/29 гг.

Показатели	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Изменение суммы кредитования хлеботорговых операций, млн. руб.; “+” увеличение, “-” уменьшение;					
июль - сентябрь	+ 45,6	+ 136,3	+ 48,8	+ 95,7	+ 143,1
октябрь - декабрь	+ 49,5	+16,1	+ 93,7	+ 24,5	+ 71,8
январь - март	+ 12,1	+ 2,2	- 66,1	+ 57,2	-
апрель - июнь	- 37,3	- 108,3	- 113,3	- 140,0	-
За весь годовой цикл	+ 69,9	+ 46,3	- 36,9	+ 37,4	-
Изменение переходящих запасов зерна, млн. ц.; “+” увеличение, “-” уменьшение;					
июль - сентябрь	-	-	+ 5,6	+ 9,6	+ 6,1
октябрь - декабрь	-	-	+ 12,4	- 0,8	+ 8,8
январь - март	-	-	- 9,0	+ 3,8	-
апрель - июнь	-	-	- 10,0	- 13,7	-
За весь годовой цикл	+ 3,5	+ 1,0	- 1,0	- 1,1	-

Рассчитано по данным: Гольденберг А.М. Эмиссионные перспективы и сельскохозяйственная кампания // Кредит и хозяйство. 1928. № 11. С. 11; Рочко Г. Задачи кредитования хлебных операций // Кредит и хозяйство. 1929. № 2. С. 31.

Конъюнктура внутреннего хлебного рынка складывалась под влиянием нескольких причин: структуры посевных площадей, размеров урожая, динамики банковского кредитования хлебной торговли, государственной политики закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, административного регулирования заготовок и использования хлеба, общего состояния конъюнктуры экономики страны.

Хлебная кампания неурожайного 1924/25 г. началась борьбой хозяйственного руководства с повышением цен на зерно в интересах укрепления покупательной способности рубля. Но введенные “лимитные” цены противоречили объективной рыночной обстановке – превалированию спроса на хлеб над его предложением. Заниженный уровень цен сократил государственные закупки продовольствия и расчистил поле деятельности частным торговцам. Недостаточные казенные заготовки по осени обернулись резким скачком зерновых цен весной. Индекс оптовых сельскохозяйственных цен в апреле – июне 1925 г. превышал оптовый индекс промышленных цен; и весь квартал “ножницы цен” были раскрыты в обратную господствовавшей тенденции сторону²⁵.

Неплохой урожай 1925 г. не смог переломить траекторию повышения оптовых цен на хлеб, ибо платежеспособный спрос по-прежнему доминировал над предложением зерна. Обильные банковские ссуды, выдаваемые на закупки и форсированный экспорт, подталкивали хлебные цены вверх. В том же направлении двигало цены интенсивное увеличение зарплаты городского населения, связанное с бурным восстановлением и избыточным кредитованием индустрии.

Рост цен на сельскохозяйственную продукцию, особенно сырьевого назначения, вызвал симметричный подъем цен промышленных изделий, также стимулируемый кредитно-денежной экспансией банковской системы. Инфляционное падение покупательной силы денег не благоприятствовало их оседанию в крестьянских домах. Отсутствие промтоваров для встречной продажи сельским жителям, по причине обострявшегося товарного голода, не позволило государственным структурам воспользоваться выгодными условиями эквивалентного обмена продуктами между городом и деревней.

Потуги сдерживания роста зерновых цен осенью 1925 г. оказались безуспешными, так как шли вразрез с конъюнктурой хлебного рынка и всего внутреннего рынка страны. Результатом подобной стратегии было повторение прошлогоднего сценария – разворачивание стихийных хлебозаготовок. Обогащение доходов горожан сформировало рыночный сегмент с потенциально высокими ценами на хлеб, который прибыльно эксплуатировали расторопные дельцы. На ценовую конкуренцию с частниками у правительства не хватало ресурсов, поскольку напряженный вывоз злаковых культур за границу оголил государственные запасы. Отражая конкурентный выпад соперников, государственное предпринимательство прибегло к административным мерам. В конце 1925 г. было организовано так называемое “регулирование на транспорте”, фактически вытеснившее частные перевозки зерна по железной дороге.

Перебои с поставками зерна на частном рынке изменили соотношение хлебных цен в производящей и потребляющей зонах. В 1926 г. возник “разрыв” между заготовительными и реализационными ценами, который достигал 50%, намного превосходя обычные накладные и торговые издержки²⁶. По свидетельству Б. Авилова: “Разница в ценах частного рынка, даже между соседними районами и губерниями, оказывалась настолько значительной, что торговцы, а также крестьяне потребляющей полосы находили выгодным за сотни верст возить хлеб гужом (на санях), не говоря уже о всяких смешанных способах перевозки (водой на лодках с перевалом на железной дороге или в комбинации с гужевой перевозкой)”²⁷.

В 1925 г. началась также кампания по изъятию из аренды у граждан мельниц или пересмотру условий арендных договоров в мукомольной промышленности с целью регулирования частного спроса на зерно.

Еще одним административно-хозяйственным новшеством в сражении с “неплановыми” закупками зерна стала координация деятельности государственных и кооперативных заготовительных ведомств во избежание их конкуренции между собой. Весной 1926 г. получила распространение практика заключения заготовительными организациями конвенциональных соглашений, предусматривавших проведение согласованной политики цен, разграничение районов функционирования. С этого времени закупки хлеба проводились только тремя основными плановыми заготовителями: “Хлебопродуктом”, потребительской и сельскохозяйственной кооперацией. Уменьшилось число заготовителей и других сельских товаров²⁸. Перемену конкурентной ситуации на хлебном рынке иллюстрирует диаграмма на рисунке 6.2.

Рис. 6.2. Удельный вес государственных, кооперативных и частных закупок в общих заготовках хлеба в 1923/24 – 1926/27 гг., %

Составлено по данным: Пистрак Г. Условия реализации сельскохозяйственной продукции // Плановое хозяйство. 1927. № 10. С. 123.

В 1926/27 г. государство добилось исключительного, монопольного положения своих заготовителей на хлебном рынке. Теперь правительственные органы могли самочинно проводить намеченную политику закупочных цен на зерновые культуры.

Иная обстановка складывалась в торговле продуктами животноводства, где цены устанавливались частными покупателями и продавцами. Например, на мясном рынке господствовала стихийная конкуренция, ибо централизованные заготовки затрагивали в 1925/26 г. – 5,5%, в 1926/27 г. – 7,7% общего объема реализации товаров²⁹. О размерах торгового оборота продуктов животноводства дает представление таблица 6.7.

Таблица 6.7

Заготовки продуктов животноводства в 1924/25 – 1928 гг., тыс. т.

Виды продукции	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927 г.	1928 г.
Мясо и скот (живой вес)	329,1	408,3	761,3	1 008,6	1 778,0
Масло животное	48,0	62,0	75,2	78,9	82,1

Составлено по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 112.

В отличие от затухавшей и нисходящей конъюнктуры хлебного рынка конъюнктура рынка животноводческих товаров демонстрировала стабильный подъем. Произошло даже экстенсивное изменение специализации аграрного сектора с растениеводческой на животноводческую товарную ориентацию. В 1924/25 и 1925/26 гг. доля продукции животноводства составляла 45% от всей товарной продукции сельского хозяйства, а в 1926/27 г. она достигла 52%³⁰.

Обычно развитие рынка продуктов животноводства определяется колебаниями рыночных параметров растениеводческой продукции: зерна, кормовых трав и т.п. Динамика цен на скот, как правило, противоположна динамике хлебных цен. Это связано с перепадами урожаев. В неблагоприятные для полеводства годы цены на зерно растут, а на продукты животноводства падают. В последующие, урожайные годы, наоборот, скот, птица и их продукты дорожают по сравнению с хлебом.

Соотношение закупочных цен на отдельные сельскохозяйственные товары в значительной степени обуславливало траекторию движения крестьянского сектора страны в 1925 – 1928 гг. Между тем, тенденции ценовых колебаний в торговле продуктами сельского хозяйства задавались не столько объективными обстоятельствами урожайности и валовых сборов зерна, сколько аграрной политикой советской бюрократии.

Овладев в 1926/27 г. положением привилегированного покупателя, государство скорректировало свое предпринимательское поведение. “Основные плановые заготовители” круто понизили цены на зерно и постарались удерживать их на этом уровне как можно дольше. О чувствительности падения цен на крестьянский хлеб можно судить по рисунку 6.3, графически изображившему выкладки выборочных статистических обследований.

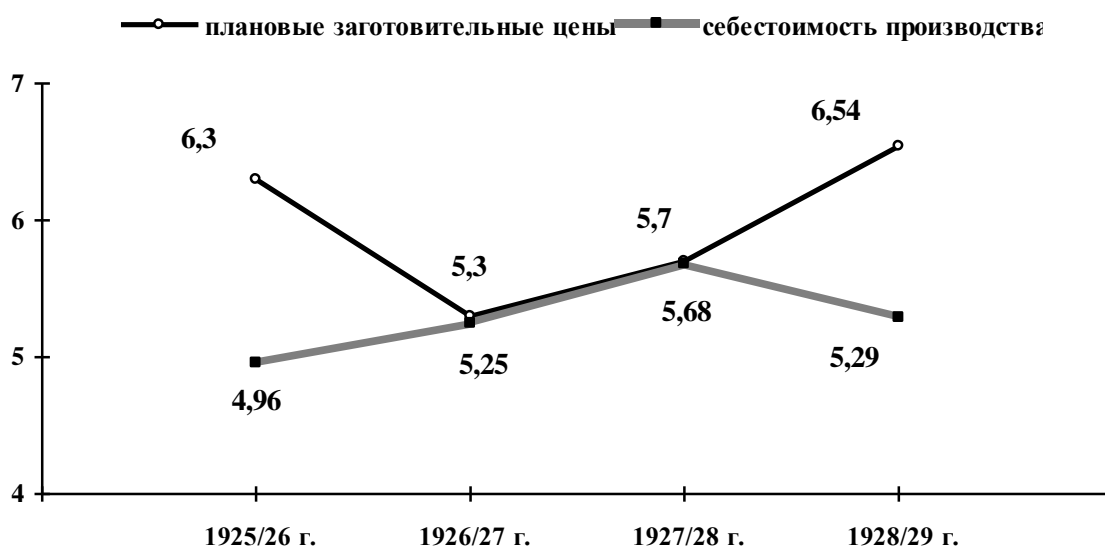

Рис. 6.3. Заготовительные цены и себестоимость производства четырех главных зерновых культур (ржи, пшеницы, овса, ячменя) в 1925/26 – 1928/29 гг., рублей за центнер

Составлено по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 122.

Ценовой диктат казенных скупщиков хлеба в 1926/27 г. и в 1927/28 г. практически лишил производителей зерна возможности повысить доходы и осуществить денежные накопления в

своих хозяйствах. Естественным итогом такого ценообразования стало невыполнение плановых заданий по хлебозаготовкам. Под напором недовольства крестьян власти отступили и подняли закупочные цены на зерно в кампанию 1928/29 г.

Проблемы хлебозаготовок порождались не только абсолютным уровнем зерновых цен, но и их пропорцией с ценами других товаров. О колебаниях конъюнктуры на рынках сельскохозяйственных продуктов повествуют данные таблицы 6.8. С 1925/26 г. по 1928/29 г. цены на продукцию животноводства стояли высоко в сравнении с закупочными ценами на зерновые и технические культуры. Поэтому крестьянам не выгодно было торговать зерном. Им было доходнее скормить хлеб скоту и птице и предлагать покупателям товары скотоводства и птицеводства.

По той же причине отсутствия материальной заинтересованности в 1926 – 1927 гг. убавились посевные площади под техническими культурами. Лишь после увеличения их закупочных цен относительно зерновых цен в 1927 г. земледельцы расширили поля, возделываемые под сахарной свеклой, подсолнечником и т.д.

Таблица 6.8

**Общоторговые индексы сельскохозяйственных цен производителя в 1925/26 – 1928/29 гг.
(средний уровень 1911 - 1914 гг. принят за 100)**

Индексы цен	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Зерновые культуры	161,1	124,6	134,6	190,4
Технические культуры	140,2	134,6	139,8	146,0
Животное продовольствие	167,2	175,7	178,7	199,7
Животное сырье	187,5	193,2	193,6	189,9
Вся сельскохозяйственная продукция	158,8	149,3	156,4	183,3
“Ножницы цен” *	139,2	140,6	126,6	110,7

* отношение индекса розничных цен промышленных товаров к общеторговому индексу сельскохозяйственных заготовительных цен

Составлено по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 391.

Отчуждению крестьянского хлеба препятствовала и его расценка, заниженная в сопоставлении с ценами индустриальных изделий; что видно из последней строки таблицы 6.8. Приберегать зерно у себя во дворах побуждало селян и состояние хронического промтоварного голода, который усиливался по мере возрастания их доходов от реализации продукции животноводства и технических культур.

Порывы плановых заготовителей навязать низкие закупочные цены на зерно в неурожайном 1927/28 г. окончательно нарушили шаткое равновесие рынка хлебов. Крестьяне отказались предлагать собранное зерно к полномасштабной продаже. Нормальный приток хлеба на пристанционные и пристанские пункты, мельницы и элеваторы сменился приближением покупателей к глубинным поселениям. Следующими шагами стали заготовки на дому, получение у заготовителей хлеба сохранных расписок и закупки на корню.

Усложнение оборота в торговле зерном имело соответствующие финансовые последствия. При уменьшении количества приобретенного по плановым заданиям хлеба с 116,4 млн. ц. в 1926/27 г. до 110,3 млн. ц. в 1927/28 г. размеры отпущенных на эти цели кредитно-эмиссионных ресурсов возросли с 142,5 млн. руб. до 177, 4 млн. руб.³¹ Увеличение кредиторской задолженности заготовителей продолжалось в течение девяти месяцев - с июля по март - вместо обычного сосредоточения эмиссии банковских ссуд в первом полугодии хозяйственного года - с июля по декабрь.

Изменение методов хлебозаготовок получило дальнейшее развитие в 1928/29 г. после перехода к активной контрактации посевов зерновых культур. До сего времени контрактацией охватывались преимущественно посевы технических культур: сахарной свеклы, табака, льна, подсолнечника, хмеля и т.п. Контракты заключались, как правило, с группами крестьян, объединенных в кооперативы. Иногда договоры предусматривали прямое обещание со стороны производителей организовать коллективные хозяйства (колхозы).

В контрактах крестьяне брали на себя обязательства по условиям производства продукции - посеву сортовыми семенами, соблюдению технологии обработки почвы, внесению удобрений и по условиям ее реализации - качеству, объемам продаж, ценам. Государство, в лице своих организаций, подряжалось снабжать крестьян промтоварами по договорным ценам, семенами, денежными ссудами и т.д.

Контрактация была планомерно регулируемой формой оптовой торговли между объединениями крестьян и государством. Она обеспечивала выгодное размещение и соотношение посевов различных культур. Если в 1927/28 г. было законтрактовано 1,8% всех посевов, то в 1928/29 г. – уже 19,7%³². Увеличение предварительной оплаты покупаемого зерна отразилось на размерах и структуре финансирования хлеботорговых операций, что подтверждается данными таблицы 6.9.

Таблица 6.9

Распределение кредитов Госбанка по видам хлеботорговых операций в 1927 – 1928 гг., млн. руб.

Направления использования кредитов	1927 г.		1928 г.				
	1. 07.	1. 10.	1. 01.	1. 04.	1. 07.	1. 10.	15. 12.
Авансирование будущих заготовок	6,2	35,6	27,9	37,9	13,5	119,5	67,2
Текущие торговые расходы	47,8	53,0	77,3	92,9	63,4	104,6	106,6
Наличные запасы	60,7	122,4	129,3	167,3	81,2	77,1	201,0
Итого:	114,7	211,0	234,5	298,1	158,1	301,2	374,8

Составлено по данным: Рочко Г. Задачи кредитования хлеботорговых операций. С. 32.

Здесь показательны два момента. Во-первых, рост авансирования будущих заготовок в 1928 г. говорил о развертывании контрактации посевов, т.е. о закупке хлеба на срок вперед. Во-вторых, повышение текущих торговых издержек свидетельствовало об удлинении расстояния перевозки зерна из сельской глубинки до транспортных узлов и мест хранения и первичной переработки.

Ради стимулирования продаж зерна руководящая бюрократия принимала разные меры – от увеличения завоза индустриальных изделий в районы выращивания хлеба и до усиления налогообложения сельских обитателей, прежде всего зажиточных, а также уголовного преследования крестьян и частных скупщиков, конфискации принадлежавшего им хлеба под предлогом борьбы со спекуляцией. Сюда же следует добавить очередную централизацию хлебозаготовительного аппарата. В 1928 г. было образовано путем слияния “Хлебопродукта” с местными заготовительными и мельничными организациями Всесоюзное акционерное общество “Союзхлеб”³³.

К 1929 г. государственное предпринимательство в аграрной сфере зашло в тупик, не решив важнейшей задачи – повышения товарности сельского хозяйства. Не удалось заставить богатую, высокотоварную социальную верхушку деревни выращивать больше зерна и отчуждать его по низким ценам в обстановке плохого снабжения промтоварами, даже под угрозой репрессий и конфискации хлебных запасов.

Кроме того, однобокая политика цен подавила интересы самых массовых – средних по достатку и малоимущих – слоев крестьянства. Они уменьшили сбыт зерна, увеличив его потребление и использование на нужды животноводства. Возник тот эффект, о котором писал Н.Д. Кондратьев: “Слишком мелкое хозяйство даже при высокой норме товарности все же не может выбросить на рынок абсолютно значительное количество продуктов. При этих условиях и при наличии десятков миллионов хозяйств, если деревня вынуждается хозяйственными соображениями хотя и к небольшому повышению норм своего потребления, хотя и к небольшому накоплению запасов по расчету на хозяйство, то это снимает с рынка огромное количество товаров по расчету на всю страну”³⁴.

С середняками и бедняками государство попыталось найти компромисс, введя договорные контракты по посевам различных культур. Но эта мера не многое переменяла в сложившейся ситуации. Остается фактом, что правительство не справилось с сельскохозяйственным рынком рыночными методами регулирования.

Заготовки хлеба сокращались в 1927/28 г. и в 1928/29 г. Советской власти пришлось свернуть экспорт зерна и вплотную заняться снабжением населения страны хлебопродуктами. О том, что здесь вспыхнул разгоравшийся очаг социальной напряженности, свидетельствовала динамика индексов цен, представленная в таблице 6.10.

С сентября 1926 г. наметилась тенденция к фактически непрерывному росту сельскохозяйственных цен в частной торговле. Через год такая же тенденция проявилась и в обобществленной торговле. Причем темпы подъема цен постепенно увеличивались. Особенно тяжелая ситуация на внутреннем рынке СССР сложилась в 1929 г. Она отражала нарастание степени неудовлетворенности покупательского спроса на деревенские товары.

Таблица 6.10

**Всесоюзные индексы розничных цен Конъюнктурного института Наркомфина
в 1926 - 1929 гг., уровень 1913 г. принят за 100 (на первые числа месяцев)**

Дата	Частная торговля			Обобщественная торговля			Общеторговый индекс		
	общий	сельско- хозяйст- венных товаров	промыш- ленных товаров	общий	сельско- хозяйст- венных товаров	промыш- ленных товаров	общий	сельско- хозяйст- венных товаров	промыш- ленных товаров
1926 г.									
сентябрь	223	196	246	199	182	209	208	187	221
октябрь	224	196	247	198	180	209	206	186	220
ноябрь	226	199	249	198	180	208	207	187	220
декабрь	227	198	251	198	181	208	207	187	220
1927 г.									
январь	227	198	251	197	181	207	207	187	219
февраль	227	203	247	197	181	206	206	189	218
март	227	205	246	194	179	202	204	188	214
апрель	227	208	242	190	175	198	200	186	209
май	226	209	240	188	174	196	199	185	207
июнь	224	210	235	185	172	193	196	184	203
июль	229	220	235	184	171	192	196	186	202
август	228	217	236	183	170	191	195	185	202
сентябрь	226	214	235	183	171	189	195	185	201
октябрь	226	215	235	183	173	189	198	185	198
ноябрь	228	216	238	183	174	188	194	185	199
декабрь	232	222	240	183	175	188	194	187	199
1928 г.									
январь	234	225	240	184	175	188	195	189	199
февраль	234	226	241	185	178	189	196	191	199
март	237	231	242	185	178	189	197	192	200
апрель	239	233	242	185	177	189	195	190	198
май	245	249	242	184	178	188	196	191	197
июнь	250	260	242	185	179	188	197	197	197
июль	264	293	243	185	180	188	200	204	198
август	262	287	244	185	180	189	200	203	198
сентябрь	262	285	245	185	179	188	199	201	198
октябрь	263	285	247	185	180	188	199	201	198
ноябрь	266	289	250	187	183	189	201	204	199
декабрь	270	293	253	188	184	190	202	206	200
1929 г.									
январь	273	299	254	189	186	190	203	209	200
февраль	279	309	257	189	186	190	204	210	201
март	291	336	261	190	188	192	208	216	203
апрель	313	381	268	192	191	192	210	223	203
май	333	426	275	193	195	192	214	233	204
июнь	343	450	279	195	200	192	217	240	204

Составлено по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 383, 384, 385.

Параллельно общему повышению розничных цен увеличивались “ножницы” между сельскохозяйственными ценами частной и государственно-кооперативной торговли. В сентябре 1928 г. первые были больше вторых в 1,6 раза, в июне 1929 г. – уже в 2,25 раза. Такая пропорция розничных цен соответствовала двукратному разрыву в закупочных ценах на зерно основных плановых и частных заготовителей в кампанию 1928/29 г.³⁵

На конъюнктурные колебания цен влияла соотносительная динамика предложения товаров на продажу и денежно-кредитной эмиссии, представление о которой дают показатели таблицы 6.11. После кредитно-денежной рестрикции 1926 г. на внутреннем рынке страны сложилась довольно хорошая ситуация. Прирост денежной массы в 1926/27 г. хотя и превзошел суммарный прирост товарной продукции индустрии и сельского хозяйства, но был меньше темпа раскручивания розничного товарооборота и сопоставим с увеличением объема реализации про-

мышленных изделий. При таких условиях равновесие товарного предложения и денежного спроса покупателей поддерживалось относительно стабильными ценами.

Таблица 6.11

Показатели товарно-денежного обращения в 1926/27 - 1928/29 гг.

Показатели *	Млн. руб.			Прирост по сравнению с прошлым годом, %		
	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Товарная продукция промышленности	12 715	15 072	17 894	16,6	18,5	18,7
Товарная продукция сельского хозяйства	6 587	6 944	7 459	6,2	5,4	7,4
Товарная продукция промышленности и сельского хозяйства	19 302	22 016	25 353	12,8	14,1	15,2
Розничный товароборот	13 718	15 445**	16 698***	20,2	12,6	8,1
Среднегодовая денежная масса	1 395	1 697	2 169	18,0	21,6	27,8

* показатели товарной продукции и розничного товарооборота приведены в ценах 1926/27 г., ** 1928 г., *** 1929 г.

Рассчитано по данным: Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12; Рагольский М. О вредительской теории Громана-Базарова // Плановое хозяйство. 1930. № 10 - 11. С. 66; Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. № 12. С. 92 - 93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 12. С. 126 - 127; Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 134.

Но уже в следующем 1927/28 г. макроэкономическая обстановка осложнилась. Напряжение денежной эмиссии усилилось. Темпы роста розничного товарооборота, напротив, ощутимо упали. Незначительно увеличившийся прирост общего объема промышленной и сельскохозяйственной продукции оказался в 1,5 раза ниже прироста наличного денежного обращения.

В 1928/29 г. негативные тенденции получили дополнительный импульс. Отрыв темпов пополнения денежной массы от темпов суммарного увеличения товарной продукции промышленности и сельского хозяйства стал почти двукратным, а от прироста розничного товарооборота составил без малого 3,5 раза. Подобное движение рыночной конъюнктуры мог балансировать лишь инфляционный подъем цен.

Подробнее закономерную взаимосвязь эмиссионной активности и изменений ценовых индексов описывают данные таблицы 6.12.

Таблица 6.12

**Динамика кредитно-денежного обращения и цен в 1927-1929 гг., %
 (“+” прирост, “-” уменьшение)**

Дата	Сумма краткосрочных кредитов и ежеквартальных приростов долгосрочных кредитов		Сумма бумажных денег в обращении	Индекс оптовых цен ЦСУ	Индекс розничных цен частной торговли
	всего	в том числе, сумма краткосрочных кредитов			
1927 г.					
январь	6,4	10,6	4,9	- 1,1	1,3
апрель	4,7	1,0	- 5,2	0	0
июль	10,4	7,7	10,6	- 2,3	0,9
октябрь	6,2	5,6	14,7	- 1,7	- 1,3
1928 г.					
январь	- 0,2	5,4	2,4	0,6	3,5
апрель	6,1	- 1,5	- 9,0	0	2,1
июль	3,7	4,7	12,0	0,6	10,5
октябрь	6,8	6,4	15,9	2,3	- 0,4
1929 г.					
январь	- 0,7	2,1	2,9	0,5	3,8
апрель	- 1,0	- 0,8	- 1,5	1,1	14,7
июль	4,6	2,8	10,8	1,1	9,9
октябрь	8,4 *	14,0 *	19,4	0,5	2,6

* по 7 центральным банкам

Рассчитано по данным: Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. № 12. С. 92 - 93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 12. С. 126 - 127; Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 383 - 385, 401.

Отмечалась ярко выраженная сезонность колебаний кредитно-денежного оборота и товарных цен, периодичность которых предопределялась циклом аграрного производства. Интенсивное расширение учетно-ссудных операций и наплыв червонно-рублевой наличности в хозяйство наблюдались во вторых полугодиях. В первые полугодия, напротив, уменьшалась выдача банковских ссуд, ограничивался выпуск бумажных купюр и металлической монеты, а также осуществлялось прямое изъятие денежных знаков из пользования.

Прослеживалась тесная зависимость между динамикой предоставления кредитов, особенно краткосрочных, и изменениями количества денег в обращении. Колебания размеров бумажно-денежного оборота почти точно копировали пульсацию краткосрочной кредитной эмиссии, вычерчивая правильные “синусоиды” с апрельскими минимумами и октябрьскими максимумами. Безналичные ссуды на срок менее года обслуживали в значительной степени розничную торговлю и заготовки сельхозпродукции. Они быстро становились осязаемыми средствами платежа и возвращались окончательно в кассы банковских учреждений по мере погашения задолженности.

Если принять во внимание дозированное предоставление долгосрочных ссуд, то связь между периодами общего подъема кредитования и суммой обращавшихся денежных знаков выглядит опосредованной. Многолетние заемные ресурсы изначально поступали в сферу безналичной оптовой торговли и лишь затем, частично обретали “купюрно-монетную плоть”. Поэтому возникал эффект отсрочки воздействия с неявным трехмесячным временным лагом. Зимне-весенним спадам кредитной активности соответствовали апрельские отрицательные приросты рублевой наличности. Летне-осенние всплески учетно-ссудных операций предвещали октябрьский максимум поквартальных темпов выпуска банкнот и казначейской валюты.

Сезонность просматривалась и в движении цен. В периоды массовой закупки урожая происходило снижение или резкое замедление подъема розничных цен частной коммерции. Фактор масштабного, залпового выброса крестьянских товаров на рынок пересиливал действие мощных приливов денег. Динамика индекса оптовых цен в основном совпадала с повышениями и понижениями индекса цен частной розницы, или отставала от них на три месяца. Амплитуда отклонений индекса оптовых цен была значительно уже подвижек розничных цен частной торговли. Таково было проявление государственной политики ценообразования.

Сезонные циклы накладывались на колебания конъюнктуры большей длительности и искривляли их тренды. В 1927 г. завершилась полуторалетняя полоса аккуратной кредитно-денежной стратегии Госбанка и Наркомфина. Осторожный выпуск денег в оборот позволил государственным управленческим структурам в течение всего 1927 г. понижать оптовые цены и сохранять стабильными частные розничные цены.

Отказ от оглядчивого кредитования летом 1927 г. дал начало долговременным макроэкономическим тенденциям. Зимне-весенние сжатия объемов учетно-ссудных операций и наличных денег лишь слегка изгибали траекторию устойчивого роста обоих денежных агрегатов. Под влиянием избыточной эмиссии с 1928 г. набрала силу тенденция почти непрерывного повышения оптовых и розничных цен. Подъем цен в свою очередь сказывался на состоянии денежной сферы. Это воздействие видно по данным таблицы 6.13.

В июле 1928 г. качественно ухудшилось налично-денежное обращение страны. До сего времени увеличение или уменьшение циркулировавшей массы денег осуществлялось пропорциональным изменением выпуска банкнот и казначейских билетов. Соотношение ходившей в обороте валюты Наркомфина и купюр Госбанка тяготело к отметке 65%. С октября 1928 г. “нормальная” пропорция между казначейскими и банковскими деньгами перескочила на уровень 85%. Отрыв от 50% нормы, предписанной документами по денежной реформе, более чем удвоился.

Правительство решило раздуть рублевый оборот, закачивая в него “чисто бумажную” валюту. Обильные выпуски “испорченных” денег испортили сам эмиссионный механизм. Приток излишних средств платежа на рынок так ускорил подъем цен, что он стал обгонять темпы разбухания номинальной денежной массы. Вопреки увеличению количества бумажных денег у покупателей, их общая реальная ценность таяла из-за инфляции.

Прирост денежной наличности с 1 971,4 млн. рублей в октябре 1928 г. до 1 997,7 млн. руб. в апреле 1929 г. обернулся потерей ее реальной ценности, исчисленной по индексу контролируемых государством оптовых цен, с 1 120,1 млн. руб. до 1 118,5 млн. руб. Гораздо серьезнее выглядела утрата реальной ценности червонно-рублевого обращения при корректировке по ин-

дексу розничных цен частной торговли; увеличение номинальной суммы денег с октября 1928 г. по октябрь 1929 г. на 34% не добавило ничего к их совокупной покупательной способности.

Таблица 6.13

Структура и ценность наличной денежной массы в 1926 - 1929 гг.

Дата	Количество денег в обращении			Соотношение казначейской валюты и банкнот, %	Реальная ценность бумажной денежной массы, исчисленная по индексу оптовых цен, млн. руб.	Реальная ценность бумажной денежной массы, исчисленная по индексу розничных цен частной торговли, млн. руб.
	всего, млн. руб.	банкнот, млн. руб.	казначейской валюты, млн. руб.			
1926 г.						
1 октября	1 291,3	769,7	521,8	67,8	727,8	576,5
1927 г.						
1 января	1 354,3	796,7	557,6	70,0	763,8	596,6
1 апреля	1 284,0	772,9	511,1	66,2	724,2	565,6
1 июля	1 419,7	863,2	556,5	64,4	819,2	620,0
1 октября	1 628,3	989,8	638,5	64,5	957,8	720,5
1928 г.						
1 января	1 667,8	1 002,9	664,9	66,3	974,2	712,7
1 апреля	1 518,3	906,2	612,1	67,5	888,4	635,3
1 июля	1 701,1	1 019,4	681,7	66,8	990,2	644,4
1 октября	1 971,4	1 063,7	907,7	85,3	1 120,1	749,6
1929 г.						
1 января	2 027,8	1 090,7	937,1	85,9	1 148,2	742,8
1 апреля	1 997,7	1 072,9	924,8	86,1	1 118,5	638,2
1 июля	2 212,9	1 192,4	1 020,5	85,6	1 226,0	643,3
1 октября	2 642,2	1 428,2	1 214,0	85,0	1 453,3	748,5

Рассчитано по данным: Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. № 12. С. 92 - 93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 12. С. 126 - 127; Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 383 - 385. Данные таблицы 6.13 несколько отличаются от данных таблиц 4.14 и 4.34, так как в разных источниках использовалась разная методика расчета показателей. В частности, с 1.10. 1927 г. из денежной массы в народном обращении исключалась казначейская валюта в кассах Госбанка и приписных кассах, банкноты в приписных кассах и суммы в пути. См.: Денежное обращение и кредит // Кредит и хозяйство. 1927. № 12. С. 109.

Качественно менялось не только обращение наличных денег, но и банковское кредитование, о чем свидетельствует таблица 6.14.

Таблица 6.14

Учетно-ссудные (активные) операции кредитной системы СССР в 1926 - 1929 гг., млн. руб.

Дата	Краткосрочные учетно-ссудные операции	Долгосрочные ссудные операции	Всего
1926 г.			
1 октября	3 030,9	1 035,3	4 066,2
1927 г.			
1 января	3 352,0	1 169,9	4 521,9
1 апреля	3 385,4	1 435,3	4 820,7
1 июля	3 644,9	1 822,7	5 467,6
1 октября	3 848,0	2 255,3	6 103,3
1928 г.			
1 января	4 058,1	2 468,2	6 526,3
1 апреля	3 996,6	3 002,9	6 999,5
1 июля	4 186,3	3 512,0	7 698,3
1 октября	4 454,9	4 073,1	8 528,0
1929 г.			
1 января	4 547,4	4 507,9	9 055,3
1 апреля	4 510,6	4 930,5	9 441,1
1 июля	4 638,0	5 451,0	10 089,0

Составлено по данным: Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. № 12. С. 92 - 93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 12. С. 126 - 127.

Государственное предпринимательство в области банковских активов было подчинено наращиванию основного капитала важнейших отраслей экономики. Поэтому преобладающим темпом с 1927 г. разворачивались операции капитального кредитования, т.е. долгосрочные ссуды. В 1929 г. объем долгосрочных кредитов превысил размер краткосрочных учетно-ссудных операций.

Стимулирование инвестиционного бума при помощи банковской сети поддерживалось коренной перестройкой структуры ее ресурсов, о тенденциях которой можно судить по показателям таблицы 6.15.

Таблица 6.15

Источники ресурсов (пассивы) кредитной системы СССР в 1926 - 1929 гг., млн. руб.

Дата	Капиталы банков	Сумма специальных капиталов и специальных средств банков	Сумма вкладов и текущих счетов в банках	Эмиссия	Займы, переучет, перезалог	Прочие пассивы	Итого по балансу (нетто)
1926 г.							
1 октября	828,8	582,8	1 503,1	1 291,3	610,8	407,2	5 224,0
1927 г.							
1 января	893,4	685,4	1 636,1	1 354,3	682,8	438,1	5 690,1
1 апреля	979,3	901,5	1 764,5	1 284,0	736,6	472,7	6 138,6
1 июля	1 177,4	1 081,7	1 560,9	1 419,7	783,0	502,5	6 525,2
1 октября	1 125,3	1 510,5	1 645,0	1 628,3	928,7	563,3	7 401,1
1928 г.							
1 января	1 126,6	2 033,1	1 592,0	1 667,8	957,3	667,7	8 044,5
1 апреля	1 153,7	2 416,2	1 782,5	1 518,3	1 024,6	714,6	8 609,9
1 июля	1 214,6	2 803,9	1 759,0	1 701,1	1 115,2	777,9	9 317,7
1 октября	1 232,7	3 045,2	1 779,7	1 971,4	1 176,3	809,0	10 014,3
1929 г.							
1 января	1 245,7	3 324,3	2 023,1	2 027,8	1 185,4	872,9	10 679,2
1 апреля	1 350,9	3 629,8	2 154,8	1 997,7	1 282,9	895,1	11 311,2
1 июля	1 416,2	3 874,3	2 232,7	2 212,9	1 367,3	953,7	12 057,1

Рассчитано по данным: Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. № 12. С. 92 - 93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 12. С. 126 - 127; Авербах И. К характеристике пассивов кредитной системы СССР // Вестник финансов. 1929. № 9. С. 59; Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 85.

При сравнительно стабильном удельном весе в балансе займов, переучетов (11,6% - 12,0%) и прочих пассивов (7,7% - 8,3%) кардинально сдвинулись пропорции между остальными источниками банковских средств. Троекратно возросла доля специальных капиталов и специальных средств банков - с 10,1% в октябре 1926 г. до 32,1% в июле 1929 г. За тот же отрезок времени снизились удельные веса собственных капиталов банков - с 15,9% до 11,7%, вкладов и текущих счетов - с 28,8% до 18,5%, эмиссии - с 24,7% до 18,4%. Таким образом, напряженному расширению долгосрочных кредитов сопутствовал мощный приток специальных средств, предназначенных для многолетнего размещения среди клиентов.

Кредитная экспансия государства перешагнула за пределы имевшихся резервов ссудного капитала. Этот вывод напрашивается при сопоставлении динамики банковских активов и пассивов по характеру их использования, представленной в таблице 6.16.

Прирост долголетних кредитов на протяжении почти трех лет превосходил накопление основных (капитальных) ресурсов банков. Аналогично прирост краткосрочных учетно-ссудных операций опережал пополнение деньгами текущих счетов и вкладов. Правда здесь следует оговориться, что данные по последнему временному интервалу, с октября 1928 г. по июль 1929 г., не совсем показательны. Они не охватывают сезон экстремального подъема краткосрочного кредитования хлебозаготовок. Тем не менее, недостаток ресурсов в обоих случаях покрывался за счет перекрестного банковского заимствования, эмиссии банкнот и казначейских билетов, а также прочих пассивов, в том числе сальдо процентов по долгосрочным ссудам.

О внутрибанковской перекачке средств писал Ф.К. Радецкий: "Необходимость увеличения основного капитала хозяйства приводила к тому, что ресурсы краткосрочного кредита обращались в долгосрочное помещение отчасти прямым путем, отчасти косвенным, поскольку краткосрочные ссуды восполняли убыль оборотных средств промышленности, когда они, так или

иначе, обращались в капитальное строительство. От этого краткосрочный банковский аппарат ослаблял свою устойчивость и должен был усиливать использование своих резервов - эмиссию”³⁶. По оценкам эксперта приблизительно половина непокрытого основным фондом увеличения активных долгосрочных вложений возмещалась переливом ресурсов из краткосрочного оборота. Другая половина прироста капитальных кредитов обеспечивалась прочими пассивами³⁷.

Таблица 6.16

Динамика активов и пассивов кредитной системы СССР в 1926 - 1929 гг., млн. руб.

№№ п/п	Показатели	Периоды времени		
		1 октября 1926 г. - 1 октября 1927 г.	1 октября 1927г.- 1 октября 1928 г.	1 октября 1928г.- 1 июля 1929 г.
1	Прирост учетно-ссудных операций	2 037,1	2 424,7	1 561,0
2	в том числе: краткосрочных	817,1	606,9	183,1
3	долгосрочных	1 220,0	1 817,0	1 377,9
4	Прирост собственных капиталов банков	296,5	107,4	183,5
5	Прирост специальных капиталов и специальных средств банков	927,7	1 534,7	829,1
6	Итого: прирост основных (капитальных) ресурсов банков, (4 + 5)	1 224,2	1 642,1	1 012,6
7	Прирост суммы вкладов и текущих счетов в банках	141,9	134,7	453,0
8	Прирост прочих пассивов	156,1	245,7	144,1
9	Прирост эмиссии	337,0	343,1	241,5
10	Прирост займов, переучета, перезалога	317,9	247,6	191,0

Рассчитано по данным таблиц 6.14 и 6.15.

Государственный Банк налегал на эмиссию, стремясь умножить инвестиции в казенный сектор экономики. Это вызывало конфликт между двумя функциями эмиссии: источником краткосрочных ссуд и регулятором и резервом циркулирующей денежной массы. Отношение годового выпуска червонцев и рублей к приросту краткосрочных кредитов составляло в 1926/27 г. - 41,2%, в 1927/28 г. – 56,5%, что итак было чрезмерным. Однако далее обращение денег перешло в качественно новое состояние. С октября 1928 г. по июль 1929 г. наплыв бумажных купюр в хозяйство превысил увеличение краткосрочных ссуд на 58,4 млн. руб. или на 31,9%.

Следовательно, эмиссия не замыкалась в пределах насыщения потребности платежного оборота в деньгах. Она была резервом подвижных, скоротечных помещений средств, а также обогащала фонды финансирования капитального строительства. Избыточный выпуск денег усугублял диспропорции между предложением товаров и покупательским спросом на рынке, обесценивал национальную валюту, подгонял инфляционный рост цен.

Функционирование банковской системы СССР в режиме излишней эмиссии было вынужденным не только из-за отвлечения на долготлетние инвестиции части текущих депозитов, но и по причине трудностей пополнения последних. Узаконенный порядок распределения прибыли препятствовал накоплению собственного оборотного капитала казенных предприятий и обеднял их банковские счета. Уже в период применения декрета о коммерческом расчете трестов от 10.04. 1923 г. началось сокращение сумм на текущих счетах и во вкладах промышленности. Увеличение оборотных средств фабрик и заводов отставало от роста объемов изготавливаемой продукции.

Декрет от 29.06. 1927 г. о государственных промышленных трестах еще сильнее ограничил доступ предприятий к присвоению получаемой прибыли. По расчетам С. Кистенева, в свободном распоряжении трестов в течение года находились следующие финансовые ресурсы: 18% чистой прибыли (половина капитала расширения – 11,25% и $\frac{3}{4}$ ФУБРа – 6,75%), составлявшие 4 - 4,5% от величины оборотного капитала; среднегодовая сумма амортизационных отчислений, достигавшая 7,5% оборотных средств; прирост прибыли в размере 3 – 5% оборотных средств. Таким образом, общий прилив собственных ресурсов в индустрию за год оценивался в 15 – 17% от ее оборотных капиталов³⁸.

Если из этого итога исключить часть амортизации, вносившуюся на банковские счета долгосрочного кредитования, и затраты трестов на капитальный ремонт и строительство, то темп накопления ликвидных активов промышленности окажется значительно меньше скорости

подъема ее производства. Расходы предприятий на оплату сырья, топлива, материалов, хранение запасов незавершенного производства и готовой продукции, заработной платы превосходили поступления денежных доходов. Вместо добавки средств в банковские вклады и текущие счета наблюдалось оскудение оных, поскольку промышленность сама брала краткосрочные кредиты для покрытия возникавшего дефицита оборотного капитала. Так, остатки текущих счетов индустрии по шести центральным банкам уменьшились с 221,7 млн. руб. в октябре 1927 г. до 177,5 млн. руб. в октябре 1928 г.³⁹ Только из текстильной промышленности в 1927/28 г. через отчисления в фонды долгосрочного кредита было изъято 177 млн. руб.⁴⁰

Не только промышленные тресты, но и синдикаты пополняли свой оборотный капитал в большей мере банковскими ссудами, нежели собственными накоплениями. Этот процесс протекал напряженно, ибо государственная и кооперативная торговля замещали собой вытеснявшийся капитал частных коммерсантов. Остатки банковской задолженности по всей товаропроводящей сети, связанные с векселями, подтоварными ссудами, хлебозаготовками, составляли на 1 октября 1926 г. – 2 074 млн. руб., на 1 октября 1927 г. – 2 656 млн. руб., на 1 октября 1928 г. – приблизительно 3 200 млн. руб.⁴¹

Обострение ситуации со свободными денежными ресурсами знаменовало собой наступление нового этапа взаимоотношений промышленности, торговли и банков. В 1926/27 г. между различными кредитными учреждениями разгорелась нешуточная конкуренция за привлечение средств клиентов на свои текущие счета и во вклады при помощи повышения пассивной ставки, т.е. процента выплачиваемого владельцам банковских депозитов. Пренебрегая централизованно установленным предназначением, банки стали выходить за рамки собственных специфических областей кредитования и проникать в зоны интересов соперников.

Высшее политико-хозяйственное руководство страны не захотело быть безучастным соглядатаем борьбы кредитных ведомств и приступило к реорганизации банковской иерархии. 21 мая 1927 г. ЦИК и СНК СССР утвердили “Постановление о принципах построения кредитной системы”, в котором закреплялась главенствующая роль Госбанка в отношениях с остальными банковскими учреждениями. Постановление давало право Госбанку делегировать своих представителей в советы и ревизионные организации банков для непосредственного наблюдения за их работой, признавало необходимым увеличить долю Госбанка в акционерных капиталах кредитных учреждений, разрешало всем банкам кредитоваться только в Госбанке (поскольку речь не шла о сельскохозяйственном, коммунальном и жилищно-строительном кредите).

Указанный правительственный акт определил принципы разграничения функций банков. Госбанку отводилось кредитование заготовок хлеба и сырья, транспорта, большей части казенных промышленных и торговых предприятий, кооперативных организаций, а также местной промышленности и торговли в тех местах, где не было других банков. Остальная клиентура распределялась среди других банков в соответствии с их специализацией⁴².

Реформа банковского дела вслед за размежеванием клиентеллы охватила реорганизацию зачинщиков конкуренции. Совнарком 17 февраля 1928 г. принял решение о слиянии Промбанка с Электробанком и преобразовании их в банк долгосрочного кредита. Краткосрочные ссудные операции поименованных кредитных заведений были переданы Госбанку. Кроме того, на территории Советского Союза были ликвидированы филиалы Внешторгбанка, а его деятельность была подчинена планированию и руководству Госбанка⁴³.

Основные положения о “Банке долгосрочного кредитования промышленности и электрохозяйства СССР (БДК)” были утверждены 27 июня 1928 г. Активные операции БДК заключались в выдаче ссуд на капитальное строительство в соответствии с контрольными цифрами плана народного хозяйства, утвержденными СНК и СТО, и с программами строительства отдельных отраслей промышленности и трестов, утвержденными ВСНХ. Средства банка складывались из возвратных ассигнований на финансирование промышленности по государственному бюджету, из поступлений в банк (по закону) части прибылей государственных промышленных предприятий и синдикатов и из части амортизационных капиталов. Через БДК осуществлялась также выплата сумм, ассигнований по государственному бюджету в качестве безвозвратных выданных промышленности и электрохозяйству⁴⁴.

Правительство фактически разделило кредитную систему державы на две самостоятельные сферы по признаку сроков предоставления ссуд. Обратной стороной этого решения стало

обособление долголетнего кредитного инвестирования от кратковременных ссудных операций и возведение организационных барьеров между ними. Положение Госбанка на рынке краткосрочного торгово-промышленного кредита фактически достигло стадии банковской монополии. На подобную мысль наводят показатели таблицы 6.17.

Таблица 6.17

Состав и баланс кредитной сети СССР в 1926 - 1929 гг.

Наименование банков	1 октября 1926 г.		1 июля 1929 г.	
	Число филиалов	Сумма баланса, млн. руб.	Число филиалов	Сумма баланса, млн. руб.
Госбанк	486	2 878,9	601	4 447,1
Акционерные банки краткосрочного кредита	118	738,8	9	223,3
Акционерные банки долгосрочного кредита	3	121,7	4	2 034,4
Кооперативные банки	110	225,7	75	649,2
Система коммунальных банков	149	650,3	78	2 189,9
Система сельскохозяйственного кредита	140	1 014,9	105	2 833,0
Общества взаимного кредита	280	95,0	213	30,2
Итого:	1 006	5 724,9	872	12 407,1

Составлено по данным: Радецкий Ф.К. Кредитно-банковская система Союза и перспективы ее дальнейшего развития // Кредит и хозяйство. 1929. № 10. С. 17, 18; Юровский Л.Н. Банки в России и в СССР // Кредит и банки. Теория банковского кредита. Организация банковского дела. Банки в СССР и за границей. Государственное финансовое законодательство Союза ССР. М., 1929. С. 426.

У Государственного Банка число филиалов возросло с 486 в 1926 г. до 601 в 1929 г., в то же время у всех ниже перечисленных банков число филиалов сократилось с 520 до 271. Уже по экстенсивному распространению своих контор и, стало быть, по захвату территории обслуживания Госбанк доминировал над прочими кредитными учреждениями.

Если отнести к заведениям долгосрочного кредитования систему коммунальных (городских) банков и систему сельскохозяйственного кредита, то на долю краткосрочного оборота в сводном балансе приходилось в 1926 г. 3 938 млн. руб. или 68,8%, в 1929 г. – 5 349,8 млн. руб. или 43,1%. Доля Госбанка в итоговом балансе также уменьшилась с 50,3% до 35,8%. Зато неоспоримо увеличился его удельный вес в системе краткосрочного кредита - с 73% в 1926 г. до 83,1% в 1929 г.

Роль Государственного Банка в советской экономике поясняют данные таблицы 6.18. Центральный Банк Советского Союза, в отличие от аналогичных учреждений в странах с развитым частным сектором хозяйства, занимался непосредственным кредитованием клиентов, а не только банковской сети. Подавляющая масса учетно-ссудных операций поддерживала воспроизводство в казенной промышленности. На долю последней приходилось 60,6% общего объема учета векселей и выдачи кредитов.

Таблица 6.18

Основные статьи баланса Госбанка СССР на 1 июля 1928 г., млн. руб.

Актив		Пассив	
1. Касса и сумма в пути	50,1	1. Капитал банка	349,9
2. Драгоценные металлы и иностранная валюта	282,5	2. Эмиссия	1 515,5
3. Ценные бумаги	261,2	в том числе:	
4. Учетно-ссудные операции	2 991,4	банкноты	1 046,1
в том числе по отраслям:		казначейские билеты	469,4
государственная промышленность;	1 811,7	3. Специальные средства для операций за счет Наркомфина	273,4
государственная и смешанная торговля;	221,4	4. Вклады и текущие счета Наркомфина	540,4
транспорт;	92,1	5. Прочие вклады и текущие счета	721,1
кооперация;	332,1	6. Нераспределенная прибыль	31,8
кредитные учреждения;	315,5	7. Невыполненные переводы и прочие пассивы	623,5
финансирование хлебозаготовок;	148,6		
5. Ссуды и операции за счет Наркомфина	274,7		
6. Прочие активы	195,7		
Баланс	4 055,6	Баланс	4 055,6

Составлено по данным: Юровский Л.Н. Банки в России и в СССР. С. 421, 422.

Исключительное положение Госбанка в советской кредитной системе обуславливалось правом на эмиссию, которая на протяжении всего периода нэпа была главным источником его средств. Эмиссионный ресурс заключал в себе выпуск банкнот и сумму вклада Наркомфина, эквивалентную выпуску казначейских билетов. Доля эмиссии в пассиве Госбанка на 1 июля 1928 г. составляла 37,4%, на 1 октября 1928 г. – 41,9%, на 1 июля 1929 г. – 40,6%⁴⁵.

Вторым источником депозитов крупнейшего банка страны были деньги, которые держала в нем казна: вклады золотом и иностранной валютой, текущие счета бюджетного управления (его текущие кассовые средства), специальный резерв казначейства и т.д. Удельный вес специальных средств, вкладов и текущих счетов Наркомфина (третьей и четвертой статьи) в госбанковском балансе равнялся 20%. Лишь на третьем по значимости месте стояли традиционные для рядовых банков пассивы: вклады и текущие счета клиентов. Названные “прочими” в балансе Госбанка, они занимали всего 17,8%.

Анализ структуры балансовых статей Госбанка позволяет согласиться с определением его функций в системе государственного предпринимательства эпохи нэпа, которое дал Л.Н. Юровский: “Если принять во внимание, что большая часть наличных денег (банкнот, казначейских билетов) находится на руках у населения, а не в кассах государственных предприятий и что средства казны тоже в очень значительной мере имеют своим источником доходы населения, то такое строение пассивов свидетельствует о следующем: Государственный Банк является прежде всего орудием вовлечения новых средств в государственный сектор хозяйства и лишь затем уже орудием перераспределения средств в пределах этого сектора. Такое положение естественно, если иметь в виду, что он есть эмиссионный банк и что почти вся промышленность и торговля, кредитуемые за счет выпуска банкнот, сосредоточены в предприятиях обобщественного сектора. Отсюда большое напряжение, испытываемое Госбанком в период быстрого роста государственного сектора народного хозяйства Союза, напряжение, которое влияет, главным образом, на размеры эмиссии банковых и казначейских билетов, как на наиболее эластичную часть его пассивов”⁴⁶.

* * *

Стратегия государственного предпринимательства видоизменила объективные условия товародвижения и кредитно-денежного обращения, сложившиеся в первые годы новой экономической политики. К исходу 1928 г. функционирование синдикатской оптовой торговли при помощи коммерческого кредита и учета векселей казалось уже аномалией.

Как правило, к вексельному оформлению кредита прибегают в случаях накопления у продавца оборотного капитала сверх необходимого для его воспроизводственного процесса и при недостатке у покупателя денег на продвижение товара от момента его приобретения до реализации конечному потребителю. Кроме того, для закупки и сбыта продукции оптовые торговцы берут непосредственно банковские ссуды сроком на несколько месяцев.

Обширной зоной распространения коммерческого кредита были взаимоотношения между синдицированной промышленностью и потребительской кооперацией. Особенно успешно эти хозяйственные связи развивались в 1921-1924 гг., когда индустрия страдала от затоваривания и слабого рыночного спроса, а финансовые ресурсы кооперации влачили жалкое существование. В дальнейшем объем коммерческих кредитов, оказываемых трестами и синдикатами, возрас-тал, впрочем, также как и размер банковских ссуд, привлекавшихся к кооперативному товарообороту. Об этом говорят данные таблицы 6.19.

Таблица 6.19

Коммерческие и банковские кредиты потребительской кооперации в 1924 - 1928 гг., млн. руб.

Дата	Коммерческие кредиты, оказываемые промышленностью потребкооперации	Банковские кредиты потребкооперации
1 октября 1924 г.	331,4	135,2
1 октября 1925 г.	442,0	217,6
1 октября 1926 г.	568,0	296,6
1 октября 1927 г.	706,7	338,3
1 октября 1928 г.	843,4	463,4

Составлено по данным: Шер В.В. Кредитование товаропроводящей сети // Кредит и хозяйство. 1929. № 6. С. 23.

Возможности развития кооперативной торговой сети были намного благоприятнее, чем у казенных оптовиков, что наглядно подтверждают показатели таблицы 6.20.

Таблица 6.20

Собственные средства государственной и кооперативной торговой сети в 1924 - 1927 гг., млн. руб.

Торговые учреждения	1 октября 1924 г.	1 октября 1925 г.	1 октября 1926 г.	1 октября 1927 г.
Синдикаты	28,2	37,3	78,8	72,8
Торги	-	4,6	13,5	15,6
Потребкооперация	207,5	250,1	406,8	459,3
Итого:	235,7	292,0	499,1	547,7

Рассчитано по данным: Итин М. Проблема накопления торгового капитала. С. 37.

Неодинаковые размеры накопления оборотных ресурсов потребкооперации и государственных сбытовых учреждений объяснялись различиями в правительственном регулировании параметров их воспроизводства: цен, торговых накидок, распределения торговой прибыли и т.п. В частности, в 1926/27 г. норма торговой прибыли кооператоров была равна 14,5%, а в казенных коммерческих организациях – всего 5,2%. Синдикаты лишь 19% прибыли добавляли к собственным капиталам. Потребкооперация оприходовала у себя в 1926/27 г. 50% прибыли, в 1927/28 г. – 46,3%⁴⁷.

Вполне закономерной в такой обстановке была иммобилизация собственных оборотных средств промышленности, т.е. отток и “замораживание” оборотных активов в элементах основного капитала. С развертыванием индустриального строительства этот процесс обрел “второе дыхание”. По сводному балансу промышленности союзного значения (без Сахаротреста) собственные средства во вложениях основного капитала составили 3 691 млн. руб. на 1 октября 1926 г. и 4 022 млн. руб. на 1 октября 1927 г. В балансе мобильных фондов той же промышленности, вопреки значительному возрастанию объемов продажи товаров, собственные оборотные средства уменьшились с 1 081 млн. руб. на 1 октября 1926 г. до 896 млн. руб. на 1 октября 1927 г.⁴⁸

В 1927 г. произошло качественное изменение макроэкономических показателей работы казенного сектора в наиболее предпринимательских сферах: промышленности и оптовой торговле. Повод для подобного суждения дает таблица 6.21.

Таблица 6.21

Сводный баланс мобильных оборотных средств промышленности ВСНХ (союзной, республиканской и местной), включая синдикаты, тресты, сырьевые организации и торги в 1926/27 г., млн. руб.

Актив	1.10. 1926 г.	1.10. 1927г.	Пассив	1.10. 1926 г.	1.10. 1927г.
Производство и материалы	2 117,1	2 367,4	Собственные средства, включая прибыль	2 152,6	1 825,2
Товары и готовые изделия	1 341,0	1 354,8	Долгосрочные ссуды	178,6	370,2
Денежные средства	283,0	228,1	Краткосрочная задолженность по налогам	437,3	466,4
Сальдо дебиторов с кредиторами	315,0	210,0	Краткосрочные кредиты банков	1 287,6	1 498,4
Баланс:	4 056,1	4 160,3	Баланс:	4 056,1	4 160,3

Составлено по данным: Орловский В. Пути упрощения расчетов в торговле // Кредит и хозяйство. 1929. № 3. С. 37.

В октябре 1926 г. собственные средства в обороте, указанные в первой статье пассива, еще перекрывали с небольшим зазором потребности производственного процесса - первую статью актива. Через год у промышленности для полного обеспечения производства не хватало уже собственных оборотных фондов вместе с долгосрочными ссудами - второй статьей пассива. Другие статьи актива – готовые изделия и товары, денежные средства, коммерческий кредит (сальдо дебиторских расчетов) – покрывались краткосрочными кредитами банков и задолженностью по налоговым платежам в бюджет перед Наркомфином. Следовательно, индустрия перестала быть кредитоспособной в торговых отношениях с кооперацией.

В основе увеличения коммерческого кредитования кооператоров в 1927 - 1929 гг. лежало привлечение на эти нужды трестами и синдикатами краткосрочных банковских ссуд. Справедливо мнение А. Вейсброда: “Финансирование товарооборота в общем и целом полностью происходит, в конечном счете, за счет банковских краткосрочных кредитов, и ... так называемый

товарный кредит на настоящей стадии развития нашего хозяйства является по существу фикцией, коммерческой оболочкой, формой передачи в товарооборот кредита банковского”⁴⁹. На самом деле хозорганы не кредитовали друг друга, а передавали по цепочке банковский кредит, получаемый от учета покупательских векселей.

Государственное предпринимательство, озадаченное изысканием инвестиций на потребу индустриализации, перекроило оптовый товарооборот. Оно уничтожило объективную предпосылку коммерческого кредита – избыток оборотных средств у производителей изделий и их синдикатских объединений. Создав обстановку хронического товарного голода, политико-хозяйственная бюрократия сняла проблему сбыта продукции.

В инфляционной, дефицитной экономике действовал уже иной механизм товарно-денежного обращения. Деньги из банка получала не организация, каковой ссуда адресовалась, а посредник, передававший уже от себя кредит этой организации. Роль торгово-кредитных посредников играли синдикаты, чья хозяйственная инициатива противоречила тенденциям усиления централизованного планового руководства.

Конфликтность ситуации отмечал Ф.К. Радецкий: “Отклонение от общего направления развития кредитной системы представляют собой синдикаты в их последней формации. На почве их хозяйственно-материальной роли (снабжения трестов сырьем и реализации продукции трестов) создались их расчетные функции. Кроме того, объединяя данную отрасль производства, синдикаты стали выступать в качестве органов, финансирующих объединенные ими тресты за счет открываемых синдикатам банковских кредитов. Таким образом, синдикаты усвоили банковские функции (расчеты и финансирование), фактически становясь специальными банками”⁵⁰.

Однако почти все “настоящие”, специальные банки были выдворены из “госбанковской епархии” расчетно-кассового обслуживания и краткосрочного кредитования в сферу долгосрочных инвестиций. Судьбу изгнанников предстояло испытать и синдикатам. Большинство экономистов в 1929 г. предлагали отказаться от коммерческого кредита и посреднической, расчетно-финансовой роли синдикатов, заменив вексельное обращение прямым банковским кредитом.

Диссонансом в хоре звучали редкие голоса. Среди них был Д.А. Лоевецкий, говоривший, что ликвидация существовавших форм коммерческого кредитования рынка со стороны промышленности приведет к отрыву последней от рынка и к устранению взаимного влияния, которое промышленность имеет на рынок, и наоборот. Сохраняя коммерческие связи с рынком, благодаря кредитованию его, промышленность заинтересована в продвижении товаров определенного ассортимента, в завозе товарных масс в отдельные районы страны, сезонном накоплении товарных запасов и т.д. Получив наличный расчет по отгруженным товарам, и передав распоряжение товарами банку, промышленность не будет иметь надобности интересоваться их дальнейшим оборотом. В свою очередь, кооперация потеряет стимул к максимальной мобилизации собственных средств для оплаты закупок наличными. Следовательно, по мнению автора, полное прекращение кредитования торговли промышленностью может привести к ослаблению связи между промышленностью и рынком и к увеличению эмиссии⁵¹.

Аргументы Д.А. Лоевского не учитывали реалий советского директивно-планового хозяйства, уже развивавшегося в режиме избыточной эмиссии, нехватки производственных ресурсов и продукции, разрыва между рыночным предложением товаров и покупательским спросом. Вернее отражали настроение высшего звена банкиров и финансистов высказывания иных теоретиков, доказывавших, что при коммерческом кредитовании торговый оборот осуществляется вне воздействия регулирующего распределительного аппарата банка⁵².

По словам А. Вейсброта: “Коммерческая форма кредитования чрезвычайно затрудняет планирование и контроль за надлежащим использованием хозорганами полученных кредитов, ведет к разбуханию балансов и к перегрузке хозорганов счетной работой, замедляет капиталоборот и понижает эффективность использования вложенных в товарооборот банковских средств, повышает требования хозорганов к эмиссионному аппарату и увеличивает издержки по оформлению расчетных и кредитных операций. Коммерческий кредит должен быть заменен кредитом банковским на основе перехода от кредитования банком продавца к кредитованию покупателя”⁵³.

В отличие от традиционной рыночной экономики с преобладанием предложения, где кредитуются продавец товара, в отечественном хозяйстве второй половины 20-х годов XX века деньги притекали к покупателю. Они создавали перевес рыночного спроса и условия инфляци-

онного ускорения экономического роста державы. Ради нагнетания инвестиций реконструировалась и наша банковская система. Госбанк превращался в кассовый резерв советской экономики, удовлетворяя потребности предприятий и организаций в дополнительных денежных ресурсах и восполняя убыль их оборотных фондов. Универсальность кредитования подвигла банковские учреждения к обслуживанию хозяйствующих субъектов с одного, единого дебиторского счета, без выделения счета текущих платежных операций.

“Но, - по верному замечанию Ф.К. Радецкого, - система краткосрочного кредита, которая желает сохранить равновесие, не в состоянии возмещать хозяйственным организациям потерю или уменьшение их собственных оборотных средств так же, как не может она покрывать их убытки”⁵⁴. Поэтому возникла проблема определения эмиссионных критериев кредитной политики. Использование эмиссии в качестве удобного источника краткосрочных ссуд волей-неволей заставило заботиться о “водоразделе” между регулированием кредитного оборота и денежного обращения.

* * *

В 1926/27 г. банковский кредит фактически перестал играть роль одного из регуляторов советской экономики. С момента появления твердой червонной валюты и до сего времени денежные параметры интересовали партийно-хозяйственную власть, которая иногда затевала рестриktion учетно-ссудных операций в отношении промышленности, заготовок, оптовой торговли. В тот же период имели место подвижные процентные ставки, которые влияли на рентабельность предприятий, живших по декрету о коммерческом расчете. Последний взлет ставок по активам и пассивам наблюдался в 1926 г. и начале 1927 г., когда банки “дрались” между собой, заманивая клиентов.

Реформирование кредитной системы с 1927 г. пошло по пути подчинения всех ее составных частей централизованному, директивно-плановому руководству. Начало общему регулированию ставок было положено постановлением Наркомфина от 27. 03. 1927 г., которое в дальнейшем дополнялось резолюциями по отдельным банковским операциям. Разрозненные нормативные акты объединило решение Наркомфина от 29. 09. 1928 г. о предельных процентных ставках по всем основным операциям банковских структур СССР. Постановление от 16. 05. 1929 г. понизило предельные ставки выплат владельцам текущих счетов.

В середине 1929 г. “шкала” (шкала) ставок, по оценке специалиста, была умеренной: по ссудам в акционерных, коммунальных и кооперативных банках не свыше 13%, в обществах взаимного кредита – не свыше 12%; выплаты по текущим счетам во всех банках не свыше 6%. Ставки по долгосрочным ссудам Промбанка находились в интервале от 2 до 6% годовых⁵⁵.

Снижение и фиксирование ставок процента по кредитам ограничило его возможности балансировать спрос и предложение на рынке ссудных ресурсов. Утрата банковским процентом роли рыночного регулятора была также вызвана переменами в управлении государственной промышленностью. Перевод предприятий с коммерческого расчета на плановый хозяйственный расчет обновил критерии эффективности их работы.

Вместо показателя балансовой прибыли положительным результатом функционирования фабрик и заводов стало выполнение плановых заданий без оглядки на соотношение доходов и затрат. По свидетельству Ф.Д. Лившица: “Напряженные условия работы заслоняют всякие частнохозяйственные расчеты возможного дохода на ссудный капитал предприятия; наоборот, каждое предприятие готово нести любые (в пределах его прибыли) расходы по оплате процента на ссудный капитал, лишь бы осуществить свой производственный план”⁵⁶.

Противоречие между ненасытной потребностью хозяйственного оборота в кредитах и ограниченными ресурсами банковской сети теперь уже разрешалось при помощи правительственной разнарядки. Отрасли и предприятия получали ссудный капитал в объеме полагавшегося по кредитному плану, а не столько, сколько позволял брать без убытка для себя уплачиваемый банку процент.

Государственное предпринимательство изменило экономическое содержание универсальной формы процента на капитал. Примечательно в этом смысле высказывание Ф.Д. Лившица: “В настоящих условиях экономики СССР в форме “процента” в подавляющем числе случаев и как правило выступает лишь своеобразная универсальная надбавка (“универсальный акциз”) на обращающийся ссудный капитал, надбавка, платимая дебитором кредитору, как узаконенное

“указное” вознаграждение за предоставление денежных средств для их производительного использования. Но, так как главными денежными кредиторами в СССР являются банки, то процент играет в СССР еще и другую народнохозяйственную роль. Именно, в форме процента в банках отлагается строго определенная и ясная по своим размерам часть всего национального накопления в денежной форме”⁵⁷.

Интересны рассуждения автора об особенностях организации долгосрочного кредита и причинах дефицита ссудного капитала в отечественном хозяйстве. По его мнению, хронический недостаток ссудных ресурсов вызывался рядом обстоятельств. Во-первых, исчез социальный слой рантье-профессионалов, т.е. ссудных капиталистов. Во-вторых, принудительное ограничение денежных накоплений, производимое аппаратом государственного бюджета, уничтожало самую “материю” для образования денежного капитала. В-третьих, отсутствовала фондовая биржа, т.е. внешне упорядоченный и организованный рынок ценных бумаг, в широком смысле слова, где сделки с этими бумагами представляют спекуляцию на разнице в их оценках (“биржевых курсах”) и где попутно происходит концентрация свободных денежных средств страны⁵⁸.

Поскольку в советской экономике не оставалось места для фондовой биржи (за исключением ограниченного оборота облигаций государственных займов), постольку для исполнения ее функций в рамках казенного предпринимательства были созданы банки долгосрочного кредита. Мобилизацией ресурсов на цели многолетнего инвестирования занимался государственный бюджет, по необходимости перераспределявший не только доходы, но и капиталы. Обычные перераспределители сбережений и ссудных капиталов - фондовая биржа и банки - осуществляли это размещение в добровольном, возвратном и возмездном (дивиденды, проценты) для отдельных лиц порядке. Казна же наладила принудительное, в основном безвозвратное и безвозмездное, отчуждение части накоплений и сбережений одних субъектов и передачу их другим.

Превращение изъятых бюджетом доходов в ссудный капитал через банки долгосрочного кредитования уменьшало источники средств в системе краткосрочных кредитов. По оценке Ф.Д. Лившица, в среднем около 40% суммы долгосрочных ссуд, выданных трестам, переходило в виде зарплаты в частный сектор нашего хозяйства, откуда почти уже не возвращалось в резервы ссудного капитала. Другие 60% оседали в пределах обобщественного сектора, но попадали вновь в состав ссудного денежного капитала предприятий, не оставлявшего широкой возможности превращения денег в банковские кредиты⁵⁹.

* * *

Круговорот ресурсов кредитной сферы напрямую зависел от денежных потоков государственной финансовой системы: суммарных доходов бюджета, эмиссии казначейской валюты, расходов Наркомфина на народнохозяйственные нужды и т.д. Перечень основных доходов государственного бюджета представлен в таблице 6.22.

Таблица 6.22

Доходы государственного бюджета СССР в 1926/27 – 1928/29 гг., млн. руб.

Статьи доходов	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Налоговые доходы (налоги и сборы)	3 001	3 523	4 332
в том числе: акцизы	1 210	1 491	1 803
промысловый налог	676	704	1 056
сельскохозяйственный налог	358	354	449
подоходный налог и налог на сверхприбыль	246	317	405
таможенные пошлины	189	260	258
Неналоговые доходы от государственного хозяйства	1 625	2 018	2 569
в том числе: промышленности	279	345	390
транспорта и связи	299	498	795
внутренней и внешней торговли	44	39	34
кредитных учреждений	68	86	109
коммунального и жилищного хозяйства	326	351	352
лесов и недр	268	310	379
Государственные займы	319	726	725
Средства государственного страхования	927	1 052	1 221
Всего доходов:	5 877	7 320	8 830

Составлено по данным: Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. С. 76, 106; Дьяченко В.П. История финансов СССР. С. 166.

Политико-экономическая бюрократия продолжала свою предпринимательскую экспансию. Собираемый ею бюджет прибавлял в размерах быстрее важнейших макроэкономических показателей реального сектора: объемов товарной продукции промышленности и сельского хозяйства, розничного товарооборота. Увеличилась доля народного (национального) дохода, перераспределяемого по каналам Наркомфина. Этот процесс отражен в таблице 6.23.

Таблица 6.23

Соотношение народного дохода и доходов государственного бюджета СССР в 1926/27 – 1928/29 гг.

Показатели	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Народный доход, млн. руб.	23 645	25 608	28 148
Доходы государственного бюджета, млн. руб.	5 877	7 320	8 830
Доля доходов государственного бюджета в народном доходе, %	24,9	28,6	31,4

Рассчитано по данным: Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. С. 76, 106; Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12.

Как видно из данных таблицы 6.24, государственный аппарат усиливал налоговое давление на население страны. По-прежнему преобладало стремление к замене прямых налогов косвенными, акцизными. Удельный вес акцизов в налоговых платежах составлял в 1926/27 г. – 40,3%, в 1928/29 г. – 41,6%. Советская бюрократия перещеголяла царскую в навязывании косвенных податей. В 1928/29 г. на среднестатистического гражданина приходилось 11,78 руб. уплаченных акцизов. Если скорректировать эту сумму на индекс подакцизных товаров, равный 1,8, то получится 6 руб. 54 коп. В 1913 г. среднедушевое бремя было легче, всего 5 руб. 99 коп.⁶⁰ Косвенное обложение в период нэпа переносилось тяжелее довоенного из-за снижения покупательной способности людей.

Таблица 6.24

Среднедушевые показатели народного дохода и налоговых платежей в 1926/27 – 1928/29 гг.

Показатели	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Народный доход на душу населения, руб.	161,3	171,2	184,0
Налоговые платежи на душу населения, руб.	20,5	23,6	28,4
Доля налогового изъятия из среднедушевого народного дохода, %	12,7	13,8	15,4

Рассчитано по данным: Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. С. 76, 106; Старков П., Неусыпин А. Бюджет и народный доход. С. 48, 49.

Правительство большевиков, вопреки официальной идеологии социальной справедливости, выстраивало систему регрессивного налогообложения, падавшего на широкие слои населения. Подтверждает этот тезис раскручивание оборота алкогольных напитков. Доля поступлений от продажи спиртных изделий в акцизах составляла в 1924/25 г. – 24,4%, в 1926/27 г. – 43,8%, в 1928/29 г. – 50,3%⁶¹.

В 1928 г. была проведена реформа сельскохозяйственного и промыслового налога, что заметно увеличило размеры их платежей в бюджет. У деревенских жителей начали облагать все неземледельческие доходы: от мелкого скота и специальных отраслей сельского хозяйства. Крепкие, “кулацкие” крестьянские дворы стали облагаться в индивидуальном порядке по действительному, а не нормативно установленному доходу. Менее мощным хозяйствам были установлены надбавки в размере от 5 до 25% к нормативно исчисленному годовому доходу, превышавшему 300 – 400 руб.

Одновременно были введены скидки с окладов сельхозналога коллективным хозяйствам: для товариществ по совместной обработке земли – 20%, для сельскохозяйственных артелей – 40%. В 1928/29 г. из единоличных крестьянских хозяйств сельхозналог изымал 7,8% нормативно облагаемого дохода (в пересчете на едока), а в сельскохозяйственных артелях – 2,7%⁶². Кроме чисто фискальной выгоды – увеличения бюджетных доходов – изменение условий сбора сельхозналога преследовало цель подталкивания земледельцев к коллективизации аграрного производства.

Реформа промыслового налога узаконила переход от обложения по оборотам предыдущего окладного года к обложению по оборотам текущего года и усилила дифференциацию ставок в зависимости от отраслевой принадлежности предприятия и формы его собственности. Повышенными ставками промыслового налога облагались предприятия и промыслы, специализировавшиеся на изготовлении предметов роскоши или на торговле ими. С государственных и кооперативных предприятий налог взимался в размере от 1,6% до 14,8% к обороту, а с частных предприятий – в размере от 2,2% до 17,2% к обороту, в соответствии с отраслевой специализацией. Поэтому частные заведения в 1928/29 г. уплатили 16,1% всей суммы промыслового нало-

га, хотя их доля в общем обороте была 11,2%. Личные промыслы облагались по твердым ставкам от 6 до 24 руб., если не использовался наемный труд, от 24 до 96 руб., если были заняты два наемных работника⁶³.

Увеличение в структуре бюджета удельного веса доходов от размещения ценных бумаг Наркомфина свидетельствовало о переменах в политике государственного заимствования. Тенденции развития государственного кредита четко прослеживаются в таблице 6.25.

Таблица 6.25

Доходы бюджета от государственных займов в 1925/26 – 1928/29 гг., млн. руб.

Показатели	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Плановая сумма доходов	120,0	220,0	525,0	800,0
Фактическая сумма доходов	146,0	319,2	726,3	724,8
в том числе от: реализации займов населению	87,8	252,9	360,4	-
приобретения ценных бумаг учреждениями и предприятиями	58,2	66,3	365,9	-

Составлено по данным: Вульф Г. Новая стадия в развитии госкредита СССР // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 4. С. 15; Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. С. 88.

Новый этап в стратегии казенного предпринимательства открыл в конце 1927 г. выпуск 1-го займа индустриализации. Смену приоритетов отметил Г. Вульф: “В дело государственного кредита решительно вовлекаются средства рабочих и служащих, а затем и крестьянства. Государственный кредит отходит от своих пассивных позиций и переходит в наступление... Государственные займы становятся фактором сбережения, они берут не накопления, уже образовавшиеся в личных бюджетах, а требуют образования сбережений путем сжатия личных расходов; финансовые выгоды для держателя займов играют уже второстепенную роль. На первый план выступает политическое и народнохозяйственное значение займов, их необходимость и выгодность не с точки зрения индивидуального интереса, а с точки зрения общественно-политического целого, интересов Советского Союза...”⁶⁴

Назойливая распродажа облигаций исчерпала запасы праздно лежавших денег и спровоцировала ответную реакцию держателей - “сброску” казенных ценных бумаг на фондовом рынке. Граждане и организации стали больше сбывать, нежели покупать твердообязательств Наркомфина. Сброска проявила себя как весомый фактор системы государственного кредита в конце 1927/28 г., достигнув 45 млн. руб. В 1928/29 г. сумма реализованных займов достигла 1 028 млн. руб., а сброска облигаций составила 303,9 млн. руб., в том числе предприятиями и организациями 82,1 млн. руб.⁶⁵ В свободном фондовом обороте облигаций госзаймов 1928/29 г. фигурировало отрицательное сальдо расчетов казначейства с населением, что показывает таблица 6.26.

Таблица 6.26

Фондовый оборот облигаций государственных займов в 1928/29 г., млн. руб.

Наименование займов	Продажа населению	Покупка у населения	Сальдо
1-й заем индустриализации	65,6	98,1	- 35,5
2-й заем индустриализации	54,4	203,7	- 149,2
Заем укрепления крестьянского хозяйства	-	37,4	- 37,4
10% заем 1927 г.	53,8	40,8	+ 13,0
Заем 1922 г.	-	6,2	- 6,2
Заем 1924 г.	-	0,6	- 0,6
Заем 1926 г.	7,0	5,4	- 1,6
Заем 1929 г.	6,7	16,9	-10,2
3-й крестьянский заем	-	0,6	- 0,6
12% и 11% займы	7,0	6,3	+ 0,7
Заем Моссовета	-	0,4	- 0,4
Всего:	194,5	416,3	- 221,8

Составлено по данным: Вульф Г. Новая стадия в развитии госкредита СССР. С. 19.

Люди освобождались от государственных ценных бумаг и по причине разгулявшейся инфляции. Общественный индекс розничных цен в первую половину 1929 г. подпрыгнул на 14% и перескочил ставку годового дохода самых высокопроцентных займов. Подъем цен превращал облигации Наркомфина в бумаги с отрицательной доходностью для частных лиц. У профессиональных биржевиков-спекулянтов наступили скорбные дни. Стихийный фондовый рынок государственных казначейских обязательств постепенно свертывался, а фондовая биржа отмирала и ликвидировалась.

Оборот облигаций сосредоточился в кредитных учреждениях, прежде всего в сберегательных кассах. Вложение денег в госзаймы стало уже делом убыточным, и принцип их добровольного размещения “завещал долго жить”. При отсутствии личной заинтересованности владельцев облигаций советская бюрократия придумала и внедрила “коллективную подписку” граждан на государственные займы, которой занялись специально созданные “общественные организации”. Обязательства казначейства обрели статус обязательных для массовой покупки “ценных” бумаг. Финансовые учреждения курировали и оформляли работу общественных организаций по размещению займов и обслуживанию держателей облигаций. Изменилось отношение правительства к государственному кредиту. Из резерва на трудную минуту государственные займы превратились в обильный источник плановых бюджетных доходов. Об интенсификации государственного заимствования повествуют данные таблицы 6.27.

Таблица 6.27

Государственный долг СССР на 1 января 1930 г., млн. руб.

Наименование займов	Сумма долга	В том числе:	
		населению	обобщественному сектору, включая сберкассы
I. Массовые займы			
1-й заем индустриализации	158,9	107,2	51,7
2-й заем индустриализации	434,3	319,9	114,4
3-й заем индустриализации	882,7	882,4	0,3
Заем укрепления крестьянского хозяйства	109,9	65,8	44,1
II. Прочие выигрышные займы	232,0	169,2	62,8
Итого по выигрышным займам:	1 808,8	1 526,5	282,3
III. Процентные займы	1 093,4	-	1093,4
IV. Платежные обязательства Наркомфина СССР	40,9	-	40,9
Всего по внутренним займам:	2 943,1	1526,5	1 416,6
V. Внешние займы	12,4	-	-
Всего государственный долг СССР:	2 955,5		

Составлено по данным: Вульф Г. Новая стадия в развитии госкредита СССР. С. 22.

Государство брало денежные средства у населения займы под проценты не только при помощи распространения облигаций, но и через систему сберегательных касс. В этой финансово-кредитной сфере управленческий аппарат демонстрировал завидную активность. Число сберкасс возросло с 14 732 в октябре 1927 г. до 20 068 в октябре 1929 г., а количество вкладчиков увеличилось с 2 611 тыс. до 7 630 тыс.⁶⁶ Экспансия сберегательной сети была преимущественно направлена на охват самого людного контингента клиентов в сельской местности и на привлечение мелких, распыленных накоплений. Процент, выплачиваемый по сберегательным вкладам, был сравним с доходами от госзаймов. Владельцы хранившихся рублей получали по срочным вкладам 9% годовых, по бессрочным вкладам – 8%⁶⁷.

Советское правительство максимально и комплексно использовало свои каналы аккумуляции средств. Это подтверждает взаимосвязь показателей таблицы 6.28. За три года количество казначейской валюты в обращении возросло в 2,3 раза, сумма вкладов в сберегательных кассах увеличилась в 5,3 раза, а сумма государственного долга - в 4 раза. Значение указанных источников государственных доходов повысилось по сравнению с налогами, сбор которых за те же годы лишь удвоился.

Темпы эмиссии казначейской валюты опережали темпы роста объемов производства продукции и торговли. Напряженный выпуск бумажных денег приносил Наркомфину солидный доход и генерировал инфляционный избыток средств платежа. В условиях стабильных, заниженных цен и неудовлетворенного покупательского спроса “неотоваренные” деньги оседали на руках у граждан, являя собой уплату эмиссионного налога в пользу государства. Однако правящая власть не успокаивалась на этом. Она “выуживала” у людей “свободные” рубли, приманивая процентами в сберегательные вклады, или отнимала деньги, вынуждая подписываться на облигации займов. Предпринимательская мудрость руководства страны заключалась в том, что оно одной рукой расплачивалось с народом необеспеченными денежными знаками, а другой рукой забирало их обратно.

Таблица 6.28

**Сумма казначейской валюты в обращении, сберегательных вкладов,
государственного долга в 1926 – 1929 гг., млн. руб.**

Дата	Сумма казначейской валюты в обращении	Сумма вкладов в сберегательных кассах	Государственный долг
1926 г.			
октябрь	521,8	90,2	661,9
1927 г.			
январь	557,6	114,6	749,8
апрель	511,1	137,2	903,6
июль	556,5	151,2	865,0
октябрь	638,5	181,4	920,9
1928 г.			
январь	664,9	208,0	1 107,5
апрель	612,1	278,5	1 290,0
июль	681,7	289,1	1 358,8
октябрь	907,7	314,8	1 421,9
1929 г.			
январь	937,1	353,6	1 922,5
апрель	924,8	419,0	2 042,5
июль	1 020,5	451,7	2 101,4
октябрь	1 214,0	480,3	2 613,1

Составлено по данным: Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. № 12. С. 92 - 93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 12. С. 126 - 127.

Аккумуляция ресурсов была подчинена хозяйственной деятельности государства. Сие явствует из таблицы 6.29. Роспись расходов государственного бюджета показывала значительный рост в них удельного веса финансирования народного хозяйства – с 36,1% в 1926/27 г. до 43,4% в 1928/29 г. Важнейшим приоритетом экономической политики была промышленность, чья доля в бюджетных тратах увеличилась с 11,9% до 14,2%. Резкое расширение расходов на сельское хозяйство в 1928/29 г. было началом финансовой поддержки коллективизации деревни.

Таблица 6.29

Расходы государственного бюджета СССР в 1926/27 – 1928/29 гг., млн. руб.

Статьи расходов	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Расходы на народное хозяйство	2 085	2 815	3 810
в том числе, промышленность	685	926	1 248
сельское хозяйство	298	394	714
транспорт и связь	527	712	974
коммунальное и жилищное хозяйство	346	474	562
Расходы на социально-культурные мероприятия	993	1 275	1 621
Оборона	651	765	875
Содержание органов управления	545	530	537
Расходы по государственным займам	101	300	318
Государственное страхование	840	947	1 007
Всего расходов:	5 780	7 205	8 784

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. III. М., 1977. С. 486.

Бюджетная подпитка транспорта определялась ослаблением его пропускной и провозной способности. Темпы роста грузоперевозок составили 19,6% в 1926/27 г., 13,5% в 1927/28 г., 16,8% в 1928/29 г., а темпы роста основных фондов транспорта соответственно были равны 1,9%, 2,4% и 4,2%⁶⁸.

Постепенно увеличивалась доля финансирования социально-культурной сферы – с 17,2% до 18,5%. Особенно весомыми были расходы казны на образование, составившие в 1926/27 г. – 687,9 млн. руб., а в 1928/29 г. – уже 1 109,7 млн. руб.⁶⁹ Государственному сектору требовалась квалифицированная рабочая сила, и правительство раскошелялось на развертывание системы просвещения.

Бюджетные расходы на народное хозяйство были самой богатой частью инвестиций в отечественную экономику. Но кроме них в состав капитальных вложений входили собственные ресурсы предприятий и организаций - прибыль, амортизационные отчисления, вместе с долгосрочными кредитами. Распределение капитальных вложений по отраслям подчинялось интересам индустриализации державы. Всяческие сомнения в том развеивали данные таблицы 6.30.

Таблица 6.30

Капитальные вложения в промышленность СССР в 1926/27 – 1928/29 гг.

Отрасли промышленности	1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г.	
	млн. руб.	% к итогу	млн. руб.	% к итогу	млн. руб.	% к итогу
Вся промышленность	1 274,2	100,0	1 614,1	100,0	2 072,8	100,0
Отрасли группы "А"	903,3	70,9	1 187,5	73,6	1 616,3	78,0
Электроэнергетика	106,1	8,3	213,3	13,2	333,7	16,1
Угольная	116,2	9,1	124,7	7,7	147,8	7,1
Нефтяная	157,4	12,4	165,4	10,2	185,6	9,0
Машиностроение	134,6	10,6	161,9	10,0	234,6	11,3
Электротехническая	19,5	1,5	28,4	1,8	31,3	1,5
Черная металлургия	95,8	7,5	116,6	7,2	183,3	8,8
Цветная металлургия	6,8	0,5	19,4	1,2	19,9	1,0
Химическая	66,8	5,2	109,0	6,8	136,7	6,6
Стройиндустрия	74,2	5,8	83,4	5,2	141,9	6,8
Отрасли группы "Б"	370,9	29,1	426,6	26,4	465,5	22,0
Текстильная	173,2	13,6	190,1	11,8	204,1	9,8
Швейная и обувная	43,6	3,4	50,8	3,1	65,4	3,2
Пищевая	119,0	9,3	128,5	8,0	161,2	7,8

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. III. С.152.

Объем инвестиций в промышленность в течение трех лет вырос на 62,7%, в том числе в отрасли группы "А" – на 78,9%, в отрасли группы "Б" – на 25,5%. После снижения удельного веса капиталовложений в предприятия группы "А" – с 73,3% в 1925/26 г. до 70,9% в 1926/27 г. – доля отраслей, выпускавших средства производства, в суммарных инвестициях непрерывно увеличивалась. Очень быстро росли вложения в сферы, олицетворявшие научно-технический прогресс: электроэнергетику, машиностроение, химию, цветную металлургию. Добротно финансировались топливно-сырьевые технологии. Таким образом, ускоренно развивался инвестиционный комплекс страны, необходимый для нового индустриального строительства.

Мощный поток капиталовложений содействовал подъему и совершенствованию промышленности. Этот факт констатируют показатели таблицы 6.31.

Таблица 6.31

Основные фонды, производство продукции, число работников, производительность труда в крупной промышленности СССР в 1926/27 – 1928/29 гг.

Показатели	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Основные фонды, млн. руб. *	9 017,7	9 894,9	11 018,4
в том числе в отраслях: группы "А"	5 074,1	5 752,7	6 578,7
группы "Б"	3 943,6	4 142,2	4 439,7
Валовая продукция, млн. рублей	11 379,0	13 833,0	16 180,0
Число работников, тысяч человек	2 838,6	3 096,0	3 365,9
Выработка продукции на 1 работника, рублей	4 008,7	4 468,0	4 807,0

* на конец года

Рассчитано по данным: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 124, 153; Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12.

Инвестиции пополняли основные фонды промышленности. Обновление и увеличение станочного парка, механизмов, оборудования и т.п. создавали дополнительные рабочие места и повышали производительность труда (выработку) возрастающего числа занятых работников. В итоге прибавлялся объем изготавливаемой продукции. Негативной стороной механизации и рационализации производства было высвобождение и увольнение персонала предприятий.

Размеры капитальных вложений были недостаточными для полного использования резервов рабочей силы. Параллельно с увеличением инвестиций в Советском Союзе росла безработица, о динамике и структуре которой можно судить по таблице 6.32.

Таблица 6.32

Показатели безработицы в СССР в 1926 – 1929 гг.

Дата	Количество безработных, тыс.	Доля квалифицированных промышленных рабочих среди безработных, %
1926 г.		
1 апреля	1 056	-
1 октября	1 071	17,0
1927 г.		
1 апреля	1 478	16,2
1 октября	1 041	15,8
1928 г.		
1 апреля	1 576	14,3
1 октября	1 365	15,1
1929 г.		
1 апреля	1 741	15,2
1 октября	1 242	16,5

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 118, 119.

Колебания численности безработных имели сезонный характер. Она уменьшалась в весенне-летние месяцы – в пору активных сельскохозяйственных, мелиоративных, строительных работ, навигации, торфодобычи и т.д. Зимой и осенью незанятое трудоспособное население увеличивалось. С апреля 1926 г. по апрель 1929 г. количество безработных возросло на 65%, т.е. почти так же, как капиталовложения в промышленность.

В 1929 г. средняя продолжительность безработицы достигала 9,1 месяца, в том числе у женщин – 12,4 месяца, у мужчин – 6,3 месяца⁷⁰. Среди тех, кто искал работу, преобладали неквалифицированные люди, не имевшие профессии или предлагавшие свой труд впервые. Основными причинами безработицы в СССР были: аграрное перенаселение и массовый наплыв сельских жителей в города ради заработков; естественный прирост городского населения; увеличение числа женщин и подростков, желавших трудиться вне домашнего хозяйства; сокращения государственного и управленческого аппарата в 1926 - 1928 гг.

Незаменимым элементом капитальных вложений были внутрипромышленные накопления, состояние которых отражено в таблице 6.33. Основным источником собственного накопления капитала индустрии была прибыль. Ее доля во внутрипромышленных сбережениях увеличилась с 61,7% в 1926/27 г. до 70,8% в 1928/29 г. Большая часть прибыли создавалась в отраслях группы “Б”, которые выполняли функцию “донора индустриализации”. Инвестиции в текстильную, пищевую, швейную и обувную промышленность составляли от их внутриотраслевых накоплений 58,3% в 1926/27 г., 55,5% в 1927/28 г. и 47,8% в 1928/29 г. В тяжелой индустрии положение было иным. Не все отрасли работали рентабельно, а сумма полученной прибыли вместе с амортизацией была в 2 с лишним раза меньше объема вложений капитала.

Таблица 6.33

Прибыль и амортизационные отчисления промышленности в 1926/27 – 1928/29 гг., млн. руб.

Показатели	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Прибыль (за вычетом убытков)	642	800	1 140
в том числе отраслей: группы “А”	179	208	355
группы “Б”	463	592	785
Амортизационные отчисления	398	423	470
Итого:	1 040	1 223	1 610

Рассчитано по данным: Дьяченко В.П. История финансов СССР. С. 165.

Масса прибыли в промышленности увеличивалась как за счет роста производства товаров, так и за счет снижения себестоимости продукции. О динамике производства, цен и себестоимости промышленной продукции говорят данные таблицы 6.34. Увеличение выпуска готовых изделий и уменьшение издержек их производства и реализации обеспечивали рост прибыли промышленности. Падение цен, напротив, сокращало доходы и прибыли предприятий. Понижение цен шло медленнее, нежели уменьшалась себестоимость продукции, и не наносило ущерба норме прибыли. При такой раскладке издержек и цен двузначные темпы подъема производства товаров сопровождались адекватным приращением суммы прибыли.

Таблица 6.34

**Динамика производства, цен и себестоимости промышленной продукции
в 1926/27 – 1928/29 гг., % (“+” прирост, “-” снижение)**

Показатели	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Валовая продукция промышленности	+ 14,5	+ 21,6	+ 17,0
Валовая продукция отраслей группы “А”	+ 19,3	+ 18,9	+ 19,6
Валовая продукция отраслей группы “Б”	+ 11,9	+ 23,1	+ 15,6
Отпускные цены промышленной продукции	- 2,8	- 3,9	- 1,0
Отпускные цены продукции отраслей группы “А”	- 1,0	- 3,3	- 2,5
Отпускные цены продукции отраслей группы “Б”	- 4,1	- 4,3	+ 0,4 *
Себестоимость промышленной продукции	- 1,8	- 6,2	- 5,2
Себестоимость продукции отраслей группы “А”	- 0,7	- 6,1	- 6,5
Себестоимость продукции отраслей группы “Б”	- 2,4	- 6,5	- 2,8

* без пищевой промышленности

Рассчитано по данным: Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12; Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 398 – 400, 406; Турецкий Ш. Борьба за качественные показатели плана // Плановое хозяйство. 1930. № 9. С. 73.

Факторами снижения себестоимости, как ресурса внутрипромышленных накоплений, были: рост масштабов изготовления продукции и производительности труда, совершенствование организации и технологии производства, пополнение и обновление основных фондов. Затраты предприятий сокращались и благодаря понижению цен на продукты отраслей группы “А”, которые использовались в производстве и формировали структуру издержек. В свою очередь сжатие размеров себестоимости позволяло государственным чиновникам проводить гибкую предпринимательскую стратегию ценообразования и при желании безболезненно уменьшать цены, пресекая конкуренцию частных.

Правительственная политика цен была методом аккумуляции ресурсов для казенного сектора экономики. По экспертной оценке Ш.Я. Турецкого, в 1927/28 г. средний уровень себестоимости промышленной продукции по отношению к 1913 г. составлял 1,7, а индекс цен стоял на отметке 1,85. При вздорожании средней себестоимости продукции тяжелой промышленности более чем в 2 раза индекс ее отпускных цен не превышал 1,7. Легкая индустрия развивалась в другой ситуации. Сводная, статистическая себестоимость ее изделий увеличилась по сравнению с предвоенной в 1,7 – 1,75 раза, а индекс отпускных цен этих товаров удвоился. “Средняя норма прибыли, - по мнению автора, - в наших условиях резко модифицировалась в сторону изъятия доминирующей доли накопления по линии легкой индустрии”⁷¹.

Различие в подходах к ценообразованию в легкой и тяжелой промышленности имело ярко выраженный предпринимательский интерес. Установление завышенных цен на товары широкого потребления извлекало из кармана народа деньги в пользу казны. Размеры такого рыночного передела средств можно приблизительно оценить по нижеследующим расчетам. Если принять среднюю себестоимость изделий легкой индустрии в 1927/28 г. за 1,75, а общий торговый индекс розничных цен на промтовары равным 1,98⁷², то оказывается, что чрезмерное вздорожание товаров достигало 11,6%. Поскольку предметов широкого потребления было продано в 1927/28 г. на сумму 8 926 млн. руб.⁷³, то из них присваиваемая государственной промышленностью наценка составила 1 035,4 млн. руб. Это больше, чем вся прибыль, полученная промышленностью в том же году.

Заниженные цены на продукцию отраслей группы “А” также приносили выгоды государственному предпринимательству в его внутрихозяйственном обороте. Если принять среднюю себестоимость продукции тяжелой индустрии в 1927/28 г. за 2,0, а индекс отпускных цен средств производства равным 1,69⁷⁴, то они окажутся недооцененными на 18,3%. Если продукции тяжелой промышленности было реализовано в 1927/28 г. на сумму 4 907 млн. руб.⁷⁵, то государство сэкономило на ее хозяйственном обороте 898 млн. руб. Таким образом, “ножницы цен” на продукцию легкой и тяжелой индустрии помогали государственному сектору развиваться с меньшими денежными ресурсами.

Еще одним источником накопления в стратегии ценообразования были “ножницы цен” на промышленную продукцию, приобретаемую деревней, и на заготавливаемые сельскохозяйственные товары. Сводный индекс цен аграрного производства в 1926/27 г. был равен 1,493, в

1927/28 г. – 1,564, а общий торговый индекс розничных цен промтоваров составлял соответственно 2,10 и 1,98. Если считать, что деревня реализовала своих продуктов на “внедеревенском” рынке в 1926/27 г. на 2 360 млн. руб., в 1927/28 г. на 3 052 млн. руб.⁷⁶, то на их недооценке по сравнению с промтоварами крестьяне потеряли соответственно 959,5 млн. руб. и 811,8 млн. руб. Большую часть этой ценовой разницы присвоило государство.

* * *

Эмиссионная политика и государственная стратегия ценообразования формировали динамику конъюнктуры внутреннего рынка. Изменения пропорций между товарной массой и денежно-кредитными агрегатами представлены в таблице 6.35.

Таблица 6.35

Показатели товарной массы и денежно-кредитного обращения в 1925/26 – 1928/29 гг.

Показатели	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Товарная масса на внутреннем рынке, млн. руб.	14 162	15 847	18 251	20 150
Среднегодовая масса наличных денег, млн. руб.	1 180	1 395	1 697	2 170
Среднегодовая сумма текущих счетов и вкладов в банках и сберегательных кассах, млн. руб.	1 372	1 757	1 966	2 594
Итого: масса ликвидных денежных средств, млн. руб.	2 552	3 152	3 663	4 764
Отношение товарной массы к массе наличных денег	12,00	11,36	10,75	9,29
Отношение товарной массы к массе ликвидных денежных средств	5,55	5,03	4,98	4,23
Среднегодовая сумма краткосрочных кредитов банков, млн. руб.	2 733	3 452	4 109	4 687
Отношение товарной массы к сумме краткосрочных кредитов банков	5,18	4,59	4,44	4,30

Рассчитано по данным: Радецкий Ф. Ресурсы Госбанка в пятилетней перспективе // Вестник финансов. 1929. № 5. С. 41; Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12; Денежное обращение и кредит // Кредит и хозяйство. 1927. № 12. С. 107 – 109; Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. № 12. С. 92 - 93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 12. С. 126 - 127.

Наблюдалась отчетливая тенденция опережающего роста потенциального покупательского спроса по сравнению с предложением товаров на продажу. Это подтверждают значения двух показателей: отношения товарной массы к сумме наличных денег и к массе ликвидных денежных средств.

Следует заметить, что здесь использованы два параметра (агрегата) денежной массы. Кроме наличных денег учитывались безналичные денежные ресурсы: текущие счета и вклады учреждений и предприятий в банках, вклады населения и юридических лиц в сберегательных кассах. Сумма банкнот и казначейских билетов, депозитов банков и сберкасс представляла собой аналог денежного агрегата M_2 , применяемого в современной статистике для определения объема денег “в широком смысле слова”. Но если принять во внимание весьма малую долю долгосрочных банковских и сберегательных вкладов в объеме безналичных денежных депозитов, то последние, вместе с бумажными купюрами и металлическими монетами, можно идентифицировать как агрегат M_1 , т.е. “деньги в прямом, узком смысле слова”, “высокоэффективные”, “быстроликвидные” денежные средства.

Показатель “товарного наполнения” рубля допустимо интерпретировать как показатель скорости оборота денег: количество оборотов одной денежной единицы за год равно частному от деления суммы цен товаров на количество денег в обращении. Отношение стоимости товарной массы к циркулировавшим наличным деньгам уменьшилось с 1925/26 по 1928/29 гг. на 22,6%. Пропорция между товарной массой и суммой ликвидных денежных средств за тот же период сократилась на 23,8%. Стало быть, скорость обращения наличных денег и более широкого денежного агрегата замедлилась почти на четверть.

В условиях принудительно регулируемых, фиксированных товарных цен снижение скорости хождения денежных знаков было тождественно концентрации у покупателей избыточных средств платежа и обострению дефицита продуктов и услуг. Оно сигнализировало о падении эффективности массы денег и результативности их эмиссии, об уменьшении покупательной

способности национальной валюты. Оборот той же товарной массы требовал большего количества рублей.

Показатель отношения товарной массы к сумме краткосрочных банковских кредитов также выявлял отрицательную динамику. На продвижение определенного объема товаров по всесоюзному рынку в 1928/29 г. затрачивалось в среднем на 17% больше краткосрочных кредитных ресурсов, чем в 1925/26 г. Впрочем, некоторые экономисты не видели тут беды.

Так, Ф.Д. Лившиц считал “коэффициент товарной нагрузки” – отношение товарооборота к краткосрочным кредитным ресурсам в 1913 г. равным 1,92. По разумению автора, каждый рубль ссудного капитала банков нес у нас в 2,5 раза большую “товарную нагрузку”, чем в довоенной России, вследствие отсутствия в СССР ряда “нормальных” источников ссудного капитала и особенностей организации его обращения⁷⁷. Думается, что это односторонний, не совсем корректный подход. В его рамках затрагивалась денежная сфера, и не изучалось состояние дел товаропроводящей сети.

Оптовой торговлей заправляли синдикаты. Они занимались заготовкой сырья и материалов для своих предприятий и реализацией их продукции, объединяли финансовые операции подчиненных трестов и распоряжались потоками банковских кредитов в собственной отрасли промышленности. Советские синдикаты создавались государственным аппаратом с целью овладения рынком. Наряду с ними заключались конвенции – соглашения синдикатского типа – по регулированию цен, равномерному распределению сырья между трестами и предприятиями.

На протяжении нэпа число синдикатов пополнялось и достигло 23 в 1928 г. Одновременно расширялось их участие в оптовом товарообмене. Только за 1926/27 – 1928/29 гг. оборот синдикатов по сбыту промышленной продукции увеличился более чем в 2,5 раза⁷⁸. Столь бурный рост объяснялся динамикой выпуска изделий казенных фабрик и заводов и дальнейшим синдицированием индустрии: постепенным сокращением самостоятельной продажи своей продукции трестами и передачей ее на реализацию синдикатам.

О развертывании процесса синдицирования дают следующие данные. К 1926/27 г. было синдицировано 100% нефтяной и соляной промышленности, 87,5% кожевенной, 82,5% маслостроительной, 47,9% махорочной, 24% текстильной и т.д.⁷⁹ В 1927/28 г. на долю синдикатов приходилось 82,2%, а в 1928/29 г. – 90,6% сбыта государственной промышленности⁸⁰. В большинстве отраслей индустрии синдикаты монополизировали сбыт товаров.

Контроль синдикатского аппарата над оптовой торговлей укреплялся при помощи системы генеральных договоров с потребительской кооперацией. Продажа по генеральным договорам через каналы потребкооперации составляла в 1926/27 г. – 61,7%, в 1927/28 г. – 76,9% продукции соответствующих отраслей промышленности⁸¹. Централизованная координация позволяла выбирать оптимальные пути следования товаров к покупателям, минуя ненужные складские перевалы.

Однако экспансия синдикатов не поддерживалась надлежащим пополнением их собственных капиталов. Так, 1 октября 1923 г. в сводном балансе синдикатов собственные средства составляли 38,7%, а 1 октября 1928 г. – 20,2%⁸². Недостаток денежных ресурсов покрывался за счет краткосрочных банковских ссуд. Потребность в кредитах была бы еще большей, если бы не убыстрялся оборот оптовой торговли. Скорость оборачиваемости капиталов синдикатов возросла с 1,93 оборотов за год в 1923/24 г. до 2,93 в 1926/27 г.⁸³ Кредитоемкость оптовой торговли уменьшалась не только по причине рационализации товародвижения - перехода на транзит и т.п., но и в результате обострения товарного голода.

Обстановка хронического дефицита преобразила оборот продуктов на рынке. Сроки вексельного кредитования сократились в среднем в 2 раза по сравнению с дореволюционными 6 месяцами⁸⁴. Как показывает таблица 6.36, обеспеченность торговли запасами упала почти в 4 раза по отношению к предвоенной России, где залежи товаров на складах достигали почти годового производства. По свидетельству В. Орловского, в городах и рабочих центрах наблюдались постоянные перебои в снабжении. По многим товарам остатки были технически минимальными. Они оставались непроданными просто потому, что находились в процессе сортировки⁸⁵.

Напряженность нарастала и в оптовых поставках продукции. Товарные остатки 15 крупнейших синдикатов в 1925/26 г. оценивались в 341,5 млн. рублей и были достаточны для покрытия оборота на протяжении 1,64 месяца. В 1927/28 г. товарные остатки в сумме 347,2 млн. руб. обеспечивали ведущим сбытовикам оборот продолжительностью лишь в 1,07 месяца⁸⁶.

Таблица 6.36

Товарная масса и товарные запасы в общественной торговле в 1924/25 – 1927/28 гг.

Годы	Товарная масса, млн. руб.	Товарные запасы, млн. руб.	Доля запасов в общей массе товаров, %
1924/25	7 474	2 248	30,1
1925/26	10 437	2 694	25,8
1926/27	11 439	3 022	26,4
1927/28	12 741	3 215	25,2

Составлено по данным: Орловский В. О накоплении товарных запасов // Вестник финансов. 1928. № 10. С. 44.

С учетом перечисленных изменений в структуре торговли, вызывает сомнение вывод о более весомой, по сравнению с уровнем 1913 г., товарной нагрузке каждого рубля краткосрочных ссуд. Кредитные ресурсы торговли слабо связывались в товарных запасах и представляли собой “горячие”, с высокой скоростью хождения деньги, обслуживавшие собственно куплю-продажу и транспортировку продуктов. Поэтому отрицательная динамика показателя отношения товарной массы к сумме краткосрочных ссудных операций говорила об инфляционном “перекредитовании” синдикатско-кооперативной торговли и о накапливании избыточного, неудовлетворенного покупательского спроса.

Подтверждают логику высказанных аргументов данные таблицы 6.37.

Таблица 6.37

Степень удовлетворения потребности в строительных материалах в 1925/26 – 1927/28 гг., %

Наименование материалов	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Кирпич	89,9	84,9	81,9
Цемент	99,0	96,9	94,0
Известь	69,0	75,3	88,4
Алебастр	92,3	98,9	78,0
Лес круглый	77,7	94,1	85,5
Лес пиленный	90,0	80,0	82,0
Оконное стекло	80,4	76,0	69,1

Рассчитано по данным: Туровский И.Г. Борьба с потерями в народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1929. № 12. С. 35.

Обострение дефицита в обороте промышленной продукции заставило синдикаты заниматься не только куплей-продажей, но и распределением материальных ресурсов, причем последний участок работы казенных оптовиков становился главенствующим.

Интересы государственного предпринимательства соблюдались неукоснительно. С такой установкой, например, формировался баланс использования черных металлов. Показатели таблицы 6.38 сообщают, что в первоочередном порядке чугуном, сталью, прокатом снабжались предприятия и учреждения казенного сектора экономики. Потребности граждан и кустарных промыслов в металлических изделиях обеспечивались по остаточному принципу. Рейтинг заявок транспорта и промышленности был выше, чем у запросов строительства и коммунального хозяйства.

Таблица 6.38

Степень удовлетворения потребности в черном металле в 1926/27 – 1928/29 гг., %

Наименование потребителей	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Транспорт	95,1	91,0	87,0
Наркоматы и учреждения	97,5	96,0	78,5
Металлопромышленность ГУМПа	91,5	87,4	77,2
Металлопромышленность местная	75,2	87,2	66,0
Прочие отрасли промышленности	81,9	81,8	77,5
Строительство и коммунальное хозяйство	79,4	73,6	57,7
Кустарная промышленность	62,4	67,8	48,5
Индивидуальные потребители	68,2	60,5	56,6
По всем группам потребителей:	82,3	80,0	71,0

Составлено по данным: Туровский И.Г. Борьба с потерями в народном хозяйстве С. 35.

Углубление диспропорций между спросом и предложением товаров на всесоюзном рынке было закономерным итогом чрезмерной инвестиционной активности советского правительства.

Прослеживалась прямая зависимость между динамикой показателей отношения товарной массы к денежным агрегатам (в табл. 6.35) и показателями степени удовлетворения потребностей (в табл. 6.37 и 6.38). Товарный дефицит обострялся вместе с опережающим ростом количества наличных и безналичных денег в обращении по сравнению с производством продуктов на продажу.

В условиях стабильных цен оптовой торговли дисбаланс спроса и предложения проявлялся непосредственно в натуральной форме превышения покупательских запросов над изготовлением продукции. Инфляция носила скрытый характер и проявлялась в виде увеличения у предприятий “неотоваренных” денег, собственных или заемных, которые чисто внешне обладали реальной покупательной силой.

Ситуация в розничном обороте была несколько иной. Тут кроме фиксированных, централизованно устанавливаемых цен действовали гибкие, договорные цены частных торговцев. В стране фактически функционировали два взаимосвязанных рынка со своими механизмами регулирования спроса и предложения.

Государственное предпринимательство в оптовой и розничной торговле осуществляло одинаковую стратегию регламентирования цен. Поэтому напряжение денежной эмиссии вызывало в казенно-кооперативной рознице те же последствия, что и в синдикатском сбыте готовых изделий - усугубление товарного голода.

Частный рынок, напротив, подстраивался в своих ценах к стихийно складывавшимся значениям, уравновешивавшим платежеспособные потребности с количеством предлагаемых товаров. Здесь инфляция ощущалась явно, в росте цен, который ликвидировал избыточный спрос, балансируя рыночные параметры. В вольной индивидуальной торговле рубль обесценивался больше, чем этого можно было бы ожидать при избыточной денежной эмиссии в случае свободного ценообразования во всех формах торговли. Колебания цен частного рынка компенсировали отсутствие таковых на обобщественном сегменте розничного оборота, поглощали неистраченные “горячие” деньги граждан.

Стало быть, расхождение индексов розничных цен в социализированной и частной торговле выступало показателем степени совпадения платежеспособного спроса населения с рыночным предложением товаров, потребляемых в домашних хозяйствах. Об изменении поименованных ценовых пропорций можно судить по данным таблицы 6.39.

В рассматриваемый период “ножницы” вольных и указных цен на сельскохозяйственные товары раскрывались быстрее, чем “ножницы” на промышленные изделия, и с 1928 г. первые стали превосходить вторые. Такая динамика цен задавалась не только инфляционным стимулированием спроса, но и ограничением предложения аграрной продукции; о чем уже шла речь в начале настоящей главы.

Представленные статистические ряды показателей позволяют приблизительно определить порог, до которого традиционный рыночный механизм справлялся с регулированием товарооборота в условиях разрыва гибких и твердых цен. Думается, что критическое значение “расфора ножниц цен” лежало около отметки 2,0.

После того, как в кампанию 1928/29 г. частные заготовительные, а следовательно, и розничные цены на хлеб в 2 раза превысили уровень государственных цен, была организована нормированная торговля хлебом. Во второй половине 1928 г., т.е. с момента закупки нового урожая, карточки (заборные книжки) были введены в ряде областей Советского Союза по инициативе местной администрации. С начала 1929 г. правительство установило нормированный отпуск хлеба населению по всей территории страны⁸⁷.

В апреле 1929 г. разница между индексами розничных продовольственных цен частной и обобщественной торговли стала двукратной. И со второго квартала 1929 г. карточная система снабжения распространилась на другие продукты питания: сахар, кондитерские изделия, консервы и пр. Судя по темпам расхождения индексов розничных цен на промышленные изделия, переход уже в 1929 г. к нормированному отпуску отдельных промтоваров по членским книжкам и специальным ордерам отнюдь не был случайным⁸⁸.

Рационирование продажи продуктов питания зависело от возможностей государственных структур обеспечивать потребности населения по определенным нормам и ценам. Так, по прикидкам Народного комиссариата торговли, доля обобщественного сектора в снабжении горо-

дов хлебом и мукой составляла в 1927/28 г. – 87,8%, в 1929 г. – 92,5%; крупами соответственно – 81% и 90%; мясом – 51% и 65%. Менее значительную роль играла казенно-кооперативная торговля в снабжении горожан молочными продуктами, овощами и картофелем⁸⁹.

Таблица 6.39

Соотношение индексов цен частной розничной и обобществленной розничной торговли в 1927 – 1929 гг. (уровень 1913 г. принят за единицу)

Дата	Все товары	Сельскохозяйственные товары	Промышленные товары
1927 г.			
январь	1,15	1,09	1,21
февраль	1,15	1,12	1,20
март	1,17	1,15	1,22
апрель	1,19	1,19	1,22
май	1,20	1,20	1,22
июнь	1,21	1,22	1,21
июль	1,24	1,29	1,22
август	1,25	1,28	1,24
сентябрь	1,23	1,25	1,24
октябрь	1,24	1,24	1,24
ноябрь	1,25	1,24	1,27
декабрь	1,27	1,27	1,27
1928 г.			
январь	1,27	1,28	1,27
февраль	1,27	1,27	1,27
март	1,28	1,29	1,28
апрель	1,29	1,31	1,28
май	1,33	1,40	1,29
июнь	1,35	1,45	1,29
июль	1,43	1,63	1,29
август	1,42	1,59	1,29
сентябрь	1,42	1,59	1,29
октябрь	1,42	1,58	1,31
ноябрь	1,42	1,58	1,32
декабрь	1,44	1,59	1,33
1929 г.			
январь	1,44	1,61	1,33
февраль	1,48	1,66	1,35
март	1,53	1,72	1,36
апрель	1,63	1,99	1,40
май	1,73	2,18	1,43
июнь	1,76	2,25	1,45

Рассчитано по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 384 - 385.

В основу карточной системы снабжения был положен “классово-производственный” принцип, т.е. интересы озабоченного индустриализацией государственного предпринимательства. “Заборные книжки” выдавались только лицам, имевшим источником своих доходов “общественно полезный” труд. Приличные нормы снабжения были установлены для рабочих, занятых на промышленном производстве, и приравненных к ним групп трудящихся. Товарные ресурсы распределялись по профессиям, предприятиям, районам и областям с учетом их “народнохозяйственного значения”, иными словами, по усмотрению политико-экономической бюрократии. Отпуск хлеба и других продуктов лицам, не имевшим заборных книжек, осуществлялся по повышенным ценам.

Одновременно с налаживанием нормированной продажи была организована “коммерческая торговля” дефицитными промышленными и продовольственными товарами. С декабря 1929 г. в социалистических магазинах по дорогим, “коммерческим” ценам стали предлагаться хлопчатобумажные и шерстяные ткани, трикотаж, платки, готовые платья⁹⁰.

Таким образом, обобществленная розничная торговля начала выполнять функции частных торговцев. При помощи высоких, подвижных цен она занималась арбитражными сделками, по-

лучая солидные доходы, приводила в лучшее соответствие суммарную величину платежеспособного спроса покупателей с рыночным предложением товарной массы, уменьшала инфляционный “навес” денежных знаков над экономикой. Одновременно поддерживалась материальная заинтересованность работников в результатах своего труда и увеличении зарплаток, гасилось социальное возмущение людей вынужденными сбережениями денег и отложенными, неудовлетворенными потребностями. Более того, коммерциализация социализированной торговли связала конкурентную борьбу казенного предпринимательства с частниками на их полное и окончательное вытеснение из товарооборота.

Диспропорции между спросом и предложением на рынке достигли критического уровня, за которым закономерно следовало централизованное распределение продуктов по единому плану. В мае 1929 г. V Всесоюзный съезд Советов утвердил первый пятилетний план развития народного хозяйства как государственный закон.

* * *

С изменениями конъюнктуры внутреннего рынка страны было тесно взаимосвязано развитие внешней торговли. Динамика экспорта и импорта, с одной стороны, подчинялась интересам индустриализации державы, с другой стороны, приспособлялась к текущему соотношению спроса и предложения товаров в хозяйственном обороте. Она нивелировала погрешности и просчеты социально-экономической политики правительства, приноравливалась к перепадам урожайности зерновых культур.

Реальное функционирование внешней торговли в период нэпа началось не сразу. В 1921 - 1922 гг. ввоз зарубежных изделий оплачивался из золотого фонда республики по причине почти полного отсутствия вывоза собственных товаров за границу. Лишь в 1923/24 г., когда сельское хозяйство и промышленность оправались от военно-коммунистической разрухи, импорт иностранных товаров стал оплачиваться из выручки от экспорта отечественной продукции.

Как явствует из таблицы 6.40, наш экспорт сперва сохранял довоенную, преимущественно аграрную специализацию. Но прослеживалась тенденция к росту удельного веса промышленной продукции в экспортных поставках. Если в 1913 г. доля промышленного экспорта составляла 26,2%, в 1923/24 г. – 30,3% от общего вывоза товаров за рубеж, то в 1926/27 г. она поднялась до отметки 38,8%, а в 1927/28 г. достигла 50,6%. Соответственно снижалась доля сельскохозяйственного экспорта во внешней торговле.

Таблица 6.40

Экспорт России в 1913 г. и СССР в 1923/24 – 1927/28 гг., млн. руб. (в ценах соответствующих лет)

Статьи экспорта	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Сельскохозяйственный экспорт, всего	1 121,9	364,4	343,6	431,7	471,5	382,3
в том числе: хлебопродукты	654,4	223,5	102,9	198,1	233,7	56,6
масло	71,6	26,5	27,6	30,9	34,3	39,2
яйца	90,6	13,4	25,7	23,6	29,0	40,4
лен и кудель	94,2	23,3	52,4	45,4	20,1	21,3
пушнина	21,1	49,7	67,3	69,3	86,1	119,2
Промышленный экспорт, всего	398,2	158,3	215,0	244,9	299,1	391,6
в том числе: лесоматериалы	164,9	70,4	72,8	58,2	79,8	92,7
нефтепродукты	50,1	37,3	66,6	76,0	89,2	107,0
марганцевая руда	14,6	14,4	17,9	21,3	24,1	13,8
сахар	27,6	5,6	14,0	19,0	31,2	34,3
хлопчатобумажные ткани	43,9	0,9	5,2	14,7	20,9	49,4
Весь экспорт	1 520,1	522,6	558,6	676,6	770,5	773,9

Составлено по данным: Кауфман М. Итоги и перспективы внешней торговли // Плановое хозяйство. 1929. № 4. С. 81.

Традиционно ведущей статьёй российского экспорта были хлебопродукты: зерно, жмыхи, семена масличных культур. Их вывоз за пределы страны сокращался после неурожайных лет и расширялся в годы богатых сборов зерна. Но резкий, четырехкратный спад отгрузки нашего хлеба на мировой рынок в 1927/28 г. был вызван не стихийными природно-климатическими происшествиями, а провалом государственной заготовительной кампании и изъятиями аграрной политики. Сбой в поступлении зерна на всесоюзный рынок оголил резервы внешней торговли и

не был компенсирован другими статьями сельскохозяйственного экспорта. Вывоз аграрной продукции оказался меньше продажи промышленных товаров зарубежным торговым партнерам.

Ведущее место в промышленном экспорте стали занимать продукты первичной переработки нефти: бензин, керосин, смазочные масла; сырая нефть отвозилась иностранцам в сравнительно малых количествах⁹¹. В целом в советском экспорте преобладала продовольственно-сырьевая направленность. Основные доходы приносила внешняя торговля зерном, продуктами животноводства, пушниной, лесоматериалами, рудами металлов.

Стратегия правящей власти в области импортных закупок исконно поощряла рост отечественной промышленности. Этот вывод логично вытекает из знакомства с данными таблицы 6.41.

Таблица 6.41

Импорт России в 1913 г. и СССР в 1923/24 – 1927/28 гг., млн. руб. (в ценах соответствующих лет)

Статьи импорта	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Импорт товаров производственного назначения, всего	884,4	362,8	470,6	590,5	626,2	796,1
Оборудование промышленности и транспорта	172,4	53,9	71,4	107,6	152,8	255,8
Сырье, всего	343,1	231,2	244,5	274,0	328,1	383,6
в том числе: хлопок	114,0	141,8	133,8	117,8	131,5	154,2
шерсть	60,0	43,9	47,5	41,4	51,1	62,1
кожевенное сырье	25,1	7,6	16,7	24,8	38,6	40,1
черные металлы	56,4	0,9	3,8	10,4	11,3	16,8
цветные металлы	-	14,4	18,8	20,7	45,4	57,7
Полуфабрикаты	212,4	69,9	112,1	145,8	101,8	117,1
Топливо	91,2	6,3	0,8	3,7	5,6	0,6
Товары для сельского хозяйства, всего	65,3	11,4	41,7	59,4	37,8	39,0
в том числе: машины и тракторы	49,0	6,2	32,2	48,2	23,8	21,8
Импорт предметов потребления, всего	392,0	67,1	240,7	153,5	80,8	143,0
в том числе: продукты питания	261,3	46,1	204,9	70,4	63,5	115,0
промышленные товары	130,7	21,0	33,9	83,1	17,2	28,0
Все прочие товары	97,6	4,2	12,2	12,3	5,7	5,6
Весь импорт	1 374,0	434,2	723,5	756,3	712,7	944,7

Составлено по данным: Кауфман М. Итоги и перспективы внешней торговли. С. 86.

Годы нэпа усилили стремление государственного предпринимательства к индустриализации державы в сравнении с довоенной порой. Удельный вес иностранных товаров производственного назначения в среднем за 1923/24 – 1927/28 гг. составил 79,7%, что намного превышало значение уровня 1913 г. – 64,4%.

Просматривалась тенденция к увеличению доли импорта продукции, предназначенной для дальнейшего производительного потребления. Удельный вес ввозимых средств производства в совокупном импорте в 1923/24 г. составлял 83,5%, в 1926/27 г. – 87,9%. Относительное снижение этого показателя в 1924/25 г. было вызвано необходимостью дополнительного приобретения в других странах продуктов питания из-за неурожая. В 1927/28 г. импорт продовольствия также существенно возрос, поскольку возникли трудности с хлебозаготовками и обострился товарный голод в стране. В то же время поставки промышленных товаров широкого потребления из зарубежья в СССР были гораздо меньше дореволюционных.

Структура статей производственного импорта определялась отраслевой структурой экономики и активно влияла на развитие последней. Так, сырье для легкой индустрии - хлопок, шерсть, кожи и полуфабрикаты - красители, дубильные вещества, целлюлозно-бумажные изделия занимали примерно 40% всего производственного ввоза. Это соответствовало высокому удельному весу в отечественном хозяйстве отраслей, которые обрабатывали волокнистые вещества, животное сырье, выпускали одежду и обувь.

Зримое расширение завоза цветных металлов из иных стран говорило о подъеме советского машиностроения. Но самым выдающимся свидетельством курса на приоритетное развитие собственной тяжелой индустрии было увеличение доли иностранного оборудования в производственном импорте с 14,9% в 1923/24 г. до 32,1% в 1927/28 г.

Динамика внешнеторгового оборота, представленная в таблице 6.42, показывает, что разрыв импортно-экспортных операций Советского Союза отставало от общего развития

международной торговли, которая еще в 1925 г. перешагнула предвоенный уровень. По подсчетам М. Кауфмана, наша внешняя торговля в 1927 г. добралась лишь до 46% уровня 1913 г. Поэтому квота СССР в мировом товарообороте в 1927 г. едва достигала 1,2%, тогда как на долю России в 1913 г. приходилось 3,04%⁹².

Таблица 6.42

**Баланс внешней торговли России в 1913 г. и СССР в 1923/24 – 1927/28 гг., млн. руб.
(в ценах соответствующих лет)**

Годы	Экспорт	Импорт	Баланс:
			“+” превышение экспорта над импортом; “-” превышение импорта над экспортом
1913	1 520,1	1 374,0	+ 146,1
1923/24	522,6	434,2	+ 88,4
1924/25	558,6	723,5	- 164,9
1925/26	676,6	756,3	- 79,7
1926/27	770,5	712,7	+ 57,8
1927/28	773,9	944,7	- 170,8

Составлено по данным: Кауфман М. Итоги и перспективы внешней торговли. С.81, 86.

Опорой отечественной внешней торговли служил сельскохозяйственный, особенно хлебный экспорт. Но специфической трудностью новой экономической политики был медленный рост товарной продукции зернового комплекса. Выручка от продажи за кордон наших товаров в 1924/25 г. и в 1927/28 г. практически повторяла прошлогодние доходы. Стагнация была инициирована критическим падением экспорта хлебопродуктов, повлекшим за собой абсолютное снижение всего сельскохозяйственного вывоза.

Узкие рамки экспортных операций стесняли возможности импорта. Поэтому наметилась тенденция к замещению зарубежной распродажи зерна поставками на zahraniчные рынки пушнины, леса, нефтепродуктов. Впрочем, правительство большевиков свободно выходило за пределы валютной выручки от вывоза товаров при определении размеров импорта.

Данные таблицы 6.42 показывают, что активное, положительное сальдо внешнеторгового баланса - превышение экспорта над импортом чередовалось с пассивным, отрицательным итогом - превышением импорта над экспортом. Активный баланс международных хозяйственных связей СССР в 1922/23 г., 1923/24 г. и 1926/27 г. позволял допускать в 1924/25 г., 1925/26 г. и 1927/28 г. перевес ввоза над вывозом товаров. Кроме того, в 1926/27 г. увеличилось долгосрочное кредитование торговых сделок иностранными банками, что сказалось на росте импорта в 1927/28 г.⁹³ В целом за 1923/24 – 1927/28 гг. баланс Советского Союза в торговле с другими странами был пассивным. Суммарное отрицательное сальдо за пять лет составило 269,2 млн. руб. Среднегодовой импорт превышал среднегодовой экспорт приблизительно на 8%.

Пассивное сальдо внешнеторгового баланса было связано не только с проблемами хлебного экспорта и приобретением на мировых рынках жизненных припасов, но и с чувствительным расширением производственного импорта, совпадая с годами бурного промышленного подъема и интенсивных инвестиций. Тому есть объяснение.

Увеличение масштабов хозяйственной деятельности сопровождалось ростом доходов населения и адекватным повышением спроса на предметы потребления. Ради удовлетворения дополнительных личных запросов на внутренний рынок отвлекалась часть продовольственных резервов, предназначавшихся ранее для экспорта, и увеличивался импорт продуктов питания и промышленного ширпотреба. Одновременно возрастал приток из-за границы сырья и материалов, а также оборудования. При сдерживании экспорта и расширении импорта возникали предпосылки их отрицательной разницы.

Советская внешняя торговля подчинялась индустриализации и экономическому росту. В структуре товарообмена с иностранцами преобладали сельскохозяйственный экспорт и промышленный импорт. За рубеж отправлялись преимущественно сырые материалы и продукты первичной обработки. Среди ввозимых товаров доля этого контингента была меньше. Значительный удельный вес в импорте занимали продукты с высокой степенью переработки и, стало быть, с солидной добавленной стоимостью.

Соотношение статей экспорта и импорта обеспечивало повышение нормы накопления в отечественной экономике. Объем вывозимых потребительских благ и продуктов, из которых

можно было производить предметы потребления, превосходил суммарную ценность ввоза аналогичных товаров. Таким образом, внешняя торговля сдерживала потребление людей и пополняла фонд накопления государственного предпринимательства. Инвестиционные ресурсы казны умножались путем перераспределения валютной выручки в пользу приобретения иностранных станков, машин, оборудования, а также временно расширялись за счет отрицательного сальдо внешнеторгового баланса.

* * *

Поощряя накопление капитала, внешняя торговля содействовала углублению диспропорций между спросом и предложением товаров на всесоюзном рынке, воспроизводила обстановку хронического недостатка продуктов. Товарный голод стал настолько обыденным, что воспринимался современниками как естественный режим функционирования и совершенствования советского хозяйства.

Научному анализу экономического роста в условиях товарного дефицита была посвящена статья В.П. Акуленко “Направление, темп, равновесие”, напечатанная в журнале “Плановое хозяйство” № 4 за 1929 г. Эту публикацию надобно признать важной вехой в истории отечественной экономической мысли, ибо она теоретически обосновывала закономерный характер хозяйственного развития СССР. Автор точно сформулировал проблему: “Действительная причина товарного голода – политика капиталовложений, подчиненная интересам индустриализации страны”⁹⁴. Он исследовал разбалансированность спроса и предложения на двух типах рынков: потребительских товаров и продукции технологического назначения.

Примечательным было выделение 1926/27 г. в качестве узлового момента развития макроэкономических процессов. До сей поры на предприятиях запускались незагруженные производственные мощности, доставшиеся от прошлого. Поэтому товарный голод сильнее ощущался с 1925 г. на рынках продукции широкого потребления. Но уже в 1927/28 г., когда объем строительства превысил прошлогодний на 19%, а двоянный – в полтора раза, нехватка товаров усугубилась и на рынках средств производства, особенно строительных и конструкционных материалов⁹⁵.

Рыночные диспропорции углублялись не только по причине повышения нормы накопления в национальном доходе, увеличения общих размеров инвестиций, но и вследствие перекосов в структуре капитальных вложений. По мнению В.П. Акуленко, мы имели даже излишнее обострение товарного дефицита из-за нарушения пропорций вложения капитала в вертикально сопряженные друг с другом отрасли индустрии. Так возникла проблема в снабжении сырьем промышленного происхождения и стройматериалами. Но ускоренный рост вышестоящих по вертикали (по стадиям технологической обработки) отраслей, в сравнении с динамикой нижестоящих производств, обуславливал дефицит и в капиталоемких материалах. Например, развитие машиностроения упиралось в недостаток чугуна, металлургии – в недостаток руды и т.д. Рыночное напряжение усиливалось еще и высоким органическим составом капитала вышестоящих в технологической цепочке отраслей. Здесь инвестиции приносили отдаленный рыночный эффект, т.е. изготовление товаров начиналось лишь по окончании нескольких лет строительства. В свою очередь для производства продукции таких промышленных сооружений требовались новые инвестиции в нижестоящие отрасли⁹⁶.

Авторские рассуждения перекликались с рассмотренными выше идеями М.И. Туган-Барановского и В.В. Новожилова. Пояснялось кумулятивное воспроизведение спроса на средства производства под воздействием инвестиционного бума, который обычно имеет место в фазе подъема среднесрочного цикла конъюнктуры. Но в обстановке фиксированных цен этот процесс протекал в форме взаимно усиливавшегося дефицита продукции при обмене между отраслями группы “А”. Предприятия, изготавливавшие товары технологического назначения, особенно для инвестиционного комплекса, постепенно перетягивали к себе производственные ресурсы, ограничивая доступ к ним промышленности, выпускавшей ширпотреб, и сельского хозяйства. На рынках потребительских товаров недостаток был не столь разительным. Сказывалось влияние частной торговли, охватывавшей внушительную долю продаж продукции аграрного сектора и мелкой промышленности. Гибкие цены частной розницы уравнивали покупательские запросы с наличными товарными фондами.

Экономист отмечал закономерную связь между степенью роста цен и степенью дефицитности отдельных продуктов⁹⁷. Например, цены на яйца, масло и т.п. были относительно высокими и подвижными, что обеспечивало их беспрепятственное приобретение. Наоборот, многие товары, реализуемые обобществленной торговлей по твердым ценам, попадали в разряд редких. Фиксированные цены осложняли приспособление производства и торговли к подвижкам спроса. Рынки пребывали в состоянии непрерывных, резких переходов от бестоварья к затовариванию. Проблема соответствия ассортимента и качества товаров вкусам и желаниям покупателей усиливала натурализацию торговли и ее распределительные функции.

По мнению автора, раскладка инвестиций, диктуемая интересами индустриализации страны, не имела бы места в условиях стихийного менового хозяйства, где верховным регулятором развития является рынок. Рыночное регулирование увлекло бы капиталы в остродефицитные отрасли, и равновесие достиглось бы при понижении темпов экономического роста⁹⁸. Следовательно, государственное предпринимательство, повышая темпы и определяя направление развития советского хозяйства, сдвигало уровень макроэкономического равновесия.

Количественные изменения рыночных параметров сопровождались качественной трансформацией управления воспроизводством. Для ускорения “равновесного” экономического роста и интенсивной переброски инвестиций в отрасли группы “А” понадобился специальный механизм планомерного руководства отечественным хозяйством.

Выражая интересы политико-хозяйственной бюрократии, В.П. Акуленко рассуждал здраво: “Высший критерий хозяйственного равновесия не критерий рынка, рыночных цен, а критерий производственных показателей, показателей физического объема промышленной и сельскохозяйственной продукции. Поэтому плановое хозяйство может сознательно ломать закон спроса и предложения, сознательно развиваться в условиях товарного голода, если этот путь обеспечивает ему, при данных хозяйственных ресурсах, не только наибольшие темпы роста, но и наибольшие возможности реконструкции хозяйства”⁹⁹.

Увы, но государственному предпринимательству не дано полностью игнорировать закономерности функционирования рынка. Это понимал экономист, говоря что, поскольку существует связь между рыночными и производственными показателями, постольку существуют определенные границы волевого влияния на хозяйственную динамику. И не следует доводить “коэффициент рыночного напряжения” до такого предела, когда можно иметь обратную динамику физического объема того или иного вида продукции¹⁰⁰.

Автор статьи постарался ответить на серьезный теоретический вопрос: каковы законы “сопротивления социально-экономической материи”, т.е. каковы допустимые границы нарушения межотраслевых пропорций под воздействием обильных инвестиций в приоритетные отрасли? Абсолютным пределом диспропорций или, иными словами, “сопротивления экономической материи” в сфере производства и сбыта товаров производственного назначения, по мнению теоретика, было такое увеличение капиталовложений в ведущие отрасли, которое нарушало общественно необходимый объем воспроизводства “путем превращения в основной капитал текущих элементов воспроизводства”, путем “резкого отвлечения капиталов от прочих отраслей”.

В этом случае, утверждал ученый, товарный голод из фактора реконструкции становится фактором деградации, разрывая рыночные связи и приводя постепенно к установлению равновесия на понижении уровне (неполная загрузка работающего основного капитала вследствие дефицита сырья, понижение товарности деревни как по зернохлебам, так и по сырью, усиление его внутренней переработки и т.д.)¹⁰¹.

Весьма спорным, но теоретически приемлемым представляется объяснение “законов сопротивления социальной материи”. “С точки зрения интересов трудящихся масс, - писал специалист, - далеко не безразлично – иметь ли товарный дефицит при твердых ценах или равновесие при высоких ценах. Товарный голод при твердых ценах не конфискует покупательских фондов населения, что было бы возможно при условии высоких цен. А лишь модифицирует возможную структуру потребления”¹⁰². Хотя тут же делалась оговорка, что развитие при твердых или даже снижающихся ценах больше отвечает характеру экономики переходного периода, нежели развитие при стихийном уровне цен. Сие означало, что “интересы трудящихся масс” все-таки подчинялись выгодам стратегии индустриализации.

Логичным выглядело утверждение, что рост цен в данный период привел бы к народнохозяйственному кризису¹⁰³. Действительно, подъем цен остановил бы инвестиционную интервенцию, уменьшил бы реальный объем капиталовложений и снизил бы долю накопления в национальном доходе.

Если твердые цены удаляются от уровня текущего рыночного равновесия спроса и предложения товаров, то они превращаются в условные, волевые “лимиты”. В обстановке товарного голода преобладает денежная система. Это отмечал автор: “Отражая не реальное соотношение спроса и предложения, а волевою установку государства в деле ценообразования, валюта приобретает элементы “хартальности”, становясь счетной единицей”¹⁰⁴.

Перечисленные теоретические положения В.П. Акуленко можно признать конкретизацией идей М.И. Туган-Барановского и В.В. Новожилова применительно к анализу динамики макроэкономического равновесия и экономического роста в условиях хронического товарного дефицита. Критериями успешности и устойчивости развития государственного предпринимательства служили показатели: темпов роста объемов производства различных отраслей, размеры инвестиций и доли накопления в национальном доходе, состояния товарных запасов и степени удовлетворения покупательского спроса. Стабилизация денежного обращения и нормализация ценовых пропорций не обладали рангом главных целей социально-экономической стратегии.

Вместе с тем, взгляды В.П. Акуленко были близки воззрениям Е.А. Преображенского, поскольку точно отражали мотивы поведения правящих политико-хозяйственных кругов. По убеждению автора статьи, дискуссия должна идти не в плоскости – оправдывает ли себя политика товарного голода, а в плоскости – каковы конкретные пределы волевого влияния нашего планового начала на нашу экономику; каковы, далее, критерии терпимости и экономической целесообразности той или другой степени товарного голода и т.д. Но такова уж судьба экономики, где само определение закономерностей приобретает политический характер¹⁰⁵.

Высказанные соображения подтверждались статистическими расчетами. Если в довоенной России удельный вес накопления в народном доходе колебался около отметки 8 – 8,5%, то в СССР, по экспертным данным, доля народного дохода, используемого на накопление, составляла в 1927/28 г. – 11,3%, в 1928/29 г. – 14,4%, в 1929/30 г. – 16,1%. Из народного дохода обобщественного сектора было обращено в накопление в 1927/28 г. – 20,5%, в 1928/29 г. – 24,5%, в 1929/30 г. – 34,4%. В частном секторе значения того же показателя составили соответственно: 3,3%, 3,1% и – 1,6%¹⁰⁶. По расчетам самого В.П. Акуленко удельный вес накопления в народном доходе превышал данные экспертов Наркомфина и равнялся в 1925/26 г. – 16%, в 1926/27 г. – 20%, и в 1927/28 г. – 18%¹⁰⁷.

Государственное предпринимательство с лихвой собирало ресурсы в своем секторе экономики, ограничивая зарплату и потребление собственных наемных работников. В этом оно не уступало американским бизнесменам. По подсчетам Л. Эвентова, доля рабочих в “чистой” [конечной – Г.Ч.] продукции промышленности США составляла в 1923 г. – 42,6%, в 1925 г. – 40,1%, в 1927 г. – 39,3%. Соотношение между заработной платой и конечной продукцией в промышленности СССР составляло в 1927/28 г. – 34,2%, в 1928/29 г. – 31,9%, в 1929/30 г. – 28,3%¹⁰⁸.

Излагаемая концепция вещала вообще о твердых ценах как о безусловно благом деле, не уточняя соотносительные уровни цен различных товарных групп. Но ведь наряду с налогами высокие цены на промышленные изделия использовались государством для принудительного накопления. На это обращал внимание В.Я. Железнов: “Последняя форма принудительного накопления представляет своеобразную особенность нашего времени, особенно поражающую иностранных наблюдателей, тем более, что высокие цены промышленных изделий служат далеко не полностью целям капиталообразования. Деревня вынуждается сокращать свое потребление в пользу города в значительной мере не ради расширения промышленного производства, а для повышения уровня жизни городского населения, не оправдываемого уровнем промышленной продукции. Кейнс осудил этот способ, как эксплуатацию крестьянина промышленностью и торговлей, а Преображенский возвел его в “основной закон первоначального накопления”. И тот и другой не были правы. Нельзя считать всякое ограничение потребления деревни “эксплуатацией”¹⁰⁹.

Теория В.П. Акуленко несла важнейшую идеологическую нагрузку. Она сглаживала противоречия интересов народа и управленческой номенклатуры, “переводя стрелки” недовольства на частных предпринимателей. Так автор писал: “Развитие молодого социалистического хозяйства покупается ... более дешевой ценою – ценою товарного голода на коротком историческом отрезке времени, причем жизненные интересы широких трудящихся масс покупаются ценою вырождения ... городской и сельской буржуазии, которой политика “скачкообразного” роста заказывает пути развития”¹¹⁰.

Не затрагивая “социальной персонификации производительных сил”, теоретик подчеркивал: “Эволюционный характер развития воспроизводит в расширенном масштабе старую социальную структуру общества, старую систему производственных отношений. Это обстоятельство уже по чисто политическим соображениям далеко небезразлично”¹¹¹.

Стало быть, правящая бюрократия избегала эволюционного развития также из-за боязни реставрации прежней политико-экономической системы. Естественно поэтому, реконструкция народного хозяйства должна была происходить в обстановке не только рыночной, но и социальной напряженности. Однако автор статьи мудро предостерегал, что опасно было бы делать обратный вывод – чем больше напряжение, тем больше реконструкция.

Серьезным научным продвижением специалиста была и теоретическая постановка назревшей практической проблемы: создания резервов производственных ресурсов и товарных запасов для бесперебойного функционирования директивно-плановой экономики. В ситуации товарного голода и регулируемого ценообразования менялись функции торговли, и ее аппарат неминуемого превращался в организационную структуру планового распределения продуктов и услуг.

ГЛАВА VII. Преодоление нэпа

В восьмом и девятом номерах журнала “Плановое хозяйство” за 1929 г. была напечатана статья Л. Шанина “На путях преодоления нэпа”. Красноречивое заглавие публикации верно отразило поворотный пункт в развитии отечественного хозяйства - завершение этапа новой экономической политики советского государства. Изложенные теоретические взгляды были своеобразным “ренессансом” идей планового хозяйственного руководства 1920 - 1921 гг., отголоском умозрений поздней военно-коммунистической поры.

Автор разъяснял мотивы поведения верховной власти: “Спасая наше хозяйство нэпом, мы одновременно спасали социалистическое ядро нашего хозяйства от отрицательных сторон нэпа. Именно поэтому, наряду с коммерциализацией оперативной работы, была сохранена система государственного управления и планирования обобщественного сектора”¹. Политико-экономическая бюрократия воспринимала нэп как неизбежную, недолгую приостановку экспансии государственного предпринимательства, как период создания предпосылок централизованного планового руководства всем хозяйством страны.

Возрождение “военно-коммунистического духа” проглядывало в оценке перспектив советской экономики. По мнению публициста, мы идем к “полному сращиванию” трестов и синдикатов с наркоматовскими управлениями. Объединение оперативно-хозяйственного и центрального управленческого аппарата поднимает организацию материального хозяйства “на высшую ступень”, ибо ликвидирует обособление плановых функций от оперативных. Эта мера, в авторском прогнозе, подготавливает “сращивание материального и финансового хозяйств” и являет собой “знаменательный начальный шаг по пути натурализации обобщественного сектора”².

Поскольку переход в 1921 г. к новой экономической политике прекратил государственление и натурализацию милитаризованного российского хозяйства, постольку провозглашение курса на преодоление нэпа следовало разуметь как возврат к прошлому на новом витке отечественной истории. Отрицанию в той или иной степени подлежали основы зрелой рыночной экономики, восстановленные после эпохи военного коммунизма.

В первые “нэповские” годы получили признание многоукладность экономики, частная собственность и частное предпринимательство, конкуренция хозяйствующих субъектов, свобода оптовой и розничной торговли, гибкое ценообразование, банковские и биржевые операции, коммерческий кредит и учет векселей, обращение твердой, конвертируемой валюты и т.д. “Нормальные” рыночные учреждения - банки, биржи, частные торговые, промышленные предприятия и пр. - “воскресали” в результате реформирования и уменьшения масштабов казенного ведения дел, по мере возрастания объемов и денатурализации хозяйственного оборота.

Начавшийся в 1926 г. демонтаж конкурентно-рыночной организации экономики засвидетельствовал, что в СССР возникла и постепенно набирала мощь обратная тенденция, напоминавшая становление плано-распределительной системы управления хозяйством в условиях длительных военно-революционных потрясений. Внешнее сходство процессов разрушения рыночных регуляторов отечественной экономики в период военного коммунизма и во второй половине 20-х годов XX века говорило о наличии объективной, закономерной связи событий.

Обычно в стране наблюдается взаимодействие и достижение известного соответствия между состоянием хозяйственного механизма, соподчинением интересов социальных групп, соотношением частного и государственного предпринимательства, законодательным регламентированием экономической деятельности, а также динамикой колебаний конъюнктуры. Государство играет решающую роль в формировании структуры и установлении порядка функционирования перечисленных компонентов социально-экономической сферы. Они составляют круг тех обстоятельств, к которым приспосабливается правящая власть и которые она приспособливает к собственным нуждам.

Государственный аппарат выступает особым, самостоятельным субъектом в экономических отношениях с обществом, т.е. с прочими субъектами хозяйствования. Чиновные управленцы располагаются на вершине пирамиды социальной иерархии. К их узкому, привилегированному слою применима дефиниция “сливок” политико-экономической бюрократии, данная Ф. Броделем: “К этой крохотной группке стекается все: им принадлежат власть, богатство, значительная доля прибавочного продукта; за ними – право управлять, руководить, направлять, принимать

решения, обеспечивать процесс капиталовложений и, следовательно, производства. Обращение богатств и услуг, денежный поток замыкаются на них. Ниже их находилось многоэтажное множество агентов экономики, тружеников всяких рангов, масса управляемых”³.

Хозяйственные отношения государства регламентируются нормами публичного и гражданского права. Пропорции между публично-правовой и гражданско-правовой деятельностью обуславливают структуру и размеры казенного предпринимательства, показывают объем ресурсов, присваиваемых и используемых им безвозмездно, с некоторой долей возмездности и за счет эквивалентного, товарно-денежного обмена. Границы распространения государственного хозяйствования очерчивают пределы, в которых допускается частное ведение дел.

Господствующее сословие утверждает юридические нормы, регулирующие хозяйственный оборот в стране. Государство не только выступает гарантом соблюдения принятых нормативных актов, но и слывет учреждением, которое способно менять “правила рыночной игры”, пренебрегая ради своей выгоды потребностями любых физических лиц и организаций. Правовое поле заключает субъектов экономики в отношения равенства или соподчинения.

Законотворчество дает возможность государственному аппарату определять социальную стратификацию - расслоение общества на группы по различным признакам: доходам, имуществу, профессиям и т.д., управлять социальной мобильностью - передвижением людей из одного слоя в другой, сооружать удобную социальную иерархию. Бюрократия сохраняет свою незыблемость, успокаивая конфликтующие силы, разрешая противоречия интересов социальных групп.

Правительство строит свои отношения с частными дельцами, кооперацией, казенными предприятиями и организациями, наемными работниками, всем населением, используя регламентируемые законодательством формы: бюджет, налоги, займы, кредитно-денежную эмиссию, процент по ссудам, заработную плату, доходы, прибыль, цены, обменный валютный курс, таможенные пошлины и т.п. Поименованные формы составляют хозяйственный механизм общества, и стало быть, механизм согласования многочисленных экономических интересов.

В “каркасе” социальной и институциональной структуры хозяйственного механизма развивается экономика страны, осуществляется казенное предпринимательство, складываются важнейшие макроэкономические пропорции и параметры. На пульсацию внутреннего рынка серьезно влияет работа “государственной машины” посредством текущего хозяйствования и переделки социально-экономических институтов.

Между динамикой конъюнктуры экономики страны, хозяйственным механизмом, правовыми нормами и образцами трудового поведения людей, социальной структурой и государственным предпринимательством существует тесная взаимозависимость. Экстраординарные изменения количества ресурсов, втягиваемых в оборот государственного сектора экономики, как правило, сопровождаются соответственными переменами в хозяйственном законодательстве, трудовой этике народа и его социальном расслоении, режиме функционирования регуляторов рыночного равновесия, конъюнктурных колебаниях и фундаментальных условиях общественного воспроизводства.

Социально-экономические преобразования могут быть постоянно возобновляемыми, кумулятивными. Так, реформирование бывает цикличным в случаях длительного, почти непрерывного, чрезвычайного расширения казенного предпринимательства. Преднамеренное значительное увеличение доли национальных хозяйственных ресурсов, поступающих в распоряжение казны, каждый раз побуждает “власти предержавшие” ограничивать доходы и имущественное владение граждан, подавлять интересы различных групп населения и перекраивать социальную структуру, ужесточать юридические кондиции для проявления частной хозяйственной инициативы, ухудшать действие рыночных регуляторов.

От размеров казенного предпринимательства зависят траектория и качество экономического роста страны. Ключевыми параметрами развития служат пропорция между потреблением и накоплением в национальном доходе, норма централизованного изъятия хозяйственных ресурсов и характер их инвестирования или расходования. Чем активнее государственный аппарат вторгается в стихийное течение воспроизводственных процессов, тем весомее становится его роль в поддержании макроэкономической сбалансированности, тем слабее реализуются функции рыночной самонастройки хозяйства. Предпринимательская экспансия высших кругов бюрократии пресекается резким падением темпов роста или разрушением экономики.

Системные преобразования в бытность военного коммунизма и на исходе нэпа осуществлялись правящей властью ради увеличения количества благ, услуг, факторов производства, присваиваемых, распределяемых или используемых в ее интересах. Между динамикой объема ресурсов, вовлекаемых в сферу казенного предпринимательства, и трансформациями механизма макроэкономического регулирования прослеживалась отчетливая связь.

Государственные органы пользовались правом публичного, насильственного получения средств населения и предприятий, а также возможностями извлечения выгоды из своего доминирующего положения в договорных, рыночных сделках. При помощи нормативных актов и их фактической реализации правительство расширяло зону своего неэквивалентного, безвозмездного предпринимательства, основанного на урезании доходов и уменьшении имущества граждан и юридических лиц. Для концентрации ресурсов в руках казны применялись госзаймы, утяжеление налогов и модификация их структуры, ценообразование в области контролируемого товарооборота, политика заработной платы, необеспеченная эмиссия денег, притеснение или запрещение тех или иных видов частнохозяйственной деятельности, национализация различных объектов собственности и прочее.

Необычное перераспределение средств шло параллельно с созданием механизма принудительного ограничения доходов и потребления населения, а также механизма извлечения ресурсов расширенного и даже простого воспроизводства частных и казенных предприятий для использования их в других целях. Происходило подавление экономической свободы граждан и замещение вольного рыночного оборота “плановым”, казенным ведением дел.

Уровень централизованного изъятия ресурсов, т.е. вынужденного ограничения потребления людей и масштабов хозяйственной деятельности частных и государственных предприятий, определял степень перестройки рыночного механизма регулирования экономики. Эта закономерность имела место в обоих сопоставляемых исторических периодах, несмотря на противоположные направления собираемых госаппаратом средств: на невозвратные военные расходы и на инвестиции в индустриализацию державы.

* * *

Новая экономическая политика вела свой отсчет с замены весной 1921 г. продовольственной разверстки продовольственным налогом. В 1929 г. советская власть двинулась в обратную сторону, приступила к воссозданию “продразверсточных” отношений с крестьянством. Казенное предпринимательство перестраивалось ради получения из деревни требуемого количества продуктов, в первую очередь зерна, по централизованно назначаемым ценам. Точно также в военном 1916 году государственными интересами объяснялось введение разверсточного, распisanного по территориям и контингентам крестьян, порядка поставок определенного объема зерна, фуража и т.д. по указным ценам.

Непосредственным поводом к отказу от идеологии нэпа послужили “забастовки” в 1928 г. и 1929 г. владельцев высокотоварных, крупных сельских хозяйств - “кулаков”. Они не хотели продавать зерно государственным заготовителям по ряду причин. Прежде всего, земледельцев не устраивали номинально низкие цены на хлеб. Уклоняться от торговли зерном побуждала крестьян относительно дорогая расценка животноводческих товаров. Доходнее было скормить злаки скотине и птице, а на рынке сбывать их продукты. Не стимулировал отчуждение хлеба и дефицит отнюдь не дешевых промышленных изделий.

Спровоцированный политикой рыночного регулирования саботаж хлебопроизводителей накалил социальную обстановку в стране. “Масла в огонь подлили” и худшие урожаи 1927 г. и 1928 г., объективно сокращавшие закупки зерна. Между тем городское население продолжало ежегодно увеличиваться на 5 – 6% ⁴. В городах возникла острая нехватка хлеба, и с 1928 г. пришлось налаживать нормированную торговлю хлебопродуктами по карточкам. Другим крайне негативным моментом оказалось почти полное свертывание в 1928 г. зернового экспорта. Сохранение такой ситуации “ставило крест” на амбициозной программе индустриализации державы.

Ключевое значение зерновой проблемы в ту пору отмечал, в частности М. Добб: “Экономическим фактом, который изменил весь климат нэпа между 1925 г. и 1928 г., было серьезное отставание товарных излишков, особенно зерна, от восстановления сельскохозяйственного производства” ⁵.

Углубление социально-экономических противоречий сделало советскую бюрократию весьма агрессивной, готовой к принятию исключительных мер в целях насыщения рынка сельскохозяйственными продуктами. Правящие круги выбрали путь вытеснения свободной аграрной торговли и ликвидации частного крестьянского хозяйствования. В качестве средств были использованы уже опробованные формы экономических отношений - производственные кооперативы и закупки по контрактам.

Сельскохозяйственная кооперация в период нэпа развивалась без помех, поскольку в ней были заинтересованы деревенские труженики и государственный аппарат. Поначалу возникали универсальные сельскохозяйственные товарищества, которые обслуживали разнообразные потребности пайщиков: сбыт продукции, снабжение средствами производства, первичную переработку сырья, предоставление кредитов, получение агрикультурной помощи. В 1926 г. насчитывалось 22 тыс. универсальных кооперативов, объединявших 4,6 млн. членов-пайщиков. Наряду с ними стали появляться кредитные товарищества, которые тоже занимались посредническими сделками и мало чем отличались от универсальных кооперативов. Всего же в 1925 г. сельскохозяйственных кооперативных объединений разных видов было 54,8 тыс.⁶

По мере восстановления аграрного сектора вызревали предпосылки дифференциации его производственно-бытовых кооперативов в соответствии с ведущими отраслями хозяйственной деятельности членов. Специализация низовой сети повлекла за собой учреждение специализированных союзов и кооперативных центров. Постепенно дело дошло до создания кооперативов, охватывавших отдельные стороны крестьянского производства: мелиоративных, коневодческих, семеноводческих, машинных и т.п.

Наибольшее распространение кооперация имела в районах специализированного производства. Так, в основных молочно-животноводческих районах на 1 октября 1926 г. кооперация охватывала 40 - 97% хозяйств, в районах деятельности картофельной кооперации объединялось 67 - 77% хозяйств, табакосеменной и свеклосеменной - 80%, семеноводческой - 50 - 80%, при средней кооперированности крестьянских хозяйств по стране около 30%⁷.

Правительство благосклонно относилось к аграрной кооперации. Она способствовала повышению культуры и производительности сельского хозяйства, обеспечивала растущие потребности промышленности в сырье, позволяла контролировать условия оборота на рынке деревенских товаров, блюдя казенные интересы. На 1 октября 1927 г. в СССР было 61,6 тыс. кооперативов, в том числе универсальных - 14,3 тыс., специальных - 9,2 тыс., производственных - 38,1 тыс.⁸

Отставание размеров хлебозаготовок от возраставшего спроса на зерно подтолкнули политико-экономическую бюрократию к активизации процесса кооперирования крестьян. Выполняя указания XV съезда ВКП(б), состоявшегося в декабре 1927 г., правительство приступило к объединению мелких, низкотоварных хозяйств в кооперативы. Средством вовлечения в сельхозкооперативы малоимущих земледельцев было создание фондов кооперирования, из которых последним выдавались беспроцентные ссуды для оплаты вступительных и паевых взносов.

Увеличение числа кооперативов сопровождалось изменением их социального состава, повышением удельного веса бедноты и маломощных середняков, сокращением доли справных хозяев. По РСФСР за 1926 - 1928 гг. удельный вес маломощных групп (без посева и с посевом до 2 десятин) среди кооперированных хозяйств увеличился на 5,5% при снижении удельного веса средних групп (8 - 16 десятин) с 12,6% до 6,7% и крупных хозяйств (свыше 16 десятин) с 24% до 0,8%⁹.

На 1 октября 1928 г. в СССР уже было 165 тыс. кооперативов, в том числе 11,7 тыс. универсальных, 15 тыс. специальных, 138,3 тыс. производственных¹⁰. Различными видами сельскохозяйственной кооперации было охвачено 13 млн. или 55% крестьянских дворов. Кроме того, к концу 1928 г. потребительская кооперация в деревне располагала 14 млн. пайщиков¹¹.

Однако достижения в кооперировании земледельцев соседствовали с падением объемов хлебозаготовок. Кооперативное движение слабо затрагивало реализацию, а тем более выращивание зерна. Членство в многочисленных специализированных товариществах почти не сказывалось на повышении товарности зернового комплекса. Исключением из общего правила были коллективные хозяйства ("колхозы"), объединявшие тружеников в совместном производстве продукции.

В первые годы нэпа коллективные хозяйства образовывались преимущественно из батраков на базе помещичьих имений в центральных и северо-западных регионах России. На колхозное движение влияли промышленные рабочие, покидавшие Москву, Ленинград, Иваново-Вознесенск, Ярославль из-за безработицы и перебивавшиеся в деревню с надеждой прокормить свои семьи. Горожане пополняли существовавшие колхозы и открывали новые. Агропромышленные пролетарии организовывали по большей части коммуны, в которых трудились сообща, применяя совместные средства производства. Распределение их доходов было уравнительным или связанным с количеством отработанного времени.

В 1922 г. имелось 14 тыс. колхозов, объединявших 217 тыс. семей. В 1925 г. было 21,9 тыс. колхозов с 293,5 тыс. дворов¹². На 1 июля 1927 г. осталось 14,8 тыс. колхозов, а доля входивших в них крестьянских хозяйств уменьшилась до 0,8% против 1,2% в 1925 г.¹³ Такая динамика отражала обратную миграцию эвакуированных рабочих в города на восстанавливавшиеся фабрики и заводы. После XV съезда ВКП(б) колхозное движение ускорилось, о чем свидетельствуют данные таблицы 7.1.

Таблица 7.1

Социально-экономические показатели колхозов в 1927 - 1929 гг.

Показатели	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Число колхозов, тыс.	14,8	33,3	57,0
Процент коллективизации (объединения в колхозы) крестьянских хозяйств	0,8	1,7	3,9
Валовая продукция колхозов, млн. руб.	103,2	189,0	259,0
Удельный вес товарной продукции в валовой продукции колхозов, процент товарности	33,4	34,0	38,2

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 351, 354.

Число колхозов за два года выросло почти в 4 раза, уровень коллективизации поднялся примерно в 5 раз. Но объем валового производства в коллективных хозяйствах повысился лишь в 2,5 раза, а товарной продукции в 2,9 раза. Стало быть, вновь созданные колхозы оказались хуже прежних.

Однако государство всеми силами содействовало организации и распространению коллективных хозяйств, поскольку они гарантировали очень высокий выход товарной продукции. Весомые показатели достигались в зерновом производстве. Процент товарности хлебной продукции в 1926/27 г. составил в совхозах (государственных сельскохозяйственных предприятиях) и колхозах 47,2%, в «кулацких» хозяйствах – 20%, у середняков и бедняков – 11,2%¹⁴.

Солидная доля чистой (товарной) продукции в суммарном производстве колхозов получалась за счет «замораживания» низкого уровня доходов их членов - бедняков, батраков, сравнительно меньшего внутривладельческого потребления валовой продукции, в том числе и по причине специализации крестьянских объединений на той или иной отрасли растениеводства.

Вплоть до 1929 г. колхозное строительство поглощало в основном бедняцко-батрацкие слои деревни, но с 1927 г. наметилась тенденция к включению в этот процесс «средняков». Об изменениях социального состава колхозов косвенно говорят данные таблицы 7.2.

Таблица 7.2

Структура численности коллективных хозяйств в 1925 - 1929 гг., %

Виды коллективных хозяйств	1925 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Коммуны	10,6	9,0	5,4	6,2
Артели	65,3	48,1	34,8	33,6
Тозы	24,1	42,9	59,8	60,2

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 353.

Средняки охотнее вступали в «тозы» (товарищества по совместной обработке земли), где сохранялась личная собственность на рабочий скот, орудия труда, сельхозинвентарь. Удельный вес середняков в 1928/29 г. составлял в тозах – 36%, в артелях – 29%, бедняков, соответственно – 60% и 67%¹⁵. В сельскохозяйственных артелях объединялись земельные угодья, обобществлялся рабочий и продуктивный скот, машины, инвентарь, а распределение доходов осуществлялось по результатам труда.

Для решения зерновой проблемы правительство прибегло к контрактации, которая до 1927 г. касалась главным образом посевов технических культур. Начиная с 1928 г., контрактация рас-

пространилась на закупку хлебопродуктов, особенно в зернопроизводящих районах. Если в 1927 г. в систему контрактных отношений было вовлечено приблизительно 2 млн. хозяйств, то в 1929 г. – уже около 8 млн.¹⁶

С 1928 г. договоры-контракты стали заключаться преимущественно с коллективами земледельцев или предусматривать организацию и юридическое оформление коллективных хозяйств. Так возникли посевные (зерновые) товарищества – еще один вид простейших производственных объединений бедняков и середняков. В частности, по РСФСР на 1 декабря 1928 г. насчитывалось 5 008 посевных товариществ с 158,1 тыс. крестьянских хозяйств, а на 1 ноября 1929 г. – 23 033 посевных товарищества с 952,8 тыс. участников¹⁷.

Контрактация хлебных культур способствовала коллективизации производства в зонах выращивания зерна. На 1 июля 1929 г. колхозы охватывали в целом по стране 3,9% крестьянских дворов, на Северном Кавказе – 7,3%, в Нижнем Поволжье – 5,9%, на Урале – 5,2%, в Сибири – 4,5%¹⁸. Подобный результат был предсказуемым. Подписание договора контрактации приносило материальные выгоды вступающим в колхозы: повышенные размеры денежных авансов, пониженные нормы сдачи убранный урожай, доплаты за продаваемую продукцию. Колхозники в первоочередном порядке и на льготных условиях снабжались семенами, удобрениями, инвентарем, машинами, получали неотложную агрономическую помощь.

Нуждам хлебозаготовок было подчинено предпринимательство в “советских хозяйствах” (сокращенно “совхозах”) – государственных сельскохозяйственных предприятиях. Изначально совхозы создавались на месте бывших помещичьих имений, крепких капиталистических заведений, и в 1928 г. их насчитывалось всего 1 407¹⁹. В тот же год правящие круги запустили программу бурного совхозного строительства. Новые, прежде всего зерновые, совхозы закладывались на “не обжитых”, целинных землях Украины, юга и юго-востока РСФСР. Под учреждение 55 совхозов в 1928 - 1929 гг. было отведено 5 млн. га угодий. Во имя поддержки совхозов была изменена система управления ими и образованы специализированные тресты: “Зернотрест”, “Маслотрест”, “Скотовод”, “Свиновод”, “Овцевод” и др.

Содеятели совхозов желали обладать крупными, механизированными предприятиями. На один совхоз в 1929 г. в среднем приходилось 1 020 га земли²⁰. Укрепление совхозов осуществлялось путем прирезки земельного клина функционировавшим казенным предприятиям и создания новых, больших государственных агрообъединений. Экономически совхозы были значительно сильнее колхозов. В 1928 г. среднестатистический колхоз состоял из 13 дворов и 41 га посевной площади²¹.

На развитие совхозов было направлено государственных капитальных вложений 65,7 млн. руб. в 1927/28 г., 185,8 млн. руб. в 1928/29 г., 856,2 млн. руб. в 1929/30 г.²² Казенные агропредприятия вне очереди снабжались тракторами, сельхозмашинами, брали солидные банковские кредиты под пониженные проценты и т.д. Из 26,7 тыс. тракторов, “тарактевших” в сельском хозяйстве СССР в октябре 1928 г., совхозам принадлежало 6,7 тыс.²³ Таким образом, на один совхоз приходилось почти 5 тракторов. Однако лишь 22% колхозов, в основном хлебопроизводящей полосы, имели в 1929 г. тракторы²⁴. Удельный вес совхозов в 1928 г. составлял 1,5% в посевах зерновых культур и 1,6% в валовом урожае хлеба всей страны²⁵.

Благодаря выгодам контрактации во второй половине 1929 г. наметилась тенденция к разветвлению массовой коллективизации. С июня по сентябрь в колхозы вступило 911,7 тыс. крестьянских семей. За октябрь-декабрь их примеру последовало еще около 2,4 млн. хозяйств. Особенно быстро обобществлялись хозяйства в зерновых районах. К октябрю 1929 г. уровень коллективизации поднялся на Северном Кавказе до 19%, на Нижней Волге до 18,3% при среднем показателе по Советскому Союзу в 7,6%²⁶.

В 1929 г. колхозы и совхозы произвели приблизительно 64 млн. ц. зерна, в том числе около 20,8 млн. ц. товарного хлеба. Этот факт изменил расстановку сил на хлебном рынке. До сего момента главным действующим лицом зерновой торговли были высокотоварные, “кулацкие” хозяйства. Так, в 1927 г. “кулаки” собрали 98,7 млн. ц. хлеба и вывезли на продажу 20,2 млн. ц., колхозно-совхозный урожай зерновых составил лишь 12,8 млн. ц., из коих в руки заготовителей попало 5,7 млн. ц.²⁷

Следовательно, осенью 1929 г. появились предпосылки замещения частнохозяйственного производства зерна выращиванием хлеба на полях “обобщественных” предприятий. Если от

“забастовок кулаков” и введения нормированной торговли хлебом радикализация казенного предпринимательства стала необходимой, то успехи коллективизации в важнейших житницах державы сделали ее возможной, указав направление дальнейшего развития отечественного сельского хозяйства.

С началом 1930 г. произошел коренной перелом в аграрной стратегии государственного аппарата. От ограничения и вытеснения крепких единоличных крестьянских хозяйств советская бюрократия перешла к сплошной коллективизации деревни, к “ликвидации кулачества как класса”, т.е. к насильственному устранению крупного частного земледелия. Для “социализации” крестьянства большевики довольствовались незамысловатым сочетанием древних средств - “кнута и пряника”, принуждения и поощрения.

Официальный старт кампании поголовной коллективизации деревни был дан постановлением ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. “О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству”. Этот программный документ устанавливал, что в трех ведущих районах зерносеяния – на Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге – объединение крестьян в колхозы надо в основном завершить осенью 1930 г. или весной 1931 г. Прочим зернопроизводящим зонам – Центральному Черноземью, Украине, Уралу, Сибири, Казахстану – решение этой задачи отодвигалось до весны 1932 г.²⁸ В остальных регионах страны темпы коллективизации не декретировались, ибо от них размеры отчуждения зерна зависели мало.

Повальная коллективизация сельского хозяйства была своеобразной аграрной революцией. В ходе нее осуществлялось изъятие земли из частного пользования, передел и конфискация крестьянской собственности, превращение основной массы самодеятельного деревенского населения в наемных работников. О скорости революционных преобразований аграрного сектора можно судить по статистическим данным таблицы 7.3.

Таблица 7.3

Показатели колхозного строительства в 1929 - 1932 гг.

Показатели	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Число колхозов, тыс.	57,0	85,9	224,5	211,1
Процент коллективизации крестьянских хозяйств	3,9	23,6	52,7	61,5
Доля посевной площади колхозов во всем крестьянском посеве, %	3,6	30,9	63,0	75,5

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 377.

В главных зонах выращивания зерна – на Нижней и Средней Волге, Северном Кавказе, в степях Крыма и Украины – к середине 1931 г. в колхозах было сгруппировано приблизительно 80% крестьянских хозяйств и 90% посевных площадей²⁹. О приоритетности решения зерновой проблемы говорил также и опережающий рост контрактиции посевов хлебных культур по сравнению со среднесоюзными темпами коллективизации. Так, в 1928/29 г. было законтрактовано 19,7% всех посевов зерна, в 1929/30 г. – 51,2%, в 1930/31 г. – 73,5%³⁰.

ЦК ВКП(б) в постановлении от 5 января 1930 г. рекомендовал создавать колхозы в форме сельскохозяйственной артели, поскольку она “правильно” сочетает индивидуальные интересы с коллективными, а самое главное, подчиняет личные интересы общественным, стимулирует рост общественного хозяйства, наилучшим образом соответствует системе директивно-планового управления. Партийное увещание было неукоснительно проведено в жизнь. Если в 1929 г. 60,2% коллективных хозяйств назывались тозами, то к 1933 г. 96,3% всех колхозов числились артелями³¹.

Процесс коллективизации протекал неравномерно, с сезонными приливами и отливами. Свою роль в этих колебаниях сыграла и государственная аграрная политика, чередовавшая воздействие “кнута и пряника”. Для координации “социалистических” преобразований в деревне был создан Наркомат земледелия СССР. На провинциальные партийно-хозяйственные органы была возложена ответственность за сроки и масштабы колхозного строительства. Им на подмогу из городов “десантировали” 25 тыс. рабочих.

Проинструментированный административно-хозяйственный аппарат рьяно взялся за дело. К марту 1930 г. появилась статистическая отчетность о том, что половина крестьянских дворов уже признала себя колхозными³². Одним из способов скороспелого учреждения коллективных хозяйств была избрана реорганизация уже существовавших кооперативных объединений – посевных, семеноводческих, снабженческо-сбытовых, машинных и прочих товариществ – в сель-

хозартели. Почти повсеместно нарушался принцип добровольности кооперирования. Принудительному обобществлению подвергались орудия труда, инвентарь, скот, птица и даже жилые постройки крестьян.

Страшной стороной революционного насилия в деревне было уничтожение целого социального слоя зажиточных земледельцев - “кулаков”. Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. отменило в районах сплошной коллективизации законы о разрешении аренды земли и применении наемного труда в единоличных крестьянских хозяйствах³³.

Предпринятые правительством меры были “логичным” следствием стратегии подавления предпринимательства в сравнительно мощных, частных крестьянских хозяйствах в 1927 - 1929 гг. Так, в 1928 г. краткосрочный кредит преуспевающим хозяйствам выдавался из расчета 12% годовых, а иным единоличным хозяйствам – из расчета 8%. С 1929 г. было запрещено кредитование “кулаков” на приобретение сельскохозяйственных машин и орудий. В 1928/29 г. был осуществлен принудительный выкуп тракторов из индивидуальных хозяйств³⁴.

По назиданию XV съезда ВКП(б) было введено повышенное индивидуальное обложение налогами “кулацких” хозяйств. Если в 1927/28 г. социальная верхушка деревни с годовым доходом более 700 руб. на двор, составлявшая 2,5% хозяйств, платила 14,7%, то в 1928/29 г. – 22,8% всей суммы сельхозналога³⁵. Эта тенденция к дифференциации налогообложения, как видно из таблицы 7.4, сохранилась в годы массового колхозного “объединительства”. С 1931 г. “кулакам” установили повышенные ставки страховых платежей, а затем их имущество было снято со страхования и предоставлено воле стихийных случаев.

Таблица 7.4

Средняя сумма налога на одно крестьянское хозяйство, руб.

Виды крестьянских хозяйств	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Хозяйства колхозников	3,1	4,1	4,8
Трудовые единоличные хозяйства	13,5	23,8	26,5
“Кулацкие” хозяйства, облагаемые индивидуально	361,0	398,0	466,0

Составлено по данным: Зверев А.Г. Национальный доход и финансы СССР. М., 1970. С. 250.

Под давлением государственного предпринимательства в деревне происходило некоторое сокращение найма рабочей силы, аренды земли и средств производства. С 1927 по 1929 гг. снизились показатели: хозяйств, нанимавших рабочую силу (со сроком более 50 дней), с 4,3% до 2,8%; хозяйств, арендовавших землю, с 21,7% до 19,9%; “кулацких” хозяйств, арендовавших землю, с 41,6% до 33%, а сдававших в аренду средства производства с 45,1% до 41,9%³⁶.

Численность наемных сроковых рабочих в частном секторе сельского хозяйства изменялась так: в 1926 г. – 2 275,3 тыс., в 1927 г. - 2 382,2 тыс., в 1928 г. – 2 310,9 тыс.³⁷ Эти цифры сопоставимы с количеством рабочих, которые были заняты в крупной ценовой промышленности. Запрещение найма рабочей силы в единоличных крестьянских хозяйствах лишило огромное число людей заработков и превратило их в резерв пополнения контингента колхозников.

В 1930 г. местным органам власти в районах сплошной коллективизации было предоставлено право конфисковывать имущество богатых хозяев и выселять их за пределы отдельных территорий. Чтобы заручиться социальной поддержкой деревенской бедноты в борьбе с “классовыми врагами”, партийно-хозяйственная бюрократия постановила, что отнятое у “кулаков” имущество должно было передаваться в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов “сельских пролетариев”.

“Раскулачивание” искалечило судьбы миллионов граждан. Оценки его последствий различны. Есть сведения, что с 1930 по 1932 гг. из районов неразборчивой коллективизации было выселено 240 757 семей, т.е. около 1% крестьянских хозяйств³⁸. По другим источникам данных, коллективизаторами было ликвидировано от 1 до 3 млн. крестьянских хозяйств или от 4% до 12% всех дворов. Соответственно, без крова остались от 5 до 15 млн. душ. Конфискованное в 1930 г. имущество 320 тыс. семей стоило не более 400 млн. руб., что в расчете на одно хозяйство давало 1 250 руб. Таковым был в то время годовой заработок квалифицированного промышленного рабочего³⁹.

Приведенные статистические выкладки подтверждают факт необоснованного применения насилия к громадному числу соотечественников. Даже по надуманному критерию “классовой вражды” можно было обзывать “кулаками” 600 – 700 тыс. семей, или 2,5 – 3% всех крестьян-

ских хозяйств. Этот “перегиб” признали и организаторы аграрных преобразований в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г., где говорилось, что в некоторых районах процент “раскулаченных” доходил до 15, а лишенных избирательных прав – 15-20 от общего количества крестьянских дворов ⁴⁰.

Естественной реакцией на дерзкий произвол властей стал внушительный отток крестьян из колхозов с марта 1930 г. Первый “блин вышел комом”. Через полгода в коллективных хозяйствах трудились чуть более 20% крестьянских семей вместо 50%, фигурировавших в весенних статистических сводках ⁴¹. Люди покидали колхозы, невзирая на комплекс стимулирующих мер (“пряников”), предложенных спохватившимся управленческим аппаратом.

2 марта 1930 г. правительством был утвержден и опубликован Примерный Устав сельхозартели. Он внес упорядоченность в обобществление крестьянских средств, в соотношение личного и общественного хозяйства при учреждении колхозов. В сельскохозяйственной артели земельные угодья объединялись в целостный массив, который закреплялся за ней государством в бесплатное и вечное пользование. Колхозникам же позволялось иметь небольшие земельные наделы в личном пользовании. По уставу артели размеры приусадебных участков могли колебаться от 0,25 га до 0,5 га, иногда до 1 га, в зависимости от областных и районных условий.

Четверть или половина стоимости обобществлявшегося имущества членов артели - рабочего скота, инвентаря, машин, хозяйственных построек - записывалась в неделимый фонд коллективного предприятия. Остальная часть имущества зачислялась в паевой взнос члена артели ⁴². Эта юридическая норма предусматривалась в качестве профилактики против выхода крестьян из колхозов. Ибо в результате ее применения бывшие “артельщики” несли серьезные материальные убытки, лишались доли неделимого фонда.

Перед сплошной коллективизацией рынок животноводческих продуктов характеризовался насыщенностью спроса. Посему развернувшаяся социализация в большей степени затронула рабочий скот, необходимый при возделывании земли под зерновые и технические культуры. Значительная же доля продуктивного скота и птицы поначалу оставалась в личных подсобных хозяйствах. Партия и правительство в конфликтной обстановке не отважились одним махом лишить аграриев всех средств существования. Кроме того, колхозы еще не успели заложить базу общественного животноводства. Не было даже помещений для стадного содержания продуктивного поголовья и молодняка.

В апреле 1930 г. вышло специальное постановление ЦК ВКП(б) “О льготах для колхозов”, предлагавшее освободить от налогового обложения на два года весь обобществленный рабочий скот в колхозах (лошадей, волов и т.п.), все поголовье коров, свиней, овец, всю птицу, находящуюся в коллективном и индивидуальном владении колхозников, установить льготы по обложению огородов, передвинуть на более поздние сроки погашение просроченной задолженности по ссудам и снять ряд недоимок с хозяйств, вошедших в колхозы ⁴³. В 1930 - 1931 гг. колхозы были переведены с системы налогообложения единоличных хозяйств на обложение по валовому доходу, как предприятия. Сельскохозяйственным артелям была установлена пониженная ставка налога – 3% ⁴⁴. О динамике денежных потоков в аграрный сектор дают представление показатели расходов бюджета в таблице 7.5.

Таблица 7.5

Показатели расходов государственного бюджета на сельское хозяйство в 1927/28 – 1932 гг.

Показатели	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1931 г.	1932 г.
Расходы государственного бюджета на сельское хозяйство, млн. руб.	394	714	1 353	2 914	3 944
Удельный вес расходов на сельское хозяйство в общих расходах бюджета на народное хозяйство, %	14,0	18,7	19,9	17,9	15,5

Рассчитано по данным: Дьяченко В.П. История финансов СССР С. 176, 302.

Согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. улучшилось кредитование коллективных хозяйств. К весеннему севу колхозы получили беспроцентную, натуральную ссуду семенами в размере 9,8 млн. ц., что составило $\frac{2}{3}$ от суммарной ссуды за два предшествующих года. Существенно увеличивались затраты на контрактацию, равнявшиеся в 1927/28 г. – 124 млн. руб., в 1928/29 г. – 242 млн. руб., в 1929/30 г. – 736 млн. руб. ⁴⁵ Аналогичная тенденция прослеживалась в денежном кредитовании колхозов: в 1927/28 г. – 64,3 млн. руб., в 1928/29 г. – 170 млн.

руб., в 1929/30 г. – 505 млн. руб.⁴⁶ Кредиты колхозам с 1929 г. выдавались под минимальные проценты: краткосрочные под 7%, долгосрочные под 4% годовых.

“Артелизации” крестьянства была подчинена реконструкция системы сельскохозяйственного кредита. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 19 сентября 1929 г. “О сельскохозяйственной кооперации и ее работе” декретировалась специализация сельскохозяйственных кредитных товариществ сугубо на кредитно-банковских операциях и передача снабженческих и производственно-сбытовых функций соответствующим производственным кооперативам.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 января 1930 г. “О кредитной реформе” определило порядок реорганизации системы сельхозкредита. Закон наметил укрупнение первичных звеньев низовой сети; из 10 358 сельскохозяйственных кредитных товариществ следовало создать 2 921 товарищество. На 1 июля 1930 г. было организовано на новых основаниях 2 878 кредитных товариществ (райсельхозбанков), способных обслуживать территорию административного района⁴⁷.

Подверглась сокращению многозвенная система управления сельхозкредитом. Из 213 оперативных единиц верхнего уровня, существовавших на 1 октября 1929 г., к маю 1930 г. осталось всего 32 структуры. ЦСХ Банк был преобразован во Всесоюзный сельскохозяйственный кооперативно-колхозный банк под руководством Наркомата земледелия СССР. Реорганизация ЦСХ Банка была произведена по линии “объединения сельскохозяйственного кредитования с работой сельхозкооперации при одновременном усилении производственно-экономического регулирования колхозов со стороны пролетарского государства”⁴⁸.

В 1929/30 г. совершился переход от кредитования сбыто-снабженческих операций к производственному кредитованию сельского хозяйства. Если на 1 октября 1927 г. из 644 млн. руб., отданных в ссуду системой сельхозкредита, половину поглотили сбыто-снабженческие операции, то на 1 октября 1929 г. из 1 095 млн. кредитных руб. лишь 121,7 млн. руб. были краткосрочными ссудами непромышленного характера⁴⁹. Между тем, в сводном балансе системы сельхозкредита на 1 октября 1930 г. последняя статья уже отсутствовала, а ссудные активы были показаны как кредиты на производственные нужды. Текущие счета сельхозкооперации и кредитование ее сбыто-снабженческой деятельности постепенно сосредоточивались в Госбанке.

В течение 1929/30 г. система сельскохозяйственного кредита превратилась из сети обслуживания единоличных крестьянских хозяйств в организацию финансирования обобществленного аграрного сектора. Эту трансформацию демонстрируют данные таблицы 7.6.

Таблица 7.6

Структура ссудных операций системы сельскохозяйственного кредита в 1929/30 г., млн. руб.

Категории заемщиков	Остаток на 1.10. 1929 г.	Выдано в 1929/30 г.	Перечислено из единоличного сектора в колхозы	Возвращено в 1929/30 г.	Остаток на 1.10. 1930 г.
Совхозы	83	92	-	36	139
Колхозы и МТС	234	525	82	101	740
Сельхозкооперация	283	96	-	118	261
Прочие государственные, кооперативные и общественные организации	164	132	-	68	228
Единоличные хозяйства	331	50	82	125	174
Итого:	1 095	895	-	448	1 542

Составлено по данным: Севрук П. Сельхозбанк и его перспективы // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 10 - 11. С. 72.

На исходе 1930 г. начался новый подъем колхозного строительства. Осенне-зимние пики коллективизации объяснялись особенностями цикла сельскохозяйственного производства. В технологическое межсезонье организационные перетряски вызывали меньше возмущения у деревенских жителей, ибо почти не мешали трудовому процессу в земледелии. Наступление сроков сдачи и оплаты урожая с законтрактованных полей вынуждало крестьян исполнять свои обязательства по созданию сельхозартелей.

Завершение коллективизации основной массы крестьянства сопровождалось укрупнением колхозов. В 1932 г. средний колхоз охватывал 71 двор и 434 га посевного клина. Советская власть поспешила затвердить законодательными актами институциональные изменения в отечественном сельском хозяйстве. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. провозгла-

сило общественную – государственную и колхозно-кооперативную – собственность основной колхозного строя. Имущество колхозов и кооперативных организаций - урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные магазины, склады и т.д. - было приравнено по своему значению к казенному имуществу⁵⁰, т.е. объявлено зоной интересов государственного предпринимательства.

Постановлением от 3 сентября 1932 г. правительство напомнило о своей прерогативе решать вопросы землепользования. Оно запретило местным органам власти производить какие бы то ни было отрезки земель, находящихся в пользовании колхозов, всякие переделы земли между колхозами и закрепило за каждым колхозом землю в фактических границах⁵¹.

Следует отметить, что “пряники”, которые правительство раздавало колхозам, были крошечными в сопоставлении с финансированием казенных сельскохозяйственных предприятий, в первую очередь совхозов и МТС (машино-тракторных станций). Свидетельство тому – данные таблицы 7.7.

Таблица 7.7

Государственные капитальные вложения в сельское хозяйство в 1929/30 – 1932 гг., млн. руб.

Получатели капитальных вложений	1929/30 г.	1931 г.	1932 г.
Государственные предприятия (без МТС)	1 419	3 882	3 246
МТС (машино-тракторные станции)	442	677	747
Колхозы	362	553	611
Единоличные крестьянские хозяйства	275	79	24
Итого:	2 498	5 191	4 628

Рассчитано по данным: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 479.

Казенное предпринимательство четко соблюдало приоритетное направление инвестиций на финансирование совхозов, машино-тракторных станций и других собственных сельскохозяйственных предприятий, на мероприятия, обеспечивавшие внедрение новой техники и усиление государственного руководства аграрным комплексом. Кроме прочего, предоставление денежных ресурсов на закупку тракторов, комбайнов и т.д. обеспечивало рынок сбыта продукции сельхозмашиностроения и содействовало индустриализации страны.

Государственная финансовая поддержка колхозов осуществлялась в основном в виде кредитов, ссуд и пособий, льгот по налогам, страховым платежам, а не в форме прямых бюджетных ассигнований. Так, за 1930 -1933 гг. крестьяне получили льготы по налогу и страхованию в сумме 370 млн. руб.⁵² Стало быть, одна “среднестатистическая” деревенская семья была освобождена от платежей всего-навсего 6 руб. в год.

Похожая картина вырисовывалась при сравнении капиталовложений в совхозы и колхозы. В 1932 г. в среднем каждый из 211 тыс. колхозов получил 2 895 руб. казенных ресурсов. Если принять долю совхозов в финансировании государственных сельхозпредприятий, т.е. долю от первого показателя таблицы 120, стабильной и эквивалентной 60% - по фактической пропорции 1929/30 г., то в 1932 г. совхозам перепало около 1 948 млн. руб. Следовательно, в пересчете на каждый из 4 337 совхозов пришлось 449 160 руб. государственных денег. Правда, для уточнения выводов надо оговориться, что средний размер посевных площадей одного совхоза в 1932 г. составлял 2 303 га, а средний земельный надел зерносовхоза достигал 56,3 тыс. га⁵³.

Распределение потоков инвестиций обуславливало различия в технической вооруженности совхозов и колхозов. В 1932 г. удельный вес механической тяги во всей тягловой силе совхозов (без автотранспорта) равнялся 69,8%, в зерновых совхозах даже – 96,8%. На зерносовхоз в среднем приходилось 100 тракторов мощностью 2 240 л.с., 50 комбайнов и около 20 грузовых автомобилей. В то же время при помощи тракторной тяги обрабатывалось менее 20% колхозных полей. Расклад вполне объясним: 50% тракторов и 80% комбайнов обретали пристанище в совхозах⁵⁴.

Для обслуживания агроартелей создавались казенные машино-тракторные станции. Сие творилось не только по скудости снабжения сельхозтехникой, но и с целью расширения контроля государственного аппарата над крестьянской экономикой. В 1930 г. в СССР было 158 МТС с 7,1 тыс. тракторов мощностью 87 тыс. л.с., в 1932 г. - уже 2 446 МТС, в которых парковались 74,8 тыс. тракторов мощностью 1 077 тыс. л.с.⁵⁵ Несмотря на прогресс механизации, “стальных коней” в сельхозартелях все еще было не густо – один трактор на три колхоза.

Характерной чертой государственной финансовой поддержки сельского хозяйства была ее тесная взаимосвязь с налаживанием беспрепятственных хлебозаготовок. По завершении в 1931 г. коллективизации крестьян в зерновых регионах сумма казенных вложений капитала в аграрный сектор заметно снизилась. Относительно сократилась доля расходов на сельское хозяйство в бюджетном финансировании отечественной экономики.

Итоги государственного предпринимательства в период проведения поголовной коллективизации деревни оказались противоречивыми. Произошло увеличение казенного аграрного сектора за счет строительства высокотехнологизированных и специализированных предприятий. К концу 1932 г. важнейшие управленческие системы - “Зернотрест”, “Главсахар”, “Скотовод” и т.д. – имели специализированных совхозов: зерновых – 228, свекловичных – 300, мясных – 440, молочных и мясных – 552, свиноводческих – 176⁵⁶.

Уже в 1930 г. была формально восстановлена довоенная структура сельского хозяйства. Концентрация производства сопровождалась ростом его товарности. Такое умозаключение следует из показателей таблицы 7.8.

Таблица 7.8

Удельный вес крупных хозяйств в посевных площадях, валовых сборах зерна и товарной продукции в 1913 - 1930 гг., %

Годы	Посевные площади	Валовые сборы зерна	Товарная продукция зерна (внедеревенская товарная масса)
1913	34,0	40,5	61,5
1926	7,0	8,6	20,0
1928	5,4	6,0	17,3
1930	32,0	36,0	55,0

Составлено по данным: Минаев С. Сельское хозяйство на путях сплошной коллективизации // Плановое хозяйство. 1930. № 6. С. 27

Стратегия нивелирования и распыления крестьянских хозяйств доказала за годы нэпа свою бесперспективность. Укрупнение производственных единиц заложило предпосылки рационализации технологий в растениеводстве и животноводстве, электрификации и механизации земледелия. Тракторный парк сельского хозяйства в конце 1932 г. составлял 148,5 тыс. единиц техники против 26,7 тыс. тракторов в октябре 1927 г.⁵⁷

Советской власти удалось “обобществить” аграрный сектор, сделав основной формой сельскохозяйственного предприятия артель. Колхозная организация воспроизводства стала естественной частью директивно-плановой системы управления, поскольку обеспечила подчинение интересов крестьян выгодам государственного предпринимательства.

Проведение кампании коллективизации деревни позволило партийно-хозяйственной бюрократии временно разрешить зерновую проблему. Данные таблицы 7.9 показывают увеличение товарности зернового комплекса страны, рост объемов заготовок и экспорта хлеба.

Таблица 7.9

Зерновой баланс СССР в 1928 - 1932 гг., млн. ц.

№№ п/п	Показатели	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
1	Валовой сбор зерна (урожай)	731	717	772	695	696
2	Валовая товарная продукция, всего	157	195	226	237	194
3	в том числе, государственные заготовки	108	161	221	228	185
4	Обратное снабжение деревни	74	93	47	49	57
5	Чистая товарная продукция (2 - 4)	83	102	179	188	137
6	Экспорт	2	2	48	51	17
7	Импорт	3	1	1	0	2
8	Поставки в город (5 – 6 + 7)	84	101	132	137	122
9	Урожай, оставшийся в деревне (1 – 5)	648	615	593	507	559

Составлено по данным: Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969. С. 103; Элман М. Обеспечил ли прибавочный продукт сельского хозяйства увеличение капиталовложений в СССР во время первого пятилетнего плана? // Вопросы экономики. 1992. № 1. С. 95; Внешняя торговля СССР за 1918 - 1940 гг. М. 1960. С. 110, 144.

Однако отмеченные положительные результаты бледнели на фоне того глубочайшего кризиса, в который казенное предпринимательство ввергло наш аграрный комплекс посредством

его революционной социализации и избыточного изъятия зерна у крестьян. Социальная неурядица в деревне генерировала негативные тенденции в большинстве отраслей растениеводства. Это видно из таблицы 7.10. Устойчивый рост демонстрировали лишь товарные излишки картофеля и капусты.

Таблица 7.10

Товарная продукция растениеводства в 1928 - 1932 гг., млн. ц.

Виды продукции	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Подсолнечник	14,0	12,0	8,0	14,0	6,0
Хлопок-сырец	7,0	9,0	11,0	13,0	12,0
Лен-волокно	1,6	2,5	1,9	2,6	2,9
Конопля-волокно	1,2	1,5	1,2	0,8	0,4
Сахарная свекла	94,0	59,0	132,0	104,0	61,0
Табак и махорка	1,0	1,1	1,3	1,9	1,3
Картофель	41,0	55,0	88,0	91,9	84,0
Овощи	11,0	15,0	25,0	32,0	23,0

Составлено по данным: Элман М. Обеспечил ли прибавочный продукт сельского хозяйства увеличение капиталовложений в СССР во время первого пятилетнего плана? С. 94.

О степени деградации земледелия можно судить вернее при сопоставлении объемов выращенной и проданной продукции с динамикой посевных площадей. С 1928 г. по 1932 г. посевные площади страны увеличились на 19%, с 113 млн. га до 134 млн. га. Большая часть земель (54,6%) была введена в сельскохозяйственный оборот при строительстве новых совхозов. Посевы зерновых культур выросли на 8,1%. Поля под техническими культурами расширились значительно: занятые льном – в 1,8 раза, сахарной свеклой – в 2 раза, хлопчатником – в 2,2 раза⁵⁸.

Произошло падение интенсивности земледелия при увеличении размеров обрабатываемых площадей. Среднегодовые валовые сборы зерна уменьшились с 742,3 млн. ц. в 1925 - 1928 гг. до 720 млн. ц. в 1929 - 1933 гг., или на 3%. Среднегодовая урожайность зерновых снизилась с 8 ц. в 1925 - 1928 гг. до 7,3 ц. на га в 1929 - 1932 гг., или почти на 9%. Сократилась урожайность хлопка, льна-волокна, сахарной свеклы, картофеля⁵⁹.

Переход к обобществленным формам организации сельскохозяйственного производства сопровождался заметной утратой культуры земледелия. Интенсивность производственной деятельности в колхозах и совхозах была ниже, чем по аграрному сектору в целом. Так, общая средняя урожайность зерновых в 1931 г. составила 6,7 ц./га, в 1932 г. – 6,4 ц./га, в совхозах, соответственно – 5,6 ц./га и 5,3 ц./га, а в колхозах была одинаковой – 6,3 ц./га⁶⁰.

Колхозы в этот период образовывались простым сложением крестьянского инвентаря, тяговой силы и ручного труда. Их техническая оснащенность оставалась очень слабой. В сельхозартелях начала 30-х годов, как правило, отсутствовала специализация работников. Разделение колхозников на бригады только зарождалось.

Использование “трудодня” в качестве единицы учета выполненной работы и критерия распределения доходов едва ли стимулировало улучшение труда колхозников. Примитивная, полунатуральная система организации и оплаты труда воспринималась крестьянами, скорее, как “барщина” в пользу государства; а напряженно трудились деревенские жители в личных подсобных хозяйствах. Сохранение приусадебных участков и содержание в крестьянских дворах скота и птицы обеспечивало удовлетворение ряда потребностей и частичное воспроизводство сельской рабочей силы, позволяло уменьшить уровень оплаты в колхозах, что в свою очередь способствовало снижению себестоимости производства и цен аграрной продукции, приносило выгоду государственным заготовителям.

Парадоксальной казалась еще более низкая, чем в колхозах, интенсивность производства в высоко механизированных казенных совхозах. Объяснением этому могут служить необустроенность жилищно-бытовых условий во вновь создаваемых совхозах, малая оплата труда. Они вызывали текучесть кадров на государственных сельскохозяйственных предприятиях. В зерновых совхозах в 1932 г. сдельная оплата труда распространялась лишь на 39% постоянных совхозных рабочих⁶¹. Повременная же зарплата не заинтересовывала в результатах собственного труда.

Кроме того, из-за недостаточной квалификации трактористов, сбоев в организации труда механизаторов, ненадежности ремонта скверно эксплуатировалась сельхозтехника. В 1931 г. в зерносовхозах простаивало 68,6% всех силовых ресурсов тракторного парка, в том числе по

причине ремонта и нехватки запасных частей – 54,4%⁶². Еще хуже осваивались технически сложные уборочные комбайны.

На состояние дел в сельском хозяйстве повлияло снижение качества обработки земли из-за увеличения нагрузки на тяговую силу. Если в 1928 г. на 1 л.с. (лошадиную силу) живой и тракторной тяги приходилось 3,63 га, то в 1932 г. – уже 6,02 га⁶³. Так сказалось резкое сокращение количества лошадей и рабочего скота в деревнях и селах.

Катастрофическое падение поголовья скота и птицы наблюдалось на протяжении всего периода огульной коллективизации. Статистическая сводка этого процесса представлена в таблице 7.11.

Таблица 7.11

Поголовье скота в 1913 - 1933 гг., млн. голов

Виды скота	1913 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1933 г.
Лошади	35,5	33,5	34,2	31,2	16,6
Крупный рогатый скот	60,3	70,7	67,2	52,6	38,4
Овцы	120,8	135,6	132,8	89,9	50,2 *
Свины	20,3	26,1	20,5	12,3	12,1

* поголовье овец и коз

Составлено по данным: Киндеев К. Очередные плановые вопросы по реконструкции животноводства // Плановое хозяйство. 1930. № 9. С. 115; Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 136.

Прослеживалась тесная зависимость между сбросом поголовья в животноводстве и уменьшением урожая зерна, остававшегося в деревне - последним показателем таблицы 7.9. Здесь проявилась естественная связь количества живности с имеющимся кормом, закономерность которой иллюстрируется следующими расчетами.

В довоенное время на нужды животноводства тратилось приблизительно 180 млн. ц. зерна или четверть его валового сбора⁶⁴. Среднегодовой урожай 1909 - 1913 гг. составлял 746,8 млн. ц. и почти соответствовал среднегодовому урожаю в 1925 - 1928 гг., равному 742,3 млн. ц. Структуры поголовья скота в 1913 г. и в 1928 г. мало отличались друг от друга. Поэтому допустимо предположить, что запасы зернофуража перед началом сплошной коллективизации также колебались вокруг отметки 180 млн. ц. Стало быть, из 648 млн. ц зерна на личное потребление крестьян в 1928 г. пошло 468 млн. ц. Если бы уровень потребления хлеба сельскими жителями сохранялся стабильным, то в 1931 г. на нужды животноводства осталось бы всего 39 млн. ц. зерна или пятая часть от объема 1928 г.

В действительности же, количество зерна, скармливаемого домашним животным, уменьшалось одновременно с сокращением потребления хлеба самими крестьянами. Последнее достигло в 1932 г. трагической черты. Зерновые районы в зиму-весну 1933 г. постиг массовый голод, унесший, по оценке Н.П. Шмелева и В.В. Попова, жизни 3 - 4 млн. человек⁶⁵. Таким образом, государственное предпринимательство, осуществлявшее чрезмерное изъятие зерна в колхозах и совхозах, привело к плачевным, но закономерным итогам - сжатию личного потребления хлеба в сельской местности до минимального физиологического уровня на грани выживания людей и обвальному падению поголовья в животноводстве.

Валовая продукция животноводства уменьшилась за 1929 - 1932 гг. более чем в 2 раза⁶⁶. Подробнее динамика товарной продукции скотоводства и птицеводства отражена в таблице 7.12.

Таблица 7.12

Товарная продукция животноводства в 1928 - 1932 гг.

Виды продукции	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Мясо (убойный вес), млн. ц.	17	17	12	11	8
Молоко, млн. ц.	59	59	54	48	32
Яйцо, млрд. шт.	4,7	4,1	2,8	1,8	1,3
Шкуры крупные, млн. шт.	13,7	16,7	16,7	14,3	11,9
Шкуры и кожи мелкие, млн. шт.	31,4	33,3	37,6	42,4	31,5
Шерсть, млн. ц.	0,4	0,45	0,5	0,5	0,4

Составлено по данным: Элман М. Обеспечил ли прибавочный продукт сельского хозяйства увеличение капиталовложений в СССР во время первого пятилетнего плана? С. 94

Сокращение потребления хлеба, мяса, молока, яиц крестьяне старались компенсировать выращиванием и приготовлением в пищу большего количества овощей и картофеля. На “овощ-

ную диету” поневоле “садились” и горожане. Потребление сельхозпродуктов на душу населения в 1932 г. по сравнению с 1928 г. уменьшилось в городах на 27,5%, в деревне – на 28,1% ⁶⁷.

В период массовой коллективизации политико-экономическая бюрократия добилась тотального контроля над рыночным оборотом аграрной продукции. Совокупный спрос на сельскохозяйственные товары почти полностью определялся плановыми заготовками. В 1928 г. казенные закупки охватывали 56,5% товарного производства сельского хозяйства, в 1932 г. – уже 85%, а вкуче с децентрализованными заготовками – 93,5% ⁶⁸.

Господствующее положение на рынке гарантировало государственным торговым учреждениям получение дополнительных ресурсов из деревни. Так, в 1931 г. удельный вес казенных хлебозаготовок в валовом урожае составил 32,8%, против 14,8% в 1928 г. На фоне падения товарной продукции животноводства относительно увеличилась доля ее государственных закупок, о чем свидетельствуют показатели таблицы 7.13.

Таблица 7.13

Заготовки продукции животноводства в 1928 - 1931 гг., тыс. т.

Виды продукции	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Мясо и скот (живой вес)	1 778,0	2 625,4	1 729,8	2 818,8
Масло животное	82,1	77,8	41,0	81,3

Составлено по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 112.

Роль государственных управленческих структур в формировании предложения аграрной продукции напрямую зависела от степени “обобществления” ее производства. Об усилении централизованного регулирования предложения сельскохозяйственных товаров на рынке говорят данные таблицы 7.14.

Таблица 7.14

Доля обобществленного сектора в производстве сельскохозяйственной продукции в 1929 - 1932 гг., %

Виды продукции	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Валовая продукция сельского хозяйства	7,0	28,9	62,8	74,7
Валовая продукция животноводства	1,6	6,8	16,3	27,6

Составлено по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 125, 127.

Небольшой удельный вес социализированного животноводства означал наличие солидного поголовья скота и птицы в личных крестьянских хозяйствах, а также возможность продажи их продукции на частном рынке и плановым заготовителям. Частная торговля своими товарами была единственной отдушиной индивидуальной трудовой деятельности деревенских жителей. Она могла приносить неплохие денежные доходы, поскольку ориентировалась на свободные цены. Соотношение указных, плановых цен и вольных цен частного рынка представлено в таблице 7.15.

Таблица 7.15

Индексы цен сельскохозяйственной продукции в 1929 - 1932 гг. (уровень 1927/28 г. принят за 100)

Виды цен	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Закупочные цены плановых заготовителей	110,62	115,69	118,65	109,34
Цены частного рынка	233,16	525,30	814,63	3005,66
Общоторговый индекс сельскохозяйственных цен производителей	117,70	180,00	198,83	313,53

Составлено по данным: Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. С. 108.

Стремительное удаление цен частного рынка от стабильных плановых закупочных цен говорило о том, что последние не учитывают и не балансируют изменения спроса и предложения сельхозтоваров. Головокружительный взлет цен частной торговли вызывался, с одной стороны, дефицитом предложения аграрной продукции, с другой стороны, избытком покупательского спроса, нагнетаемого инфляционной кредитно-денежной эмиссией.

Государственное предпринимательство в области заготовок сельскохозяйственных продуктов имело “военно-коммунистический” характер, а контрактация, в которой обозначались объемы и цены закупок, очень “смахивала” на протравку. Такой вывод напрашивается при сравнении динамики равновесных, по-своему справедливых цен частного рынка с показателями таблицы 7.16.

Плановые заготовительные цены на отдельные виды сельскохозяйственных продуктов складывались под воздействием различных обстоятельств. В движении цен зерновых культур просматривалась корреляция с ходом кампании коллективизации земледельцев. Относительно

высокие цены в 1929/30 г. и 1930/31 г. выполняли функцию “пряника”, заманивавшего крестьян в сельхозартели. После того, как деревенское население зернопроизводящих районов удалось зазвать в колхозы, государственный аппарат “снял с себя маску” благотворительности и преуспел в отстаивании собственных интересов. Резкое снижение закупочных цен и максимальный размер хлебозаготовок в условиях критического падения урожая зерна в 1931 г. можно объяснить усилением централизованного регулирования аграрного сектора и корыстными устремлениями политики перекачивания ресурсов на потребу индустриализации.

Таблица 7.16

Заготовительные цены на сельскохозяйственные товары в 1928/29 – 1931/32 гг., коп.

Виды товаров, единица измерения	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.
Рожь, ц.	551	603	590	551
Пшеница, ц.	762	633	800	765
Овес, ц.	500	528	526	451
Ячмень, ц.	592	597	578	543
Просо, ц.	452	468	482	464
Гречиха, ц.	589	615	639	604
Крупный рогатый скот (живой вес), ц.	2 415	2 404	2 009	2 047
Свиньи (живой вес), ц.	4 118	5 227	4 970	7 904
Молоко (на производство), ц.	1 119	1 119	1 103	1 210
Масло коровье, ц.	17 343	18 486	23 891	26 730
Яйцо, ящик	5 120	6 200	5 760	7 390
Куры, пара	155	205	238	262
Шерсть осенняя, ц.	12 226	14 041	14 534	16 440
Кожи крупные, шт.	936	778	659	571
Средневзвешенный индекс цен на промышленное сырье сельскохозяйственного происхождения, 1927/28 г. = 100	102,3	101,2	110,8	111,6

Составлено по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 129, 395, 397.

Изменения индекса цен промышленного сырья сельскохозяйственного происхождения, в том числе шерсти и молока, отражали необходимость стимулирования его производства. Плавное повышение цен было проникнуто заботой о бесперебойном снабжении казенной обрабатывающей индустрии сельскохозяйственным сырьем.

Неодинаковые темпы сокращения поголовья по отраслям животноводства задавали и разную траекторию движения цен на их продукцию. Кур и свиней в деревне извели быстрее и более всего как главных потребителей фуражного зерна и как живность, численность которой легко воспроизводится. Ощутимое уменьшение товарного предложения свинины, курятины, яиц вызвало соответствующий рост их закупочных цен. Аналогично, за уменьшением общесословного стада коров и снижением надоев молока последовало падение выработки сливочного масла и заметное повышение его заготовительных цен.

Иная динамика ценовых пропорций формировалась на рынке продуктов крупного рогатого скота. Постепенное сокращение продуктивного и рабочего поголовья из-за нехватки кормов оборачивалось избытком предложения мяса и кож (шкур). Поэтому закупочные цены на крупный рогатый скот и крупные кожи имели тенденцию к снижению. Подобным ценообразованием управленцы аграрных ведомств пытались также оберегать рабочий и продуктивный скот от скоропалительного уничтожения, делая его забой максимально невыгодным с точки зрения продажи конечной продукции.

Поскольку цены плановых заготовителей были меньше уровня реального рыночного равновесия спроса и предложения, постольку они играли роль инфляционного налога, который платил аграрный сектор в пользу казенного предпринимательства.

Контрактация закупок крестьянских товаров походила на продрозверстку не только стратегией ценообразования, но и регулированием других параметров торговли. Нормы сдачи продукции менялись в зависимости от результатов производственной деятельности колхозов, в частности от размеров урожая. Передовые артели, добивавшиеся высоких сборов зерна, получали увеличенный план продажи хлеба. Плановые задания передовикам расширялись еще и с целью возмещения потерь от невыполнения плановых наметок нерадивыми колхозами. Произволь-

ный пересмотр условий контрактации подрывал материальную заинтересованность артельщиков в развитии своего обобщественного хозяйства.

Обвальная спад производства аграрной продукции в 1931 г заставил политико-экономическое руководство страны принимать меры, поощрявшие рыночный оборот сельскохозяйственных товаров. Партийно-правительственными постановлениями была создана законодательная база, регламентировавшая организацию колхозной торговли. Постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г. “О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом” и от 10 мая 1932 г. “О плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозов, колхозников и единоличных трудящихся крестьян” был несколько сокращен план государственных заготовок зерна и скота по крестьянскому сектору, а колхозы и колхозники получили право после выполнения заданий государственных закупок и засыпки семенных фондов торговать излишками хлеба и мяса на базарах, в колхозных лавках.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 20 мая 1932 г. определило порядок колхозной торговли и установило для нее налоговые льготы. Юридически закреплялось положение, согласно которому торговля колхозов, колхозников и единоличных трудовых крестьянских хозяйств осуществляется по ценам, складывающимся на рынке. Декларировалась отмена всех налогов и сборов с рыночной торговли колхозов, колхозников и крестьян-единоличников продуктами своего производства⁶⁹.

С появлением колхозной торговли система контрактации стала анахронизмом, и с осени 1932 г. она стала заменяться государственными заготовками на основе твердых обязательств, имевших силу налога. Это было своего рода возрождение нэпа или наступление “неонэпа”, осуществившего замену продразверстки продналогом. Первыми были установлены обязательные поставки мяса. Затем постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1932 г. отменило контрактацию заготовок молока, масла и сыра и ввело обязательные поставки молока по государственным ценам. В начале 1933 г. вышли в свет постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), по которым колхозам и единоличным хозяйствам вменялось сдавать зерно, картофель, подсолнечник, рис, шерсть по твердым плановым заданиям⁷⁰.

Коллективизация крестьянства представляла собой институциональное изменение механизма рыночного оборота сельскохозяйственных товаров. Политико-экономическая бюрократия не смогла обеспечить реализацию своих интересов – изъятие желаемого объема ресурсов на нужды казенного предпринимательства – в рамках традиционной торговли по свободным, договорным ценам при функционировании частного предпринимательства в коммерции и аграрной сфере.

Равновесие на рынке – это равновесие не только спроса и предложения, цены и денег, но и эквивалентность интересов, которая предполагает согласие по выгодам от сделки (доходам) и другим интересующим стороны параметрам товаров (услуг). Уровень этого равновесия зависит от конкретного соотношения сил участников рыночного обмена и механизма его регулирования. Чрезмерное снижение закупочных цен на зерно в 1927 г. и 1928 г. централизованными заготовителями исключило достижение компромисса их интересов с интересами крестьян, считавших диктуемые условия торговли несправедливыми, неэквивалентными.

В ответ на отказ земледельцев продавать хлеб правительство занялось реформированием механизма регулирования интересов. Государственный аппарат сполна использовал свои публично-правовые рычаги. Он законодательно переиначил “правила рыночной игры”, введя “продразверсточную” контрактацию закупок продовольствия и сырья.

Переход с применением насилия к артельной форме организации воспроизводства в сельском хозяйстве разрушил институт частного предпринимательства в аграрном секторе, заменив его институтом “колхозного” предприятия. Отношения государства к крестьянам как к частным собственникам преобразовались в отношения казенного предпринимателя к наемным колхозникам. Денежная форма сравнительно эквивалентного товарообмена уступила место полунатуральной системе оплаты труда – “трудодням”. Институт колхозного предпринимательства обеспечил беспрепятственное отчуждение в пользу казны требуемого количества сельхозпродуктов. Обязательные поставки – смягченный вариант контрактации – в сочетании с колхозной торговлей образовали новый механизм рыночного регулирования.

Твердые цены и размеры сдачи-продажи сельскохозяйственных товаров гарантировали первоочередное удовлетворение потребностей государственного предпринимательства. В этой

сфере торгового оборота уровень “эквивалентности” обмена и “согласования” интересов достигался посредством занижения цен относительно уровня равновесия при добровольном товарообмене, т.е. посредством подчинения интересов продавцов-крестьян выгодам казенных покупателей. Другие уровни эквивалентности товарно-денежного оборота и “консенсуса” интересов складывались при продаже оптовикам крестьянских продуктов по повышенным закупочным ценам сверх планового задания и по высоким ценам колхозной розничной торговли.

Таким образом, трансформация института предпринимательства в аграрном секторе была сопряжена с изменениями размеров изъятия его ресурсов в пользу государства и с созданием механизма многоуровневого регулирования рыночного оборота сельхозтоваров. Нижний уровень рыночного равновесия определялся ценами и объемами обязательных поставок продовольствия и сырья. Здесь действовали нормы публичного права. Обязательные поставки были своеобразным налогом, который, как разницу в ценах, платило крестьянство в казну.

Верхнюю границу рыночного равновесия очерчивали цены колхозной (базарной) торговли. Тут царила стихия свободного ценообразования, зависевшего от колебаний денежного спроса покупателей и предложения товаров продавцами. Добровольное заключение сделок подпадало под действие гражданского права. Между верхним и нижним пределами цен располагался целый спектр “тоже равновесных” цен сверхплановых закупок централизованных заготовителей, государственной и кооперативной торговли.

* * *

В 1929 г. степень дефицитности хозяйственных ресурсов достигла очередного порогового уровня. Обострявшаяся нехватка топлива, сырья, полуфабрикатов и прочих продуктов производственного назначения побудила правительство пойти по проторенной в годы военного коммунизма “дорожке” централизованного руководства экономикой. Политическая воля к концентрации распорядительных полномочий в Москве была обнародована постановлением ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. “О реорганизации управления промышленностью”. В соответствии с партийным документом было устранено параллельное функционирование синдикатов и главков ВСНХ.

Позиции синдикатов в отраслевом руководстве индустрией на исходе 20-х годов укрепились благодаря сосредоточению у них финансовых и кредитных средств, а также постепенному замещению оптовой торговли плановым снабжением и сбытом продукции. Поэтому на основе синдикатов были образованы отраслевые промышленные объединения, а главки ВСНХ были ликвидированы. При слиянии главков и синдикатов возникло 33 всесоюзных отраслевых объединения: “Союзуголь”, “Союзнефть”, “Энергоцентр”, “Сталь”, “Станкообъединение”, “Цветметзолото” и др.⁷¹ Заодно с ними учредили республиканские и местные объединения. Новые управленческие структуры действовали на началах хозрасчета, т.е. соизмерения затрат с доходами и самоокупаемости.

Во всесоюзных отраслевых объединениях постарались совместить оперативное управление с планированием хозяйственной деятельности соответствующих промышленных комплексов и добиться тем самым максимальной концентрации распорядительных функций в одних руках. Эти властные полномочия расширились до уровня первичных производственных звеньев. Деятельность предприятий была перестроена на принципах хозяйственного расчета. Фабрики и заводы получили права юридического лица и обзавелись собственными бухгалтерскими балансами и банковскими счетами.

Предприятия стали объектом централизованного директивного управления, попали в сферу планового распределения ресурсов и готовой продукции. О том, насколько тесно реорганизация руководства казенной индустрией была связана с углублением диспропорции между рыночным спросом и предложением товаров, говорят следующие данные. Если в 1929 г. 85% промышленной продукции реализовывалось по прямым договорам поставщиков с потребителями, то к концу 1930 г. только 5% продукции поступало в свободный рыночный оборот. Остальные 95% промышленных изделий распределялись “сверху” (вышестоящими учреждениями) в порядке установления ограниченных фондов и нарядов⁷².

Предоставление хозяйственной самостоятельности фабрикам и заводам укрепило отраслевое руководство и ослабило непосредственно подчиненное ему звено – тресты. Из мощных хозрасчетных организаций тресты превратились в заурядных посредников, передававших команды

центра на места. У них отобрали функции управления коммерческой деятельностью (снабжением, сбытом и т.п.), оставив в ведении вопросы технического сопровождения производства.

Хозрасчет предприятий заметно отличался от хозрасчета трестов. Такой вывод вытекает из анализа таблицы 7.17. Правительство, переводя предприятия на хозяйственный расчет, уменьшило долю прибыли, оставляемой в первичной производственной единице с 29,5% до 19,2%. Если же считать собственно средства расширения хозяйственной деятельности предприятий, то их удельный вес сократился вдвое – с 20,2% до 10%. Стало быть, переделка системы управления казенным сектором индустрии затевалась также ради изъятия большего количества денег у фабрик и заводов и перекачки их в бюджет.

Таблица 7.17

Структура распределения прибыли хозрасчетных трестов и предприятий, %

Показатели распределения прибыли	По положению о трестах от 29 июня 1927 г.	По закону от 16 декабря 1929 г.
Платежи в бюджет, всего	50,3	60,8
в том числе: подоходный налог	10,0	10,0
отчисления от прибыли	40,3	48,0
отчисления на профтехобразование (втузы)	-	2,8
Отчисления в специальный капитал БДК (банка долгосрочного кредитования)	9,0	20,0
Капитал расширения, всего	22,5	10,0
в том числе: взносы в БДК	11,25	-
остаток у предприятия	11,25	10,0
Резервный капитал	9,0	-
Отчисления в ФУБР (фонд улучшения быта рабочих)	9,0	9,0
Выплата премий	0,2	0,2
Итого:	100,0	100,0

Составлено по данным: Дьяченко В.П. История финансов СССР. С. 160.

Серьезная реструктуризация хозяйственно-бюрократического аппарата не завершилась моментно. Отраслевые объединения оказались громоздкими конгломератами, охватывавшими десятки и даже сотни разнопрофильных предприятий. Так, текстильное объединение вобрало в себя 508 фабрик хлопчатобумажной, шелковой, льняной, шерстяной и т.п. промышленности. Квалифицированного правления экономикой в подобных обстоятельствах ждать не приходилось.

Неслучайно еще в 1930 г. было проведено разукрупнение единых отраслевых органов. Вместо них были созданы специализированные главные управления металлургии, машиностроения и т.д. Одновременно учреждались специализированные сбытовые и снабженческие организации - “Стальсбыт”, “Цветметсбыт” и др.⁷³ В отличие от прежних синдикатов, занимавшихся рыночной оптовой торговлей, “снаб-сбыты” обеспечивали плановый, нормируемый торговый оборот в условиях постоянного товарного голода. Сие было не простой сменой вывески, а трансформацией институционального свойства, поскольку затрагивало совокупность норм права по определенному кругу экономических отношений. Поэтому новые главки уже не были хозрасчетными заведениями.

После разукрупнения количество специализированных главков превысило рациональные пределы и ВСНХ замешкался в руководстве ими. Постановление ЦК ВКП(б) от 25 декабря 1931 г. оставило в ведении ВСНХ только тяжелую индустрию. Управление легкой и лесной промышленностью выделилось в отдельные наркоматы. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 января 1932 г. ВСНХ СССР был преобразован в Народный комиссариат тяжелой промышленности СССР⁷⁴. Реформируемая система управления не устраивала правительство по причине многозвенности. Поиск оптимального варианта привел к упразднению промежуточных звеньев – промышленных объединений и трестов. Получилось опять нечто похожее на изначальный образец 1929 года. Так, в 1933 г. главкам Наркомата тяжелой промышленности непосредственно подчинялись 150 заводов и комбинатов⁷⁵.

Вслед за предприятиями промышленности в 1931 г. хозяйственный расчет был распространен на речной и железнодорожный транспорт. Судно, как первичная хозяйственная единица, приравнивалось к предприятию и обязано было работать на основе промфинплана. Железные

дороги, депо и прочие низовые производственные звенья железнодорожного транспорта также должны были действовать в условиях директивно-плановой самокупаемости⁷⁶.

* * *

Создание в 1930 г. жестко централизованной системы управления государственным сектором было поворотным историческим пунктом, означавшим, что казенное предпринимательство перевело отечественную экономику в мобилизационный режим функционирования. До сих пор правящая власть прибегала к широкомасштабному “плановому” регулированию российского хозяйства в годы первой мировой и гражданской войны с целью концентрации и использования средств для отстаивания собственных политико-экономических интересов.

Становление в начале 30-х годов директивно-плановой модели хозяйственного руководства свидетельствовало, что государственное предпринимательство исчерпало “свободные” ресурсы, которые можно было направлять на индустриализацию державы, находясь в рамках многоукладной рыночной экономики. Распространению механизма планового регулирования на все хозяйство Советского Союза препятствовало наличие неприспособленных к нему, а потому и “непослушных” мелких товаропроизводителей в аграрной сфере, промысловых кустарей и ремесленников, частных дельцов в розничной торговле и цензовой индустрии.

Командовать из центра этой многомиллионной массой расплывчатых, разношерстных производителей было делом безнадежным. Посему правительство занялось социализацией и укрупнением первичных производственных звеньев в сельском хозяйстве, ремеслах и кустарной промышленности. Связанными кооперативной сетью крестьянами, умельцами, мастеровыми политико-экономическая бюрократия могла уже руководить по своим “плановым” соображениям.

Институт кооперации, построенный по принципу иерархии отраслевых союзов, мало чем отличался от организации казенного сектора экономики. Кооперативный уклад служил основанием, на котором покоилась надстройка государственного предпринимательства. Проявлять инициативу обобществленным – кооперативным и казенным – предприятиям дозволялось лишь в пределах плановых заданий, т.е. в рамках директив вышестоящих властных структур. Плановое руководство было формой реализации публично-правовых полномочий государственного аппарата.

Частное предпринимательство целиком интегрировать в зону социализированного хозяйствования вряд ли удалось бы из-за противоречивости интересов сторон. Выгода государственного чиновничества заключалась в наибольшем изъятии средств на казенные нужды из доходов и имущества граждан. Кроме того, ограничение индивидуальной коммерческой деятельности прямыми “плановыми” указаниями было несовместимо с гражданско-правовыми нормами, гарантировавшими свободу хозяйственного оборота. Поэтому всеобъемлющее централизованное регулирование экономики предполагало сокращение частного ведения дел до ничтожных размеров.

Тенденция к ликвидации индивидуального предпринимательства зародилась на исходе послевоенного восстановительного подъема, когда обострилась проблема ограниченности накопления и инвестирования капитала. Конкуренция побудила партийно-хозяйственную бюрократию уменьшить доступ предприимчивых людей к экономическим ресурсам. Первыми шагами планового руководства в 1926 г. были запрещение гражданам участвовать в сделках купли-продажи золота и иностранной валюты, а также прекращение Госбанком денежного кредитования частных лиц.

Изменение конкурентной стратегии государственного предпринимательства наглядно представлено в таблице 7.18. Фискальная направленность налогообложения сменилась в 1927 г. тенденцией к подавлению частного бизнеса. В 1930 г. ставки налогов на лиц, имевших торговые и промышленные предприятия, фактически стали запретительными. Из под наиболее мощных капиталистических предприятий была выбита материальная основа простого существования. Весь доход владельцев подлежал сдаче в государственный бюджет. С 1 октября 1929 г. ставки промыслового налога на частные заведения в 1,5 - 2 раза превышали обложение казенных и кооперативных предприятий⁷⁷.

На низведение частных хозяев до неконкурентоспособного состояния была ориентирована политика оплаты железнодорожных перевозок. Для всех грузов обобществленного сектора в 1928 г. были назначены льготные железнодорожные тарифы, а для частных грузов в 1930 г. были установлены дифференцированные надбавки в интервале от 50 до 400%⁷⁸.

Таблица 7.18

Удельный вес налогов в доходах населения в 1923 - 1930 гг., %

Месячные доходы социальных групп населения	1923 г.	1927 г.	1930 г.
Рабочие, служащие, кооперированные кустари, с доходом: 200 рублей	1,56	1,43	1,44
1 000 рублей	14,20	11,0	11,07
3 000 рублей	24,30	27,20	27,20
Некооперированные кустари, ремесленники и лица, имеющие трудовые заработки с доходом: 200 рублей	5,52	7,06	7,06
1 000 рублей	14,20	24,80	31,60
3 000 рублей	26,04	41,50	57,30
Владельцы торговых предприятий и лица, имеющие “нетрудовые деньги” с доходом: 200 рублей	5,52	13,32	14,1
1 000 рублей	14,20	57,00	61,2
3 000 рублей	26,04	94,60	100,00

Составлено по данным: Зверев А.Г. Национальный доход и финансы СССР. С. 249.

Конфискация средств самочинных предпринимателей поглощала ресурсы обществ взаимного кредита, и они в 1930 г. закрылись. В том же году была прекращена частная аренда государственных предприятий. Чуть раньше, в 1928/29 г., мелкая пищевкусовая промышленность была передана в “казенное производство”, иными словами, хлебопекарные, мукомольно-крупяные, маслобойные, табачно-махорочные предприятия аппарат хозяйственного управления прибрал к своим рукам. Поименованные заведения выпускали 45% продукции мелкой (неценовой) промышленности и 10% всей промышленной продукции⁷⁹. Если в 1928 г. на частный сектор приходилось 17,6% валовой промышленной продукции, то в 1932 г. его удельный вес в совокупном промышленном производстве упал до 0,5%⁸⁰.

Сжатие объемов частнохозяйственной деятельности обуславливалось также нарастанием диспропорций между рыночным спросом и предложением. Денежный спрос не обобщественных производителей не покрывался в достаточной степени из-за ограничения доступа к товарным запасам. Продукция казенных фабрик и заводов отгружалась преимущественно государственным и кооперативным торговым и промышленным организациям. Сырье сельскохозяйственного происхождения по мере коллективизации деревни все больше продвигалось по государственно-кооперативным сбытовым каналам, минуя частных.

Свободное предпринимательство зачахло в обстановке хронического товарного голода. Закономерности свертывания частной розничной торговли видны в цифрах таблицы 7.19. Особенно резко сокращалась частная торговая сеть после введения карточной системы и нормированной продажи товаров. В 1931 г. частная торговля практически исчезла, а в 1932 г. она была запрещена законодательно⁸¹.

Таблица 7.19

Показатели розничного товарооборота частной торговли в 1926/27 – 1930 гг.

Показатели	1926/27 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Число частных предприятий розничной торговли, тыс.	385,0	153,5	47,2	11,8
Объем розничного товарооборота частной торговли, млн. руб.	5 063,5	3 406,6	2 273,4	1 043,0
Удельный вес частной торговли в общем розничном товарообороте, %	36,9	22,5	13,5	5,6

Рассчитано по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 134; История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 457.

Государственный аппарат мог полностью разгромить не социализированное предпринимательство в тех сферах, где тому находилась подмена. Так было в ценовой индустрии, ибо здесь передача предприятий из частных рук в распоряжение кооперации или ведомственных управленцев не прерывала изготовление продукции. Аналогично развертывание государственной розничной торговли по коммерческим ценам, близким к уровню рыночного равновесия, худобно замещало частную торговлю по вольным, гибким ценам.

Иная ситуация складывалась в мелкой, кустарной промышленности, которая в 1928 г. составляла на продажу 22,4% всех промышленных изделий и в которой трудились 57,1% индустриальных работников. Кустарные промыслы и ремесла были крепко привязаны к сельскому хозяйству. Примерно 74% перерабатываемого мелкой промышленностью сырья было сельскохо-

зайственного происхождения. Вне городов проживало 76,2% занятых в кустарной промышленности, производивших 57,5% ее валовой продукции⁸².

Поскольку мелкая промышленность оставалась единственным изготовителем многих предметов потребления и хозяйственного обихода, постольку о ее закрытии речи не могло идти. Тут, как и в случае с крестьянством, правительство применило стратегию кооперирования кустарей и ремесленников. В частности, через систему промысловой кооперации налаживался планомерный сбыт товаров. О расширении генеральных договоров и соглашений по продаже кустарных изделий через сеть Всекоопромкомитета говорят данные таблицы 7.20.

Таблица 7.20

Сбыт изделий кооперированной кустарной промышленности в 1927/28 – 1929/30 гг.

Годы	Сумма реализуемой промысловой кооперацией продукции, млн. руб.	Удельный вес кооперативной торговли в общем товаро-обороте кооперированной кустарной промышленности, %
1927/28	29,0	25,8
1928/29	212,6	75,8
1929/30	573,1	83,9

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 281.

До начала сплошной коллективизации крестьян кооперирование мелкой промышленности развивалось неспешно; его динамика отражена в таблице 7.21.

Таблица 7.21

Численность ремесленников и кустарей в 1928 - 1930 гг., тыс. человек

Показатели	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Общая численность кустарей и ремесленников	8 374,0	9 028,4	9 643,6
в том числе: объединенных в кооперативы	2 531,3	3 268,2	4 671,8
не объединенных в кооперативы	5 842,7	5 760,2	4 971,8

Составлено по данным: Кац Вл. Народный доход СССР на новом этапе // Плановое хозяйство. 1931. № 4. С. 101.

Темпы кооперирования кустарей и ремесленников почти совпадали со скоростью колхозного движения, иногда опережали его. Так, в 1932 г. по Средневолжскому краю при коллективизации 86% крестьянских хозяйств было объединено в кооперативы 91,6% сельских кустарей, по Нижегородскому краю эти показатели соответственно составили 45,3% и 58,1%, по Западной Сибири – 66% и 68,9%⁸³. Сопряженность обоих процессов обобществления объяснялась сырьевой зависимостью многих промыслов от продукции колхозов.

Ведя кампанию кооперирования самодельных промысловиков, правительство применяло тактику “кнута и пряника”. Вступление в артель или товарищество давало ремесленникам и кустарям в 1930 г. двух-, трехкратную льготу в налогообложении их доходов. На не желавших расставаться с хозяйственной свободой мелких производителей налоговое давление усиливалось.

Специально поощрялась социализация промысловой бедноты. При вхождении в артель ей оказывалась помощь из централизованного фонда кооперирования в виде ссуд на оплату паевых взносов, организацию общих мастерских, приобретение оборудования и материалов. Постановление Всекоопромсовета от 14 июня 1930 г. облегчило порядок вступления в кооперативы, установив дифференцированную и рассроченную оплату паевых взносов с учетом доходов пайщиков. Размер дифференцированного пая не превышал 12%, а в среднем составлял 7% от заработка.

Государство предоставляло кооперации льготы при кредитовании, поставках сырья и орудий труда. С 1930 г. снабжение промысловых артелей и товариществ производственными ресурсами стало осуществляться на основе государственного плана, а выдача сырья и материалов из казенных фондов частным предпринимателям прекратилась⁸⁴.

К концу 1932 г. кооперация захватила уже около $\frac{3}{4}$ всех кустарей. В этом деле хозяйственный аппарат навязал свои кондиции обобществления. Если в 1928 г. промкооперация объединяла преимущественно снабженческо-сбытовые и кредитно-промысловые товарищества, то в 1933 г. из 14 811 союзных кооперативов снабженческо-сбытовыми товариществами числились лишь 133, или 0,9% от общего количества. Распределение остальных объединений кустарей и ремесленников выглядело так: производственные артели – 12 441, промколхозы – 1 022, промысловые артели – 785, производственные товарищества – 430⁸⁵.

Дозируемое снабжение сырьем позволило центральной бюрократии “планово” руководить промкооперацией, формировать ее производственную программу. В результате такого воздействия доля изделий потребительского назначения в валовой продукции мелкой промышленно-

сти снизилась с 76,3% в 1928/29 г. до 67% в 1932 г.⁸⁶ Пропорционально увеличился удельный вес продуктов, изготавливаемых для нужд индустриализации.

Уменьшая отпуск сырья и материалов скооперированным кустарям и ремесленникам, органы хозяйственного управления инициировали сокращение занятости в производстве потребительских товаров и отток высвобождавшейся рабочей силы в города, на заводы и стройки. Тем самым решалась проблема комплектования казенного сектора индустриальными кадрами.

В целом прослеживалась тенденция к уменьшению физического объема продукции мелкой промышленности, что в немалой степени обуславливалось падением производства сельскохозяйственного сырья. Мелкая промышленность произвела (в пересчете по неизменным ценам 1926/27 г.) продукции в 1927 г. на сумму 4,69 млрд. руб., в 1928 г. – 4,63 млрд. руб., в 1932 г. – 4,51 млрд. руб.⁸⁷

Коллективизация крестьян, кооперирование ремесленников и кустарей, ликвидация частных предприятий видоизменили социальную стратификацию и структуру укладов в экономике страны. Фактически исчезало сословие частных капиталистических предпринимателей, и естественным образом “растворялся” частнохозяйственный уклад. Преодоление нэпа трансформировало пирамиду социально-экономических укладов. Ее новый облик (снизу-вверх) выглядел так: семейное хозяйство, индивидуально-трудовой уклад и колхозно-кооперативный уклад, государственно-корпоративный уклад, сфера бюджетно-финансируемых казенных учреждений и организаций.

Успехи обобществления превратили отечественное хозяйство в сплошное пространство централизованного руководства. Посему переиначивалась практика планирования. Два первых годовых плана пятилетки на 1928/29 г. и 1929/30 г. представляли собой контрольные цифры, т.е. ориентиры для деятельности предприятий и отраслей государственного сектора. Появление плановых заданий на 1928/29 г. было реакцией правительства на критическое состояние рыночного оборота товаров. Оно потребовало налаживания розничной торговли по карточкам и нормированного обеспечения населения продуктами. Точно также регулируемое распределение продукции в оптовом обороте и нормированное снабжение отраслей и предприятий легло в основу плановых наметок на первый год первой пятилетки.

После “особого” квартала в октябре-декабре 1930 г. политико-экономическая бюрократия перешла к календарному директивному планированию. Годовой план 1931 г. был уже не контрольными цифрами, а государственным документом (распоряжением), обязательным к исполнению всеми отраслями, предприятиями и регионами Советского Союза. Коллективизация крестьян и кооперирование кустарей, ремесленников создали предпосылки планового руководства сельским хозяйством и мелкой промышленностью.

Дабы повысить эффективность выполнения напряженных заданий пятилетки, с 1931 г. правительство взялось утверждать не только годовые, но и квартальные планы народного хозяйства⁸⁸. Так как траектория движения советской экономики отклонялась от планово-расчетной, то надо было постоянно корректировать централизованно устанавливаемые показатели, а то и вмешиваться в оперативную деятельность отраслевых главков, трестов или предприятий.

Бюрократия всячески старалась улучшить функционирование механизма реализации планов, не забывая внеэкономические методы. В частности, ЦК ВКП(б) принял 5 сентября 1929 г. постановление “О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия”⁸⁹, которое возложило на администрацию предприятий всю ответственность за количественное и качественное выполнение производственной программы.

Ради усиления планового руководства нашим хозяйством в 1929 - 1930 гг. было осуществлено экономическое районирование страны. Вместо губерний, уездов и волостей были созданы края и области. Кроме рациональной хозяйственной специализации территорий, эта мера задумывалась и как средство приближения “партийного и советского руководства непосредственно к местам”⁹⁰. С 1931 г. народнохозяйственные планы содержали разверстку показателей по республикам, краям и областям.

О выполнении основных заданий пятилетнего плана к концу 1932 г. было заявлено на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. Стало быть, первая советская пятилетка, начавшаяся в октябре 1928 г., длилась всего 4 года и 3 месяца.

* * *

Механизм регулирования отечественного хозяйства реформировался комплексно. Почти сразу же за реорганизацией управления промышленностью последовала кредитная реформа. Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 января 1930 г. “О кредитной реформе” разрушило систему отпуска товаров и оказания услуг в кредит. Отмена коммерческого кредитования ликвидировала вексельное обращение и учет векселей в банках. Так “зарос быльём” элемент хозяйственного механизма, восстановление которого в первые годы нэпа помогло реанимировать российскую банковскую сеть.

С точки зрения государственного предпринимательства, запрещение коммерческого кредита в условиях централизации управления и “дичавшего” товарного голода казалось весьма логичным. Вексельное обращение было каналом стихийного, внепланового перелива средств из одной отрасли в другую. Оно санкционировало перераспределение капитала между трестами, синдикатами по усмотрению их директората. Вольное хождение векселей нередко препятствовало прямому плановому руководству экономикой, и правительство устранило эту помеху.

В обстановке хронического дефицита товаров традиционная оптовая торговля вырождалась в нормированный снабженческо-сбытовой оборот продукции и система коммерческого кредита перестала функционировать нормально. По той же причине “на закате” нэпа изжила себя синдикатская форма организации торговли. Из-за нараставшего недостатка собственных оборотных средств коммерческий кредит трестов и синдикатов все больше покрывался денежными ссудами банков. Поэтому замена в 1930 г. вексельного обращения прямым банковским кредитованием была очевидным шагом правящей власти.

По замыслу реформаторов Госбанк, сосредоточивший в своих филиалах краткосрочное кредитование, должен был осуществлять планирование ссудных операций и обеспечивать “контроль рублем” за хозяйственной деятельностью предприятий, за исполнением ими плановых установок. С этой целью каждому предприятию был открыт единый контокоррентный банковский счет для зачисления выручки от продажи продукции, проведения текущих платежей, а также для получения и использования привлеченных заемных денег.

Предполагалось, что Госбанк будет полностью удовлетворять потребности отечественной экономики в краткосрочных ссудах. На практике это намерение воплотилось в “автоматизме” кредитования “под план” вместо кредитования фактических хозяйственных сделок. Предприятия обретали желаемые суммы денег независимо от выполнения плановых заданий, от результатов работы, ибо банк всегда оплачивал все их затраты. У производителей пропали стимулы к бережному расходованию средств.

Еще одной “причудой” реорганизации банковской сферы стал “автоматизм” в расчетах клиентов. Учреждения Госбанка переводили рубли на счет поставщика товаров или услуг со счета получателя-плательщика без ведома и согласия (акцепта) последнего, а лишь по предъявлению поставщиком документов (счета-фактуры) на отгруженную продукцию, без выяснения соответствия условий поставок оговоренным срокам, качеству, ассортименту, ценам и т.д.

В первые же месяцы действия пореформенных правил кредитования, вступивших в силу с 1 апреля 1930 г., на советскую экономику обрушился вал кредитов, наличной денежной массы, ненужных, неликвидных товарных запасов. За 1930 - 1931 гг. запасы материальных ценностей в хозяйстве утроились⁹¹. Масса наличных денег в обращении за 1929/30 г. возросла с 2 642,2 млн. руб.⁹² до 4 263, 9 млн. руб., или на 61,4%. Приросты денежной массы составили в I квартале – 126,6 млн. руб., во II квартале – 99,1 млн. руб., в III квартале – 586,4 млн. руб., в IV квартале – 809,6 млн. руб.⁹³ Интенсивное увеличение эмиссии началось с III квартала, т.е. именно с апреля 1930 г. К концу 1932 г. сумма долгосрочных кредитов достигла 6,3 млрд. руб., против 5,4 млрд. руб. в июле 1929 г. Размеры краткосрочных ссуд за тот же период увеличились с 4,6 млрд. руб. до 10,5 млрд. руб.⁹⁴ Следовательно, количественные и качественные сдвиги в денежном обращении происходили в негативном направлении.

Тенденция к слиянию кредитно-финансовой системы и финансов отраслей⁹⁵ вместо “чаемого” укрепления плановой дисциплины обернулась “плановой” бесконтрольностью и бесхозяйственностью. Возникшая ситуация чем-то напоминала военно-коммунистический режим работы предприятий на сметно-бюджетном финансировании, без выделения их собственного оборотного капитала. Поэтому срочно были приняты меры по исправлению допущенных ошибок.

Постановления СНК СССР от 14 января и 20 марта 1931 г. пресекли безразборчивую раздачу кредитных средств и “отключили автоматику” расчетов между хозяйственными организа-

циями. С той поры счета поставщиков оплачивались банком лишь с согласия (акцепта) заказчика, убедившегося в соблюдении условий торгового договора. Предприятия могли использовать выделенные им кредиты (лимиты) лишь в меру выполнения показателей промфинплана, т.е. своих обязательств перед государством. Временные (сезонные) потребности в оборотном капитале кредитовались в целевом порядке, на принципах срочности, материальной ответственности и возвратности взятых ссуд. Убытки предприятий перестали компенсироваться Госбанком, а отражались в их бухгалтерских балансах, побуждая директоров совершенствовать хозяйственную деятельность.

Постановление СТО от 23 июля 1931 г. “Об оборотных средствах государственных объединений, трестов и других хозяйственных организаций” узаконило строгое разграничение оборотных средств предприятий на собственные и заемные. Каждому предприятию устанавливались нормативы минимально необходимых запасов собственных оборотных средств. Определялись те объекты хозяйства, которые обслуживались собственными оборотными ресурсами предприятий, и те, для воспроизводства которых можно было привлекать заемные, банковские деньги. Обособление оборотного капитала предприятий, по мнению правительства, должно было покончить с иждивенческим настроением их администраторов и заставить последних заниматься мобилизацией внутренних хозяйственных резервов. Довершением кредитной реформы было открытие с 1 ноября 1931 г. всем хозрасчетным предприятиям двух банковских счетов: расчетного счета для собственных оборотных средств и ссудного счета для заемных денег⁹⁶.

Размежевание собственного оборотного капитала предприятий и банковского, ссудного капитала можно рассматривать как очередное разрешение внутреннего противоречия государственной собственности. Интересы коллектива предприятия были ограничены оперативным хозяйственным использованием оборотных средств в пределах их планового норматива, утвержденного вышестоящей инстанцией. Осуществление дополнительных вложений капитала было прерогативой собственника – центрального управленческого аппарата. Поэтому размеры привлекаемых кредитов планировались предприятиям “сверху”, а для контроля за использованием банковских ссуд завели специальные счета.

Противоречие государственной собственности проявлялось на протяжении всего периода нэпа в поиске оптимальных форм координации воспроизводства основного и оборотного капитала казенных предприятий и организаций. Подтверждением тому была череда законодательных регламентаций коммерческого и хозяйственного расчета трестов, синдикатов, предприятий. Первичные производственные звенья осуществляли более или менее полно права собственника лишь на оборотные средства. Распорядительные полномочия в отношении основных капитальных благ политико-экономическая бюрократия никогда не выпускала из своих рук.

Попыткой разрешения противоречия казенной собственности было и разъединение сфер долгосрочного инвестирования и краткосрочного кредитования. До реформ начала 30-х годов весомая доля бюджетных денег притекала в экономику в виде возвратных инвестиций. На 1 октября 1928 г. бюджетные средства составляли половину суммы долгосрочных ссуд, выданных банками⁹⁷. Кредитная форма выделения ресурсов на строительство новых или реконструкцию действовавших предприятий водворяла их в менее выгодную обстановку, обязывая уплачивать проценты и погашать ссуды специальными отчислениями.

Однако бюджетные ассигнования, учитываемые как долгосрочные кредиты, накапливались безнадежными долгами и периодически списывались правительством. По свидетельству К.С. Шрейбера: “7 августа 1928 г. СНК СССР, установив общую сумму консолидированного долга предприятий общесоюзного значения на 1 октября 1927 г. в размере 792 722 тыс. руб., признал из них возвратными лишь 126 105 тыс. руб.. 19 марта 1929 г. СНК СССР, установив общую сумму консолидированного долга предприятий общесоюзного значения по бюджетному финансированию 1927/28 г. и 1928/29 г. в сумме 671 081 тыс. руб., признал из них возвратными лишь 118 851 тыс. руб.”⁹⁸.

Подобную практику автор прокомментировал так: “В условиях нашей экономики вопрос о возвратности или безвозвратности самодовлеющего значения не имеет. Вопрос этот является техническим и производным, всецело зависящим от того решения, которое будет принято по вопросу о системе перераспределения внутри промышленных ресурсов”⁹⁹. 21 апреля 1930 г. СНК СССР постановил, что ассигнования средств по единому государственному бюджету и

финансирование государственных промышленных, торговых, транспортных и сельскохозяйственных предприятий являются безвозвратными.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 16 декабря 1929 г. о распределении прибылей государственных промышленных трестов дало старт процессу унификации платежей из прибыли в доход государства. Согласно этому закону изменились вкладные операции БДК (Банка долгосрочного кредитования), заключавшиеся ранее в принятии в качестве долгосрочных вкладов: возвратных бюджетных ассигнований, половины капитала расширения трестов, части их амортизационных отчислений.

Упразднение долгосрочных вкладов из капиталов расширения предприятий и возвратных бюджетных авансов лишили БДК всякой “кредитной” работы; ведь движение амортизационных фондов и формирование специального капитала заметно отличалось от обычных способов долгосрочного банковского инвестирования. Поэтому верно суждение эксперта о том, что в деятельности БДК произошли существенные изменения в направлении его превращения из кредитного в планово-контрольное учреждение¹⁰⁰.

В мае 1932 г. постановлением правительства в системе Наркомфина СССР были образованы четыре специальных банка долгосрочных вложений: Промбанк, Сельхозбанк, Всекобанк, Цekomбанк. На них было возложено финансирование, долгосрочное кредитование капитального строительства и контроль за целевым использованием средств. Подчинение банков долгосрочных вложений Наркомфину обуславливалось усилением роли бюджета в финансировании отечественной экономики¹⁰¹.

Таким образом, расширенное воспроизводство основного капитала почти полностью перешло в режим безвозвратного и безвозмездного, т.е. беспроцентного, бесплатного для предприятий бюджетного финансирования. Кредитная форма капитальных вложений сохранилась только при инвестировании казенных ресурсов в колхозно-кооперативный сектор.

Фактически в рамках кредитных отношений осталось циркулирование оборотного капитала предприятий. Выдача краткосрочных ссуд сосредоточилась в филиалах Госбанка, который оказался обособленным от учреждений долговременного инвестирования. Сие означало отделение рынка денег, в том числе и краткосрочных кредитов,¹⁰² от рынка капиталов. Разграничение сфер воспроизводства основного и оборотного капитала было закономерным результатом нарастания структурных диспропорций в отечественном хозяйстве, обремененным напряженной индустриализацией.

По той же причине ускоренного, инфляционного экономического роста обострились внутренние противоречия и произошел раскол кредитно-денежного обращения. Правительство, введя с 1931 г. кассовое планирование, “разрубило” единый оборот денег на две части: оборот наличных копеек и рублей, обслуживавший движение потребительских товаров, доходов и расходов населения; и оборот безналичных средств платежа, в том числе банковских кредитов, используемых в расчетах предприятий и организаций преимущественно за продукцию производственного назначения. Образовались две самостоятельные области товарно-денежного обращения, каждая со своим уровнем и механизмом равновесия.

Государственные и кооперативные предприятия и организации были обязаны предоставлять Госбанку месячные и квартальные планы поступления и расходования наличных денег. Так возникла система прямого планового регулирования денежных потоков – наличного и безналичного. Кассовое планирование, по словам З.В. Атласа, “отпочковалось от кредитного”, стало особым объектом планирования, связанным с кредитным планированием лишь в конечном счете – по сальдо обоих планов. Кассовый план разрабатывался независимо от кредитного и ориентировался непосредственно на показатели баланса доходов и расходов населения в сводном народнохозяйственном плане.

Размеры денежной эмиссии увязывались с квартальным кредитным планом, для которого эмиссия являлась источником, покрывавшим часть кредитных вложений. Внедрение кассового планирования позволило партийно-хозяйственному аппарату наладить с 1931 г. жесткий банковский контроль за расходованием фондов заработной платы и проводить желаемую политику доходов соотечественников¹⁰³.

* * *

Проведение налоговой реформы, узаконенной постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 г., было сопряжено с изменениями механизма хозяйственного регулирования и структуры социально-экономических укладов. Директивное управление испытывало трудности, сталкиваясь с планированием множества платежей в бюджет. В 1929 г. действовали 63 канала отчислений денег из промышленности в казну¹⁰⁴. Всего же государственные финансы аккумулировали 86 видов платежей, далеко не одинаковых по своему удельному весу. О раскладе намечавшихся поступлений средств в бюджет повествует таблица 7.22.

Таблица 7.22

Структура платежей в государственный бюджет по плану 1929/30 г.

Виды платежей	Сумма платежей	
	млн. руб.	% к итогу
Акцизы (12 видов)	2 208,2	29,0
Промысловый налог	1 648,4	21,5
Отчисления от прибыли в бюджет (3 вида)	928,1	12,2
Попенная плата	371,7	4,9
Подоходный налог	353,5	4,7
Отчисления в БДК	329,2	4,3
Таможенные пошлины	300,9	3,9
Займы 1928 и 1929 гг.	256,8	3,4
Отчисления в ФУБР	145,1	1,9
Итого 23 платежа:	6 531,9	85,8
Прочие 63 платежа	1 081,8	14,2
Всего 86 платежей:	7 613,7	100,0

Составлено по данным: Дьяченко В.П. История финансов СССР. С. 254.

На первые три показателя падало почти 63% бюджетных поступлений. Последние (прочие) 63 платежа приносили в казну только $\frac{1}{7}$ общей суммы доходов. Разнообразие налогов и налогообработных изъятий соответствовало многоукладности отечественной экономики в середине 20-х годов. Оно помогало сословию чиновников полнее учитывать объекты обложения и настаивать их фискальными тяготами, влиять на развитие отдельных отраслей и секторов хозяйства, осуществлять публично-правовое регулирование рыночных отношений в собственных интересах.

Социализация крестьян, кустарей и ремесленников, вытеснение частной розничной торговли перекраивали основы налогообложения. Постепенно пропадали мелкие товаропроизводители и торговцы, платившие казне “отступное” как частные хозяева. Их место занимали сравнительно крупные коллективные предприятия (юридические лица), порядок обложения которых отличался от индивидуальных “повинностей” физических лиц.

С исчезновением частных предпринимателей заметно упрощалась процедура планирования и сбора налогов. Оставалось два типа объектов обложения: во-первых, государственные и кооперативные предприятия и организации, функционировавшие в зоне “обобществленного” предпринимательства, а посему обязанные делиться предпринимательским доходом с Наркомфином; во-вторых, граждане, снискавшие себе пропитание собственным, в том числе наемным трудом, отдававшие определенную долю заработанных денег в бюджет.

Налоговая реформа 1930 г. реализовала принципы унификации платежей и однократности обложения¹⁰⁵. Взамен внушительного списка налогов и сборов, которые уплачивали обобществленные предприятия в бюджет, были установлены: налог с оборота и отчисления от прибыли для государственных предприятий, налог с оборота и подоходный налог для кооперативных заведений. Наглядное представление о реструктуризации налоговой системы дает таблица 7.23.

Таблица 7.23

Финансовый план 1929/30 г. после реструктуризации налоговой системы

Виды платежей	Количество унифицированных платежей	Сумма платежей	
		млн. руб.	% к итогу
Налог с оборота	53	4 887,6	64,2
Отчисления от прибыли государственных предприятий и подоходный налог кооперации	6	1 256,7	16,5
Прочие налоги, оставшиеся самостоятельными	27	469,4	19,3
Всего:	86	7 613,7	100,0

Составлено по данным: Дьяченко В.П. История финансов СССР. С. 254.

По закону от 2 сентября 1930 г. казенным промышленным предприятиям вменялось перечислять в бюджет 81% прибыли от реализации продукции. В эту сумму были включены ранее самостоятельные отчисления на вузы, платежи в БДК и подоходного налога. От прибыли фабрикам и заводам доставалось 9% в ФУБР на решение социальных задач коллектива, 0,2% - в фонд премирования и 9,8% - в капитал расширения, т.е. фактически на пополнение оборотных средств. Государственные торговые организации отсылали 84% прибыли в казну, которая составляла им 8% прибыли в ФУБР, 0,2% - на премирование и 7,8% в капитал расширения¹⁰⁶.

Долевое распределение прибыли предприятий должно было благоприятствовать режиму хозяйственного расчета, стимулировать выполнение плана выпуска продукции, снижение ее себестоимости, рост производительности труда, экономии денежных и материальных ресурсов. Правительство постаралось заинтересовать предприятия в увеличении прибыли – важнейшем источнике внутрихозяйственного накопления капитала, преследуя пуще прочего выгоды централизованного казенного предпринимательства.

Если прибыль предприятий возрастала или уменьшалась в зависимости от объема реализации продукции и от изменений ее себестоимости, то налог с оборота назначался безотносительно издержек производства и своей ставкой увеличивал уровень цен. Налог с оборота устанавливался в форме твердо фиксированной суммы и был сродни акцизам, т.е. являл собой разновидность косвенного обложения конечного покупателя (потребителя).

В бюджет налог с оборота вносили государственные и кооперативные предприятия легкой, пищевой, мясной, молочной, местной, нефтяной промышленности, электростанции, заготовительные организации, оптовые базы торговли. Совхозы, предприятия тяжелой индустрии, транспорта, связи переводили в фонды Наркомфина только отчисления от прибыли, ибо в цены их продукции и услуг косвенные платежи не входили.

Налог с оборота падал на товары народного потребления и взимался один раз, независимо от количества звеньев, через которые продукт продвигался от производителя к потребителю. Таким образом осуществлялся принцип однократности обложения. Процедура исчисления и взывания налога с оборота облегчила органам хозяйственного управления практику единого, фиксированного ценообразования.

Но самое главное, налог с оборота гарантировал стабильный приток денег в бюджет, на который слабо влияли результаты хозяйственной деятельности предприятий и динамика доходов населения. Повышая ставки косвенного обложения, соответственно и уровни розничных цен, политико-экономическая бюрократия могла спокойно наращивать казенные доходы.

После реформы 1930 г. сложилась налоговая система мобилизационного типа, способная максимально выкачивать денежные средства в централизованные фонды по двум каналам. При помощи отчислений от прибыли и подоходного налога извлекались все “свободные” ресурсы государственных и кооперативных предприятий и организаций. А налог с оборота стал инструментом ограничения потребления и создания вынужденных денежных сбережений граждан, которые отнимало государство. Возможности мобилизации финансовых резервов демонстрируют данные таблицы 7.24.

Таблица 7.24

Доходы государственного бюджета СССР в 1929/30 - 1932 гг., млн. руб.

Статьи доходов	1929/30 г.	Особый квартал 1930 г.	1931 г.	1932 г.
Всего доходов:	13 879	5 269	25 246	38 041
в том числе: налог с оборота	5 653 *	2 420	11 672	19 595
прочие налоги и сборы с населения	1 118	438	2 110	2 986
государственные займы	1 278	356	3 269	3 922
отчисления от прибылей	1 264	1 052 **	2 158	2 023
доходы транспорта и связи	1 390	-	1 770	2 964
средства социального страхования	1 418	408	2 242	3 577

* суммы, соответствующие доходам, унифицированным в налоге с оборота

** вместе с доходами транспорта и связи

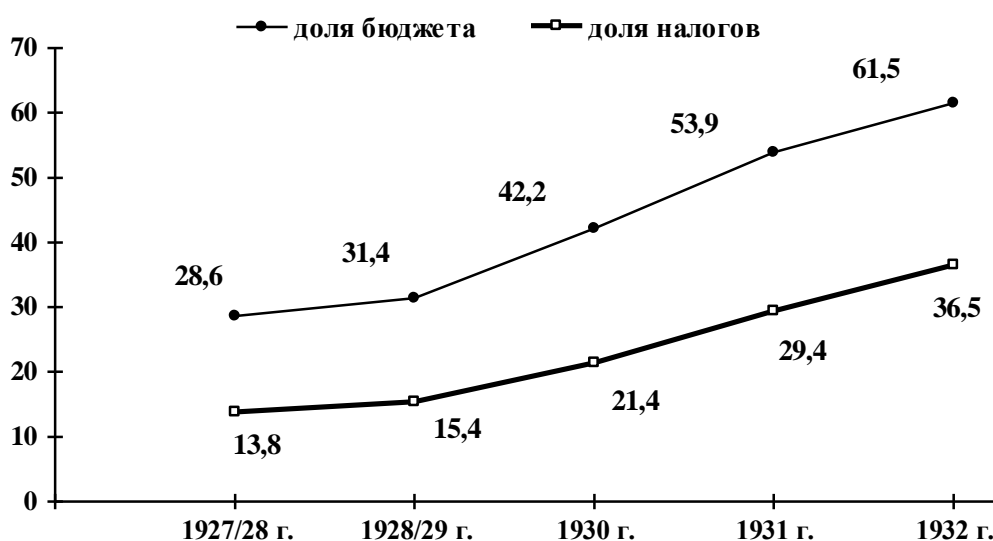
Рассчитано по данным: Дьяченко В.П. История финансов СССР. С. 302; История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 487.

Доходная часть бюджета Советского Союза за рассматриваемый период увеличилась в 2,7 раза. Годовые темпы ее роста более чем вдвое превышали показатели предыдущего трехлетия.

Ускоренная динамика доходов государства, конечно, была связана с обильной денежной эмиссией и инфляционным подъемом цен. Но не меньшее значение имела реконструкция налогов, сопровождавшаяся увеличением их общего сбора и доли среди источников бюджетных средств.

Удельный вес оплачиваемых населением налогов в доходах бюджета за три года повысился с 48,8% до 59,4%. Особенно потяжелел налог с оборота, давший казне в 1932 г. более половины всех денег. Сбор этого косвенного налога напрямую не зависел от хозяйственных результатов работы предприятий. Так, уменьшение отчислений от прибылей фабрик и заводов в 1932 г. на 6,3% по сравнению с 1931 г. соседствовало с годовым приростом налога с оборота на 67,9%. Косвенное налогообложение граждан стало опорой директивно-планового формирования бюджета.

Налоговая реформа поддержала предпринимательскую экспансию государственного аппарата. Это доказывают графики на рисунке 7.1. За первую пятилетку удельный вес национального дохода, перераспределяемого по каналам бюджета, удвоился и составил 61,5%. Важнейшим компонентом агрессивной фискальной политики было расширение налоговых изъятий из народного дохода, доля которых в 1932 г. достигла 36,5%.

Рис. 7.1. Доля государственного бюджета и налогов с населения в национальном доходе в 1927/28 – 1932 гг., %

Рассчитано по данным: Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. С. 76, 106; Дьяченко В.П. История финансов СССР. С. 166, 302; Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12; Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. С. 90 - 91, 108; Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 400.

Свой вклад в наполнение бюджетной “копилки” вносило государственное заимствование, извлекавшее из кошельков и карманов людей солидные суммы. В 1931 г. система государственного кредита подверглась реформированию. Правительство осуществило конверсию (обмен) облигаций ранее выпущенных государственных займов на облигации займа “Пятилетка в четыре года”. Успешная унификация упростила и удешевила для Наркомфина проведение операций по займам, превратив их в долгосрочные. Но принудительное распространение казенных облигаций - по предварительной подписке граждан, с рассрочкой платежей при покупке ценных бумаг - сохранилось. Подмогой властям в этой затее были комиссии содействия госкредиту и сберегательному делу¹⁰⁷.

В 1929 - 1931 гг. было отменено размещение в ценных бумагах Наркомфина денежных средств всех государственных предприятий, учреждений и организаций, кроме сберегательных касс и Госстраха СССР. Казенное заимствование переключилось на доходы физических лиц. Операции по госзаймам были переданы из Госбанка в сберегательные кассы, обслуживавшие население. Сеть сберегательных касс на 1 января 1933 г. охватывала 56 тыс. учреждений, в которых 23,9 млн. вкладчиков хранили 974 млн. руб.¹⁰⁸

Доходы бюджета определяли потенциальные возможности его расходной части. Динамика бюджетного финансирования в 1929/30 - 1932 гг. представлена в таблице 7.25.

Таблица 7.25

Расходы государственного бюджета СССР в 1929/30 - 1932 гг., млн. руб.

Статьи расходов	1929/30 г.	Особый квартал 1930 г.	1931 г.	1932 г.
Всего расходов:	13 322	5 038	25 097	37 995
Расходы на народное хозяйство	6 814	2 800	16 311	25 494
в том числе: промышленность	2 624	1 030	8 117	13 300
сельское хозяйство	1 353	615	2 914	3 944
транспорт и связь	1 521	638	2 420	4 070
торговля, снабжение, заготовки	546	320	1 797	2 273
коммунальное и жилищное хозяйство	720	133	1 029	1 794
Расходы на социально-культурные мероприятия	3 517	1 101	5 396	7 580
Оборона	1 046	434	1 288	1 296
Содержание органов управления	627	135	930	1 185
Расходы по государственным займам	406	75	08	962

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 486.

Роспись расходов бюджета подтверждала, что именно он являлся основой государственного предпринимательства, ориентированного на инвестиции. Удельный вес затрат на народное хозяйство в суммарных расходах увеличился с 51,1% до 67,1%, т.е. почти на треть. Вложения казенных денег в промышленность за рассматриваемые годы возросли в 5 раз и в 1932 г. составляли 52,5% всех расходов бюджета на отечественную экономику. Обратной стороной задорного инвестирования было снижение доли социальных расходов: финансирования жилищно-коммунального хозяйства - с 5,4% до 4,7% и затрат на социально-культурные мероприятия - с 26,4% до 19,9%.

Количественные изменения в формировании доходной части бюджета и в пропорциях его расходных статей были настолько существенны, что привели к появлению новых качественных свойств государственных финансов. После реформ 1930 г. они стали системой преимущественно косвенного обложения народа и перераспределения собранных средств на нужды советского хозяйства, в первую очередь промышленности.

Структура бюджета была приспособлена к потребностям государственного предпринимательства, одержимого идеей индустриализации державы. Мощь партийно-хозяйственной номенклатуры укреплялась за счет увеличения налога с оборота, сбор которого мало зависел от колебаний хозяйственной конъюнктуры и доходов граждан. Косвенное обложение, спрятанное в цене товаров, создавало видимость изъятия прибавочного продукта у промышленных предприятий и тем самым охраняло социальный мир между управленческими иерархами и наемными работниками, платившими изрядную дань в казну по воле этого же руководства.

* * *

Гарантированность поступлений не прямых налогов обеспечивала выполнение инвестиционных программ правительства, закладывала предпосылки непрерывного наращивания капитальных вложений в экономику и поддержания высоких темпов ее развития. Инвестирование оказывалось более устойчивым, поскольку накопление капитала полностью сосредоточивалось в руках государственного аппарата по мере прекращения индивидуального предпринимательства. Частный бизнес предполагал начисление на пускаемые в оборот средства определенного процента, который служил критерием выгодности коммерческого проекта. Замещение инициативы деловых людей казенным хозяйствованием расширяло границы инвестиционной деятельности, ибо понижало требования к эффективности затрачиваемых ресурсов.

Государственное предпринимательство малую долю своих доходов оприходовало в виде прибыли собственных предприятий. Поэтому норма прибыли не была всеобщим критерием эффективности казенного ведения дел. "Львиную" долю бюджетных поступлений составляли платежи налога с оборота, которые доставались даром и могли тратиться безвозмездно, бесприбыльно.

Норма эффективности казенных инвестиций имела нижний предел равный нулю, иными словами, привлеченный капитал должен был просто окупаться, восполнять свою исходную сумму, не принося прибыли. Этот предельный, минимальный уровень выгодности использова-

ния ресурсов – самоокупаемость – был одним из принципов хозяйственного расчета социалистических предприятий и организаций. Из государственного бюджета допускалось финансирование таких объектов, которые с позиций коммерческого расчета не сулили прибыли. В системе казенного предпринимательства вначале формировался суммарный объем инвестиций, а затем уже определялись критерии эффективности капитальных вложений, возникала и решалась проблема их распределения в соответствии с ожидаемой отдачей (доходностью).

Введение налога с оборота в корне трансформировало отечественный инвестиционный комплекс. С одной стороны, оно резко увеличило приток в централизованные фонды денежного капитала, с другой стороны, раздвинуло границы его целевого применения, причем не только за счет роста объема ресурсов. Понижение пороговых требований к эффективности затрачиваемых средств уменьшало препятствия для инвестиций, делало спрос на них не насыщаемым. Данные таблицы 7.26 констатируют, что сфера инвестирования качественно преобразилась после реформ 1930 г.

Таблица 7.26

**Вложения основного капитала в хозяйство СССР в 1928 - 1931 гг.,
млн. руб. (в ценах соответствующих лет)**

Показатели	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Вложения в основные фонды, всего:	6 844	7 693	10 534	15 723
в том числе: амортизация	3 461	3 577	3 783	4 357
накопления в основные фонды	3 383	4 116	6 751	11 366

Составлено по данным: Рагольский М. Итоги накопления первой пятилетки // Плановое хозяйство. 1932. № 3. С. 142 - 143.

Наблюдалась интенсификация капиталопотока в экономику страны. Годовые приросты вложений в основные фонды составляли в 1929 г. – 12,4%, в 1930 г. – 36,9%, в 1931 г. – 49,3%. Особенно быстро росли “чистые” инвестиции (накопления): на 64% - в 1930 г. и на 68,4% - в 1931 г. Такая динамика свидетельствовала о небывалом размахе нового капитального строительства, начиная с 1930 г. Если в 1928/29 г. затраты на расширение и реконструкцию действовавших хозяйственных объектов занимали 45,5% в общем объеме капитальных вложений, а расходы на новые сооружения – 27,7%, то в 1932 г. эта пропорция оказалась перевернутой. Удельный вес нового строительства достиг отметки 46,3%, а доля реконструктивно-расширительных работ опустилась до уровня 27,5% от суммарных инвестиций¹⁰⁹.

Перестройка механизмов регулирования экономики позволила правительству приступить к всеохватывающей переброске ресурсов в тяжелую промышленность. Это подтверждают показатели таблицы 7.27. До 1930 г. процессы финансирования социализированной индустрии развивались плавно, эволюционно. Доля собственных средств - амортизации и прибыли в источниках расширенного воспроизводства промышленности вплоть до особого квартала (октябрь – декабрь) 1930 г. составляла примерно половину. С 1931 г. в индустрию хлынула “река” бюджетно-налоговых денег.

Абсолютные размеры финансирования промышленности кредитной системой резко увеличились в 1930 г. после открытия единых контокоррентных банковских счетов предприятиям и перехода к беззастенчивому выделению им краткосрочных ссуд “под план”. Показатель кредитования 1931 г. отразил не столько “создание” дополнительных оборотных средств, сколько передвижение ресурсов Госбанка во владение фабрик и заводов в результате размежевания собственных оборотных фондов и ссудных денег, а также раздвоения банковских счетов предприятий.

В чистой прибыли, полученной за 1925/26 – 1931 гг. казенной промышленностью в сумме 5 366 млн. руб., доля отраслей группы “Б” составила 3 859 млн. руб. или 72%¹¹⁰. Из легкой индустрии накопления переливались в тяжелую, что зафиксировали два нижних показателя таблицы 7.27. Но в 1931 г. промышленность потребительского назначения перестала быть “донором” индустриализации. Капитальные вложения отраслей группы “Б” поглотили за исключением малого остатка все созданные здесь накопления. Этот факт подтверждается значением последнего коэффициента указанной таблицы. В 1930 – 1931 гг. качественный скачок совершило финансирование из бюджета отраслей группы “А”. Собственные средства тяжелой индустрии покрыли в 1931 г. лишь 7,8% осуществленных ею вложений капитала, остальные 92,2% оплатила казна.

Таблица 7.27

Финансирование социалистической промышленности в 1927/28 – 1931 гг., млн. руб.

Показатели	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	Особый квартал 1930 г.	1931 г.
Сумма финансирования	2 363	2 943	4 877	1 822	10 180
в том числе, капитальное строительство	1 325	1 679	3 422	765	5 900
Источники финансирования: кредитная система	469	463	1 055	435	2 858
собственные накопления (амортизация и прибыль)	1 252	1 580	2 022	560	839
средства бюджета	642	900	1 800	827	6 483
Отчисления промышленности в бюджет	447	499	788	343	824
Сальдо расчетов бюджета с промышленностью	146	401	1 012	484	5 659
Отношение капитальных вложений к собственным накоплениям: в отраслях группы "А"	1,13	1,79	3,62	4,36 *	12,78
в отраслях группы "Б"	0,52	0,45	0,51	0,44 *	0,97

* 1930 г.

Рассчитано по данным: Рагольский М. Вступление в период социализма и основные вопросы расширенного воспроизводства в СССР // Плановое хозяйство. 1931. № 2 - 3. С. 20; Рагольский М. Итоги накопления первой пятилетки. С. 150; Путилов А. К вопросу о накоплении в промышленности // Плановое хозяйство. 1932. № 5. С. 115.

Более подробно накопление капитала в промышленности представлено в таблице 7.28. На протяжении исследуемого периода накопление капитала ускорялось. Суммарный прирост индустриальных фондов в 1931 г. составил 33,4% против 16,4% в 1928 г. Вложения средств в тяжелую промышленность увеличивались быстрее, чем в предприятия группы "Б". Из общего прибавления капитала за 1928 – 1930 гг. в размере 7 764,4 млн. руб. на долю отраслей группы "А" пришлось 6 878 млн. руб., или 88,5%. Особенно буйно прогрессировали инвестиции в основные фонды, темпы притока которых поднялись с 17,4% в 1928 г. до 41,6% в 1931 г. Удельный вес отраслей группы "А" в сводном балансе накоплений основного капитала промышленности за 1928 – 1931 гг. превысил 91%. Только в 1931 г. основные фонды тяжелой индустрии разделились в объеме на 52,3%.

Таблица 7.28

Накопление капитала в социалистической промышленности в 1928 - 1931 гг., млн. руб.

Отрасли промышленности	1928 г.		1929 г.	1930 г.	1931 г.	
	Стоимость фондов на начало года	Сумма прироста	Сумма прироста	Сумма прироста	Стоимость фондов на начало года	Сумма прироста
Вся индустрия: основные фонды	6 643,0	1 158,8	1 630,6	3 316,4	12 748,8	5 308,3
оборотные фонды	3 228,4	455,9	106,7	1 101,0	4 892,0	-
Итого:	9 871,4	1 614,7	1 737,3	4 417,4	17 640,8	-
Группа "А": основные фонды	3 947,8	1 081,6	1 494,0	2 925,0	9 448,4	4 942,8
оборотные фонды	1 704,6	335,5	346,9	695,0	3 082,0	-
Итого:	5 652,4	1 417,1	1 840,9	3 620,0	12 530,4	-
Группа "Б": основные фонды	2 695,2	77,2	136,6	391,4	3 300,4	372,6
оборотные фонды	1 523,8	120,4	- 240,2	406,0	1 810,0	-
Итого:	4 219,0	197,6	- 103,6	797,4	5 110,4	-

Составлено по данным: Путилов А. К вопросу о накоплении. С. 103.

Отмеченные тенденции в динамике промышленного капитала были объективно взаимосвязаны. Интенсификация накопления предполагала усиленное вложение ресурсов в отрасли группы "А", выпускавшие элементы основных и оборотных фондов. Здесь приоритет принадлежал производителям основных капитальных благ, прежде всего станков, двигателей, оборудования и иных средств труда.

Воспроизводство оборотного капитала расширялось медленнее создания основных фондов. Это характерно для циклических подъемов хозяйственной конъюнктуры. Накопление запасов сырья, материалов, топлива сдерживается спецификой их производства. Известно, что природоэксплуатирующие отрасли, ограниченные естественно-технологическими условиями, не могут резко наращивать производство своей продукции - руды, металла, угля, нефти, волокни-

стых веществ, кож и т.д., и ее рыночное предложение не обладает эластичностью изготовления товаров перерабатывающей промышленности.

Кроме природно-технологических обстоятельств на накопление промышленного капитала повлияла социально-экономическая обстановка конца 20-х годов. В легкой и пищевой промышленности возникли перебои со снабжением сырьем из-за сокращения заготовок сельскохозяйственной продукции и падения экспорта зерна. Нехватка отечественных аграрных продуктов и уменьшение закупок импортных красителей, хлопка и т.д. привели в 1929 г. к прямым потерям оборотных фондов в отраслях группы “Б” на сумму 240,2 млн. руб., или на 14,6%.

Поскольку обострение ситуации на рынке сельскохозяйственных товаров было спровоцировано перекачиванием средств в тяжелую индустрию, постольку снижение стоимости оборотного капитала в легкой промышленности оказалось нежелательным последствием политики форсированной индустриализации. Развитие событий было закономерным. Избыточные инвестиции в группу “А” повлекли за собой дезинвестиции, т.е. отток капитала из группы “Б”.

Пик инвестиционной активности государственного предпринимательства пришелся на 1932 г., когда процент расходов на народное хозяйство среди статей бюджета стал максимальным, а доля накопления в национальном доходе достигла наивысшего, предельного уровня. Тенденция возрастания удельного веса фонда накопления в советской экономике во второй половине 20-х годов и вплоть до экстремальной отметки 1932 г. является общепризнанной в научной литературе. Однако конкретные значения этого показателя заметно варьирует по отдельным библиографическим источникам.

В частности, в фундаментальном труде Института экономики АН СССР “История социалистической экономики СССР в семи томах” в первой главе III тома приводятся такие данные: доля накопления в национальном доходе составляла в 1925/26 г. – 15,9%, в 1927/28 г. – 21,3%, в 1932 г. – 26,9%. Здесь же написано, что национальный доход к концу первой пятилетки достиг 45,5 млрд. руб.¹¹¹ Следовательно, счет велся в неизменных ценах 1927/28 года. В третьей главе того же тома дается другая оценка: норма накопления в 1931 г. составила почти $\frac{1}{3}$ всего произведенного в стране национального дохода¹¹².

В серьезной монографии “Баланс стоимостных обменов между городом и деревней” А.А. Барсов предложил собственные, подробные расчеты динамики и структуры национального дохода в 1928 - 1932 гг. в неизменных ценах 1928 г. Автор говорил об использованном национальном доходе, т.е. включил в него сальдо внешней торговли - разницу между импортом и экспортом, что надо признать верным научным приемом. По прикидкам А.А. Барсова, норма накопления с 14,8% в 1928 г. возросла до 44,2% в 1932 г.¹¹³

Думается, что методика расчета структуры национального дохода в неизменных ценах обладает своей очерченной областью применения. Она хороша при выявлении реального (физического) объема потребления населения, как более консервативной составляющей национального дохода, отличающейся сравнительно стабильной номенклатурой продуктов. Сравнение элементов накапливаемой части национального дохода по фиксированным ценам менее оправдано из-за худшей сопоставимости средств производства по качественным и ценовым параметрам, особенно в условиях коренного обновления отечественной индустрии на рубеже 20 - 30-х годов.

Целесообразнее анализировать пропорции общественного воспроизводства в текущих ценах соответствующих лет. Поэтому выкладки А.А. Барсова имеет смысл скорректировать с учетом индексов цен сельскохозяйственных производителей, содержащихся в работе самого автора¹¹⁴, а также с учетом колебаний цен промышленных производителей, представленных А.Н. Малафеевым в книге “История ценообразования в СССР”¹¹⁵. Результаты такого пересчета оформлены в таблицу 7.29.

Полученные значения показателей национального дохода и суммы фонда накопления в ценах соответствующих лет весьма достоверны. Они близки по величине аналогичным статистическим обобщениям в статьях экономистов-современников нэпа¹¹⁶. Изменение удельного веса фонда накопления в национальном доходе было тесно связано с обобществлением частного сектора советской экономики. Доля обобществленного сектора в народном доходе, как указывает Э. Квинтинг, составляла в 1927/28 г. – 46%, в 1928/29 г. – 53%, в 1929/30 г. – 62,5%. В то же время норма накопления народного дохода в социалистическом укладе повысилась с 20,5% до 34,3%¹¹⁷.

Таблица 7.29

**Структура использованного национального дохода СССР в 1928 - 1932 гг.,
млн. руб. (в ценах соответствующих лет)**

Показатели	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Фонд потребления, всего	21 305,7	23 547,1	28 144,1	31 034,9	38 748,8
в том числе: в продуктах промышленности	14 951,6	15 707,8	16 692,0	18 764,3	21 633,5
в продуктах сельского хозяйства	6 354,1	7 839,3	11 452,1	12 270,6	17 115,3
Фонд накопления, всего	3 697,4	4 774,0	8 985,4	15 806,5	23 151,5
в том числе: в продуктах промышленности	2 503,9	4 601,2	9 381,0	15 122,3	22 331,3
в продуктах сельского хозяйства	1 193,5	172,8	- 395,6	684,2	820,2
Национальный доход, всего	25 003,1	28 321,1	37 129,5	46 841,4	61 900,3
Удельный вес фонда накопления в национальном доходе, %	14,8	16,9	24,2	33,7	37,4

Из табличных данных следует, что в процессе социально-экономических реформ 1930 г. партийно-хозяйственные управленцы высшего звена сотворили механизм чрезвычайной мобилизации ресурсов на нужды государственного предпринимательства, позволивший качественно изменить важнейшую макроэкономическую пропорцию между потреблением и накоплением. Даже по осторожным, пессимистическим оценкам доля фонда накопления в национальном доходе удвоилась. Отечественное хозяйство перешло в качественно новый режим экономического роста, которому уже соответствовали иной уровень макроэкономического равновесия, директивно-плановая система регулирования, специфическое состояние рынков товаров, труда, капитала и денег.

* * *

Потоки инвестиций определяли предложение товаров на внутрисоюзном рынке, структуру издержек их производства, цен, уровни прибылей предприятий, размеры доходов и потребления населения. Приоритетное направление бюджетных ресурсов на финансирование отраслей, сопряженных с индустриализацией, привело к изменению структуры производства национального дохода. Приблизительное представление о свершившихся структурных сдвигах в экономике дает таблица 7.30.

Таблица 7.30

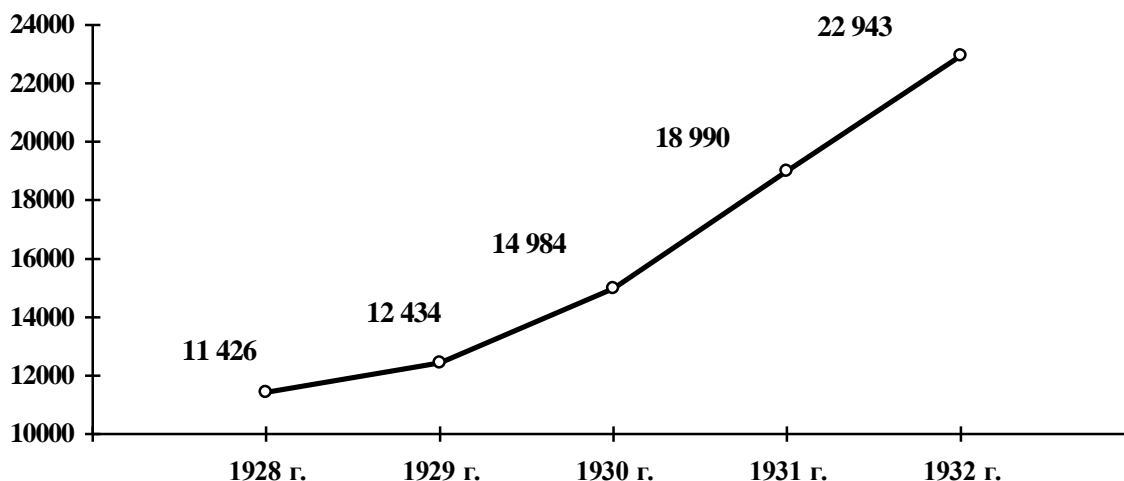
**Отраслевая структура производства национального дохода
в 1928 - 1932 гг., % (в неизменных ценах 1928 г.)**

Отрасли экономики	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Промышленность	30,2	34,1	38,1	40,5	44,4
Сельское хозяйство	37,3	32,6	27,5	24,3	20,7
Строительство	7,5	8,2	10,0	16,2	15,0
Торговля	11,9	11,8	11,8	11,6	12,7
Транспорт (грузовой)	4,4	4,7	4,5	4,3	4,7
Прочие отрасли	8,7	8,6	8,1	3,1	2,5
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Рассчитано по данным: Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. С. 92.

Удельный вес сельского хозяйства в создании национального дохода за 1928 - 1932 гг. снизился на 16,5%. Вклад торговли и транспорта на протяжении пяти лет оставался почти стабильным. В те же сроки удельный вес промышленности в произведенном национальном доходе повысился на 14,2%, а доля строительства удвоилась.

Аграрная сфера приходила в упадок от ухудшения производительности труда крестьян, численность коих испытывала малые колебания. Подъем промышленности и строительства поддерживался в основном увеличением количества их работников, не отличавшихся хорошей квалификацией и производительностью труда. Интенсивность прилива рабочей силы в неземледельческие отрасли отражает график на рисунке 7.2. Массовая миграция людей из деревни в город обуславливалась стечением обстоятельств. Сгоняла крестьян с насиженных мест репрессиями и всеобщим оскудением коллективизация. Приют и пропитание обретали они в городских поселениях, где ощущалась постоянная нехватка рабочих рук. Попадавшие на фабрики и заводы крестьяне повышали свой уровень жизни в 2,5 – 3 раза¹¹⁸.

Рис. 7.2. Среднегодовая численность рабочих в народном хозяйстве СССР в 1928 - 1932 гг., тыс. человек

Составлено по данным: Кац Вл. Народный доход СССР на новом этапе. С. 101; История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 124.

Первоочередное вложение капитала в тяжелую индустрию предопределило преимущественный рост продукции производственного назначения. Такой вывод согласуется с показателями таблицы 7.31. В целом же итоги государственной стратегии индустриализации выглядели противоречиво. Несомненным успехом первой пятилетки было создание практически сызнова современных отраслей: станкостроения, котлостроения, автомобилестроения, сельскохозяйственного машиностроения, авиационной и подшипниковой промышленности.

За 1928 - 1932 гг. основные фонды нашего машиностроения увеличились с 1 688,9 млн. руб. до 4 763, 4 млн. руб., число занятых в нем работников умножилось с 479,9 тыс. человек до 1 429,6 тыс. человек, а валовая продукция (в ценах 1926/27 г.) возросла с 1 631 млн. руб. до 7 628 млн. руб.¹¹⁹ Выпуск готовых изделий опережал динамику основного капитала и прирост занятости рабочей силы. Прогрессивное соотношение экономических параметров достигалось внедрением массового поточного, конвейерного метода организации производства на машиностроительных предприятиях. Оснащение заводов передовым оборудованием повысило технический уровень советского хозяйства. Удельный вес новых машин в общем выпуске машиностроения увеличился с 13% в 1928/29 г. до 57,7% в 1932 г.¹²⁰

Бурный рост машиностроения предполагал пропорциональное развитие технологически соподчиненных сырьевых отраслей - химии, металлургии и топливно-энергетического комплекса. В химической промышленности за 1928 - 1932 гг. основные фонды увеличились с 258,8 млн. руб. до 789 млн. руб., а валовая продукция - с 343,9 млн. руб. до 1 103,9 млн. руб. Особенно быстро прогрессировала органическая химия, освоившая изготовление синтетических материалов. Производство автомобильных покрышек выросло за указанные годы в 3,8 раза, автомобильных камер - в 4,9 раза, искусственных волокон - в 12,8 раза¹²¹.

В отличие от химии подъем металлургии был вялым. Выплавка металла не удовлетворяла полностью потребности нашей экономики, и его импортировали. Так, в 1931 г. было ввезено 1,3 млн. т. стального проката, что добавило 32,5% к его отечественному изготовлению. Зарубежными закупками в начале 30-х годов покрывалось 36% потребления меди, 56% - цинка, 60% - свинца¹²². Развертывание машиностроения обостряло дефицит металлов. Для увеличения их производства тратились огромные суммы денег. В черную металлургию за годы пятилетки было инвестировано 2 881,3 млн. руб., из них 834,1 млн. руб. в 1931 г., 1 447,7 млн. руб. в 1932 г. Капитальные вложения в цветную металлургию за тот же период оценивались в 1,5 млрд. руб.¹²³

Наращивание продукции топливно-энергетического комплекса едва поспевало за запросами индустрии. Двукратному росту валовой промышленной продукции в 1928 - 1932 гг. сопутствовало расширение заготовки топлива на 95%¹²⁴. Замедленное расширение добычи угля и нефти компенсировалось ускоренными разработками торфа и рубкой дров. Местные энергетические ресурсы преимущественно обеспечивали нужды транспорта и электростанций. Совпадение темпов роста электроэнергетики и потребления дров было закономерным.

Таблица 7.31

Производство важнейших видов промышленной продукции в 1928 – 1932 гг.

Виды продукции	1928 г.	1932 г.
Продукция машиностроения		
Металлорежущие станки, тыс. шт.	2,0	19,7
Паровые и газовые турбины, тыс. квт.	35,7	239,0
Гидравлические турбины, тыс. квт.	8,4	59,5
Автомобили, тыс. шт.	0,7	23,9
Тракторы, тыс. шт.	1,3	48,9
Продукция металлургии:		
чугун, млн. т.	3,3	6,2
сталь, млн. т.	4,3	5,9
прокат, млн. т.	3,4	4,4
медь, тыс. т.	33,5	45,0
цинк, тыс. т.	3,0	13,7
свинец, тыс. т.	5,3	18,7
Продукция топливно-энергетического комплекса:		
уголь, млн. т.	35,5	64,4
нефть, млн. т.	11,6	21,4
торф, млн. т.	5,3	13,5
дрова, млн. плотных м ³	25,7	65,3
электроэнергия, млрд. квт-ч	5,0	13,5
Продукция текстильной и обувной промышленности:		
хлопчатобумажные ткани, млн. м ²	1 821	1 832
льняные ткани млн. м ²	177,2	135,7
шерстяные ткани млн. м ²	111,5	113,9
шелковые ткани млн. м ²	8,0	17,9
кожаная обувь, млн. пар	58,0	86,9
Продукция пищевой промышленности:		
мясо (промышленная переработка), тыс. т.	678,0	596,0
рыба, тыс. т.	840,0	1 333,0
сахар-песок, тыс. т.	1 283	828
масло животное, тыс. т.	82	72
масло растительное, тыс. т.	448	490

Составлено по данным: Аракелян А.А. Развитие социалистической промышленности СССР // Советская социалистическая экономика 1917 - 1957 г. М., 1957. С. 284 - 285; История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 193, 213, 232, 241.

Выпуск продукции производственного назначения увеличивался медленнее вложений капитала в отрасли группы “А”. Такое отставание объяснялось рядом причин. Прежде всего, объем инвестиций рос год от года. За 1931 - 1932 гг. было сделано 70% капитальных вложений первой пятилетки. А между затратами средств и получением готовых товаров объективно существуют временной разрыв, определяемый сроками строительства и пуско-наладочных мероприятий. Естественным результатом политики интенсивных капиталовложений стало накопление незавершенного строительства. Ознакомиться с течением этого процесса можно по данным таблицы 7.32.

Таблица 7.32

Основные фонды и незавершенное строительство в социалистической промышленности в 1928 - 1931 гг., млн. руб. (по данным выборочных обследований)

Показатели	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Вся промышленность: основные фонды	5 083,2	5 805,9	6 739,2	8 606,9
незавершенное строительство	668,8	965,7	1 504,6	2 429,0
Группа “А”: основные фонды	2 979,7	3 572,2	4 382,9	6 061,0
незавершенное строительство	446,0	823,6	1 367,9	2 182,0
Группа “Б”: основные фонды	2 103,5	2 233,7	2 356,3	2 545,9
незавершенное строительство	222,8	142,1	136,7	247,7

Составлено по данным: Путилов А. К вопросу о накоплении в промышленности. С. 105

Отношение незавершенного строительства к сумме основных фондов по всей промышленности в среднем увеличилось с 13,2% в 1928 г. до 28,2% в 1932 г., по отраслям группы “А” – с 15% в 1928 г. до 36% в 1932 г. Тот же показатель по отраслям группы “Б” имел нисходящую тенденцию – с 10,6% в 1928 г. до 5,8% в 1930 г. и 9,7% в 1931 г. “Незавершенка” еще больше расплзлась в 1932 г., когда ее размеры оценивались в 13,7 млрд. руб., дотягивая до 76% плана всех капитальных работ по состоянию на 1 января 1933 г.¹²⁵ Это был громадный потенциал дальнейшей индустриализации державы, хотя для его реализации требовались новые затраты времени и ресурсов.

Высокий процент незавершенного строительства не только свидетельствовал о наличии задела для ввода новых производственных мощностей, но и говорил о трудностях капитальных работ. “Незавершенка” разбухала из-за распыления капиталовложений по многим объектам, что удлиняло сроки их сооружения. Дополнительные расходы возникали в результате плохой организации строительного дела. На 1 февраля 1930 г. 40% возводимых промышленных объектов не имели готовых проектов. Строительство дорожало также от преобладания ручного труда и текучести кадров. В начале 1931 г. на всех стройках страны насчитывалось 170 экскаваторов и 300 скреперов. Если эти цифры соотнести с количеством строительных рабочих, превысившим в 1932 г. 3 млн. человек¹²⁶, то ничтожность механизации труда в стройиндустрии станет очевидной.

Отрасли группы “Б” за годы первой пятилетки превратились в “остаточный” сектор советской промышленности, которому перепали минимально необходимые “крохи” казенных капиталовложений после дележа “инвестиционного пирога” между ведомствами тяжелой индустрии. “Антипотребительская” ориентация государственного предпринимательства обусловила стагнацию или падение производства многих продуктов легкой и пищевой промышленности.

Изготовление товаров народного потребления сдерживалось износом устаревшего, до-революционного оборудования фабрик и заводов. Еще больше неприятностей предприятиям доставляло сжатие сырьевой базы, вызванное деградацией сельского хозяйства. Сравнительный анализ таблицы 7.33 с данными таблиц 7.10 и 7.12, показывает наличие тесной зависимости производства тканей и обуви от динамики товарной продукции растениеводства и животноводства.

Таблица 7.33

Производство товаров текстильной и обувной промышленности в 1928 – 1932 гг.

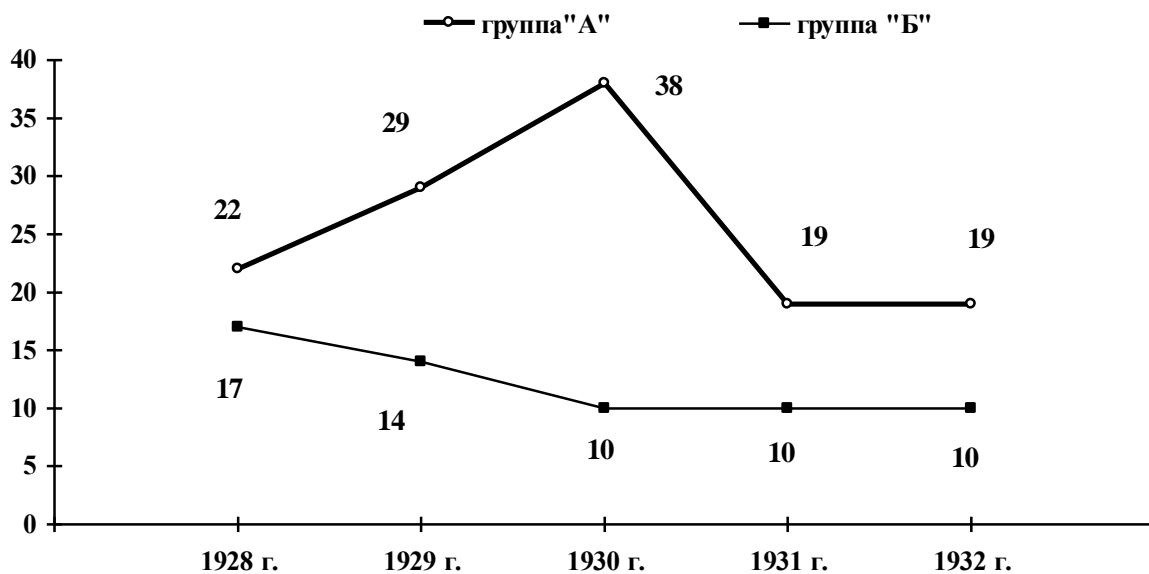
Показатели	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Хлопчатобумажные ткани, млн. м ²	1 821	2 037	1 599	1 525	1 832
Льняные ткани, млн. м ²	177,2	170,6	185,0	140,4	135,7
Шерстяные ткани, млн. м ²	111,5	129,3	147,0	138,7	113,9
Шелковые ткани, млн. м ²	8,0	10,8	14,8	16,2	17,9
Кожаная обувь, млн. пар	58,0	77,0	75,4	86,7	86,9

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 232.

В случае с хлопчатобумажным текстилем подмеченная связь опосредовалась заготовками и экспортом зерна, ввозом иностранного волокна на вырученную валюту. Отказ от полномасштабного импорта хлопка в 1930 г. и переориентация на переработку собственного среднеазиатского сырца отозвались резким уменьшением выделки хлопчатобумажного полотна.

Преимущественное инвестирование ресурсов в тяжелую промышленность создавало предпосылки опережающего развития группы “А” по сравнению с группой “Б”, что видно по графикам на рисунке 7.3. Однако зависимость между размерами капитальных вложений и темпами роста отраслей промышленности не была прямой и однозначной. Она соответствовала перелому восходящей фазы конъюнктурного цикла, когда накопление капитала в денежной форме отрывается от его реального накопления и экономический подъем затухает. Предложение товаров не успевало за расширением платежеспособного спроса. Недостаток продукции технологического назначения, особенно топлива, сырья, материалов, тормозил ввод в действие новых производственных мощностей и развертывание выпуска готовых продуктов.

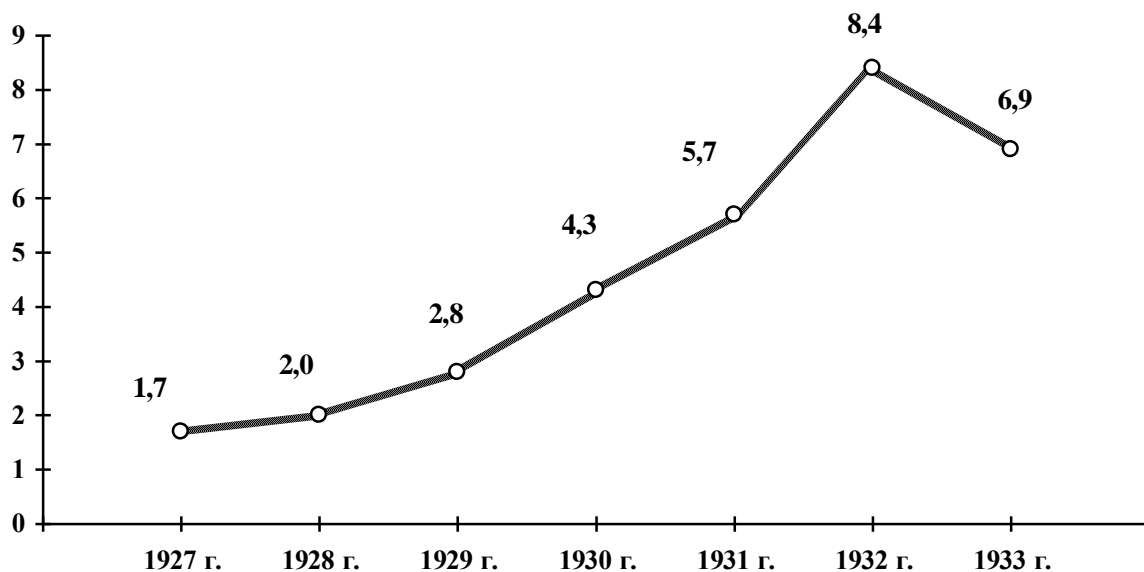
Инвестиционная стратегия государственной власти воздействовала не только на объемы и стоимость изготовления и продажи продуктов. Динамика капиталовложений и выбор источников их финансирования определяли размеры и структуру покупательского спроса на всесоюзном рынке. Нарастание инвестиций само по себе нагнетало обстановку восходящей хозяйственной конъюнктуры. Напряженный спрос на товары генерировал рост издержек производства и цен.

Рис. 7.3. Темпы роста отраслей группы "А" и группы "Б" в 1928 - 1932 гг., %

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 107.

Подобным образом влияло на советскую экономику резкое увеличение хозяйственных расходов бюджета даже при бездефицитном казначейском финансировании. Разбалансированность спроса и предложения усиливалась чрезмерно активным банковским кредитованием. Но серьезнее всего давила на рыночные параметры необеспеченная эмиссия денег. Тенденция ускоряющегося наплыва денежной массы в каналы обращения отображена на рисунке 7.4.

Рис. 7.4. Масса денег в обращении в 1927-1933 гг., млрд. руб. (на конец соответствующего года)

Составлено по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 404.

График эмиссии денежных знаков был похож на кривую-экспоненту инвестиций в промышленность. Это говорило о закономерной взаимозависимости обоих процессов. Выпуски бумажных рублей не только сопутствовали росту производства и оборота продукции, но и предвещали его как источник капитала. С июня 1931 г. до середины 1932 г. за счет эмиссии денег во все большей мере финансировались текущие затраты предприятий и сметы строительства¹²⁷. Логичным последствием кредитно-денежной приты правительства стала галопирующая инфляция, явная в форме взлета цен и скрытая в облике обострявшегося товарного голода.

Развитие конъюнктуры розничного рынка протоколировали индексы цен, помещенные в таблице 7.34.

Таблица 7.34

Среднегодовые индексы розничных цен в 1927/28 - 1932 гг. (уровень 1913 г. принят за 100)

Годы	Частная торговля			Обобщественная торговля			Общоторговый индекс		
	Общий	Сельско-хозяйственных товаров	Промышленных товаров	Общий	Сельско-хозяйственных товаров	Промышленных товаров	Общий	Сельско-хозяйственных товаров	Промышленных товаров
1927/28	244	247	242	184	177	188	197	194	198
1928/29	308	367	269	192	192	191	210	222	203
1930	564	826	433	200	196	203	260	291	219
1931	998	1 512	758	252	229	278	354	384	307
1932 *	1 877	3 175	1 288	325	-	-	496	-	-

* за первое полугодие

Составлено по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 401.

Рассматриваемое пятилетие разделил напололам 1930 год. До него в обобщественной розничной торговле сохранялись малоподвижные цены, и в частной рознице повышение цен было терпимым. С 1931 г. начался чувствительный рост цен в государственных и кооперативных магазинах, а у частных торговцев цены полетели ввысь с головокружительным ускорением. Если в 1928/29 г. цены частного рынка, индексированные по всему спектру товаров, отклонялись от аналогичных цен социализированной торговли на 60%, то летом 1932 г. общий индекс цен частников в 5,8 раза превосходил сводный ценовой индекс обобщественной розницы.

Стремительное расхождение свободных и плановых цен было признаком усиливавшегося товарного дефицита. Нехватка продуктов ощущалась не только из-за растягивания покупательского спроса под давлением неумеренной, инфляционной закачки денег в обращение, но и по причине сокращения производства потребительских благ на фоне прироста населения СССР свыше 2% в год. Косвенно подтверждают сказанное показатели таблицы 7.35.

Таблица 7.35

Показатели потребления населения СССР в 1928 - 1932 гг.

Показатели	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Фонд потребления в ценах 1928 г., млн. руб.	21 305,7	22 575,2	23 177,2	22 705,2	22 375,8
в том числе: в продуктах промышленности	14 951,6	15 886,4	16 814,9	16 533,8	16 916,9
в продуктах сельского хозяйства	6 354,1	6 688,8	6 362,3	6 171,4	5 458,9
Численность населения, млн. человек	151,2	154,7	158,0	161,8	165,7
Фонд потребления в расчете на душу населения, руб.	140,91	145,93	146,69	140,33	135,04

Рассчитано по данным: Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. С. 90 - 91; Кац Вл. Народный доход СССР на новом этапе. С. 101; История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 498.

В 1931 - 1932 гг. абсолютно уменьшался фонд потребления страны, исчисленный в физическом объеме по неизменным ценам 1928 г. Реальное среднедушевое потребление граждан в 1932 г. оказалось на 4% ниже уровня 1928 г. и на 8% ниже, чем в 1930 г. Увы, “на закате” первой пятилетки наблюдалась удручающая картина народного обнищания.

Насыщенность покупательского спроса ухудшилась. Уровень товарных запасов, измеренный в днях к обороту, на оптовых складах и в розничной торговой сети сократился настолько, что был недостаточным для бесперебойной торговли как изделиями сложного ассортимента, требовавшими широкого выбора, так и простейшими продуктами повседневного спроса. Например, скорость обращения тканей в городских магазинах потребительской кооперации была сведена с 32 дней к обороту в 1926/27 г. до 10,6 дня в 1932 г., в сельской сети – с 23 дней до 7,5 дня, а в оптовых звеньях – с 5 дней до 2,9 дня. В системе Наркомснаба СССР товарные запасы также были минимальными. Оборачиваемость продуктов в государственной торговой сети в 1932 г. равнялась 14,8 дня¹²⁸.

К середине 1931 г. нормированная продажа промтоваров по карточкам, заборным книжкам или ордерам распространилась по всей территории Советского Союза. Но развертывание нормированного снабжения еще не гарантировало людям достойного уровня потребления. Контингент граждан, охваченных централизованным снабжением хлебом, увеличился с 26 млн. чело-

век в 1930 г. до 40,3 млн. человек в 1932 г.¹²⁹, а государственные заготовки зерна в это же время снизились с 22,1 млн. т. до 18,5 млн. т.

Диспропорции между спросом и предложением товаров достигли порогового уровня и вынудили правительство заняться реформированием торговой сферы. Критическая степень дефицитности, особенно продовольственных товаров, подтолкнула к созданию органа хозяйственного управления, который сосредоточил в одних руках централизованное распределение продуктов, регулирование снабжения населения и контроль над производством продовольствия.

В ноябре 1930 г. был образован Народный комиссариат снабжения СССР. Наркомснабу из состава ВСНХ была передана вся пищевая промышленность союзного и республиканского подчинения; к нему отошли функции планирования и регулирования товароснабжения и сельскохозяйственных заготовок. Впрочем, для управления заготовками сельхозпродукции в феврале 1932 г. был создан специальный Комитет заготовок при СТО. В непосредственном ведении Наркомснаба находилась система местных торгов и специальных магазинов¹³⁰.

С целью укрепления планового ценообразования по постановлению СНК от 11 октября 1931 г. был создан Комитет цен при СТО, преобразованный 1 апреля 1932 г. в Комитет товарных фондов и регулирования торговли¹³¹.

Вслед за реорганизацией ВСНХ свершилась перестройка оптовой торговли. Постановление СНК СССР от 23 марта 1932 г. рекомендовало “провинциальным” наркоматам открыть в краях и областях специализированные сбытовые базы и организовать сбытовые ведомства в соответствующих отраслевых объединениях. К концу 1932 г. было открыто объединениями пищевой промышленности 328 баз, легкой промышленности – 313 баз, тяжелой промышленности (по сбыту резиновых и электротехнических изделий) – 50 баз, лесной промышленности – 33 базы; кроме них было открыто 177 реализационных баз Заготзерна.

В 1931 г. советская власть приступила к восстановлению системы потребительской кооперации в сельской местности, которую смели волны сплошной коллективизации. На 1 января 1932 г. уже насчитывалось 40 073 сельпо и 2 355 райпотребсоюза. По аналогии с казенной торговлей Центросоюз учредил оптовые, отраслевые объединения, специализировавшиеся по отдельным товарным группам: текстиль, галантерея и трикотаж, обувные товары, культтовары и др. На местах организовывались межрайонные и областные оптовые базы потребкооперации¹³². Таким образом, оптовая торговля превратилась в систему планового централизованного распределения товаров, в скопление баз-распределителей.

Распорядительная структура товарооборота отражала иерархию интересов социальных слоев. Политико-экономическая бюрократия в условиях хронического недостатка продуктов и услуг организовала сеть различных закрытых распределителей, которые обслуживали ее представителей и лиц из привилегированных групп населения. Преимущественным снабжением через потребкооперацию пользовались служащие и рабочие определенных отраслей: угольной, нефтяной, торфяной, металлургической, машиностроительной, лесозаготовительной, водного и железнодорожного транспорта.

На 1 января 1932 г. в виде закрытых кооперативных и государственных распределителей действовало примерно 40 тыс. розничных предприятий. Закрытая торговая сеть составляла в городах 30%, в селе – 11,6% учтенных торговых заведений¹³³. В конце 1932 г. вместо закрытых рабочих кооперативов при заводууправлениях крупных предприятий были созданы ОРСы (отделы рабочего снабжения)¹³⁴.

Нормированное обеспечение населения продуктами расчленило всесоюзный рынок на обособленные фрагменты, в которых складывались свои специфические условия товародвижения. Сообразуясь с ними, государственный аппарат нагромоздил в обобщественной торговле пирамиду розничных цен на промышленные товары. Наиболее низкими были розничные цены нормального фонда города. Они регулировали продажу товаров по карточкам. Цены коммерческого фонда превышали цены нормального фонда и подразделялись на среднекоммерческие и более высокие коммерческие. По этим ценам покупатели приобретали товары без ограничений. Цены нормального фонда села в основном дублировали коммерческие цены¹³⁵.

Названные цены устанавливались на продукты рыночных фондов, и зона их обслуживания в годы первой пятилетки относительно уменьшалась. Сказывалось изъятие товарных ресурсов в сеть ведомственных, закрытых распределителей и снижение объема производства многих по-

требительских благ. Так, в 1930 г. вся товарная продукция “планируемых промтоваров” (хлопчатобумажные и шерстяные ткани, нитки, трикотаж, швейные изделия, кожаная обувь, галоши, папиросы, махорка, хозяйственное и туалетное мыло, керосин) увеличилась против 1928 г. на 40%, а рыночные фонды пополнились лишь на 26%. Удельный вес рыночных фондов в товарной продукции в 1932 г. составлял 70,3%¹³⁶. С 1930 г. по 1932 г. рыночные фонды планируемых промтоваров увеличились с 6 757 млн. руб. до 6 869 млн. руб., т.е. всего на 1,6%, а продовольственные рыночные фонды “съёжились” с 7 367 млн. руб. до 5 538 млн. руб. или на 24,8%¹³⁷.

Обстановка гнетущего товарного голода порождала объективную тенденцию к расширению торговли по высоким ценам, близким к уровню рыночного равновесия спроса и предложения. В 1930 - 1932 гг. наблюдалось возрастание удельного веса коммерческих фондов в сумме рыночных фондов по всем планируемым товарам с 4,6% до 12,9%, по планируемым промтоварам с 3,6% до 20%. Доля коммерческой продажи продовольствия в те же сроки снизилась с 5,5% до 4,7%¹³⁸.

Дорогие продукты питания продавались также на частном рынке, где торговые операции по свободным ценам увеличивались. По экспертным оценкам А.Н. Малафеева, горожане приобрели на частном рынке в 1929 г. сельскохозяйственных продуктов на 2,9 млрд. руб., в 1930 г. – 4 млрд. руб., в 1931 г. – 6,5 млрд. руб. Оборот только колхозно-базарной торговли в 1932 г. превзошел 7 млрд. руб.¹³⁹

Динамика стихийных цен частной торговли определялась перекрестным влиянием денежной эмиссии, уровня фиксированных цен казенных и кооперативных магазинов, колебаниями предложения товаров. Заниженные цены обобщественной торговли порождали поток “неотоваренных” денег, устремлявшийся в сферу свободной купли-продажи. Поэтому чрезмерная эмиссия денежных знаков основной своей массой обрушивалась на частный рынок, где бушевавшая инфляция волнами поднимала цены.

Если в 1929 г. темпы роста денежной массы в 1,5 раза превосходили темпы роста сводного индекса розничных цен частной торговли, то год спустя соотношение показателей стало обратным. В 1931 - 1932 гг. скорость подъема цен у частных была уже вдвое больше скорости денежной эмиссии. Индекс цен сельскохозяйственных продуктов в частной рознице взлетал еще быстрее под воздействием падавшего предложения продовольственных товаров.

Избыточные выпуски рублей в обращение довели разлад товарно-денежного обмена до крайних пределов. Об этом писал А.Н. Малафеев: “В ряде областей возникли явления разменного кризиса: некоторая часть крестьянства и городского населения стала припрятывать серебряную монету и спекулировать ею. Появились двойные цены: в бумажных деньгах и серебряной монете. В некоторых районах имели место случаи расплаты заготовителей с крестьянами не деньгами, а промтоварами. Отмечались факты натурального обмена крестьянами продуктов питания на табак, текстильные товары и т.д. Доверие к рублю подрывалось, а это в свою очередь также способствовало подъему цен”¹⁴⁰.

Развитие рыночной ситуации предвещало закономерный пересмотр цен в социализированной торговле. Во втором квартале 1931 г. были повышены цены на некоторые промышленные и сельскохозяйственные товары так, что средний их уровень за год поднялся в сельской рознице на 42%, в городской – на 7,5%. Смена политики ценообразования декретировалась постановлением СНК СССР от 28 мая 1931 г., по которому налог с оборота был выделен в самостоятельную часть отпускной цены, взимавшуюся в бюджет с промышленного предприятия, продававшего товар. До сего момента налоги, реформированные в налог с оборота, относились на себестоимость продукции¹⁴¹.

Переломной датой в динамике розничных цен стало 27 января 1932 г., когда постановлением Комитета цен розничные цены были повышены в городах на 27 – 200%, в сельской местности - на 14 - 107%. В марте были повышены цены на табачные изделия. С июня 1932 г. в продажу поступила пшеничная водка, наполовину дороже прежней. С 20 июля были повышены на 20 – 100% цены некоторых металлических изделий. Кроме того, в течение 1932 г. повысились цены на отдельные виды товаров из нормального фонда - шерстяные и льняные ткани, махорку и на товарные группы коммерческого фонда - рыбу, консервы, трикотаж, обувь¹⁴².

Повышение цен в 1932 г. происходило за счет увеличения вычетов в государственный бюджет и подкреплялось постановлением Комитета цен от 15 февраля “Об упрощении ис-

числения отпускных и розничных цен”. Согласно нормативному акту в розничную цену товаров разрешалось включать помимо налога с оборота, уже заложенного в оптовую цену, бюджетную наценку и специальную накидку. На товары коммерческой торговли устанавливались бюджетные и специальные наценки и большие ставки налога с оборота, нередко вдвое превосходившие ставки на товары нормального фонда¹⁴³.

Пересмотр цен помог укоротить перечень нормируемых товаров. Во втором квартале 1932 г. была отменена торговля по карточкам кондитерскими изделиями, яйцами, овощами, молоком, сыром, табаком и рядом других товаров. Пайковое распределение сохранилось по 6 продовольственным продуктам: хлебу, крупе, мясу, сельди, животным и растительным жирам¹⁴⁴. Повышение цен отчасти уравнило спрос и предложение в розничном товарообороте.

Существование двойных - “нормальных” и коммерческих - цен было бюрократической попыткой разрешения противоречия между сбережениями и потреблением людей. Цены нормального фонда удешевляли стоимость рабочей силы и заполняли “среднедушевой” потребительский бюджет на уровне физиологического минимума выживания. Они сохраняли “незанятыми” значительные суммы вынужденно сберегаемых доходов граждан. Несвязанные рубли через коммерческие цены улавливались казной. Хотя здесь была своя специфика. Низкие цены, особенно в закрытых распределителях, предназначались преимущественно для избранных социальных групп населения. Высокие же цены собирали дань поголовно со всех, у кого имелась неистраченная наличность.

Негативной стороной двухмерного административного ценообразования была постоянная несбалансированность платежеспособных потребностей покупателей с товарными фондами, а также разбивка рыночного пространства на куски по степени льготности купли-продажи. Такая ситуация провоцировала арбитражную спекуляцию между различными рыночными сегментами.

Вытесняя из розничного оборота “частников”, правительство “наступило на грабли” корыстных устремлений торговцев из потребкооперации, которых искушало расхождение цен обобщественного сектора и стихийного рынка. Так, в 1932 г. ржаная мука “отпускалась” в городских кооперативных магазинах по 12,6 коп. за 1 кг., а на городском частном рынке стоила 89,5 коп.; пшеничная мука соответственно продавалась по 24,1 коп. и 190,5 коп.; хлеб ржаной – 10,5 коп. и 111 коп.; масло сливочное – 5 руб. 02 коп. и 11 руб. 46 коп.; говядина – 1 руб. 11 коп. и 4 руб. 14 коп.¹⁴⁵

Поддавшись соблазну, скооперированные торгаши обогащались, перекачивая собственные товарные фонды в зону спекулятивных сделок на вольном рынке. Дефицит продуктов создавался предприимчивыми дельцами искусственно, ибо он благоприятствовал злоупотреблениям. В список нормируемых попадало все больше изделий. Истощение запасов вызывало местные кризисы снабжения по “достаточным” товарам: соли, спичкам, керосину. Потребкооперация не брезговала и “незаконным” повышением цен на ассортимент нормальных фондов¹⁴⁶.

Не на шутку встревоженная партийно-хозяйственная бюрократия “взялась” за кооператоров, пресекая проявления “нэпманского духа” и попытки получения нелегальных доходов. Решением СНК СССР, ЦК ВКП(б) и Центросоюза от 10 мая 1931 г. была осуществлена реорганизация системы потребкооперации на манер казенной торговли: были созданы оптовые отраслевые всесоюзные объединения и местные объединения розничной торговли. Прекратилась нормированная продажа промтоваров. Продажа по ордерам сохранилась лишь для одежды (костюмы, пальто) и обуви с установлением срока действия ордера (10 дней). Было отменено “бронирование” промтоваров за исключением операций по лесоразработкам, лесосплаву, путине, заготовкам пушнины, яиц и масла¹⁴⁷, т.е. по закупке продуктов экспортного ассортимента.

С 1931 г. изменилась государственная стратегия предпринимательства в сфере розничной торговли. Предпочтение было отдано сосредоточению товарооборота в казенной торговой сети. Приоритетное развитие директивно-плановой торговли лежало в русле реформирования хозяйственного механизма начала 30-х годов. Статистически это подтверждается таблицей 7.36. В 1933 г. через каналы государственной торговли было реализовано в текущих ценах продукции больше, чем в заведениях потребкооперации.

Таблица 7.36

Розничный товарооборот СССР в 1928 - 1933 гг., млн. руб.

Годы	Государственная торговля	Кооперативная торговля	Частная торговля	Весь товарооборот
1928	2 408,8	9 341,2	3 406,6	15 156,6
1929	3 197,7	11 396,0	2 273,4	16 867,1
1930	4 282,5	11 300,0	1 043,0	16 625,5
1931	6 547,2	18 178,0	-	24 725,2
1932	12 995,4	22 508,9	-	35 504,3
1933	22 162,9	21 239,7	-	43 402,6

Составлено по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 134, 150.

Показатели таблицы 7.36 отобразили хронологию соотношения сил трех социально-экономических укладов в товарном обращении, исходя из цен соответствующих лет. “Преодоление” нэпа завершилось укреплением усеченной иерархии в торговле. Государственный уклад подчинил себе кооперацию и покончил с самостийным, частным предпринимательством. Понять логику событий помогает сопоставление показателей товарооборота в текущем ценовом измерении с расчетами в фиксированных ценах базисного 1928 г., которые представлены в таблице 7.37.

Таблица 7.37

Показатели физического объема розничного товарооборота СССР в 1928 - 1932 гг., млн. руб. (в общеторговых ценах 1928 г.)

Показатели	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Объем всего розничного товарооборота	15 156,6	14 787,1	12 597,0	13 759,5	14 101,5
Продажа промышленных товаров в сельской местности	3 350,6	4 100,3	4 396,2	3 706,3	3 331,2

Рассчитано по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 134, 150, 401; Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. С. 118 - 119.

Движение реальной товарной массы имело вогнутый, нисходящий тренд, непохожий на “бодрый марш” стоимостных параметров совокупного розничного оборота по “ступенькам” ежегодно возраставших цен. Совпадением в динамике обоих показателей были минимальные значения в 1930 г. Снижению ценности товарооборота на 1,4% по сравнению с прошлым 1929 г. соответствовало падение его физического (натурального) объема на 14,8%.

1930 год был кризисным, переломным в развитии отечественной торговли. Выход из критической ситуации оказался обыденным, закономерным. Конфликт интересов трех ветвей товарного обращения разрешился в пользу сильнейшей, в ущерб выгодам слабым. Уменьшение продуктовых запасов привело к сосредоточению их в фондах обобщественной, в первую очередь казенной сбытовой сети. Розничная продажа государственной торговли в 1930 г. по текущим ценам расширилась на 33,9%, а кооператоры остались на тех же позициях, потеряв в деньгах 0,8% выручки. Обороты последнего года масштабной частной торговли обвалились вниз на 54,1%.

Отрезанное нормированным распределением от продукции крупной промышленности и отлучаемое социализацией крестьян и кустарей от их товаров частное торговое (посредническое) предпринимательство заглохло в 1931 г. Мелкая индивидуальная торговля продуктами собственного производства перешла под контроль кооперативной и организованной базарной торговли. Частная торговля замещалась коммерческой казенной продажей. Так, сокращение оборота частной розницы в 1930 г. на 1 230,4 млн. руб. было компенсировано приростом продаж в государственных магазинах и ларьках на 1 084,8 млн. руб.

Данные таблицы 7.37 фиксируют кризисно-депрессивное состояние розничной торговли на протяжении всей первой пятилетки. Минимальный физический объем розничного товарооборота в 1930 г. был на 16,8% ниже исходного уровня 1928 г. Тот же показатель в 1932 г. был на 7%, а в расчете на душу населения на 15,1%, меньше значений четырехлетней давности.

Изменения показателей таблицы 7.37 имели противонаправленные траектории. Кампания коллективизации крестьян сделала выпуклой кривую продажи промтоваров в сельской местности. Максимальные поставки индустриальных изделий в деревню осуществлялись в самый разгар товарного голода на внутреннем рынке страны. Земледельцам преподнесли “пряник”, заманивавший в колхозы, - расширилась продажа качественных вещей. Доля “излюбленного” ассортимента сельской потребкооперации - соли, спичек, керосина, хозяйственного мыла, хлоп-

чатобумажных тканей, табачных и алкогольных изделий в розничном товарообороте деревни в 1930 г. опустилась до 30% по сравнению с 40% в 1928 г.¹⁴⁸

По мере нарастания процента “околхозизация” крестьян их жизнь оскудевала. Последние два года пятилетки характеризовались противоположной тенденцией – концентрацией товарных ресурсов в индустриальных центрах. Но и в городах жилось не сладко, и не только в буквальном смысле – по причине сокращавшегося потребления сахара. Весомую долю продуктов несельскохозяйственное население приобретало на свободном рынке, где “правили бал” цены “заоблачной высоты”.

Вольготнее чувствовали себя рабочие, “отоваривавшиеся” в закрытых спецраспределителях. Удельный вес “неорганизованного” рынка в покупках “рабочего класса” в 1931 г. составлял по предметам питания 35,7% в ценностном выражении и 12,2% в натуральном, по одежде и обуви соответственно - 11% и 4,5%. Служащие, надобно разуметь и все прочие горожане, тратили на частном рынке в среднем 55,9% своих доходов, покупая 29,4% необходимых продовольственных продуктов, и отдавали 12,1% доходов, оплачивая 7,1% потребляемой одежды и обуви¹⁴⁹.

Народ в целом во время первой пятилетки жил хуже, чем непосредственно перед ней, что подтверждают данные таблицы 7.38.

Таблица 7.38

Структура розничного товарооборота СССР в 1928 и 1932 гг., % (в текущих ценах)

Наименование товаров	1928 г.	1932 г.
Продовольственные товары	48,1	55,1
в том числе: хлеб и хлебобулочные изделия	2,1	2,5
мука, крупа и макаронные изделия	6,9	3,1
мясо и колбасные изделия	4,5	4,6
рыба и сельди	2,5	2,7
сахар и кондитерские изделия	10,3	7,4
картофель и овощи	0,8	4,0
плоды, фрукты, ягоды и бахчевые культуры	0,7	1,5
Непродовольственные товары	51,9	44,9
в том числе: ткани	16,0	6,5
швейные изделия, головные уборы и меха	4,2	8,4
трикотажные изделия, чулки, носки	1,1	2,4
обувь	5,1	5,0
культтовары	2,4	3,5
металлическая посуда	3,1	1,3
Все товары	100,0	100,0

Составлено по данным: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 463.

Увеличение доли продовольствия в структуре товарооборота было явным признаком обеднения граждан. Другим признаком массового обнищания был рост удельного веса хлеба, картофеля, овощей и плодов в рационе людей. Сокращение покупок тканей, обуви, металлической посуды в те годы тоже характеризовало снижение благосостояния населения.

Конъюнктура всесоюзного розничного рынка была взаимосвязана с состоянием дел в сфере оптового оборота продукции. Естественно, что тесная прямая зависимость прослеживалась лишь между индексами розничных цен на промтовары в обобщественной торговле и индексом отпускных цен в отраслях группы “Б”. Так, годовые приросты обоих показателей в 1930 г. и 1931 г. практически совпадали.

В период преодоления нэпа внутренний оптовый рынок страны окончательно разделился на два самостоятельных фрагмента - рынок изделий производственного назначения и рынок предметов потребления. К такому выводу располагает изучение таблицы 7.39. Если в январе 1929 г. индекс отпускных цен продукции группы “Б” превышал продуктовый индекс группы “А” на 16,2%, то в апреле 1932 г. первый превосходил второй без малого в 2,5 раза. Коренное изменение ценовых пропорций стало следствием реформ 1930 г. Оно свидетельствовало о принципиальных различиях моделей ценообразования двух сегментов оптового рынка. Включение налога с оборота в отпускные цены предметов потребления резко изменило их динамику. За 1931 г. и три месяца 1932 г. индекс цен продукции группы “Б” вырос на 94,6%, между тем как за предыдущие два года он приподнялся лишь на 9,6%. Оптовый индекс средств производства в 1930 - 1931 гг. снизился на 5,4%, а к апрелю 1932 г. увеличился на 6,7%.

Таблица 7.39

**Индексы отпускных (оптовых) цен государственной промышленности
(уровень 1913 года принят за 1 000)**

Отрасли промышленности	1929 г. 1 января	1930 г. 1 января	1931 г. 1 января	1932 г. 1 января	1932 г. 1 апреля
Группа "А"	1 633	1 598	1 544	1 626	1 647
Топливная	1 594	1 566	1 529	1 764	1 811
Металлопромышленность	1 688	1 648	1 586	1 605	1 604
Строительных материалов	2 234	2 137	2 079	2 372	2 349
Химическая	1 613	1 539	1 468	1 468	1 468
Бумажная	1 689	1 689	1 708	1 761	1 761
Группа "Б"	1 898	1 914	2 081	2 841	4 049
Пищевая	2 135	2 272	2 825	3 794	4 708
Текстильная	1 938	1 926	2 086	3 729	4 207
Трикотажная	2 115	2 114	2 575	3 089	3 089
Кожевенно-обувная	1 580	1 829	1 908	2 482	3 211
Спичечная	2 000	2 000	2 196	2 196	2 971
Вся промышленность	1 779	1 759	1 766	2 019	2 275

Рассчитано по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 158, 399, 400.

Несмотря на противопоставление, обе модели ценообразования несли единую функциональную нагрузку. Каждая по-своему обеспечивала ресурсами инвестиционную программу индустриализации. Высокие цены массового спроса ограничивали потребление людей, расширяли их вынужденные сбережения и изымали последние в бюджет. Низкие цены продукции производственного назначения увеличивали реальное наполнение денежного фонда накопления.

Фискальная и перераспределительная функции оптовых цен пользовались преимуществом по сравнению с функцией возмещения издержек производства и получения прибыли. Поэтому связь между себестоимостью промышленной продукции и оптовыми ценами проявлялась довольно слабо, зачастую опосредованно. На такие мысли наводит знакомство с показателями таблицы 7.40.

Таблица 7.40

**Динамика оптовых цен и себестоимости промышленной продукции
в 1928/29 – 1932 гг., % ("–" снижение, "+" повышение)**

Показатели	1928/29 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Отпускные цены промышленной продукции	- 1,9	+ 0,4	+ 14,3	+ 12,7
Отпускные цены товаров отраслей группы "А"	- 3,9	- 3,4	+ 5,3	+ 1,3
Отпускные цены товаров отраслей группы "Б"	+ 0,7	+ 8,7	+ 36,5	+ 42,5
Общее изменение себестоимости промышленной продукции	- 5,2	- 6,9	+ 6,8	+ 8,1
в том числе за счет: изменения норм использования сырья, материалов, топлива, оборудования	- 1,5	- 1,9	- 0,9	- 2,2
изменения затрат на заработную плату производственных рабочих	- 1,7	- 1,8	+ 4,4	+ 3,4
изменения общезаводских расходов	- 1,6	- 2,0	+ 2,2	+ 3,0
изменения цен	- 0,4	- 1,2	+ 1,1	+ 3,9

Рассчитано по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 154, 400.

С изменениями себестоимости всей промышленной продукции имела сходство динамика отпускных цен товаров производственного назначения. Сие закономерно, ибо в отраслях группы "А" действовала модель ценообразования, ориентированная на покрытие затрат предприятий. Характерно, что колебания себестоимости продукции по абсолютной величине превышали соответствующие отклонения оптовых цен средств производства. Рост последних в 1931 - 1932 гг. не компенсировал полностью увеличение издержек изготовления. С 1930 г. отпускные цены предметов потребления были "отвязаны" от динамики их себестоимости и "отпущены в свободное плавание". Корреляция между себестоимостью всей промышленной продукцией и индексом ее отпускных цен прослеживалась не четко, да и то благодаря наращиванию выпуска товаров в отраслях группы "А".

Данные таблицы 7.40 показывают периодизацию изменений себестоимости промышленной продукции. В первые два года пятилетки происходило устойчивое снижение издержек произ-

водства, причем по всем основным калькуляционным статьям. В 1931 - 1932 гг., напротив, возобладала тенденция увеличения себестоимости индустриальных товаров. Фактором, сдерживавшим рост затрат предприятий во втором периоде, было улучшение использования топливно-сырьевых ресурсов, повышение загрузки оборудования и станочного парка. По остальным статьям себестоимости наблюдался рост расходов.

Удорожание сырья и полуфабрикатов вызвало прирост суммарных издержек на 1,1% в 1931 г. и 3,9% в 1932 г. Тут проявилась взаимосвязь экономических параметров. Повышение цен сырья и комплектующих изделий увеличило себестоимость готовых товаров, а она в свою очередь начала новый виток роста цен исходных компонентов продукции.

Ухудшение пропорции между производительностью и оплатой труда персонала фабрик и заводов вело к дополнительным затратам по статьям: заработная плата производственных рабочих и общезаводские расходы, вобравшие в себя фонд заработной платы подсобных рабочих, служащих и управленцев. Падение производительности труда было одной из причин подъема себестоимости продукции промышленности в 1931 - 1932 гг. Это подтверждают цифры таблицы 7.41.

Таблица 7.41

**Производство продукции, число работников, производительность труда
в крупной промышленности СССР в 1928 – 1932 гг.**

Показатели	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Валовая продукция в ценах 1926/27 г., млн. руб.	16 860	21 204	27 699	34 159	38 831
Число работников, тыс. человек	3 096,0	3 365,9	4 263,8	5 483,3	6 481,3
Выработка продукции на одного работника, руб.	5 445,7	6 299,7	6 496,3	6 229,6	5 991,2

Рассчитано по данным: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 124; Струмилин С.Г. Производительность труда в СССР за 40 лет // Советская социалистическая экономика 1917 - 1957 гг. М., 1957. С. 126.

Прилив кадров в индустрию протекал интенсивнее, нежели расширялся выпуск ее товаров. Большой фонд заработной платы делился на относительно меньший объем продукции. В итоге возникал “перерасход” средств на оплату труда, увеличивавший себестоимость. Удорожание себестоимости продукции в 1931 - 1932 гг. возмещалось банковскими кредитами¹⁵⁰.

Исключением из общего правила было снижение себестоимости на протяжении всей пятилетки в современных, вновь создаваемых отраслях: машиностроении, электротехнической, химической промышленности и т.д. Максимальный прирост себестоимости отмечался в трудоемких отраслях - металлургии, угольной и лесной. Так, в черной металлургии себестоимость повысилась в 1931 г. на 25,8%, в 1932 г. – на 13%, в каменноугольной в 1932 г. – на 22,4%¹⁵¹.

Снижение производительности труда в промышленности составляло в 1931 г. – 4,1%, в 1932 г. – 3,8%, т.е. не исчерпывало всего прибавления затрат по калькуляционным статьям, учитывавшим оплату труда. Кроме него рост себестоимости инициировался общим повышением размеров заработной платы в ходе тарифной реформы.

* * *

Развитие ситуации на рынке товаров повлекло за собой проведение в 1931 - 1933 гг. тарифной реформы на рынке рабочей силы. Пересмотр условий оплаты труда работников госсектора предопределялся рядом обстоятельств. Предыдущие мероприятия правительства по совершенствованию системы заработной платы в 1927/28 г. уменьшили межотраслевые зазоры в размерах ежемесячных выплат наемным работникам. Доходы стали более уравнительными также из-за сближения тарифных ставок высших и низших разрядов, сдерживания сдельных приработков.

Взрывное расширение инвестиций резко увеличило спрос на рабочие руки в промышленности и строительстве. Численность рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве, росла так напряженно, что в 1931 г. была ликвидирована городская безработица. Количество безработных, зарегистрированных на биржах труда, составляло 1 апреля 1929 г. – 1 741 тыс., 1 октября 1929 г. – 1 242 тыс., 1 апреля 1930 г. – 1 081 тыс., 1 октября 1930 г. – 240 тыс., 1 января 1931 г. – 236 тыс., 1 августа 1931 г. – 18 тыс.¹⁵²

В 1932 г. фактически рассосалось избыточное население в земледелии. Миграция из деревень в города в 1928 - 1932 гг. затронула около 8,6 млн. крестьян¹⁵³. Эта цифра была примерно равна экспертным оценкам аграрного перенаселения в 1928 г. Устранению безработицы способствовал переход казенных предприятий в 1928/29 г. на 7 часовую рабочий день. Отмена восьмого часа обязательного трудового дня была эквивалентна повышению спроса на рабочие руки на 12,5%.

В начале 30-х годов избыток трудовых ресурсов в отечественной экономике сменился их хронической нехваткой. Государственный аппарат занялся директивно-плановым регулированием рынка труда, в том числе миграции рабочей силы. С 1930 г. в хозяйственную практику вошел “организованный набор” граждан для работы в отраслях, сопряженных с индустриализацией державы. По соглашению с органами Наркомата труда и ВСНХ промысловая кооперация начала в плановом порядке направлять бригады кустарей на строившиеся крупные промышленные предприятия.

Трудовые ресурсы перераспределялись из сельского хозяйства в другие места занятости на основе договоров, заключенных хозяйственными организациями с колхозами и единоличниками. 30 июня 1931 г. было принято специальное постановление ЦИК и СНК СССР “Об отходничестве”, которое регламентировало и поощряло отправку крестьян по договорам на работу в промышленность, строительство, на транспорт. Деревня была солидным резервом рабочих рук. Так, в 1928/29 г. уходило на заработки 4,3 млн. сельских жителей¹⁵⁴.

Массовый наплыв необученной рабочей силы и уравнительная оплата побуждали к нарушениям трудовой дисциплины и уходу кадров с предприятий. По приблизительным подсчетам, казенная индустрия в 1930 г. из-за прогулов потеряла 15,7 млн. человеко-дней, что вызвало увеличение численности рабочих на 62,2 тыс. человек. В 1931 г. 24,6 млн. человеко-дней прогулов компенсировались трудом 97,2 тыс. человек, а в 1932 г. прогулянные 27,8 млн. человеко-дней обернулись приростом численности занятых на 108 тыс. человек¹⁵⁵.

По данным за 1926 - 1932 гг. в крупной промышленности СССР состав рабочих ежегодно изменялся на 40 - 60%, а в каменноугольной промышленности даже 2 раза в год. В 1930 г. на хлопчатобумажных предприятиях сменилось 65% всех рабочих, льняных - 104%, кожеобувных - 120% персонала¹⁵⁶. Текучесть кадров приводила к поломкам и авариям на предприятиях, увеличению брака, снижению качества изделий и производительности труда, другим потерям от падения квалификационного уровня работавших.

Важнейшими причинами ротации рабочей силы были тяжелые жилищные условия и плохое торгово-бытовое обслуживание, отсутствие квалифицированных рабочих мест и уравнительная оплата труда. За годы первой пятилетки в хозяйство страны влилось 12,6 млн. новых рабочих и служащих, из которых только 2 млн. человек получили работу, требовавшую высокой и средней квалификации. В 1929 г. лишь $\frac{2}{3}$ общего числа рабочих промышленности обладали той или иной квалификацией. К концу пятилетки доля квалифицированного труда снизилась, а большая часть индустриальных работников имела производственный стаж менее 3 лет¹⁵⁷. Таким образом, к “уравниловке” в оплате труда толкал и сам контингент “новоявленных” представителей “авангардного класса”.

Развитие негативных процессов на рынке труда усилилось с переходом к нормированному распределению предметов потребления. Уравнильный принцип получения материальных благ не стимулировал качественного, интенсивного труда. Хуже того, государственные учреждения не могли снабжать горожан надлежащим объемом продовольствия и промышленного ширпотреба. Среднестатистический уровень потребления населения СССР падал с 1929 по 1932 гг.

Тенденция к натурализации экономики оживила в 1930 г. военно-коммунистические идеи скорого отмирания товарно-денежных отношений. Но партийно-хозяйственная власть уgomонила подобные дискуссии, приступив к реформированию тарифной системы. Налаживание товарно-денежного обращения укрепляло мощь государственного предпринимательства. Справедливо суждение Ф. Броделя о том, что, служа деньгам, государство также служило и самому себе. Деньги создавали социальную дисциплину и исключительное удобство действия¹⁵⁸.

Военный коммунизм убедил большевиков на собственном опыте, что отказ от денег - это столбовая дорога к деградации государственного хозяйства. Главным источником силы государства служит бюджет, а это - деньги, причем с реальной, желательной устойчивой покупательной способностью. Нет денег - нет торговли, производства, следовательно, нет налоговых поступлений в бюджет. Отсутствие стабильной денежной единицы означает отсутствие механизма учета и соизмерения затрат и результатов производства предприятий, выгоды сделок купли-продажи граждан. За неимением стоимостных критериев оценки перестают функционировать регуляторы рыночного равновесия.

Товарно-денежные отношения были неотъемлемым условием существования хозрасчетной, директивно-плановой экономики. Хозяйственный расчет представлял собой, с известными оговорками, “микромодель бюджета” на предприятии, предполагавшую сопоставление доходов с расходами, рачительное использование средств. Денежные доходы были стимулами, которые заинтересовывали в результатах своего труда коллективы предприятий и отдельных работников.

Тарифная реформа 1931 - 1933 гг. была проведена вначале в угольной, металлургической промышленности, на железнодорожном транспорте, затем в прочих отраслях промышленности. В новой тарифной сетке увеличился разрыв между ставками крайних разрядов. Были выделены ведущие профессии на предприятиях. Поэтому в большей степени повысилась заработная плата квалифицированных рабочих. Активнее распространялась сдельная оплата труда. Отношение часов, отработанных сдельно, к общему фонду рабочего времени крупной промышленности составляло в 1930 г. – 57,2%, в 1931 г. – 59,2%, в 1932 г. – 63,7%¹⁵⁹.

При среднем повышении оплаты труда по всей ценовой промышленности на 64,3%, среднемесячная зарплата в каменноугольной промышленности возросла на 93%, черной металлургии – на 74,9%, нефтяной – на 65,6%. Это выдвинуло отрасли тяжелой индустрии на первые места по размерам заработков. Упрочению престижа инженерно-технических специальностей способствовал опережающий подъем их оплаты. Если в 1926 г. она превосходила уровень оплаты рабочих на 40 - 50%, то в 1932 г. – уже в 3 раза. В целом по народному хозяйству страны среднегодовая зарплата рабочих и служащих увеличилась с 703 руб. в 1928 г. до 1 427 руб. в 1932 г., а общий ее фонд за те же годы расширился с 8,16 млрд. руб. до 32,74 млрд. руб.¹⁶⁰

Тарифную реформу надобно рассматривать в контексте теоретической модели (“спирали”) “цены - зарплата”, согласно которой рост одного параметра, как правило, сопровождается ростом другого, а их причинно-следственная зависимость меняется местами. Повышение заработной платы позволило правительству значительно поднять уровень цен, сократить за счет этого перечень нормируемых продуктов и улучшить ситуацию на товарном рынке. Увеличение доходов трудящихся частично возместило им потери от коммерциализации розничных цен в казенно-кооперативной торговле. Обратной стороной роста зарплаты было повышение себестоимости и цен в ценовой промышленности, ускорение взлета цен вольного рынка.

Между тем, увеличение номинальной, денежной заработной платы работников отставало от подъема розничных цен, что приводило к снижению реального, т.е. продуктового заработка. За 1928 - 1932 гг. среднегодовая зарплата выросла в 2 раза, а индекс розничных цен государственной и кооперативной торговли – в 2,55 раза¹⁶¹. Увеличение общеторгового индекса розничных цен за пятилетку экспертно можно оценить в 3,4 - 3,6 раза. Стало быть, двукратному прибавлению денежной заработной платы соответствовало ее реальное уменьшение на 21,6%, скорректированное по индексу цен обобществленной торговли, и падение на 41 - 44%, исчисленное по индексу цен всей розничной торговли. Такой итог статистических выкладок выглядит закономерным. Снижение реальной заработной платы наемных работников и рост их численности были основными источниками сбережения и накопления капитала в сфере государственного предпринимательства эпохи первой пятилетки.

Повышение номинальной заработной платы в процессе тарифной реформы не создало стимулов для улучшения производительности труда в промышленности. Сие наглядно демонстрирует таблица 7.42.

Таблица 7.42

Динамика заработной платы и производительности труда рабочих крупной промышленности СССР в 1929 - 1932 гг., % к прошлому году (“+” повышение, “-” снижение)

Показатели	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Заработная плата	10,0	8,2	14,4	24,4
Производительность труда	15,7	3,1	- 4,1	- 3,8

Рассчитано по данным: Струмилин С.Г. Производительность труда в СССР за 40 лет. С. 126. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 124, 148.

“Накопительство” на нужды индустриализации преподнесло неприятный сюрприз политико-экономической бюрократии. Увеличение денежных выплат рабочим и служащим не побудило их трудиться с большей производительностью. Напротив, максимальный рост заработков в 1931 - 1932 гг. соседствовал с падением производительности труда. И дело здесь заключалось

не только в несоответствии темпов изменения номинальной заработной платы бурному росту цен. Свою роль сыграл продовольственный кризис, порожденный коллективизацией деревни.

Горожане существовали впроголодь из-за плохого обеспечения мясомолочными продуктами и хлебом. В 1931/32 сельскохозяйственном году количество хлеба, предназначенного для распределения в городах и рабочих поселках, достигло 9,3 млн. т., преодолев прошлогодний уровень – 7,9 млн. т. Однако численность людей с правом нормированной покупки хлеба увеличилась несомненно – с 33,2 млн. человек до 40,3 млн. человек¹⁶². Поэтому нормы хлебного довольствия снизились.

Весной 1932 г. от скверного снабжения хлебом прекратился рост занятости в городских поселениях. Со строек увольнялись рабочие. Организация колхозно-базарной торговли показала зримое улучшение условий жизни в деревне, и начался отток рабочей силы назад в село, особенно в месяцы уборочной страды. В июле и августе 1932 г. выпуск валовой продукции промышленности сокращался. На стихийный протест работников против условий найма “власть имущие” ответили административно-репрессивными постановлениями об ужесточении трудовой дисциплины, о введении паспортного режима и т.п.¹⁶³

* * *

Комплекс реформ начала 30-х годов “дочерчивал узоры” преодоления новой экономической политики. Преобразованию подверглись все содержащиеся в национальном хозяйстве типы рынков: товаров, труда, денег и капитала. Перечень реформаций точно совпадал с названной классификацией рынков.

Реформа управления казенной промышленностью, коллективизация сельского хозяйства, кооперирование кустарей и ремесленников изменили ситуацию и механизм регулирования оборота на товарном рынке. Директивно-плановая система руководства экономикой стала почти всеобъемлющей. Государственная политика фиксированных оптовых и розничных цен включила ценообразование из механизма выравнивания спроса и предложения. Единственным подвижным параметром на товарных рынках с твердыми ценами оставались объемы производства (продаж). Такое положение устраивало социальную прослойку бюрократии, всегда жаждущую упрощения, унификации и стабильности.

В то же время до крайности дошло обособление рынка продукции производственного назначения от рынка потребительских товаров. Каждый сегмент отличался порядком планового предложения и распределения ресурсов и продуктов, своей моделью ценообразования, определявшей уровни и структуру цен, процедурой оплаты покупаемых товаров. Ценовые пропорции использовались для переброски ресурсов в тяжелую индустрию из аграрного сектора, отраслей-изготовителей ширпотреба и личных доходов граждан.

Указные цены погасили стремление казенных и кооперативных предприятий к максимизации прибыли, ликвидировали конкуренцию и коммерческий расчет. Ведущим мотивом хозяйственной деятельности промышленников и торговцев стало выполнение плановых заданий, “спущенных сверху”. Рыночное предложение зависело не столько от объема не насыщенного покупательского спроса, сколько от планов изготовления продукции.

Сохранение твердых цен избавляло правительство от необходимости индексировать доходы работников, пособия и выплаты нетрудоспособным людям. Создавалась видимость надежной социальной защиты населения. При неизменных ценах возникал эффект устойчивости национальной валюты, и можно было покрывать непомерные государственные расходы эмиссией бумажных денег.

Однако в обстановке жесткой, централизованной регламентации цен неизбежно нарастал отложенный, неудовлетворенный спрос покупателей. Чтобы уменьшить его давление, руководство страны вынужденно мирилось с базарной торговлей по гибким, равновесным ценам и подражало ей в коммерциализации части обобщественных магазинов.

Фиксированные цены обуславливали низкие ставки заработной платы и закладывали предпосылки солидного накопления капитала в системе государственного предпринимательства. Рынок труда характеризовался массовым предложением дешевой рабочей силы, прибывавшей из сельской местности и домашнего хозяйства. Она использовалась полностью, но отнюдь не

эффективно. При неэластичных размерах оплаты наемных работников переменным параметром регулирования рынка труда была занятость населения.

Отсутствие безработицы не было признаком благодати на рынке трудовых ресурсов. Запрещение частного предпринимательства позволило политико-хозяйственной бюрократии ограничить заработную плату текущим потреблением работников, исключить возможность накопления ими собственного капитала. Понижение реальной оплаты труда, с одной стороны, составляло гораздо большее количество людей, особенно женщин и подростков, искать работу, с другой стороны, создавало избыточный спрос предприятий и учреждений на рабочие руки.

Тарифная реформа внесла некоторую упорядоченность в функционирование рынка труда. Она сориентировала миграцию работников на те сферы деятельности, где “вital дух” индустриализации державы. Были улучшены стимулы к повышению квалификации и производительности труда. Но зарплата так и не стала регулятором рыночного равновесия спроса и предложения рабочих рук.

До кредитной реформы на денежном рынке уже отмечались коренные перевероты. Так, был запрещен свободный обмен рублей на золото, иностранные купюры и прекращена котировка советского червонца на зарубежных биржах. Условный валютный курс червонца дополнился нормированным распределением заграничной валюты.

Слияние банковской и бюджетной эмиссии стерло различие между банкнотами и казначейскими билетами, между ссудами банка и необеспеченным государственным заимствованием. Перевод предприятий с коммерческого на хозяйственный расчет нейтрализовал регулируемую функцию банковского процента. Ради выполнения плана директорский корпус привлекал требуемое количество кредитных ресурсов, невзирая на уровень уплачиваемых по ссудам процентов. Это создавало ситуацию избыточного спроса на деньги.

Вместе с отменой коммерческого кредита банковская сеть распространилась с гибким регламентированием условий выдачи ссуд; ибо определение учетной ставки по операциям с векселями оказалось теперь ненужным. С денежного рынка исчезло долгосрочное кредитование. Учреждения Госбанка сосредоточились на краткосрочном кредитовании, т.е. на циркулировании ликвидных, платежных средств.

Государственный Банк СССР, будучи в одном лице эмиссионным органом и системой кредитования, превратился в расчетно-кассовый центр отечественной экономики. Налично-денежное обращение, которое обеспечивало сферу личных доходов и куплю-продажу потребительских благ, было отделено от безналичных перечислений, обслуживавших остальной хозяйственный оборот. В таких условиях денежный рынок регулировался решениями финансово-кредитных органов, поскольку обращение денег пассивно приспособилось к потребностям торгового обмена и платежного оборота. Функционирование денежного рынка управлялось не ставкой банковского процента или другими инструментами “тонкой настройки” кредитно-денежной сферы, а эмиссиями или изъятиями денег из обращения.

Налоговая реформа и конверсия государственных займов преобразили рынок капитала. При помощи налога с оборота и налога на прибыль финансовое ведомство собирало в своих фондах почти весь общественный прибавочный продукт. Подавляющая его доля тратилась на развитие хозяйства в виде беспроцентных и безвозмездных субсидий. Авансируя самих себя, государственные управленческие структуры перестали начислять проценты на вкладываемый капитал, заменив долгосрочное кредитование “бесплатными” ассигнованиями из бюджета. Под символический процент распространялись облигации государственных займов, превращенных в бессрочный долг правительства народу.

Ресурсы капитала лишились своей нормальной цены – процента. Их распределение осуществлялось в обстановке избыточного рыночного спроса на дешевые инвестиции. Состояние “фондового рынка” определялось не нормой прибыли на вложенный капитал, а размерами государственных ассигнований из бюджета. Хозяйственные ведомства делили единый фонд капиталовложений в соответствии с собственной экономической мощью и политическим влиянием.

Твердо установленные цены, ставки заработной платы, проценты за кредит поддерживали покупательную способность рубля. Деньги выполняли функцию условной счетной единицы. Такая стабильность благоволила инвестиционной активности государственного предпринимательства, но снижала способность экономики к гибкой самонастройке. Возрастала вероятность

длительного несовпадения спроса и предложения. При фиксированных оптовых и розничных ценах важнейшим параметром в казенном хозяйстве оставался объем производства товаров и услуг. Поэтому планирование выпуска продукции по отраслям и предприятиям было стержнем централизованного руководства.

Директивно-плановая система не покинула пределов рыночного хозяйства, оставшись его оригинальной разновидностью. Относительно устойчивыми параметрами в советской экономике были товарные цены, заработная плата, банковский процент, норма прибыли. Равновесие на рынках товаров, труда, денег и капитала регулировалось соответствующими подвижными показателями: объемами производства (продаж) продукции, занятости работников, денежной массы в обращении и капитальных вложений. Экономический рост обеспечивался интенсивным государственным инвестированием, переступавшим за грань инфляционной загрузки производственных мощностей предприятий и создававшим ситуацию хронического избыточного спроса на факторы производства и продукты.

* * *

Реформации внутреннего рынка нашей страны были тесно связаны с динамикой ее внешне-торгового оборота и колебаниями конъюнктуры мирового рынка. Общее представление о внешне-экономическом государственном предпринимательстве в 1929 – 1933 гг. дает таблица 7.43.

Таблица 7.43

Баланс внешней торговли СССР в 1929 - 1933 гг.

Годы	Экспорт		Импорт		Баланс, млн. руб.; “+” превышение экспорта над импортом, “-” превышение импорта над экспортом
	млн. руб.	млн. т.	млн. руб.	млн. т.	
1929	924	14,1	881	2,0	+ 43
1930	1 036	21,5	1 059	2,8	- 23
1931	811	21,8	1 105	3,5	- 294
1932	575	18,0	704	2,3	- 129
1933	496	17,9	348	1,2	+ 148

Составлено по данным: Внешняя торговля СССР за 1918 – 1940 гг. С.13.

Различия в структуре экспортных и импортных сделок ясно видны при сопоставлении их “тоннажа”. Двухзначные цифры против однозначных показывают, что вывоз был на порядок тяжелее ввоза. В советском экспорте преобладали продовольственно-сырьевые ресурсы, как правило, имевшие больший вес и относительно низкие цены. Основу торговли с иностранцами составляли продажи зерна, лесоматериалов, нефтепродуктов и пушнины. На долю этой группы товаров приходилось в 1930 г. – 57,1%, в 1933 г. – 45,3% валютных доходов от экспорта¹⁶⁴.

Импорт Советского Союза более чем на 90% заполнялся средствами производства, которые обладали высокой степенью промышленной обработки и стоили дороже топлива, сырых материалов и продовольствия. На протяжении пятилетки в валовом ввозе возрастала доля машин и оборудования, составляя в 1929 г. – 30,1%, в 1930 г. – 46,8%, в 1931 г. – 53,9%, 1932 г. – 55,7%. В силу стечения обстоятельств СССР вышел на первое место в мире по закупке машин и оборудования. Отечественное хозяйство поглотило третью часть их мирового экспорта в 1931 г. и половину – в 1932 г.¹⁶⁵

Развитие директивно-плановой внешней торговли определялось взаимными колебаниями конъюнктуры всесоюзного рынка и международного товарообмена. С 1929 г. в ведущих западных странах разразился глубочайший экономический кризис, повлекший за собой обвальное падение цен и свертывание к 1933 г. мирового товарооборота на $\frac{2}{3}$ по сравнению с докризисным уровнем¹⁶⁶.

Удешевление промышленной продукции подвигло правительство большевиков расширить ее импорт, особенно в 1930 – 1931 гг. Выгодный ввоз заграничных изделий содействовал индустриальному строительству, поддержал интенсивное накопление капитала в период преодоления нэпа. Партийно-хозяйственная бюрократия форсировала экспортные поставки отечественных продуктов ради увеличения притока валюты, которой оплачивались заграничные товары. Но мировые цены на нашу вывозимую продукцию уменьшались быстрее, чем на импортируемую.

Такая раскладка меновых пропорций была объективной. В кризисных ситуациях цены на товары с низкой степенью переработки - сырье, продовольствие, энергоресурсы и т.п. опуска-

ются ниже по сравнению с ценами высокотехнологичных товаров - станков, двигателей, транспортных средств и т.д. О масштабах потерь советской внешней торговли от глобального экономического кризиса можно судить по данным таблицы 7.44.

Таблица 7.44

Показатели экспорта зерна в 1929 - 1933 гг.

Показатели	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Экспорт зерна, тыс. т.	178	4 764	5 055	1 727	1 683
Экспорт зерна, млн. руб.	10,6	217,2	162,0	55,9	43,1
Индекс мировых цен зерна	1,000	0,761	0,538	0,541	0,427

Рассчитано по данным: Внешняя торговля СССР за 1918 – 1940 гг. С. 144; История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 309.

Влияние геополитического фактора на СССР было велико. Резкое падение мировых цен сделало зерновой экспорт малоэффективным. Рост отчуждения и вывоза хлеба сопровождался сокращением валютной выручки от его продажи в 1931 г. Население страны было низведено до полуголодного существования, а итоги внешнеэкономического казенного предпринимательства оказались печальными. Экспортные доходы не покрывали полностью платежи по импорту. Сальдо внешнеторгового баланса было отрицательным три года кряду - с 1930 по 1932 гг., достигнув в 1931 г. максимальной абсолютной разницы 294 млн. руб. или 36,3% от объема экспорта.

Внешний долг СССР увеличился с 470 млн. руб. на 1 января 1929 г. до 1 400 млн. руб. к 1 января 1933 г., т.е. в 3 раза; только за 1931 г. задолженность почти удвоилась. Практически все заимствование осуществлялось советским правительством за счет краткосрочных кредитов, но в 1931 г. этот источник дополнительной покупательной способности иссяк. Грянул международный кредитный кризис, и мировая торговля переключилась в режим текущей оплаты товарных поставок. Наступило время жить по средствам. Даже для первоочередных промышленных строек был сокращен завоз оборудования¹⁶⁷.

В 1933 г. внешняя торговля Советского Союза была приведена в соответствие с реальными экспортными ресурсами. Ее баланс стал положительным. Уменьшился вывоз хлеба по причине голода и недостатка продуктов питания в стране. Впрочем, напряженная отгрузка зерна за рубеж сохранилась, несмотря на невыгодные условия его продажи. Надо было погашать внешний долг. Для расчетов с иностранными банками по ранее взятым кредитам был ограничен и промышленный импорт. Объективные предпосылки продолжения инвестиционной, промышленной экспансии государственного предпринимательства исчезли. Отечественная экономика погрузилась в обстановку депрессии.

Вместо послесловия: конъюнктурные циклы нэпа

Реформы советского хозяйства в начале 30-х годов XX века не лишили его рыночных основ и не устранили циклического характера его развития. Период новой экономической политики был своеобразным среднесрочным, инвестиционным циклом, который завершился в 1932 г. кризисным ухудшением конъюнктуры. К такому выводу можно прийти, если применять в статистическом анализе научные разработки российских экономистов.

Изменение хозяйственной конъюнктуры в годы нэпа весьма достоверно описывается теоретической моделью среднесрочных (инвестиционных) циклов М.И. Туган-Барановского – В.В. Новожилова. Размах и частота колебаний деловой активности в экономике определялись прежде всего промышленностью. Господство индустриального сектора укреплялось по мере его восстановления. Особенно отчетливо оно стало проявляться с 1924/25 г., когда воспрянул рынок товаров производственного назначения и прекратилось “проедание” капитала предприятий. Послевоенный экономический подъем сопровождался усиленным спросом на средства производства. Источником роста советской экономики было увеличение капитала, преимущественно в тяжелой индустрии.

Хозяйственный подъем выдохся из-за недостаточного накопления капитала. Подобный результат был закономерным. Ведь в фазе циклического подъема инвестирование денежных средств опережает создание капитала. При стабильных ценах это расхождение приобретало вид инфляционного превышения платежеспособного спроса на продукты над их рыночным предложением. Быстрее всех увеличивался спрос на топливно-сырьевые ресурсы, затем - на орудия труда (станки, оборудование и т.д.); медленнее прочих расширялся спрос на предметы потребления.

Углубление диспропорции между спросом и предложением, денежным инвестированием и реальным накоплением капитала остановило промышленную экспансию. Повышение цен возвратило рынки в состояние “естественного”, “равновесного” дефицита факторов производства и продуктов, перевело их в депрессивную фазу среднесрочного цикла.

Спецификой “нэповского” инвестиционного цикла был его реконструктивный характер, обусловленный возрождением и демилитаризацией российской экономики. Реконструктивный цикл имел “двугорбый” тренд - “подъема-спада”. Траектория двухстадийного цикла просматривается на графике, который изображен на рисунке 1.

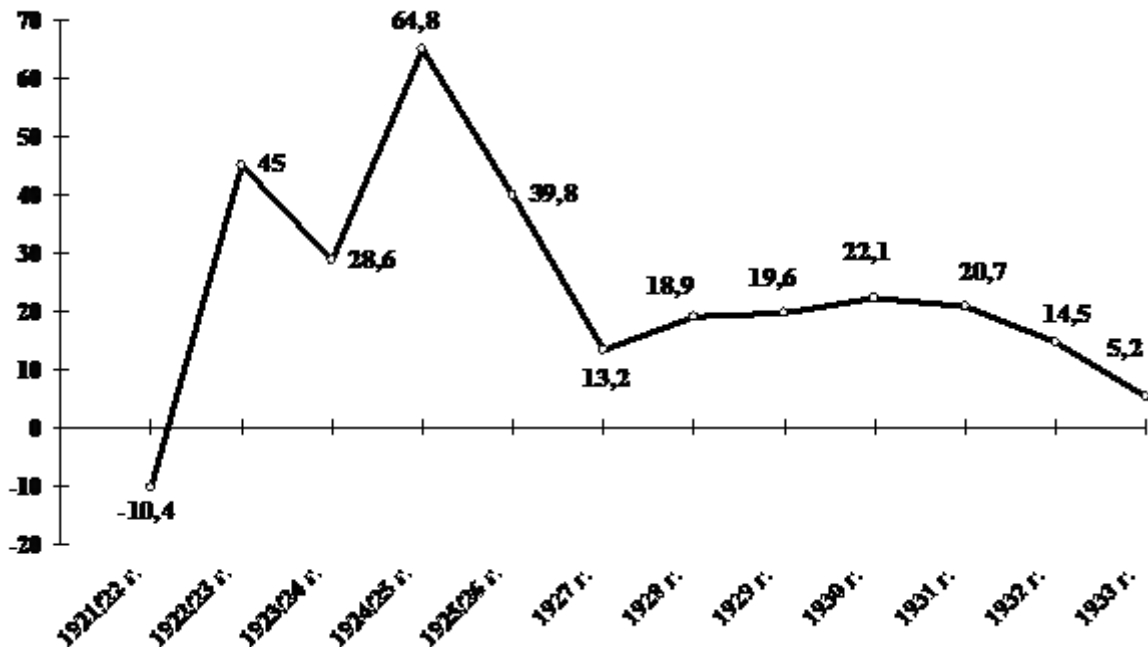

Рис. 1. Динамика валовой продукции промышленности в 1921/22 – 1933 гг., %

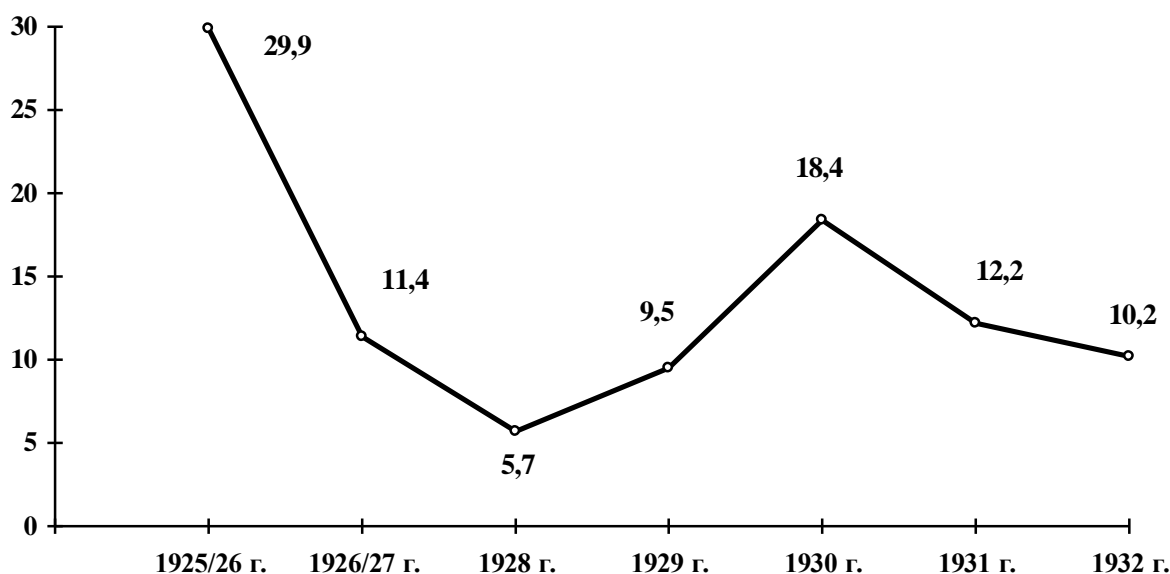
Рассчитано по данным: Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11 - 12. С. 116; Леонтьев Л.А. Экономическое соревнование двух систем и основная экономическая задача СССР // Советская социалистическая экономика 1917 - 1957 гг. М., 1957. С. 214.

Динамика накопления капитала, выпуска продукции, рыночного товарооборота была кумулятивной, т.е. “саморазгоняющейся” вверх и вниз. Первая волна цикла отличалась приоритетным инвестированием в элементы оборотного капитала при относительном избытке основных фондов – бездействовавших производственных мощностей. Второй всплеск инвестиционной активности был следствием принудительного накопления капитала, проводившегося государственным предпринимательством.

Между темпами, качеством экономического роста и преобразованиями социально-экономических институтов существовала взаимозависимость. На первой стадии реконструктивного цикла восстановление государственной властью элементов прежней хозяйственной парадигмы, межотраслевых пропорций и экономический рост поддерживали друг друга. На второй стадии чрезмерное казенное инвестирование сопровождалось перестройкой и разрушением рыночных регуляторов и отраслевой структуры, замедлением хозяйственного развития.

Пиковые значения показателя годовых приростов валовой промышленной продукции наблюдались в 1924/25 г. и в 1930 г. Восходящую кривую первой стадии цикла сделал ломаной линией относительно слабый прирост промышленного производства в 1923/24 г. Этот зигзаг был связан с “кризисом сбыта” осенью 1923 г. и плохим урожаем следующего года. Неустойчивую динамику индустриального сектора в начале нэпа определяли отрасли, перерабатывавшие сельскохозяйственное сырье. Темпы роста промышленности стабилизировались после восстановления ее довоенной структуры. В 1932 г. наступил экономический кризис, что подтвердило сокращение числа занятых работников в крупной промышленности на 0,7% в 1933 г. ¹

Двухстадийное движение демонстрировал и физический объем национального дохода, графически представленный на рисунке 2. Первое экстремальное значение прироста национального дохода в 1925/26 г. так же, как и в случае с динамикой валовой промышленной продукции, оказалось заметно выше второго пика в 1930 г.

Рис. 2. Динамика физического объема национального дохода в 1925/26 - 1932 гг., %

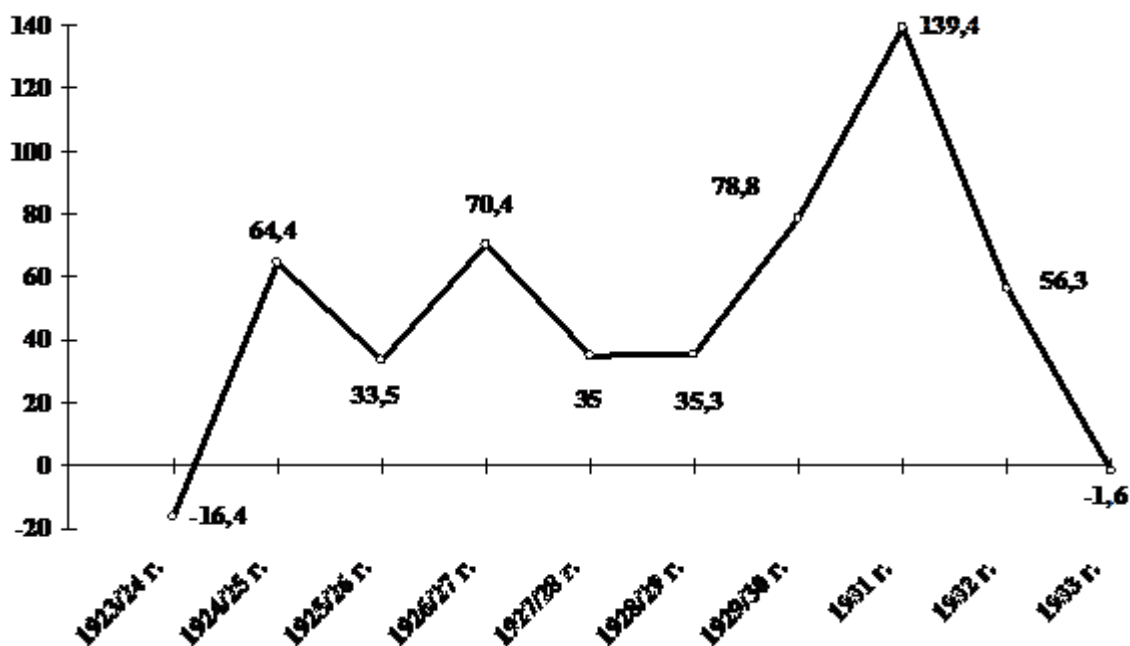
Рассчитано по данным: Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. С. 90 - 91; Старков П., Неусьпин А. Бюджет и народный доход. С. 48; Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12.

Показателем инвестиционной активности государственного предпринимательства можно считать темпы изменений бюджетных расходов на народное хозяйство. Они наглядно оформлены рисунком 3. Динамика бюджетного финансирования экономики вычерчивала кривую, похожую на колебания валового выпуска промышленной продукции. В первой половине изучаемого периода отмечался неравномерный рост обоих показателей. На втором временном отрезке волнообразный контур “подъем-спад” был выражен гораздо отчетливее.

Здесь проявилась закономерность, указанная М.И. Туган-Барановским, - повышение нормы накопления ускоряло вызревание кризисных диспропорций. Пик инвестиционного напряжения

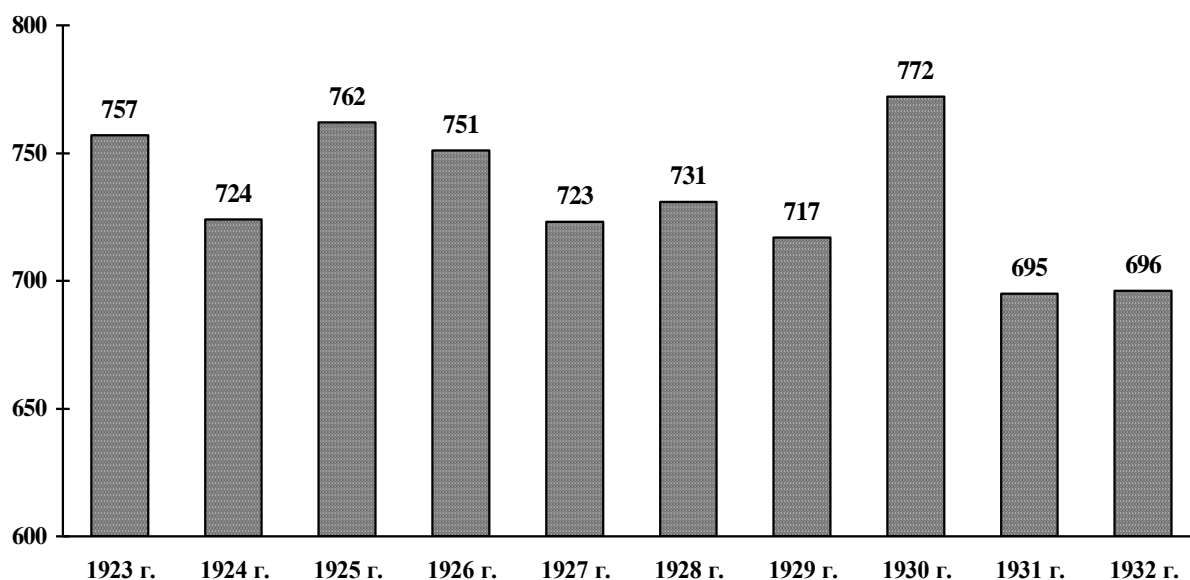
в 1926/27 г. сопровождался замедлением экономического роста. Чрезвычайное увеличение нормы сбережений в 1930 - 1931 гг. обрушило хозяйственную конъюнктуру. Депрессивная разбалансированность внутреннего рынка страны, вызванная “перенакоплением” капитала, заставила советское правительство в 1933 г. урезать сумму бюджетных расходов на финансирование народного хозяйства.

Рис. 3. Динамика расходов государственного бюджета на финансирование народного хозяйства в 1923/24 – 1933 гг., %

Расчитано по данным: Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. С. 92, 193; Дьяченко В.П. История финансов СССР. С. 176, 302; История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 132.

Тенденция уменьшения валовых сборов зерна просматривается по столбцам диаграммы на рисунке 4.

Рис. 4. Валовые сборы зерна в 1923 – 1932 гг., млн. ц.

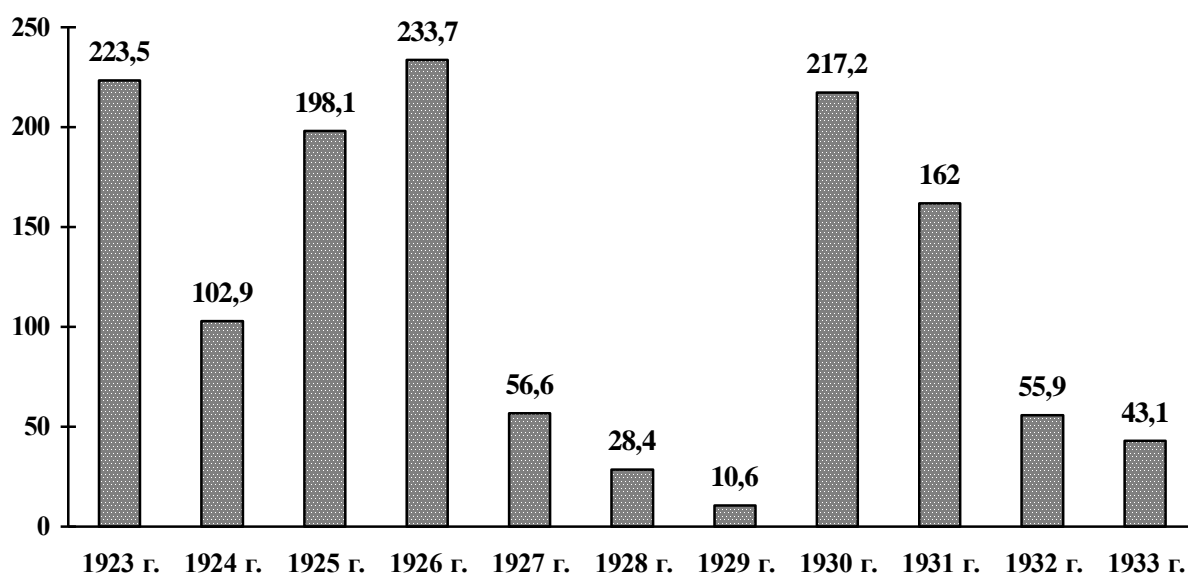
Составлено по данным: Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11 - 12. С. 116; Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 112, 127; Эллман М. Обеспечил ли прибавочный продукт сельского хозяйства увеличение капиталовложений в СССР во время первого пятилетнего плана? С. 95.

Среднегодовой сбор хлеба в 1928 - 1933 гг. был равен 722,2 млн. ц. и явно уступал уровню предшествовавших пяти лет – 743,4 млн. ц. Нисходящий тренд урожаев зерновых культур был связан с графиком нагнетания капиталовложений. Закономерная зависимость между этими процессами раскрывается теоретическими доводами В.П. Акуленко. “Коэффициент инвестиционного, рыночного напряжения” преодолел в 1928 г. черту, за которой начиналась отрицательная динамика объемов производства в некоторых отраслях потребительского профиля: легкой, пищевой промышленности, сельском хозяйстве.

Интенсивный приток капитала в тяжелую индустрию поддерживался за счет его изъятия из других сфер хозяйственной деятельности. Обратные фонды легкой промышленности уменьшились после отказа от широкомасштабного импорта хлопка и шерсти ради ввоза черного и цветных металлов. В аграрном секторе происходило прямое уничтожение основного капитала. Стоимость убыли фондов в скоте за 1928 - 1931 гг. оценивалась в 1,8 млрд. руб.²

Указанные потери ресурсов были прямыми дезинвестициями из соответствующих отраслей. В основной капитал превращались текущие элементы воспроизводства, в частности средства не индексируемой заработной платы. По мере увеличения доли сбережений и накопления в национальном доходе реальное содержание заработков и уровень потребления граждан ухудшались. В 1931 - 1932 гг. “сопротивление социально-экономической материи” вполне “закономерно” достигло порогового значения терпимости. Началось падение производительности труда в государственной промышленности. Текучесть кадров на социалистических предприятиях обрела качественно новое состояние: наемные работники в массовом порядке стали покидать фабрики, заводы, стройки. Повышение цен в 1932 г. “легализовало” экономический кризис. Оно приостановило инвестиционную интервенцию казенного предпринимательства, сжав покупательную способность денежного фонда накопления.

Степень “перегрева” конъюнктуры отечественного хозяйства зависела от участия в международном разделении труда. Геополитические компоненты государственного предпринимательства, опиравшегося на аграрно-сырьевой экспорт, по-своему формировали среднесрочный цикл нэпа. Перепады объемов хлебного экспорта отражает диаграмма на рисунке 5. Здесь зримо выделяются две полосы напряженного вывоза зерна на мировой рынок: 1923 - 1926 гг. и 1930 - 1931 гг. На протяжении всего реконструктивного цикла прослеживалась устойчивая связь между урожаями зерновых культур, экспортом хлеба, накоплением капитала и динамикой промышленного производства. Такая “специфически российская” закономерность циклического роста экономики, выявленная С.А. Первушиным при изучении статистического материала довоенной поры, сохранилась в качестве модели развития “нэповского” хозяйства.

Рис. 5. Экспорт зерна в 1923 – 1933 гг., млн. руб.

Составлено по данным: Кауфман М. Итоги и перспективы внешней торговли С. 81; Внешняя торговля СССР за 1918 - 1940 гг. С. 110, 144.

Взаимосвязь колебаний конъюнктуры внешнего и внутреннего рынка СССР видна на рисунке 6.

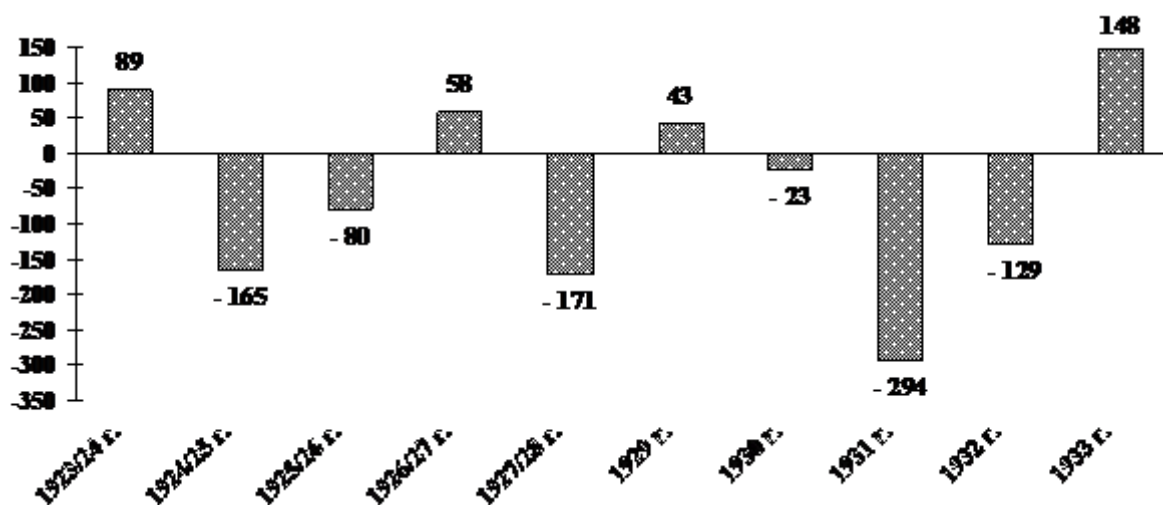

Рис. 6. Сальдо баланса внешней торговли в 1923/24 - 1933 гг., млн. руб.

Составлено по данным: Кауфман М. Итоги и перспективы внешней торговли С. 81, 86; Внешняя торговля СССР за 1918 - 1940 гг. С. 13.

Превышение импорта над экспортом было характерно для промышленных подъемов 1924/25 – 1925/26 гг. и 1930 – 1931 гг. Внешнеэкономические условия сыграли свою роль в завершении второй стадии среднесрочного цикла нэпа. Для увеличения импорта были использованы благоприятные возможности снижения мировых цен на промышленные изделия и щедрое кредитование закупок. Обильный ввоз иностранных продуктов партийно-хозяйственной бюрократия пыталась компенсировать разорявшим казну и население вывозом дешевого хлеба. Свертывание международной торговли и обесценение нашего экспорта уменьшили валютные инвестиционные ресурсы государственного предпринимательства. С 1932 г. началось кризисное падение внешнеторговых операций Советского Союза.

Показатели денежно-товарного обращения графически зарегистрировали на рисунке 7 два узловых пункта в развитии конъюнктуры нэпа - 1925/26 г. и 1930 г. Оба они совпадали с резкими взлетами денежной эмиссии.

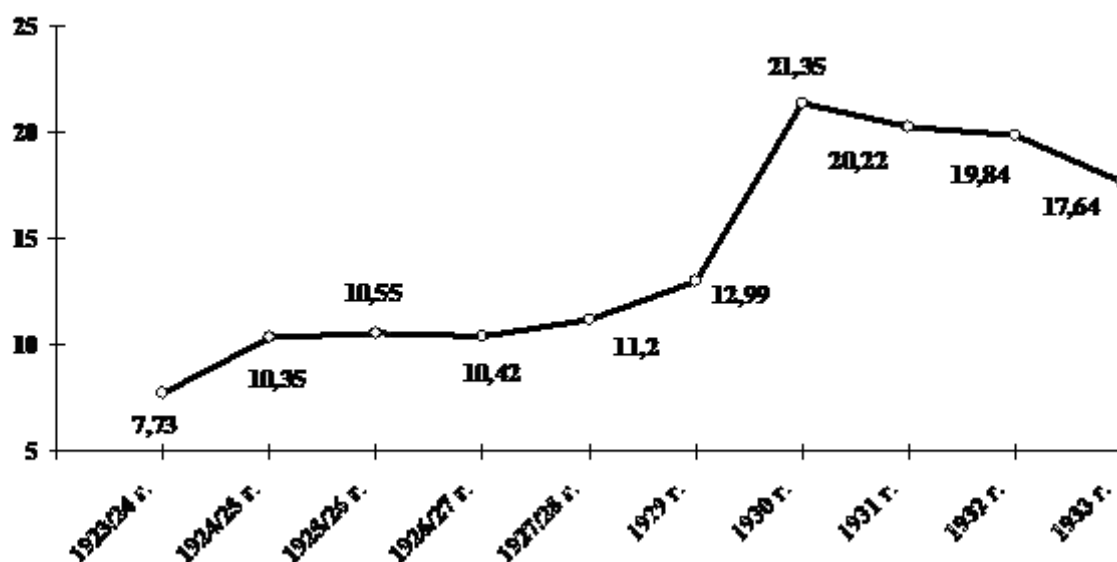

Рис. 7. Отношение количества денег в обращении к объему розничного товарооборота в 1923/24 – 1933 гг., %

Рассчитано по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 133, 150, 404; Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11 - 12. С. 115; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 12. С. 126 - 127.

Отношение среднегодовой денежной массы к объему розничного товарооборота – показатель, обратный скорости обращения денег. Его увеличение означает, как правило, ухудшение состояния товарно-денежного обмена и может интерпретироваться как замедление хождения рублей, нарастание продуктового дефицита или оседание на руках “неотоваренных” монет и бумажных купюр, избыточный выпуск наличных денежных знаков по сравнению с товарными ресурсами розничной торговли.

Первый пик 1925/26 г. знаменовал собой приближение к пределам восстановительного подъема и восполнения оборотного капитала предприятий. Второй пик 1930 г. говорил о пороге инвестиций в основной капитал индустрии. Конъюнктурный цикл нэпа перешагнул через два порога насыщения розничного товарооборота деньгами: первый – на уровне примерно 10%, второй – на вдвое большей отметке. Повышение цен в 1931 – 1932 гг. и изъятие денег из обращения в 1933 г. несколько “нормализовало” соотношение товарной массы и количества эмитированных денежных знаков.

Циклические подъемы, согласно взглядам поименованных российских экономистов, сопряжены обычно с обретением неизведанных рынков сбыта отечественных товаров, техническим прогрессом промышленности. Первый “подцикл” эпохи нэпа был обусловлен воссозданием структуры и емкости внутреннего рынка страны и возвращением ее на международные рынки продовольственно-сырьевых продуктов. Второй “подцикл” отличался фундаментальным техническим переоснащением советского хозяйства, формированием обширного рынка промышленной продукции. Массовый импорт высокотехнологичных изделий, современных способов организации производства заложил предпосылки дальнейшей индустриализации Советского Союза на собственной базе.

Подводя итоги обзора конъюнктуры нэпа можно констатировать, что официальное окончание первой пятилетки в 1932 г. было вызвано кризисными потрясениями хозяйства СССР. Скопившиеся диспропорции фактически остановили экономический рост державы. Потребовалась передышка перед стартом очередного инвестиционного цикла. Для краткого резюме первой пятилетки подходят слова Ф. Броделя: “Государство было... сильнее общества... но не сильнее экономики”³.

* * *

“Преодоление” нэпа было не только завершающей фазой среднесрочного колебания конъюнктуры, но и переломным моментом большого, полувекового цикла хозяйственного развития. Понижительная (неблагоприятная) стадия большого цикла (“длинной волны”) началась вместе с первой мировой войной; о том писал автор концепции больших циклов Н.Д Кондратьев еще в 1925 г.⁴ Поэтому хронологически новая экономическая политика руководства СССР окончилась на исходе очередной длинной волны.

В сумрачные времена, на стыке пятидесятилетних циклов, хозяйство ведущих стран планеты помимо их прихоти “катится под откос” конъюнктуры и вязнет в “трясине” длительного, структурного кризиса. С 1929 г. государства с мощной рыночной экономикой угодили в историческую полосу, которую уважительно нарекли Великой депрессией. В этом смысле отказ от нэпа был объективно обусловлен и предопределен.

Реформирование отечественной экономики осуществлялось как естественная реакция правящей власти на обстановку структурного кризиса, в котором оказался Советский Союз в 1929 г., т.е. на “разломе” больших циклов. Дальнейшее функционирование казенного предпринимательства в “традиционно-рыночном” режиме нэпа не способно было развязать узел острейших социально-экономических противоречий.

В ходе реформ начала 30-х годов был создан хозяйственный механизм, позволивший решать структурные проблемы, пусть даже не оптимальными средствами. Прежде всего, удалось наладить крупномасштабное инвестирование в передовые отрасли индустрии и обеспечить положительные сдвиги в межотраслевых пропорциях. За годы первой пятилетки удельный вес промышленности в валовой продукции СССР вырос с 51% до 70,7%, а доля сельского хозяйства уменьшилась с 49% до 29,3%⁵. Хотя это изменение отраслевой структуры совершилось не только за счет подъема индустрии, но и по причине учиненного развала аграрного сектора, оно все-таки символизировало собой качественную трансформацию отечественной экономики из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную.

При помощи интенсивных капиталовложений государство справилось с хронической, структурной безработицей: трудоустроило городских жителей и минимизировало аграрное перенаселение провинции. Коллективизация крестьян заложила предпосылки перехода от животноводческого возделывания земли к механической обработке почвы, создала условия высвобождения работников в деревне и миграции их в города на промышленные предприятия и строительные объекты.

Следует признать объективно обусловленными ряд процессов, характерных для структурной реконструкции экономики. Так, стагнация или кризисное сокращение хозяйственной деятельности в традиционных отраслях - легкой, пищевой промышленности, земледелии, животноводстве вызывались тем, что последние служили источниками финансовых, трудовых, материальных ресурсов для новорожденных, перспективных областей предпринимательства.

Расстройство наличного и безналичного рублевого обращения было не просто свидетельством экспансионистских устремлений высших кругов политико-экономической бюрократии, оно отражало реальные тенденции свертывания торговли на международном и внутреннем рынке. Твердые и устойчивые денежно-валютные системы здравствуют на повышательных волнах больших циклов, а эпоха нэпа разместилась на понижательной фазе третьего "кондратьевского" цикла.

Резкое падение реальных доходов и уровня жизни населения было также признаком наступления структурного кризиса. Без повышения доли сбережений и накоплений в национальном доходе формирование новых сфер занятости трудовых ресурсов было бы долгим и утомительным. Скоротечностью указанных процессов во многом объяснялась чрезмерная конфликтность взаимоотношений социальных групп.

Завершение нэпа можно квалифицировать как попытку выхода из структурного кризиса, ибо в это время произошли изменения социальной стратификации граждан, механизма регулирования хозяйства, межотраслевых пропорций, уровня макроэкономического равновесия и качества экономического роста.

В 30-е годы XX века набрала мощь общемировая тенденция усиления роли государства в экономике. Таково было веление времени; иначе нельзя было преодолеть затянувшуюся депрессию. Реализация этой закономерной тенденции в нашей стране привела к тому, что положение казенного предпринимательства стало почти всеобъемлющим. Государственный аппарат "отредактировал" правила "рыночной игры", поскольку неотложные преобразования требовали пересмотра сложившихся механизмов согласования экономических интересов. Окончательное становление "на закате" нэпа директивно-плановой парадигмы хозяйствования было исторически обусловленным ответом на возникновение структурного кризиса в конце очередного большого цикла конъюнктуры.

Примечания

Глава I

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.3. Время мира. М., 1992. С. 81.
2. Согласно определению Н.Д. Кондратьева: “Мы склонны видеть экономическое содержание понятия конъюнктуры не в чем ином, как в той совокупности обстоятельств, которая обнаруживается благодаря рынку, от которой зависит и в которой выражается подъем или упадок напряжения частно - и народнохозяйственной жизни”. См.: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 68.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.43. С. 205.
4. В современной литературе в качестве синонимов понятия “труд для непосредственного удовлетворения своих потребностей” используются термины “домашнее хозяйство” и “семейная экономика”.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 43. С. 207.
6. Богданов А.А. Версальское устройство // Вестник социалистической академии. 1922. Кн. 1. С. 120 - 121.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 220 - 221.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 158.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 229.
10. Богданов А.А. Версальское устройство. С. 121.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 222 - 223.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 226.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 193.
14. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 192.

Глава II

1. Рейнгольд И.И. Финансовая политика нэпа (от разверстки и монополии к обложению) // Финансовое оздоровление экономики: опыт нэпа. М., 1990. С. 45 - 46.
2. История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. II. М., 1976. С. 36.
3. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917 - 1963 гг.). М., 1964. С. 29.
4. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917-1928). М., 1928. С. 132.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 207 - 208.
6. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 124.
7. Рейнгольд И.И. Финансовая политика нэпа. С. 51.
8. Рейнгольд И.И. Финансовая политика нэпа. С. 51, 52, 54.
9. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 158.
10. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 144.
11. Кузовков Д.В. Процесс натурализации народного хозяйства (1916 - 1920 гг.) // Финансовое оздоровление экономики: опыт нэпа. М., 1990. С. 37.
12. Кузовков Д.В. Процесс натурализации народного хозяйства. С. 37.
13. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 65.
14. Цельникер С.С. Госзаказы в промышленности // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 295.
15. Кириллов И.А. Финансирование промышленности // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 229, 230.
16. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.1. М., 1967. С. 259.
17. Рейнгольд И.И. Финансовая политика нэпа. С. 53.
18. Базаров В.А. К вопросу о хозяйственном плане // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Л., 1989. С. 219.
19. С 1 октября 1922 г. в хозяйственную практику было введено понятие “планово-бюджетного” или “отчетного” года. Планово-бюджетный год в СССР длился с 1 октября очередного года по 30 сентября следующего года, что соответствовало сельскохозяйственному циклу. После “особого”, IV квартала 1930 г. (т.е. с 1 января 1931 г.) планирование в нашей стране перешло на календарные сроки: с 1 января по 31 декабря каждого года.
20. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 105.
21. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 79 - 80.
22. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику “Законодательство о трестах и синдикатах” // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 143.
23. Благих И.А. “Зигзаги” нэпа // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М., 1989. С. 177.
24. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 33.
25. Рейнгольд И.И. Финансовая политика нэпа. С. 46.
26. Рыков А.И. Избранные произведения. М., 1990. С. 283.
27. Рассчитано по данным: Рыков А.И. Избранные произведения. С. 215, 283.
28. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 252.
29. Милютин В.П. Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства // Вестник социалистической академии. 1923. Кн. 2. С. 173.
30. Милютин В.П. Роль государственного капитализма... С. 174.

31. Жирмунский М. Проблема частного капитала // Вестник финансов. 1926. № 9. С. 16.
32. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 153.
33. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 33.
34. Преображенский Е.А. Выступление в прениях по докладу В.П. Милютин // Вестник социалистической академии. 1923. Кн. 2. С. 186.
35. Кузовков Д.В. Финансовая система в период первоначального социалистического накопления // Вестник социалистической академии. 1923. Кн. 2. С. 19.
36. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.-Л., 1927. С. 9.
37. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 7.
38. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 231.
39. Кузовков Д.В. Процесс натурализации народного хозяйства. С. 19.
40. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 230.
41. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 232, 238.
42. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 222, 223.
43. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 112.
44. Юровский Л.Н. Банки в России и в СССР // Кредит и банки. Теория банковского кредита. Организация банковского дела. Банки в СССР и за границей. Государственное финансовое законодательство Союза ССР. М., 1929. С. 400.
45. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 115.
46. Юровский Л.Н. Банки в России и в СССР. С. 401.
47. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 147.
48. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 146 - 147.
49. Базаров В.А. О методологии изучения денежной эмиссии // Вестник социалистической академии. Кн. 4. 1923. С. 29.
50. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 150.
51. Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 227.
52. Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. С. 229.
53. Кондратьев Н.Д. Условия образования и движения товарных цен // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 313.

Глава III

1. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 192.
2. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 195.
3. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 197.
4. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 201.
5. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 203.
6. Золотник - русская дометрическая мера веса (массы) равная 96 долям или 4,266 грамма. Соответственно 1 доля весила 0,0444375 грамма.
7. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 225.
8. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избранные произведения: В 2 кн. М., 1993. Кн. 1. С. 191.
9. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 1. С. 260.
10. О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах). Декрет ВЦИК и СНК от 10 апреля 1923 г. // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 29.
11. О государственных промышленных предприятиях... С. 31.
12. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 135 - 136.
13. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 137.
14. О государственных промышленных предприятиях... С. 45.
15. Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917 - 1950 гг.). М., 1978. С. 160.
16. О государственных промышленных предприятиях... С. 61.
17. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 140.
18. О государственных промышленных предприятиях... С. 49.
19. О государственных промышленных предприятиях... С. 63.
20. Кузовков Д. Наши валюты (дензнак, червонец, казначейский билет) // Вестник коммунистической академии. Кн. 7. 1924. С. 81 - 82.
21. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 253 - 256.
22. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 262 - 263.
23. Кузовков Д. Наши валюты. 1924. С. 139.
24. Кузовков Д. Наши валюты. С. 88.
25. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 83.
26. Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. С. 245.
27. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 267.
28. Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. С. 246.
29. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 53.

30. Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. С. 247.
31. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 46.
32. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 54.
33. Рыков А.И. Избранные произведения. С. 256.
34. Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. С. 250.
35. Рассчитано по данным: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 388.
36. Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. С. 250.
37. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 378.
38. Н.Д. Кондратьев вслед за А. Маршаллом писал о трех видах рыночного равновесия. Первый вид рыночного равновесия связан с краткосрочными колебаниями конъюнктуры длительностью от нескольких месяцев до года, в основе которых лежит динамика цен и товарных запасов при постоянном объеме выпуска продукции. Равновесие второго порядка обусловлено инвестициями в расширение производственных мощностей предприятий. С ним связаны более серьезные, среднесрочные колебания конъюнктуры продолжительностью в несколько лет. Долгосрочные, охватывающие десятки лет спады и подъемы в экономике вызываются перестройкой ее отраслевой структуры. Такие большие волны в хозяйственной жизни формируют рыночное равновесие третьего порядка. Подробнее об этом см.: Маршалл А. Принципы политической экономии. М., 1984. Т. II. С. 65 – 66; Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 216 - 217. Соответственно перечисленным экономическим циклам в практике наблюдаются три вида кризисных явлений (нарушений устойчивости макроэкономического равновесия): торговые кризисы, инвестиционные кризисы и структурные кризисы.
39. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 276.
40. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 276.
41. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 278.
42. Бродель Ф. Время мира. С. 78.
43. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 287.
44. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 125 - 127.
45. Юровский Л. К истории и теории наших денежных займов // Вестник финансов. 1929. № 1. С. 4.
46. Лоевецкий Д. Денежное обращение за 10 лет // Вестник финансов. 1927. № 11. С. 108, 109.
47. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 292 - 299.
48. Лоевецкий Д. Денежное обращение за 10 лет. С. 110.

Глава IV

1. Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 301.
2. Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 309 - 318.
3. Кузовков Д.В. Перспективы денежного обращения в ближайший период // Вестник коммунистической академии. Кн. 10. 1925. С.178.
4. Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // Финансовое оздоровление экономики: опыт нэпа. М., 1990. С. 229.
5. Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия... С. 216 - 217.
6. Кузовков Д.В. Перспективы денежного обращения в ближайший период. С. 206.
7. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 151.
8. Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 339.
9. Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти. С. 332.
10. Шапошников Н. Задачи и предпосылки политики цен // Вестник финансов. 1927. № 9. С. 26.
11. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 226.
12. Шапошников Н. Задачи и предпосылки политики цен. С. 29.
13. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 269.
14. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 272.
15. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 449.
16. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 267.
17. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3. С. 454.
18. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3. С. 245.
19. Лившиц М. К очередным задачам в области обложения деревни // Вестник финансов. 1928. № 3. С. 4.
20. Железнов В.Я. Накопление в народном хозяйстве СССР // Вестник финансов. 1927. № 9. С. 50.
21. Кондратьев Н.Д. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избранные произведения: В 2 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 94.
22. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 94.
23. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 95.
24. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 94.
25. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 94.
26. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 218.
27. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 58.
28. Рассчитано по данным: Показатели состояния народного хозяйства СССР // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1928. № 1. С. 7; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 371.
29. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 346.

30. Соболев М.Н. Некоторые выводы из работы банков в 1925/26 г. // Плановое хозяйство. 1926. № 12. С. 63.
31. О государственных промышленных предприятиях... С. 62.
32. Юровский Л.Н. Банки в России и в СССР. С. 412.
33. Фогель В. Реформа кассового устройства // Вестник финансов. 1929. № 3. С. 52.
34. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 340 - 341.
35. Шварц Г. Эволюция кредитной системы // Вестник финансов. 1929. № 3. С. 82, 83.
36. Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 82.
37. Юровский Л.Н. Банки в России и в СССР. С. 413.
38. Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 82.
39. Соболев М. Перспективный пятилетний план по кредиту и денежному обращению // Вестник финансов. 1928. № 9. С. 31.
40. Юровский Л.Н. Банки в России и в СССР. С. 419.
41. Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 71.
42. Рассчитано по данным: Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 71.
43. Соболев М.Н. Некоторые выводы из работы банков в 1925/26 г. С. 64.
44. Радецкий Ф. Ресурсы Госбанка в пятилетней перспективе // Вестник финансов. 1929. № 5. С. 39.
45. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 353.
46. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 212.
47. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 356.
48. Соколов А. Денежная политика и конъюнктура // Вестник финансов. 1926. № 12. С. 47.
49. Шапошников Н. Задачи и предпосылки политики цен. С. 13.
50. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 86.
51. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 78.
52. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 154.
53. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 82.
54. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 152.
55. Шапошников Н. Задачи и предпосылки политики цен. С. 23.
56. Шапошников Н. Задачи и предпосылки политики цен. С. 23.
57. Турецкий Ш.Я. Проблема издержек производства в процессе ценообразования // Плановое хозяйство. 1928. № 12. С. 128.
58. Шапошников Н. Задачи и предпосылки политики цен. С. 23.
59. Крон Ц. М. Перспектива товарооборота на 1927/28 г. // Плановое хозяйство. 1927. № 9. С. 133.
60. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 349.
61. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 51.
62. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 351.
63. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 52.
64. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 57.
65. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 57.
66. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 357, 358.
67. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 83.
68. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 216.
69. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 357.
70. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 355, 356.
71. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 355.
72. Шапошников Н. Задачи и предпосылки политики цен. С. 20, 21.
73. Орловский В. О накоплении товарных запасов // Вестник финансов. 1928. № 10. С. 46.
74. Киселев С.М. Значение кредита в конъюнктуре советского народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1928. № 1. С. 138.
75. Струмилин С.Г. Процессы ценообразования в СССР // Плановое хозяйство. 1928. № 7. С. 46, 47.
76. Струмилин С.Г. Процессы ценообразования в СССР. С. 53.
77. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 84.
78. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 38 - 39.
79. Шапошников Н. Задачи и предпосылки политики цен. С. 21.
80. Шапошников Н. Задачи и предпосылки политики цен. С. 22.
81. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 238.
82. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 240.
83. Федоров Б.Г. Валютная политика СССР: взгляд в будущее. М., 1990. С. 85.
84. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 235.
85. Соболев М.Н. Итоги и перспективы кредита // Кредит и хозяйство. 1927. № 10 - 11. С. 26; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 242.
86. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 336 - 337.
87. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 364.

88. Думается, что можно говорить об ограниченном конвертировании червонца. В СССР первых лет нэпа не существовало свободы ввоза и вывоза товаров и валюты, но действовал разрешительный порядок экспорта и импорта продуктов, продвижения через границу рублей и иностранных купюр. Кроме того, коммерческие организации, учреждения и граждане имели право приобретать, хранить и продавать золото, доллары, фунты стерлингов и тому подобные ценности.

89. Энгеев Т. Регулирование платежного баланса и курс валюты // Вестник финансов. 1927. № 4. С. 53 - 54.
90. Энгеев Т. Регулирование платежного баланса и курс валюты. С. 55, 57.
91. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 390.
92. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 387.
93. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 345.
94. Шапошников Н. Задачи и предпосылки политики цен. С. 17.
95. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 360.
96. Лоевецкий Д. А. Денежное обращение за 10 лет. С. 115.
97. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти. С. 366.
98. Энгеев Т. Регулирование платежного баланса и курс валюты. С. 55.
99. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 195.
100. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 8.
101. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 111.
102. Кутлер Н. Конечные результаты первого опыта обследования капиталов, обращающихся в частных предприятиях // Вестник финансов. 1926. № 12. С. 80.
103. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 287.
104. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 167.
105. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 70, 248; История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. III. М., 1977. С. 276.
106. Дубовиков Ф.Г. Масштаб работы и значение частной ценовой промышленности // Частный капитал в народном хозяйстве СССР. Материалы комиссии ВСНХ СССР. М. - Л., 1927. С. 38.
107. Эмдин Я.Р. Положение труда в частной промышленности // Частный капитал в народном хозяйстве СССР. М. - Л., 1927. С. 214.
108. Эмдин Я.Р. Положение труда в частной промышленности. С. 216.
109. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 146, 147.
110. Микеладзе П. Проблемы акцизной политики СССР // Вестник финансов. 1927. № 8. С. 57; История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 256.
111. Кутлер Н. Конечные результаты первого опыта обследования капиталов. С. 77.
112. Кутлер Н. Конечные результаты первого опыта обследования капиталов. С. 76, 78.
113. Кутлер Н. Конечные результаты первого опыта обследования капиталов. С. 76, 77.
114. Кутлер Н. Конечные результаты первого опыта обследования капиталов. С. 77.
115. Гинзбург А.М. О частном капитале в народном хозяйстве // Частный капитал в народном хозяйстве СССР. М. - Л., 1927. С. 20 - 21.
116. Кутлер Н. Конечные результаты первого опыта обследования капиталов. С. 76.
117. Ржевусский М. Условия развития частного оборота // Вестник финансов. 1926. № 12. С. 71.
118. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 181, 182.
119. Жирмунский М. Проблема частного капитала. С. 17.
120. Гинзбург А.М. О частном капитале в народном хозяйстве. С. 7.
121. Ржевусский М. Условия развития частного оборота. С. 72.
122. Ржевусский М. Условия развития частного оборота. С. 73.
123. Ржевусский М. Условия развития частного оборота. С. 74.
124. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 271.
125. Ржевусский М. Условия развития частного оборота. С. 74.
126. Ржевусский М. Условия развития частного оборота. С. 72.
127. Ржевусский М. Условия развития частного оборота. С. 68.
128. Ржевусский М. Условия развития частного оборота. С. 69.
129. Ржевусский М. Условия развития частного оборота. С. 72.
130. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 95.
131. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 272.
132. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 237.
133. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 238.
134. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 286.
135. Гинзбург А.М. О частном капитале в народном хозяйстве. С. 7.
136. Юровский Л.Н. Банки в России и в СССР. С. 402.
137. Юровский Л.Н. Банки в России и в СССР. С. 402; Шварц Г. Эволюция кредитной системы. С. 85.
138. Юровский Л.Н. Банки в России и в СССР. С. 403.
139. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 289.
140. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 278.

141. М – в С. О роли частного капитала в народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 4. С. 77.
142. Гинзбург А.М. О частном капитале в народном хозяйстве. С. 20.
143. Гинзбург А.М. О частном капитале в народном хозяйстве. С. 27.
144. Милютин В. Итоги экономического развития СССР и перспективы социалистического строительства // Вестник Коммунистической академии. Кн. 23. 1927. С. 14.
145. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 304, 305.
146. Статистический ежегодник на 1914 год. Пг., 1914. С. 356, 357.
147. История социалистической экономики СССР. Т II. С. 131.
148. Бубнов М. О тяжести обложения населения СССР // Плановое хозяйство. 1926. № 10. С. 118.
149. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. С. 264 - 265.
150. Железнов В.Я. Ближайшие задачи государственного кредита СССР // Вестник финансов. 1927. № 4. С. 45.
151. Юровский Л. К истории и теории наших государственных займов. С. 15.
152. Вульф Г. Новая стадия в развитии госкредита СССР // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 4. С. 13 - 14.
153. Железнов В.Я. Ближайшие задачи государственного кредита. С. 41.
154. Железнов В.Я. Ближайшие задачи государственного кредита. С. 41, 45, 47.
155. Юровский Л. К истории и теории наших государственных займов. С. 17.
156. Кистенев С.Т. Роль государственного кредита, как метода аккумуляции в СССР // Вестник финансов. 1928. № 6. С. 13.
157. Юровский Л. К истории и теории наших государственных займов. С. 20.

Глава V

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11, 28.
2. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 162.
3. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 165, 166.
4. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 182.
5. О государственных промышленных предприятиях... С. 30.
6. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 178.
7. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 189.
8. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 167.
9. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 167.
10. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 167.
11. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 168.
12. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 170.
13. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 172.
14. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 173.
15. О государственных промышленных предприятиях... С. 29.
16. Положение о государственных промышленных трестах. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 29 июня 1927 г. // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 117.
17. Положение о государственных промышленных трестах. С. 120 - 122.
18. О государственных промышленных предприятиях. С. 49.
19. Дьяченко В.П. История финансов СССР. С. 160.
20. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику. С. 163.
21. Обзор взглядов деятелей той поры представлен в монографии: Мау В.А. Реформы и догмы. М., 1993. С. 24 - 57.
22. Подробнее об этом см.: Черемисинов Г.А. Государственное предпринимательство в отечественной экономике: предыстория хозяйственного расчета. Саратов, 1995. С. 48 - 66.
23. Резолюция III Всероссийского съезда СНХ (23 - 27 января 1920 г.) // Об едином хозяйственном плане: (Работы 1920-1921 годов). М., 1989. С. 14.
24. Резолюция III Всероссийского съезда СНХ (23 - 27 января 1920 г.) С. 14.
25. Резолюция III Всероссийского съезда СНХ (23 - 27 января 1920 г.) С. 14.
26. Гусев С.И. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат // Об едином хозяйственном плане: (Работы 1920 - 1921 годов). М., 1989. С. 50 - 51.
27. Гусев С.И. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат. С. 57.
28. Кактынь А.М. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный центр // Об едином хозяйственном плане: (Работы 1920 - 1921 годов). М., 1989. С. 100.
29. Кактынь А.М. Единый хозяйственный план... С. 111, 112.
30. Кактынь А.М. Единый хозяйственный план... С. 112, 113.
31. Кржижановский Г.М. Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии (Госплана) // Об едином хозяйственном плане: (Работы 1920 - 1921 годов). М., 1989. С. 157 - 158.
32. Кржижановский Г.М. Хозяйственные проблемы РСФСР... С. 222, 223.
33. Кржижановский Г.М. Хозяйственные проблемы РСФСР... С. 170.
34. Базаров В.А. К вопросу о хозяйственном плане С. 218.

35. Базаров В.А. К вопросу о хозяйственном плане. С. 218.
36. Базаров В.А. К вопросу о хозяйственном плане. С. 221.
37. Базаров В.А. К вопросу о хозяйственном плане. С. 219 - 220.
38. Базаров В.А. К вопросу о хозяйственном плане. С. 220.
39. Базаров В.А. "Кривые развития" капиталистического и советского хозяйства // Плановое хозяйство. 1926. № 6. С. 52 - 53.
40. Базаров В.А. "Кривые развития" капиталистического и советского хозяйства. С. 53.
41. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 41,42.
42. Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Л., 1989. С. 24.
43. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 92 - 93.
44. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 93.
45. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 99, 102.
46. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 140.
47. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 130, 147.
48. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 148.
49. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 127.
50. Струмилин С.Г. К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27 - 1930/31 гг. // Плановое хозяйство. 1927. № 3. С. 17.
51. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 162 - 163.
52. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 156.
53. Струмилин Г.Г. К теории планирования // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Л., 1989. С. 65.
54. Струмилин Г.Г. К теории планирования. С. 66.
55. Струмилин Г.Г. К теории планирования. С. 66.
56. Струмилин Г.Г. К теории планирования. С. 66 - 67.
57. Струмилин Г.Г. К теории планирования. С. 62.
58. Само по себе слово "предрассудок" означает пред-знание, пред-суждение, т.е. суждение, высказанное до окончательной проверки всех фактических моментов. Оно вовсе не говорит о неверности суждения. В социальных исследованиях "пред-понимание" определяется предметом изучения - обществом. О том интересно писал Х.-Г. Гадамер: "Речь идет о сложившейся общественной системе, которая имеет значение исторически ставшей, научно недоказуемой нормы. Она представляет не только предмет опытно-научного рационализования, но и его рамки, в которые "вставляется" методическая работа. Исследование разрешает в данном случае проблему, большей частью учитывая помехи в существующих общественных функциональных взаимосвязях или также путем объяснения критикой идеологии, которая оспаривает существующие господствующие отношения". Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 617 - 618.
59. Струмилин С.Г. К теории планирования. С. 61.
60. Струмилин С.Г. К теории планирования. С. 61.
61. Струмилин С.Г. К теории планирования. С. 76.
62. Струмилин С.Г. К теории планирования. С. 76.
63. Струмилин С.Г. К теории планирования. С. 76 - 77.
64. Струмилин С.Г. К теории планирования. С. 77.
65. Струмилин С.Г. К теории планирования. С. 78.
66. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 177.
67. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 178.
68. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 178.
69. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 207 - 208.
70. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 208.
71. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 181 - 182.
72. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 182.
73. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 210 - 211.
74. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 212.
75. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 213.
76. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 213.
77. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 213.
78. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 215.
79. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 214.
80. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 215.
81. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 217.
82. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 220.
83. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 222 - 223.
84. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 223 - 224.
85. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 225.
86. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 224 - 225.

87. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 183.
88. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 183.
89. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 242 - 243.
90. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 226.
91. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 184 - 185.
92. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 184.
93. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 202, 203.
94. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. М., 1993. С. 213.
95. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 214.
96. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 210, 211, 212.
97. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 221.
98. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 221.
99. Преображенский Е.А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. М., 1926. С. 65 - 66.
100. Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Пути развития: дискуссии 20-х годов. Л., 1990. С. 53. Эта глава из книги "Новая экономика" была впервые опубликована в 1924 г. в "Вестнике Коммунистической академии". Кн. 8.
101. Преображенский Е.А. Основной закон ... С. 60 - 61.
102. Преображенский Е.А. Основной закон... С. 104.
103. Преображенский Е.А. Основной закон ... С. 57.
104. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 212.
105. Преображенский Е.А. Основной закон... С. 98.
106. Преображенский Е.А. Основной закон... С. 110.
107. Преображенский Е.А. Новая экономика. С. 63.
108. Преображенский Е.А. Закон ценности в советском хозяйстве // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. 14. С. 9.
109. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 12.
110. Преображенский Е.А. Основной закон... С. 109 - 110.
111. Преображенский Е.А. Основной закон... С. 59.
112. Преображенский Е.А. Основной закон... С. 111 - 112.
113. Преображенский Е.А. Основной закон... С. 118 - 119.
114. Преображенский Е.А. Новая экономика. С. 55.
115. Преображенский Е.А. Новая экономика. С. 61.
116. Преображенский Е.А. Новая экономика. С. 75 - 76.
117. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 23.
118. Преображенский Е.А. Основной закон... С. 120.
119. Преображенский Е.А. Основной закон... С. 122.
120. Преображенский Е.А. Новая экономика. С. 36.
121. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 15.
122. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 14.
123. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 15 - 16.
124. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 16.
125. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 19.
126. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 31.
127. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 26.
128. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 27.
129. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 44.
130. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 56.
131. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 58.
132. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 59.
133. Преображенский Е.А. Основной закон... С. 68.
134. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 35 - 36.
135. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 36 - 37.
136. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 37.
137. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 36.
138. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / Под ред. Ф. Энгельса. Т. III. Ч. I. М., 1978. С. 417.
139. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. III. Ч. I. С. 422.
140. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. III. Ч. I. С. 421.
141. Преображенский Е.А. Основной закон... С. 95.
142. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 38.
143. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 38.
144. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 39.
145. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 41.

146. Преображенский Е.А. Закон ценности... С. 42.
147. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 207.
148. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 210.
149. Юровский Л.Н. К проблеме плана и равновесия... С. 226.
150. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие в системе СССР. // Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. 22. С. 28.
151. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие... С. 25.
152. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие... С. 25 - 26.
153. Преображенский Е.А. Новая экономика. С. 67.
154. Преображенский Е.А. Новая экономика. С. 10.
155. Преображенский Е.А. Новая экономика. С. 11.
156. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие... С. 27.
157. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие... С. 26 - 27.
158. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие... С. 59.
159. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие... С. 41.
160. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие... С. 41.
161. Преображенский Е.А. Хозяйственное равновесие... С. 70.
162. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т.1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. 7-е изд-е. М., 1938. С. 13.
163. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика... С. 12.
164. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика... С. 34.
165. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика... С. 247.
166. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика... С. 51.
167. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика... С. 402.
168. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика... С. 295.
169. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика... С. 309.
170. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика... С. 297, 298.
171. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика... С. 309.
172. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика... С. 310.
173. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е изд-е. Пг. - М. 1923. С.194.
174. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 197.
175. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 205.
176. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 250.
177. Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. М., 1959. С. 365.
178. Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. С. 300, 301.
179. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 156.
180. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 252.
181. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 252.
182. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 246 -247.
183. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 253.
184. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 254.
185. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 382.
186. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 95.
187. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика... С. 259, 280.
188. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 84.
189. Более подробно о теоретико-методологическом потенциале концепции больших циклов см.: Черемисинов Г.А. Большие циклы в экономике: исторический опыт, теоретические модели и государственная политика. Саратов, 1993. 55 с.
190. Цит. по: Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. С. 424.
191. Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. С. 367.
192. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 224.
193. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М., 1993. С. 247.
194. Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. С. 376.
195. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 247, 250; Кейнс Дж. М. Избранные произведения. С. 330, 335, 351, 352, 393.
196. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 250.
197. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 183 -194.
198. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 298.
199. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 384.
200. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. С. 226, 234.
201. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 254.
202. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 224.

203. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. С. 323, 324, 473.
204. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. С. 384.
205. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. С. 470.
206. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. С. 514.
207. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. С. 515.
208. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. С. 350-351.
209. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. С. 317.
210. Новожиллов В.В. Недостаток товаров // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 323.
211. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 327.
212. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 320.
213. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 320, 321, 335.
214. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 322.
215. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 320.
216. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 330-331.
217. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 331, 332.
218. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 332.
219. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 333, 334.
220. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 334.
221. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 339.
222. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 336.
223. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 339.
224. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 320.
225. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 323.
226. Новожиллов В.В. Недостаток товаров. С. 329, 333.
227. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. С. 513.
228. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. С. 512.
229. Dobb M. Capitalism, development and planning. New York, 1967. P. 138.

Глава VI

1. Первушин С.А. Основные тенденции товарооборота, перспективы и задачи хозяйственной политики // Вестник финансов. 1927. № 3. С. 7.
2. Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. С. 191, 192.
3. Базаров В.А. “Кривые развития” капиталистического и советского хозяйства С. 57.
4. Базаров В.А. “Кривые развития” капиталистического и советского хозяйства С. 59.
5. Базаров В.А. “Кривые развития” капиталистического и советского хозяйства С. 61.
6. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. М., 1925. Т. 1. Вып. 1. С. 28 – 79.
7. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. М., 1993. С. 203.
8. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 210, 211.
9. Рассчитано по данным: Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 207.
10. Рассчитано по данным: Кауфман М. Итоги и перспективы внешней торговли // Плановое хозяйство. 1929. № 4. С. 81.
11. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 330.
12. Под валовой товарностью понимается объем продаваемой крестьянами (товарной) продукции в отношении ко всей произведенной ими (валовой) продукции. Под чистой товарностью понимается разница между продажей и покупкой сельскохозяйственных товаров крестьянскими хозяйствами.
13. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 342 - 344.
14. Зайцева Л. Земельные отношения в России в начале века и аграрная реформа Столыпина // Экономист. 1994. № 2. С. 89.
15. Столыпин П.А. Речь об устройстве быта крестьян и о праве собственности, произнесенная в Государственной думе 10 мая 1907 года // Столыпин: жизнь и смерть: Сб. публицистики / Сост. А. Серебренников, Г. Сидоровнин. Саратов, 1991. С. 242.
16. Столыпин П.А. Речь о земельном законопроекте и землеустройстве крестьян, произнесенная в Государственной думе 5 декабря 1908 года // Столыпин: жизнь и смерть. Сб. публицистики. / Сост. А. Серебренников, Г. Сидоровнин. Саратов, 1991. С. 281.
17. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 165.
18. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 165.
19. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 349.
20. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 337.
21. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 215, 343.
22. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 170.
23. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 4. С. 57.
24. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 4. С. 56.
25. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 387.

26. Авилов Б. Разрыв между заготовительными и реализационными хлебными ценами // Плановое хозяйство. 1928. № 7. С. 167.
27. Авилов Б. Разрыв между заготовительными... С. 160.
28. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 113.
29. Пистрак Г. Условия реализации сельскохозяйственной продукции // Плановое хозяйство. 1927. № 10. С. 137.
30. Пистрак Г. Условия реализации сельскохозяйственной продукции. С. 137.
31. Гольденберг А.М. Эмиссионные перспективы и сельскохозяйственная кампания // Кредит и хозяйство. 1928. № 11. С. 10.
32. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 123, 124.
33. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 119.
34. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 59.
35. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 119.
36. Радецкий Ф.К. Кредитно-банковская система Союза и перспективы ее дальнейшего развития // Кредит и хозяйство. 1929. № 10. С. 20.
37. Радецкий Ф.К. Текущие проблемы кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 3. С. 19.
38. Кистенев С. Пути к изжитию кризиса краткосрочного кредитования // Вестник финансов. 1929. № 1. С. 27.
39. Радецкий Ф. Ресурсы Госбанка в пятилетней перспективе // Вестник финансов. 1929. № 5. С. 44.
40. Радецкий Ф.К. Текущие проблемы кредита. С. 21.
41. Кистенев С. Пути к изжитию кризиса краткосрочного кредитования. С. 35.
42. Юровский Л.Н. Банки в России и в СССР. С. 415, 416.
43. Лившиц Ф. Итоги реорганизации кредитной системы // Вестник финансов. 1929. № 11 - 12. С. 66.
44. Юровский Л.Н. Банки в России и в СССР. С. 417.
45. Авербах И. К характеристике пассивов кредитной системы СССР // Вестник финансов. 1929. № 9. С. 59.
46. Юровский Л.Н. Банки в России и в СССР. С. 421.
47. Итин М. Проблема накопления торгового капитала // Вестник финансов. 1928. №9. С. 37,38.
48. Вейсброд А. О роли коммерческого кредита в советском хозяйстве // Кредит и хозяйство. 1929 г. № 4. С. 17.
49. Вейсброд А. О роли коммерческого кредита в советском хозяйстве. С. 18.
50. Радецкий Ф.К. Кредитно-банковская система Союза... С. 20.
51. Лоевецкий Д.А. Финансовые проблемы товаропроводящей сети // Кредит и хозяйство. 1929. № 6. С. 29 - 30.
52. Радецкий Ф.К. Кредитно-банковская система Союза... С. 22.
53. Вейсброд А. О роли коммерческого кредита в советском хозяйстве. С. 20.
54. Радецкий Ф.К. Кредитно-банковская система Союза... С. 24.
55. Лившиц Ф. Итоги реорганизации кредитной системы. С. 71, 72.
56. Лившиц Ф.Д. Ссудный капитал в условиях СССР // Кредит и хозяйство. 1929. № 7 - 8. С. 33.
57. Лившиц Ф. Итоги реорганизации кредитной системы. С. 71.
58. Лившиц Ф.Д. Ссудный капитал в условиях СССР. С. 36, 38.
59. Лившиц Ф.Д. Ссудный капитал в условиях СССР. С. 38.
60. Лебедев П. Значение акцизного обложения в современном бюджете // Вестник финансов. 1928. № 11. С. 41.
61. Лебедев П. Значение акцизного обложения в современном бюджете. С. 33, 34.
62. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 480.
63. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 483.
64. Вульф Г. Новая стадия в развитии госкредита СССР // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 4. С. 14.
65. Вульф Г. Новая стадия в развитии госкредита СССР. С. 15, 17.
66. Показатели состояния народного хозяйства СССР // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1928. № 1. С. 7; Шварц М. Некоторые вопросы мобилизации средств населения и сберегательного дела в СССР / Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 3. С. 19.
67. Аболин К. Новые задачи сберкасс // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 3. С. 12.
68. Тверской К. Боевые вопросы транспорта в 1931 г. // Плановое хозяйство. 1930. № 12. С. 185.
69. К XVI съезду партии // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 5. С. 7.
70. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 118.
71. Турецкий Ш.Я. Проблемы издержек производства в процессе ценообразования // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 175 - 176.
72. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 401.
73. Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12.
74. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 399.
75. Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12.
76. Гатовский Л. О соотношениях цен в 1927/28 и начале 1928/29 гг. // Плановое хозяйство. 1928. № 12. С. 55.
77. Лившиц Ф.Д. Ссудный капитал в условиях СССР. С. 39.
78. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 446.
79. Нейман Р. Советская торговля на различных этапах развития... С. 107.
80. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 55.

81. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 447.
82. Вейсброд А. О роли коммерческого кредита в советском хозяйстве. С. 17.
83. Вейсброд А. О роли коммерческого кредита в советском хозяйстве. С. 17.
84. Кириллов И.А. Финансирование промышленности. С. 271.
85. Орловский В. О накоплении товарных запасов. С. 45.
86. Орловский В. О накоплении товарных запасов. С. 43.
87. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 137 - 138.
88. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 451.
89. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 452.
90. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 454.
91. История социалистической экономики СССР. Т. II. С. 481.
92. Кауфман М. Итоги и перспективы внешней торговли // Плановое хозяйство. 1929. № 4. С. 87.
93. Кауфман М. Итоги и перспективы внешней торговли. С. 85.
94. Акуленко В.П. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие // Плановое хозяйство. 1929. № 4. С. 70.
95. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие. С. 66.
96. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие. С. 66, 67.
97. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие. С. 64.
98. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие. С. 66.
99. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие. С. 51.
100. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие. С. 51.
101. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие. С. 57.
102. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие. С. 71.
103. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие. С. 71.
104. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие. С. 72.
105. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие. С. 72.
106. Квиринг Э. Задачи особого квартала // Плановое хозяйство. 1930. № 9. С. 8.
107. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие. С. 62.
108. Эвентов Л. Заработная плата в СССР и в капиталистических странах // Плановое хозяйство. 1930. № 9. С. 146, 147.
109. Железнов В.Я. Накопление в народном хозяйстве СССР. С. 34.
110. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие. С. 74.
111. Акуленко В.П. Направление, темп, равновесие. С. 58.

Глава VII

1. Шанин Л. На путях преодоления нэпа // Плановое хозяйство. 1929. № 9. С. 145.
2. Шанин Л. На путях преодоления нэпа. С. 147.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 469.
4. Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969. С. 24.
5. Dobb M. Capitalism, development and planning. New York, 1967. P. 138.
6. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР // Советская социалистическая экономика 1917 - 1957 гг. М., 1957. С. 303, 304.
7. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 339.
8. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 345.
9. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 341.
10. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 345.
11. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. С. 304.
12. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. С. 307.
13. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 351.
14. Вольф М. План социалистической реконструкции сельского хозяйства на 1931 г. // Плановое хозяйство. 1930. № 12. С. 167.
15. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 352.
16. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. С. 306.
17. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 344.
18. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 352.
19. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 401.
20. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 347.
21. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 377.
22. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 347.
23. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 397, 403.
24. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 354.
25. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. С. 311.
26. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 370.

27. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 371.
28. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. С. 309.
29. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 375.
30. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 124.
31. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. С. 314.
32. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. С. 314.
33. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 378 - 379.
34. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 334, 335.
35. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 338.
36. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 338.
37. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 326.
38. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 379.
39. Шмелев Н.П., Попов В.В. На переломе: перестройка экономики в СССР. М., 1989. С. 67.
40. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. С. 314.
41. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. С. 314.
42. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. С. 315, 317.
43. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 479.
44. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 480.
45. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 478, 479.
46. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. С. 307.
47. Севрук П. Сельхозбанк и его перспективы // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 10 - 11. С. 71.
48. Севрук П. Сельхозбанк и его перспективы. С. 72.
49. Севрук П. Сельхозбанк и его перспективы. С. 72.
50. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 377.
51. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 394 - 395.
52. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 479.
53. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 402, 406.
54. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 403, 407.
55. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 391.
56. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 401.
57. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 397.
58. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 407.
59. Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. С. 84.
60. Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. С. 85.
61. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 405.
62. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 404.
63. Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. С. 85.
64. Куликов Н. Итоги и перспективы производства зерновых культур // Плановое хозяйство. 1932. № 5. С. 43.
65. Шмелев Н.П., Попов В.В. На переломе: перестройка экономики в СССР. С. 77.
66. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 136.
67. Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. С. 95.
68. Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. С. 105.
69. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 169, 170.
70. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 176.
71. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 56.
72. Шмелев Н.П., Попов В.В. На переломе: перестройка экономики в СССР. С. 77.
73. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 57.
74. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 58.
75. Аракелян А.А. Хозяйственный расчет в промышленности СССР. М., 1956. С. 64.
76. Татур С.К. Хозяйственный расчет в промышленности. М., 1964. С. 7.
77. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 270 - 271.
78. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 271.
79. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 292.
80. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 276.
81. Дихтяр Г.Г., Куликов А.Г. Развитие советской торговли // Советская социалистическая экономика 1917 - 1957 гг. М., 1957. С. 439.
82. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 284, 285.
83. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 285 - 286.
84. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 288.
85. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 290.
86. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 291.

87. Струмилин С.Г. Производительность труда в СССР за 40 лет // Советская социалистическая экономика 1917 - 1957 гг. М., 1957. С. 128.
88. Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М., 1983. С. 127.
89. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 53.
90. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 47.
91. Маневич В. Кредитно-финансовая система нэпа и кредитная реформа 1930 г. // Вопросы экономики. 1988. № 7. С. 71.
92. Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 12. С. 127.
93. Жуковская Р. Кредитная реформа и денежное обращение // Плановое хозяйство. 1931. № 1. С. 92.
94. Финансы и кредит СССР. М., 1964. С. 86.
95. Маневич В. Кредитно-финансовая система нэпа... С. 70.
96. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 65, 66.
97. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 476.
98. Шрейбер К.С. Кредитная реформа и долгосрочный кредит // Кредит и хозяйство. 1930. № 4 - 5. С. 9.
99. Шрейбер К.С. Кредитная реформа и долгосрочный кредит. С. 9.
100. Шрейбер К.С. Кредитная реформа и долгосрочный кредит. С. 9.
101. Финансы и кредит СССР. С. 84.
102. Кредитно-денежное обращение на исходе нэпа, с известными оговорками, можно было считать единым рынком денег, поскольку краткосрочные кредиты выполняли в основном денежную функцию обычных средств платежа и в гораздо меньшей степени функцию накопления оборотного капитала.
103. Атлас З.В. Социалистическая денежная система. Проблемы социалистического преобразования и развития денежной системы СССР. М., 1969. С. 283.
104. Князев П. О налоговой реформе // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 9. С. 15.
105. Князев П. О налоговой реформе. С. 15.
106. Дьяченко В.П. История финансов СССР. С. 260.
107. Финансы и кредит СССР. С. 85.
108. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 484.
109. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 156.
110. Рагольский М. Итоги накопления первой пятилетки. С. 152.
111. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 32.
112. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 99.
113. Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. С. 90 - 91.
114. Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. С. 108.
115. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 400.
116. Вл. Кац приводил следующие данные о национальном доходе: 27 436 млн. руб. в 1928 г., 28 485 млн. руб. в 1929 г., 36 198 млн. руб. в 1930 г. См.: Народный доход СССР на новом этапе // Плановое хозяйство 1931. № 1. С. 91. М. Рагольский говорил, что национальный доход равнялся 26 442 млн. рублей в 1928 г., 30 136 млн. руб. в 1929 г., 38 333 млн. руб. в 1930 г., 48 000 млн. руб. в 1931 г. Доля накопления в национальном доходе составляла соответственно 19,4%, 19,6%, 25,7%, 28,1%. См.: Итоги накопления первой пятилетки. С. 142 - 143.
117. Квиринг. Э. Задачи особого квартала. С. 7, 8.
118. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 502.
119. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 173.
120. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 175.
121. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 222, 224.
122. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 174, 214.
123. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 204, 213.
124. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 187, 192.
125. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 157.
126. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 155.
127. Дэвис Р. Кризис советской экономики 1931 - 1933 гг.: некоторые нерешенные проблемы // Экономические науки. 1990. № 1. С. 84.
128. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 467.
129. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 138.
130. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 451.
131. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 139.
132. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 448.
133. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 454.
134. Дихтяр Г.Г., Куликов А.Г. Развитие советской торговли. С. 439 - 440.
135. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 146.
136. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 445.
137. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 172.
138. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 168.

139. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 131, 170.
140. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 172-173..
141. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 140, 166.
142. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 166.
143. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 151, 168.
144. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 150 – 151.
145. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 173.
146. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 147.
147. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 149.
148. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 461.
149. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 171.
150. Атлас З.В. Социалистическая денежная система. С. 262.
151. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 157.
152. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 118, 495.
153. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 122.
154. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 123, 124, 289.
155. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 125-126.
156. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 70, 125.
157. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 128.
158. Бродель Ф. Время мира. С. 45.
159. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 71.
160. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 148, 498, 499.
161. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. С. 407.
162. Дэвис Р. Кризис советской экономики 1931 - 1933 гг. С. 84.
163. Дэвис Р. Кризис советской экономики 1931 - 1933 гг. С. 85.
164. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 311.
165. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 313.
166. История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 309.
167. Дэвис Р. Кризис советской экономики 1931 - 1933 гг. С. 83.

Вместо послесловия

1. Струмилин С.Г. Производительность труда в СССР за 40 лет. С. 126.
2. Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. С. 85.
3. Бродель Ф. Время мира. С. 49.
4. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. С. 45
5. Локшин Э., Виклин С. На путях социалистической индустриализации // Плановое хозяйство. 1932. № 6 - 7. С. 36; История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 111.